Институт К.Маркса и Ф.Энгельса
Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы
под общей редакцией *Д.Рязанова*
Выпуск IV

Альбер Матьез

БОРЬБА с ДОРОГОВИЗНОЙ и СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ в ЭПОХУ ТЕРРОРА

авторизованный перевод с французского

М.-Л.: государственное издательство. 1928. 480 с.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2012

Предисловие написано Давидом Борисовичем Гольдендахом/Рязановым (о нем у нас уже шел разговор: http://vive-liberta.diary.ru/p169889688.htm?oam#more1)
и Цви/Григорием Самойловичем Фридляндом (о нем здесь http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fridl)

Другие работы А.Матьеза в нашей библиотеке:
Французская революция. В 3 тт.
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p107509532.htm
Термидорианская реакция
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm
Как побеждала Великая Французская революция
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p171016452.htm

Материалы о нем см.: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz

Материалы о деятелях ВФР, упоминаемых в этой книге, можно найти на сводных страницах:
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm

О жирондистах:
http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm

О «бешеных»:
***Н.Фрейберг*. Декрет 19 вандемьера и борьба "бешеных" за конституцию 1793 года**
***Я.Захер*. Бабеф и "бешеные"**
***Я.Захер*. К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предыстории социалистических идей**
***В.Марков*. Жак Ру и Карл Маркс (Как появились «бешеные» в «Святом семействе»)**
***Я.Захер*. Движение «бешеных»**
***Т.Солтановская*. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.**
***Я.Захер*. «Бешеные», их деятельность и историческое значение**
***Я.Захер*. Жан Варле во время якобинской диктатуры**
***Я.Захер*. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»**
***Я.Захер*. Последний период деятельности Жака Ру**
***Я.Захер*. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.**
***В.Марков*. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики»**
***Я.Захер*. Последние работы (с предисл.А.Гордона). Общество революционных республиканок 1793 г. и его борьба с якобинцами. Жак Ру в 1792 г. О двух темных местах ранней биографии Жака Ру**
***Г.Серебрякова*. Клер Лакомб**

См. также подборки документов
«ТЕРРОР В ПОРЯДОК ДНЯ!»
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 ГГ.)
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 ГГ.

СОДЕРЖАНИЕ

От Института К.Маркса и Ф.Энгельса
Предисловие к русскому изданию

ВВЕДЕНИЕ
Экономические условия: традиционная регламентация. — Новые течения: экономисты и физиократы. — Кризис 1789 года. Учредительное собрание и дороговизна — Регламентация или свобода?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖИРОНДА И ДОРОГОВИЗНА
Глава первая. **Сахарный кризис в 1792 г.**
Причины вздорожания. — Волнения. — Средства борьбы с кризисом. — Маневр якобинцев.
Глава вторая. **Попытка установления народом нормирования весной 1792 г.**
Хлебный кризис и его причины. Инфляция. — Продовольственные беспорядки. — Репрессии и мероприятия. — Первые теоретики нормировки: Доливье, Робеспьер.

Глава третья. **Попытка регламентации во время первого нашествия (сентябрь—декабрь 1792 г)**

Последствия 10 августа. — Прокламация 4 сентября 1792 г. и ее последствия. — Именем нации. — Законы 9 и 16 сентября 1792 г. — «Аграрный закон». — Жирондистская политика. Ролан. — Восстание рабочих и крестьян осенью 1792 г. — Отмена регламентации. — Причины неудачи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «БЕШЕНЫЕ» И ДОРОГОВИЗНА.

Глава первая. **Бешеные и борьба за максимум (январь—февраль 1793 г.)**

Повышение цен и заработной платы. — Народное движение против экономической свободы. — Жак Ру и Варле. — Программа Бешеных.

Глава вторая. **Попытка нормировки цен народом в Париже в феврале 1793 г.**

Затруднительное положение якобинцев. — Маневр Марата. — Репрессии. — Программа Шомета и Коммуны,

Глава третья. **Голосование первого максимума (апрель—май 1793 г.)**

Положение в марте 1793 г. — Эволюция в политике монтаньяров. — Себастьен Лакруа и Дантон и хлеб в три су. — Камбон и принудительный курс ассигната. — Агитация Бешеных в апреле 1793 г. — Обсуждение и голосование максимума цен на зерно. — Почему монтаньяры приняли максимум.

Глава четвертая. **Применение первого максимума (май—июль 1793 г.)**

Глава пятая. **Бешеные против конституции 1793 г. (июнь 1793 г.)**

Клэр Лакомб и революционные республиканки. — Теофиль Леклерк.— Программа Бешеных после падения Жиронды. — Сопротивление монтаньяров. — Эбер против Бешеных. — Жак Ру хочет дополнить конституцию.

Глава шестая. **Бешеные и волнения по поводу мыла (июнь 1793 г.)**

Жак Ру организует сопротивление. — Беспорядки в Париже. — Обсуждение общего максимума в Конвенте. — Жак Ру у кордельеров. — Коммуна и волнения. — Робеспьер обвиняет Жака Ру в клубе якобинцев. — Жак Ру, отвергнутый кордельерами.

Глава седьмая. **Смерть Марата и принятие закона о барышничестве (июнь 1793 г.)**

Декреты 1 и 5 июля 1793 г. — Жак Ру и Марат. — Убийство Марата и его последствия. — Леклерк и Ру продолжают газету Марата. — Усиление нужды. — Билло-Варенн вносит закон против скупок. — Пожелания первичных собраний. — Движение против максимума.

Глава восьмая. **Агитация в парижских секциях в августе 1793 года**

Дело Кошуа: Управляющий продовольствием Гарен. — Кошуа и агитация секции. — Параллельные действия Жака Ру и Леклерка. — Проекты «сентябрьской резни». — Эволюция Эбера. — Робеспьер против Бешеных. — Агитация в конце августа. — Репрессии.

Глава девятая. **Государственные зернохранилища и общая реквизиция (август и сентябрь 1793 г.)**

Проект Леонара Бурдона. — Проект Шабо. — Закон о государственных зернохранилищах — Хлебная карточка. — Командировка эмиссаров Конвента для снабжения столицы. — Поголовное ополчение. — Общая реквизиция. — Твердые цены на топливо и овес. — Закон 11 сентября 1793 г. — Мотивы Конвента.

Глава десятая. **Провозглашение террора**

Наступление эбертистов. — 1 сентября 1793 г. — Как были увлечены якобинцы. — События 5 сентября. — Результаты.

Глава одиннадцатая. **Конец Бешеных**

Первый арест Жака Ру. — Кампания Бешеных против террора. — Клэр Лакомб обвиняется якобинцами. — Варле против сорока су. — Арест Варле. — Роспуск женских клубов. — Арест Клэр Лакомб и Леклерка. — Процесс и смерть Жака Ру. — Историческая речь Жака Ру.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ДОРОГОВИЗНА

Глава первая. **Принятие общего максимума (сентябрь 1793 г.)**

Комиссия шести. — Диверсия Колло д'Эрбуа. — Вмешательство народа и принятие закона. — Государственные зернохранилища. — Учет и молотьба зерна. - Максимум на зерно. — Продовольственная нужда. — Деятельность эмиссаров Конвента.

Глава вторая. **Введение общего максимума (октябрь 1793 г.)**

Народные приветствия. — Применение закона в Париже. — Фальсификации. — Продовольственная нужда растет. — Закон о максимуме в департаментах. — Критика эмиссара Альбитта. — Мотивы правительства.

Глава третья. **Экономическая диктатура Комитета общественного спасения**

Программа Сен-Жюста. — Политическая и административная централизация. — Экономическая централизация.— Революционная армия. — Кампания Шоссара. — Дюше — Пересмотр максимума. — Продовольственная комиссия. — Барер и реформа закона о максимуме. — Таблицы максимума. — Оба вида централизации.

Глава четвертая. **Борьба с голодом**

Осушка прудов. — Возделывание брошеных земель. — Сельскохозяйственные рабочие. — Регламентация культур. — Официальная пропаганда. — Шометт и вопрос о парках. — Заготовка мяса. — Закупки за границей. — Дороги. — Заключение.

Глава пятая. **Реквизиция зерна**
Внесение арендной платы и налогов натурой. — Государственные зернохранилища в департаменте Дубс. — Законодательство о реквизициях. — Отмена семейного запаса. — Сопротивление реквизициям. — Роль эмиссаров Конвента. — Посредничество Комитета общественного спасения. — Результаты.
Глава шестая. **Ограничения потребления**
«Хлеб равенства». — Хлебная карточка. — Гражданский пост и мясная карточка. — Другие продукты: мыло, масло, сахар, соль и пр. — Контроль над торговлей.
Глава седьмая. **Подавление спекуляции**
Комиссары по борьбе со спекуляцией. — Речь депутата Робера. — Принудительные продажи и домашние обыски. — Административные кары. — Борьба с фальсификациями. — Судебные кары и реформа закона. — Дело Годона. — Революционный трибунал. — Сен-Жюст и Леба. — Законодательство и партии.
Глава восьмая. **Падение эбертизма (вантоз II года)**
Дантонисты и эбертисты. — Политика правительства. — Эбертистская угроза. — Заседания в клубе кордельеров. — Коммуна. — Ответ правительства. — Неполное примирение. — Арест эбертистов. — Заключение.
Глава девятая. **Третий максимум (жерминаль—термидор II года)**
Таблица максимума. — Отставка Гужона и реформа продовольственной комиссии. — Реформа закона против спекуляции. — Упразднение революционной армии.— Разрешения на вывоз. — Отмена реквизиционных зон. — Премии. — Покровительство торговле. — Смягчение репрессий. — Смягчение максимума. — Контроль за производством и торговлей. — Сопротивление реквизициям. — Результаты.
Глава десятая. **Таксы заработной платы**
Периоды. — Повышение заработной платы после падения жирондистов. — Комитет общественного спасения и вопрос о заработной плата. — Рабочие в военных производствах. — Сельскохозяйственные рабочие. — Причины сопротивления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПРИМЕЧАНИЯ

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса приступил к изданию новой социально-исторической библиотеки, посвященной истории пролетариата и его классовой борьбы («Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы»).

Маркс и Энгельс уже в сороковых годах XIX века поставили перед исторической наукой задачу анализировать все формы, в которых пролетариат совершает свою классовую организацию, вырабатывается из эксплоатируемой капиталом массы «рабочих рук» в класс для себя, чтобы на определенной ступени исторического развития организоваться в качестве господствующего класса — диктатура пролетариата — и взять в свои руки контроль над производительными силами общества.

«Положение рабочего класса в Англии» Энгельса и «Капитал» Маркса представляют и до сих пор непревзойденные образцы таких исторических работ. Растущее значение пролетариата, развитие международного рабочего движения, влияние «Коммунистического манифеста» и «Капитала» на идеологию рабочего класса усиливали интерес буржуазной историографии к изучению истории пролетариата. В то время как мы имеем сравнительно небольшое количество работ по истории рабочего класса, написанных марксистами (Шенланк, Бернштейн, Каутский, Меринг и др.), число исторических трудов этого рода, принадлежащих буржуазным историкам, испытавшим на себе прямое или косвенное влияние марксизма, росло с каждым годом. Новым толчком к изучению истории пролетариата и его революционных движений послужила Октябрьская революция, которая впервые дала возможность поставить эту отрасль историко-исследовательской работы на должную высоту. Она открыла исторической науке все архивы для изучения истории русского пролетариата и революционного движения. Она все более и более усиливает интерес к изучению истории пролетариата во всех странах мира. Она превратила эту историю в один из главных предметов преподавания в многочисленных университетах и совпартшколах, непрерывно увеличивая таким образом кадры читателей, интересующихся историей пролетариата и его революционных движений. Она уже создает и создаст еще в большей степени новых молодых историков, которые поставят себе целью сделать для истории эксплоатируемых то, что старая буржуазная историография сделала для истории эксплоататоров.

Именно этих читателей имеет в виду новая социально-историческая библиотека, издаваемая Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса. Она ставит себе целью

дать им ряд научных работ, — как оригинальных, так и переводных, — в которых исследуются различные фазы развития пролетариата. Процесс выделения его из крестьянства и ремесленничества на различных ступенях «первоначального накопления», судьбы его в эпоху промышленной революции, возникновение и развитие различных форм его классовой организации и классовой борьбы, развитие его классового самосознания, роль пролетариата в различных буржуазных революциях, история социалистических и коммунистических движений и партий в различных странах, возникновение и развитие международной организации пролетариата — вот главные темы этих работ.

Не ограничиваясь переизданием лучших работ, уже имеющихся в русской и иностранной литературе, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса вступил в переговоры с рядом русских и иностранных историков, посвятивших себя изучению истории революционных движений и пролетариата. В нашем распоряжении уже находятся несколько работ, которые появятся впервые в нашей серии. В первую очередь для издания назначены следующие работы:

1. *Петрушевский, Д.* — Восстание Уота Тайлера. Третье, вновь переработанное издание. Стр. 415. (Вышла в свет.)

2. *Тарле, Е.* — Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства (от конца империи до восстания рабочих в Лионе). Стр. 278. (Вышла в свет.)

3. *Энгельс, Ф.* — Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. (Печатается.

4. *Матьез, А.* — Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху Террора. Авторизованный перевод.

5. *Марук и др.* — Июньские дни 1848 г.

6. *Домманже, М.* — Виктор Консидеран. (Очерк из истории фурьеризма. Перевод с рукописи.

7. *Коол, Дж.* — Вильям Коббет.

Готовятся к печати:

1. *Кончаловский, Д.* — Братья Гракхи. (Из истории социальных движений в эпоху римской республики.)

2. *Фридолин, П.* — Восстание Чомпи. (Из истории социальных движений во Флоренции XIV века.)

3. *Фридлянд, Ц.* — Ж.-П. Марат.

4. *Красный, С.* — Огюст Бланки.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Новая книга А. Матьеза безусловно одно из наиболее значительных произведений исторической литературы о Великой французской революции. Впервые продовольственный вопрос исследователем трактуется как основная не только политическая, но и социально-экономическая проблема революции. А. Матьез собрал огромный фактический материал о голоде и борьбе с ним во Франции за 1792—1794 гг., чтобы показать нам, как борьба политических течений была теснейшим образом увязана с экономическими отношениями и с классовой борьбой эпохи. Отсюда исключительный интерес автора к народным движениям, к участию трудовых масс в революции, а не только к одной парламентской ее истории. А. Матьез отказался от обычной либерально-буржуазной трактовки революции, как борьбы за наилучшую конституцию. Он дал нам первое серьезное исследование о роли «Бешеных» в революции. А. Матьез пишет о Ж. Ру: «Жак Ру один из первых понял, что начала абсолютной свободы, начертанные на знамени нового законодательства, служат интересам только одного класса в ущерб всему обществу. Он первый противопоставил народ санкюлотов, владеющих только своими рабочими руками, — собственникам, владельцам или скупщикам продовольствия и предметов первой необходимости»...

В книге Матьеза впервые собран огромный фактический материал, который подтверждает схему Маркса, формулированную им еще в 1845 г.:

«Революционное движение, которое началось в 1789 г. в «Социальном клубе», которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа, — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Францию другом Бабефа, Буонаротти».

В этом смысле книга Матьеза, который вовсе не является марксистом, хотя часто говорит языком Маркса, представляет ценнейший вклад в марксистскую историю Великой французской революции.

Естественно, что А. Матьез в своей книге совсем по иному, чем это принято в буржуазной историографии, представил нам и борьбу партий в эпоху Конвента. Он показал нам жирондистов и дантонистов в их действительном виде, как фракции буржуазного класса, рассматривающие революцию с точки зрения создания наи-

лучших условий для капиталистического накопления; он дал нам возможность выяснить классовую природу различных групп единой якобинской коалиции: «болота», робеспьеристов, шометтистов, эбертистов и всех тех, кто стояли правее и левее их. Необходимо отметить, что продовольственная проблема трактуется А. Матьезом не в узком смысле слова, как проблема голода и дороговизны, но нередко и шире, как проблема хозяйственного развития Франции в годы революции, ее капиталистического перерождения. Огромный фактический материал, собранный А. Матьезом с удивительной тщательностью и с особым чутьем подлинного историка, умеющего в мельчайшем факте увидеть то, что делает его типичным для классовой борьбы, дал нам возможность выяснить процессы расширения и углубления товарного хозяйства в стране. Одновременно Матьез показал нам, как в различных областях хозяйства революционное правительство II года пыталось, вынужденное к этому внешней и гражданской войной, наладить плановое регулирование хозяйства. Мы, вместе с тем, уясняем себе, какие силы вели борьбу с этими новыми принципами и как капиталистические тенденции неизбежно победили элементы общественного регулирования хозяйства в конце XVIII века. Эта огромная задача выполнена автором на основе разработки архивных материалов Парижа и провинции. В оборот исторической науки введено множество новых фактов, объединенных живой мыслью автора.

Новая книга А. Матьеза блестяще доказала, что автор окончательно оставил позади себя в деле изучения революции либерально-буржуазную школу Олара: последняя принадлежит прошлому. Детально и систематически разработав один из основных экономических вопросов революции, продовольственный вопрос, А. Матьез показал нам, что дать анализ ее экономической истории значит представить революцию, как историю борьбы классов; он вместе с тем сделал шаг вперед по сравнению с работами Ж. Жореса.

А. Матьез не новичок в исторической науке. Родился он 10 сентября 1874 г. в La Bruyère (департамент Haute-Saône). Много лет он работал как учитель истории в провинциальной и парижской средней школе. Одновременно он работал над историей Великой французской революции. После доцентуры в университетах Нанси и Лиля, он был назначен профессором в Безансон (в 1911 г.) и в 1919 г. в Дижон. В 1926 г. он был допущен для чтения курса истории Великой революции в Парижский университет. А. Матьез — основатель и неизменный председатель «Société des études Robespierristes» (с 1908 г.), редактор журнала «Annales Historiques de la Révolution Française», окончательно затмившего орган Олара «La Rév. Française», где ныне подвизаются российские наследники кобленцских белогвардейцев и где Олар доказывает, что революция конца XVIII в. ничего общего не имеет с нашей революцией.

А. Матьез в ряде работ окончательно разоблачил дантонистскую легенду либерально-буржуазной школы Олара. Дантону он противопоставляет М. Робеспьера, *впадая иногда в противоположную крайность и чересчур идеализируя вождя мелкой буржуазии; он взял на себя защиту революционного правительства*, которое диктатурой и террором обеспечило во Франции победу нового общества. Ряд очерков по истории революции, собранных А. Матьезом в «Etudes Robespierristes», «Autour de Danton», «Autour de Robespierre» и в книгах «L'affaire de la Compagnie des Indes» и т. д., представляет собою богатейший вклад в историю революции.

Удивительно ли, что французская буржуазия встретила в штыки его новую книгу. Реакционная пресса, в первую голову «Temps», орган крупной буржуазии, в ряде статей доказывала, что А. Матьез должен быть лишен кафедры, так как он защищает террор. «Террорист за работой», так называется статья о Матьезе и его книге в «Temps» от 16 марта 1927 г. Что же инкриминируют реакционеры Матьезу? 9 марта «Temps» писал, что Матьез использует изучение прошлого для защиты социалистических экспериментов настоящего, что он говорит о 9-м Термидора, как о катастрофе с точки зрения народных масс, что для него Робеспьер, подобно Ленину, выступает против «привилегий богатства» и, наконец, что А. Матьез защищает максимум. Газета особенно возмущена последним абзацем книги «La vie chère»: «С помощью инфляции французская буржуазия на целое столетие приручила беднейшие классы народа». «Вот, что, — восклицает газета, — преподают в Сорбонне с разрешения государства и под сенью университета в эпоху господства «хищнической» буржуазии». А в статье от 16 марта «Temps» советует Матьезу переименовать свой курс и назвать себя «Professeur unique de l'histoire de la guerre des classes à l'Université de Paris» (единственным профессором истории классовой войны в Сорбонне)...

На этом травля А. Матьеза и научной мысли в республиканской Франции не прекратилась. Не окончилась и его борьба с отечественными реакционерами. В последнем номере своего журнала («Annales Historiques de la Rév. Franç.», № 26) Матьез выступил с резкой критикой выставки Великой революции, организованной Национальной библиотекой при непосредственной консультации А. Олара. Он показал, что для имущих классов Франции революция конца XVIII в. потеряла свое значение, что народ, движущая сила революции, отсутствует на этой выставке. Естественно, что А. Матьез чувствует большие симпатии к СССР и к нашей исследовательской работе по изучению революции.

А. Матьез, конечно, не марксист и не коммунист. Мы не можем, скажем, согласиться с его оценкой М. Робеспьера, он часто забывает, что последний является идеологом мелкой буржуазии конца XVIII века; мы не можем также согласиться с Матьезом, что идеи Ж. Ру служат обоснованием социальной революции, нас не всегда может удовлетворить его трактовка отдельных экономических проблем. Например, при анализе продовольственного дела Франции, как одной из сторон хозяйства, огромный интерес представляло бы выяснение внутренних процессов

перемещения собственности во французской деревне, но об этом Матьез ничего не говорит и даже не ставит этого вопроса. Мы, марксисты, не можем также, наконец, согласиться с утверждениями А. Матьеза, что историческая наука «непартийна», что она лишь объясняет, но не судит о прошлом (см. его речь на отчетном заседании «Société» за 1927 г. и его ответ на статьи Temps», помещенные в «L'Oeuvre»). Однако все это не должно изменить нашего основного вывода: *работы А. Матьеза — новый этап в литературе по истории Великой французской революции, его книга свидетельствует о том, что дальнейшее подлинно-научное исследование революции может быть выполнено лишь при помощи метода Маркса и Энгельса.*

Для нас книга Матьеза имеет еще и другое значение. В ней собран богатейший материал для сравнения с Октябрьской революцией и ее продовольственной политикой. Даже поверхностное знакомство с историей нашего «военного коммунизма», с политикой твердых цен, с организацией продовольственного дела, с практикой наших продкомиссаров вызывает в памяти ряд интересных параллелей и контрастов. Можно сказать, что в книге Матьеза чувствуется сильное влияние не всегда хорошо известной ему практики Октябрьской революции. Многие события — и в этом его преимущество даже над Жоресом, сделавшим так много для социальной истории Конвента — Матьез рассматривает в свете Октябрьской революции. Отсюда и попытка нового объяснения Термидора, отсюда и тенденция превратить Робеспьера в Ленина, но в Ленина, потерпевшего неудачу в деле замены «военного коммунизма» новой экономической политикой, или нэпом Матьез еще не видит, что, разделавшись с «Бешеными» и «эбертистами», Робеспьер лишил якобинскую организацию той поддержки, которую ей оказывали пролетарские элементы города, и тем самым осудил на неизбежное поражение свою «новую экономическую политику», направленную против крупной буржуазии.

Несмотря, однако, на некоторые недостатки, новая книга Матьеза, вместе с историей Конвента Жореса, является теперь основным трудом для изучения социально-экономической истории Великой французской революции.

Перевод сделан Е. Гурвич и Ф. Капелюшем. Примечания составлены А. Бергером.

Д. Рязанов
Ц. Фридлянд.

Май 1928

ВВЕДЕНИЕ.

Экономические условия; традиционная регламентация.

Наши предки в течение многих веков жили в вечном страхе голода. Обеспечение народа продовольствием являлось в те времена первой обязанностью правителей. Так продолжалось до постройки первых железных дорог и пароходов. Прежние администраторы, интенданты, были своего рода агентами снабжения съестными припасами, которым экономические вопросы не были чужды. Современные администраторы, между прочим, многому могли бы поучиться у своих предшественников.

Почему предки наши опасались голода до 1789 года?

Ведь Франция того времени была первой в мире страной по производству хлеба. В обычное время производство слегка превышало потребление. Согласно записке Raymond le Bon, помеченной 1789 г., из 32 составлявших королевство провинций 10 производили больше хлеба, чем потребляли, 10 более или менее удовлетворяли свое потребление, а 12 почти совершенно не собирали хлебных злаков [1]. Наиболее обеспеченными были северные провинции, южные же были «нуждающимися» или необеспеченными.

Обращение, торговля должна была бы перебрасывать хлеб из мест, где он был в изобилии, в те места, где в нем ощущался недостаток. Но обращение было чрезвычайно стеснено. Во-первых, существовали провинциальные заставы и таможни, которые увеличивали издержки. Затем имелось бесконечное множество мер, различных в каждом городе, на каждом рынке, в каждом поместьи. Каждый купец имел даже свою особенную меру. В особенности же дорого стоил транспорт. Внутренняя навигация была еще в первобытном состоянии. Каналы были очень редки. Реки же были судоходны только поблизости моря. Бо́льшая часть хлебов перевозилась сухопутным путем. Конечно, с начала XVIII столетия, в особенности со времени администрации контролера Орри, сеть дорог значительно расширилась Но мощеные дороги обыкновенно не поддерживались: не было дорожных мастеров.

---

[1] J. Letaconnoux, Le commerce de grains au XVIII siècle («Revue d'histoire moderne», t. VIII).

По временам их чинили, пользуясь для этого барщиной, которая являлась тяжелым бременем для крестьян. Проселочные дороги также представляли трудно доступные тропинки. При таких условиях перевозка обходилась очень дорого. Если хлебу приходилось пройти длинный путь до места своего назначения, стоимость его нередко увеличивалась в два, в три и даже в четыре раза [1]. И по этому цена хлеба была чрезвычайно различна. Перевозка не только обходилась очень дорого, она к тому же очень долго продолжалась. Дилижансы проезжали зимой восемь миль в день, а летом десять. Гужевая перевозка товаров происходила еще медленнее. В ожидании прибытия хлеба местности могли испытывать голод. Обращение затруднялось еще благодаря совершенно несносительным опасениям народа, который инстинктивно сопротивлялся всякой скупке зерна. Довольно часто были случаи разграбления магазинов и рынков. В случаях паники фермеры прятали свой хлеб, и голод наступал не вследствие недостатка съестных припасов, а из страха испытать этот недостаток.

Что же делало правительство для устранения призрака голода?

Оно силилось увеличить производство. Освобождением от налогов на многие годы оно старалось поощрять распашку земли. Через своих интендантов оно пропагандировало новые культуры, например картофеля, люцерны. Оно покровительствовало сельскохозяйственным обществам, которые стали основываться в главных городах начиная с 1760 года [2]. Но развитие земледелия шло медленно. Только крупные землевладельцы обладали достаточными капиталами для применения рациональных методов земледелия. И сельскохозяйственные общества объединяют только очень крупных землевладельцев. Артур Юнг в своем знаменитом «Путешествии» говорит, что французское земледелие приносит гораздо меньше дохода, чем английское, благодаря отсутствию орудий, удобрения и достаточного количества скота. Картофель в 1789 г. составлял второстепенную культуру, он еще не мог составить серьезного элемента питания. Рожь составляла основу народного питания. Белый хлеб являлся для него предметом роскоши.

Несмотря на усилия интендантов и обществ сельского хозяйства, производство накануне революции не могло быть в достаточной мере интенсифицировано, чтобы устранить всякое опасение голода. Распространенный везде способ оставления полей под паром оставлял добрую треть возделываемых земель непроизводительными. Площадь, засеваемая пшеницей, исчислялась в 1789 г. в одну две-

[1] Перевозка мюи хлеба из Руана в Париж водои обходилась в 25 ливров 13 су. Тариф же перевозки сухим путем составлял 13 су с мили с тысячи единиц веса (J. Letaconnoux, Les transports en France au XVIII siècle. «Revue d'histoire moderne», 1909).

[2] Первое сельскохозяйственное общество во Франции было сельскохозяйственное общество в Бресте, которое было основано в 1756 г. Парижское общество было основано в 1761 г.

надцатую часть территории. Среднее производство составляло тридцать пять миллионов гектолитров, т. е. семь с половиною гектолитров с гектара [1]. В настоящее время сбор по крайней мере вдвое больше.

Правительство, которое не сумело увеличить в значительной степени производство, даже и не пыталось серьезно уничтожить препятствия, мешавшие обращению. Оно принуждено было прибегать к регламентации для справедливого распределения драгоценного предмета питания. Торговля хлебом не была свободна [2]. Земледельцы, мельники, булочники, судебные чиновники не могли быть в то же самое время *хлебными торговцами* (blatiers), т. е. торговцами зерновым хлебом. Последние, чтобы заниматься своим опасным ремеслом, должны были предварительно запастись разрешением, которое выдавалось судебными чиновниками. Они обязаны были вести список своих операций, который полиция имела право потребовать в любой момент. Им запрещено было составлять между собой общества из опасения барышничества. Они должны были снабжать рынки, а вместе с тем им запрещено было свободно там покупать. Они могли делать там свои закупки только начиная с определенного часа, после того как булочники и жители успели уже сделать свои покупки. Но даже и в специально предоставленный им час торговцы всегда были на подозрении у властей и находились под их надзором. Так, 4 июня 1789 г. те, которые посещали рынок в Бурбуре, явились предметом следующего донесения:

«Чиновники фиска этого места указывают господам бургомистрам, старшинам и keurheers (т. е. *людям de la Keur или хартии коммунальных свобод*) города и сеньёрии Бурбура, что махинации, проделываемые торговцами хлебом на рынке этого и соседних городов, немало содействовали вздорожанию хлеба, потому что, посещая эти рынки, они прекращают продажу или украдкой сказанными словами, или подмигиванием, или кивком головы, так что торговцы ожидают часа, когда эти купцы могут покупать, жители же и булочники принуждены платить им непомерно высокую цену, которая увеличивается с каждым базарным днем; махинации эти незаметно приведут к нужде, увеличивающейся с каждым днем; общественное благо требует в настоящий момент самого строгого надзора; представители фиска именем короля требуют, господа, для прекращения этих злоупотреблений при данных обстоятельствах, чтобы объявлено было специальное запрещение всем хлебным торговцам без различия покупать какие бы то ни было хлеба на этом рынке во всякое время и чтобы им запрещено было даже проходить по рынку, появляться здесь, под страхом штрафа в сто ливров и ареста и задержания их чинами полиции, если это приезжие купцы; и запрещение это должно быть в силе до ближай-

[1] G. Bourgin, L'agriculture, la classe paysanne et la révolution française («Revue d'histoire des doctrines économiques», 1911, p. 8 du tirage à part).

[2] О деталях этой регламентации смотри книгу Афанасьева Условия хлебной торговли во Франции в XVIII века. («Le commerce des céréales en France au XVIII siècle».

шего 1 сентября; наш приказ должен быть прочитан для всеобщего сведения и опубликован в первый базарный день до открытия торговли и расклеен в обычно предназначенных для этого местах» [1].

Бургомистр и эшевены Бурбура немедленно издали соответствующий этому требованию приказ, который прекрасно характеризует дух времени.

Рынок был единственным местом, где могли производиться покупки, даже частными лицами, потому что только там власти могли осуществлять свой контроль. Проданный хлеб вымеривался официальными мерильщиками, которые покупали свои должности. Покупки на дому были строго запрещены и карались штрафом и даже телесными наказаниями, если преступление совершено было ночью. Точно так же запрещено было отправляться навстречу земледельцам, возившим свое зерно на базар, и покупать на дорогах; запрещено было также покупать хлеб на корню или в снопах.

Из этого правила было сделано одно только исключение по отношению к снабжению продовольствием столицы. Королевскими приказами определялся сперва район в восемь, затем в десять миль кругом Парижа, где парижским торговцам и булочникам запрещалось покупать. Раз попав в эту зону в десять миль, хлеба не должны были оттуда выходить. Но взамен этого парижские купцы могли покупать во всей Франции, даже вне рынков. Они должны были только запастись пропуском для увоза своих покупок.

Когда наступал час закрытия рынка, земледельцы, которые не закончили продажи своих товаров, не могли увозить их обратно. Они должны были оставлять их на рынке, где они хранились в складах до следующего базарного дня и должны были обязательно быть пущены в продажу. После того как земледелец при открытии рынка объявил свою продажную цену, он не мог больше ее повышать. Эта регламентация имела, очевидно, целью принудить владельца продать свой хлеб в продолжение времени торговли, защитить, следовательно, потребителя. Регламентация торговли булочных была составлена в том же духе. Булочники обязаны были делать запас зерна и муки. У них всегда должен был быть выставлен печеный хлеб. Они не имели права отказываться от продажи. Они подвергались обыскам. Цена хлеба и мяса устанавливалась полицией и сеньериальными судьями на основании точно установленных рыночных цен и должна была быть выставлена. Булочники и мясники имели право продавать только на вес.

Регламентации подвергалась не только торговля, ей подвергалось также и производство. Фермерам и крестьянам-собственникам было запрещено хранить в своих житницах хлеб больше двух лет. Их заставляли часто делать декларации,

[1] Georges Lefebvre, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues pendant la Révolution, t. I, p. 92

которые проверялись обысками. Ложные декларации строго наказывались. Г-н Афанасьев приводит случай некоего Левека, синдика, т. е. мэра, маленького городишки Лорри в Гатинэ, который был в 1709 г. приговорен к каторжным работам за подобного рода преступление.

В нормальное время, когда хлеба было много и когда он был дешев, эта мелочная регламентация применялась довольно милостиво. Но как только на рынке оказывалось мало хлеба, власти становились бдительными и придирчивыми. Интенданты два раза в год, до и после жатвы, составляли описи, *оценки*, как их называли, которые знакомили министра с положением. Как только продовольствие становилось затруднительным, реквизиции налагались на главных собственников зерна, чтобы принудить их привезти на рынок известное количество мер. Это была принудительная продажа. Следующая степень — продажа по тарифу Интенданты или даже суды, бальяжи (феодальные суды) и парламенты устанавливали максимальную цену каждого вида зерна. Запрещалось фабрикантам *крахмала делать крахмал, водочным мастерам делать можжевеловую водку* и т. д.

Амбары сеньеров и духовенства, где хранились запасы, скоплявшиеся от десятины, до известной степени играли роль государственных зернохранилищ. В случаях нужды их открывали по распоряжению властей, и содержимое их продавали на рынке. В городах, где не существовало такого источника, муниципалитеты или правительство заменяли их составлением запасов, которые они продавали дешево, ниже рыночной цены. Людовик XV, который боялся мятежей в Париже, заключил в конце своего царствования, в 1765 г., договор с компанией Малиссе, которая обязалась иметь в своих складах для продовольствия столицы запас минимум в 40 000 сетье пшеницы. Эта «королевская пшеница», как ее называли, выбрасывалась на рынок в большом секрете, когда хлеба становилось мало, и он был дорог. Договор с Малиссе, плохо понятый и извращенный, впоследствии послужил причиной возникновения легенды о Людовике XV, моримем население голодом (affameur), и о «договоре голода» (pacte de famine). Сам Тюрго, такой завзятый сторонник свободы торговли, заключил в октябре 1775 г. подобный же договор с братьями Лелэ из Корбейля. Этот договор был возобновлен в 1782 и в 1787 гг. За вознаграждение в 96 700 ливров братья Лелэ обязывались доставлять ежегодно на парижский рынок 31 000 мешков муки. Этот запасный хлеб, накоплявшийся благодаря правительственной предусмотрительности, обыкновенно закупался в Прибалтике и в Гамбурге, или же на Востоке и в варварских странах. При малейших грозных признаках нужды вывоз местных хлебов строго воспрещался.

Новые течения: экономисты и физиократы.

Это постоянное вмешательство государства в хлебную торговлю повело к покровительству потребителя за счет производителей. Потребителями были не только городские ремесленники, но и деревенские батраки, в то время гораздо

более многочисленные, чем в наши дни. Эти батраки получали ничтожную заработную плату, иногда меньше 10 су в Бретани. Если хлеб стоил больше трех су фунт, они не могли существовать.

В течение долгого времени никто не боролся с регламентацией: она казалась чем-то вроде дела помощи, христианского дела. Регламентация старалась осуществить понятие о справедливой цене, которое единогласно было принято в средние века. Но начиная с середины XVIII столетия регламентация становится предметом все более резких нападок школы физиократов, с одной стороны, и школы экономистов, с другой стороны.

Физиократы защищают интересы производителей, так как они утверждают, что земля является источником всякого богатства. Они хотят улучшить способы обработки земли, добиться того, чтобы почва Франции давала лучшие урожаи. Поэтому нужно, чтобы земледелец мог извлекать справедливую выгоду из своих трудов, чтобы власть не имела права ограничивать или уничтожать эту выгоду, так как это убило бы всякую инициативу и всякое улучшение. Физиократы превозносят право собственности. Они рассматривают ее как нечто священное! И поэтому они на практике противопоставляют право индивида праву государства. «Надо поддерживать полную свободу торговли,— говорит Кенэ,— ибо самая верная, самая правильная и самая полезная для нации и для государства политика внутренней и внешней торговли состоит в полной свободе конкуренции» [1].

Экономисты школы Тюрго другими путями приходят к тем же заключениям. Они убеждены, что существуют естественные законы обращения и распределения богатств, и они утверждают, что государство должно уважать эти естественные законы, возможно менее вмешиваясь в их действия. *Laissez faire, laissez passer*! Они восхваляют благодеяния свободы торговли, неограниченной конкуренции. Они отрицают противоречия между интересами производителей и потребителей. Вздорожание съестных припасов, по их мнению, должно фатально вести к повышению заработной платы. Это одновременное двойное повышение увеличит производство, а следовательно, и богатство. В последнем счете оно облегчит существование бедных, которые, зарабатывая больше, найдут больше возможностей прокормиться. И Тюрго, подобно Кенэ, говорит: «Каковы бы ни были софизмы, которые может привести частный интерес нескольких коммерсантов, все же верно, что все отрасли торговли должны пользоваться свободой, одинаковой свободой, полной свободой» [2].

Этот экономический либерализм, так хорошо гармонировавший с политическим либерализмом, вошедший в моду благодаря философии вёка, имел быстрый

[1] «Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole», 1758, maxime XXV.

[2] Тюрго — аббату Террэ: «Sur la marque des fers», 1773.

успех среди избранного общества. Этот успех объясняется не только той привлекательностью, которую всегда имеет новая доктрина, не только литературной ценностью защищавших ее писателей, он объясняется причинами менее благородными. Имущие классы, которые владели землей и занимались торговлей и промышленностью, ненавидели регламентацию, ограничивавшую их доходы и стеснявшую их спекуляции. Они, может быть, искренно верили в социальные достоинства свободной конкуренции, но они прекрасно понимали, что свобода торговли увеличит их могущество.

Бедные классы, которые не изучали философии, восставали против новых доктрин. Их положение не только не улучшалось, но все более и более ухудшалось в годы, предшествовавшие революции. Цены съестных припасов беспрерывно и быстро росли, рост же заработной платы далеко не поспевал за ними! Мелкие фермеры, производившие хлеб только для собственного пропитания, также жаловались, потому что арендная плата их значительно повысилась. Заботы о съестных припасах и опасения голода не только не исчезали или не уменьшались, но, наоборот, с каждым днем становились более гнетущими.

Между тем потребители, которые в течение многих лет встречали неограниченную поддержку со стороны правительства и администрации, теперь стали замечать, что поддержка эта становится все слабее, что регламентации больше не придают значения, что она применяется очень слабо, с перерывами и почти без всяких принципов. Экономический либерализм не только завоевывал избранное мыслящее общество и капиталистические классы, но он вместе с Тюрго проникал в самую глубь правительства, его, как символ веры, исповедывали интенданты, число которых увеличивалось с каждым днем. Уже два раза, сперва в 1763 г., а затем в 1774 г., регламентация была отменена и провозглашена свобода хлебной торговли. Правда, это были два неудачных опыта. В 1763 г. провозглашение свободы торговли повлекло за собой повышение цен всех съестных припасов. Имели место бунты, грабежи, и пришлось быстро вернуться к старому законодательству. Тюрго в 1774 г. натолкнулся на такие же трудности, на такое же сопротивление, и он пал в результате «мучной войны», которую вызвали его эдикты весной 1775 г.

Либеральные экономисты объясняли это двойное поражение махинациями привилегированных классов и недостаточным народным образованием. Они не хотели понять, что реформа, которая задевала общественные чувства, которая вызвала беспокойство народа за его хлеб насущный и покровительствовала интересам производителей за счет потребителей, которые до тех пор пользовались исключительным покровительством, — что подобного рода реформа не могла быть введена ни в один день, ни даже в течение многих лет. Экономический либерализм был для них догматом, всеобщей панацеей. И они не теряли надежды когда-нибудь осуществить его.

Кризис 1789 года.

То обстоятельство, что революция вспыхнула и восторжествовала в 1789 г., не было простой случайностью. В 1788 г. был очень плохой урожай. Весенние заморозки, слишком сухое лето, градобития и проливные дожди повредили жатве, которая местами[1] дала половину обычного сбора. Нужда начала чувствоваться понемногу повсюду уже с конца зимы. Таким образом беспокойство народа за его съестные припасы совпало с созывом Генеральных штатов, политический кризис увеличился еще благодаря обостренному экономическому кризису. «Если бы хлеб был дешев, — говорит один автор [2], — не произошло бы, может быть, грубого вмешательства народа, которое было необходимо для ниспровержения старого строя, и буржуазия не так легко бы восторжествовала».

Учредительное собрание тем более воспользовалось кризисом, что оно не несло ответственности за преодоление его, потому что преобладающее влияние на правительство оно приобрело только с перенесением его из Версаля в Париж в дни 5 и 6 октября 1789 г., которые именно и были вызваны недостатком хлеба в столице.

Первый министр Неккер, который был эмпириком, прибег к традиционным мерам, чтобы успокоить возбуждение народа. 7 сентября 1788 г., как только он констатировал неудовлетворительный урожай, он приостановил вывоз хлеба. Затем он велел закупить за границей большое количество зерна, которое он продавал по мере необходимости, чтобы понизить рыночные цены, быстро выросшие вдвое. В то же самое время назначением премий он поощрял ввоз. Наконец, в самый острый момент кризиса, 23 апреля 1789 г., он разрешил судьям и полицейским чиновникам посредством реквизиции принуждать владельцев хлеба доставлять на рынки продукты и совершать проверку товаров и обыски. Власти получили строгие приказы защищать свободное внутреннее обращение для облегчения снабжения продовольствием нуждающихся областей.

Как эти меры были применены и какое они произвели действие, мы узнаем из двух опубликованных документов: документа Ж. Лефевра относительно дистрикта Берг в приморской Фландрии и документа Ш. Лорена о дистрикте Шомон. Мы имеем также краткую статью Эврара о продовольствии в Эре.

---

[1] Напр. в Эре. См. F. Evrard, Les subsistances dans l'Eure de 1788 à l'an V («Bulletin de la commission d'histoire économique de la Révolution», 1900). Г-н Эврар слепо принимает тезис либеральной экономии, что приводит его к замечательным противоречиям. Он утверждает, что народ в городах радовался отмене регламентации, но этот же самый народ в Верноне задерживал съестные припасы, предназначенные для Парижа!

[2] Georges Lefebvre, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues sous la Révolution, t. I, p. XXXVIII.

В приморской Фландрии весной происходили народные «волнения», в особенности в городах: в Гондшуте (Hondshoote) 22 марта, в Берге 6 апреля, в Дюнкирхене 11 апреля. Рыночные цены достигли максимума в конце июня. Произведены были ревизии. Муниципалитеты могли потребовать от крестьян доставления продуктов на рынки. Это и произошло в валлонской Фландрии. Но в приморской Фландрии предпочли предложить крестьянам делать это добровольно и выдавать премии тем, кто будет привозить хлеб в города.

Трудность заключалась в защите свободного обращения. Несмотря на применение вооруженной силы, этого не всегда можно было достигнуть. Так, например, субделегат Дего (Dehau) 27 марта писал интенданту: «Мне сообщили, что в последнее воскресенье произошли волнения в Гондшуте, что хотели разграбить судно с хлебом, предназначавшимся для рынка этого города. Но так как бальи этого города г. де-Сент-Илер велел его выгрузить и распределить хлеб между теми, которые его просили, то все успокоились». Таким образом последнее слово принадлежало мятежникам Гондшута.

Спустя несколько дней, 7 апреля, тот же самый суб-делегат писал интенданту, что народ разбил стекла у торговца хлебом в Берге. Пришлось призвать военную силу, чтобы очистить дом и помешать грабежу. Подобного рода факты не являлись исключением. К счастью, в начале лета в Дюнкирхен прибыл хлеб, закупленный за границей. Власти пустили его в продажу, как обычно, с убытком. Волнения мало-по-малу прекратились, но они возобновились с новой силой, когда стали известны события 14 июля. Городская буржуазия с восторгом приветствовала взятие Бастилии. Она водрузила трехцветное знамя и образовала национальную гвардию и бессменные комитеты, нечто вроде революционных муниципалитетов, которые заседали рядом со старыми аристократическими муниципалитетами и мало-по-малу вытеснили их. Но народ также воспользовался уроком 14 июля. Он стал требовать дешевого хлеба и начал грабить дома наиболее ненавистных купцов и эшевенов. Чтобы успокоить народ, «магистрат» Берга должен был распорядиться 26 июля продавать бедным запасный хлеб ниже рыночной цены. В Дюнкирхене накануне народ определил цену хлеба на рынке в 30 ливров за разьер, и через пять дней муниципалитет должен был легализовать эту таксу.

В Шомоне дела не многим от этого отличались. Интендант Шампани Рулье д'Орфейль приказал с 1 апреля делать обыски, которые должны были производиться в присутствии полицейских судей, синдика и 4 нотаблей. Город Шомон 14 апреля постановил заключить заем для покупки запасного зерна с целью перепродажи его на рынке. 2 мая собралась толпа, которая потребовала, чтобы город продал свой хлеб по максимальной цене, которую она установила. Город должен был уступить из опасения грабежа. Буржуазная милиция, которую он призвал, не хотела повиноваться или поддерживала требования толпы. За 14-м июля после-

довал целый ряд беспорядков. Вот в какой форме интендант сообщает о них министру в своем письме от 23 июля:

«Разрешите, милостивый государь, воспользоваться этими первыми минутами для сообщения вам о том сильном брожении, которое началось в моем округе, как только распространился слух о революции в Париже. Восстание охватило почти все города. В Труа народ восстал в последнюю субботу под предлогом дороговизны зерна. Муниципальные и полицейские чиновники подвергались как бы осаде в городской думе. Мятеж немножко успокоился в воскресенье вечером, но на следующий день опять начался, а сегодня утром я узнал, что спокойствие еще не восстановлено. Города Лангр, Жуанвиль и Сен-Дизье представляют такие же печальные картины. Народ особенно восстает против королевских сборщиков податей; сборщики (commis aux aides) подвергались сильным оскорблениям, были даже попытки сжечь бюро и записи сборщиков»...

В Шампани. как и во Фландрии, буржуазия завладела властью, чтобы прекратить беспорядки. Она образовала бессменный комитет и национальную гвардию, из которой она исключила «всех подмастерьев и рабочих» под тем предлогом, что их «время чрезвычайно дорого вследствие необходимости употребить его, чтобы существовать» [1].

Учреждение национальной гвардии было не столько популярной мерой, сколько гарантией против беспорядков и грабежей имуществ.

В Шомоне, где не было, как во Фландрии, хлеба, ввезенного морским путем, урожай был собран не без трудностей. Как только урожай был снят, бальяж приказал фермерам доставить десятину, а крупным собственникам немедленно обмолотить свой хлеб и привезти его на рынок. В случае отказа исполнить это постановление, бальяж разрешал муниципалитетам принудить их к этому «даже под страхом штрафа в сто ливров или какой-либо другой меры принуждения, согласно необходимости». Начиная со следующего дня, 31 августа, город Шомон стал посылать индивидуальные требования скупщикам десятины. Неделю спустя город решил предложить премию в пять су с четверика каждому крестьянину, который привезет хлеб на рынок. До конца октября все еще опасались беспорядков.

В Эре, очень плодородной местности, цена хлеба все же удвоилась весной и летом. После 14 июля бедняки разгромили податные присутствия, сожгли все списки и принудили как старые, так и новые власти назначить таксу на хлеб в два су за фунт, когда он продавался по три или четыре су, и в тридцать шесть ливров за мешок зерна, когда рыночная цена была выше шестидесяти ливров. В Эврё мельникам было предписано делать только один сорт помола, одинаковый для всех, который должен был давать одну меру отрубей на шесть мер зерна. Волнения постепенно улеглись, и все вошло в норму в ноябре.

[1] Письмо Рульо д'Орфейля, цитированное уже раньше.

Самым трудным временем было время между старым урожаем и новым. Молотьба происходила очень медленно, потому что она производилась цепом. До зимы земледельцы были заняты пахотой, посевом, отавой и т. д., им некогда было молотить.

На основании того, что происходило в тех трех районах, относительно которых у нас имеются монографии, во Фландрии, в Шампани и в Эре, мы можем судить о том, как относился народ к вопросам продовольствия. Народ, — а под народом я имею в виду всех тех, которые живут своим трудом, от сельских пролетариев до городских ремесленников, — народ, который не производит хлеб, но который его потребляет, инстинктивно относится враждебно к свободной продаже и к свободному обращению. В регламентации он видит защиту и гарантию. Он желает, чтобы была такса, и, когда он может, он заставляет ее ввести.

Оправдывался ли чем-нибудь народный инстинкт?

Несомненно, опасаясь недостатка хлеба, крестьяне прятали свой сбор, что было одной из причин голода. Препятствия, которые толпы народа чинили свободному обращению, грозили вызвать голод в городах. Экономисты были правы, говоря о панике. Не менее верно, что абсолютная свобода торговли, если и была полезна производителю и хлебному торговцу, фактически была вредна горожанам, потребителям, которые должны были платить дороже за предметы первой необходимости. Г-н Лефевр хорошо это видел. «Крестьянин, — говорит он, — получает непосредственную прибыль только в том случае, когда он может располагать излишком, между тем как купец всегда в выигрыше: во время голода — благодаря премированному или непремированному импорту, во время изобилия — благодаря экспорту и морскому транспорту. Таким образом народ чувствовал, что не общее благо интересовало бо́льшую часть сторонников свободы... Так как правительство предоставляло свободу крестьянам и торговцам, оно обязано было кормить народ, когда цена жизненных припасов становилась непомерно высокой». «Многие деревенские и городские жители,— писал 20 июля 1789 г. субделегат Дюнкирхена,— говорили мне самому, что, так как они платят пошлины и налоги магистрату, последний обязан их кормить во время бедствий и когда у них нет средств платить такие высокие цены; что они не могут умирать с голоду вместе со своими детьми» [1]. Одним словом, инстинкт народа противопоставлял право на жизнь праву собственности.

Учредительное собрание и дороговизна.

Учредительное собрание было знакомо с народными настроениями. В большей части наказов (cahiers de doléances), переданных его членам во время выборов, высказывалось требование о сохранении регламентации. Но Учредительное собрание решило, что члены его не будут пользоваться императивными мандатами.

[1] G. Lefebvre, I, p. XXIX.

Составленное из крупных землевладельцев и богатых буржуа, оно почти целиком проникнуто было экономическим либерализмом. В декларации прав человека оно высказало абсолютное уважение к праву собственности. Чтобы обеспечить существование народа, оно полагало достаточным сохранение запрещения экспорта зерна, изданного еще Неккером, и провозглашение абсолютной свободы продажи и обращения зерна во всем королевстве. Этот декрет, вотированный 29 августа 1789 г., постоянно беспокоил Неккера и короля. Они откладывали в течение целого месяца его обнародование, без сомнения, потому, что они боялись, что не будут иметь возможности снабдить продовольствием города, если будет объявлена свобода продажи. Применение декрета опять отменяло реквизиции, наложенные интендантами и их агентами, уничтожало таксы, которые многие бессменные комитеты вынуждены были ввести.

Кроме того, если будет существовать свобода продажи, если нельзя будет более, как до сих пор, принуждать скупщиков хлеба доставлять его на рынки, то легко было предвидеть повышение цен, а это повышение принудило бы казначейство, закупавшее с целью перепродажи с убытком, к новым и тяжелым жертвам. Но Собрание заупрямилось. 18 сентября 1789 г. вторичным голосованием оно подтвердило свой предыдущий декрет и потребовало санкции его. Людовик XVI и Неккер исполнили это через три дня.

Но гораздо легче было законодательствовать на бумаге, чем заставить применять закон. Волнения продолжались. Париж одно время, в сентябре и в начале октября, находился в очень тяжелом положении. У булочных часами стояли длинные хвосты. Наконец парижане отправились походом на Версаль, чтобы привести оттуда «булочника, булочницу и подручного».

После перенесения Собрания и двора в Париж волнения продолжались до тех пор, пока не обмолочен был урожай. В среду 21 октября депутация Парижской коммуны сообщила Собранию о кровавой сцене, только что разыгравшейся в городской ратуше.

Один булочник, по имени Франсуа, отказал в продаже хлеба одной женщине; последняя взбунтовала толпу, которая ворвалась в его лавку и нашла три черствых хлеба, которые рабочие спрятали для себя, и шесть дюжин свежих булочек, предназначенных для депутатов Собрания, по соседству с которым находилась булочная Франсуа. Толпа тотчас же схватила несчастного булочника и потащила его в городскую думу. Он пытался оправдаться перед муниципальными чиновниками, которые допрашивали его. Он говорил, что обыкновенно он пек десять раз в день, что еще накануне он дал муки собратьям по ремеслу, испытывавшим в ней недостаток. Но нетерпеливая толпа с женщинами во главе ворвалась в городскую думу, оттолкнула стражу, схватила Франсуа, убила его и понесла его голову на пике.

После этого убийства Парижская коммуна потребовала от Собрания издания закона военного времени, на основании которого можно было бы силой разгонять

сборища. Закон был вотирован на следующий день, 22 октября. Муниципальные чиновники получили право вызывать национальную гвардию, жандармерию и регулярные войска. Перед мятежниками должны были развертывать красное знамя. Сперва толпе делалось предупреждение, а затем действовала вооруженная сила. Если мятежники оказывали сопротивление после предупреждения, они приговаривались к трем годам тюрьмы, если были безоружны, и к смертной казни, если были вооружены.

Этот репрессивный закон, которому почти один только Робеспьер пытался оказать сопротивление, мог быть действительным при одном только условии, — если бы муниципалитеты и войска следили за его исполнением. Но во многих случаях, в особенности в деревнях, власти вступали в договор с мятежниками, которые сопротивлялись вывозу зерна, а национальная гвардия отказывалась повиноваться требованиям. Не прошло еще недели с того времени, как был вотирован военный закон, как Бальи явился в Собрание и сообщил ему, что агент парижского муниципалитета, г. Плантер, которому поручена была охрана складов зерна в Верноне, дважды рисковал быть повешенным в этом городе. Своим спасением он был обязан только мужеству молодого англичанина Нешема, который перерезал веревку. Парижская коммуна присудила англичанину гражданский венок, первый, который был присужден при революции.

Учредительное собрание так сильно чувствовало, что его законодательство встретит трудности при применении, что оно вотировало декреты за декретами, инструкции за инструкциями, чтобы подтвердить сущность этого законодательства и оправдать его в глазах народа. За декретами 29 августа и 18 сентября 1789 г. последовали декреты 5 октября и 16 ноября 1789 г., 2 июня, 12 августа, 15 сентября 1790 г. [1]. Еще в конце своей деятельности, 22 июля 1791 г., Учредительное собрание опять провозгласило абсолютную свободу продажи и угрожало увольнением муниципальных чиновников, которые установят таксу на вино, на рожь и другие хлеба. Один из его последних декретов, декрет 26 сентября 1791 г., разрешает вознаграждение собственникам зерна, ставшим жертвами грабежей.

Результатом этой законодательной деятельности была отмена всякой регламентации. Торговля зерном и торговля хлебом стала свободной, подобно всякой другой торговле. Из старого законодательства осталось только разрешение муниципалитетам устанавливать таксу на хлеб и на мясо.

Хлебные торговцы (blatiers) не подвергались больше никаким стеснениям. Они могли покупать непосредственно у частных лиц. Однако некоторые муниципалитеты пытались оспаривать у них это право. Так, например,

[1] Эти декреты можно найти у Duvergier, Recueil des lois. Многие из них отсутствуют в сборнике П. Карона о торговле хлебом («Bulletin de la commission d'histoire économique de la Révolution», 1906, № 2—3).

муниципалитет города Берга еще 7 декабря 1789 г. запретил агенту Парижской коммуны, по имени Делеклюзетт, покупать в деревнях и хотел заставить его приходить на рынок только по истечении времени, предоставленного жителям, и времени, предоставленного булочникам. Муниципалитет писал 30 ноября 1789 г. военному министру Ла-Тур-дю-Пэну: «Если господин Делеклюзетт сам или его комиссионеры будут разъезжать по фермам, то не подлежит сомнению, что фермеры не преминут спрашивать более высокие цены, чем те, по которым хлеб продается в настоящее время; и через короткое время цены значительно увеличатся, как только станет известно, что не надо непременно продавать на рынках... Мы считаем необходимым повторить, что наш город погибнет, если больше не будет рынков, а это неизбежно произойдет, если будет разрешено покупать в деревне»... Неккер поспешил успокоить муниципалитет города Берга относительно важности покупок агента Парижской коммуны, но тем не менее он не объявил своих ограничений незаконными.

Под предлогом того, что закон ничего не говорил об отмене учета товаров, обысков и реквизиций, некоторые общины продолжали издавать приказы о них. Так, в Ришбуре, близ Шомона, в ожидании сбора урожая 1790 г. община издала 15 июля приказ о производстве обысков в домах и о составлении протоколов этих обысков. На следующий день муниципалитет приказал скупщикам зерна оставить определенное количество для нуждающихся в приходе. Он установил цену реквизированных таким образом съестных припасов. Нотариус этого города, господин Д., присужден был дать семь бушэ ржи и четыре ячменя, «несмотря на то, что жена его предлагала только жолуди всякому, кто хотел купить зерно». Жена нотариуса, считая эти слухи компрометирующими, отказалась подчиниться реквизиции, «хотя покупатели предлагали уплатить стоимость серебром», а не ассигнатами. Муниципалитет применил силу [1].

Нужно было бы обладать большим количеством документов, чтобы определить, в какой мере применялось либеральное законодательство, провозглашенное Учредительным собранием, и в какой мере старая регламентация пыталась пережить его.

Надо кроме того заметить, что новый режим экономической свободы не был всеобщим. Не говоря о запрещении вывоза, которое сохранилось, цена зернового хлеба устанавливалась свободным действием спроса и предложения. Муниципалитеты многих городов, в особенности столицы, продолжают покупать хлеб, который они продают с убытком, как только рыночные цены сильно поднимаются. Это вмешательство властей нарушает режим свободной конкуренции и смягчает несколько ее остроту. Бедные потребители всегда пользуются защитой. Разница состоит лишь в том, что вместо защиты, доставляемой установлением таксы только за счет производителей, теперь защита эта оказывается административным порядком за счет муниципальных финансов.

[1] См. тексты у Lorain.

Регламентация или свобода?

Что произошло бы, если бы регламентация была отменена во время большого экономического кризиса, весной и летом 1789 г.? Достаточно ли было бы закупок за границей и ввозных премий, чтобы предохранить городское население от голода? В какой мере существовавшая тогда регламентация облегчила задачу властей? Вот что трудно с уверенностью сказать. Но надо по крайней мере констатировать, что, во-первых, регламентация не в силах была помешать народным волнениям и, во-вторых, отмена ее не усилила кризиса, скорее наоборот. Но этот второй факт приобретает все свое значение, только если мы примем во внимание, что отмена регламентации произошла после жатвы и что в 1789 г. был хороший урожай. Изобилие съестных припасов, повидимому, гораздо больше, чем достоинство либерального законодательства, смягченного кроме того боязнью закона военного времени, положило конец кризису. Это доказывается тем, что волнения возобновились с новой силой через два года, когда урожай был плохой. Тогда потребители опять потребовали регламентации, реквизиций и установления таксы. Учредительное собрание не могло заставить народ поверить в экономический либерализм. Но ему посчастливилось взять власть в такой момент, когда кризис 1789 г. уже почти окончился. Оно могло, благодаря этому обстоятельству, издавать законы без большой опасности. Урожай 1790 г. по качеству и по количеству даже превзошел урожай 1789 г. В течение двух лет, до конца 1791 г., вопрос о хлебе даже не поднимался. Цены на хлеб постепенно падали и упали ниже двух су за фунт. На рынках опять воцарилось спокойствие; редко происходившие грабежи ставились в вину аристократам. Значительные запасы ставили даже в затруднительное положение муниципалитеты.

Сторонники экономической свободы могли вообразить, что факты доказали основательность их доктрины. Тюрго мог бы торжествовать. Но достаточно было угрозы войны и посредственного урожая, чтобы опять поставить под сомнение все законодательство, вотированное Учредительным собранием, и чтобы вызвать экономические волнения, которые, быть может, превзошли волнения 1789 г. Любопытно, что весной 1792 г. сам пролетариат прибег к старой регламентации, практиковавшейся при монархии, и попытался воскресить ее как орудие освобождения или по крайней мере защиты.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИРОНДА И ДОРОГОВИЗНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

САХАРНЫЙ КРИЗИС В 1792 Г.

Режим экономической свободы, введенный Учредительным собранием согласно с доктринами физиократов, подвергся жестокому испытанию зимой 1791—1792 г., даже еще до объявления войны между революцией и Европой. Два кризиса разразились один за другим: сахарный кризис и хлебный кризис; первый ограничился одним Парижем, второй охватил всю Францию. В обоих этих кризисах под видом антагонизма партий проявился антагонизм классов, под видом различия доктрин — различие интересов. Впервые передовые элементы народной партии, те, которые позднее составили партию монтаньяров, потребовали в виде защиты, сперва робко, потом с большей смелостью, возвращения к старой монархической регламентации, которую революционная буржуазия отменила за два года до этого. Правда, либеральное законодательство временно осталось еще в силе, но в глазах масс оно уже потеряло свое значение. Жирондисты оказались между двух огней: с одной стороны, интересы буржуазии диктовали им защиту экономической свободы, а с другой — интересы политической борьбы заставляли их щадить народ, поддержка которого была необходима против фельянов и двора. При таком противоречивом положении они могли успокоить волнения только паллиативами и всякого рода диверсиями, среди которых была также и война.

Причины вздорожания.

В начале революции Франция по производству сахара была первой страной в мире. Сахар шел тогда целиком из колоний. Мартиника, Гваделупа, в особенности же Сан-Доминго были покрыты обширными плантациями сахарного тростника, которые обрабатывались черными рабами. Английские или голландские колонии, Ямайка, Ява, по своему сбору далеко отставали от наших. «Все колонии, вместе взятые, принадлежавшие различным государствам Европы, не производили и половины того сахара, который доставляла одна французская колония Сан-Доминго» [1].

[1] Речь Моннерона, прочитанная Камюсе в заседании 24 января 1792 г.

Сахар-сырец превращался в рафинад в наших гаванях Бордо, Нанте, Гавре, которые тогда переживали эру большого благоденствия. Сахар, очищенный глиной, который уже в самих колониях подвергался некоторому рафинированию, снова вывозился за границу. Цена сахара, очищенного глиной, была приблизительно в два раза больше цены сахара в сыром виде. Жирондист Дюко, депутат Бордо, очень хорошо осведомленный благодаря своему положению, говорил, что Франция не потребляет даже восьмой части производимого ею сахара. Остальной сахар снова вывозился [1].

Англия, которая по производству сахара занимала второе место, относительно потребляла уже больше сахара, чем Франция.

«Общее благосостояние ее жителей, — говорит Дюко, — сделало употребление сахара более всеобщим и более значительным, чем у нас». Во Франции сахар был еще почти неизвестен крестьянам, которые продолжали употреблять мед для подслащения своего напитка, как в средние века. Но городская буржуазия, которая все более привыкала к кофе, потребляла все возраставшие количества колониальных товаров. Париж всегда шел впереди всей страны. В Париже не только буржуазия, но и народ ежедневно потреблял сахар и кофе. Себастьен Мерсье в своей «Картине Парижа» говорит, что рабочие семьи уже привыкли употреблять к завтраку кофе с молоком. Сведение это подтверждается аббатом Саламоном, папским интернунцием, который 23 января 1792 г. писал кардиналу Зелада: «Этот продукт стал предметом первой необходимости, потому что нет сапожника, прачки, базарной торговки, которые не пили бы каждое утро чашки кофе с молоком».

В январе 1792 г. сахар во Франции вдруг быстро поднялся в цене. От 22—25 су за фунт он в течение нескольких дней дошел до маленького экю, т. е. до трех франков. Лавочники говорили, что причиной этого вздорожания являются волнения в Сан-Доминго. В самом деле, летом 1791 г. ужасная гражданская война опустошила сахарный остров. Причиной этой гражданской войны, которой можно было бы избегнуть, были полумеры, непоследовательность и неувязка в работах Учредительного собрания. Революционная буржуазия не сумела сделать выбора между идеализмом декларации прав и своими классовыми интересами. Она не осмелилась затронуть вопрос о рабстве. Более того, она не осмелилась дать политические права освобожденным мулатам и неграм, свободным цветнокожим, из которых многие сами были рабовладельцами; белые плантаторы требовали этих прав для себя как исключительной привилегии. Изгнанные из колониальных собраний, лишенные избирательного права, свободные цветнокожие призвали рабов к восстанию. Мулат Оже, вождь последних, был побежден и казнен посредством колесования. Но у него нашлись мстители. Восстание возобновилось и приняло ужасные формы. Разъяренные африканцы чинили невероятные зверства. В некоторых местах они

[1] Речь Дюко 24 января.

сжигали амбары и дома, схватывали своих хозяев и подвергали их жестоким и утонченным пыткам.

Портовые купцы забили тревогу, потому что их интересы до известной степени были солидарны с интересами плантаторов. 10 ноября 1791 г. торговая депутация из Бордо просила Законодательное собрание послать войска в Сан-Доминго: «Рассказывать вам о несчастьях, разоряющих эту драгоценную колонию, это значит рассказывать вам о наших собственных несчастьях, это значит описать вам горе и печаль всех приморских городов; тот же удар может постигнуть наши другие владения в Америке, он может убить главную отрасль национальной промышленности и иссушить самый богатый источник общественного кредита». Жирондисты, которые тогда представляли народную партию, своим избранием были обязаны торговой буржуазии. Они попытались взвалить ответственность за волнения на своих политических противников, на фельянов, на Барнава и его друзей, которые лишили гражданских прав свободных цветнокожих. Они попытались добиться примирения между всеми колониальными владельцами без различия цвета. Они потребовали восстановления мулатов в их политических правах. Но, как и фельяны, они не решились коснуться вопроса о рабстве.

Таково было положение вещей, когда внезапно вздорожал сахар.

Вздорожание было явным образом связано с гражданской войной в колониях. «Размер обмена между Францией и островами был так велик, что одно только опасение уничтожения или хотя бы временной приостановки, или просто сокращения этой торговли сильно волновало умы и нарушало интересы» [1]. Опасение, что пострадает сбор с плантаций, могло содействовать повышению цен.

Однако парижские потребители не признавали это объяснение удовлетворительным. Они видели, что не было недостатка в товаре. Наоборот! Аббат Фоше утверждал 21 января 1792 г. в Собрании, «что имеются большие запасы этого товара, так же, как и кофе. Церковь Сент-Оппортюн, а также церкви Сент-Илер и Сен-Бенуа полны им». Эти церкви были закрыты и, как национальные имущества, подлежали продаже. Они были куплены спекулянтами, которые превратили их в склады. Через два дня после этого, 23 января, секция Гобеленов в представленной Собранию петиции настойчиво утверждала, что причиной вздорожания является спекуляция, скупка:

«Разве только для того драгоценная масса граждан (бедняков), достойная вашего отеческого попечения, принесла столько жертв, чтобы видеть, как ее продовольствие пожирается изменниками? Разве она вооружалась только для охраны подлых скупщиков, которые находят, что общественные силы существуют лишь для защиты их разбоя? Пусть не говорят нам, что опустошение наших островов является единственной причиной недостатка колониальных товаров! Их нена-

[1] J. Jaurès, La Législative, p. 994.

сытный ажиотаж, вот что скрывает от нас сокровище изобилия, чтобы показать нам только отвратительный скелет голода. Этот ужасный призрак исчезнет, если вы откроете огромные и тайные склады, устроенные в этом городе в церквах, в помещениях для игры в мяч и в других общественных местах, в Сен-Дени, в Пекке, в Сен-Жермене и в других соседних со столицей городах. Обратите ваше отеческое внимание на Гавр, Руан и Орлеан, и вы убедитесь, что у нас есть все, что в наших складах хранятся запасы всякого рода продовольствия по крайней мере на четыре года».

Эти утверждения никем не оспаривались. Мы можем считать их достоверными. Январский кризис 1792 г. был вызван не недостатком товара. Товар этот имелся в изобилии. Допустим, что некоторую роль здесь играла боязнь уменьшения будущего урожая плантаций; однако и тут мы должны привести точное вычисление газеты Бриссо, который в номере от 25 января пишет: «Если даже предположить, что 200 сахарных заводов были сожжены, что̀ является преувеличением, то это не составило бы и шестой части обычной продукции Сан-Доминго; и заметьте, что если амбары и были сожжены, то ведь не сахарный же тростник». Итак, Бриссо считал, что даже и в будущем не следует опасаться недостатка этого товара. Отсюда надо сделать вывод, что волнения в колониях послужили предлогом для спекуляции, приведшей к внезапному и чрезмерному повышению цен.

Владельцы огромных — устроенных в закрытых церквах и монастырях — складов сахара и кофе, конечно, далеко не все были аристократами. Многие из них принимали участие в революции на стороне народа. Среди них был один старый член Учредительного собрания, провансалец Дандре, который играл выдающуюся роль в клубе якобинцев в 1790 и 1791 годах и начал приближаться ко двору только после бегства в Варенн, когда республиканское движение внушило ему страх перед демократией; депутат Парижа в Законодательном собрании, банкир Боскари, компаньон которого Шоль был членом якобинского клуба; банкир Лаборд, тоже старый член Учредительного собрания, который был членом клуба якобинцев; банкир Лекультэ и др.[1] Народная масса не преминула отметить, что теперь ее вместо прежних привилегированных эксплоатирует новая аристократия, вышедшая из самой революции. Ее раздражают богатства новых богачей, которые она помогала создавать, разрушая Бастилию. И она спрашивает себя, не одурачена ли она.

Во время этого кризиса уже не было Марата, направлявшего и разжигавшего ее ненависть. «L'Ami du Peuple» (Друг народа) перестал выходить 15 декабря. Он вновь стал выходить только 15 апреля, когда кризис уже миновал. Но Марата заменил Эбер, газета которого «Le Père Duchesne» (Отец Дюшен) стала выразителем народного гнева.

[1] Лекульт», Лаборд и Лерш упоминаются в письме Саламона от 23 января 1792 г.

«Множество болтунов,— говорит Эбер в № 14,— стоит во главе общественного мнения, делает вид, будто служит интересам народа, одной рукой ласкает его, а другой наносит ему удары. Чорт возьми! Неужели мне никогда не удастся схватить ни одного такого болтуна и расправиться с ним по заслугам? Неужели эти подлецы спекулянты воображают, что они одни останутся безнаказанными? Как? Мы раздавили дворянство, членов парламентов, духовенство, и пощадим эти темные души? Трепещите, чудовища! Настанет день, когда гнев народа, доведенный до предела, даст вам почувствовать действие ужасного, но справедливого наказания. *Может ли сердце не кипеть злобой, когда видишь эти великолепные дворцы, построенные на слезах несчастных?* Эти подлецы делали вид, что стоят во главе революции, говоря, что защищают свободу. На самом же деле они защищали свое золото».

Эти призывы оказывали тем большее действие, что они били прямо в точку и были выражены народным языком, образным и сочным, вызывавшим восторг в предместьях. Эбер также бил прямо в цель, когда ставил вопрос, какие выгоды извлек народ из великого политического переворота, который был бы невозможен без его участия. В № 83 мы читаем:

«Я надеялся, чорт возьми, что после уничтожения ввозной пошлины я буду иметь возможность каждый день покупать несколько лишних бутылок вина, но ничуть не бывало, чорт возьми. Вино вовсе не стало лучше, дешевле; оно так же дорого, как было и до сих пор, и так же отравляет нас. Я думал еще, что нам сбавят цены на другие продукты, но бакалейщик Дандре и его собратья решили, что мы должны платить такую же цену за перец».

А за сахар они заставляли платить в три раза дороже!

«Как, чорт возьми! Неужели мы ничего не выиграли от уничтожения застав? На нас наложили новые налоги, а мы будем платить все те же пошлины за съестные припасы!» (№ 83).

И Эбер уже говорил о насильственном захвате (№ 68).

Толпа повторяла рассуждения Эбера. Мы находим их дословно в петиции против скупщиков сахара, представленной секцией Гобеленов в Законодательное собрание в самый разгар волнений, 23 января: «Отмена ввозных пошлин сулила нам счастливое будущее; она открывала нам обетованную землю; мы надеялись уже вступить в нее; но буря, вызванная эгоизмом и алчностью, как будто удалила нас от нее, вы должны рассеять эту бурю; вот в чем состоят наши требования».

Впрочем, газета Эбера не была единственной, которая возбуждала народ против скупщиков. Большая газета типографа Прюдома «Les Révolutions de Paris» (Парижские революции) вела такую же кампанию. Газета «Les Révolutions de Paris» доносила, называла имена главных скупщиков: Дандре, который накопил большие запасы сахара «на золото цивильного листа», в компании с Сино и Шарлеманем; Лелэ и К°, «уже слишком хорошо известных», которые держали кофе и

сахар «в небольших королевских конюшнях и у некоего господина Полонь, содержателя похоронных карет, на улице Chapon-au-Marais, а также в другом складе в «Сен-Жерменском аббатстве»; банкира Лаборда, заключившего большой заем из 4%, чтобы получить необходимый капитал; купца Кабаниса, улица du Cimetière Saint-Nicolas; Гомара и братьев Дюваль, улица Saint-Martin и т. д. [1].

Газета «Les Révolutions de Paris» прямо говорила, что спекуляции с сахаром скрывали в себе политический маневр. Двор хотел довести парижан до отчаяния, лишив их продукта, к которому они привыкли; он хотел их заставить сожалеть о старом режиме, вызвать у них озлобление против Собрания и против Петиона, нового демократического мэра, занявшего место Бальи в ноябре 1791 г., натравить их против национальной гвардии и использовать кровавый конфликт, чтобы начать эру репрессий.

Что некоторые аристократы радовались экономическим волнениям, в которых сахар служил предлогом, это не подлежит ни малейшему сомнению. Ходили слухи, что Петион, который в то время был кумиром якобинцев, сам скупщик, и Петиону пришлось протестовать против этой клеветы в полном горечи и негодования письме, которое обошло всю прессу.

«Вот уже две недели, как люди, которые жаждут анархии и ниспровержения современного порядка вещей, не перестают пускать в меня ядовитые стрелы. Народ сильно ропщет против чрезмерной дороговизны сахара и других съестных припасов, и вот эти господа нашли очень удобным тотчас же превратить меня в крупного негоцианта и отъявленного спекулянта, а затем имеют наглость говорить и громко повторять, что у меня есть большие склады. Я прошу тех, кому они будут повторять эту нелепую клевету, спросить, где находятся эти склады, и указать хотя бы один, в котором я был бы хоть на грош заинтересован» [2].

Легко понять, что волнения поставили Петиона в щекотливое положение. По своей должности он должен был заставлять уважать закон, защищать собственность, а с другой стороны, он должен был беречь свою популярность и популярность своей партии. Его колеблющееся поведение вытекало из ложного положения, в которое он был поставлен.

Волнения.

Волнения начались в пятницу 20 января и продолжались целую неделю [3]. Были моменты, когда они приобретали характер бунтов. Жители предместий Сен-Марсо и Сен-Дени врывались толпами к оптовым торговцам бакалеей, взламывали

[1] № 133, 21—28 января 1792 г

[2] «Moniteur» du 24 janvier. Réimpression, t. XI, p. 199.

[3] Доклад Петиона Законодательному собранию, заседание 24 января («Archives parlementaires»); письмо аббата Саламона от 23 января; «Courrier» Горса; «Révolutions de Paris» и т. д.

двери и заставили некоторых продавать свой товар по 22 су за фунт, т. е. по той цене, которая была до дороговизны. В ночь с пятницы на субботу был подожжена каторжная тюрьма. В час пополуночи ударили в набат. Пожар угрожал всему кварталу. «Еще неизвестно, — говорил спустя три дня Петион, — возник ли этот пожар случайно, или же он был следствием заранее обдуманного намерения». Пожар каторжной тюрьмы удалось потушить, но утром волнения опять возобновились. Жители предместья Сен-Марсо собрались толпой у магазина сахара, принадлежавшего торговому дому Бескари и Шоль, и разбили стекла. Петион и Манюэль отправились на место происшествия с национальной гвардией. Они предложили толпе избрать для изложения своих требований делегацию из 12 человек. Делегация признала скупщиков виновными и предложила мэру принять решительные меры к понижению цены сахара. Петион дал ей понять, что «волнения, нарушившие торговлю, не только не приведут к понижению цен, а, наоборот, скорее увеличат их»; он прибавил еще, что не в его власти устанавливать таксу на товары, но что закон «дает им в руки мирное и достойное свободных людей средство, а именно право петиций; что они могут спокойно собраться и изложить свои жалобы». Этот совет внес некоторое успокоение.

В воскресенье 23 января были приняты серьезные меры к восстановлению порядка. Но это не помешало тому, что один бакалейный торговец в предместьи Сен-Дени под давлением толпы принужден был продавать сахар по 24 и 26 су за фунт. Сборища увеличились к полудню. Секция Гравильеров, состоявшая преимущественно из мелких ремесленников, отправилась в мэрию, секция же Гобеленов—к Национальному собранию. Петион говорил Гравильерам, что «враги общественного блага стараются вызвать большие волнения, восстановить одних граждан против других и, в особенности, вызвать столкновение между национальной гвардией и жителями и что следует вести себя благоразумно, чтобы избежать западни». Он закончил, как и накануне, советом воспользоваться правом петиций. Но речь его не имела уже такого успеха. Тогда он созвал чрезвычайное собрание муниципального совета, на котором было постановлено расклеить на стенах воззвание к парижанам, предостерегающее их против аристократов и указывающее, что продолжение беспорядков будет иметь неизбежным результатом голод в столице, так как ни один купец не захочет ничего ввозить в нее из опасения грабежа [1]. В это время волнения усилились на центральных улицах, Saint-Martin, Cimetière Saint-Nicolas, Chapon и des Gravilliers. Двери магазинов были взломаны, стекла разлетелись вдребезги, национальная гвардия с трудом держалась. «Народ пытался ее обезоружить, одного командира батальона схватили за шиворот и нанесли ему сильные оскорбления» (Петион) [2]. Один бакалейщик при-

[1] Эта прокламация опубликована в № 133 газеты «Révolutions de Paris».

[2] Газета «Révolutions de Paris» говорит, что такому обращению подвергся командир батальона Трините. Ему сломали шпагу и потащили его в ручей.

нужден был продать сахарный песок по десять су фунт. Петион и муниципальные чиновники отправились на места происшествия для увещевания толпы. На следующую ночь частные дома были освещены по распоряжению властей.

Беспорядки повторились еще в понедельник 24-го в предместьях Сен-Дени, Сен-Мартен и Сент-Антуан. «Требовали уже не сахара, а хлеба, мяса и вина по 8 соль вместо 12» (Саламон). Но на этот раз муниципалитет уже не ограничился одними увещеваниями. Петион был призван в Собрание для отчета о положении. Он решился издать строгий приказ национальной гвардии. Аристократ аббат Саламон констатирует, что последняя «исполнила свой долг». Толпы были рассеяны, и бакалейные торговцы спасены.

Как только начались волнения, которые продолжались пять дней, находившиеся в наибольшей опасности или наиболее осторожные торговцы заключили между собой нечто вроде договора о взаимном страховании и гарантии; Горса опубликовал его в своей газете:

«Принимая во внимание, что при этих бурных обстоятельствах торговля может понести большие убытки, нижеподписавшиеся купцы постановили прийти на помощь друг другу как для сохранения своего имущества, так и для сохранения кредита; ввиду этого нижеподписавшиеся постановили устроить подписку на известную сумму, которую они жертвуют в общих интересах, чтобы защитить имущество и кредит купца от всяких случайностей...» [1].

Этот любопытный акт страхования от грабежа помечен 21 января 1792 г.

Бакалейные торговцы кроме того не упускали случая действовать на общественное мнение и на власти. Дандре и его два компаньона, Сино и Шарлемань, отрицали в письме в газеты, будто они скупили огромное количество колониальных товаров:

«Мы заявляем, что у нас в Париже есть только один магазин, в котором мы живем все трое, rue de la Verrerie, № 37. Мы заявляем, что у нас есть только очень небольшое количество колониальных товаров, совершенно не соответствующее размерам нашей торговли и нашему положению... Мы предлагаем тому угодно представить доказательства противного. Впрочем, разбойники публично заявили, что им нужен не сахар господина Дандре, а его голова» [2].

Банкир Боскари, у которого были выбиты стекла, обратился с следующим любопытным письмом прямо к Собранию, прося у него защиты:

«Я не ожидал, господин президент, что стану объектом народной ярости. Я никогда никому не делал зла; когда мог, я делал добро. *Никто больше меня не отдавался делу революции.* Постоянно, на военных и гражданских постах я первый защищал имущества, которым угрожала опасность, а теперь в опасности мое имущество. Я надеюсь, что народ, опомнившись от своего заблуждения, воздаст мне уважение и справедливость, которых я во всех отношениях заслуживаю...» [1].

[1] Buchez et Roux, t. XIII, p. 98.

[2] Его письмо, помеченное 23 января, напечатано в «Moniteur» от 29-го.

В письме этом чувствуется тягостное недоумение. Боскари и купцы, которые подобно ему «отдались» революции, вдруг увидали, что за той революцией, которой они служили, происходит другая, внушающая им страх. Трибуны ответили насмешками и ропотом на чтение его письма.

Собрание переслало письмо исполнительной власти.

В том же заседании Законодательное собрание получило еще одну просьбу о защите, в совершенно другом тоне и в другом стиле. Жозеф-Франсуа Дельбе [2] не жалуется и не умоляет, он угрожает и провоцирует. Его петиция представляет настоящий вызов:

«Вчера утром одна секция столицы, допущенная в заседание (это была секция Гобеленов) с декларацией прав человека в руках, требовала закона против барышничества, в особенности против скупок колониальных товаров, в которых начинает чувствоваться недостаток. Сегодня я, постоянный житель, отец семейства, сам заявляю, что я принадлежу к числу тех людей, которых стараются сделать ненавистными, потому что они считают себя в праве располагать законной собственностью. Я, господин президент, бывший собственник значительных поселений на этом несчастном острове, который, может быть, уже не существует. Мои владения разгромлены, мои поселения сожжены, но мой последний сбор, отправленный еще до беспорядков, благополучно прибыл сюда. И я заявляю, что еще до сентября месяца получил две тысячи фунтов сахара, одну тысячу фунтов кофе, 100 тысяч фунтов индиго и 250 тысяч фунтов хлопка. Эти товары находятся в Париже в моем доме и в моих складах, но никогда не будут спрятаны, потому что гражданин, занимающийся промышленностью, не будет краснеть за то, что он руководил отличными предприятиями, доставлявшими благосостояние его отечеству. Эти товары в настоящее время стоят 8 миллионов. Согласно существующим ценам, они должны уже стоить больше 15 миллионов. Я очень жалею, господин президент, тех, которые так мало уважают представителей народа, что требуют от них декретов, посягающих на священное право собственности, но я выражу им большее почтение, отдавая свою собственность под защиту их принципов. И я заявляю Национальному собранию, которое читает мое письмо, и всей Европе, которая слышит этот адрес, что я определенно не желаю в настоящее время продавать ни по какой цене товары, владельцем которых я состою. Они принадлежат мне: они представляют суммы, которые я затратил в другом полушарии, земли, которые принадлежали мне и которых у меня больше нет. Одним словом, это все мое состояние и состояние моих детей. Может быть, я найду нужным наделить их саха-

[1] Это письмо было прочитано в заседании 26 января 1792 г.

[2] У Buchez et Roux — Дельбек (t. XIII, p. 105).

ром и кофе. Но во всяком случае факт тот, что я не хочу их продавать ни по какой цене, и я громко повторяю это, чтобы на этот счет не было никакого сомнения. Но вместе с тем, пострадав от пожара в Америке, я не хочу быть ограбленным во Франции. Чтобы испытать благородство конституции, чтобы убедиться, до какой степени она может гарантировать собственность, я заклинаю здесь власть оказать защиту гражданину, который не заставляет никого отдавать ему свое имущество, но который хочет целиком сохранить то, что он накопил. Соблаговолите, господин президент, отдать распоряжение г. мэру поставить достаточную стражу у моих магазинов, причем я считаю справедливым оплатить расходы».

Таким образом этот колонист признавал, что у него имеются большие количества сахара, он заявлял, что не хочет продавать его ни по какой цене и что он спекулирует на повышение. То, что народ называл скупкой, он считал законным и нормальным пользованием правом собственности! Его петиция вызвала сильный ропот, и Собрание переходом к очередным делам указало, что не одобряет ее. Один депутат, по имени Доризи, заподозрел, что письмо за подписью Дельбе являлось только аристократической махинацией, имевшей целью подлить масла в огонь:

«Я требую, чтобы депутат Национального собрания, знающий Дельбе, встал и подтвердил Собранию, что этот граждани действительно существует. Я должен прибавить, что я спрашиваю не только Собрание, но даже и присутствующих в Национальном собрании. Что до меня, то я отрицаю его существование».

Никто не ответил на запрос Доризи. Псевдо-Дельбе, такой говорливый и такой надменный прежде, после этого больше ничего никому не сообщал.

Этот инцидент, на мой взгляд, доказывает существование аристократических махинаций, которые жирондистская пресса усматривала в восстании. Переплетение экономической проблемы с политической борьбой затрудняло выход из кризиса.

Средства борьбы с кризисом.

Народное решение было просто, слишком просто. Оно заключалось в простом возвращении к регламентации, практиковавшейся при старом режиме. Газета «Les Révolutions de Paris» в таких выражениях пыталась ответить на вызов предполагаемого Дельбе:

«Жозеф-Франсуа Дельбе, или те, для кого он служит ширмой, в отомщение за восстание его негров в Сан-Доминго хочет осудить парижан постоянно видеть пред глазами две тысячи фунтов сахара и обходиться без него; но что он скажет, если народ, поймав его на слове, напишет на дверях его складов, а также на других складах съестных припасов, злостно изъятых из обращения:

Salus populi suprema lex esto [1].
Волею народа
продаются две тысячи фунтов сахара
по 30 су за фунт.

«Ибо надо сознаться, разве справедливо, чтобы трудящееся и бедное население в 600 000 душ было лишено какого-либо продукта питания из-за того, что какой-нибудь дюжине мстительных или жадных субъектов вздумается закрыть свои склады или в сто раз увеличить свои барыши? А если эти собственники бесцеремонно пренебрегают правилами честности и принципами гуманности, то можно ли вменить в преступление народу желание на один момент пренебречь бессильными законами гражданского общества?»

Газета затем приводит текст строгого приказа, изданного в 1539 г. королем Франциском I против скупщиков, которых он присуждал к конфискации их имущества и съестных припасов.

В своей петиции от 23 января секция Гобеленов пыталась оправдать обязательную продажу, если не установление таксы, ссылкой на декларацию прав.

«Эти подлые скупщики и их гнусные капиталисты говорят нам, что конституционный закон государства ввел свободу торговли. Но может ли оно требовать разрушительного закона на основании основного закона, который говорит в параграфе 4-м Прав человека: «Свобода заключается в возможности делать все, что не вредит другому», а в параграфе 6-м: «Закон имеет право запрещать те действия, которые вредны другим»? Итак, мы спрашиваем вас, наши представители, законодатели, разве скупка предметов первой необходимости и продажа их на вес золота не причиняет вреда другому?»

Петиция Сент-Антуанского предместья, представленная 26 января, точно так же говорит:

«Мы указываем вам здесь всех скупщиков всякого рода: все, до предметов первой необходимости, находится в руках этих жадных убийц народа. Эти разбойники говорят о собственности; но разве эта собственность не является преступлением, оскорблением нации?.. Мы ждем от вас, что вы будете столь мудры, что издадите репрессивный закон, но такой справедливый, что он обеспечит имущество честных купцов и обуздает скупость тех купцов, которые готовы были бы, пожалуй, скупить все, вплоть до костей патриотов, чтобы продавать их аристократам... *(Смех и рукоплескания)*»

Замечательно, что петиционеры формально не требовали принудительной продажи и установления таксы. После краткого теоретического обоснования их они кончали требованием, чтобы был издан закон против барышничества.

[1] Благо народа есть высший закон.

Эта умеренность облегчила задачу Законодательного собрания. Оно обещало петиционерам изучить закон, которого они требовали. Но оно никогда не вотировало этого закона. Жирондист Дюко, делая вид, что он поддерживает предложение, сам дал своим коллегам понять, почему не следует спешить:

«Впрочем, бедствия, которыми скупщики мучат народ, будут иметь естественный конец: будьте в этом уверены: этот вид ажиотажа сам себя уничтожит своею собственною жадностью. Дороговизна съестных припасов сократит потребление. Наступление срока платежей по заключенным ими обязательствам, благодаря этим неудачам, заставит их открыть свои запасные магазины, и вы увидите, что в обращение поступят все те продукты, которые были ими изъяты из него. Большая конкуренция приведет к внезапному падению, и скупщики окажутся первыми жертвами этой гибельной игры».

Если свободная игра естественных законов достаточна для разрешения кризиса, то зачем создавать искусственные законы? Маневр Дюко об отсрочке вопроса был так очевиден, что слова его вызвали ропот на скамьях крайней левой.

Были также предложены другие решения спасти положение, не откладывавшие дела на столь долгий срок

В начале волнений, 21 января, депутат Брюссоне предложил разрешить англичанам и голландцам неограниченную свободу ввоза во Францию их колониальных товаров посредством отмены всяких ввозных пошлин. Другие депутаты подумывали кроме того о запрещении вывоза этих самых колониальных товаров. Это значило прибегнуть к таможенным пошлинам для понижения цен. Но это решение было отвергнуто после доклада негоцианта Моннерона [1] и речи жирондиста Дюко, которые ясно доказали, что это неисполнимо.

Колонии иностранных государств не производили столько сахару, сколько нужно было для их собственного потребления. Это было уже достаточным основанием ничего не ожидать от уничтожения ввозных пошлин Но можно было предположить, что иностранные купцы найдут выгодным опять ввозить во Францию наш собственный сахар, который они могли купить у нас еще до кризиса. Но и это было невозможно, потому что этот сахар также вздорожал за границей, как и в самой Франции. Иностранные купцы, мало доверяя нашим ассигнатам, поспешили избавиться от них, делая у нас большие закупки всякого рода товаров. Именно эти закупки подняли цену колониальных товаров и в особенности сахара, в то же самое время понизив разменный курс и курс ассигнатов Можно уничтожить ввозную пошлину в 9 ливров с квинтала сырого сахара. Мера эта ни к чему не приведет. «В тот самый момент,—говорил Дюко,—когда граждане Парижа ропщут по поводу чрезмерно высокой цены сахара в 42 су за фунт, в Бордо его продают иностранцам по 290 ливров за квинтал, что составляет около экю за фунт». Таким

[1] Его доклад был прочитан депутатом Камине в заседании 24 января.

образом сахар дороже за границей, чем в самой Франции. На одной только разнице курса импортеры при одинаковой цене потеряли бы 50% Дюко еще прибавил, что Англия, испугавшись вздорожания, отменила возвратные пошлины, которые она ввела для покровительства экспорту своего колониального сахара. Таким образом от отмены ввозных пошлин нельзя ожидать никакого улучшения.

Что же касается запрещения вывоза, то мера эта могла бы иметь печальные последствия:

«Франция получает ежегодно товаров других государств приблизительно на сумму в 200 миллионов. Расплатиться за них она может только двумя способами: или своими собственными товарами, или своими деньгами. В перечислении же товаров, которые она дает в уплату, одни колониальные товары составляют статью миллионов в 80. Несомненно, что, если бы запретили вывоз этих товаров, нам пришлось бы платить звонкой монетой вместо них. А этот способ уплаты был бы тем более разорительным для Франции, что он увеличил бы недоверие к ее торговле и потерю ее монеты» (Моннерон).

«Гораздо выгоднее,—говорит Дюко,—платить нашим соседям сахаром, который повышается в цене, чем ассигнатами, которые падают».

Кроме того запрещение вывоза совершенно парализовало бы торговлю портовых городов с колониями, «потому что судовладелец воздержался бы от пересылки вина и муки в Сан-Доминго для получения взамен этого сахара, который не имел бы сбыта и на котором он, лишь бы избавиться от него, потерял бы значительную часть своего капитала». Одним словом, банкротства и приостановка работ в гаванях и в колониях были бы результатом предлагаемого средства. Дюко прибавляет, что «иностранцы сами отправились бы в колонии получать сахар, которого они не могли бы больше покупать во французских портах, потому что всемогущество законодателя борется, только уступая природе вещей»... Никто в Собрании даже и не попытался возражать на эту доктринерскую аргументацию, что могло бы доказать, что революционеры не были абстрактными, теоретическими умами, как иногда говорят, но что это были люди, способные воспринять все экономические истины и охватить их как в целом, так и в деталях.

Попытка бороться с сахарным кризисом посредством таможенных пошлин быстро была оставлена.

Сахарный кризис был только частным случаем более широкого кризиса, распространившегося на все съестные припасы без исключения. Всеобщее вздорожание зависело от более глубоких причин, политического и финансового характера в одно и то же время. Незачем было рассматривать их подробно, чтобы видеть, что падение курса свидетельствовало о недостатке доверия иностранной торговли к революционным деньгам. Если бы буржуа Лондона, Гамбурга или Амстердама питали доверие к революции, они поддерживали бы курс ассигнатов, а не спешили бы отделаться от своих бумажных денег, скупая наши товары. «Недоверие к ас-

сигнатам за границей, как это хорошо понимал Жорес, являлось свидетельством и мерилом недоверия народов к самой революции» [1]. Чтобы положить конец финансовому кризису и поднять в то же самое время и ассигнаты и курс, жирондисты придумывали разные средства, но в особенности они рассчитывали на героическое средство, на войну:

«Надо спешить, — говорил редактированный под их влиянием адрес якобинцев от 17 января 1792 г., — насадить свободу во всех соседних с нами странах, надо образовать барьер свободных народов между нами и тиранами; заставим их дрожать на их колеблющихся тронах и вернемся затем к нашим домашним очагам, спокойствие которых не будет больше нарушаться ложными тревогами, которые хуже самой опасности. Тогда в империя воскреснет доверие, кредит будет восстановлен, курс опять придет в равновесие, наши ассигнаты наводнят Европу и заинтересуют таким образом наших соседей в успехе революции, у которой с этого времени не будет опасных врагов».

Война 1792 г. до известной степени была экономической войной.

Маневр якобинцев.

Прежде чем прибегнуть к этому крайнему средству войны, жирондисты должны были однако делать вид, что они, не медля, что-то делают для успокоения волнений в Париже, явившихся результатом вздорожания сахара. Они придумали остроумную диверсию, которая имела то преимущество, что легко выводила их из затруднительного положения при малых затратах, не принуждая их касаться существующего законодательства.

Во время самых сильных волнений, 24 января, якобинцы обсуждали кризис. Один из друзей Дантона, Леклерк де-Сент-Обен, назвал скупщиками Дандре и Боскари. Жирондист Ласурс предложил в клубе следующий вопрос или, вернее, дилемму: «Какие надо принять меры, чтобы, с одной стороны, торговля была свободна, а, с другой стороны, народ не голодал благодаря скупкам?» После небольших дебатов клуб присоединился к мнению Реаля: «Невозможно сохранить свободу торговли, уничтожив в то же самое время скупки». Это было признанием своего бессилия.

Но утро вечера мудренее. На следующий день, 25 января, в газете появился за подписью некоего Деложа, глухонемого, пикантный *совет парижским дамам по поводу сахара.*

«Итак, это вы, милостивые государыни, парижские гражданки, из-за сахара нарушаете священнейшие права собственности и изменяете конституции, при которой вы обещали жить свободно или умереть... У вас, милостивые государыни, есть более действительные средства, достойные того мужества, той гордости и того благородства чувств, которые вы столько раз проявляли со времени нашей славной революции. Примите публично твердое решение не употреблять больше ни сахара, ни кофе, пока эти два предмета *искусственных потребностей* не будут продаваться по прежней цене: и я предсказываю вам, что через пять-шесть месяцев сахар будет стоить не более 12 или 15 су фунт» [1].

[1] J. Jaurès, La Législative, p. 1035.

Идея глухонемого под спартанской и добродетельной внешностью имела то огромное преимущество, что она выводила политиков из очень серьезного затруднения. Так как сахар только искусственная потребность, то обходиться без него будет патриотическим и моральным актом. И жирондистские газеты забили в набат! Начиная с 26 января, патриот Гоншон, оратор, выступавший при подаче петиции Сент-Антуанского предместья, и друг Бриссо, говорил в Собрании:

«Законодатели, граждане Сент-Антуанского предместья предоставляют женщинам, старикам и детям поднимать ропот из-за сахара. Герои 14 июля не дерутся за конфеты!»

Собрание встретило громом аплодисментов эту напыщенную тираду, искренность которой ему легко было эксплоатировать.

Через два дня, 28 января, секция Круа-Руж в свою очередь решила единогласно отказаться от употребления сахара и кофе. Она предложила остальным 47 парижским секциям последовать этому примеру, «который не оставит скупщикам другого наказания за их преступление, кроме отчаяния и стыда». Письмо секции Круа-Руж было встречено такими же аплодисментами, как и речь Гоншона. Депутат Бруссонне предложил придать этому гражданскому акту самую большую огласку, и Законодательное собрание постановило напечатать это предложение и разослать его по всем департаментам.

Якобинцы в свою очередь заволновались. В их заседании 30 января Манюэль посоветовал им последовать примеру секции Круа-Руж. После него романист Луве, остроумный автор «Фоблаза», произнес искусную и цветистую проповедь по поводу изъятия сахара, полную лести по адресу прекрасного пола, который он побуждал к жертве. Он не забыл упомянуть, что американцы предпочли обходиться без чая, чтобы не платить англичанам несправедливого налога, а затем он обратился к дамам:

«Я хорошо знаю, что лишение, о котором я намерен говорить, коснется главным образом наших подруг, но я, с другой стороны, знаю, что нет таких лишений, которым они не были бы готовы подвергнуться ради общего блага. Все говорит нам уже об их усилиях и об их жертвах. В Версале,— Франция не забудет этого,— они

[1] Этот текст был напечатан, без указания источника, в «Revue de l'Enseignement primaire et primaire supérieur» 11 февраля 1917 г.

толпились в бюро Учредительного собрания, чтобы добровольно отдавать свои драгоценности, свои бриллианты, столь дорогие для прекрасного пола украшения; на Марсово поле они пришли толпами копать уже более победоносной рукой святую тогда землю; в достопамятный день 14 июля 1790 г. они не обращали внимания на непогоду: потоки воды не прогнали их домой, они продолжали петь с нами гимн Федерации. На наших национальных празднествах я видел гражданок, отказывавшихся от разорительной роскоши, полных своей скромной грации, одетых в простые платья, с одним только трехцветным бантом в волосах, эмблемой их гражданских добродетелей, более прекрасных своей собственной привлекательностью, чем украшением; они теперь меньше думают о том, чтобы нравиться посредством кокетства, а стараются приобрести уважение, не прельщать взоры, а трогать сердца; я видел, я восторгался успехами просвещения, я видел благодетельное влияние свободы; я плакал от радости и говорил себе: революция, которая должна возродить наши нравы, оказала уже сильное влияние на нравы наших подруг. И я прибавлю: теперь еще одно усилие не будет тяжело сделать тем, которые поддерживали нас столькими великодушными усилиями. Своей решительностью они, конечно, поддержат то решение, которое мы должны принять, но которое будет иметь значение лишь в том случае, если они будут с нами. Они сочтут, конечно, своим долгом постоянно повторять и показывать пример своим мужьям и своим детям, что в Сибаритсе сахар, может быть, считался предметом первой необходимости, но что в Спарте, которой угрожает еще масса врагов, столь же смелых, сколь вероломных, нужно заранее привыкнуть обходиться самой простой пищей. Господа, я требую, чтобы мы приняли торжественное решение не употреблять сахара ни в какой пище, кроме случаев болезни, пока он не падет в цене, не станет по своей цене доступным для граждан менее состоятельных... А кто же из нас может испытывать удовольствие от предмета, которого лишена самая значительная и самая драгоценная часть народа?»

О, сила риторики! Все члены клуба встали и поклялись не употреблять сахара. Манюэль еще перещеголял Луве и требовал кроме того, чтобы и кофе также принесен был в жертву. Опять восторг, опять клятва. Только Колло д'Эрбуа потребовал исключения для интеллигентов, которые могут сидеть по ночам, только выпив чашку кофе. Луве великодушно оказал ему эту милость, потому что он был автором «Almanach du Père Gérard», одного из самых популярных периодических изданий. Трибуны принесли такую же присягу, как и якобинцы. Сахарный кризис был урегулирован без учета товаров, без реквизиции, без принудительной продажи, без пайков и без карточек.

Жертва принесла пользу в особенности Петиону и жирондистам, которые отныне могли спокойно спать. Им не приходилось больше делать опасного выбора между правом на существование и правом собственности, между их популярностью и догматом свободы торговли.

Большая демократическая газета «Les Révolutions de Paris» прекрасно понимала эти ловкие маневры. Она отпустила несколько острот по адресу якобинцев, которых она считала смешными:

«Иностранец, который в этот момент вошел бы в зал клуба якобинцев и увидел бы все эти поднятые руки, услышал бы этот топот ног и в особенности это торжественное слово «клянусь!», которое не следует бросать на ветер, произнесенное всеми вместе, никогда бы не подумал, что речь идет только о сахаре. Повторять торжественную присягу в Jeu de paume из-за сахара!

И газета заканчивает следующим размышлением:

«А что же было бы, если бы корабль республики был разбит частыми и продолжительными бурями и если бы в течение нескольких дней у вас не было хлеба?» [1].

Проблема хлеба, так внезапно выдвинутая этим брюзгой Прюдомом, не принадлежала к числу тех, которые можно было бы решить, или, скорее, от которых можно было бы отделаться громкими фразами и торжественными клятвами по образцу древнего мира. Не трудно было обходиться без сахара и кофе. Но не так легко было обходиться без хлеба.

Но именно тогда, когда посредством счастливого маневра закончились волнения из-за сахара, подготовлялись уже другие волнения, бесконечно более серьезные. И голодные бунты скоро разразились во всей Франции. Экономическая борьба на этот раз приняла форму социальной борьбы. За третьим сословием на горизонте появилось четвертое сословие, голодное и свирепое.

[1] «Les Révolutions de Paris», № 134.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ НАРОДОМ НОРМИРОВКИ ВЕСНОЙ 1792 г.

Хлебный кризис и его причины. Инфляция.

Хлебная проблема становилась все более острой в те месяцы, которые последовали за бегством Людовика XVI в Варенн и предшествовали объявлению революционной войны Европе. Цены всех съестных припасов сильно поднялись, и Франция переживала такое же глубокое потрясение, как в первые месяцы 1789 г. Продовольственные бунты распространялись с новой силой. Целые области восставали и требовали восстановления регламентации и нормирования, которые существовали при старом режиме. Тысячи людей, поднятых темными и неизвестными агитаторами, добивались нарушения существующих законов и принуждали власти подчиняться их воле. В некоторых местах происходили кровавые столкновения. Это широкое и глубокое движение, охватившее как рабочих, так и крестьян, далеко не исследовано во всех его видах. Однако можно попытаться дать его общий набросок.

Был ли кризис вызван недостатком съестных припасов? Министр внутренних дел Делессар заявил 1 ноября 1791 г. в докладе Законодательному собранию, что последний урожай был обильным на всем севере Франции, посредственным в центре и все более неудовлетворительным по мере приближения к Югу. Как только это положение стало известно, в распоряжение министра была ассигнована сумма в 12 миллионов для выдачи авансов нуждающимся департаментам. Весьма возможно, что, если бы обращение происходило нормально, существующего во Франции хлеба хватило бы для удовлетворения всей потребности в нем. Если продукты возрастали в цене, если возникали волнения, то причина их не лежала просто в недостатке продуктов. Лучше всего это доказывается тем, что самые серьезные волнения обыкновенно возникали именно в тех местах, где хлеб имелся в изобилии, например в Босе и во Фландрии, в Пикардии и в Бри.

Хлебный кризис, подобно сахарному, являлся только одним из эпизодов общего кризиса цен, вызванного понижением ассигнатов и вексельного курса.

Понижение ассигнатов само зависело от разных причин. Учредительное собрание с самого начала сделало ошибку, выпустив только крупные купюры. Самые мелкие были в 200 ливров (закон 16 апреля 1790 г.). После этого были выпущены купюры в 50 ливров (закон 8 октября). Мелкие купюры в 5 ливров, декретированные лишь 6 мая 1791 г., поступили в обращение только в июле 1791 г. [1] в Париже и в конце года в других департаментах [2]. Собрание долгое время не решалось выпустить мелкие купюры по очень серьезным причинам. Рабочие получали свою плату экю и мелкой звонкой монетой (billon). До сих пор хозяева их теряли при обмене ассигнатов на звонкую монету. Если бы были выпущены купюры в 5 ливров и ниже, то можно было опасаться, что экю исчезнут и что рабочие, получая впредь плату бумажными деньгами, на этом потеряют, между тем как до тех пор эта потеря падала на хозяина, потому что каждый предмет, каждый продукт имел уже две цены: одну цену в звонкой монете и другую в ассигнатах. Уплата рабочим ассигнатами была равносильна уменьшению их заработной платы. И это в самом деле произошло.

Но пока что отсутствие мелких денег в течение многих месяцев составляло серьезное затруднение для промышленников, для коммерсантов и для рабочих. Крупные купюры можно было разменять на экю, только уплатив за размен, причем плата эта постоянно росла: вначале она составляла 7%, затем 10, 15, 20%. В момент бегства короля на ассигнатах в 50 ливров теряли 12% в Нижних Альпах, 14% в Оде, на других 20—25%, если можно было их разменять. Ассигнаты в 5 ливров при своем появлении давали прибыль. Они обменивались на крупные купоны с прибылью в 7 или 8%. Во многих городах промышленники принуждены были заменить своим рабочим денежную плату платой натурою. Они давали им вместо платы хлеб, материи. В Безансоне отсутствие в марте и апреле 1792 г. мелких денег и недоверие к ассигнатам вызвали беспорядки. Рабочие, работавшие на фортификациях, объявили забастовку, требуя уплаты звонкой монетой. Они угрожали булочникам разграблением их лавок [3]. То же самое происходило во многих местах. Народ не признавал разницы цены обоих видов денег. Он возмущался против торговцев и расправлялся с ними.

Крупные парижские коммерсанты, Моннероны, стали чеканить большие су со своей маркой. Их примеру последовали другие. Эти разменные знаки, выпущенные частными лицами, назвали médailles de confiance (кредитными монетами).

Банки в свою очередь решили выпускать кредитные билеты, мелкие купюры с их фирмой, которые они меняли на ассигнаты. Если верить Бомецу (заседание 1 мая 1791 г.), Бордо первый дал пример выпуска кредитных билетов. Учреди-

[1] См. важное разъяснение о кредитных билетах в Париже у René Farge в «Actes de la Commune de Paris», 2-e série, t. VIII, p. 80, note 2.

[2] L. Béranger, Les billets de confiance à Caen.

[3] Archives du Doubs; L 304.

тельное собрание регулировало эти частные выпуски. Оно 19 мая 1791 г. издало закон, *на основании которого частные учреждения, бравшие на себя задачу* выпуска кредитных билетов, обмениваемых на ассигнаты, пользовались защитой административных органов и муниципалитетов. Оно освободило от гербового сбора кредитные билеты ниже 25 ливров. Одному только требованию должны были подчиниться учреждения, занимавшиеся эмиссией: они должны были сделать декларацию в канцелярию муниципалитета и внести залог ассигнатами. Но в законе не был установлен размер этого залога соответственно с суммой эмиссии. Он не предписывал никаких мер контроля.

Результатом этого было увеличение с начала 1791 г. эмиссии этих частных кредитных билетов. Нашлись некоторые департаментские администрации, муниципалитеты, *парижские секции, которые сами взяли на себя инициативу этих выпусков*. Но по большей части этим занимались банкирские дома, которые наводнили рынок своими бумагами. В Париже одновременно было 63 вида кредитных билетов.

Банки, занимавшиеся выпуском кредитных билетов, зарабатывали на этом двумя способами: во-первых, они взимали куртаж, премию за обмен ассигнатов на билеты, во-вторых, вместо того, чтобы оставить без движения получаемые ими в обмен на их билеты ассигнаты, они, пользуясь отсутствием контроля, употребляли их для коммерческих или финансовых спекуляций. Они спекулировали на сахаре, на кофе, на хлопке, на шерсти или на хлебе. Опасность заключалась в том, что в случае неудачи кредитный билет, теряя свое обеспечение, не мог быть возмещен. Спекуляция поглощала залог. Другая еще более серьезная опасность заключалась в том, что выпуск кредитных билетов, удваивая количество ассигнатов, сильно увеличивал количество обращающихся бумаг и облегчал таким образом ажиотаж.

«Ассигнат, — говорит Жорес [1], — представлял национальное богатство, кредитный же знак представлял ассигнат. Если бы кредитные билеты и ассигнаты обращались в одно и то же время, то кажется, не существовало бы больше никаких границ для выпуска бумаг... Деньги революции, которые благодаря обеспечению ассигнатов землей были соответственно прочны, теперь благодаря кредитному билету становились колеблющимися деньгами, подверженными всем превратностям спекуляции».

Создание кредитных билетов должно было само по себе понизить ассигнаты, потому что ассигнаты обменивались на билеты только с потерей. Закупка съестных припасов, производившаяся в крупных размерах эмиссионными банками, хотевшими найти помещение для своих ассигнатов, действовала в том же направлении. Они поднимали цены и понижали цену своих бумаг. Когда некоторые эмиссионные банки, как например Парижская касса вспомоществований, прекратили свои платежи, этот крах, который доходил до нескольких миллионов, и другие аналогичные случаи вызвали панику в обществе. Недоверие к кредитным билетам перешло и на ассигнаты. Не следует кроме того упускать из виду, что искусные фальшивомонетчики пускали в обращение огромное количество фальшивых ассигнатов и что Калонн среди эмигрантов устроил специальную фабрикацию их. Продолжительные рассрочки, данные лицам, приобретавшим национальные имущества, которые могли быть оплачены в двенадцать сроков, также замедляли возвращение ассигнатов в государственное казначейство и также содействовали их обесценению.

[1] «La Législative», pp. 1039—1040.

Учредительное собрание сделало также ошибку, допустив уплату за национальные имущества квитанциями прекративших свое существование должностей, документами на пожалованные десятины, вообще всеми государственными бумагами, *которыми казначейство платило свои долги* (декреты *30 октября* и *7 ноября* 1790 г.). Оно создавало таким образом конкуренцию ассигнатам и настолько же увеличивало количество бумажных денег.

Оно сделало, наконец, ошибку, связав продажу национальных имуществ с уплатой долгов. Оно таким образом беспрестанно должно было увеличивать массу находившихся в обращении ассигнатов и настолько же увеличивать их обесценение. К первоначальной эмиссии в 1 200 миллионов, произведенной 29 сентября 1790 г., постепенно прибавились эмиссия в 600 миллионов 17 мая 1791 г., в 300 миллионов 17 декабря 1791 г. и эмиссия в 300 миллионов 30 апреля 1792 г., через 10 дней после объявления войны, — всего два с половиной миллиарда за полтора *года. Часть этих ассигнатов была сожжена при их возвращении в казначейство:* 170 миллионов 17 мая 1791 г., 221 миллион 9 сентября 1791 г., 355 миллионов 17 декабря 1791 г., 370 миллионов 12 марта 1792 г. Тем не менее количество возвращенных ассигнатов было значительно меньше эмиссии. Обращение увеличилось с 980 миллионов 17 мая 1791 г. до 1 700 миллионов 30 апреля 1792 г. В течение одного года инфляция почти удвоилась. Роковым образом, в силу механического закона, цена вещей должна была подняться в той же пропорции, так как цена прямо пропорциональна количеству денежных знаков. И все это — до объявления войны.

Если верить аббату Саламону, папскому интернунцию, то с 30 января 1792 г. ассигнаты потеряли в Париже 44%. Луидор стоил 36 ливров ассигнатами. Если свидетельство аристократа Саламона вызывает сомнения, то этого нельзя сказать об официальных таблицах обесценения бумажных денег. Из этих таблиц мы узнаем, что того же самого числа, больше чем за два месяца до объявления войны, 100 ливров ассигнатами стоили в Париже только 63 ливра 5 су, что составляло потерю приблизительно в 37%. В Дубсе в конце того же января 1792 г. потеря составляла 21%, в Мерте 28%, в Кот-д'Оре 12½%, в Коррезе 20%, в Жиронде и в Устье Роны 33%, на Севере 29%, в Юре 27% и т. д. Отсюда мы видим, что если бы цена съестных припасов всюду поднялась пропорционально понижению стоимости

ассигнатов — цена продуктов должна была бы увеличиться на одну треть или одну четверть.

Если потеря на ассигнатах во Франции составляла 25—35% в среднем, то за границей она составляла 50—60%. Если нужно было произвести платеж в Лондоне, Женеве, Гамбурге, Амстердаме, то нужно было добыть 150 ливров ассигнатами, чтобы оплатить покупку в 100 ливров товарами или иностранной валютой. Обыкновенно, если курс невыгоден какой-нибудь стране, это значит, что эта страна производит и продает мало, но покупает много. Чтобы расплатиться за свои покупки, она принуждена покупать иностранную валюту, за которую она платит тем дороже, чем больше она в ней нуждается.

В 1792 г. Франция много продавала за границу, сама же она в больших количествах покупала только хлеб. Понижение курса нельзя было объяснить разницей между покупками и продажами. Это падение имело другие причины. Умирающий старый режим заключил большие займы, в особенности во время американской войны, в Голландии, в Швейцарии и в Германии. При уплате по этим займам в начале революции пришлось экспортировать большие количества звонкой монеты и ассигнатов или других ценностей. Эти внезапные уплаты выбросили на иностранные рынки большое количество французских бумаг, что повело к их обесценению. Чтобы платить жалованье войскам звонкой монетой, казначейству пришлось ее покупать за границей, и эти постоянные покупки еще более содействовали обесценению ассигнатов и понижению вексельного курса в ущерб нам (ср. речь Монтескью 17 мая 1791 г.). Напрасно оно пыталось отвратить кризис чеканкой большого количества разменной монеты из меди колоколов закрытых церквей, усилением чеканки экю и мелкой серебряной монеты. Серебряные монеты исчезали, потому что их можно было переплавлять.

Таковы чисто экономические и финансовые причины падения цены ассигнатов и падения вексельного курса, что в свою очередь имело результатом повышение цен на съестные припасы внутри Франции. Но есть и другие причины, которыми было бы неосторожно пренебрегать. Это причины политического характера.

Бегство Людовика XVI в Варенн и последовавшие после этого угрозы войны внушали многим во Франции и за границей сомнения в успехе революции. Если пришлось выпускать частные кредитные билеты, чтобы восполнить недостаток мелких купюр ассигнатов, то это произошло потому, что старые металлические деньги, экю, луи, белые монеты и даже мелкие медные монеты исчезли из обращения. Эмигранты увезли с собой некоторое количество их за границу. Но осталось еще довольно много внутри страны. Если их не было в обращении, то это происходило от того, что держатели их не питали доверия к деньгам революции и боялись или надеялись на монархическую реставрацию. Они ревниво оберегали и тщательно прятали королевские деньги. Позднее королевские ассигнаты ценились дороже республиканских ассигнатов. Франция глубоко разделилась. И в этих

делениях — последнее и глубокое основание как финансового, так и экономического кризиса.

Некоторые историки, чтобы доказать, что французская масса питала непоколебимое доверие к новому режиму, обыкновенно указывают на несомненный успех продажи церковных земель, национальных имуществ первоначального происхождения, как выражаются в административном стиле. Продажи совершались быстро, покупатели часто платили цены, которые были выше цен, назначенных по оценке. Этот успех крупной революционной операции имел различные причины; одной из главных, как мне кажется, было именно сильное желание некоторых покупателей найти помещение для своих ассигнатов, поскорее от них избавиться, обменяв бумаги на солидное имущество, на землю [1]. Так как ассигнаты принимались по их номинальной стоимости в уплату за национальные имущества, то покупатель выигрывал всю разницу между номинальной стоимостью революционных ассигнатов и их действительной стоимостью. Фактически несомненно, что известные аристократы покупали национальные имущества, а также не присягнувшие священники и дворяне, как д'Эльбе и Боншан, которые потом принимали участие в вандейском восстании. Во Вьенне насчитывалось 134 покупателя из духовенства и 55 покупателей-дворян. Вообще главным образом городская буржуазия покупала большую часть имений, продававшихся с торгов. Крестьяне, благодаря отсутствию денег, получили лишь незначительную часть этой богатой добычи, но среди них было много мелких покупателей.

Иногда говорят, что ассигнаты оживили нашу промышленность. Действительно, в течение нескольких месяцев наши промышленные предприятия переживали искусственное благополучие. Владельцы ассигнатов спешили отделаться от них не только покупкой национальных имуществ, но и обменом их на товары. Ловкие дельцы, предвидевшие войну, спешили делать запасы всевозможных предметов и съестных припасов. Их постоянные покупки, а также покупки иностранцев, вызванные падением курса, поощряли производство; но неизбежным результатом было также увеличение цены товаров, содействовавшее вздорожанию жизни.

Всегда и везде по поводу экономических кризисов революционеры указывали на махинации аристократов. Они утверждали, что последние сговаривались и объединялись, чтобы вызывать недоверие к революционным деньгам, чтобы скупать съестные припасы и деньги, чтобы мешать обращению, что создавало искусственную нужду и рост дороговизны. Не подлежит сомнению, что такие махинации существовали. Якобинский клуб в Тюлле обвинил 2 февраля 1792 г. председателя дистрикта этого города, некоего Паржадиса, в том, что он советовал плательщикам налогов не платить налогов и предсказывал им быстрое торжествующее возвращение

[1] См. по этому вопросу любопытные «Lettres d'aristocrates», изданные P. de Vaissière'ом.

эмигрантов [1]. 18 марта 1792 г директория департамента Финистер доказывала королю, что она не могла бы взимать налогов, если бы не приняла решения заключить в тюрьму в Кемпере неприсягнувших священников: «В то время, когда принято было это решение, можно было взыскать только пятнадцатую часть суммы налогов Сельские выборные власти с преступной беззаботностью отнеслись к установлению взиманий с недвижимых и движимых имуществ, так как эти священники убаюкивали их надеждой на близкую контр-революцию. Вся машина была дезорганизована, мы с трудом находили муниципальных чиновников, которые хотели бы занять эти места С тех пор как эти священники удалены, мы живем спокойно, и нам удалось составить почти во всем департаменте списки прямых налогов» [2]

Около того же времени, в начале 1792 г , почтенный Сегье деятель парламента старого типа, выпустил агрессивную брошюру «La Constitution renversée» (Уничтоженная конституция), имевшую целью вызвать у французов беспокойство за их имущества· «Как можно полагаться на имущества,— говорит он,— во время такого сильного кризиса, при таком адском ажиотаже, при совершенно необычайной эмиссии ассигнатов и разного рода бумаг, когда колонии охвачены пожаром, и Франции угрожает то же самое несчастье, когда посредством целой массы декретов движимая собственность подвергается конфискации, подвержена угрожающим и длинным формальностям, и т д !» Сегье, не колеблясь, угрожал покупателям национальных имуществ, говоря им, что старые кредиторы государства и духовенства имеют ипотеки на их приобретения, по которым они когда-нибудь потребуют уплаты!

В феврале 1792 г дистрикт Нойон видел в эмиграции одну из главных причин вздорожания хлеба и ажиотажа купцов «Вы знаете, — писал он 13 февраля 1792 г. Законодательному собранию, — что крупные собственники эмигрировали и что они поспешили продать свое зерно, что весь этот продукт попал таким образом в руки купцов и жадных спекулянтов, которые его тотчас же вывезли и обрекли таким образом на голод ту страну, в которой должно было быть изобилие Даже земледельцы, испуганные и обманутые, спешили продавать свое зерно по низкой цене Купцы не переставали твердить им· «Будет война; если у вас будут полные амбары, это привлечет к вам неприятеля» [3]

Все эти причины, хотя и различного характера, но совпадающие,— причины экономические, финансовые, политические вызвали сильное возбуждение, которое началось вздорожанием съестных припасов в начале зимы 1791—1792 г и быстро распространилось вширь и вглубь

[1] Victor Forot, Le Club des Jacobins de Tulle (за указанное число)

[2] «Annales Revolutionnaires», сентябрь 1920 г

[3] Письмо, читанное Кюпе (из Уазы) на заседании 14 февраля 1792 г («Archives parlementaires»)

Продовольственные беспорядки

Начиная с ноября в самых различных местах, в Дюнкирхене, Сент-Омере, Дуэ, Аррасе, Шомоне, Маконе, Тулузе, Монтелимаре, Нанте и т д , народ стал толпами собираться вокруг кораблей и подвод, нагруженных зерном, и мешать вывозу его Местами грузы тут же продавались по таксе, назначенной толпой.

В Шомоне, например, 6 ноября 1791 г довольно большая толпа остановила около двадцати подвод с зерном, которые отправлялись в Гре Прокурор коммуны, генеральный прокурор, синдик департамента, — все власти города, собравшиеся в городской думе, пытались рассеять толпу, но безуспешно Подводы привозили на площадь и разгружали там Национальная гвардия была вызвана для применения вооруженной силы Она отказывалась или переходила на сторону мятежников Жандармские бригады, призванные в следующие дни, оказались бессильными Толпа, оттолкнув жандармов, осадила власти, находившиеся в городской думе Беспорядки продолжались три дня На третий день подошла национальная гвардия из Лангра Но национальная гвардия Шомона помешала ей войти в город. Она освободила арестованных манифестантов, принудила терроризованные власти отослать жандармов и призванную в подкрепление им национальную гвардию. Генеральный прокурор синдик департамента, бежал переодетый чтобы не быть повешенным на фонарном столбе Наконец мятежники установили таксу на зерно и распределили его между собой [1]

В Тулузене беспорядки на базарах происходили начиная с января 1792 г , в Риэ 9 и 11 января, в Порте и Кюньо 22 января в Бур-Сен-Бернаре 3 и 16 февраля, в Монжуаре 8 марта, в Лабанде и Гренаде 6 марта Пришлось призвать национальную гвардию из Тулузы для восстановления порядка [2]

В приморской Фландрии и в Артуа беспорядки были более серьезны Урожай здесь был обильный, и большие количества зерна отправлялись по каналам или через Дюнкирхен по направлению к Сетту и Марселю Народ приписывал этому экспорту все растущее вздорожание хлеба И он решил положить этому конец В Ваттене, недалеко от Берга, 10 января женщины и дети столпились вокруг кораблей На следующий день были уже большие толпы Ударили в набат, забили тревогу 13 го корабли были разграблены Бунты опять повторились 23, 24 и 25 января [3]

В Сент-Омере, где беспорядки происходили уже 29 декабря, толпа собралась 13 февраля, чтобы освободить заключенных, арестованных за декабрьское дело. Рошамбо, командовавший войсками, хотел рассеять толпу Но ему это не удалось. Суда и телеги с хлебом были разграблены Виселица, поставленная для устрашения

[1] См Ch Lorain I p 140 sq

[2] Adhet, Le Comité des subsistances de Toulouse, p XII

[3] G Lefebvre, t I, p 233 sq

декабрьских мятежников, была сломана и превращена в пику, украшенную колпаком свободы.

14 февраля начались беспорядки в Дюнкирхене. Дома десяти самых крупных купцов в порту были разрушены сверху донизу. Муниципалитет объявил военное положение. Произошли кровавые столкновения: было 14 убитых и 60 раненых. Мятеж повторился уже с большей силой в следующие дни. Он продолжался две недели. 18 стоявших в порту нагруженных судов были разгружены толпой. Войска проявляли все растущую снисходительность и, наконец, отказались выступать [1].

Беспорядки в Нойоне, менее кровопролитные, показали, как и дюнкирхенские, всемогущество движения. 6 февраля толпа остановила близ города Шуази-о-Бак на Уазе несколько барок, нагруженных зерном. Так как у владельцев судов накладные были не в порядке, то местные власти воспользовались этим предлогом, чтобы разгрузить барки и снести грузы в обширные амбары аббатства Урскан, находившиеся поблизости. В последовавшие за этим дни толпа росла невероятно. Ударили в набат на десять миль в окружности. Вскоре набралось 7, 10, 20, 30 тыс. крестьян, вооруженных вилами, аллебардами, ружьями, пиками, стройно шествовавших под предводительством мэров. Для восстановления порядка король поспешил послать генерала Гуи д'Арси, старого члена Учредительного собрания. Но он не мог пройти, так как жители 150 приходов загородили все дороги, и он принужден был вернуться.

Законодательное собрание в свою очередь послало к крестьянам четырех своих членов, Ромма, Жаксба Дюпона, Ла-Бержери и Воблана, для переговоров с ними, чтобы убедить их разойтись. Крестьяне ответили, что они боятся голода и что под предлогом посылки зерна в другие департаменты его вывозят из Франции, чтобы доставить его эмигрантам и врагам страны. Они требовали вознаграждения для тех из них, которые разгрузили хлеб, и для тех, которые охраняли аббатство в течение нескольких дней. Только удовлетворив их просьбы, депутаты могли получить от них обещание разойтись. 18 февраля они добились издания удовлетворившего их декрета. Издержки по разгрузке, перевозке и охране зерна, задержанного близ Нойона, должны быть установлены административными органами и государственным казначейством выданы в виде авансов тем, кто на это имеет право. Казначейству же предоставлялось право взыскать эти издержки с коммун, где произошли беспорядки, как это предусмотрено законом 2 октября 1791 г. [2]

[1] G. Lefebvre и отчет Кайе де-Жервиля, министра внутренних дел, в заседании 27 февраля 1792 г.

[2] Этот закон постановлял, что владельцы зерна, подвергшиеся насилиям и грабежам, должны быть вознаграждены нацией, которая должна взыскать убытки с тех коммун, на территории которых было совершено преступление. Этого текста нет в сборнике г. Карона «Commerce des céréales pendant la Révolution» (Торговля хлебом во время революции).

Мэры восставших коммун определили свое вознаграждение в 5 ливров в день, муниципальные чиновники в 3 ливра, сторожа в 2 ливра 10 су, а носильщики в 2 ливра. Кроме того они решили, что им будет уплачено зерном, причем они установили цену на зерно в 15 ливров за мешок. Они тотчас же приступили к распределению находившегося в амбарах аббатства хлеба согласно этому тарифу и, закончив операцию, спокойно разошлись по домам [1]. Когда генерал Витгенкоф явился туда с двумя батальонами линейных войск, он нашел только человек сорок крестьян, вооруженных ружьями и пистолетами, которые без сопротивления дали себя обезоружить. Беспорядки в Нойоне продолжались 18 дней [2].

Не придала ли проявленная в этом деле Законодательным собранием слабость смелость пролетариям Бса? Весьма возможно, потому что непосредственно после этого широкое движение охватило все деревни от долины Эры до долины Луары и до долины Луэнг.

Первые беспорядки начались на опушке лесов Конш и Бретейль, где на бесплодной, пропитанной железом почве жило многочисленное население, состоявшее из дровосеков и кузнецов, многие из которых занимались браконьерством. 27 февраля толпа дровосеков и гвоздарей, человек в 400, собралась в Neuve-Lyre, затем она отправилась на рынок в Ла-Барр, местечко в дистрикте Бернэ. «Во главе их было несколько муниципальных чиновников, даже мировых судей» [3]. «Так,— говорит Жорес,—сельская национальная гвардия, в значительной части состоявшая из бедных крестьян, предоставила законную силу, полученную ею от революции, для поддержки крестьянских требований» [4]. Толпа, маршировавшая в порядке, с барабанным боем и с развернутым знаменем, быстро увеличивалась, подобно недавним толпам в Нойоне. В последующие дни она направилась к рынкам Нейбура, Бретейля, Конша. В Конше муниципалитет и национальная гвардия вышли ей навстречу. Власти в Конше установили таксу на рожь и свес и решили, что эта такса не будет изменена до нового урожая. Они постановили также, что частные кредитные билеты будут приниматься по принудительному курсу. В начале марта образовалось несколько банд, которые везде действовали в таком же порядке и имели такой же внушительный характер. В Вернейле, в Бретейле, в Рюгле муниципалитеты уступили без сопротивления. Вскоре не ограничивались уже одним только установлением таксы на зерно, была установлена также такса на яйца, масло, а также на такие предметы, как железо, дрова, уголь. 3 марта 5 000 человек явилось на железоделательные заводы Бодуэн, 6 марта они явились уже в

[1] См. заседание 24 февраля 1792 г. Законодательного собрания.

[2] О беспорядках в Нойоне см. дебаты Законодательного собрания от 9 до 26 февраля («Archives parlementaires»).

[3] Отчет Тардиво 15 марта 1792 г.

[4] Jaurès, La Législative, p. 1075.

числе 8 000 на заводы Ла-Луш. «Они заставили управляющих подписать договор,— говорит один протокол дистрикта Эврё,—продиктованный благоразумием и основательным знанием торговли железом» [1]. В протоколе далее говорится: «Конечно, толпа грубых и невежественных людей не могла бы додуматься до такого правильно составленного плана и до такой общей линии поведения. *Невидимая рука направляла их.* Установив ее,—продолжает протокол,—они должны отправиться по деревням, заставить *показать им контракты* фермеров, понизить цены и угрожать владельцам, что разграбят их. Они хотят освободить народ от платежа налогов. Везде они сеют анархию и гражданскую войну».

И в самом деле, вопрос о хлебе все более отступал на задний план, и пролетариат городов и деревень вдруг стал ставить социальный вопрос во всем его объеме, в том виде, в каком он им в то время представлялся. Уже в своих наказах, выработанных в 1789 г., крестьяне Иль-де-Франса протестовали против скупки крупных ферм капиталистами. Они требовали их разделения. Мятежники 1792 г. повторяют пожелания наказов и хотят провести их силой. Если верно, как утверждает депутат Тардиво в своем докладе 15 марта 1792 г., что зерно было очень дешево в Эре и что хлеб продавался там по два су фунт, то вздорожание продовольствия было только предлогом движения [2].

Агитаторы не ограничивались требованием уменьшения арендной платы, они хотели еще завладеть поместьями эмигрантов, которые тогда не были еще секвестрованы. Война была неизбежна. Революционеры относились к эмигрантам как к изменникам. У них явилось искушение захватить замки и владения сеньеров, которые отправились в Кобленц, чтобы поднять королей против Франции. Уже начиная с января 1792 г. крестьяне Дордони составили список эмигрантов своего района, чтобы разграбить их владения при первом сигнале войны. В начале апреля коммуны в окрестностях Нима и Алэ сожгли около двух десятков замков эмигрантов после того, как они разграбили их. Такого же рода беспорядки происходили в Авейроне, в Ло, — бунты для раздела общинных угодий.

В Бассе беспорядки из Эры распространились далее в Орлеанэ и Гатинэ. В Мелене 10 марта в базарный день «все кантоны, окружающие город, направились туда в количестве более 10 000 человек, вооруженные вилами, с барабанным боем и развернутыми знаменами. Город был на страже. Войдя туда, толпа заставила всех деревенских жителей сложить оружие; те согласились на это с условием, что жители города также положат оружие. Это было исполнено. Другое условие

[1] См. заседание 6 марта в «Archives parlementaires».

[2] В своем докладе 6 марта 1792 г. министр Кайе де-Жервиль утверждает, что нигде во Франции, кроме Марны и Мезы, хлеб не был дешевле, чем в Эре. Сетье продавался там за 23 ливра от 8 до 16 февраля, за 21 ливр от 16 до 24 февраля. На Марне цена была 22 ливра, а на Мезе — 17 ливров 18 су.

разоружения заключалось в том, что зерно не будет продаваться дороже 20 ливров. Это также было исполнено» [1].

Здесь мы имеем классовое движение, еще не организованное и разрозненное, но глубокое и сильное.

В конце марта начались также волнения среди суровых дровосеков Морвана. Они потребовали увеличения заработной платы, мотивируя это требование дороговизной жизни. Когда дровяные торговцы отказали им в этом, они остановили сплав леса, загородили реки, и, чтобы до некоторой степени легализовать свои действия, они назначили начальника, капитана плотовщиков. Они пригласили мирового судью подписать протокол этого избрания. Судья отказался. 27 марта они в числе нескольких сотен вошли в Кламеси. Городские рабочие присоединились к ним и увеличили таким образом их армию. Муниципалитет вызвал национальную гвардию, но она подверглась оскорблениям и была обезоружена. Дровосеки отняли у нее ее одежду вплоть до рубашек, которые они носили с торжеством. После этого они заставили спеть Te Deum, чтобы отпраздновать свою победу. Пришлось мобилизовать национальную гвардию 12 городов, призвать регулярные войска и привезти пушки.

Даже самый способ, которым произведено было усмирение, обнаруживает классовый характер движения.

Требования пролетариев угрожали в одно и то же время и промышленникам и крупным землевладельцам. И везде они объединяются, чтобы нанести поражение бунтовщикам; везде, где они сохранили еще влияние на своих служащих и фермеров, они их мобилизовали против самочинных таксаторов. В Эре буржуазия Эврё, опасаясь быть ограбленной, вооружилась при первых известиях о беспорядках. Департаментские власти вызвали в главный город национальную гвардию из шести дистриктов и все жандармские бригады. Они собрали таким образом 5 000 человек с пушками. Фабриканты булавок в Легле набрали среди своих рабочих маленькую армию из 1 800 человек, которая 9 марта соединилась с войсками Эврё в Конше, очаге восстания. Фельдмаршал Гримоар, командующий армией порядка, объезжает коммуны, обезоруживает и арестует мятежников, не оказавших, повидимому, даже никакого сопротивления. 63 человека были привезены в тюрьмы Эврё.

В Этампе, крупном рынке Боса, мэр Симоно, богатый кожевник, у которого работало 60 рабочих, хотел воспротивиться установлению таксы. Когда он узнал утром 3 марта о том, что приближаются крестьяне соседних коммун, он вызвал командира отряда в 80 человек 18-го кавалерийского полка и заставил объявить военное положение. Он храбро шел впереди крестьян, опоясанный своим шарфом. Но кавалеристы покинули его, и он был убит двумя выстрелами из ружья, прокурор же коммуны, шедший рядом с ним, был ранен.

[1] «Les Révolutions de Paris», № 141, 17—24 марта 1792 г.

Репрессии и мероприятия.

Размеры и неожиданность народного движения сперва расстроили и как бы испугали вождей революции. Даже самые популярные газеты, как «Le Père Duchesne» или «Les Révolutions de Paris» не осмелились одобрить программу агитаторов. Они ограничились приведением смягчающих обстоятельств в пользу несчастного и заблуждавшегося народа. Они заклинали Законодательное собрание и власти применять меры строгости только в крайнем случае. Военное положение внушало им отвращенье со времени резни в Нанси, происходившей по распоряженію Булье в сентябре 1790 г., и резни на Марсовом поле, происходившей по распоряженію Лафайета и Бальи 17 июля 1791 г. И они поэтому советовали вести переговоры, выжидать. Они боялись слишком сильными репрессиями оттолкнуть народ от революции и бросить его в объятия аристократов.

Собранie вначале последовало их советам. Оно успокоило беспорядки в Нойоне, уступив мятежникам. Но когда оно увидало, что его мягкость только поощряла нарушителей порядка, оно изменило свое отношение и предложило департаментским властям принять решительные меры. Убийство мэра Симоно в Этампе вызвало многочисленные аресты. Летучие отряды проезжали по деревням, окружали подозрительных лиц и, в случае надобности, применяли силу. Один ткач, по имени Жан Пети, был убит преследовавшим его отрядом.

Сами якобинцы приветствовали репрессии. 9 марта они послали соболезнующее письмо вдове Симоно, который состоял их членом. Один из них, Жан Дебри, 18 марта предложил Законодательному собранию воздвигнуть пирамиду мученику закона на том самом месте, где он был убит. «Здесь именно черными буквами будет выгравирован для каждого гражданина закон о свободном обращении съестных припасов». Собрание вотировало пирамиду, и 6 недель спустя, 6 мая 1792 г., по просьбе части парижской национальной гвардии оно декретировало, что в первое воскресенье в июне на Марсовом поле будет устроено торжественное чествованиe памяти мэра Этампа. Подобные чествования устраивались во всей Франции. Им придавали характер празднеств в честь закона. Они имели целью поощрять национальную гвардию к восстановлению порядка и мужественному исполнению ее долга против агитаторов. Это были чисто буржуазные церемонии, народ был далек от них.

Но поминальные торжества, нравственные увещания, чередовавшиеся с репрессиями, были только паллиативами, которые не могли положить конец экономическому кризису, имевшему глубокие причины. Собрание ни одной минуты не думало о возвращении к регламентации и введению таксы, практиковавшимся при старом режиме. Оно упорно придерживалось догмата экономической свободы. Законодательные меры, которые оно вотировало, были частичными мерами, вызывавшимися обстоятельствами.

Народ утверждал, что зерно, погруженное в гаванях севера Франции и предназначавшееся для южных гаваней, на самом деле вывозилось за границу. Обвинение это было бессмысленно, потому что, как указал 18 февраля 1792 г. министр Кайе де-Жервиль, зерно стоило во Франции дороже, чем за границей, а падение вексельного курса усиливало еще разницу цен. Никто не вывозит, чтобы терять. Тем не менее Собрание 28 января вотировало строгий закон, чтобы окружить всеми возможными предосторожностями перевозку зерна из одного французского порта в другой: таможенные билеты для пропуска товаров, проверка таможенными чиновниками и выборными властями, свидетельства и т. п.

Чтобы дать возможность нуждающимся департаментам запастись продовольствием, оно открыло министру внутренних дел новый кредит в 10 миллионов, из которых им должны были выдаваться авансы в виде ссуд, подлежащих возвращению.

Так, департамент Дубса, где в 1791 г. был посредственный урожай, которого даже в нормальное время [1] нехватало для удовлетворения местных потребностей, обратился в апреле месяце за денежной помощью, которая дала бы ему возможность прожить до нового урожая. Ему было разрешено 2 апреля взять 2 000 квинталов хлеба в Тулоне, а 7 мая еще 2 000 добавочных квинталов в том же месте. Так как расходы по перевозке падали на департамент и так как Тулон был далеко, администраторы Дубса нашли более выгодным заключить сделку с двумя негоциантами из Грэя, Ревоном и Мильераном, которые выдали им 4 000 квинталов зерна из своих складов в обмен на талон для получения зерна в Тулоне, выданного министром внутренних дел. Так как зерно было дороже на Юге, чем в Грэе, то негоцианты сделали выгодное дело, департамент же ничего от этого не терял. Зерно, купленное департаментом Дубса, было им распределено между различными дистриктами, которые пустили его в продажу на рынках. Деньги от этих продаж послужили для уплаты авансов казначейства, которое, впрочем, потеряло разницу покупной и продажной цены.

Министру внутренних дел хотелось сосредоточить в Париже под своим заведыванием все закупки зерна, предназначенного для нуждающихся департаментов. Делессар предложил уже 1 ноября 1791 г. организовать в Париже центральную продовольственную администрацию, которая одна обязана была заботиться об импорте иностранного зерна и о его распределении между департаментами. Но его предложение было отклонено без дебатов.

6 января 1792 г. депутат Форфе опять внес его, резко критикуя способ, который практиковался при снабжении продовольствием южных департаментов и городов. Зерно северной Франции грузилось в Дюнкирхене, Гавре, Нанте

[1] Письмо администраторов Дубса Дюпорталю от 28 октября 1791 г. (Archives du Doubs, L 302).

и направлялось в Сетт и Марсель. В то же самое время зерно, приобретенное в Прибалтике, также приходило в те же гавани Дюнкирхена, Гавра, Нанта и встречалось с предыдущим, так что народу казалось, что зерно, погрузку которого он видел, было тем же зерном, которое потом выгружали. Как средство против этого Форфе предлагал учреждение общей продовольственной администрации. Она должна была иметь сведения о размерах урожая во всех департаментах, о количестве закупок, произведенных за границей, и пользоваться правом указывать путь, по которому продовольствие должно было следовать, чтобы циркулировать в стране. Его проект вызвал ропот и был отвергнут без дебатов. Собрание питало отвращение ко всему, что напоминало монополию.

Министр Кайе де-Жервиль 18 февраля 1792 г. также не имел успеха, когда он в свою очередь с новыми аргументами возобновил критику Форфе. Комиссары, которых департаменты посылали в торговые центры для закупок, повышали друг другу цены и содействовали таким образом вздорожанию съестных припасов. Но Собрание продолжало отказываться вступать на путь, в конце которого оно видело огосударствление хлебной торговли, т. е. возвращение к регламентации старого режима. Единственное, на что оно согласилось несколько позже, это—чтобы покупки, совершенные за границей на вотированные им 10 миллионов, произведены были министром внутренних дел.

Крестьяне Нойона заметили Собранию, что «в силу старых регламентов бывшие религиозные общины и монахи, пользовавшиеся бенефициями, обязаны были сохранять в складах свои доходы в зерне за один год (т. е. свою десятину), или по крайней мере количество, достаточное для снабжения рынков» [1], и что в настоящее время амбары эти не существуют. Это значило выразить желание о восстановлении административным путем этих запасных амбаров, этих общественных житниц, которые в прежние времена смягчали кризисы. Но Собрание, подобно одному из своих членов, Лекинио [2], считало существование запасных амбаров опасным и находило, что следует ограничиться покровительством обращению.

Несколько администраторов департаментов, которые ежедневно сталкивались с трудностями положения, находили, что не все было плохо при старой регламентации. Так, Фокедей, администратор Северного департамента, который впоследствии участвовал в Конвенте, говорил в докладе 2 марта 1792 г., что необходимо взять на учет весь хлеб [3]. Каждый земледелец должен заявить в своем муниципалитете о количестве возделываемых им десятин и о количестве собираемых им мер зерна. Муниципалитеты должны были проверять эти заявления, посылать

[1] Письмо Нойонского округа, прочитанное Купе 14 февраля 1792 г.

[2] См. его речь в заседании 6 января 1792 г.

[3] G. Lefebvre, p. 252.

доклад об этом в Национальное собрание, а последнее, на основании данных учета во всей Франции, должно было распорядиться о реквизициях в пользу нуждающихся департаментов. Фокедей предупредил ход событий. Поэтому его голос оказался единственным, и никто в Собрании не откликнулся на его предложение.

Однако Законодательное собрание нашло нужным что-нибудь сделать для смягчения остроты того общего экономического кризиса, только одним из эпизодов которого являлось вздорожание съестных припасов. Промышленники жаловались на чрезмерное повышение цен на сырье. Хлопок быстро повысился в цене от 240 ливров за квинтал до 500. Неужели придется закрыть мануфактуры и выбросить рабочих на улицу? Промышленники требовали запрещения вывоза, которое помешало бы другим странам воспользоваться падением курса, чтобы захватить наше сырье. По этому вопросу завязались очень оживленные дебаты. В первый раз регламентация нашла многочисленных защитников, которые настойчиво спрашивали: «Какова ваша цель? — воскликнул Арена. — Она состоит в том, чтобы ваше сырье не ушло за границу, где оно будет прокармливать чужих рабочих и вернется во Францию обремененное стоимостью обработки». Сторонники свободы возражали устами Эммери, что запрещение принесет пользу только промышленникам и повредит производителям, которые будут продавать по низким ценам свою шерсть, свою пеньку, свой лен. Но регламентация победила. Закон 28 февраля 1792 г. временно запретил экспорт шерсти, пеньки, кож и хлопка. Таким образом, чтобы противодействовать падению вексельного курса, революция принуждена была каждый день немного отступать от своих либеральных принципов, возвращаться назад, воздвигать барьер между собой и другими странами. Это был знаменательный симптом, что не одни только потребители искали в старой регламентации средство спасения, но что и часть промышленной буржуазии также прибегла к этому средству.

Денежный кризис господствовал над всеми остальными. Законодательное собрание старалось смягчить его с большей настойчивостью, чем с успехом. Чтобы положить конец ажиотажу при обмене ассигнатов на частные кредитные билеты, оно 23 декабря 1791 г. издало декрет о выпуске мелких ассигнатов в 50 су, в 25 су, в 15 су и в 10 су. 30 марта 1792 г. оно запретило частным лицам всякий выпуск кредитных билетов, оно оставило это право только за организациями и подчинило проверкам все существующие эмиссионные банки. Это была только полумера, так как выпущенные уже кредитные билеты не были изъяты из обращения. Более действительным средством был приказ о чеканке большого количества мелкой монеты, сделанной из металла колоколов закрытых церквей [1].

[1] См. эти законы в сборнике Камилла Блоха о металлических и бумажных деньгах («Bulletin d'histoire économique de la Révolution», 1911).

Первые теоретики нормировки. Доливье, Робеспьер.

Беспорядки, начавшиеся в ноябре 1791 г. и достигшие такой силы в феврале и марте 1792 г., почти совершенно прекратились в апреле и мае. Чему надо приписать это счастливое обстоятельство? Силе ли репрессий? Чествованию памяти Симоно или празднеству в честь закона? Покупке хлеба за границей? Следовавшим одна за другой законодательным мерам? Одно было несомненно: это — что дороговизна не уменьшилась, что ассигнаты не поднялись в цене. Экономическое положение не изменилось заметным образом. Но большая перемена, новый факт состоял в том, что война была объявлена 20 апреля. Нравственное влияние этого события тотчас же подействовало успокаивающим образом на разгоряченные умы. К тому же многие из тех, которые составляли ряды мятежников, записались добровольцами в батальоны. Этим также объясняется уменьшение беспорядков.

Но внимательный наблюдатель мог бы заметить, что под пеплом тлеет огонь. Народ не получил удовлетворения. Он не отказался окончательно от регламентации и от введения таксы. При первом представившемся случае он опять начнет борьбу. После первых поражений в Монсе и Турнэ, когда возобновилась и усилилась политическая борьба, когда якобинцы обвиняли двор в том, что он столковался с эмигрантами и подготовлял победу неприятеля, социальный вопрос, на некоторое время заглохший, вдруг опять вспыхнул с новой силой. Наиболее решительные из якобинцев почувствовали, что внешних и внутренних врагов можно победить только при полной поддержке патриотического народа деревень и городов. Они знали этот раздраженный и обманутый народ со времени подавления его широкого движения в феврале и марте. И они сказали себе, что надо уничтожить это дурное воспоминание. Те же самые якобинцы, которые в марте восхищались героизмом мэра Этампа, немного позднее, в мае, делают затруднения и затевают споры при вотировании кредитов на устройство его чествования, предложенного фельянами [1]. Их газеты требуют снисхождения и даже амнистии для арестованных и осужденных мятежников.

1 мая якобинский священник окрестностей Этампа, Пьер Доливье, священник в Мошане, подал Собранию петицию в пользу жертв репрессии. Он не ограничился одним приведением смягчающих вину обстоятельств, но он обвинял Симоно в том, что он «своей жестокой и отталкивающей непоколебимостью довел народ до ожесточения», что он вызвал его на преступление, спешно распорядившись о применении закона военного времени. Он говорил, что поспешность, с которой мэр прибег к применению силы, не была, может быть, бескорыстной: «Г-н Симоно, имевший по крайней мере 18—20 тыс. ливров ренты, стоявший во главе обширного кожевенного дела, может быть, был также заинтересован и в хлебной торговле? Некоторые лица утверждают, что они в этом уверены; но я ничего не утверждаю». Доливье затем резко критикует действующее законодательство и теоретически оправдывает введение таксы. Здесь он противопоставлял естественное право праву собственности, правосудие первобытных времен правосудию уже организованному. «Возмутительно, что богатый человек и все, что его окружает, люди, собаки, лошади, ни в чем не нуждаются, ведя праздную жизнь, те же, которые только трудом зарабатывают на жизнь, люди и животные, гнутся под двойной тяжестью труда и голода. И я утверждаю, что при таких обстоятельствах [во время недорода] съестные припасы не должны быть предоставлены неограниченной свободе, так как это очень плохо обслуживает бедняков; но они должны распределяться таким образом, чтобы всякий чувствовал бич природы, но никто бы от него не страдал, в особенности же человек, менее всего этого заслуживающий. Таким образом такса на хлеб, которая так возмущала всех и на которую смотрели как на покушение на общее право, в том случае, о котором я говорю, мне кажется, до известной степени вызвана этим самым общим правом. Недавно вводили таксу на мясо у мясника, на хлеб у булочника. — Почему же не ввести с гораздо большим правом таксу на хлеб на рынках?..» Но Доливье не остановился на этом. Он пошел дальше и смело затронул самое право собственности: «Каково общее представление о собственности? Я говорю о земельной собственности. Надо сознаться, что до сих пор об этом слишком мало думали, а то, что говорили, указывает на довольно неправильные представления. Могло казаться, что боялись коснуться этого вопроса. Ему поспешили придать таинственный и священный характер, точно хотели совершенно запретить касаться его. Но разум не должен признавать никакого политического догмата, предписывающего ему слепое уважение и фанатическое повиновение. Не восходя до истинных принципов, на основании которых собственность может и должна существовать, не подлежит сомнению, что те, которых называют собственниками, состоят ими только в силу закона. Только нация является действительной собственницей своей земли. Но если предположить, что нация могла и должна была допустить существующую форму частной собственности и ее передачи, могла ли она сделать это таким образом, чтобы лишить себя своего суверенного права на продукты, могла ли она даровать такие права собственникам, не оставив никаких прав не-собственникам, даже неотъемлемого естественного права? Но можно рассуждать и иначе, гораздо более убедительно. Для этого нужно рассмотреть сам по себе вопрос о том, что может представлять действительное право собственности; но здесь не место этим заниматься. Ж.-Ж. Руссо где-то выразился так, что «тот, кто съедает хлеб, который он не заработал, крадет его!» [1].

[1] См. в заседании 6 мая заступничество Базира и д'Альбитта.

[1] Петиция Доливье была опубликована в «Archives parlementaires», в приложении к заседанию 1 мая 1792 г.

Можно назвать очень смелой эту речь якобинского священника. Можно назвать его социалистом, и я против этого не возражаю. Но этот социализм не вытекает исключительно из крайней философии и естественного права, в известном смысле он очень древнего происхождения. Разве Доливье не хотел истолковать в пользу нации то верховное право королей, которым пользовались прежние короли на все земли королевства? Ведь и Людовик XIV также говорил, что он является господином всех земель своих подданных. Нация унаследовала это у Людовика XIV. Впрочем, социализм Доливье стремится оправдать только возвращение к прежней таксе и регламентации, и то лишь в случае неурожая. Он является современным, если хотите, по своим выражениям, но по своей юридической форме, по своему евангельскому духу, по своему предмету, как и по своим средствам, он очень стар.

Петиция священника из Мошана встречена была неловким молчанием даже демократами Собрания. Бо́льшая часть газет даже не упомянула о ней. Но среди якобинцев нашелся человек, который похвалил ее и признал ее принципы. Робеспьер, который пользовался уже большой популярностью, воспроизвел ее целиком в своей газете «Le Défenseur de la Constitution» [1], снабдив ее грозными комментариями. «Симоно,—пишет Робеспьер,—вовсе не был героем, это был гражданин, которого на его родине считали жадным спекулянтом предметами общественного продовольствия, стремившимся применить против своих сограждан ту ужасную силу, которую гуманность, справедливость и даже закон запрещали применять и в слабой степени; он был виновен раньше, чем стал жертвой» [2].

Затем Робеспьер резко нападает на весь класс, только одним из представителей которого был Симоно, на эту жадную буржуазию, которая в революции видела только средство занять место дворянства и духовенства и которая с таким же упорством защищала привилегии богатства, с каким те защищали привилегии происхождения. Робеспьер отвергал также как контр-революционное изобретение «аграрный закон», который он считал опасным и неисполнимым. Он повторял, что он не хочет уничтожить собственность, а только хочет регулировать пользование ею, чтобы помешать злоупотреблениям. Словом, он, как и сам Доливье, только откладывал теоретический вопрос, но он заранее оправдывал возвращение к регламентации и нормировке, практиковавшимся при старом режиме. 24 мая по поводу петиции другого священника Пертюиса, близ Сен-Мало, Робеспьер опять протестовал в клубе якобинцев против жестоких репрессий, применявшихся к крестьянам [3].

[1] Не надо забывать, что Робеспьер, не дожидаясь петиции священника из Мошана, занял позицию против Симоно. Уже 28 марта 1792 г. он заставил якобинцев в клубе отклонить присуждение ему венка.

[2] Buchez et Roux воспроизвели № 4 «Défenseur de la Constitution», t. XIV. pp. 263—277.

[3] E. Hamel, Histoire de Robespierre, t. II, p. 276. Сборник Олара об Обществе якобинцев только вскользь и смутно упоминает о вмешательстве Робеспьера. Это не единственный случай, увы, когда этот сборник сводит до минимума или совершенно выпускает все речи Робеспьера.

По этим выступлениям человека, который олицетворял собой всю активную демократию, ту, которая вскоре составила большинство партии монтаньяров, можно уже заранее предвидеть, что широкое и неорганизованное крестьянское и рабочее движение весны 1792 г. не окажется без будущего. Нужды потребителей, требования рабочего класса сел и городов теперь приобрели мужественного и убежденного защитника. Партия регламентации и нормировки мало-по-малу объединяется и организуется. Когда представятся благоприятные обстоятельства, когда монархия падет 10 августа под ударами санкюлотов и под тяжестью своих собственных ошибок, когда станет угрожать нашествие и Брауншвейг будет приближаться к Парижу, тогда движение возобновится с новой силой, и на этот раз его стремления мало-по-малу станут законами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОПЫТКА РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО НАШЕСТВИЯ.

(Сентябрь — декабрь 1792 г.)

Последствия 10 августа.

Падение трона 10 августа было делом санкюлотов. Мятежная Парижская коммуна, представлявшая новую народную власть, вышедшую из восстания, имела решающее влияние на умирающее Законодательное собрание. Собрание должно было дать народу его долю в наследии монархии. И целый ряд демократических мер последовали одна за другой. Уничтожено было различие между активными гражданами, которые одни только до сих пор обладали правом голоса, и пассивными гражданами, которые до сих пор лишь пассивно поддерживали закон богатства, как при новом режиме, так и при старом. В первый раз трудящиеся, у которых нет другой собственности, кроме их рук, получили доступ к политической власти. Все реальные повинности, тяготевшие еще над крестьянами, были отменены без вознаграждения. Из старых феодальных повинностей остались только случайные повинности, основанные на старых актах, но и их отныне можно было выкупить на более льготных условиях. Чтобы увеличить число мелких собственников. Собрание издало декрет, что имения эмигрантов будут разделены на мелкие участки, прежде чем будут пущены в продажу, и что бедняки могут принять участие в их аукционной распродаже, обещая расплатиться за них простыми взносами годовой ренты. «Таким образом, — говорит Жорес, — народный гнев 10 августа донесся в глубокие и отдаленнейшие долины как призыв к освобождению. Крестьяне, защищайте революцию и отечество, чтобы защитить самих себя!»

Победа народа должна была почувствоваться также и в области продовольствия.

Несмотря на хороший, повидимому, урожай, который в общем был обильнее урожая предыдущего года, рынки были пусты, зерно прятали, хлеба было мало, и цены постоянно росли. Проделки аристократов! — говорили революционеры. Фермеры предпочитали прятать свой хлеб, чем обменивать его на ассигнаты. Они

знали, что сильная прусская армия под командой Брауншвейга поднималась вверх по долине Мозеля и шла на Париж. Будущее казалось им неопределенным, они были настороже и выжидали. Теперь им легче было делать это, чем прежде, потому что революция освободила их от налога на соль, от феодальных повинностей и от десятины. У них теперь были некоторые авансы, и они не должны были, как до 1789 года, во что бы то ни стало продавать свой урожай, чтобы внести налоги или арендную плату. Притом многие собственники советовали им не спешить, а выжидать. Собственники также не спешили получать арендную плату ассигнатами. Огромные закупки для армии и флота также содействовали уменьшению количества товаров и повышению их рыночной цены. До тех пор солдатский хлеб приготовлялся из смеси ржаной и пшеничной муки. Чтобы и у солдат также был повод радоваться событию 10 августа. Законодательное собрание 8 сентября издало декрет, чтобы солдатский хлеб впредь приготовлялся из одной только пшеничной муки. Это увеличило потребление хлеба. По всем этим причинам продовольственный кризис не только не уменьшился, но стал сильнее чувствоваться именно в тот момент, когда развитие событий открывало народу широкие перспективы и надежды.

Во всей Франции политические волнения выразились в повторении экономических беспорядков. 11 августа 1792 г. большие обозы хлеба, предназначавшиеся для Гарда и для Эро, были задержаны на Южном канале близ Каркассонна. Когда пришло известие о парижской революции, толпа увеличилась. 6 000 человек собрались под звуки набата. Национальная гвардия, вызванная департаментом Од, перешла на сторону мятежников. 17 августа, когда распространился слух, что придут линейные войска, отряд крестьян направился в Каркассонн, овладел пушками и ружьями, хранившимися в городе, топором и ножом расправился с генеральным прокурором, синдиком Вердье, и затем разгрузил хлеб и перевез его в Каркассонн. Чтобы восстановить порядок, потребовалась посылка 4 000 солдат [1].

Такие же волнения, только менее сильные, разразились около этого времени везде. По течению Сены пришлось употребить большие силы, чтобы помешать прибрежным жителям останавливать обозы с хлебом, направлявшимся из Гавра и Руана к столице [2].

Под давлением масс вышедшие из терпения местные власти принимали меры регламентации, напоминавшие меры старого режима. Так, администраторы Верхней Гаронны в постановлении от 14 августа приказывают муниципалитетам следить за скупщиками хлеба, «особенно за такими, которые до сих пор не занимались этим видом торговли, теперь же разъезжают по деревням для скупки хлеба».

[1] L. Dutil, La circulation des grains dans l'Aude à l'époque révolutionnaire, «Révolution française», t. XLVIII.

[2] E. Evrard, Les subsistances dans l'Eure («Bulletin d'histoire économique de la Révolution», 1909).

Это было равносильно тому, что торговля хлебом отныне не будет свободна, что заниматься ею можно будет только с разрешения властей. Власти должны были удостовериться в личности неизвестных им покупателей, предавать их суду, «для наказания их по всей строгости законов»,—сказано в постановлении; постановление, однако, не указывает, каких именно законов. Постановление Верхней Гаронны приказывало еще муниципалитетам следить и арестовывать «злоумышленников, которые проникают на рынки и тайно скупают там хлеб не для собственного потребления, а для перепродажи, повышая таким образом цены на съестные припасы» [1]. Подобное правило сводилось к фактическому прекращению хлебной торговли. Несколько дней спустя, 14 сентября, тот же самый департамент ввел принудительный курс кредитных билетов. И этот департамент не составлял исключения.

Прокламация 4 сентября 1792 г. и ее последствия.

Ввиду обстоятельств, с которыми оно не в состоянии было справиться, Законодательное собрание, несмотря на свое отвращение, принуждено было уступить течению.

3 сентября во время резни в тюрьмах, потеряв голову при известии о взятии Лонгви и Вердена, Законодательное собрание, по предложению Тюрио, декретировало общую амнистию, прекратившую все процессы и постановления против граждан, которые, начиная с 14 июля 1789 г., подвергались преследованиям или были осуждены под предлогом нарушения законов о свободном обращении и о свободной продаже хлеба. Эта амнистия была также распространена на все преступления и проступки по отношению к собственности и к разделу общинных земель. Таким образом освобождены были без разбора тысячи преступников, арестованных во время репрессий, имевших место в марте и апреле месяцах.

4 сентября закон опять ассигновал 12 миллионов в распоряжение министра внутренних дел для закупки хлеба за границей.

В тот же самый день Временный исполнительный совет в простом приказе распорядился принять экстренные меры принуждения собственников для продажи своего хлеба военным агентам. Армии, собиравшейся в Шалоне под начальством Люкнера, угрожала опасность остаться без хлеба. Собственники соседних департаментов пользовались случаем и требовали чрезмерно высокие цены. Исполнительный совет разрешил генералам и гражданским властям принудить их продавать. Время выдачи и цены должны были устанавливаться административными органами. Это была не только принудительная продажа, это была нормировка.

Хотя приказы Исполнительного совета и не были облечены законной силой Собрания, тем не менее они исполнялись в департаментах, прилегавших к театру

[1] Adher, Le Comité des subsistances de Toulouse, p. XVI—XVIII.

военных действий. 6 сентября администраторы Верхней Марны издали приказ, чтобы все жители в течение двадцати четырех часов сделали в своих муниципалитетах декларацию об имеющихся у них запасах хлеба в снопах, в зерне и фуража; муниципалитеты же должны были в течение трех дней проверить эти декларации и в тот же промежуток времени сообщить, какими они обладают средствами для доставки этого продовольствия армии [1]. Последующее постановление, принятое теми же самыми администраторами 19 сентября, разрешало муниципалитетам, в случае злого умысла, «принимать принудительные меры» для захвата продовольствия «по ценам, устанавливаемым администраторами».

Сортируя кипу старых листков, которые я купил уже давно, в 1899 г., когда я посетил лицей в Монтобане, я нашел полный текст приказа 4 сентября, перепечатанный тогда же администрацией департамента Верхней Гаронны. Привожу этот текст, неизвестный до сих пор.

«Именем нации.

Принимая во внимание, что передвижение войск и граждан, устремляющихся из всех частей империи для пополнения рядов армии, принуждает прибегать к экстраординарным мерам, чтобы быть в состоянии обеспечить продовольствием как людей, так и лошадей, *Временный исполнительный совет* приказывает следующее:

Статья первая. — Заведующие военным продовольствием могут покупать по взаимному соглашению во всем королевстве, где они только найдут, необходимые для приготовления хлеба для войск муку и хлеб в зерне, а также сено, солому, овес и другое зерно для продовольствия лошадей.

Статья вторая. — Если собственники не желают продавать своих съестных припасов, заведующие могут, с разрешения военного комиссара, а в случае отсутствия такового — административных органов [2], забрать то, без чего собственники могут обойтись, причем им должно быть уплачено по ценам, установленным административными органами.

Статья третья. — Перевозка как сухим, так и водным путем производится по обоюдному соглашению. Но везде, где нехватит подвод обыкновенных извозчиков, административные органы обязаны предоставить в распоряжение заведующих военным продовольствием необходимое им число частных подвод, и за наем этих подвод должно быть уплачено по установленным за это ценам.

Статья четвертая. — В предусмотренных выше случаях заведующие военным продовольствием письменно обращаются со своими требованиями к комиссарам-

[1] Ch. Lorain, Les subsistances dans le district de Chaumont, t. I, p. 266.

[2] Т. е. директории департамента и округа.

распорядителям или к военным комиссарам; в случае отсутствия они могут обращаться к административным органам, и, наконец, им предоставляется право временно производить реквизиции у граждан, владеющих продовольствием или перевозочными средствами.

Все административные органы и суды обязаны занести этот приказ в свои протоколы, прочесть, объявить его в каждом приходе своих округов, расклеить в своих учреждениях и исполнять, как закон.

Что удостоверяется нашими подписями и приложением государственной печати. В Париже, 4 сентября 1792 г., IV год свободы.

Подписано: Ж. Серван, Клавьер, Монж, Дантон, Лебрэн, —
от имени Исполнительного совета.
Грувель, секретарь» [1].

На приказе отсутствует подпись министра Ролана, в ведении которого находилось продовольствие. Отказался ли он дать свою подпись, или же он отсутствовал в то время, когда его коллеги вели дебаты? Факт имеет некоторый интерес, если принять во внимание странный вопрос, который он поднял через месяц после этого и в котором он играл неблаговидную роль.

Генералы встретили с удовольствием приказ 4 сентября, который облегчал снабжение их армий. Генерал, командовавший северной армией, 24 сентября писал административным органам департаментов Оба и Марны и соседних департаментов, предупреждая их, что заведующие военным продовольствием отправятся в их департаменты в сопровождении вооруженной силы, чтобы заставить немедленно обмолотить рожь и овес последнего урожая, которые будут тотчас реквизированы так же, как и фураж. Дистрикт Суассон исполнил предписания главнокомандующего и 29 сентября принял постановление, которое предписывало национальной гвардии составить отряды «для посещения вместе с комиссарами фермеров, землевладельцев, собственников, осмотреть их амбары, удостовериться в количестве имеющегося у них хлеба и свезти этот хлеб в Суассон». Эти же самые отряды должны были заставить обмолотить хлеб и свезти его в военные магазины, где за них должно было быть уплачено по рыночной цене [2].

Ролан, который был завзятым сторонником свободы торговли, поспешил заявить своим коллегам из Исполнительного совета, что приказ Суассонского дистрикта противоречит закону, и требовал его отмены. Его коллеги Лебрэн,

[1] F. Toulouse, de l'imprimerie de J.-G. Besian, seul imprimeur du département de la Haute-Garonne, place Saint-Georges, № 285 (note de l'imprimé).

[2] Согласно вступительной части приказа Исполнительного совета от 6 октября 1792 г. Этот приказ не фигурирует в сборнике Олара. «Archives parlementaires» дают его текст. t. LII, pp. 397–398, но смешивают его с приказом 4 сентября, совершенно от него отличающимся.

Монж и Клавьер 6 октября подписали вместе с ним в этом смысле прокламацию, которую он наверное редактировал. Письмо генерала, командующего северной армией, которое вызвало приказ Суассонского дистрикта, в этом официальном документе квалифицируется как «так называемое письмо». Целый ряд соображений напоминал законы о свободе торговли, осуждал суассонский приказ как «нарушение права собственности», как неправильный, потому что дистрикт не посоветовался с департаментом Эна, как опасный для общественного спокойствия и т. д. Наконец, прокламация, отменив инкриминируемый приказ, запрещала всем административным органам впредь издавать подобные приказы.

Два дня спустя Ролан писал председателю Конвента и осуждал приказ 4 сентября, существование которого он только что открыл:

«Париж, 8 октября 1792 г.
I год Французской республики.

Господин президент,

Национальному конвенту, без сомнения, покажется странным, что я доношу ему об акте исполнительной власти; но Собрание перестанет удивляться, когда примет во внимание, что прокламация, о которой идет речь, была, без всякого сомнения, добыта окольным путем у министров, в главнейшие обязанности которых не входило считаться с ее гибельными последствиями, другие же абсолютно ничего о ней не знали [1].

Волнения, охватившие теперь всю Францию с одного конца ее до другого, имеют различные хорошо известные причины, которые бесполезно напоминать [2]. Но имеется очень коварно рассчитанное средство поддерживать их, — средство, которым пользуются невероятно настойчиво; оно состоит в том, чтобы вызвать в народе опасение относительно средств, относительно возможности прокормить его. Очевидно, его хотят убедить, что свободное обращение лишает его продовольствия, между тем как совершенно очевидно, что без него народ может и неизбежно должен умереть от голода посреди изобилия.

Но, возвращаясь к вопросу, я утверждаю: 1) что эта прокламация никогда не обсуждалась в Совете; 2) что о ней нигде не упоминается в его протоколах [3]; 3) что она не была составлена в бюро войны и что Серван заявил, что не знает, кем она предложена; 4) что она была мне прислана г. Ассенфрацем, который ведает этой частью в бюро войны, 7 октября, в первый же день, как мы оба услыхали о ней, и что это было после рассылки прокламации, экземпляр которой, под-

[1] Совершенно неосновательно во множественном числе. На прокламации 4 сентября недостает только подписи Ролана.

[2] Намек на кампанию жирондистской прессы, которая приписывала волнения монтаньярам и агентам Парижской коммуны.

[3] Этим объясняется, почему эта прокламация отсутствует в сборнике Олара.

писанный мною, я взял здесь [1]; 5) наконец, что она вызвала самые большие волнения в северных департаментах; что она вызвала недоверие и опасения фермеров и рынков в такой степени, что результатом этого были многочисленные аресты и почти абсолютное прекращение обращения съестных припасов, даже тех, которые закупались и оплачивались для продовольствия Парижа; они еще в настоящий момент везде задерживаются, особенно в Суассоне.

Во всем этом я не могу видеть ничего другого, кроме выгоды для заготовителей продовольствия армии, которым я приписываю эту прокламацию, составленную без моего ведома. Я не могу в этом видеть ничего кроме союза [sic!] с врагами общественного дела, кроме самой гибельной попытки повредить ему.

Министр внутренних дел

Ролан» [2].

Трудно не заметить в этом письме Ролана косвенного маневра против Дантона и его партии. Аффектация, с которой этот педантичный экономист выгораживал Сервана, вероломство, с которым он старался внушить мысль, что авторами прокламации были поставщики армии (он говорит — заготовители провианта), наконец, настойчивость, с которой он старался взвалить на этот документ ответственность за беспорядки, значение которых он сильно преувеличивал, — все клонилось к тому, чтобы указать на Дантона и его группу.

Впечатление это подтверждается тем, что Петион после прочтения письма Ролана всходит на трибуну и поддерживает его замечания. Если верить прежнему мэру Парижа, прокламация 4 сентября могла только «распространить страх, помешать земледельцам привозить свой хлеб на рынок, увеличить цену съестных припасов и вызвать нужду». Затем Петион обсуждал легальность прокламации, которую он не хотел признать подлинной: «Если бы она была составлена исполнительной властью, вы должны были бы порицать поведение этой власти; но министр внутренних дел говорит вам, что министры ничего о ней не знали. Я требую поэтому, чтобы директор Национальной типографии был вызван к решетке Конвента и сказал, была ли эта прокламация действительно напечатана в этой типографии, и кто доставил ее рукопись». Это предложение было встречено аплодисментами и принято без дебатов.

В отсутствие гражданина Аниссон-Дюперрона, директора Национальной типографии, находившегося на бумажной фабрике в Бюже, близ Монтаржи, для наблюдения за печатанием ассигнатов, один из его агентов, допрошенный в заседании 9 октября, не мог удостоверить, что прокламация 4 сентября была набрана в Национальной типографии. Тогда депутат Леопар Бурдон заметил, что на

[1] Речь идет о прокламации 6 октября, которая отменяла приказ Суассона, оспоренный на прокламации 4 сентября.

[2] «Archives parlementaires». t. LII, p. 397.

актах, печатающихся по распоряжению исполнительной власти, имеется надпись: «*Напечатано в исполнительной Национальной типографии*», на этой же прокламации есть только надпись: «*Национальная типография*». Но тогда Трейлар, в свою очередь, заметил, что Ролан в своем письме не говорил, что прокламация поддельная, а говорил только, что она окольным путем добыта у исполнительной власти; а это совсем не то же самое: «Существует закон,— продолжал он,— который карает смертью подделывателей подобного рода; необходимо узнать, из какого бюро министерства могла выйти эта прокламация. Я требую, чтобы те шесть министров, которые подписаны на этой прокламации [1], были допрошены в отдельности, чтобы узнать, от кого из них она исходила». Предложение это было принято без возражений.

Исполнительный совет тотчас же исполнил это требование. Еще до окончания заседания он передал свои объяснения председателю Собрания. Прокламация 4 сентября действительно была его делом. Он напомнил обстоятельства, которые вызвали это: «Вы должны вспомнить, что в начале сентября, когда прусская армия форсированным маршем шла на Шалон, в этом городе было очень мало зерна. Генералы наших армий, военный министр и административные органы беспрестанно жаловались на трудность получения хлеба и подвод и на чрезмерные цены, которые назначались их собственниками. Жалобы, адресованные в Законодательное собрание, пересылались им в чрезвычайную комиссию и обсуждались в присутствии нескольких министров. Опасность была велика, надо было перебросить в Шалон или в окрестности армию больше чем в 80 000 человек, нужно было или кормить эту армию, или уступить дорогу неприятелю. Комиссия тогда пришла к убеждению в необходимости принять меры, чтобы принудить тех, у которых не было достаточно патриотизма, или которые из жадности хотели воспользоваться тяжелым положением отечества, продавать хлеб и доставлять подводы». Затем Исполнительный совет стал защищать законный характер своей прокламации. Последняя была решена после долгих дебатов в чрезвычайной комиссии Двенадцати. Она только придавала общий характер тем мерам, которые были уже приняты различными административными органами в отдельных департаментах, по примеру некоторых генералов в армии. Законодательное собрание, в свою очередь, признало принципы прокламации в своих декретах от 9 и 16 сентября, которые еще увеличивали их строгость. Наконец, оно формальным декретом определенно уполномочило Исполнительный совет «принять все меры для спасения общественного блага, и оно карало смертной казнью всех, кто мешал его действиям или сопротивлялся его приказам». Все слова этой защиты были хлесткими опровержениями, прямо направленными против Ролана и Петиона. Однако в конце, в двух презрительных фразах, Совет давал лазейку неудачному министру внутренних дел. «Но потом, когда обстоятельства изменились, о прокламации совершенно забыли,

[1] На прокламации было пять, а не шесть подписей.

и Исполнительный совет не счел даже нужным отменить ее. Заявление министра внутренних дел, который не знал этих обстоятельств и думал, что это подложный документ, составленный злоумышленниками, заставляет Совет отменить эту прокламацию». Эта уступка, без сомнения, дала возможность Ролану присоединить и свою подпись к письму Исполнительного совета, которое таким образом было подписано также Клавьером, Монжем, Дантоном и Лебрэном [1].

Мы не рискуем ошибиться, предположив, что Дантон, который в тот же день оставил должность министра юстиции, был автором ответа Исполнительного совета на формулированное Конвентом требование объяснений. Его друзья из Собрания, Тальен, Шабо, Тюрио, хотели дать ему реванш. Когда Собрание перешло к очередным делам по поводу этого инцидента, они протестовали против голосования и заставили повторить его. Но когда вторичное голосование подтвердило первое, Тюрио среди общего шума попросил слова. «Декрет, на основании которого вы перешли к очередным делам,— сказал он,— соответствует моим принципам; но может показаться, что этот декрет направлен против подписавших прокламацию [4 сентября] министров, и против этого я возражаю. Они доказали вам, что они составили эту прокламацию в общественных интересах, и вы должны выразить уважение к чистоте их намерений. Поэтому я требую, чтобы Собрание перешло к очередным делам по поводу заявления министра внутренних дел». Делакруа, который был председателем, заметил Тюрио, что к очередным делам перешли именно в этом смысле. «В таком случае,— сказал Тюрио,— я требую, чтобы Конвент отменил свой декрет, на основании которого он требует объяснений у министров, подписавших прокламацию». Это было решено. Это значило объявить Дантона и других министров, подписавших прокламацию, безупречными и в противовес этому подчеркнуть легкомыслие заявления Ролана.

Об этом инциденте стоило рассказать хотя бы для того, чтобы показать, как трудно было знать даже официальные акты. У нас имеются протоколы Временного исполнительного совета. Эти протоколы очень неполны, так как они не упоминают о двух важных прокламациях, 4 сентября и 6 октября, и потому, что в них нет ничего о переговорах Ролана и его коллег с Конвентом. Как писать историю, когда источники, которые по всем видимостям должны быть подлинными, неправильны, когда им нельзя доверять?

Этот инцидент наглядно показывает нам всю разницу между социальной политикой жирондистов и монтаньяров.

Законы 9 и 16 сентября 1792 г.

Принудительная продажа и нормировка цен были разрешены прокламацией Исполнительного совета только для обеспечения продовольствия армии. Но снаб-

[1] «Archives parlementaires», t. LII, pp. 411—412.

жение продовольствием гражданского населения становилось с каждым днем все более затруднительным. 9 сентября по докладу Дестрема Собрание приняло закон, который давал право муниципалитетам, «каждому в своем округе, удерживать необходимое число рабочих для обмолачивания хлеба и для обработки земли». Административные органы с своей стороны имели право требовать от муниципалитетов отчета о состоянии рынков и содействовать снабжению их посредством реквизиций у частных лиц. Это было восстановлением старых правил относительно обязательного снабжения рынков продовольствием.

Новый закон только санкционировал фактическое положение. Многие муниципалитеты и административные органы уже по собственной инициативе приняли меры, которые предписывал закон. Так, уже начиная с 3 сентября 1792 г., округ Шомон предложил всем окрестным коммунам начать молотьбу собранного с полей урожая для снабжения им рынков.

Многие города, которым угрожал голод, могли избавиться от него, только захватывая хлеб, закупленный для армии и хранившийся в военных складах. И это именно произошло в Перпиньяне и в Руане. 16 сентября военный министр Серван жаловался, что муниципалитет Руана распределил между булочниками 4 тысячи пудов зерна и муки, принадлежавших армии. Если бы подобные факты стали общим явлением, то от этого пострадало бы продовольствие армии. Собрание постановило послать двух своих членов в Руан, чтобы произвести следствие и отозвать в случае надобности виновных членов административных органов. В то же самое время оно, по предложению Верньо, издало закон, составлявший дополнение и толкование закона 9 сентября в вопросе о гражданских реквизициях. Описи из добровольных превратились в обязательные. Они должны были быть произведены в самый короткий срок во всех коммунах. По окончании этих описей административные органы департамента тотчас же посредством приказов должны были установить «количество хлеба (в зерне), которое каждая коммуна должна доставить на общественный рынок, соответственно тому, что у нее есть». У лиц, отказывающихся повиноваться реквизиции, должно быть конфисковано их зерно, и они подлежат наказанию, вплоть до года заключения, т. е. года принудительных работ [1].

Если оставить в стороне нормировку, то этот закон 16 сентября воскрешал значительную часть регламентации, существовавшей до 1789 г. Но это была только полумера, потому что гражданские реквизиции могли производиться только в пределах каждого департамента. Нуждающиеся департаменты не могли получать продовольствие посредством реквизиций из более богатых департаментов. С другой стороны, реквизиция без таксы не только не понижала цен, но, наоборот, могла

[1] Этот важный закон 16 сентября 1792 г. отсутствует в сборнике Карона, «Commerce des céréales» («Bulletin», 1906).

их только еще повысить. Таким образом нет ничего удивительного, что закон 16 сентября не удовлетворил ни тех, для кого он был издан, ни тех, которые должны были на себе испытывать его тяжесть. Он почти с самого начала натолкнулся одновременно на двойную оппозицию — как потребителей, так и производителей.

«Аграрный закон».

Со времени своей победы 10 августа санкюлоты увеличили свои претензии. Некоторые из них не ограничивались уже одним требованием введения таксы. Они мечтали о большем. Они говорили, что после уничтожения привилегии происхождения пришла очередь уничтожения привилегии богатства. В разных местах начали выставлять требования коммунистического характера.

Два комиссара Исполнительного совета, посланные в начале сентября в Нормандию для ускорения набора волонтеров, Моморо и Дюфур, распространили новую декларацию прав человека, *сочиненную первым из них. В ней были следующих* два параграфа: «1. Нация признает только промышленную собственность, которой она гарантирует неприкосновенность. 2. Нация обеспечивает также гражданам гарантию и неприкосновенность того, что неправильно называют земельной собственностью, до тех пор, пока она издаст законы по этому поводу». Это значило, что владельцы недвижимых имуществ сохраняют свои владения только временно. Это было угрозой пересмотра их прав, это значило проповедывать *аграрный закон*, как принято было говорить. Буржуа города Бернэ взбунтовались, арестовали обоих комиссаров и освободили их только после того, как те обещали немедленно убраться оттуда.

Моморо из Франш-Конте был одним из самых влиятельных членов клуба кордельеров. Он играл значительную роль во всех крупных событиях. Он участвовал в директории Парижского департамента. Это был выдающийся человек, и идеями его нельзя было пренебрегать. Его декларация прав, без сомнения, имела целью подготовить передачу земельного фонда в пользу нации, чтобы радикально решить вечный вопрос о продовольствии.

Он, конечно, не был одинок в этом вопросе. Мы знаем уже, что священник из Мошана, Доливье, смело поставил вопрос о праве собственности в своей петиции в защиту крестьян, арестованных за убийство Симоно, мэра города Этампа. Другие столь же смелые священники после 10 августа переходили от доктрин к действиям. Некий Птижан, священник в Эпинейле в Шере, говорил своим прихожанам: «Имения станут общественным достоянием, будет только один погреб, один амбар, где всякий будет брать все, что ему нужно» [1]. Птижан советовал «делать запасы в погребах и в амбарах», откуда всем можно будет брать, так что больше не нужно

[1] См. любопытную статью Edm. Campagnac («La Révolution française», t. XLV).

будет денег. Радикальное средство прекратить денежный кризис! Он предлагал еще своей пастве «добровольно согласиться на отказ от своего имущества и разделить свои земли». Он советовал им не платить больше арендной платы. За свои зажигательные проповеди он был арестован 23 сентября 1792 г. и 18 декабря 1792 г. уголовным судом своего департамента присужден заочно к шести годам заключения. В апелляционной инстанции наказание было сокращено до одного года тюрьмы.

За несколько недель до того, как беррийский священник начал свою социалистическую проповедь, лионец Ланж, по происхождению немец, в брошюре, озаглавленной: «Простые и легкие средства установить изобилие и справедливую цену хлеба» [1], изложил целую систему общей национализации продовольствия. Государство должно откупить у собственников по твердой цене, которая гарантирует их от всех колебаний курса, весь урожай. Компания фермеров, организованная на акциях под контролем государства и управляемая отчасти земледельцами и отчасти потребителями, соберет жатву в 30 000 запасных общественных магазинов и установит среднюю цену хлеба. Это был не теоретический взгляд, а до мельчайших подробностей обдуманная система.

Уже в самом Лионе переходили к действиям. Один агитатор, по имени Дедье, председательствовавший в секции Жюсьери, предложил приступить к розыску скупленного зерна и муки, к продаже его по принудительной цене и, наконец, к выбору особенного суда, который судил бы всякого рода скупщиков; его целью было «уничтожить гнусные проценты, жадность скупщиков, которые пользовались слабостью аристократических судей или их моральным соучастием». Центральный клуб требовал, чтобы гильотина была выставлена на одной из городских площадей. Муниципалитет отказал, но толпа в ночь с 25 на 26 августа завладела машиной и поставила ее на площади Терро, против городской думы. Волнения проникли в тюрьму. В драке были серьезно ранены два арестанта, один фальшивомонетчик и булочник, обвинявшийся в обмане. Таким образом стала распространяться мысль, что против скупщиков следует применять террор, что следует употреблять гильотину для решения экономических затруднений [2].

Еще на следующий день после 10 августа известный и смелый публицист, который, повидимому, находился в сношениях с иллюминатами в Германии [3], Николя де-Бонвиль, основатель Социального клуба и газеты «La Bouche de Fer» (Железная пасть), переиздал свою книгу «De l'esprit des religions» (О духе религий), которая в первый раз появилась на следующий день после бегства в Варрен. Там, излагая план города будущего, автор указывает на необходимость аграрного закона, в виде предсказания, имевшего очень ясный смысл: «Иегова! Иегова! Честные

[1] Жорес приводит оттуда массу извлечений. «La Convention», t. I, p. 338 et suiv.

[2] Riffaterre, Le mouvement antiparisien et antijacobin à Lyon, p. 6—7.

[3] См. по этому вопросу нашу критику диссертации Ле Форестье («Annales révolutionnaires», 1916, t. VIII, p. 432 et suiv.).

люди вечно чтут тебя! *Твой закон* [1] составляет предмет вечного поклонения. *Твой закон* составляет ужас гордецов. Твое имя служит лозунгом, *законом* франков... *Аграрный*» [2]. Затем шла глава под заглавием «Доказательства», в которой говорится: «Вы постоянно возражаете, что равный и ежегодный раздел земель в каждой общине невозможен. А я говорю, что он производился, что это был закон правительства наших предков и что этот народ, счастливый и свободный, этот народ, брат и повелитель — сбросил народ-царя, который диктовал миру произвольные законы»... Приводя цитаты из Цезаря и Тацита, Бонвиль пытался доказать, что у древних галлов и древних германцев передел земель производился каждый год.

Наконец, в 39-й главе он говорит о *средстве для подготовки всеобщего передела земель*. Здесь его практическая мысль становится ясной и точной. «Национальное собрание,—говорил он,—сильно подвинуло своими декретами о наследовании и об общинных землях дело вперед, но этого недостаточно. Единственное возможное средство прийти к великому социальному *согласию* (Communion) заключается в разделе земельных наследий на равные и определенные части между детьми покойного и в призыве к разделу остального между всеми другими родственниками. Назначьте отныне наследство каждого из детей или внуков равным пяти или шести арпанам, и пусть другие родственники точно так же разделят между собой поровну все остальное наследство. Вы будете еще очень далеки от справедливости и от обещаний, которые вы сделали о равных и неотъемлемых правах всех людей. Вы оставите еще на земле *следы первородного греха*, но лучшие законы не подходят для вас. Ослепленный народ не знает своей силы, кроме того у него нет ваших искусственных потребностей. Вы увидите, что здесь вы работаете для самих себя». Другими словами, Бонвиль советовал богатым пожертвовать частью своего имущества, чтобы спасти остальное.

Если мы вспомним, что Бонвиль, как и Моморо, был членом клуба кордельеров и что в Социальном клубе, который он основал, он создал трибуну аббату Фоше, который с конца 1790 г. проповедывал нечто вроде евангельского социализма; если принять во внимание, что Фоше имел среди парижского духовенства последователей, более смелых, чем он сам, как аббат Курнан, профессор в Collège de France, автор трактата *о собственности*, появившегося в апреле 1791 г.; если принять во внимание горячие протесты, раздававшиеся после 10 августа против сторонников аграрного закона, как и заявления некоторых их друзей, то у нас не останется больше сомнений относительно того, что в то время действительно существовала группа, еще мало известная, но довольно организованная и активная, которая требовала дополнительно социальной революции и для которой

[1] Подчеркнуто в тексте так же, как и дальнейшее.
[2] P. 52—53.

проблема продовольствия являлась только частью гораздо более широкой проблемы.

У нас имеются уже важные факты и свидетельства относительно широты и глубины этого социалистического движения, начавшегося после 10 августа и предшествовавшего провозглашению республики.

Законодательное собрание требовало от всех чиновников, от всех магистратов, от всех избирателей принесения присяги на верность свободе и равенству. Администраторы Реймса выразили опасение, чтобы, принося присягу равенству, они этим не согласились на равный раздел имуществ, чтобы, одним словом, они не присягнули этим тому, что тогда называли *фактическим равенством* [1]. Некоторые избирательные собрания, объединившиеся для выбора депутатов в Конвент, как, напр., избирательные собрания Эры, Канталя, Эндры, протестовали против проповеди аграрного закона и требовали сохранения собственности [2]. В Ло избирательное собрание принуждено было выпустить прокламацию к крестьянам с предложением прекратить разграбление имущества эмигрантов [3]. Вспомним еще ту фразу, которую якобинец Тома Лэнде, эрский епископ, писал своему брату Роберу 20 августа 1792 г.: «Революция заводит нас далеко. Берегись аграрного закона!»

Не подлежит таким образом сомнению, что социальное движение после 10 августа местами приняло коммунистическую окраску.

Жирондистская политика. Ролан.

Жирондисты, с горечью переносившие приказы Парижской коммуны, не могли упустить случая использовать против своих политических противников зажигательные проповеди, как их называли, проповеди Моморо и Птижанов. Министр внутренних дел Ролан был экономистом школы Тюрго, человеком прямолинейным и упорным, который осуждал всякую меру регламентации, как преступное заблуждение. Он считал гибельными законы 9 и 16 сентября, которые он, однако, обязан был применять. Он говорил себе, что, пугая собственников жупелом аграрного закона, ему легко удастся отменить законодательство, которое он считал гибельным. Уже с 13 сентября он повел кампанию против дезорганизаторов и анархистов, донося Собранию о поведении некоторых комиссаров Парижской коммуны, которые всюду, говорил он, своими незаконными реквизициями и своей необдуманной инициативой сеяли смуту.

Оправившись от своего страха с тех пор, как выборы в Конвент в департаментах обнаружили решительный успех партии порядка, вся жирондистская

[1] Об этом сообщается в брошюре Анахарсиса Клоотса A bas les perturbateurs, цитируемой Жоресом, p. 147.
[2] Aulard, Histoire politique de la Révolution, p. 261.
[3] Jaurès, La Convention, p. 117.

пресса, точно бы она только ждала этого сигнала, поддержала Ролана и начала жестоко нападать на монтаньяров, которых она считала ответственными как за сентябрьскую резню, так и за коммунистическую пропаганду.

17 сентября, через 4 дня после донесения Ролана Собранию, Бриссо в своей газете «Le Patriote français» сопоставлял кражу королевских бриллиантов из кладовой с так называемой проповедью аграрного закона, которая велась в избирательном собрании в Париже. Тотчас же за Бриссо последовал Карра в «Annales patriotiques» 19 сентября: «Всякий, кто говорит об аграрном законе, о разделе земель является настоящим аристократом, врагом общества, разбойником, которого следует уничтожить». Другие жирондистские газеты — «Courrier» Горса, «Chronique de Paris» Кондорсэ — также поддерживали его. Шевалье де-Кералио в «Chronique» от 22 сентября обрушился на безумцев, «которые превращением земли в общую собственность хотят унизить людей, доведя их до состояния зверей». Космополитический банкир Анахарсис Клоотс, который в то время был жирондистом, разразился грозной филиппикой против смутьянов: «Безумцы или изменники находят удовольствие в устрашении собственников. Они хотели бы посеять раздоры между французами, живущими произведениями своих земель, и французами, живущими произведениями своей промышленности. Этот дезорганизаторский проект — выдумка Кобленца; мнимые патриоты думают приобрести популярность, говоря, что земельная собственность есть химера, которая должна исчезнуть пред лицом реальности промышленной собственности. На этот вздор не стоило бы и возражать, если бы он не вызывал тревоги среди мирных граждан, которые в такой же мере боятся потери своих наследственных земель, как нашествия немцев; этот вздор больше, чем это можно было подумать, содействовал взятию Лонгви и Вердена» [1].

Жирондистское нападение, очевидно согласованное, было так неожиданно, что застигнутые врасплох монтаньяры сдались. Наиболее скомпрометированные и наименее щепетильные поспешили осудить свой авангард. Дантон был министром юстиции во время сентябрьской резни. Он выбрал этих комиссаров Исполнительного совета, которых Ролан назвал поджигателями, в особенности его друга, кордельера Моморо. Фабр д'Эглантин, его секретарь, расклеил на стенах Парижа анархистский плакат, озаглавленный: «Отчет суверенному народу», в котором он не только восхвалял резню, но и осыпал насмешками мнимых патриотов, «друзей собственности» [2]. Шампанец Дантон поспешил отказаться от этого столь недавнего прошлого. На первом заседании Конвента, 21 сентября, он устремился к трибуне, чтобы сделать там следующую декларацию, которая представляла осуждение коммунистов: «Некоторые думали, лучшие граждане предположили, что пламенные

[1] Цитировано у Жореса, La Convention, p. 143. 144 и след.

[2] Aulard, Les origines historiques du socialisme français («Etudes et leçons», 2-e série, p. 38—39).

друзья свободы могут доведением своих принципов до крайностей нарушить общественный порядок. Отречемся здесь от всяких крайностей, заявим, что все виды собственности, индивидуальной, земельной и промышленной, будут навсегда сохранены, и что общественные повинности будут и впредь взиматься». Собрание, в восторге от этого неожиданного благоразумия, встретило его продолжительными аплодисментами. Оно, однако, одобрило замечание Камбона, указавшего, что было бы излишне требовать от Собрания, чтобы оно принимало обязательство на вечные времена, и Собрание просто вотировало: «Частные лица и собственность находятся под защитой нации».

Робеспьер, который хотя никогда не был сторонником аграрного закона, все же хранил молчание во время этой дискуссии. Но он был слишком проницателен, чтобы не понять, что, говоря об аграрном законе, имеют в виду регламентацию и демократию. В первом номере его «Писем к своим доверителям» (Lettres à ses commettants) он ясно говорит о своей социальной программе: «Монархия уничтожена, — говорит он, — дворянство и духовенство исчезли, начинается царство равенства». Затем он резко нападает на мнимых патриотов, которые хотят «основать республику только для себя», которые понимают «управление лишь как управление в интересах богатых и государственных чиновников». Он противопоставляет им истинных патриотов, которые постараются основать республику «на принципах равенства и общего интереса». Одним словом, он разоблачает жирондистский маневр. «Обратите внимание на это вечное стремление соединять идею восстания с бедностью». Этим он призывал весь класс санкюлотов к объединению. Он хотел сохранить контакт с массами. Он оставался тем же самым Робеспьером, который за несколько месяцев до этого опубликовал петицию [1] священника Доливье по поводу убийства Симоно.

Робеспьер не был единственным, который имел мужество выступить против атаки жирондистов. Газета «Révolutions de Paris», редактировавшаяся тогда Сильвеном Марешалем, другом Бабефа, будущим редактором «Манифеста равных», не одобряя аграрного закона, с большим искусством старалась спасти, тем не менее, самое существенное из демократической политики и законодательства [2]. Сильвен Марешаль советовал богатым принести некоторые жертвы, чтобы пользоваться защитой аграрного закона, а затем он обращается к бедным: «А вы, уважаемые бедняки, которых преднамеренно игнорируют злоумышленники, скажите им, что не настало еще время ударить по артистократии богатых. Но настанет день, и он уже близок, он взойдет по окончании наших войн; это будет день, когда закон уравнит состояния. В настоящее время он может и должен облагать только богатых пропорционально нуждам отечества»... Марешаль еще прибавляет, что

[1] В № 4 «Défenseur de la Constitution».

[2] № от 15—22 сентября (вышедший 22 сентября).

необходимо «произвести уравнение имуществ, которое уничтожило бы порочный принцип преимуществ богатых над бедными. Не должно быть дозволено гражданину владеть участком земли, превышающим установленное количество арпанов». Он еще требовал, чтобы лица, получающие меньше 400 ливров дохода, не платили налогов, потому что они платят свой долг государству «своим трудом, своим потреблением, защитой своих домов, числом своих детей». Это не был аграрный закон, но это был путь, который вел к нему.

Восстание рабочих и крестьян осенью 1792 г.

Регламентация, разработанная или, вернее, придуманная во время кризиса первого нашествия, должна была быть применена посреди этой борьбы партий. С тех пор как победа при Вальми спасла Париж, с тех пор как отступление пруссаков каждый день превращалось в бегство, с тех пор как французы, переходя, в свою очередь, в наступление, собирались войти в Бельгию, эта регламентация продовольствия с каждым днем становилась менее необходимой.

Конвент с самого начала освободился от стеснительного и бдительного надзора Парижской коммуны, могущество которой он сломил. Жирондисты были господами в одно и то же время как в Собрании, так и в правительстве. Всякая регламентация казалась им уступкой анархии [1]. Можно себе представить, в каком духе и в какой мере законы 9 и 16 сентября применялись там, где они господствовали.

Во многих департаментах не был сделан учет, или если и был, то он имел чисто формальный характер. Реквизиции для снабжения рынков были таким образом невозможны в этих департаментах.

Там, где власти пытались применять закон, они наталкивались на большие трудности.

В Верхней Марне, где частые переходы войск увеличили потребление, округ Шомон проявил большое рвение в производстве учета и в требовании реквизиций от коммун для снабжения рынков. Администраторы департамента сперва приветствовали эти меры, но вскоре возникли разногласия между ними и администраторами дистрикта, когда последние хотели силою провести реквизиции при наличии злого умысла со стороны многих коммун. Департамент изменил приказ, в котором дистрикт 30 сентября приказывал жандармерии отправиться в упорствующие коммуны и заставить нагрузить реквизированное зерно. Ему было запрещено употреблять меры принуждения. Дистрикт, однако, не обратил внимания на эту оппозицию, ссылаясь на закон 16 сентября, разрешавший конфискацию хлеба

[1] Об этом свидетельствует следующая фраза в памфлете Бриссо «A tous les républicains de France» (Всем республиканцам Франции), помеченном 24 октября 1792 г.: «Дезорганизаторы — это те, которые хотят все нивеллировать: собственность, благосостояние, цены съестных припасов» (воспроизведено у Buchez et Roux, t. XX, p. 123 et suiv.).

земледельцев, отказавшихся подчиниться реквизиции. Жандармы и драгуны были посланы за счет упорствующих коммун, которые они занимали до тех пор, пока не произведены были реквизиции. Этот режим принуждения продолжался несколько месяцев. Дистрикт Шомон жаловался 5 декабря 1792 г. на снисходительность департамента, который не разрешил ему производить обысков для проверки точности сделанных земледельцами деклараций. Он предполагал, что последние скрыли четверть или половину своего хлеба. Он жаловался на отсутствие у них гражданских чувств и на их неосновательный страх. «В обращении нет ничего, — говорил он, — все припрятано. Им нечего опасаться измены исполнительной власти, между тем они мучатся так, как будто Капет из своей тюрьмы занимается еще хлебной торговлей [1], замышляет еще другую революцию и может еще оплачивать агитаторов». В этом пограничном департаменте регламентация вызвала сильное сопротивление, но все же она была применена и спасла города от голода.

Во многих других департаментах дело обстояло иначе. Реквизиции могли дать удовлетворительный результат лишь там, где власти проявляли достаточную твердость, а также там, где имелось достаточное количество хлеба. Нуждающиеся департаменты не могли запасаться продовольствием в других департаментах, которые закрывали свои границы [2]. Притом собственники имели возможность отомстить за реквизиции, увеличивая цены, назначение которых было предоставлено им. И они этим пользовались. Но, с другой стороны, потребители пытались бороться против головокружительного повышения цен на съестные припасы повышением своей заработной платы. И волнения возобновились и распространились.

В Лионе, где застой в продаже шелковых материй, вызванный эмиграцией и войной, привел к приостановке работ 30 000 станков, кризис был особенно силен. Женщины собирались толпами в различных лавках и назначали цены на товары. Они расклеивали затем по городу на стенах тариф на все съестные припасы. Этот тариф, говорит Ролан [3], был приблизительно на половину ниже уровня рыночных цен. Муниципалитет должен был санкционировать его своей властью. Один депутат, имя которого не указано в газетах, обвинял комиссаров Парижской коммуны и Исполнительного совета в том, что они являются подстрекателями лионских волнений. Конвент послал на места трех своих членов для уничтожения таксы и восстановления порядка. Эти три депутата набрали отряд платных жандармов и приступили к арестам, но порядок был восстановлен только по видимости. Волнения возобновились еще с большей силой в начале ноября.

[1] В бумагах короля были найдены расписки, которые доказывали, что казначей цивильного листа Септейль пожертвовал значительные суммы для спекуляции на повышение. (См. речь Валазе 6 ноября 1792 г.)

[2] См. петицию лионцев в заседании 5 ноября 1792 г.

[3] Заседание 22 сентября 1792 г. в Конвенте.

В Орлеане волнения происходили одновременно с лионскими. При отправке подводы с зерном в Нант собралась толпа. Один носильщик был убит, семь домов было разграблено [1].

В Иль-де-Франсе сильное волнение, вполне напоминавшее волнения, происходившие в феврале и марте, опять началось в октябре и усилилось в ноябре. Администраторы дистриктов проявляли полное нежелание исполнять закон 16 сентября. В департаменте Сены-и-Уазы один только дистрикт из девяти закончил свои переписи в конце ноября [2]. Департаментская администрация, опасаясь за продовольствие Версаля, все же решила произвести реквизицию в коммунах, чтобы снабдить рынки. Коммуны отказались повиноваться. Земледельцы оставляли свой хлеб в снопах, ссылаясь на то, что у них нехватает рабочих рук, чтобы обмолотить его. Другие перевозили его в соседние департаменты, где закон 16 сентября остался мертвой буквой [3]. Тогда вспыхнули восстания. Рынки были разграблены в Версале, в Этампе, в Рамбулье толпами, которые устанавливали цены на съестные припасы. В Рамбулье произошло кровавое столкновение. Волнения распространялись все шире и шире, и Конвент принужден был послать трех своих членов, Лидена, Телье и Лефевра, в департаменты Сены-и-Уазы, Нижней Сены, Эры, Эна и Соммы. Однако миссия эта, очевидно, не имела большого успеха.

Начиная с 7 октября многие коммуны департамента Сены-и-Уазы просили Конвент издать распоряжение о введении таксы на съестные припасы, как единственном средстве против кризиса, как необходимом дополнении к закону о реквизиции [4]. Избирательное собрание Сены-и-Уазы возобновило 19 ноября эту попытку в петиции, наделавшей много шума. Оратор, читавший ее в зале, был будущий член Конвента Гужон, в то время генеральный прокурор, синдик департамента. Он фигурирует впоследствии среди последних монтаньяров. В первый раз проблема была поставлена открыто, во всей своей полноте, и вопрос о заработной плате был связан с вопросом о продовольствии: «Граждане, первый принцип, который мы должны вам изложить, состоит в следующем: свобода торговли хлебом несовместима с существованием нашей республики. Из кого состоит наша республика? Из небольшого числа капиталистов и из большого числа бедняков. Кто занимается хлебной торговлей? Это небольшое число капиталистов. Почему они занимаются торговлей? Чтобы обогащаться. Как могут они обогащаться? Посредством повышения цены зерна при перепродаже его потребителям. Но вы должны также иметь в виду, что этот класс капиталистов и собственников, являющийся в силу неогра-

[1] Заседание 23 сентября в «Archives parlementaires».

[2] По Raymond Guyot, Le Conventionnel Goujon, p. 60—61. Гужон был тогда генеральным прокурором, синдиком Сены-и-Уазы.

[3] Так, напр., в департаменте Эры-и-Луары, где большинство коммун не представило таблиц переписи (декларация депутации Эры-и-Луары на заседании 26 ноября 1792 г.).

[4] «Archives parlementaires» за то же число.

ниченной свободы хозяином цен на хлеб, является также хозяином установления рабочего дня; ибо каждый раз, когда нужен один рабочий, их приходит десять, и у богатого есть выбор; а он останавливает свой выбор на том, который меньше требует, он ему устанавливает цену, и рабочий подчиняется его закону, потому что он нуждается в хлебе, и он иначе не может удовлетворить этой потребности». И изложив с такой ясностью то, что Карл Маркс впоследствии назвал железным законом заработной платы, Гужон приводит потрясающие цифры: «Рабочий день оплачивается 16—18 су, хлеб же стоит 37 ливров сетье, весом в 260—270 фунтов... Таким образом заработной платы нехватает для жизни»...

Только закон мог восстановить нарушенное равновесие между заработной платой и продовольствием. Закон 16 сентября был неудовлетворителен, потому что он был только полумерой: «Всякое частичное средство здесь опасно и бессильно: долой средние меры, это они нас губят... Чтобы рассчитывать на торговлю, нужно, чтобы существовала полная свобода, и при первом препятствии следует уничтожить торговлю». Что же надо было делать? Гужон определенно отвечает: «Прикажите, чтобы весь хлеб продавался на вес; установите твердые цены, пусть они составляют в этом году 9 ливров за квинтал, — средняя цена, которая в одинаковой мере удовлетворит и земледельца и потребителя... Уничтожьте крупных фермеров, концентрирующих в своих преступных руках значительные количества зерна... пусть никто не платит арендную плату зерном, и наконец, пусть никто не имеет права быть в одно и то же время и фермером и мельником. Передайте затем заботу о снабжении продовольствием каждой части республики в руки центральной администрации, избранной народом, и вы увидите, что обилие хлеба и справедливое соотношение между его ценой и стоимостью рабочего дня вернет спокойствие, счастье и жизнь всем гражданам».

Едва только было закончено чтение этой сильной и логичной петиции, как председатель Конвента, епископ Грегуар, тотчас же велел прочесть длинное письмо министра внутренних дел Ролана, который в резких выражениях, с обычными аргументами экономистов выступал против всякой идеи регламентации, а тем более установления таксы. Ролан обвинял закон 16 сентября в том, что он является причиной волнений и восстаний. Всякая реквизиция для него была стеснительна и недействительна, всякая декларация, всякий учет неизбежно не достигал цели. «Единственная вещь, которую Собрание, пожалуй, может себе позволить в продовольственном вопросе, — это заявить, что оно ничего не должно делать, что оно уничтожает всякие препятствия». Ролан осуждал даже систему, посредством которой некоторые муниципалитеты, как, напр., парижский, понижали цену печенего хлеба, компенсируя булочников за счет финансов муниципалитета. В заключение он требовал принятия энергических мер против нарушителей порядка, которые были причиной всего зла.

Конвент в огромном своем большинстве, подобно Ролану, состоял из приверженцев экономической свободы. И он приказал напечатать его письмо. Несколько членов крайней левой потребовали также напечатания петиции Сены-и-Уазы. Один депутат, имя которого не упоминалось в газетах, возразил им, что эта петиция опасна; что если применить ее идеи, то можно прямо прийти к голоду, что это посеяло бы страх среди собственников, что это повело бы даже к обесценению национальных имуществ и замедлило бы их продажу. Конвент отверг требование о напечатании. Таким образом вопрос о таксе был похоронен без дебатов. Вожди монтаньяров молчали, и их молчание было выражением неодобрения сторонникам введения таксы.

После этого голосования, которое не оставляло ни малейшего сомнения, ни малейшего колебания относительно намерений Собрания, во всем департаменте Бос вспыхнуло широкое волнение. Оно началось из леса Монмирайль в Сарте и распространилось во все стороны. Везде банды под предводительством местных властей устанавливали таксы на съестные припасы и без большого труда заставляли власти узаконивать эти таксы. 23 ноября число сторонников таксы доходило до 3 000 в Вандоме. Впереди них двигался отряд в 150 человек верхом. За два дня до этого другая банда человек в 1 000 установила таксы в Ножан-ле-Ротру. Сторонники таксы на своих шляпах имели дубовую ветку как отличительный признак. Они танцовали вокруг деревьев свободы при криках: *Да здравствует нация! Хлеб станет дешевле!* В Мансе 23 ноября муниципалитет и администрация департамента подписали тариф. То же самое произошло в Ферте-Бернаре, в Боннетабле, Сен-Калэ, Блуа, Бру, Клуа, Мере. Город Шартр должен был 24 ноября оттеснить толпу, состоявшую из 3 000 вооруженных людей. Эта же самая толпа переформировалась 1 декабря и захватила предместье Эпарс. Но регулярным войскам удалось их окружить и обезоружить. В начале декабря от 10 до 12 тысяч человек направлялось к Туру. Многие муниципалитеты уступали, не заставляя себя просить [1]. Турский муниципалитет писал Собранию, советуя ему признать их требования. Он требовал закона, устанавливающего для всей республики цену хлеба весом в 18 фунтов в 30 су. «Потушим, — говорил он, — этот очаг раздоров, разжигаемый нашими *крупными собственниками*». Департамент Эндры-и-Луары оправдывал инициаторов такс: «Народ везде голодает, — писал он Конвенту, — он нуждается в предметах первой необходимости только потому, что они ему недоступны». Это значило признать, что заработная плата была ниже уровня цен на съестные припасы, и это значило приписывать волнения естественным причинам.

[1] См. «Archives parlementaires», заседания 26 ноября, 28 ноября (письмо Ролана), 2 декабря (письмо административного органа Луары-и-Шеры), 3 декабря (доклад административного органа Эндры-и-Луары). См. также Rabouin, Les troubles dans la Beauce en nov.-déc. 1792 («La Révolution française», t. XLIII).

Министр Ролан в своем докладе Конвенту 28 ноября предпочел обвинить парижских агитаторов: «Из Парижа едут посланные, которые отправляются в Марсель, в Перпиньян и в другие города проповедывать поджоги и гражданскую войну». Он не называет этих агитаторов, и, в самом деле, мы не встречает ни одного из них в волнениях в Босе. Но Ролан предполагает еще, что проповедники таксы были переодетыми агентами аристократов и врагами республики. «Меня уверяли, что некоторые богатые лица раздавали от имени бывшего короля деньги, хлеб и одежду бедным, чтобы вызвать в народе чувство жалости к его судьбе». Это было неопределенное обвинение, которого министр не подтверждал ни одним фактом, никаким именем.

При известии о волнениях Конвент послал трех своих членов в каждый из департаментов Эры-и-Луары, Сарты и Луары-и-Шеры. Три комиссара, посланные в Эру-и-Луар, Биротто, Мор и Лексэнт-Пюправо, отправились 29 ноября на большой рынок в Курвиль. Они были окружены 6 000 вооруженных людей, которые угрожали им, что бросят их в реку или повесят. Чтобы спасти свою жизнь, они должны были одобрить таксу не только на хлеб, но и на ячмень, на свечи, на мясо, на полотно, на обувь и на железо. Отдавая на следующий день отчет Конвенту, они отметили, что конституционное духовенство принимало большое участие в волнениях. «Среди толпы были священники, — говорит Биротто, — они более всех были озлоблены против нас и говорили от имени народа. Были выставлены все принципы аграрного закона; говорилось, что буржуа уже довольно наслаждался жизнью, что теперь пришла очередь бедных работников. Они еще прибавляли, что хотят иметь своих священников и свои церкви». Недовольство конституционного духовенства объяснялось не одними только бескорыстными причинами. Уже Законодательное собрание в последнем заседании отняло у них ведение актов гражданского состояния, которое перешло от приходов к мэриям. В дни, предшествовавшие восстанию, Конвент выслушал предложение Камбона, имевшее целью отменить жалованье священникам и подчинить церковь общему законодательству.

В Конвенте завязались оживленные дебаты по поводу поведения трех комиссаров, которые уступили под давлением восстания. Петион кричал об анархии и об аграрном законе. Он осуждал всякую таксу, как фатально ведущую к голоду, и требовал быстрых и сильных репрессий. Бюзо согласился на посылку войск, но с условием, что их будут сопровождать комиссары Конвента, которые, прежде чем прибегать к силе, испробуют меры кротости. Робеспьер поддерживал предложение Бюзо, которое было отвергнуто. Конвент боялся, что посылка комиссаров ослабит репрессии. Он решил, что войска будут находиться под командованием генерала и что с ним не будет комиссаров. Он кроме того осудил, по предложению Манюэля, трусливое поведение тех своих членов, которые уступили мятежникам Эры-и-Луары, и отменил таксу, на которую они согласились.

С этого момента слово предоставлено было штыкам. Такие же сильные репрессии, как в апреле, восстановили порядок в Бозе.

Отмена регламентации.

Восстание крестьян и рабочих возникло именно в тот момент, когда Собрание обсуждало вопрос о пересмотре сентябрьского законодательства. И оно не могло не оказать влияния на его решения.

Напрасно нормировки требовали значительные авторитеты: избирательное собрание Сены-и-Уазы 19 ноября, как мы видели, парижские секции и коммуна 29 ноября, департамент Эндры-и-Луары 3 декабря,—Конвент огромным большинством решил не только сопротивляться введению таксы, но и отменить меры регламентации, изданные в сентябре, и восстановить режим неограниченной свободы.

Победа, одержанная Дюмурье при Жеммапе 7 ноября, за которой последовало его вступление в Монс и затем в Брюссель, особенно содействовала усилению жирондистской партии, которая была у власти. Теперь, когда неприятельское нашествие было отражено, и республика становилась победительницей, исключительные меры, вотированные на следующий день после 10 августа, казались бесполезными или опасными.

Странное дело: все время в течение кризиса якобинцы сохраняли нечто вроде осторожного и сдержанного нейтралитета [1]. Они слышали, как Люлье, генеральный прокурор, синдик Парижского департамента, требовал 2 декабря 1792 г. введения временной таксы на съестные припасы, но остерегались одобрить или не одобрить его. Не вдаваясь в сущность вещей, Робеспьер советовал 7 декабря в клубе отвлечь народ от восстаний, которые могли только повредить ему.

Замечательно, что в Конвенте ни один из депутатов-монтаньяров не осмелился требовать введения таксы на съестные припасы [2]. Они ограничивались защитой регламентации и предложением сохранения закона 16 сентября, внеся в него поправки, как, напр., Фабр де-л'Эро и Шабо в заседании 5 ноября. Файо 29 ноября требовал большего: он требовал устройства повсюду государственных зернохранилищ.

Из всех ораторов Сен-Жюст глубже других исследовал причины экономического кризиса. Его речь 29 ноября 1792 г. сразу составила ему репутацию государственного деятеля. Он с необыкновенной силой доказал, стилем, изобилующим сентенциями и широкими обобщениями, что все зло происходит от обилия бумажных денег: падение курса, вздорожание жизни, скупка хлеба и волнения. Он предложил взимать налоги натурой и возможно скорее продать имения эмигрантов, чтобы уплатить долг и извлечь из обращения ассигнаты. «Мне не нравятся насильственные законы о торговле. Требуют закона о съестных припасах! Положительный закон относительно этого никогда не будет разумным». Жирондисты восторженно аплодировали ему.

Левассер (из Сарты) 2 декабря ссылался на свой личный опыт, который он приобрел в 1789 и 1790 гг., будучи муниципальным чиновником, которому поручена была полиция на рынке в Мансе, чтобы придать законную силу декларациям, реквизициям и принудительной продаже. «Когда город осажден, — говорил он, — магистрат, конечно, имеет право принудить жителей, имеющих несколько ружей, разделить их между своими согражданами, чтобы содействовать общей защите; а когда гражданам угрожает смерть от голода, магистрату нельзя принудить земледельцев продавать излишек своих запасов!» Робеспьер поддержал Левассера и возражал на аргументы сторонников свободы торговли: «Продукты питания, необходимые человеку, так же священны, как самая жизнь. Все, что необходимо для ее сохранения, является общею собственностью всего общества. Только излишек может составлять частную собственность». Такие принципы могли бы привести Робеспьера к признанию таксы. Но он, однако, не шел так далеко. Регламентация казалась ему достаточной.

Жирондистам не трудно было обвинить контр-революционеров и коммунистов в том, что они являются виновниками волнений, и называть регламентацию помехой торговле и орудием голода. Лекинио, Барбару, Жозеф Серр, Верньо, Крезе-Латуш повторяли аргументы Ролана. Серр заявил, что введение таксы является покушением на собственность, предвкушением аграрного закона. Он хвалил хлебных торговцев, с негодованием осуждал *сельскую инквизицию*, которая поддерживала волнения. Если поверить ему, существование скупщиков — легенда. Нужно было только обуздать агитаторов и восстановить свободу. Крезе-Латуш подробно критиковал закон 16 сентября. Принудительный учет, говорил он, заставил поверить в существование голода. Рассказы о скупках съестных припасов — это только сказки. Он предлагал отменить гнусный закон и восстановить неограниченную свободу торговли, строго преследуя всех тех, кто будет на нее покушаться.

Конвент последовал этому совету. Регламентация была отменена 8 декабря. Ролан торжествовал!

Причины неудачи.

Попытка регламентации, сделанная Законодательным собранием во время кризиса при первом нашествии, потерпела неудачу по различным причинам. Прежде всего для ее авторов это была только уловка. Власти, которым поручено было применить ее, начиная от министра внутренних дел, в своем большинстве относились

[1] См. заседание 27 октября 1792 г.

[2] Насколько мне известно, только Луи Виже, первый кандидат-депутат Мэна-и-Луары, имел мужество поддержать петиции Сены-и-Уазы и Эндры-и-Луары в докладе, представленном им 7 декабря, который можно найти в «Archives parlementaires». Он там подвергал резкой критике закон 16 сентября и указывал на внезапное повышение курса ассигнатов как на неизбежный результат таксы на хлеб.

к ней с глубокой враждебностью. Затем неосторожная проповедь коммунистов испугала общественное мнение и вызвала реакцию, которой воспользовались жирондисты, противники этого законодательства. Восстания в Вос в конце ноября окончательно скомпромстировали дело, которое победа при Жеммапе и завоевание Бельгии сделали уже бесцельным.

Прибавим еще, что нельзя было защищать законы 9 и 16 сентября, потому что они были неполны и недействительны. Реквизиции, производившиеся в пределах каждого департамента, не могли удовлетворить всех потребностей. Департаменты, подобно прежним провинциям до 1789 г., воздвигали между собой настоящие границы. Чтобы сделать регламентацию жизнеспособной, надо было разрушить эти границы, национализировать эти реквизиции, а не оставлять их в распоряжении департаментов. Петиционеры Сены-и-Уазы поняли это. Но сами монтаньяры не забстились тогда о создании центральной продовольственной администрации, которая находилась бы в руках Ролана, их политического противника [1]. В той ожесточенной борьбе, которую они вели с жирондистами, они также не хлопотали больше о том, чтобы поставить во всей ее широте грозную проблему собственности. Они не осмелились решиться на установление таксы. Они остановились на полпути, в ложном положении. Народ, предоставленный своим собственным силам, не мог ввести таксу, которую он считал единственным верным средством помощи против экономической неурядицы. И народ потерпел новую неудачу. Это была уже вторая от начала 1792 г.

Но процесс Людовика XVI, военные поражения, которыми отмечено начало первой коалиции, потеря Бельгии и измена Дюмурье работали на руку сторонникам таксы. И должен был настать день народного реванша и введения максимума.

[1] Заседание якобинцев 27 октября 1792 г. особенно знаменательно. Бантаболь предложил учреждение министерства продовольствия. Тюрио возражал против его предложения, напомнив пример министров Терре и Неккера

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЕШЕНЫЕ И ДОРОГОВИЗНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БЕШЕНЫЕ И БОРЬБА ЗА МАКСИМУМ.

(Январь — февраль 1793 г.)

Ролан и его друзья, жирондисты, хвастались, что с отменой регламентации и с возвращением к неограниченной свободе торговли исчезнут голод, беспокойство, сборища, и что цена хлеба в силу естественных законов не замедлит упасть. Но события далеко не оправдали этого оптимизма. В том именно докладе, где Ролан пел хвалебные гимны своей собственной администрации, 9 января 1793 г., он принужден был сделать следующее тяжкое признание: «Есть рынки, где хлеб продается по 98 ливров сетье, весом в 240 фунтов; в других же местах такая же мера продается за 27 и 28 ливров; но надо надеяться, что, благодаря благодетельному закону 8 декабря, быстро исчезнет это гибельное неравенство, разоряющее многие департаменты».

За три дня до этого монтаньяр Дюруа констатировал полную неудачу его экономической политики: «Цена съестных припасов ничуть не упала. К несчастью, наоборот, она все повышается, и изданный вами декрет не произвел того действия, которого вы от него ожидали. Хлеб, который чрезвычайно дорог у меня, стоил здесь прежде только 30 ливров, теперь он стоит 36 ливров»...

Повышение цен и заработной платы.

Гибельное и разорительное неравенство, на которое указывал министр, не смягчалось, наоборот — оно с каждым днем обострялось. Война расширялась. После смерти короля Испания, Англия, Голландия присоединились к коалиции. Отныне море было блокировано. Обеспечение продовольствием становилось делом все более затруднительным. Война поглощала все бо́льшие суммы. Выпуски ассигнатов следовали одни за другими и ложились все большей тяжестью на курс бумажных денег, который теперь в среднем внутри страны в феврале упал на 50%. Всякое новое понижение цены ассигнатов влекло за собой новое повышение цен на съестные припасы, новый кризис заработной платы. Напрасно 3 сентября 1792 г. была запрещена всякая новая чеканка частных металлических разменных знаков (medail-

bons de confiance); напрасно 8 ноября были изъяты из обращения все частные кредитные билеты: все эти частичные меры не вызвали заметного уменьшения количества находившихся в обращении бумажных денег, потому что новые выпуски ассигнатов во много раз превышали стоимость изъятых монет и кредитных билетов. И цены съестных припасов продолжали расти с ужасающею правильностью. В Коррезе, в Верхней Виенне и в Кёзе черный хлеб стоит 7—8 су фунт, и депутат Шамбон, который 25 февраля с трибуны оглашает этот факт, прибавляет: «Бедный класс в этих несчастных департаментах зарабатывает только 9—10 су в день»; это значит, что его заработная плата давала ему возможность покупать только один фунт хлеба в день!

Вот где был корень зла: в этом несоответствии между заработной платой и ценой съестных припасов. Если бы заработная плата регулярно следовала за повышением цен, не было бы кризиса. Все бы образовалось соответственно с догматами экономического либерализма. Но наемные рабочие того времени, которым закон Шапелье, вотированный Учредительным собранием, запрещал право союзов и право стачек, не в состоянии были своими собственными силами произвести достаточное давление на своих работодателей, чтобы заставить их повысить их заработную плату.

Чтобы составить себе понятие о слабости тогдашнего рабочего класса, о его бессилии организоваться и самостоятельно оказывать сопротивление, надо прочесть потрясающий адрес, который администраторы Верхней Марны послали хозяевам своего департамента 31 мая 1793 г. «Мы должны сказать вам всю правду: прогрессивное увеличение цен всех предметов первой необходимости утроило нужду рабочих, занятых в различного рода мануфактурах, заработная же плата их осталась на том же уровне, или же она поднялась в недостаточной пропорции... Промышленники и мануфактуристы... внемлите повелительному голосу природы, который требует от вас хлеба для ваших рабочих, для их многочисленных семейств... Согласитесь на увеличение заработной платы, которое могло бы удовлетворить теперешние нужды ваших рабочих; уничтожьте этот варварский обычай уплаты рабочим товарами, которые они принуждены перепродавать, потому что это все равно, что вырывать у них кусок хлеба, политый их слезами» [1].

Как видно из этого документа, отличающегося необыкновенной искренностью, рабочие принуждены были вымаливать поддержку властей, для оказания косвенного влияния на их работодателей, которого они по своей слабости не в силах оказать. И они теперь пытаются на политической почве уничтожить разницу между заработной платой, остающейся неизменной, и съестными припасами, цена которых утроилась, пользуясь правом петиций, заставляя действовать своих выборных. В течение веков прежние власти, в интересах обездоленных классов, вмешивались посредством своих регламентаций и своих такс; почему же новым властям не сделать того же самого? Мог ли народ потерять от революции, которую он сделал? В этой простой и резкой форме был поставлен вопрос.

[1] Ch. Lorain, Les subsistances dans le district de Chaumont, t. I, p. 358.

Когда Ролан и жирондисты говорили, что проблема должна быть решена сама, простым действием экономических законов, они не только не принимали в расчет народных чувств, но они забывали, что если происходил экономический кризис, то общественные власти, революционные власти несут значительную ответственность за него, так как бумажные деньги, колеблющиеся деньги, в которых был корень зла, были созданием революции. И логически революция должна была перевязывать раны, которые она нанесла!

Затем Ролан и жирондисты забывали, что во время войны экономические явления не развертываются так, как в нормальное время. Границы закрыты, значительная часть населения находится в армии, это также нарушает действие естественных законов.

Жорес прекрасно показал, что революция не располагала ни пространством, ни временем, которые были бы ей необходимы для решения кризиса посредством невмешательства, посредством представления свободы. «Благодаря войне, имевшей почти мировой характер, — говорит он, — и в особенности благодаря крайнему недоверию к ассигнатам за границей, для Франции становилось все более невозможным покупать на иностранных рынках, и она экономически была осажденной страной. Тогда продукты и съестные припасы, чье количество ограничено было тем, что производила сама страна, легко могли быть скуплены. Это было тем легче, что в тот момент, когда продукты, подлежащие покупке, были ограничены, покупательные средства, которыми располагали богатые классы, умножились, были даже чересчур изобильны. Огромное количество ассигнатов, выпущенных для оплаты долга и всякого рода должностей, прибавляясь к вчерашней звонкой монете, давало в руки капиталистической буржуазии непосредственную покупательную силу, требовательную, жадную» [1].

Народное движение против экономической свободы.

Городской и сельский пролетариат, именно потому, что он чувствовал на себе всю тяжесть ассигнатов, находившихся в руках его работодателей, не принял закона 8 декабря о свободе торговли и повел упорную борьбу против него.

Жители Турени заупрямились. 17 декабря, через неделю после отмены регламентации, они опять явились в Конвент и потребовали декрета, который установил бы максимум на все съестные припасы во всей республике. Дистрикт Шомон, в свою очередь, отказался принимать во внимание новый закон. Он продолжал

[1] «La Convention», p. 1048.

требовать от коммун реквизиций для снабжения рынков, которые он теперь называл «приглашениями». Но он попрежнему поддерживал эти «приглашения» применением военной силы и жандармерии [1]. Новые администраторы Верхней Марны теперь одобряли поведение дистрикта. Они пытаются даже юридически оправдать его софистическим аргументом: «Никакой закон, — говорят они, — не запрещает административным органам снабжать рынки продуктами» [2]. Конечно, но никакой закон уже более не разрешает этого. Они говорят даже, что нет никакой разницы между скупщиком, покупающим для спекуляции, и собственником, отказывающимся продавать свой излишек в ожидании повышения цен. Они определенно санкционируют продолжение системы реквизиций. Можно сказать, что в Верхней Марне закон 8 декабря остался мертвой буквой и что регламентация, введенная в сентябре, продолжала функционировать, как и ранее. Было бы удивительно, если бы этот пример остался единственным!

В Париже волнения возобновились в январе. 13 января 48 секций и коммуна потребовали от Конвента введения принудительного курса ассигнатов и отмены декрета 17 мая 1791 г., которым Учредительное собрание разрешало продажу или обмен ассигнатов на золото или серебро. Этот декрет, разрешавший торговлю деньгами, говорили петиционеры, уменьшил доходы рабочего и довел его до отчаяния: «Может ли один экю стоить 6 ливров, как звонкая монета, и 9 ливров, как легко обменивающийся вексель?» Деньги — это «общий знак, признанный сувереном для выражения стоимости товаров». Поэтому не должно быть двух конкурирующих денежных знаков с различной ценой. Нужно уничтожить ажиотаж, издав декрет, что торговля деньгами является гнусной торговлей. Чтобы понять все значение этого рассуждения, нужно только поставить себе вопрос: что случилось бы в настоящее время, если бы банковый билет не имел принудительного курса, если бы стоимость его менялась каждый день по отношению к металлическим деньгам? «Если вы не отмените вашего декрета, — говорили в заключение петиционеры 13 января, — республика погибнет, но и вы погибнете обесчещенные». Эта угроза была встречена ропотом, и петиция была похоронена передачей ее в комитеты финансов и торговли.

Решение, которое предлагали парижские секции, имело то достоинство, что оно указывало основную причину дороговизны, но еще не настал час навязать его Собранию, в огромном своем большинстве проникнутому идеями экономического либерализма.

Однако каждый день способствовал созреванию новых идей. Смерть короля, так глубоко всколыхнувшая сознание, была для санкюлотов сигналом возрождения надежд. «После 10 августа вместе с процессом короля поднялась волна социальных требований; теперь поднялась вторая волна, более высокая и более широкая» [1]. Смерть Людовика XVI рикошетом отразилась на жирондистах, многие из которых не могли решиться голосовать за нее. С этого времени монтаньяры выставляли против них ужасный аргумент: они хотели спасти тирана! Ролан оставил министерство внутренних дел 23 января и был заменен осторожным Гара, который старался не скомпрометировать себя и всегда готов был стать на сторону более сильного.

Сопротивление капиталистических классов стало ослабевать именно тогда, когда санкюлоты, ставшие более требовательными, удвоили свои усилия.

Начиная с 21 января их петиции принимают более решительный и смелый тон, почти угрожающий. Даже монтаньяры подвергаются нападкам. Санкюлоты не забыли, что последние в ноябре месяце отступили пред введением таксы и проявили некоторую нерешительность в защите самой регламентации. Санкюлоты готовы были вменить им в вину свою неудачу и не скрывали своего недовольства.

Так, 27 января депутация от 38 коммун дистрикта Вернон в Эре в резких выражениях указывает на ошибочность закона 8 декабря: «Вы отменили закон 16 сентября, а этот закон был единственной преградой, которую человеческий разум мог противопоставить [демону ажиотажа]; он обеспечивал местное продовольствие, и со времени его отмены оно исчезло из наших кантонов... Народ в отчаянии требует у нас хлеба, попытого его потом; что можем мы сделать для него? Вы отняли у нас возможности помочь ему... Жалобы и ропот предвещают самую ужасную грозу. Законодатели, голод 1789 г. был одной из главных причин революции; опасайтесь, чтобы подобный бич не повлек за собою ее быстрое уничтожение». Упреки и угрозы не подействовали на Конвент, который оказал очень дурной прием петиционерам.

Несколько дней спустя Париж опять заволновался. Булочники заявили своим покупателям о предстоящем вздорожании хлеба, который до тех пор продавался по твердой цене в 3 су фунт, гораздо дешевле, чем во всей остальной Франции, и это благодаря тому, что муниципалитет ежедневно жертвовал по 12 000 ливров. Но резервный фонд, из которого покрывался этот убыток, приходил к концу. Муниципалитет хотел повысить цену хлеба, чтобы сократить размер своих пожертвований. В *объявлении*, которое он расклеил [2], муниципалитет указывал народу, что невозможно продолжать пожертвования, так как это приведет к окончательному разорению муниципальных финансов, и, усвоив доктрину либеральной экономии, он прибавлял: «Есть только одно средство восстановить достаток в Париже, заключающееся в том, чтобы платить за муку столько, сколько она стоит, сколько платят за нее наши братья в других департаментах!»

[1] См. постановления округа за 29, 31 декабря 1792 г., 7 января 1793 г. у Lorain, I, p. 262.

[2] См. их постановление 31 января 1793 г. у Lorain, I, p. 233.

[1] Jaurès, La Convention, p. 1015.

[2] Текст его можно найти у Jaurès, La Convention, p. 1242—1243.

Объявление вызвало сильное возбуждение. Возле булочных стали собираться грозные толпы. Секции в своей массе протестовали в городской думе. Генеральный совет коммуны, отличавшийся от муниципалитета, бывшего исполнительным органом, не одобрил прокламации последнего и решил 4 февраля, что следует сохранить прежнюю таксу на хлеб; для покрытия же убытка следует ввести налог в 4 миллиона на богатых, который авансом будет испрошен у Конвента.

Это решение было очевидной победой секций. Они даже не ожидали этого, чтобы воздействовать на Конвент, потому что уже с 3 февраля они явились к решетке Собрания под предводительством мэра, и еще раз, как 13 января, они выставили всю проблему ассигнатов, лежавшую в основе продовольственного вопроса:

«Граждане, мы еще раз обращаем ваше внимание на декрет Учредительного собрания, который объявляет звонкую монету товаром. Эта антигражданская мера, продолжившая ажиотаж и мошенничество, конечно, входила в расчет врагов общественного дела. Этот декрет является главным двигателем тех махинаций, которые враги свободы употребляют, чтобы разрушить священную твердыню наших прав... Обмен ассигнатов на деньги при все возрастающем проценте является одним из самых разрушительных начал для принципов республики и ослабляет в результате доверие граждан; и мы с болью в сердце видим, что эти бумажные деньги, имеющие некоторое обеспечение в национальных имуществах, скоро ничего не будут стоить, так как при обмене цена их все падает... Именно с этого безнравственного декрета возникли все те болезни, которые раздирают наш общественный организм. Они ложатся всей своей тяжестью на наименее обеспеченный класс народа, имеющий для удовлетворения своих потребностей только денежные знаки, к которым стараются внушить ему недоверие; злонамеренным людям удалось понизить их курс, и в результате цены на съестные припасы необыкновенно повысились. Мы слышим уже приближение грозы, и она скоро разразится над нашими головами. Мужайтесь, законодатели, мужайтесь! Мы готовы, скажите только одно слово, и тираны перейдут в небытие... Отмените этот закон, плод неспособности и неумения, издайте репрессивный декрет; вынесите смертный приговор всем тем, которые, обменивая свою звонкую монету на национальные ассигнаты, обесценивают те деньги, которые даны им законом»...

Эта настойчивость, с которой петиционеры постоянно возвращались к главному вопросу принудительного курса ассигнатов, доказывает, что ими руководила одна воля, один ум. На этот раз в самом деле движение не было, подобно всем предыдущим движениям, чем-то неорганизованным и анонимным. У него были главари и зачаток организации.

Рядом с секциями у решетки Конвента заняли место делегаты федератов 83 департаментов, прибывшие в Париж за полгода до праздника Федерации 14 июля 1792 г. и которые вместе с предместьями участвовали во взятии Тюльери 10 августа.

Многие из этих федератов были марсельцами, и Жиронда оставила их в Париже и поселила в казарме, надеясь опереться на них в борьбе против коммуны и против монтаньяров. Но мало-по-малу федераты поддались пропаганде кордельеров. Они оставили партию жирондистов во время процесса короля и в конце декабря составили политическую группу, имевшую свои заседания в самой зале клуба якобинцев, под названием *Объединенных защитников 84 департаментов* или *Защитников единой и нераздельной республики*. Когда возобновилась агитация по поводу цены хлеба и в пользу принудительного курса ассигнатов, они принимали участие во всех манифестациях и петициях.

Хотя они и пользовались гостеприимством якобинцев, все же их вдохновителями, диктовавшими им их программу социальных и финансовых реформ, не являлись якобинцы. Они здесь — отголосок новой партии, впервые появляющейся на революционном горизонте, — партии, которая вскоре вступит в борьбу с самими монтаньярами, партии, которую ее противники уже называют Бешеными (Enragés).

Жак Ру и Варле.

Два человека, сильно отличающиеся друг от друга, но воодушевленные одной и той же верой, одинаково упорные и смелые, были главарями новой партии: юноша, едва только сошедший со школьной скамьи, Жан Варле, и священник лет сорока, Жак Ру.

Варле происходил из хорошей семьи. Из анкеты, произведенной о нем в брошюре II года революционным комитетом его секции, секции Прав человека, следует, что он обладал ежегодным доходом в 5 800 ливров, как от своего собственного имущества, так и от должности служащего на главной почте [1]. Он изучал гуманитарные науки в коллеже в Гаркуре, и его преподаватели предсказывали ему, что он будет «очень хорошим» или «очень дурным» человеком. Он рано потерял отца, а мать баловала его. Он лишился ее в начале революции. Он плохо себя вел, говорит он, но это продолжалось недолго. Он обладал восторженным характером, жаждал популярности и горел желанием отличиться в великой драме, в которой он до тех пор был только зрителем. Он присутствовал на всех важных заседаниях Учредительного собрания, даже когда это Собрание еще заседало в Версале. Он с увлечением копал землю на Марсовом поле накануне праздника Федерации. Чтобы обеспечить себе место на большой церемонии, он провел предшествовавшую ей ночь вплоть до утра на скамейке. «Я пережил, — говорит он, — сильное волнение, и с глазами, полными слез, я видел высшее существо, когда оно своими лучами

[1] Archives nationales, F⁷ 4775⁴⁰. См. также «Jean Varlet à ses chers concitoyens des Tribunes et des Jacobins», брошюру, появившуюся после бегства в Варенн (Bibliothèque nationale. Ln²⁷ 20067).

озаряло церемонию присяги». Он рано начал составлять брошюры. На гражданских банкетах он поет национальное попурри, автором которого является он сам. После Варенна он становится оратором и трибуном. Стоя на каменной скамье в Пале-Рояле, он обращается к толпе и увлекает ее на Марсово поле подписать петицию против клятвопреступного короля. Он представляет эту петицию в Собрание, где беседует с Робеспьером, Петионом, Грегуаром, Приером, Бальи. Так он начал свою политическую карьеру. При Законодательном собрании он расклеивал на стенах следующий наивный вызов Лафайету: «Самодержавный народ! Лафайет был, есть и всегда будет разбойником, изменником отечества. Я выступаю его обвинителем. Гражданин, который не боится. Подписано Варле» [1]. Он столько суетится, что, наконец, делается заметным лицом, по крайней мере в его секции. 6 августа он редактирует и представляет от своего имени петицию в Законодательное собрание, в которой он требует лишения Людовика XVI престола[2]. После восстания он был выбран выборщиком. Он тогда устраивается в нескольких шагах от Собрания, на террасе фельянов, и, выступая на подвижной трибуне, превращается в апостола свободы. Вскоре его патристические проповеди становятся антипарламентарными. Он сомневается в членах Конвента, даже в монтаньярах. Он боится, что они образуют олигархию политиканов и что они употребят исключительно в свою пользу самодержавие народа. Он протестует против двустепенной избирательной системы, которую он считает обманом. Он хотел бы навязать депутатам императивный мандат. Он хотел бы, чтобы избравшие их собрания имели право отзывать их: «Нет! Нет! Не одни только королевские дворцы являются исключительными жилищами деспотов, обратите свою ненависть на честолюбцев, которые хотели бы царствовать на обломках тронов или видят во второй революции новые возможности своими интригами составить себе карьеру... Мы не можем не питать недоверия даже к тем, которых мы сами выбрали» [3]. И он повелительным тоном указывает их обязанности тем депутатам, за которыми он зорко следит. 9 декабря 1792 г. он приказывает им искоренить нищенство, постепенно уничтожить «слишком большое неравенство состояний», «не допускать слишком большого увеличения частных имуществ за счет общественного имущества посредством ажиотажа, монополии, скупок». Он велит им еще отменить продажу металлических денег и обуздать барышничество. В брошюре, вышедшей немного позднее, озаглавленной «Торжественная декларация прав человека в социальном государстве», он требовал, «чтобы имущества, накопленные за счет общественного имущества посредством краж, ажиотажа, монополии, барышничества», были конфискованы в пользу

[1] A. Tuetey, Répertoire, t. V, № 3578.

[2] Ibid. № 17.

[3] «Projet d'un mandat spécial et impératif aux mandataires du peuple», par Jean Varlet, в приложении к отчету о заседании 9 декабря 1792 г. («Archives parlementaires»).

народа. Одним словом, не подлежит сомнению, что петиции, представленные секциями и защитниками республики в январе и феврале 1793 г., отчасти по крайней мере, были результатом пропаганды Варле.

Жан Варле был только молодым энтузиастом, сила которого состояла в самой мягкости его. Аббат Ру имеет более сложную физиономию, которую труднее разгадать.

Он родился 21 августа 1752 г. в Сен-Сибар де-Прансак, в Ангулемском епископстве; он был вторым из двенадцати детей Грациана Ру, пехотного лейтенанта, затем судебного заседателя в маркизате Прансак, и девицы Маргариты Монсалар [1]. Он принадлежал, таким образом, к зажиточной семье. По окончании ангулемской семинарии он в пятнадцатилетнем возрасте был пострижен и тотчас же получил духовную должность в Прансаке в 1767 г. Через пять лет, в возрасте 20 лет, он был назначен помощником лазаристов в семинарии, в которой он учился. Сперва он занимал кафедру физики, затем философии.

В то время он был замешан в неприятный инцидент. 19 июля 1779 г. молодой ученик семинарии, 14 лет, сын местного адвоката, получивший уже духовное место, несмотря на свой молодой возраст, аббат Миуль, забавлялся вместе с товарищами бросанием камней в окна семинарии, чтобы отомстить ректору, который плохо их кормил. Повар семинарии, Андре-Элоа Анселле, стоявший с ружьем на страже, выстрелил в студентов и убил молодого Миуля. Ректор, прокурор-синдик, секретарь, повар и сам Жак Ру были арестованы по поводу этого убийства. Они несколько недель просидели в тюрьме духовного ведомства, а затем король выдал им грамоты прощения, обязав каждого из них внести сумму в 10 ливров на поминовение души жертвы.

Жак Ру опять занял свою должность в семинарии. Через четыре года он принужден был, по его словам, оставить ее вследствие расстроенного здоровья и просить должность викария и заведующего приходом. Если верить ему, он никогда не оставил бы Ангулема, если бы новый епископ, г-н Альбиньяк де-Кастельно, не обошел его приходом, на который он имел право претендовать в силу своих дипломов, отдав его недипломированному. Как бы то ни было, он оставил Ангулемское епископство и перешел в Сентское епископство около 1785 г. В течение года он исполнял обязанности священника в замке Монлозье, и когда он его оставил, священник прихода [2] Сент Радегонд выдал ему 17 мая 1786 г. свиде-

[1] Louis Audiat, Deux victimes des septembriseurs, 1897, p. 129; Dr. Cl. Gigon, Les victimes de la Terreur du département de la Charente, 2-e édition, 1866, chapitre XXI; «Réponse de Jacques Roux à Marat» («Annales révolutionnaires», 1916, t. VIII, p. 530 sq.); «Publiciste de la République française, par l'ombre de Marat, en date du 22 août 1793». Заметка, посвященная Ж. Ру M. Braesch'ом в «Commune du 10 août», pp. 739—740, кишит ошибками в фактах и суждениях.

[2] Округа Сента (Charente-Inférieure), так же как и нижеследующие местности.

тельство в том, что «за все это время поведение его было безупречно и что своим добропорядочным поведением в качестве духовного лица он оказывал благотворное влияние на публику». Сентский епископ доверил ему затем важный приход Кез, городка с населением в 1 500 душ, где он оставался только один год, затем он получил такой же приход в Сен-Тома де-Конак, где его застала революция. Ему было тогда 37 лет.

В полемике, которую он впоследствии вел с Маратом, он хвастался, что уже с ранней юности он ополчился против тирании. «Я протестовал против узурпации дворян, против лицемерия старого духовенства... Я никогда не льстил знатным и важным лицам... Я никогда не потворствовал страстям и всегда высказывал неприятные истины». В качестве доказательства «строгости» своего характера он указывает на то, что в бытность свою преподавателем в ангулемской семинарии он, не колеблясь, отказывался принимать в свой класс философии детей таких лиц, которые принимали его с почетом у себя дома, если эти дети не обладали необходимыми способностями. Однако не видно, чтобы он до революции принимал участие в философском или политическом движении. Первым его выступлением на этом поприще была речь, произнесенная им «с жаром и с достоинством», скромно говорит он, чтобы отпраздновать взятие Бастилии, «победу славных парижан над врагами общего блага» [1], в церкви Сен-Тома де-Конак в присутствии властей и национальной гвардии кантона. В этой речи он превознесил Людовика XVI, «этого доброго, справедливого и мирного короля», в событиях же он видел дело провидения.

Вскоре после этой речи, 29 апреля 1790 г., возникли сильные волнения в Сен-Тома де-Конак. Крестьяне пяти или шести соседних приходов толпой напали на замки Буарош и Сен-Жорж де-Кото, разграбили их, затем сожгли, чтобы наказать их владельца, судью бордоского парламента, г. Дюпати де-Бельгард, требовавшего уплаты феодальных рент, связанных с его владением. Управляющий сеньера, некий г. Мартен, также был ограблен. На следующий день после беспорядков королевский комиссар Тюрпен писал министру внутренних дел: «Если верить рассказам различных заслуживающих доверия лиц, господин Ле-Ру, викарий этого прихода Сен-Тома, принимал большое участие в этих событиях. Его обыкновенно обвиняют в том, что он проповедывал опасную доктрину, что земли должны принадлежать всем без различия и что не следует больше платить каких бы то ни было сеньериальных повинностей; уверяют также, что, не довольствуясь произнесением публично таких проповедей, он еще тайно старался восстановить народные массы против людей богатых; если таковы были его цели, то можно

[1] «Le triomphe des braves parisiens sur les ennemis du bien public», par M. Jacques Roux, prêtre du diocèse d'Angoulême, apôtre et martyr de la Révolution (Bibl. nat., Lb[39] 8638).

сказать, что он вполне достиг их. Я совершенно не знаю этого священника, но очевидно, что он пользуется очень дурной репутацией [sic!] в этих места» [1]. К счастью для себя аббат Ру мог доказать свое алиби. Прошло уже две недели после того, как он оставил Сен-Тома де-Конак, как вспыхнули беспорядки. Он в это время исполнял обязанности только что умершего священника в приходе Амблевиль. Повидимому, суд не трогал его, но надо полагать, что главные священники в Сенте не особенно верили в его невинность, потому что они не только высказывались за отозвание его, но еще наложили на него интердикт как раз в тот момент, когда его новые прихожане из Амблевиля просили его быть у них священником [1]. Надо думать также, что Жак Ру и сам не чувствовал себя вполне уверенным, потому что он, повидимому, не протестовал против постигшей его столь суровой кары. Он даже сознается, что на него был сделан донос, что он подвергся клевете трех аристократов-священников, его коллег, и что общество так враждебно отнеслось к нему, что он должен был оставить Сентонж [2].

Куда направляется он и что делает после этого? Если верить апологетическому памфлету, без сомнения, написанному им самим, но из осторожности не подписанному [3], он скрылся в департаменте Од. «Провидение привело его в Каркассонн». Лангедокские избиратели, ослепленные его речами, «блиставшими самым настоящим талантом и самой чистой душой», назначили его 25 июля [1790 г.] в приход Массиньи, в дистрикте Каркассонн. Там он выделялся своей патриотической пропагандой, и аристократы, обеспокоенные его успехами, пытались соблазнить его: «Двенадцать человек, занимающих видное положение, явились в его дом и предложили ему сумму в 48 000 ливров с условием, чтобы отныне он проповедывал против декретов Национального собрания, чтобы он всеми силами мешал взиманию налогов и продаже земель духовенства и чтобы он предлагал своим прихожанам с оружием в руках защищать дворянство. Жак Ру принял сумму и обещал аристократам держать проповедь, соответствующую их желаниям, 25 ноября, в день святой Екатерины, праздник этого прихода. В назначенный день приказные, финансисты, бывшие владельцы крупных бенефициев являются в его церковь, но вместо того, чтобы исполнить их желание, Жак Ру «в горячей и восторженной речи, исполненной преданности отечеству и свободе, громит, уничтожает деспотизм». Он заканчивает рассказом о попытке подкупить его и «раздает в святом храме 800 бедным, приглашенным им, 48 000 ливров, которые бессовест-

[1] Archives nationales, F[7] 3664 (dossier des troubles).

[2] «Le triomphe des braves parisiens», préface.

[3] «L'apôtre martyr de la Révolution, ou discours d'un curé patriote qui vient d'être assassiné par 18 aristocrates» (Bibl. nat., Lb[39] 5568).

[4] «L'apôtre martyr...». Этот памфлет, составляющий новое издание речи о победе славных парижан, имелся в продаже у вдовы Petit, которая была другом Жака Ру.

ные, бездушные люди имели дерзость предложить ему, чтобы побудить его изменить нации и своему богу!» Посрамленные и обманутые аристократы бегут, преследуемые насмешками и ударами толпы, одни в леса, другие на лодки, последние затем опрокидываются. 37 человек утонуло, двое умерло от потрясения. Но на следующую ночь они отомстили за свою неудачу. Они проникли в церковный дом, напали на Жака Ру, «вырвали ему глаз, язык, отрезали ему обе руки и нанесли ему пять ударов кинжалом в грудь». «Мы должны почтить память господина Жака Ру, священника Массиньи. — говорит чудотворный памфлет, — сохранением речи, которая создала ему славу апостола революции при жизни и мученика свободы после его смерти». К счастью, мученик воскрес. иначе мы не могли бы продолжать его историю.

Я попытался установить, что есть достоверного в этом героически-комическом рассказе о похождениях Жака Ру на Юге. Я справлялся в многочисленных словарях, искал на картах, но нигде не мог найти место, где находилось Массинья в Оде. Я рылся во всех печатных и рукописных источниках, где мог бы найти некоторые сведения о революции в Каркассонне. В национальных архивах я просматривал дела о беспорядках в Оде в начале революции. Я нигде не нашел ни малейшего намека на Жака Ру и Массинья и ничего такого, что хоть сколько-нибудь напоминало бы драму, рассказанную в брошюре, составленной или редактированной им самим и находившейся в продаже у его подружки, вдовы Пети. Наконец, я написал Жозефу Пу, ученому архивисту Ода, и получил от него следующий ответ 31 октября 1913 г.:

«Я могу официально уверить вас, что в архивах Ода нет никаких сведений относительно интересующей вас личности, аббата Ру (Жака). Кроме своего собственного знакомства с материалами, я могу сослаться на авторитет каноника Андрие, который разобрал все документы, все дела серии L, относящиеся к духовным и преступным делам. Никогда нам не попадался будущий глава партии Бешеных. Кроме того Массинья ничего мне не говорит. Такого названия не имеется в наших краях».

Какое можно сделать из этого заключение? Есть очень много данных за то, что Жак Ру никогда не ездил на Юг и что он на основании разных документов составил историю, которая, по его мнению, должна была сделать его интересным в глазах санкюлотов. Это тем более вероятно, что Марат уже обвинял его в № своей газеты от 4 июля 1793 г., что он, из желания наделать шум, «присвоил себе имя убитого священника из Исси и приписал себе историю покушения на личность этого славного священника, чтобы внушить больше интереса к себе и заработать больше денег». Я не знаю, кто такой был этот священник из Исси, у которого Жак Ру, по словам Марата, украл имя и мученический венец, но факт, не подлежащий сомнению, — это то, что Жак Ру ответил на все другие обвинения Марата, но ничего не сказал об этом обвинении, что он нигде ничего не сообщал за своей подписью

об убийстве, жертвой которого он был в Оде [1]. Его молчание по этому вопросу является достаточным признанием. Мы знаем теперь, как относиться к «строгости принципов», к «прямоте характера» этого священника, который любит выдавать себя за убежденного и бескорыстного апостола. Совершенно отличный от Варле, который не скрывает своей игры, Ру — хитрый, вдумчивый честолюбец, который в революционной проповеди ищет вовсе не нравственного удовлетворения.

В начале 1791 г. мы опять встречаем его в Париже. Он сам говорит нам, что сперва скрывался под вымышленным именем. Он назывался Реноди [2]. Внезапно он опять появляется под своим настоящим именем, в момент присяги священников в церкви Сен-Сюльпис, 16 января 1791 г. Он не был призван к присяге, так как был без должности и над ним все еще тяготел интердикт [3]. Но духовенство Сен-Сюльпис почти все отказалось от присяги. Это был подходящий случай проявить гражданскую доблесть. Муниципалитет принял присягу Жака Ру, произнесшего перед ним и перед верующими маленькую речь, в которой он говорил о самом себе: «Отрешенный от святых функций священника главными священниками Сента за то, что я объявил себя апостолом революции, и принужденный оставить свою епархию и свой дом, чтобы бежать от ярости злых людей, оценивших мою голову, я испытываю радость, принося присягу... Это несценимое утешение заставляет меня забыть, что уже в течение шестнадцати лет я живу только в несчастиях и в слезах... Я должен прибавить, что готов пролить последнюю каплю крови для поддержания революции, которая уже изменила на поверхности земли судьбу рода человеческого, сделав людей равными между собой, какими они всегда были перед богом». Жак Ру имел счастье прочитать свои слова, напечатанные с похвалой в большой газете «Les Révolutions de Paris» [4].

Принеся присягу, устраненный священник ipso facto оказался очищенным от всякой скверны. Он вступил в среду конституционного духовенства и получил место викария в Сен-Николя де-Шан и квартиру в церковном доме [5]. Он жил в той части старого Парижа с узкими и темными переулками, которая тянется от городской думы до Страсбургского бульвара. Улица Омер, на которую выходили два окна его квартиры, в значительной части существует еще в настоящее время.

Из архивных документов видно, что Жак Ру с тех пор состоял в тесной связи с Елизаветой-Маргаритой Гюбер, вдовой Пети, белошвейкой, которая ухаживала за ним, когда он бывал болен, и для которой он собирал пожертвования, когда

[1] и [2] Допрос Ж. Ру в департаменте полиции Парижской коммуны 23 августа 1793 г. (Arch. nat., W 20). Он ни слова не говорит о своем пребывании в Оде, но признает, что назывался Реноди.

[3] Он сам признался в № 22 от августа 1793 г. его «Publiciste», что он принес присягу, не будучи к этому призван.

[4] № 80, p. 58.

[5] Archives nationales, W 20

ей приходилось платить за квартиру или налоги [1]. Несколько позднее он усыновил ребенка 14 лет, Огюст-Пьер-Медара Масселена, круглого сироту, который жил с ним. Заслуживает внимания, что революционный священник имел прекрасную арфу. Музыкой он успокаивал свои возбужденные нервы.. «У меня горячая кровь,— говорит он,— живое воображение. я хорошо знаком с человеческим плутовством, я всегда подвергался угнетению, преследованиям, клевете, я постоянно вижу отечество на краю пропасти, вижу, что оно окружено только изменниками, лицемерами, мошенниками» [2].

Нет ничего удивительного в том, что, обладая таким темпераментом, он с головой бросился в политическое движение. Он усердно посещал клуб кордельеров. Там именно он познакомился с вдовой Пети. Он сошелся с Маратом, оказывал ему всякие услуги, исполнял его поручения. Он приютил его у себя в марте 1792 г., когда преследуемый «Друг народа» должен был скрываться под чужой фамилией господина Легро. Он мечтал стать в своей секции Гравильеров вторым Маратом. Чтобы достичь этого, он, с одной стороны, очень много жертвует для нуждающихся [3], с другой стороны, с высоты трибуны распространяет потоки патристического красноречия. Он объявляет в клубе якобинцев 17 мая 1792 г., что в следующее воскресенье он произнесет речь о средствах спасти Францию и свободу. И эту речь он повторил в Нотр-Дам, в Сент-Эсташ, в Сент-Маргерит, в Сент-Антуан, в Сен-Николя де-Шан, в Сен-Сюльпис, прежде чем напечатать ее и продавать в пользу бедных [4].

Эта речь содержит уже черновой набросок идей и социальных требований, которые он позднее развил и изложил с большей точностью и благодаря которым он стал бесспорным главой группы Бешеных. Вначале он ополчился против умеренных, против религиозного фанатизма, «несправедливого по своей морали, варварского по своим результатам», затем он предостерегал против делегатов и неверных чиновников, он рисовал ошибки и преступления Людовика XVI, он требовал созыва Конвента и, наконец, предлагал принять самые строгие, самые террористи-

[1] См. допрос этой женщины в цитированном деле. Согласно брошюре «L'apôtre martyr», которая продавалась у нее, она жила rue des Fossés-Monsieur-le-Prince в Сен-Жерменском предместьи, № 74, в 4-м этаже, в доме красильщика. Вдова Пети. без сомнения, была матерью помощника комиссара по фабрикации пик, которому Ж. Ру написал письмо в день своего ареста 23 августа 1793 г., приложенное к делу и адресованное в Лангр. О Масселене и вдове Пети можно также справиться в протоколе революционного комитета секции Гравильеров (Arch. nat., F⁷ 2486).

[2] Ответ Марату. «Annales révolutionnaires», 1916, t. VIII, p. 537.

[3] В сентябре 1792 г. он собирал в избирательном собрании в пользу сестры Борепера, героического и несчастного коменданта Вердена. Позднее его враги пытались в связи с этим оклеветать его.

[4] «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté etc.» (Bibl. nat., Lb³⁹ 1072).

ческие меры против внутренних врагов: «Надо разоружить равнодушных и подозрительных граждан, назначить цену за головы эмигрантов-заговорщиков и коронованных тиранов, вооруженных против нашей свободы. Возьмите в качестве заложников жен и детей изменников отечества, пусть они отвечают за события войны, которую дворянство и духовенство вызвали внутри страны и за границей. Пусть они, скованные, будут первыми предоставлены неприятельскому огню или, лучше, мечу убийц, которых они набрали. Пусть дома этих подлых жителей, предавших наши крепости [1], будут снесены, уничтожены. Вспомните в особенности, что Англия спаслась, только обагрив эшафоты кровью королей-изменников и клятвопреступников»... Если принять во внимание, что эти строки написаны за год до террора, то не будет ничего удивительного в том, что Жака Ру сразу приняли за «бешеного». По свирепости и по бредовым видениям он, конечно, превосходил Марата!

В особенности он превосходил его по своей социальной программе. Часть его речи посвящена продовольственной проблеме.

«Требуйте смертной казни для скупщиков съестных припасов, для тех, которые торговлей деньгами, фабрикацией монет ниже их естественной стоимости дискредитируют наши ассигнаты, чрезмерно повышают цену наших съестных припасов и быстрыми шагами ведут нас к контр-революции. Поэтому поспешите установить во всем государстве одни и те же меры, один и тот же вес. Требуйте строгих правил для хлебной торговли, требуйте запрещения продажи предметов первой необходимости за пределами государства. Заставьте крупных собственников продавать свой урожай только на указанных им рынках, в пределах их дистриктов, устройте во всех городах и крупных местечках общественные магазины, где цена на товары установилась бы конкуренцией»...

Все эти требования мы нашли дословно в многочисленных петициях, представленных в Конвент, в особенности после смерти короля. Потребовалось шесть месяцев для завоевания Парижа.

Терпеливо, с упорством священника, Жак Ру расширял свое влияние на свою секцию Гравильеров и на соседние секции, секции Тампль и Обсерватории. Он обращался преимущественно к женщинам, так как знал по опыту, что они легче поддаются влиянию, более чувствительны также, чем мужчины, к продовольственным кризисам. «Победа будет несомненна, — писал он одному из своих друзей, сыну вдовы Пети, — как только женщины присоединятся к санкюлотам» [2]. Привлекая на свою сторону жен, он приобретал и мужей. Вокруг него сплотилось ядро прочной дружбы среди ремесленников секции Гравильеров, которые, может быть, еще больше простых рабочих страдали от ужасного экономического кризиса, так как

[1] Это место прибавлено, очевидно, после взятия Лонгви и Вердена к первоначальной речи, произнесенной в мае 1792 г.

[2] Lettre du 23 août 1793 (Arch. nat. W 20).

они могли добывать сырье только по непомерно высоким ценам, а их скромные лавчонки были оставлены их обедневшими клиентами. Среди этих ремесленников, оставшихся верными ему до конца, даже до часа преследований, были: лимонадщики Жак Боске, Бульян; сапожник Жак Бурбон; столяры Николя Наттэ и Жан-Луи Гральо; сапожник-подмастерье Жан-Франсуа Соже и врач Николя-Морен Мишо, единственное лицо либеральной профессии, фигурирующее в списке [1].

К 10 августа, когда король был низложен и созван был Конвент, Жак Ру думал, что его час настал и что он, наконец, будет играть ту великую роль, о которой он мечтал [2]. Как только он узнал об образовании чрезвычайного трибунала 17 августа, чего-то вроде народного военного суда, который должен был судить роялистов, скомпрометированных в защите Тюльери, он стал там добиваться места. Секция Гравильеров назначила его в числе присяжных, которые должны были представлять ее в этом трибунале. Но если Жак Ру имел друзей, у него были также и противники, особенно Грувель, антиклерикальный редактор «Feuille villageoise», который заявил гравильерам, что существует радикальная разница между функциями присяжного и характером священника. Секция голосовала еще раз, и Жак Ру очутился у разбитого корыта. Свое разочарование он излил в слащавом и полном лести письме к министру юстиции Дантону, которого он просил заступиться за него [3]. Но сколько он ни уверял без излишней скромности, что мало таких людей, которые дали бы больше доказательств гражданских чувств, чем он, сколько ни ссылался на свидетельство друзей министра, которые могли ему сказать, «как он вел себя в это последнее время, где был только один шаг от смерти к рабству, что он презирал оковы деспотизма и кинжалы, чтобы просветить человечество и сделать его счастливым...» — все это, очевидно, не тронуло Дантона.

Впрочем, через несколько дней революционный священник получил некоторую компенсацию. Первичное собрание секции Гравильеров, собравшееся для выбора

[1] Все были арестованы во фримере II года. См. дебаты революционного комитета Гравильеров за 7 фримера (Arch. nat., F⁷ 4775³).

[2] Как доказательство ни с чем не считающегося честолюбия Жака Ру Марат указывает, что тот сам говорил ему, что не верит в религию, что это целая сеть лжи, но что это его ремесло. «Эти слова внушили мне отвращение». «Я удовольствовался замечанием, что ужаснее всего для честного человека — это быть доведенным до такой крайности. В тот же день он сказал мне, что он патриот при данных обстоятельствах, что он не дает себе передохнуть и что он не делал никакого шума и надеется, что так же заслужил епископство, как аббат Фоше». Марат приводит еще заметку о роли Жака Ру в Ангулеме и о его дурных нравах. Заметка была передана Колло д'Эрбуа некоим гражданином Тессье, его старым товарищем в Женеве, который жил в Ангулеме («Publiciste», 4 июля 1793 г.).

[3] Письмо это было напечатано Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur, t. III, pp. 420—422. В конце в нем есть следующее указание адреса: «Chez M-me veuve Chevallin, rue Grenetat, 4, maison Parent». Жак Ру положительно питал влечение к вдовам.

выборщиков для избрания депутатов в Конвент, выбрало его 28 августа 1792 г. представителем. Затем он был выбран выборщиком, четвертым в списке. С этого времени для него открылась перспектива кресла в Конвенте или по крайней мере в собрании департамента [1]. К несчастью, Жак Ру не умел сдерживать свою лихорадочную горячку быть чем-нибудь. Он распространял бюллетени со своим именем [2], он позволил одному из своих друзей, некоему Корю из секции Арсенала, написать 16 сентября 1792 г. письмо, в котором тот рекомендовал его кандидатуру, он велел написать еще одно письмо, еще более настойчивое, честным санкюлотам Сент-Антуанского предместья [3]. Это было большой ошибкой в то счастливое время, когда избиратели не пресытились еще общественной жизнью и когда они смотрели на свои функции как на священнодействие. Жак Ру произвел на них впечатление интригана. Его кандидатура в Конвент с треском провалилась. Он получил всего один голос при трех баллотировках. Его кандидатура в собрание департамента в декабре также не имела успеха. Он собрал до 7 голосов при наиболее для него благоприятной баллотировке. Ему пришлось удовлетвориться тем, что он представлял Гравильеров в генеральном совете коммуны. Можно себе представить, какое разочарование должен был испытать этот честолюбивый человек, и можно понять ту антипарламентскую кампанию, которую он начал в 1792 г. и которую он продолжал параллельно с кампанией Варле.

Программа Бешеных.

1 декабря он произнес в секции Обсерватории сильную речь о суде над бывшим королем, о преследовании торговцев деньгами, скупщиков и изменников, которая имела такой успех, что секция Обсерватории решила в течение месяца читать ее два раза в неделю [4]. Этой именно речью начинается борьба Бешеных за максимум.

Конвент только что отклонил введение таксы, которой требовали петиционеры Сены-и-Уазы, Парижа, Эндры-и-Луары. Он решил подавить восстание в Босе. Сама Гора с довольно слабой уверенностью защищала регламентацию. Ролан и жирондисты восторжествовали без особого труда. Жак Ру в своей речи явился выразителем народного гнева против депутатов: «Деспотизм, распространяющийся при правительстве многих, сенаторский деспотизм так же ужасен, как скипетр королей, так как он стремится сковать народ, который этого не подозревает, будучи

[1] Etienne Charavay, Assemblée électorale de Paris.

[2] Заявление гражданина Мерсье, выборщика 1792 г. и члена совета коммуны. Он обвиняет Ж. Ру в том, что он раздавал бюллетени со своим именем во время обновления муниципалитета, и в том, что он сам явился, чтобы быть избранным в департаменте.

[3] Tuetey, Répertoire, t. V, №№ 1153 et 1151.

[4] «Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et des traîtres...» par Jacques Roux (Bibl. nat., Lb⁴⁰ 2014).

унижен и подчинен законам, которые он якобы сам диктует. Но, граждане, вы не для того сбросили иго бурбонской расы, вы не для того избавились от унизительного господства королей, чтобы склониться под игом предательских агентов. Пройдя бесповоротно огромное расстояние от раба к человеку, вы не потерпите, чтобы ваши депутаты произвели хотя бы малейшее покушение на законность ваших прав; пусть они подчинятся общественному мнению, которое всегда правильно и всемогуще».

Без сомнения, Жак Ру впоследствии нападал в особенности на жирондистов, которые хотели спасти тирана, но его угрозы и его проклятия относились ко всему представительству. Он изо всех сил возбуждал недоверие и взывал к общественному мнению, чтобы исправить и направить на путь истины законодателей.

Он не довольствовался требованием смерти короля, он призывал Собрание подавить скупку предметов продовольствия и понизить цену жизненных припасов. «Это трусость — терпеть тех, которые присваивают себе произведения земли и промышленности, которые накопляют в своих амбарах предметы первой необходимости и спекулируют на народном несчастии».

Именно эта речь, по моему мнению, сделала Жака Ру популярным в Париже. До тех пор его знали только в секции. С этого времени он стал персоной, вождем. Заметим, что вскоре после этого, в том же самом декабре, федераты сорганизовались в Общество защитников 83 департаментов.

Жак Ру испытывал жестокую радость в том, что он сопровождал на казнь Людовика XVI. Король хотел передать ему свое завещание, но он отказался принять его со следующими ужасными словами: «Мне поручено только сопровождать вас на эшафот». Популярная газета «Les Révolutions de Paris», передавая этот ответ, говорит, что священник говорил скорее «как помощник палача, чем как судья суверенного народа».

Жорес изображает его сходящим с эстрады, на которой пролита была кровь короля, с кровавым престижем. «Он переносил из дома в дом, из мрачного квартала улицы Сен-Дени в улицу Тампль, трагические подробности, и с чисто священническим искусством он растравлял раны нищеты жестокой надеждой репрессалий. Несколько позднее, в июне, говоря о Жаке Ру у якобинцев, одна гражданка хорошо подметила действие глубокой и почти чувственной жестокости, с которой священник проникал в души: «В секции Гравильеров он говорил нам о голове Людовика Капета, он изображал нам, как эта голова катилась по эшафоту, и эта мысль радовала нас. С тех пор как скатилась голова Капета, у Ру никогда не сходит с языка слово *скупщик*».

«Так,— продолжает Жорес,— он ходил по улицам, где толпится народ, заходил в скромные лавки, где ремесленник ожидает заказчика, беседовал со всеми, как с мужчинами, так и с женщинами, зная по своему церковному опыту, что женщина может играть решающую роль. И мы видим, в какой связи он переходил от короля

к скупщикам: «Зачем было вам отрубать голову тирану и уничтожать тиранию, если вас каждый день медленно пожирают спекулянты, монополисты? Они накопляют в своих обширных магазинах съестные припасы и сырой материал, которые они затем перепродают по ростовщическим ценам голодному народу, ремесленникам, которые в этом нуждаются для своего производства,— шерсть, кожу, мыло, железо. Надо восстать также и против них. И что за важность, что они называют себя патриотами! Что за важность, что они высказались за революцию и приобрели национальные имущества, если в обширных владениях вчерашних монастырей они накопляют скупленные товары!» [1].

Именно так в самом деле должна была глухо действовать пропаганда «бешеного» священника в начале февраля 1793 г., когда угроза вздорожания хлеба доставила ему случай направить против Конвента возмущение секций.

Но он был слишком осторожен, чтобы сейчас же раскрыть свои карты. Наоборот, он старался увлечь за собой якобинцев, как ему уже удалось увлечь за собой кордельеров, федералистов и коммуну. 10 февраля депутация от 48 секций явилась к якобинцам и прочла им петицию, которая затем должна была быть представлена Конвенту. Протокол клуба лишь очень кратко передал этот факт, не вдаваясь ни в какие подробности, так что нельзя установить, одобрил ли клуб петицию Бешеных, или нет.

На следующий день, 11 февраля, Конвент, понимая, без сомнения, необходимость дать удовлетворение народу, вотировал новую всеобщую амнистию лицам, арестованным или осужденным за беспорядки, происходившие в ноябре и в декабре. Он уже разрешил городу Парижу обложить богатых принудительным налогом в 4 миллиона, предназначенным для того, чтобы продавать хлеб по старой таксе, по три су за фунт. Он не ожидал, без сомнения, настойчивого требования, которое было предъявлено ему 12 февраля в угрожающей петиции, где мы находим не только идеи Жака Ру, но и его стиль. На этот раз восстало все Собрание. Оно еще три месяца боролось против максимума. Но в конце концов оно принуждено было подчиниться ему.

[1] Jaurès, La Convention, pp. 1027–1028.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОПЫТКА НОРМИРОВКИ ЦЕН НАРОДОМ В ПАРИЖЕ В ФЕВРАЛЕ 1793 г.

Монтаньяры всегда говорили, что нормировка съестных припасов, другими словами — максимум был им навязан под давлением бунта. Барер начал 3 вантоза свой большой доклад о происхождении максимума следующими словами: «Граждане, закон о максимуме — это западня, расставленная Конвенту врагами республики; это подарок из Лондона». Робеспьер, в свою очередь, в своей последней речи, 8 термидора, выразился, как Барер: «Заговорщики заставили нас, против нашей воли, принять принудительные меры, необходимость которых была вызвана только их преступлениями, и довели республику до самой ужасной нужды и привели бы ее к голоду, если бы не произошли самые неожиданные события».

Можно сказать, что это мнение о якобы контр-революционном происхождении максимума было распространено почти между всеми членами Конвента. Они все утверждали, что на них было оказано давление и что они издавали законы против своей воли.

В самом деле, несомненно, что партия, которая требовала нормировки, партия Бешеных, во главе которой стояли Варле и Жак Ру, упрекала самих монтаньяров за то, что они с такой нерешительностью выступили на защиту народных интересов. Несомненно, что эта партия сожалела о регламентации старого режима и любила противопоставлять заботливость покойной монархии о нуждах пролетариев безразличию, которое проявляли к ним новые хозяева Франции. Несомненно, наконец, что монтаньяры Конвента сперва решительно отвергли программу Бешеных и, не колеблясь, высказывали самые оскорбительные подозрения относительно их авторов. Они долго сопротивлялись, прежде чем уступить. Надо еще, впрочем, исследовать, не была ли их капитуляция продиктована другими, более благородными соображениями, а не страхом.

12 февраля 1793 г. депутация от сорока восьми секций Парижа явилась к решетке Конвента , и оратор ее прочитал угрожающую петицию, редактированную, вероятно, вождем Бешеных, чей отпечаток она носит:

[1] Она приходила уже накануне, но так как не могла быть выслушана, то написала председателю довольно резкое письмо (A. Tuetey, Répertoire, t. VIII, № 1468, и «Archives parlementaires», t. LVIII, p. 453)

«Граждане законодатели, недостаточно еще объявить себя французскими республиканцами, нужно еще, чтобы народ был счастлив, нужно, чтобы у него был хлеб, ибо там, где нет хлеба, там нет больше законов, нет свободы, нет республики.. Мы хотим, не опасаясь не понравиться вам, пролить свет на ваши заблуждения и показать вам истину... Мы очень сожалеем, что один из ваших членов, причисленный к так называемым философам, воскликнул, что очень грустно видеть, как свобода отнимает у земледельцев хлеб [1], он сокрушался о нарушении собственности, но нельзя ведь сказать, что отнимают то, за что платят умеренную цену. Но они не видят, эти мнимые философы, эти друзья абсолютной свободы торговли хлебом, что, вырывая хлеб у бедных, они обогащают только жадных спекулянтов... Некоторые ограничились предложением издать прокламации, чтобы просветить народ, но разве можно прокламациями накормить голодных? Вам говорили, что хороший закон о продовольствии невозможен [2]. *Это все равно, что сказать, что когда сброшены тираны, невозможно управлять государствами...* Мы, депутаты сорока восьми секций Парижа, мы, говорящие с вами во имя блага восьмидесяти четырех департаментов [3], мы далеки от того, чтобы потерять веру в ваше понимание. Нет, хороший закон вовсе не является невозможным; мы вам предложили его, и без сомнения, вы поспешите его принять».

Оратор петиционеров закончил требованием закона, который карал бы десятью годами каторжных работ администраторов, занимающихся хлебной торговлей, и который установил бы максимальный тариф на зерно в 25 франков мешок в 225 фунтов, десятью годами каторжных работ за преступление, совершенное в первый раз, и смертью — за повторение преступления. Тариф должен быть один для всей Франции и должен быть декретирован Конвентом.

Когда оратор секций кончил, слово взял петиционер по имени Клод Эделе [4] от Комитета объединенных защитников восьмидесяти четырех департаментов: «Как вице-председатель продовольственной комиссии, — сказал он, — я имею поручение от моих доверителей, от всех наших братьев из департаментов»... Но он

Барбару в дискуссии 8 декабря 1792 г. выразился следующим образом: «Я с ужасом слушал ораторов, которые указывали на принуждение как на средство против голода и предлагали вырвать хлеб у земледельцев».

[2] Сен-Жюст в своей речи 29 ноября 1792 г. сказал: «Я осмеливаюсь сказать, что не может существовать хорошего трактата по политической экономии...», а затем: «Нельзя издавать законов против этих злоупотреблений: изобилие есть результат всех законов вместе».

[3] Федераты, оставшиеся в Париже после 10 августа, сорганизовались в Общество или Комитет объединенных защитников восьмидесяти четырех департаментов; группировка эта принимала участие в составлении петиции.

[4] Клод Эделе был контролером в бюро счеговодства и комиссаром секции Пуассоньер.

не мог ничего больше сказать. Конвент, который спокойно выслушал петицию секций, стремительно прервал его.

«Сильный шум поднялся во всех частях залы,— говорит «Moniteur»,— и продолжался несколько минут». «Надо выгнать этого обманщика. В тюрьму его! В тюрьму!» — кричали члены Конвента.

Жирондист Луве объяснил причину всеобщего негодования: «Разве во Франции два Конвента, два национальных представительства? И если петиционер — представитель департаментов, то кто же мы такие, и каковы наши полномочия?»

Президент Конвента Бреар, пробрав Эделе, хотел, тем не менее, оказать честь петиционерам, допустив их на заседание. Но огромное число депутатов запротестовало, и Марат взошел на трибуну:

«Меры, которые нам предложили здесь для восстановления благосостояния,— сказал он,—так необыкновенны, так странны, настолько нарушают всякий порядок, они так очевидно стремятся уничтожить свободное обращение хлеба и вызвать волнения в республике, что я удивляюсь, что они исходят от людей, претендующих быть разумными людьми и свободными гражданами, друзьями справедливости и мира. Петиционеры, явившиеся сюда, заявляют себя комиссарами сорока восьми секций Парижа. Чтобы иметь легальный характер, они должны были бы иметь во главе мэра Парижа. Я прежде всего требую, чтобы они представили доказательства своих полномочий. Один из петиционеров говорил от имени департаментов. Я требую, чтобы он представил доказательства своей миссии. Будьте уверены, граждане, здесь кроется низкая интрига. Я мог бы назвать здесь лиц, повинных в аристократизме, но меры, которых я требую, дадут возможность узнать их и покроют позором авторов. Я предлагаю, чтобы те, которые обманывали Конвент, подверглись преследованиям как нарушители общественного порядка».

«Удивленные такими словами Марата», многие члены аплодировали ему и поддержизали его предложение. Жирондист Легарди заклинал Конвент «призвать к порядку муравейник дезорганизаторов, которые, подобно паразитам, повсюду проникают». Бюзо, делая вид, что он оправдывает петиционеров, которых он считает орудием скрытых агитаторов, закончил так же, как и Марат, требованием произвести расследование о происхождении петиции:

«Вспомните, граждане, речь Верньо: «Говорят, хлеб дорог — причина этого в Тампле; но настанет день, когда точно так же скажут: хлеб дорог — виноват в этом Национальный конвент!» Это время настало, граждане, не забывайте этого, и обратите внимание, что именно продовольствием хотят задушить общественную свободу».

Жирондист Мазюйе точнее и сильнее выразил это. По его словам, петиция, прочитанная здесь в зале, была «делом бывшего телохранителя брата короля,

очень строгого аристократа до 10 августа»[1]. Если верить ему, те, которые требовали введения таксы, были сознательными или бессознательными орудиями тех подлежащих обложению парижских богачей, которые хотели посредством максимума освободиться от прогрессивного налога, которым Конвент обложил их, чтобы добыть для коммуны четыре миллиона, необходимые для понижения цены хлеба.

Барер ухватился за остроумное объяснение Мазюйе и заявил, что петиционеры представили «петицию богатых в одежде бедняков». Он требовал их ареста, и Марат поддержал это требование. Но монтаньяры Шудие, Ламарк и Тюрио привели в их пользу смягчающие обстоятельства. Поэтому ограничились только допросом Эделе. Последний в свое оправдание заявил, что, прежде чем прочесть петицию, он советовался с несколькими депутатами и что один из них посоветовал ему требовать в Конвенте общего закона о продовольствии. От него потребовали, чтобы он назвал того депутата, который дал ему этот совет. «Мне сказали, что его зовут Сен-Жюстом, но я его не знаю»,— ответил Эделе. Тогда Сен-Жюст, таким образом привлеченный к делу, заявил, что утром того же самого дня в Париже и до самого входа в Собрание распространяли печатный листок по поводу продовольствия, в котором заключались нападки на него лично. Он их огласил: «*Когда народ знает, что ораторы, которые произносят самые лучшие речи и дают самые лучшие советы в народных собраниях, хорошо ужинают каждый вечер... а к их числу принадлежит гражданин Сен-Жюст, то сорвите гнусную маску, которой он прикрывается!*» Эти нападки задели Сен-Жюста, который отправился разыскивать петиционеров в зале собраний, чтобы спросить их, чем он прегрешил по их мнению. Один из них показал горсть черной ржи, которую выгружали в порте Сен-Николя, и именно тогда Сен-Жюст дал тот совет, на который намекал Эделе: «Успокойтесь и требуйте общего закона. Если Конвент отложит ваше предложение, я попрошу слова и разовью те взгляды, которые я уже изложил».

Этот инцидент еще раз показал антипарламентский и даже антимонтаньярский характер движения в пользу введения таксы. Он доказывал также что Сен-Жюст, испугавшись, обещал петиционерам поддержать их дело. Конвент прекратил дебаты и постановил, что Эделе будет допрошен в его Комитете общественной безопасности[2].

Если Конвент думал этими угрозами репрессий напугать Бешеных и принудить их отказаться от их агитации, то он вскоре убедился в своем заблуждении. Бешеные имели за собой народные массы, которые были глухи к угрозам Марата, бывшего, однако, до тех пор их кумиром. Не прошло и десяти дней, как они воз-

[1] Мазюйе, без сомнения, имел в виду Эделе, но сомнительно, чтобы тот составил петицию, в которой содержатся обычные излюбленные выражения Жака Ру.

[2] Он был свобожден после допроса в тот же день (A. Tuetey, Répertoire, t. VIII, № 1471).

обновили обвинение, более настойчиво, более грозно, чем когда-либо. На этот раз они выставили вперед женщин и перешли к прямым действиям.

22 февраля гражданки секции Катр-Насион (в настоящее время квартал Института) попросили якобинцев предоставить им их залу на следующий день, в четыре часа, для обсуждения там вопроса о скупках. Якобинцы, среди которых преобладали монтаньяры, очень плохо отнеслись к этой просьбе. Робеспьер младший заметил, что слишком часто повторяющиеся дискуссии о продовольствии сеют тревогу в республике. В помещении им отказали. Трибуны выразили протест этого протест и стали ругать якобинцев. С трибун стали раздаваться крики, что среди них имеются купцы, скупщики, обогащающиеся за счет народных несчастий. Президент, которым был тогда Билло-Варен, принужден был покрыть голосу, что означало закрытие заседания, но спокойствие не восстановилось. Дюбуа-Крансе пытался объяснить трибунам, что сперва надо завоевать свободу и тогда уже продовольствие будет дешево. Он, в свою очередь, угрожал и заявил, что в качестве председателя Конвента он с отвращением отклонит всякую петицию, целью которой будет такса на съестные припасы. Тогда шум еще больше усилился, и заседание было закрыто при шуме.

Движение в пользу введения таксы не только носило антипарламентский характер, оно являлось также и антиякобинским, или, вернее, оно относилось индифферентно к политике, оно имело глубокую экономическую и социальную основу.

Предвидя сильный конфликт, генеральный совет коммуны, подталкиваемый, без сомнения, монтаньярами, пытался проповедывать парижанам спокойствие. 23 февраля он расклеил за подписью вице-президента Детурнеля, будущего министра финансов Горы, прокламацию, в которой он напоминал все, что он сделал, чтобы остановить повышение цены зерна[1]. Генеральный совет коммуны прибавлял, что он требовал отмены декрета, разрешавшего продажу денег. Он обещал требовать от Конвента репрессивных законов против ажиотажа и скупки: «В следующий понедельник мы представим в Национальный конвент петицию, в которой мы обрисуем наши бедствия и их источник, и мы будем заклинать его во имя общественного спасения издать строгие законы против всякого рода скупщиков». Он ничего не говорил о таксе и закончил предостережением населения против «злонамеренных людей, прикрывающихся патриотизмом и старающихся восстановить рабство», втягивая парижан в движение. «Никогда благосостояние и свобода не возникнут среди волнений».

На следующий день, 24 февраля, появилось новое объявление, в котором мэр Паш сообщал о конференции, происходившей между объединенными комитетами общественной безопасности, финансов, торговли и земледелия, с одной стороны, и парижскими властями, муниципалитетом и департаментом, с другой стороны.

[1] Bibl. nat., Lb[40] 1154 b. Афиша в три столбца.

Комитеты решили срочно испросить у Конвента кредит для облегчения снабжения столицы продовольствием.

Но это были бесполезные объявления. Хозяевами улицы стали Бешеные. В самый день 24 февраля депутация прачек явилась в Конвент. Она жаловалась не только на чрезвычайную дороговизну съестных припасов, но и на непомерно высокую цену мыла.

«Скоро наименее обеспеченный класс населения не в состоянии будет пользоваться чистым бельем. Мыло, которое стоило четырнадцать су фунт, теперь обходится в двадцать два су, — какая разница! Законодатели, мечом закона вы снесли голову тирану. Пусть же меч закона повиснет над головами этих общественных кровопийц, над этими людьми, которые вечно называют себя друзьями народа и которые ласкают его лишь для того, чтобы лучше задушить его!.. Мы требуем смертной казни для скупщиков и спекулянтов».

Дюбуа-Крансе, который председательствовал, сдержал слово, данное им за два дня до этого якобинцам. Он ответил петиционерам, что «одним из средств повышения цен на продовольствие является запугивание торговли постоянными криками о скупке».

Не успел он еще кончить свою филиппику, как явилась другая депутация женщин. Эти последние принадлежали к братскому обществу, давно уже собиравшемуся в самом помещении клуба якобинцев [1]. Они заявили, что в тот момент, «когда им с грустью пришлось видеть отправку их мужей, их отцов на границы, они со страхом смотрели на махинации скупщиков. И поэтому они пришли просить об отмене декрета Учредительного собрания, объявившего деньги товаром. Они думают, что это единственное средство исцелить все недуги». На этот раз этот аргумент заставил задуматься Дюбуа-Крансе и монтаньяров. Бешеные ловко сумели связать продовольственный вопрос с призывом в армию. В тот момент, когда Собрание издало приказ о призыве 300 000 человек для усиления армии, они сказали ему устами женщин: «Введите таксу — или вы не получите рекрутов!» Дюбуа-Крансе сбавил спеси. Он ответил, что собрание в своих комитетах занимается вопросом о продовольствии и предложил гражданкам остаться в заседании.

Но гражданки, повидимому, не были удовлетворены ни этими обещаниями, ни этой честью. Они ушли из зала, громко заявив: «Нам все откладывают, но мы не намерены ждать. Когда наши дети просят у нас молока, мы не можем им сказать,

[1] Эти женщины, прежде чем обратиться к Конвенту, явились в коммуну. Они просили у мэра разрешения представить в собрание петицию с просьбой о понижении цен на съестные припасы и о наказании скупщиков. Мэр Паш ответил им, что они не нуждаются в разрешении, чтобы воспользоваться правом петиций, и призывал их к спокойствию («Moniteur», t. XV, p. 555). Их оратором была женщина Вуафлар (A. Tuetey, Répertoire, t. VIII, № 1474).

чтобы они подождали несколько дней» [1]. И это не были на ветер сказанные слова.

На следующий день, в понедельник 25 февраля, вспыхнули беспорядки, которые по своему характеру и по своей серьезности напоминали беспорядки, которые за год до этого возникли по поводу вздорожания сахара. Сперва группы женщин, а затем и мужчин около десяти часов утра явились в бакалейные лавки и силою заставили отпустить себе мыла, сахару, свечей, соды по назначенной ими цене [2]. Они окончили тем, что стали беспощадно брать все товары «без различия». Бакалейные торговцы, сопротивлявшиеся таксе, были ограблены.

Беспорядки, начавшиеся в квартале Ломбар, центре торговли колониальными товарами, усилились и распространились дальше после полудня. Они продолжались до глубокой ночи. Они возобновились в следующие дни и прекратились только в середине недели. Вообще они имели более серьезный характер в центральных кварталах, обитаемых ремесленниками и мелкими буржуа, чем в предместьях, где жили рабочие.

В первый день муниципальные власти, растерявшись, проявили нерешительность и колебание: они плыли по течению, и казалось, что они снесены им. К мадующий национальной гвардией Сантерр удалился из Парижа с самого начала и отправился в Версаль организовать по просьбе военного министра отряд национальной жандармерии. Он вернулся только в девять часов вечера. Паш, который в мэрии был всего две недели, старался урезонить манифестантов. Подобно тому, как год тому назад это делал Петион в аналогичных условиях, он составлял прокламации и произносил речи, в которых приписывал беспорядки врагам революции. Вовсе нет недостатка в муке, говорил он в своей прокламации от 25 февраля [3], тревога вызвана аристократами, которые хотят задержать, помешать призыву новых солдат. Выдавая себя за патриотов, «некоторые из них притворяются бедняками, между тем как золото Альбиона и Испании без счета проходит через их руки и дает им возможность под предлогом необходимости скупать хлеб у булочников и подкупать общественное мнение»...

Подражая до конца Петиону, Паш около одиннадцати часов отправился в сопровождении своей канцелярии к толпе женщин на улицу Вивейль-Монне. Но его речь не имела никакого успеха. Все время сопровождаемый Шометтом и своими заместителями, Эбером и Реалем, он отправился тогда в Комитет общественной безопасности Конвента, чтобы потребовать издание декрета, дающего ему право забить тревогу, затем к министру внутренних дел просить аванса новых сумм,

[1] «Les Révolutions de Paris»; у Buchez et Roux, t. XXIV, p. 334.

[2] Такса на сахар была установлена в 20 и 25 су, на соду 8—10 су, на мыло и свечи в 12 су.

[3] Bibl. nat., Lb^{40} 1154^{h}.

предназначенных для снабжения Парижа продовольствием; Конвент тут же в заседании удовлетворил обе его просьбы.

Затем Паш созвал на два часа пополудни генеральный совет коммуны. Он объяснил им необходимость забить тревогу, чтобы призвать к оружию национальную гвардию. Но начальник легиона, командовавший в отсутствие Сантерра, заметил, что призыв к сбору, который он сделал некоторое время тому назад, возымел уже свое действие. Коммуна решила отложить приказ бить тревогу [1].

Несомненно, что агитаторы имели поддержку в генеральном совете коммуны и даже в командовании национальной гвардии, единственной силе регулярной полиции. Их сторонники в большом числе участвовали в заседании коммуны, и они своими криками устрашали мэра и сторонников репрессий. В самом деле, в протоколе заседания мы читаем: «Один адъютант секции Прав человека заявил, что сбор был объявлен безрезультатно и что граждане не отправились на свои посты. Он требует оружия, чтобы охранять безопасность людей и имущества». Но и тогда совет не решился бить тревогу. Он ограничился только посылкой двадцати четырех своих членов, которые должны были разойтись по сорока восьми секциям и там призывать к спокойствию.

Несколько далее в том же самом протоколе мы читаем:

«Гражданин Бассэ, гравер, депутат секции Боренер, сообщает, что происходит грабеж всех бакалейных лавок в секции. (С трибун [раздаются] крики: *Тем лучше!* Женщина у двери кричит: *Это скупщик!*) Комиссар секции Общественного договора заявляет [затем], что некоторые бакалейные торговцы его квартала принуждены отдавать сахар, теряя на нем более половины. (С трибун раздается: *Тем лучше!*)»

Председатель собрания призывает трибуны к порядку. Но продолжение еще более знаменательно:

«Кювилье, один из комиссаров, посланных в секции, отдавая отчет о своей миссии, заявляет, что в секции Гравильеров он видел Жака Ру, священника и члена совета, оправдывавшего поведение тех, которые собирались толпой, чтобы заставить выдать себе товары, на которые они назначили произвольную таксу. Жак Ру, только что пришедший в совет, всходит на трибуну и заявляет, что он всегда придерживался истинных принципов и что он не откажется от них, даже если бы его назвали *Маратом генерального совета*. Один член требует, чтобы заставили Жака Ру подписать сделанное им заявление.

«Другой требует, чтобы он объяснил, почему он не был на своем посту в минуты опасности. (Поднимается шум.) Ввиду того, что обстоятельства не позволяли заниматься личностями, генеральный совет перешел к очередным делам по всем вопросам, касавшимся Жака Ру».

[1] Отчет о заседании коммуны в «Moniteur», t. XV, p. 566.

По этим неопределенным фразам можно угадать, какова была позиция вождя Бешеных. Он не только не отрицал своего участия в движении, но он гордился им. Он оправдывал мятежников, которых его проповеди толкнули против бакалейщиков. Газета «Les Révolutions de Paris» приписывает ему следующую фразу, которую он якобы произнес во время дебатов: «К тому же я думаю, что бакалейные торговцы только вернули народу то, за что они в течение долгого времени заставляли его слишком дорого платить» [1].

Жак Ру не был единственным членом коммуны, так открыто стоявшим заодно с мятежниками. Несколько дней спустя секция Французской гвардии обвинила своего представителя в коммуне, некоего Шено, «что 25 февраля он довольно безразлично относился к событиям, что он говорил, что это пустяки, что отделались только несколькими брусками мыла. Секция обвиняла также Леру Этьена, что он, подобно Шено, своим официальным присутствием одобрил произвольную таксу на товары у гражданина Мадре» [2].

Читая эти свидетельства, легко понять, что осуществить репрессии можно было лишь медленно. Жак Ру не был одинок. Он стоял во главе многочисленной и сильной партии. Отметим еще один маленький факт, который характеризует положение вооруженной силы. Реаль рассказывает нам в своей речи, произнесенной 27 февраля у решетки Конвента, что мэр Паш среди общего смятения собственной рукой остановил жандарма, занимавшегося грабежом!

Репрессии на самом деле начались только на второй день беспорядков, после того, как якобинцы в своем ночном заседании решительно высказались против нарушителей порядка.

Затруднительное положение якобинцев.

Якобинцы, как мы уже говорили, видели в Бешеных влиятельных соперников. Они были против введения таксы, потому что они хорошо видели, что эта мера зажжет войну между классами. Успех революции был связан с продажей национальных имуществ. Продолжали ли бы земледельцы и собственники участвовать в торгах, если бы введена была такса на земледельческие продукты? Это был момент, когда, после церковных имуществ, революция подвергла продаже имущества эмигрантов. Политика Бешеных грозила помешать, парализовать, провалить эту большую финансовую операцию [1]. Было ли, к тому же, своевременно поднимать такой грозный вопрос, как введение таксы, в такой момент, когда началось наступление Дюмурье в Голландии, когда шла активная кампания набора 300 000 человек, наконец, когда монтаньяры начали вести самую жестокую борьбу с жирондистами? Какой прекрасный случай кричать об аграрном законе, о разрушении собственности доставляли Бешеные жирондистам!

Но у якобинцев, по крайней мере у некоторых из них, были еще и другие причины, кроме вопроса о своевременности, выступать против социальной программы Бешеных. Жак Ру видел спасение только в демонетизации металлических денег и в принудительном курсе ассигната. Марат, наоборот, всегда боролся против ассигнатов. Уже с Учредительного собрания он выступил против тех, которые их создали, между прочим и против Мирабо, обвиняя их в том, что посредством ассигнатов они служили интересам контр-революции. Он хотел, чтобы долги были уплачены предоставлением государственным кредиторам национальных имуществ в натуре. Он был врагом ассигнатов. Он советовал изъять их из обращения. Робеспьер и Сен-Жюст в этом вопросе были согласны с Маратом. Таким образом они расходились с Бешеными даже в основе экономической проблемы.

Но как начать борьбу с Бешеными, когда якобинцы вели уже борьбу с жирондистами? Положение было затруднительное. Было очевидно, что Бешеные имеют за собой значительную часть парижского населения, весь тот средний класс, все то ремесленное сословие, которое совершило революцию и которое до сих пор отдавало свои голоса партии монтаньяров. Надо было лавировать, пытаться делать различные ходы, погубить Жака Ру, возбудить против него подозрения, сохраняя в то же время связи с санкюлотами, делая вид, что они защищают их интересы.

Маневр Марата.

Марат, который не был лишен политического понимания, попытался противопоставить социальной программе Бешеных другую программу народных требований, которая давала, по крайней мере, возможность выиграть время. 24 февраля вечером, как только он понял из петиции прачек, что движение неминуемо вспыхнет, он написал для ближайшего номера «Publiciste» статью, в которой скрывался довольно ловкий маневр. Он начал с того, что народ прав, жалуясь на чрезмерное вздорожание съестных припасов. Он находил естественным, что потребители сами расправляются со спекулянтами и монополистами:

[1] Жирондистская газета «Le Scrutateur universel» в своем номере от 27 февраля следующим образом рассказывает об инциденте Жака Ру: «Священник Ру, обвиненный в том что он проповедывал восстание в секции Гравильеров, всходит на трибуну и заявляет, что видя, что бакалейщики так охотно продают свои товары по низкой цене, он из этого просто заключил, что эти господа, наконец, возвращают беднякам то, что они у них украли. — (Гром аплодисментов на трибунах и общее неодобрение со стороны Совета). «Впрочем, — сказал Ру. — можете назвать меня Маратом коммуны, я заявляю, что я всегда буду защищать народное дело и буду подстрекать агитаторов». И он с победоносным видом сошел с трибуны, и когда председатель поздравил его с аплодисментами, которые он вымолил, на трибунах поднялся крик: «Долой аристократа председателя!».

[2] «Moniteur», t. XV, p. 627.

[1] Камбон бросил это предостережение Конвенту именно в разгар беспорядков, в заседании 26 февраля.

«Во всякой стране, где права народа не являются пустыми громкими словами, простой декларацией, разграбление нескольких магазинов, у дверей которых были бы повешены скупщики, скоро положило бы конец тем притеснениям, которые доводят пять миллионов человек до отчаяния и заставляют многие тысячи погибать от нищеты!»

Но после этих призывов к убийству, простой дани демагогии, Марат отвлекает внимание своих читателей от требования решения проблемы законодательными мерами. Законы в экономических вопросах казались ему, как и Сен-Жюсту, недействительными. Это значило сказать, что он отвергает максимум, предложенный Жаком Ру. Для него это была проблема морального порядка. Надо было примерно наказать скупщиков, что терроризовало бы купцов и заставило бы их понизить цены. И Марат предложил сблечь Комитет общественной безопасности, к которому он относился с доверием, «властью разыскать главных скупщиков и предать их государственному суду, составленному из пяти членов, известных честностью и строгостью, чтобы судить их как изменников отечества». Другими словами, Марат требовал учреждения чего-то вроде революционного трибунала для суда над купцами, виновными в том, что они обогащаются за счет всеобщей нужды[1]. Он рассчитывал, что страх, который внушит этот трибунал, сделает сделки более справедливыми. Это был наивный взгляд, но Марат главным образом стремился провалить Жака Ру и таксу. От своего импровизированного средства он, без сомнения, ожидал только этого результата. Кроме того он кротко взывал к филантропии добрых душ для смягчения кризиса:

«Я знаю другую меру, которая вернее ведет к цели: пусть состоятельные граждане объединятся для выписки из-за границы предметов первой необходимости, пусть продают их по себестоимости и таким образом понизят их теперешнюю цену до тех пор, пока она дойдет до справедливого уровня».

Филантропическое средство кооперации было несколько лучше террористического средства трибунала, но Марат искал только повода отвлечь внимание.

К несчастью для него, его статья появилась в самое утро волнений, 25 февраля. Мятежники, очевидно, провели на практике его советы о насильственных актах, и мы видели, что Жак Ру поспешил эксплоатировать их, чтобы оправдать свою кампанию, когда он провозгласил себя Маратом коммуны. Жирондисты с своей стороны делали вид, что считают Марата автором, ответственным за грабежи, и на следующий день, 26 февраля, они требовали в Конвенте предания его суду. Конвент, который знал, в чем дело, не поддержал жирондистов. Он не забыл последних горячих нападок Марата на Бешеных. После горячих дебатов, в которых Марат защищался с презрительным высокомерием и в которых многие монтаньяры

[1] Заметим, что революционный трибунал был учрежден через две недели после этого по предложению Дантона, и что этот трибунал приговорил к смертной казни многих скупщиков.

солидаризировались с ним, Собрание ограничилось передачей в обыкновенный суд того обвинения, с которым жирондистский депутат Саль выступил против статьи Марата.

Заседание, происходившее накануне этих дебатов, вечером 25 февраля, ясно показало, что Друг народа и вожди монтаньяров единодушны не только в осуждении Бешеных, но и готовы принять против них репрессивные меры. Марат сам осудил в клубе «интриганов», которые своими зажигательными предложениями[1] подготовили движение против бакалейных торговцев. Он, не колеблясь, назвал их контр-революционерами и агентами жирондистов. Он приписывал им, вопреки всякому правдоподобию, намерение ввести Ролана в министерство.

«Чтобы склонить к этому народ, — говорил он, — они на всех перекрестках кричат: если бы у вас был Ролан, вы не испытывали бы недостатка в хлебе».

Марат обвиняет также продовольственный комитет коммуны в неспособности и во взяточничестве. Эта грубая тактика, которая состояла в том, чтобы свалить ответственность за беспорядки на жирондистов и роялистов и изобразить Бешеных как их орудие, была с восторгом подхвачена матадорами клуба. После Марата оратор, который не назван по имени в газетных отчетах, заявил, что он во многих местах видел переодетых людей:

«Они были покрыты пылью и плохо одеты, они говорили женщинам, что надо взять товары, не заплатив за них, и отрубить головы бакалейным торговцам».

Это утверждение было настолько явно вымышленным, что оно вызвало протесты трибун, откуда кричали: «Это неправда!» Так как оратор настаивал на своем утверждении, то поднялся ужасный шум, и он должен был сойти с трибуны. Его заменил там Дюбуа-Крансе и еще с большей энергией развивал положение о контрреволюционном происхождении движения:

«Это не действительные нужды. Среди вас скрываются эмигранты, переодетые санкюлотами, которые проповедуют свободу. Именно эти самые люди толкают парижское население на эксцессы под предлогом недостатка продовольствия: ступайте на рынок, он завален мукой[2]. Анархисты почувствовали, что достаточно взять у половины Парижа двойное количество провизии, чтобы другая половина испытывала недостаток в хлебе. Как! Тот народ, который в 1790 г. целых полгода боролся за хлеб насущный, впадет теперь в отчаяние из-за нескольких минут затруднения? Эти события чужды нам, они не могут повториться».

Дюбуа-Крансе напомнил еще, что Конвент разрешил налог на богатых парижан в семь миллионов, чтобы иметь дешевый хлеб. Он закончил обвинением Бешеных, что они являются агентами Питта: «Движение было подготовлено. Уже две недели,

[1] См. речь Марата у Buchez et Roux, t. XXIV, p. 343. Эта речь отсутствует в сборнике Олара о клубе якобинцев (Le Club des Jacobins).

[2] Доклад Паша о его заведывании противоречит оптимистическому и пристрастному утверждению Дюбуа-Крансе.

как я знаю, что должны произойти народные волнения, я узнал это из официальных документов; лорд Гренвиль сам сообщил об этом в английском парламенте». Речи Дюбуа-Крансе аплодировали. Его таинственный рассказ успокоил трибуны.

Еще больше доверия к нему внушил Робеспьер своим присоединением. «Это козни, замышляемые *против самих патриотов*,— *сказал он.— Это интриганы хотят* погубить патриотов». Робеспьер, без сомнения, признавал, что страдания народа реальны, что богатые пользуются его нуждой, что «они все еще остаются такими, какими они всегда были, т. е. жестокими и безжалостными», но он затем утверждал, что они с предательской ловкостью умеют обострять законное недовольство, чтобы вызвать мятежи, которые погубят революцию. Он присоединял еще свое личное свидетельство к тем, которые в волнениях видели руку аристократов.

«Я сам был свидетелем волнений. Рядом с честными гражданами мы видели иностранцев и богатых людей, переодетых в почетное платье санкюлотов. Мы слышали от них такие речи: «Нам обещали благосостояние после смерти короля, а мы стали еще более несчастными с тех пор, как этот бедный король уже не существует». Мы слышали нападки не на ведущую интриги контр-революционную часть Конвента, которая заседает там, где заседали аристократы Учредительного собрания, а против Горы, против парижской делегации и против якобинцев, которых они изображают скупщиками».

Робеспьер говорил правду, передавая *антимонтаньярские и антиякобинские* речи Бешеных [1], но *отсюда было далеко до превращения* их в контр-революционеров. Во время беспорядков было арестовано много людей. Якобинский муниципалитет, который был заинтересован в том, чтобы подтвердить фактами утверждения Марата, Дюбуа-Крансе и Робеспьера, подробно допрашивал их. Некоторые *были преданы суду. У нас есть их дела. Ни* один из арестованных мятежников не был уличен в аристократизме. Среди арестованных не оказалось ни одного иностранца или иностранного агента. Вот, напр., профессии двенадцати обвиняемых, которые были заключены в тюрьму: трое прислуг, один старьевщик, один портной, один драгун республики, один сапожный ученик, один торговец пряжками, один торговец значками, один кузнец, один кондитерский ученик и один человек без определенной профессии [2]. Таким образом огромное большинство принадлежало к мелким торговцам, ремесленникам, к тому классу, выразителем которого был Жак Ру.

[1] Ласурс точно так же на следующий день говорил в Конвенте, что слышал, как манифестанты возбуждали народ, говоря ему: «Когда у нас был король, мы были не так несчастны, как теперь, когда у нас их 745». Некоторые неизвестные говорили еще кроме того: «Те, которые голосовали за смерть короля, скоро в свою очередь поплатятся за это» (*заседание 26 февраля в «Archives parlementaires»*).

[2] A. Tuetey, Répertoire, t. VIII, №№ 1497, 1499, 1506, 1508

Весьма вероятно, что, обвиняя Бешеных в контр-революционных замыслах, Робеспьер и якобинцы были в этом уверены. Эти темные агитаторы мешали их политике, стремились отделить их от народа. Беспорядком, который они поддерживали, пользовались реакционные партии.

Как бы то ни было, но, поддерживая Марата, Робеспьер пытался направить гнев *народа против жирондистов, против скупщиков. Его тактика состояла в том*, чтобы придать социальному движению политический характер: «Наши противники [*жирондисты*],— сказал он, заканчивая свою речь,— хотят напугать всякого, имеющего какую-нибудь собственность, они хотят доказать, что наша система свободы и равенства угрожает всякому порядку, всякой безопасности. Народ должен восстать не для того, чтобы получить сахар, а для того, чтобы раздавить разбойников». Те, которых Робеспьер называл «разбойниками», это были те, которые хотели спасти короля, те, которые, если верить ему, подготовляли контр-революцию. Он написал, что в сентябре месяце, когда пруссаки вошли в Шампань, жирондист Ролан *хотел оставить Париж.*

Бывший актер Колло д'Эрбуа перещеголял еще Робеспьера. Он обвинил Ролана в том, что тот вызвал беспорядки, чтобы дискредитировать Паша и прогнать его из мэрии: «Ролан так виновен, что ни с кем не может сравниться в злодействе. Я добыл доказательства того, что он получил двенадцать миллионов в Англии. Будем продолжать разоблачать бриссотинцев, и мы прямо придем к Ролану. *Я заявляю, что в следующее воскресенье я потребую обвинительного акта против* этого экс-министра, и я опираюсь на десять обвинительных пунктов, из которых достаточно одного, чтобы он пошел на эшафот».

Надо ли прибавить, что *страстные нападки Колло д'Эрбуа лишены были* всякого основания? Так же, как в разграблении бакалейных лавок нельзя было найти руку иностранцев, так же трудно было установить участие в этом жирондистов.

Но что надо помнить, что важно для предмета нашего исследования, это то, что якобинцы официально присоединились к маневру Марата и Робеспьера. Их циркуляр от 1 марта к провинциальным обществам, редактором которого был Робеспьер, подвергал порицанию и оскорблениям Бешеных и изображал их орудием или агентами врагов революции. Он утверждал, что в сборищах раздавались крики: *Да здравствует Людовик XVII!* и что грабили в особенности лавки патриотов, что опровергается рассказом газеты «Révolutions de Paris», которая говорит наоборот, что некоторые лавочники-якобинцы были пощажены.

Репрессии.

Позиция якобинцев имела решающее значение для исхода движения. Утром 26-го волнения возобновились в квартале Рынка. Но на этот раз муниципалитет принял серьезные меры для восстановления порядка. Уже с четырех часов утра забили тревогу. Сантерр лично командовал 80 000 национальных гвардейцев,

которые были приведены в военную готовность [1]. Он отдал им следующий приказ: «К оружию, граждане! Будем защищать имущество наших братьев, как тех, которые находятся на границах, так и тех, которые находятся внутри страны. Арестуем тех, которые не исполняют своей присяги, и предадим их правосудию» [2].

Коммуна собралась рано утром и постановила, что те национальные гвардейцы, которые не являются к своим постам, будут считаться подозрительными [3]. Коммуна также решила произвести перепись всех жителей и записать на особом листе тех, которые не в состоянии будут ни указать средств существования, ни доказать своей лойяльности [4]. Начались обыски. В то же самое время коммуна выпустила прокламацию к парижанам, в которой она приписывала беспорядки контр революционерам, желавшим помешать призыву [5]. Она делала вид, что верит, что «движение заблуждения» прошло. Она утверждала, что несколько заблуждавшихся человек по собственной инициативе «принесли кучу добавочную плату за съестные припасы» и что «образумившиеся гражданки присоединились к вооруженной силе для охраны имущества». Она обещала безработным большие работы, которые будут предприняты, и в заключение говорила: «Задерживайте, предавайте в руки правосудия людей, которые хотят клеветать, которые хотят унизить Конвент. Такие люди хотят королей. Они через анархию хотят вернуть нас к рабству».

Избранные от Парижа монтаньярские депутаты изо всех сил поддерживали муниципалитет, выпустив с своей стороны прокламацию к своим избирателям, чтобы предостеречь их против сетей, которые расставляли им Бешеные [6].

Секция Пик (Вандомская площадь), секция Робеспьера, в своем заседании в ночь с 25 на 26 февраля публично клеймила доктрины, проповедуемые Жаком Ру, как «могущие ввести в заблуждение народ, побуждая его нарушать священные права собственности» [7]. В расклеенном ею объявлении она затем решила предложить своим братьям из секции Гравильеров пересмотреть полномочия гражданина Жака Ру, ее представителя в коммуне, за то, что он 25 числа, оправдывая события этого дня, «проповедывал в генеральном совете нарушение всех принципов» [8].

[1] Эта цифра дана Шометтом в его речи в коммуне 26 февраля («Moniteur»).

[2] См. этот приказ Сантерра в «Moniteur» от 1 марта.

[3] На основании постановления, опубликованного в «Moniteur» от 1 марта.

[4] Конвент в тот именно день вотировал, по предложению Барера, декрет о таких мерах.

[5] Эта прокламация, редактированная Реалем, напечатана в отчете заседания 27 февраля в «Archives parlementaires». Она существует в виде плаката в Национальной библиотеке, Lb[40] 1154 b.

[6] Я не мог найти текста этого объявления, но оно упоминается в циркуляре якобинцев от 1 марта.

[7] См. «Вмешательство секции Пик в дела коммуны» в отчете «Moniteur», t. XV, p. 566.

[8] Постановление секции Пик было напечатано и расклеено (Bibl. nat., Lb[40] 2040 in 4°). Оно подписано Панекеном, председателем, Тернуа, вице-председателем, и Отье, секретарем. Оно было сообщено коммуне в заседании 26 февраля («Moniteur» от 3 марта). Оригинал этого постановления находится в коллекции Charavay (Библиотека города Парижа, t. V, p. 477).

Встретив таким образом поддержку и одобрение партии монтаньяров, муниципальные власти могли подавить волнения. Собиравшиеся группы рассеивались патрулями. Однако беспорядки продолжались еще 27-го. В этот день национальная гвардия подверглась на улице Бьевр оскорблениям со стороны женщин, которые хотели разграбить магазин соды. Но мало-по-малу спокойствие было восстановлено без пролития крови.

Маневр якобинцев имел успех, по крайней мере временный. Муниципалитет, растерявшийся в первый день, оправился во второй день. Толпы Бешеных попались на удочку Робеспьера. Они побоялись, продолжая беспорядки, сыграть на руку контр-революции, работать для Бриссо, для Ролана, для Людовика XVII, для Питта. Широкое движение, инспирированное Жаком Ру, выродилось в обыкновенные грабежи, которые легко были подавлены.

Своим быстрым и энергичным решением монтаньяры отняли у жирондистов возможность выгодно эксплоатировать волнение в свою пользу. Без сомнения, 26 февраля, как мы видели, жирондисты пытались взвалить ответственность за беспорядки на Марата. Но им не удалось увлечь за собой Собрание, потому что факты слишком громко говорили против этого. Они пытались также изобразить коммуну и Сантерра сообщниками нарушителей порядка. Отсутствие Сантерра 25 февраля давало им прекрасный аргумент [1]. Не желая осуждать ни Сантерра, ни коммуны, Конвент, однако, приказал им, по предложению Барера, отдать отчет о событиях. Им не трудно было оправдаться.

Программа Шометта и коммуны.

Порядок был восстановлен. Однако Паш не скрывал в Конвенте 27 февраля, что огонь тлеет под пеплом. До тех пор, пока будет продолжаться экономический кризис, можно опасаться нового пожара. Так как монтаньяры отвергли средства, предложенные Бешеными, максимум и демонетизацию денег, они должны были изыскать другие средства. Парижская коммуна подавила беспорядки, но она не скрывала, что она считает недостаточным ограничиться этим. Через Шометта она 27 февраля предложила Конвенту свою социальную программу:

[1] Барер, который был тогда жирондистом, критиковал в своей речи 26 февраля нерешительность парижских властей и указывал бунтовщиков, которые хотели «узаконить кражу, как в Спарте, и все это для того, чтобы добиться так называемого аграрного закона, если так можно назвать разбой». Жирондистская секция холма Moulins постановила, что муниципальный орган лишился доверия, потому что не был на своем посту, по крайней мере в воскресенье и в понедельник. Она формально осуждала Сантерра (см. заседание коммуны 1 марта в «Moniteur» от 4 марта).

«Не существует больше, — сказал Шометт, — справедливого отношения между поденной заработной платой и ценой предметов первой необходимости... Существуют злоумышленники, скупщики... Общественная нужда является основанием корыстных спекуляций массы капиталистов, которые не знают, что делать с огромными капиталами, созданными ликвидациями. Бедняки, так же как и богатые, и больше богатых, совершили революцию. Все изменилось вокруг бедных, только они остались в том же положении, они от революции выиграли только право жаловаться на свою нужду... Граждане, в Париже в особенности бедные слишком бедны; в Париже в особенности отчаяние их обостряется еще ужасным несоответствием, существующим между ними и богатыми... Революция, дав богатым свободу, дала им бесконечно много; она дала также бедным свободу, равенство, но чтобы жить свободным, надо существовать, а если нет правильного отношения между ценой труда бедных и ценой съестных припасов, необходимых для их существования, бедные не могут жить. Восстановите, граждане, это спасительное отношение; сделайте больше, сделайте так, чтобы это отношение направило благодеяние революции в пользу бедных; это — единственное средство заставить их любить революцию; это — единственное средство дать бедным надежду стать когда-нибудь собственниками, и может быть, революция в самом деле укрепится только в эту счастливую эпоху; тогда бедные перестанут смотреть на себя как на постояльцев в своем отечестве».

Речь Шометта была проникнута большим социальным состраданием. Но его узкие выводы противоречили его предпосылкам. Он ограничивался тем, что требовал от Конвента проведения трех практических мер: закона против скупщиков, закона об изъятии из обращения возможно большего количества ассигнатов и, наконец, закона о больших работах, чтобы дать заработок бедным. Эти меры, из которых исключена была такса на съестные припасы, не содержали в себе ничего, что могло бы не понравиться Конвенту. Он уже накануне декретировал по предложению Барера, чтобы его комитеты земледелия, торговли и финансов представили ему в кратчайший срок проекты законов, предназначенных для уничтожения ажистажа и для уменьшения массы ассигнатов.

Оставалось только выяснить, достаточно ли было этих законов, если бы они были вотированы и применены для решения ужасной проблемы дороговизны.

Пока что Жак Ру не был побежден. Его идея, его программа введения таксы и регламентации, которые являлись только признанным возвратом к положению вещей до 1789 г., были живы в народе. До тех пор, пока продолжался кризис, Бешеные сохраняли свое влияние. Доказательством их силы служило то обстоятельство, что коммуна не осмелилась принять решение секции Пик и изгнать Жака Ру из своей среды.

Между тем она могла бы это сделать с тем бо́льшим удобством, что избрание Жака Ру в коммуну было объявлено незаконным. Согласно существовавшим тогда правилам, выборы в каждой секции должны были быть одобрены большинством

других секций. А избрание Жака Ру гравильерами было отвергнуто контрольными выборами большинства других секций [1]. Ввиду такого афронта Жак Ру подал в отставку, но гравильеры не приняли ее и сохранили за ним его полномочия [2]. Он продолжал заседать в коммуне. Никто не беспокоил главную группу Защитников восьмидесяти четырех департаментов, на которую он опирался. Они продолжали собираться и представлять петиции.

Хотя Бешеным не удалось навязать таксу прямым действием, посредством восстания, но силы их не пострадали, кризис не был решен. Экономические и политические события работали за них. И должен был наступить день, когда монтаньяры окажутся побежденными.

[1] См. отчет заседания коммуны 2 марта в «Moniteur».

[2] См. у Charavay, Assemblée électorale de Paris, заседание 14 февраля 1793 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГОЛОСОВАНИЕ ПЕРВОГО МАКСИМУМА.

(Апрель — май 1793 г.)

Монтаньяры, с Маратом во главе, сильно противились введению таксы на съестные припасы, которой требовали в феврале 1793 г. Бешеные, поддерживаемые грозными петициями и манифестациями. Они заявили, что восхваляемая Жаком Ру мера — контр-революционна. Якобинцы приняли активное участие в подавлении грабежа парижских бакалейных торговцев. И тем не менее, не прошло и двух месяцев, как те же самые монтаньяры, Марат, Дантон и Робеспьер, изо всех сил старались провести программу Жака Ру, по крайней мере часть ее. Под их давлением Конвент в конце апреля обсуждал и встировал 4 мая первый максимум, таксу на зерно. Как произошла эта эволюция, как произошел этот поворот? Почему монтаньяры отказались от экономического либерализма? Изменились ли их взгляды, или же они подчинились более сильной необходимости, чем их внутреннее убеждение? В чем состояла эта необходимость?

Положение в марте 1793 г.

В конце февраля началось наступление Дюмурье, который вступил в Голландию. Жирондисты надеялись, что завоевание этой богатой страны, изобилующей всякими ресурсами, выведет Францию из некоторых ее экономических затруднений. Особенно они надеялись найти в Амстердаме большие количества звонкой монеты, которая даст им возможность улучшить вексельный курс. Они надеялись также, что победа нашей армии заставит замолкнуть волнения внутри страны, вызванные казнью Людовика XVI и образованием первой коалиции, и что опять восстановятся доверие и кредит ассигнатов. Но эти надежды жестоким образом обманули их. Поражение ген. Миранды в Альденговене и потеря Люттиха после этого заставили Дюмурье покинуть занятую уже Голландию, поспешить на помощь своему заместителю и попытаться спасти Брюссель. Он вскоре сам потерпел поражение при Неервиндене, 18 марта, и принужден был эвакуировать Бельгию.

Таким образом положение республики не только не улучшилось, но оно сильно ухудшилось в марте. Изданный наспех приказ о призыве 300 000 человек почти везде наталкивался на большие трудности. Он был поводом для восстания вандейцев, вспыхнувшего 10 марта. Чтобы сломить сопротивление, Конвент послал в департаменты часть своих членов, облеченных самыми широкими полномочиями. Письма этих первых отправленных с миссией представителей показывали глубокое беспокойство, охватившее народ в деревнях и городах. Можно было опасаться, что Вандея станет общим явлением, потому что везде бедные громко жаловались на свою нужду и отворачивались от нового режима.

Если духовенству, дворянству и богачам удалось поднять крестьян Запада, то это объясняется тем, что последние жестоко страдали от экономического кризиса, вызванного падением ассигнатов. Они с диких радостью набрасывались на города, населенные купцами. Ужасная резня в Машкуле, происходившая 11 и 12 марта, с 542 жертвами, заставила задуматься наиболее оптимистически настроенных революционеров. Они чувствовали, что везде работают темные силы контр-революции и что народ в массе отворачивается от них.

Их комиссары в Страсбурге сообщали им, что ассигнаты теряют 70%. Те, кому приходилось побывать на нижнем течении Сены, жаловались на дороговизну и недостаток хлеба. Колло д'Эрбуа и Лапланш в Ньевре принуждены были поставить гильотину. Бо и Шабо в Авейроне обложили богатых военным налогом, чтобы прокормить нуждающихся, и обезоружили подозрительных лиц. Севестр и Билло-Варен с большим трудом подавили восстание крестьян Морбигана, которым сперва удалось захватить несколько городов, как Ларош-Бернар и Рошфор. Около того же времени, в конце марта, Лаконт и Фор в Велэ сражались с 2 000 мятежников.

В Лионе каждый час могла вспыхнуть гражданская война. Партия монтаньяров, во главе которой стоял Шалье, президент дистрикта, потеряла мэрию, где выбран был жирондист, врач Жилибер, за которого голосовали роялисты. 18 февраля вспыхнуло серьезное восстание. Центральный клуб, устроенный друзьями Шалье, был разрушен, статуя Ж.-Ж. Руссо сломана, дерево свободы сожжено. Рабочие в шелковом производстве, виноделы не работали большую часть времени и платили шесть су за фунт хлеба. Они требовали прогрессивного налога на капитал, введения таксы как на заработную плату, так и на съестные припасы и запрещения торговли деньгами.

Комиссары Конвента, все как один, указывали на дороговизну как на глубокую причину беспорядков и растущего нерасположения народных масс.

Жанбон Сент-Андре, посланный в Ло и Дордонь, высказывал свои опасения Бареру в письме от 26 марта, подписанном также его коллегой Эли Лаконтом:

«Общественное дело на краю гибели — мы говорим это определенно, и мы почти уверены, что только самые быстрые и самые решительные меры могут еще спасти

его... Опыт в настоящее время показывает, что революция еще не сделана, и следует совершенно открыто сказать Национальному конвенту: вы являетесь революционным собранием...

«В л ения в Вандее и в соседних департаментах, без сомнения, вызывают тревогу, но они действительно опасны лишь потому, что во всех сердцах погас священный энтузиазм свободы. Везде чувствуется усталость от революции. Богатые ненавидят ее, бедные нуждаются в хлебе, и их уверяют, что мы в этом виноваты. Журналисты совершенно развратили общественное мнение, ввели его в заблуждение. Даже народные общества совершенно потеряли свою энергию, — это, без сомнения, прискорбные факты, но они верны.

«... Мы, конечно, прилагаем все усилия, чтобы ободрить людей, но мы имеем дело с мертвецами. Дело гораздо хуже: все те, которых называли прежде умеренными, которые некоторым образом были заодно с патриотами и по крайней мере хотели какой-нибудь революции, в настоящее время не хотят ее. Они хотят повернуть ее назад, скажем прямо: они хотят контр-революции, и они связаны всем сердцем, всеми намерениями, всеми желаниями с аристократами, а скоро они будут фактически связаны с ними и всеми действиями. Поверьте в этом коллегам, которые добросовестно ищут истину, которые искренно любят отечество...

«У бедняка нет хлеба, между тем как нет недостатка в зерне, но оно спрятано, и все администраторы, которых мы видели, подтвердили нам этот факт. *Настоятельно необходимо дать возможность жить беднякам, если вы хотите, чтобы они помогли вам закончить революцию.* В экстренных случаях надо считаться только с великим законом общественного спасения. Мы думаем, что декрет, приказывающий учет всего зерна, был бы очень полезен, в особенности если бы к этому прибавить еще учреждение государственных зернохранилищ, составленных из излишков частных лиц, с уплатою собственникам стоимости зерна, как этого требует справедливость. Эту работу следует передать дистриктам, предпочтительно перед муниципалитетами. Их можно было бы уполномочить назначать комиссаров для проведения этого сбора».

Это свидетельство и это мнение не были единичными. Все комиссары повторяют, что хотя продовольствие очень дорого, в нем нет недостатка, но оно припрятано. Владельцы не хотят его продавать, потому что они не питают доверия к ассигнату и боятся возвращения эмигрантов. Экономический кризис в значительной мере имеет политический, психологический характер. «Не недостаток съестных припасов причиняет дороговизну, она вызывается целой системой скупки их всеми богатыми людьми, в которой прямо или косвенно с роковой неизбежностью участвуют все граждане, имеющие хоть немного денег», — писали 20 февраля из Лиона депутаты Лакомб Сен-Мишель, Салисетти и Дельшер.

В Ионне дистрикт Сен-Фаржо точно так же обвиняет аристократов в том, что они предпочитают хранить свое зерно в амбарах, чем обменивать его на республиканские деньги. Здесь цена зерна увеличилась в три раза, и заработной платы едва хватает на покупку хлеба. «Доказательством того, что одна только пища поглощает почти весь заработок рабочего, служит то, что если он получает пищу от хозяина или от покупателя, его заработная плата сокращается на две трети. Слесарь, зарабатывавший 3 ливра 10 су без пищи, получал только 1 ливр 10 су, если получал пищу. Скудная плата, которую он приносил вечером домой, вся уходила на хлеб для жены и детей» [1]. Гарро и Паганель, посланные в Жиронду, 20 апреля писали, что народ легко приписывает дороговизну революции и что недовольство может вызвать беспорядки.

В ожидании беспрестанно требуемых ими законов, которые должны были положить конец экономическому кризису, угрожавшему погубить республику, комиссары Конвента забегали вперед. Декрет 10 марта, поручивший им призыв 300 000 человек, дал им право проверять состояние продовольствия. Они распорядились произвести учет и даже реквизиции, чтобы наполнить рынки [2]. Таким образом они мерами, аналогичными тем, которые принял Исполнительный совет в момент вторжения в Шампань в сентябре предыдущего года, отчасти восстановили регламентацию, существовавшую до 1789 г. Их в этом поддерживали местные администрации, которые иногда упреждали их. Довольно часто некоторые директории департаментов запрещали вывоз зерна из их территории, как, напр., департамент Мозеля в феврале [3], департамент Кот-д'Ора в апреле [4] и департамент Юры около того же времени.

В Юре бессменный совет департамента, «принимая во внимание ужасающий рост нужды, а также и то, что цена зерна превосходит даже возможности состоятельных граждан, что бедный и, к сожалению, самый многочисленный класс стонет и ропщет», приказывает произвести всеобщую перепись и реквизиции, чтобы снабдить рынки, а также запрещает всякий вывоз зерна из пределов департамента, пока не будет окончена перепись [5]. Комиссары Конвента Леонар Бурдон и Прост одобрили это постановление от 7 апреля и велели даже выгрузить зерно, которое было уже погружено для отправки по Соне в соседние города. Безансонские булочники не могли получить своих покупок. Они жаловались администрации департамента Дубса, и последняя донесла Конвенту о незаконных постановлениях, принятых департаментом Юры и представителями Простом и Леонаром Бурдоном. Эти постановления «попирали ногами законы гуманности и братства», они нарушали законы и «все, что есть самого святого в республике».

[1] Ch. Porée, Les subsistances dans l'Yonne, p. XXI.

[2] Письмо Жанбона Сент-Андре из Кагора 17 апреля 1793 г.

[3] Это постановление департамента Мозеля было отменено Исполнительным советом 20 февраля.

[4] Заседание Исполнительного совета 17 апреля.

[5] Это постановление сохранилось в Archives du Doubs, L 300.

Безансон чуть не очутился без хлеба. Муниципалитет устроил подписку 4 марта, чтобы доставить муку неимущим. Генерал Спарр, комендант крепости, дал 300 ливров, мэр Маррелье — все свое серебро. Муниципалитет предлагал «частным лицам, имевшим золотые или серебряные монеты, обменивать их на медные су, чтобы легче было купить зерно». «Надеются,— говорила «La Vedette» [1], — что все добрые граждане поспешат принять участие в этом обмене, который сделает возможным немедленное приобретение предметов первой необходимости».

Все города переживали такие же мучения. Несмотря на свои большие денежные ресурсы, Париж также не избег их. В этом отношении чрезвычайно поучительны полицейские отчеты.

13 марта: «Дороговизна съестных припасов обостряется».

14—15 марта: «Волнения на Рынке зерна. Булочные подмастерья угрожают устроить забастовку, если им не будут платить пятьдесят су в день и бутылку вина».

17—18 марта: «Новые волнения на Рынке зерна. Булочники хотят повесить Гарена, администратора по продовольственной части в городе».

29 марта: «Ощущается недостаток в хлебе в секции Инвалидов и в улице Севр, вследствие чего происходят беспорядки».

30 марта: «У многих булочников ощущается еще недостаток в хлебе».

1 апреля: «Толпа в Пале-Рояле говорит о том, что надо отрубить головы скупщикам и пойти на Конвент, требуя таксы, на введении которой уже давно настаивали. Мясо вздорожало на 2 су. Раздаются нарекания на мясников». Полицейские боятся бунта.

6 апреля: «Коалиция булочных подмастерьев».

7—8 апреля: «Хлеба все еще нет».

15—16 апреля: «Булочники не пекут столько, сколько они должны были бы печь, чтобы принудить коммуну вернуть им свободу продавать по-своему».

16 апреля: «Большой шум из-за хлеба происходит в секции Рынка зерна».

17 апреля: «У дверей булочных большие толпы с 5 часов утра. Один булочник с улицы Сент-Оноре почти совершенно ограблен. Женщины кричат: *Дайте нам короля, чтобы у нас был хлеб!*»

18 апреля: «Булочники жалуются на муниципалитет, который не платит им за убытки, как было обещано». (На самом деле он им платил, но с опозданием) [2].

[1] «Vedette» от 15 марта.

[2] См. дебаты Исполнительного совета за 17 апреля. Отчеты полиции о состоянии Парижа разбираются в «Répertoire» Tuetey. О причинах недостатка предметов первой необходимости в столице см. важный доклад Паша о его деятельности в бумагах Комитета общественного спасения (Archives nation., AF II 68). Доклад Паша не датирован.

Это тревожное состояние не могло долго продолжаться. Местные власти и присланные эмиссары издавали законы. Эта анархия, этот «экономический федерализм» ухудшали зло. Движение хлеба совершенно остановилось. Нужда могла вызвать общий взрыв.

Это недоверие подкапывало революцию, оно компрометировало национальную защиту как раз в такой момент, когда наша разбитая армия отступала к границе, как раз в тот момент, когда Дюмурье, ее командующий, перешел на сторону неприятеля, после напрасных попыток повести войска против Конвента.

Измена Дюмурье, происшедшая в начале апреля, повидимому, сыграла большую роль в эволюции, происшедшей в умах монтаньяров и в их политике.

Эволюция в политике монтаньяров.

После февральских дней, которые они так резко осудили, они пытались направить гнев народа против жирондистов. Как указывает Жорес, удваивая преследования против жирондистов, которые хотели спасти короля и которые постоянно брали на себя защиту богатых, монтаньяры надеялись заставить санкюлотов забыть о непосредственной проблеме введения таксы, которая тогда пугала их. Таким образом они думали сгладить «впечатление умеренности», которое они могли произвести своей оппозицией Жаку Ру. «Таким образом они опять станут тем, чем они всегда стремились быть: в одно и то же время и авангардом и регулирующей силой. Таким образом «Père Duchesne» вернет в свою политическую кухню народ, отвлеченный, может быть, запахом горячего хлеба, пряностей и ароматами, которыми дышали предложения Жака Ру» [1].

Жак Ру, как человек сообразительный, понимал, что, поддерживая политику монтаньяров против жирондистов, он сумеет когда-нибудь потянуть их за собою и мало-по-малу навязать им свою социальную программу. Он был лично связан с Маратом. За год до этого он оказал ему услуги. Он укрыл его в своем доме, когда тому грозило судебное преследование. Он любил называть себя его учеником, его заместителем. Ему очень важно было опять приобрести его расположение, прикрывать свои стремления его большой популярностью. Поэтому он остерегался советовать своим сторонникам политический нейтралитет, как в предшествующий период, индиферентизм в политической борьбе, завязавшейся между Горой и Жирондой. Наоборот, он старался разжечь эту борьбу, правильно учитывая, что «в разгоряченной атмосфере революционных страстей прывются социальные дерзания». И поэтому он соединял нападки на Жиронду с нападками на спекулянтов. Таким образом монтаньяры не могли осуждать одних, не делая вида, что осуждают других. Помогая таким образом разбить жирондистов, Жак Ру

[1] «La Convention», p. 1074.

кроме того говорил себе, что он работает непосредственно для своей цели, так как жирондисты — партия богатых купцов, спекулянтов и скупщиков.

С 4 марта выступили на сцену «защитники республики», сыгравшие уже важную роль в социальных волнениях в январе месяце. Вождем этого общества был бывший солдат Мамен, который служил вместе с известным Мальяром в октябрьские дни 1789 г. и в сентябрьские дни 1792 г. в полку булонской пехоты. Мамен, оставшийся другом и сподвижником Мальяра, сам рассказывает нам, что он основал Общество защитников республики в декабре 1792 г., чтобы «устрашать аристократию» [1]. Они вновь появились у решетки Конвента 4 марта и в сильных выражениях донесли о «заговоре враждебной свободе клики среди членов Конвента». «Вероломные депутаты не только должны быть отозваны, но их головы должны пасть под мечом закона, когда будет доказано, что под предлогом свободы мнений они предали интересы нации». После этой анафемы жирондистам они выступили против виновников дороговизны. «Денежная аристократия хочет укрепиться на развалинах родовой аристократии; вообще крупные купцы, финансисты — являются скупщиками... Ни один из коронованных разбойников не посмел бы нападать на нас, если бы у них не было партии в Конвенте»... Я не знаю, принимал ли Жак Ру какое-нибудь участие в этом адресе, первом, который с такой силой требовал смерти для Жиронды, но, очевидно, он не играл никакой роли в повстанческом движении, которое через несколько дней, 9 и 10 марта, старался поднять Варле, его последователь, а может быть, и его соперник, при известии о первых поражениях в Бельгии. Движение имело целью изгнать из Конвента депутатов, которые голосовали за апелляцию к народу в процессе короля. «Защитники республики» фигурировали там на первом плане [2] рядом с такими подозрительными агитаторами, как Проли, Дефье и Фурнье Американец.

Правда, секция Гравильеров, секция Жака Ру, явилась 9 марта еще раз требовать у Конвента отмены декрета, объявлявшего деньги товаром и разрешавшего, следовательно, ажиотаж с ассигнатами, но секция Гравильеров не фигурирует в списке секций, присоединившихся к мятежному манифесту Варле [3]. Жак Ру так мало был согласен с Варле, что не ограничился одним только осуждением его, но требовал от коммуны его ареста [4]. Ясно, что социалист-священник думал тогда рассеять недоверие к нему монтаньяров и что он не только не имел в виду мешать их осторожной политике. но поддерживал ее.

[1] Докладная записка Жана Мамена Комитету общественного спасения, без даты, но после 31 марта, с просьбой о должности (Archives nationales, 4774[227]).

[2] См. их призыв к восстанию 9 марта 1793 г., в 2 часа утра (Archives nationales, F[7] 4445).

[3] Это были секции Моконсейль, Ломбар, Французского театра, Катр-Насион и Пуассоньер.

[4] Заседание 10 марта у Buchez et Roux, t. XXV, p. 62.

Варле не удалось привлечь на свою сторону ни коммуну, ни якобинцев. Его движение повело только к разгрому нескольких типографий жирондистских газет: «Courrier» Горса, «Chronique» Кондорсэ. Когда петиционеры секции Пуассоньер через два дня после этого хотели повторить те же действия, прочитав адрес в Конвенте, Марат напал на них как на контр-революционеров, и в тот же вечер, 12 марта, якобинцы освистали Варле.

В это время, 12 марта, якобинцы не считали еще нужным употреблять силу против жирондистов. Они не хотели также согласиться на смещение Дюмурье, которого требовал Варле.

Но через три недели события подтвердили правоту Бешеных: Дюмурье сбросил маску и оказался предателем!

Жирондисты, которым надоело обвинение в соучастии с предателем, стали в свою очередь нападать. Они с жаром обрушились на Дантона; они упрекали его в осторожности по отношению к Дюмурье в Бельгии; его тайному действию они приписывали неудавшееся восстание 10 марта. Почти сейчас же после этого они заставили предать Марата революционному суду [1]. Они, наконец, оспаривали у монтаньяров парижские секции, и они вызвали в департаментах целый поток угрожающих петиций против них. Чтобы защищаться и чтобы победить, монтаньяры силою вещей вынуждены были открыто опереться на массы, которыми руководили Бешеные. Чтобы опять завоевать народ, чтобы помешать ему перейти к Жиронде и к контр-революции, они должны были требовать для него принятия социальных мер, и на этом пути они докатились до программы Жака Ру.

Как и всегда, сигнал к этой эволюции дал Марат. 2 апреля, на следующий день после того, как Дантон должен был выдержать сильную атаку жирондистов, Друг народа воскликнул в Конвенте: «Нужда — одна из причин, которая может принудить народ требовать возвращения рабства... Я требую, чтобы Конвент, принимая во внимание нужду департаментов, опустошенных гражданской войной, простил им их просроченные налоги»...

С того времени стало обычным среди монтаньяров говорить о народных страданиях и искать средств уменьшить их.

Себастьен Лакруа и Дантон и хлеб в три су.

5 апреля секция Катр-Насион потребовала у Собрания ряда революционных мер, из которых одни имели политический характер, другие—социальный: изгнания бывших привилегированных из штаба армии; ассигнования каждому солдату собственности, дающей 500 ливров дохода, которая должна была быть взята из име-

[1] Марат был предан Конвентом суду 13 апреля. Он был оправдан революционным трибуналом 24 апреля и с триумфом принесен на руках в Конвент.

ний эмигрантов и передана солдатам после заключения мира; избрания солдатами офицеров до степени генерала (исключительно); образования платной революционной армии для борьбы с внутренними врагами; общего учета зерна и фуража; добавочного налога на богатых, «чтобы дать всем департаментам такую же возможность, как Парижскому, получать хлеб по 3 су за фунт»; обязанности каждого гражданина, имеющего одного слугу мужского пола, содержать человека на границах, и тому подобное [1].

Автор этой петиции, которая содержала «несомненные истины», некий Себастьен Лакруа был послан в качестве агента Исполнительного совета в Шалон в момент вторжения в Шампань. Он жил в секции Французского театра, секции Дантона. Это был молодой человек лет тридцати, любивший хорошо поесть, который, чтобы достать денег, не колебался торговать своими функциями члена революционного комитета своей секции. Его обвиняли в выдаче свидетельства на жительство герцогу Куаньи и пропуска герцогу Шатле, и он должен был признать достоверность этого факта. Пусть нас не удивляет, что он принадлежал к группе Дантона [2].

Он сам говорит нам, в *примечаниях*, которыми он сопровождал печатный текст своей петиции, что до заседания Конвента, в которое он ее внес, он имел разговор с Дантоном, и что Дантон добыл ему разрешение на доступ к решетке Конвента. Лакруа прибавляет также, что Марат и Панис ободрили его.

Когда он закончил чтение своей петиции, Дантон и его верный друг Делакруа (из Эры-и-Луара) присвоили себе некоторые из его идей. Делакруа издал декрет, что в новой армии из 40 000 человек, которую предполагалось организовать в Перонне для защиты Парижа, ни один офицер не будет взят из класса бывших привилегированных. Дантон, заменивший его на трибуне, тотчас же предложил устройство платной революционной армии: «Нужно, чтобы в то время, как вы будете вести борьбу с внешними врагами, аристократы внутри страны находились под угрозой санкюлотов. Я требую, чтобы создана была народная гвардия, оплачиваемая нацией». «У меня есть другое предложение, — продолжал Дантон, — не надо ни разорять земледелия, ни мешать торговле, но надо, чтобы во всей Франции цена хлеба точно соответствовала заработной плате бедных, богатые же должны уплачивать излишек». Конвент в принципе декретировал при громких аплодисментах, предложение Дантона: «Во всякой секции республики, где цена зерна уже не соответствует заработной плате рабочих, государственное казначейство даст необходимую сумму, взятую с больших состояний, посредством которой будет уплачен излишек стоимости хлеба в сравнении с заработной платой нуждающихся граждан» Конвент поручил своему объединенному Комитету финансов и земледелия представить ему

[1] «Archives parlementaires», t. LXI, p. 350 sq., pp. 357—359.

[2] Мы вскоре посвятим несколько биографических заметок этой подозрительной личности.

доклад о способах исполнения настоящего декрета, «чтобы он не помешал ни земледелию, ни обращению зерна».

Остроумная система, предложенная Дантоном, повидимому, разрешала кризис без принуждения и без обысков. Земледельцы будут свободно продавать свои продукты, но государство посредством налога на богатых уплатит им разницу между ценой труда и ценой хлеба. Таким способом монтаньяры надеялись избегнуть максимума. Но на практике система Дантона оказалась неприменимой. Принципиальное голосование Конвента никогда не было превращено в закон. Чтобы согласовать цену хлеба с ценой заработной платы, надо было знать заработную плату и регулировать ее. Эту проблему было еще труднее решить, чем регулировать цены продуктов. Комитеты не в состоянии были выработать связный проект. Баральон хотел поручить мировым судьям составить тариф заработной платы в соответствии с рыночной ценой зерна [1]. «Но как, — совершенно правильно замечает Жорес,—точно согласовать заработную плату с беспрестанными колебаниями цен продуктов? Как обязать промышленника, стоимость продукта которого, может быть, и не повысилась, платить своим рабочим заработную плату, соответствующую той цене, которую придали съестным припасам махинации скупщиков и спекулянтов? Кроме того, кто будет защищать скромных граждан, не получающих заработной платы, ремесленников, которым придется голодать благодаря непомерным ценам предметов, необходимых для жизни? Конвент был поставлен в безвыходное положение»[2]. Затем, если даже предположить, что можно было бы установить скалу заработной платы, как установить налог на богатых, посредством которого Дантон хотел добиться соответствия между заработной платой и съестными припасами? По каким признакам можно будет узнать бедняка? «Как провести демаркационную линию, — спрашивал член Конвента от департамента Мёзы Гарман, — между гражданином, который имеет право пользоваться благами таксы. и таким, который не должен ими пользоваться?» [3].

Камбон и принудительный курс ассигнатов.

Силою вещей пришлось вернуться к программе Бешеных. Последние предложили два решения: принудительный курс ассигната, максимум цен на съестные

[1] См. его проект в «Archives parlementaires», в заседании 30 апреля.

[2] Jaurès, La Convention, p. 1671.

[3] Коммуна и департамент высказались против проекта Дантона, который они считали фантастическим. «Налог на богатых, чтобы вознаградить бедных,—говорили они 18 и 19 апреля в собрании комитетов Конвента,—пойдет прямо в карман земледельца, который, конечно, сумеет воспользоваться им посредством увеличения цены своего зерна» («Précis analytique» de Beffray в приложении к отчету о заседании 25 апреля в «Archives parlementaires»). В противовес этому Верньо предложил установление размера заработной платы, как средство избегнуть максимума. (См. заседание 30 апреля в «Archives parlementaires».)

пришасы. Конвент думал, что, приняв первое решение, ему удастся, может быть, избегнуть второго.

Камбон, который нес тяжелую ответственность за финансы республики, внес 8 апреля декрет, который был вотирован 11-го и который должен был поправиться Жаку Ру. Продажа звонкой монеты была запрещена под страхом 6 лет каторжных работ как для покупателей, так и для продавцов. Все сделки отныне должны были производиться ассигнатами. «Всякий, кто откажется принимать в уплату ассигнаты, будет принужден принять их и еще присужден к штрафу, равному той сумме, которую он отказался принять». Это было полное уравнение бумажных денег с металлическими. Камбон ждал от декрета серьезной экономии на рынках военного снабжения. Он учитывал также, что это обуздает дороговизну. Он, без сомнения, предвидел, что закон этот постараются или обойти, или нарушить [1], но он думал уже о декрете о закрытии биржи, чтобы обуздать торговцев деньгами.

Агитация Бешеных в апреле 1793 г.

Первый шаг к реализации программы Бешеных был сделан. Но последние не хотели этим удовлетвориться. Измена Дюмурье, уступки монтаньяров, которые нуждались в поддержке Бешеных в своей борьбе с жирондистами, делали последних более требовательными. Они чувствовали свои силы и организовывались. 1 апреля, как только стало известно об измене Дюмурье, Варле организовал в епископстве центральный революционный комитет, нечто вроде нелегальной коммуны, составленный из делегатов секций. Жак Ру со своей стороны созвал на то же самое число общее собрание парижских комитетов надзора. Трюшон был секретарем центрального комитета Варле. Это был противник Жака Ру в секции Гравильеров, и характерно, что гравильеры, без сомнения по инициативе священника, отказали центральному комитету в своей поддержке уже 2 апреля, именно в тот момент, когда они предложили идею общего собрания комитетов надзора.

Монтаньяры смотрели сперва с беспокойством на действия Варле, Марат заподозрел его в том, что он питает антигражданские замыслы [2]. Ему, наоборот, нравилась инициатива Жака Ру [3]. Но коммуна немедленно присоединилась к центральному комитету Варле, уже 2 апреля [4].

[1] Полицейские отчеты, разбираемые в сборнике Tuetey, показывают, что торговля деньгами происходила тайно. Барбару заявил 27 апреля, что контрабанда и потребность сделали закон ненужным. «Монеты превращаются в слитки золота или серебра,—говорит он, — и их продают на бирже как товар».

[2] См. в заседании клуба якобинцев 1 апреля инцидент Гренье—Марата.

[3] Он изложил ее накануне у якобинцев.

[4] См. Jaurès, pp. 1258—1259. См. также заседание 3 апреля 1793 г. в Конвенте. Шометт, отвечая Бюзо, заявил, что коммуна разрешила объединение комиссаров секций в центральный комитет, но что она кассировала одно из их постановлений.

Шометт принял решение. Чтобы победить жирондистскую и роялистскую реакцию, которая с каждым днем становилась все более опасной, надо было заинтересовать в борьбе народ. Призыв в армию встречал сильное сопротивление, даже в Париже. Начиная с 9 марта, Шометт от имени коммуны потребовал специального налога в пользу волонтеров [1]. В этом вопросе Шометт был согласен с Жаком Ру, потому что в тот же день гравильеры в своем адресе Конвенту обложили военным налогом всех тех, которые имели доход в 1 500 ливров. Будучи союзником Жака Ру с марта месяца, Шометт уже в апреле стал покровителем Варле. Он группировал таким образом все силы революции. Он держал их в своих руках.

Уже с 10 апреля было очевидно, что установилось согласие между коммуной и секциями, с одной стороны, и Горой — с другой. Коммуна и секции помогут Горе победить Жиронду; Гора же в вознаграждение за это поддержит социальную программу Бешеных. В этот день жирондист Петион сообщил Конвенту об адресе секции Хлебного рынка, требовавшем предания суду вождей жирондистов и принятия в то же самое время мер против скупщиков. Гора встретила громкими аплодисментами чтение этого адреса, который она, несомненно, отвергла бы как мятежный за месяц до этого. После того как Дантон расхвалил его, Робеспьер произнес против жирондистов грозный обвинительный акт. Среди других прегрешений он ставил им в вину и то, что они пугали народ призраком аграрного закона, что они отделяли интересы богатых от интересов бедных, что они привлекали в свою партию всех врагов равенства, что они намеренно раздули волнения 25 февраля. Он закончил тем, что Конвент должен изыскивать средства, чтобы облегчить народную нужду. В тот же вечер в клубе якобинцев Робеспьер опять взял слово, чтобы выразить свое одобрение по адресу секции Хлебного рынка.

Объединение Бешеных и монтаньяров скоро принесло плоды. Администрация Парижского департамента прониклась идеями Жака Ру. Она испытывала большие трудности в снабжении продовольствием сельских коммун, у которых не было источника налогов и премий, как в столице. В середине апреля во многих местах стал ощущаться недостаток в хлебе. Крестьяне окрестностей Парижа приезжали туда запасаться продовольствием, тем более, что хлеб был там дешевле, но коммуна запретила вывоз своего хлеба. Это именно был тот момент, когда Парижский департамент согласился на максимум.

Обсуждение и голосование максимума цен на зерно.

18 апреля по приглашению департамента собрались в помещении клуба якобинцев представители коммуны и сельских муниципалитетов, и все вместе, при

[1] «Мы просили вас обложить военным налогом этот класс людей, который был до сих пор бесполезен, если не сказать — вреден, для революции; одна часть налога пойдет на поддержку жен, отцов, матерей и детей защитников отечества». Конвент немедленно вотировал, по предложению Тюрио, принцип этого военного налога.

участии членов департамента, обсуждали средства борьбы с кризисом. Они не придумали ничего другого, кроме максимума, и тотчас же потребовали его от Конвента [1].

Люлье, генеральный прокурор, синдик департамента, прочитал петицию, принятую ими сообща. Они принципиально установили, что право собственности не может состоять в праве морить своих сограждан голодом, и что плоды земли, как и воздух, принадлежат всем людям. Так как земледельцы и торговцы из жадности, из фанатизма, из роялизма хотят погубить народ, отказываясь продавать свое зерно, то необходимо заставить их раскрыть свои амбары и принудить их продавать зерно по тарифу максимума, справедливому как для производителей, так и для потребителей. «Хотят совершить контр-революцию, сделав продовольствие недоступным для бедняков; следует поэтому приблизить его к ним». Эта последняя фраза указывала на политический характер той важной меры, которой требовали петиционеры. Они были убеждены, что голод был создан искусственно и что главной причиной его было недоверие к революции. Такса, которой они требовали, была еще в меньшей степени экономической мерой, чем политической. Она имела целью расстроить план: «контр-революция через продовольствие».

Позиция Конвента обнаружила соглашение, заключенное уже между петиционерами и монтаньярами. Когда Верньо горячо высказывался против требуемой разорительной и гибельной меры, когда Бюзо напоминал, что в ноябре прошлого года за такой же петицией последовали волнения в Бос, Робеспьер прервал его с жаром при аплодисментах трибун и обвинил Бюзо в том, что он клевещет на парижские власти. Люлье гордо возразил, стоя у решетки, что Парижский департамент далек от желания вызвать волнения; своей мудрой петицией он помешал «скоплению миллиона людей», которые хотели отправиться в Конвент. Он сообщил о воззвании, призывающем к спокойствию, которое он приказал расклеить накануне ночью. Гора, которая в феврале отклонила максимум, как подарок Питта, и которая осыпала самыми оскорбительными обвинениями его сторонников, на этот раз сделала овацию Люлье. Последний закончил свою речь следующей угрозой: «Народ рассудит, кто прав — народные ли магистраты или богатые скупщики, торговцы зерном, которые пользуются свободой торговли, чтобы отнять у народа его средства существования!»

Жорес думает, что коммуна без энтузиазма присоединилась к движению за максимум и что она последовала бы за собранием департамента [2]. Жорес, без сомнения, не знал об официальном протоколе заседания коммуны 18 апреля [3]. Из него

[1] Петиция Парижского департамента о продовольствии помещена в erratum к LXII тому «Archives parlementaires». Она подписана Ла-Шевардьером, вице-президентом департамента, и Рессоном, генеральным секретарем.

[2] «La Convention», pp. 1246—1247.

[3] Жирондисты 20 апреля добились голосования Конвента, который заставил коммуну принести в собрание свои протоколы. Один из секретарей прочел их,

мы видим, что Шометт при своем возвращении в Конвент, куда он провожал Люлье, просил всех членов генерального совета коммуны повторить присягу 10 августа, «священную присягу быть единым и умереть на своем посту, прежде чем будет сделано хоть малейшее покушение на права народа». «Поклянемся же,— сказал он,— поклянемся в единстве, братстве и взаимной защите, которую мы будем оказывать секциям, народным обществам и всему парижскому народу!» Присяга тотчас же была принесена, среди аплодисментов трибун. Но продолжение речи Шометта еще более знаменательно: «Я требую,— прибавил он,— чтобы генеральный совет заявил, что он будет находиться в *состоянии революции* до тех пор, пока не будет обеспечено продовольствие, чтобы генеральный совет заявил, что он будет считать себя потерпевшим, если хоть один из его членов пострадает за свои мнения; что он будет считать себя задетым, если какой-нибудь председатель или секретарь патриотического общества, собрания или секции или простой гражданин пострадает за свои мнения!» Все эти предложения были приняты

Шометт является таким образом как бы центром и вождем движения. В требовании максимума он объединяет власти, секции, толпу. В предвидении возможной репрессии, он объединяет их присягой, взаимным обязательством поддерживать друг друга, угрозой восстания.

Отметим еще, что эти места из протокола коммуны были встречены горячими аплодисментами со стороны монтаньяров, когда жирондисты имели неосторожность приказать его прочесть. Вся Гора поднялась с криками: «И мы, мы также клянемся умереть за спасение народа!» Робеспьер младший высказал похвалу коммуне. Она объявила себя в состоянии восстания, «в этом, — сказал он, — она только подражала всей нации» [1].

Было очевидно, что отныне существовал договор между Бешеными, коммуной и Горой и что голосование максимума было первой его статьей. После Робеспьера Марат выразил свое согласие с петицией Парижского департамента в номере св ей газеты от 19 апреля.

На этот раз невозможно было обойти проблему. И Конвент даже и не сделал такой попытки. В продолжение пяти дней его комитеты земледелия и торговли вели дебаты с представителями парижских властей и авторами петиции [2]. Все

и таким образом они сохранились для нас. См. «Archives parlementaires», заседание 20 апреля.

[1] Робеспьер младший предложил издать декрет, что Парижская коммуна имеет большие заслуги перед отечеством. Предложение вызвало большой шум. Оно в конце концов было принято поименным голосованием, 109 голосами из 147 голосующих. Центр и правая покинули зал до голосования.

[2] См. в «Archives parlementaires» (приложение к заседанию 25 апреля 1793 г.) «Précis analytique des opinions énoncées par plusieurs fonctionnaires publics et autres citoyens sur le maximum du prix des grains, dans les séances tenues par les comités réunis d'agriculture et du commerce, les 18 et 19 avril 1793» (Аналитическое изложение мнений, высказанных

были согласны относительно причин дороговизны: массы ассигнатов, увеличивавшееся потребление, принимавшиеся властями произвольные меры, жадность аристократов и беспокойство народа. Все признавали также, что амбары были полны, что во многих местах скирды хлеба окружали дома земледельцев, у которых имелось еще старое зерно. Все допускали также, что собственник не имеет права делать из своей собственности употребление, вредное для общества. Разногласия были только относительно средств.

Сторонники таксы говорили, что такса, не оставляя владельцам зерна надежды на повышение, побудит их, наконец, раскрыть свои амбары и снабдить рынки продовольствием. «Везде будет царствовать обилие уже потому, что не будет больше интереса создавать нужду». Восстановится равновесие между заработной платой и съестными припасами, потому что цена хлеба есть термометр, регулирующий цену всех других предметов потребления. Сторонники таксы приводили в пример Шампань, где долго существовал обычай устанавливать для каждого базарного дня таксу на зерно. Эта такса, если верить им, имела только хорошие результаты. Они еще прибавляли, что народ нуждается в успокоении относительно своего продовольствия, что в душе у него живет «внутреннее убеждение, что общество обязано гарантировать ему существование». Они указывали, что следует опасаться последствий отказа.

Противники таксы возражали, что такса несправедлива и неудобна, что она окажется недействительной и опасной. Несправедлива, потому что только земледельцы понесут убыток. Неудобна, потому что невозможно установить ее справедливо согласно с условиями места и обстоятельствами, принимая во внимание свойства почвы, трудности добывания подвод, расстояние от рынков и т. д. Недействительна, потому что для применения ее понадобился бы целый легион полицейских агентов, постоянный сыск в частных домах. Опасна, потому что нуждающиеся департаменты, южные департаменты в особенности, не были бы в таком случае обеспечены продовольствием, так как непосредственным результатом введения таксы было бы исчезновение съестных припасов.

После долгих дебатов предложено было три проекта декрета.

Проект сторонников таксы требовал общего учета зерна и муки до 15 мая, обысков, обязательной продажи владельцами зерна одной трети взятых у них на учет продуктов перед 15 июня, другой трети перед 15 августа и последней трети перед 15 октября, и это под страхом конфискации. Максимум должен быть установлен в 30 ливров за сетье в 240 фунтов, и должно быть запрещено продавать где

некоторыми государственными чиновниками и другими гражданами о максимальных ценах на зерно, во время заседаний объединенных комитетов земледелия и торговли 18 и 19 апреля 1793 г.). Это изложение было сделано депутатом Беффруа.

бы то ни было кроме рынков [1]. Удивительное дело: ни один депутат в объединенных комитетах не хотел взять на себя этот проект декрета.

Второй проект, составленный монтаньяром Левассером (из Сарты), был возвращением к сентябрьскому законодательству 1792 г., отмененному Роланом 8 декабря. Он содержал в себе переписи, обыски, принудительную продажу, но он отвергал таксу.

Третий проект, составленный Фабром (из Эро), получил одобрение большинства членов объединенных комитетов. Он представил остроумную попытку разрешения кризиса новыми способами, не прибегая к таксе. Надо устроить в каждом округе один или несколько государственных зернохранилищ, в которые земледельцы должны свозить весь излишек своего зерна, остающийся от собственного потребления. Департаментские власти предъявят им соответствующие требования с уплатою им по средней из цен на рынках св. Мартина, в день, когда начинали заключать сделки. Ссыпанное таким образом зерно поступает в продажу по себестоимости, но никто не имеет права покупать больше того, что необходимо для собственного потребления, более чем на два месяца. Нуждающиеся департаменты снабжаются продовольствием посредством реквизиций из зернохранилищ производящих департаментов [2].

Дебаты, начавшиеся 25 апреля и кончившиеся 4 мая принятием максимума, отличались большой страстностью.

Монтаньяр Шаль, друг Шометта, с самого начала поставил вопрос на политическую почву: «Вопрос о продовольствии является самым сильным и действительным средством контр-революции». Он рассказывал, что в Босе, который он объехал вместе с Мором, он констатировал самую явную скупку продовольствия, что «муниципалитет Мантенон, находясь посреди изобилия, окруженный и почти раздавленный под тяжестью муки и зерна, принужден был, чтобы не дать своим жителям умереть от голода, сам заняться хлебопечением и захватить печи», что «аристократы, священники и всякого рода злонамеренные люди побуждали фермеров не продавать»; что в Ножан-ле-Руа и слышать не хотели о республике; что в стране настоящая контр-революция, и т. д. Максимум был необходим, чтобы помешать восстанию голодных городов и чтобы справиться с врагами отечества.

Дебаты доказывают, что если максимум, в конце концов, был принят, то вовсе не потому, что члены Конвента питали какие-нибудь иллюзии относительно его

[1] См. этот проект, разбираемый Буденом в заседании 25 апреля. См. также в приложении к этому самому заседанию мнения Шевардиера и Моморо в пользу максимума.

[2] Надо заметить, что в начале марта секция Гравильеров обсуждала проект об учреждении в каждом дистрикте государственных зернохранилищ. Эти зернохранилища, управляемые «продовольственными комитетами», должны были наполняться тем, что в натуре вносили лица, подлежащие обложению и занимающиеся земледелием. См. «Les scrutateurs universels» за 3 марта 1793 г. Возможно, что автором или вдохновителем этого проекта государственных зернохранилищ был Леонар Бурдон.

неудобств с экономической точки зрения, но что в данный момент они считались только с его политическим значением.

Самый суровый обвинительный акт против таксы был произнесен жирондистом Барбару в заседании 27 апреля. «Хотите вы ввести домашние обыски в городах и селах, чтобы найти сетье зерна, подобно тому, как когда-то искали фунта соли или табаку?» Он предсказывал, что такса сократит площадь посевов: «Если вы не будете платить за зерно по его настоящей цене, фермеры не станут больше сеять. И что вы ответите им, если они вам скажут: вы установили таксу на зерно, — прекрасно, но почему вы не установите также таксы на лошадей и быков, которых мы покупаем, чтобы обрабатывать свое поле; не введете таксу для наших косарей, наших жнецов, наших молотильщиков, на одежду, рубашки, чулки, башмаки, которыми мы все пользуемся?..» Барбару поставил, наконец, сторонников таксы пред следующей дилеммой: «Будет ли такса единообразной, или же она будет иметь местный характер? Если она будет единообразной, зерно останется на своем месте, потому что продавец не очень-то будет доволен, если вы его заставите терять на реальной цене зерна, да еще прибавите к этой потере расходы на перевозку; и посмотрите, какие это будет иметь последствия для снабжения Парижа продовольствием! Если же, наоборот, такса будет иметь местный характер, то я должен вам заметить, что во Франции есть 44 000 коммун, что одни из них расположены на берегу моря, прудов, рек... В одних местах удобные пути сообщения, в других местах — неудобные... Где взять такого искусного счетовода, который сумел бы классифицировать все эти различия и сделал бы портативными таблицы цен всякого рода зерна во всех коммунах республики?»

Лучшая речь в пользу максимума была сказана монтаньяром Филиппо. Он старался доказать, что кризис является следствием злого умысла. «Казначей прусского короля в своем отчете о расходах последнего года приводит статью в шесть миллионов экю на подкуп во Франции». Это иностранное серебро, контр-революционные деньги вызывали искусственное повышение курса серебра. И нет другого средства, кроме максимума, т. е. вмешательства государства, чтобы покончить с систематическим недоброжелательством. Проект Левассера оказался недействительным. Его систему приняли осенью. Она оказалась неудовлетворительной. Переписи, реквизиции могли употребляться только как добавочные меры при таксе.

Что же касается проекта Фабра (из Эро) об устройстве государственных зернохранилищ, то его можно было применять в спокойное время. Зернохранилища потребовали бы многочисленного персонала. Они поглотили бы все время администрации департаментов, которой пришлось бы спорить с земледельцами о ценах. Положение было настолько серьезно, что необходимы были быстрые и энергические меры.

Филиппо, впрочем, и не считал максимум достаточным, и он предлагал еще целую систему социальных мер, идею которых он, очевидно, заимствовал у Бешеных: изъятие из обращения на два миллиарда ассигнатов; запрещение особых сортов

хлеба; единообразный хлеб; продажу имений эмигрантов мелкими участками; национальные мастерские; принудительный налог на богатых, чтобы снабдить хлебом бедных по низкой цене, и т. д. Филиппо предлагал на обсуждение широкую социальную программу. В данный момент максимум был необходим, чтобы остановить рост дороговизны и дожить без потрясений до времени жатвы. «Мы должны рассматривать Францию в ее теперешнем состоянии *как осажденный город*». Было брошено великое слово, — слово, из которого возник террор.

Но аргументы Шаля и Филиппо не подействовали бы на Собрание, если бы не произошло демонстраций народной силы. 30 апреля трибуны прервали речь Дюко против максимума и освистали его. Гаде воскликнул, что «униженное национальное представительство больше не существует». Он предложил перенести Конвент в Версаль. Бюзо обрушился на «отвратительное якобинское гнездо» и вызвал новый шум. Пришлось очистить трибуны.

В Версале жирондисты не встретили бы больше почета, чем в Париже. Уже 20 апреля муниципалитет этого города присоединился к парижской петиции в пользу максимума [1]. 1 мая из Версаля в Париж явилась депутация женщин со знаменем, на котором была следующая надпись: «Мы требуем таксы на зерно!» Их оратор заявил: «Пред вами версальские гражданки, мужья которых сражаются на границах. Они пришли просить у вас хлеба. Каждый день матерям приходится стоять у дверей булочных с 4 часов утра до 10, чтобы получить хлеб в два фунта».

В Сент-Антуанском предместьи, которое оставалось спокойным во время волнений 25 февраля, волнения начались в то же самое время, как и в Версале. Население предместья дефилировало в числе 8 или 9 тыс. человек перед Конвентом. Его оратор, полицейский комиссар по имени Мюзин, произнес сильную речь, которую он закончил следующими словами: «Наши уполномоченные! Вот чего требуют свободные люди и республиканцы 14 июля и сегодняшнего дня: максимума, расторжения арендных контрактов, налога на богатых и их отправки [в армию] после этого, но *не раньше... не раньше...* Уполномоченные, вот наши средства спасти общественное дело, единственные, которые мы считаем верными. Если вы их не примете, то мы заявляем вам, мы, желающие спасти его, что мы находимся *в состоянии восстания* и что 9 000 человек, находящихся у входа в этот зал, разделяют это чувство».

Эта угроза, которую осудила даже Гора [2], вызвала шум, продолжавшийся больше часа. Жирондист Мазюйе предложил издать декрет о созыве через неделю

---

[1] См. заседание коммуны за этот день у Buchez et Roux, t. XXVI. Дижонский муниципалитет также присоединился к максимуму (заседание коммуны 1 мая. ibid. p. 330). Аржантанский муниципалитет приветствовал парижскую петицию в адресе, посланном в Конвент 1 мая. Ее можно найти в «Archives parlementaires» (в заседании 11 мая). Руанская петиция точно так же требовала максимума (заседание 12 мая).

[2] Филиппо объявил эту петицию нелепой и вредной. Кутон прибавил, что она контр-революционна.

заместителей депутатов в Туре или в Бурже. Но, странное дело, члены его партии не поддержали его предложения. Они ограничились требованием ареста петиционеров. Последние, в конце концов, извинились, и Дантон воспользовался их извинением, чтобы отклонить предложение об аресте, заявив, что право петиций священно. «Нет преступления в заявлении, что нация имеет право восстать, если такие меры не будут приняты!» Кончилось тем, что ораторы предместья были приглашены в зал заседания.

Так как дебаты не закончились, то версальские гражданки заявили, что они проведут ночь в зале Конвента. Коммуна должна была вмешаться, чтобы заставить их отказаться от этой мысли. Они, наконец, ушли в соседние секции [1].

На следующий день Конвент спокойно вел дебаты. Он принял большую часть закона, который окончательно был вотирован 4 мая. Даже жирондист Бюзо заявил, что он принужден принять эту меру, вызванную чрезвычайными обстоятельствами.

Почему монтаньяры приняли максимум.

Когда монтаньяры впоследствии утверждали, что максимум был им навязан против их воли, когда Барер называл его подарком Питта, когда Робеспьер видел в нем начало голода, свирепствовавшего зимой 1793—1794 г., они говорили лишь часть истины.

25 февраля они мужественно сопротивлялись волнениям, вызванным Жаком Ру. Было бы неправильно, если бы мы сказали, что 30 апреля и 1 мая они уступили давлению народа, так как они дали свое согласие, по крайней мере молчаливое, на программу Бешеных, поддержанную Шометтом, за несколько недель до того, как версальские женщины и Сент-Антуанское предместье осадили Конвент.

На самом деле они были согласны с Бешеными и с коммуной, которые примирились друг с другом; и это произошло уже на следующий день после измены Дюмурье. В патриотическом отчаянии, вызванном поражениями, они заключили тогда союз ценою максимума. Ни Жак Ру, ни Питт не внушили идеи максимума,— его внушила Вандея, неудачи в Бельгии, измены генералов. Монтаньяры не изменили взглядов на сущность вещей, относительно экономической проблемы. Они продолжали быть сторонниками свободы. Но положение республики было таково, что экономическая проблема была только политической проблемой. Они воспользовались максимумом как оружием, чтобы раздавить контр-революцию. Только впоследствии, когда на опыте оружие оказалось довольно тупым и плохо закаленным, они выразили сожаление, что воспользовались им, и дошли до того, что клеветали на самих себя, заставляя думать, что они уступили угрозам и страху.

[1] См. заседание в коммуне 1 мая у Buchez et Roux, t. XXVI, p. 331. В тот же день дантонист Дюфурни назвал «скандалезными» препятствия, которые ставили голосованию максимума (заседание якобинцев).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРВОГО МАКСИМУМА.

(Май — июль 1793 г.)

Только из политических соображений монтаньяры приняли таксу на зерно. Они хотели получить поддержку городских народных масс против своих противников из Жиронды; они думали, что глубокой причиной экономического кризиса являлось недоброжелательство по отношению к революции. Против недоброжелательства, внушенного, как они думали, как политическими страстями, так и эгоизмом, было только одно средство — принуждение. События показали, что они были правы, рассчитывая на содействие Бешеных, чтобы победить Жиронду; но падение Жиронды и восстание департаментов, которое было следствием его, только обострили политический кризис; а это в свою очередь вызвало также обострение экономического кризиса. Первый закон о максимуме должен был быть применен в разгар гражданской войны. Плохое условие для того, чтобы он оправдал ожидания его авторов!

Закон и его применение стоили друг друга. Закон 4 мая мог дать результаты только при условии его исполнения в его духе. Надо было бы, чтобы власти пользовались всеми средствами, которые давал им закон, чтобы сломить эгоизм, и чтобы они думали только об общественном интересе. Но большая часть администраций в департаментах состояла из богатых собственников, принадлежавших к партии жирондистов и разделявших ее принципы. Они считали закон 3 мая покушением на собственность. Принужденные применять его, они думали только о смягчении его строгостей по отношению к собственникам. Они прежде всего заботились об интересах своего класса и об интересах своей области. Одним словом, они слишком часто исполняли закон в обратном смысле. Это было им тем более легко, что текст закона местами можно было различно толковать и что в нем было много упущений.

Закон предписывал представить в самый короткий срок декларации, произвести учет и домашние обыски. Во многих департаментах намеренно затягивали эти дела. Власти ссылались на переписи, чтобы запретить вывоз зерна из пределов своих территорий. И результаты немедленно сказались. Нуждающиеся

департаменты были поставлены в невозможность запасаться провизией в производящих департаментах, не подвергнутых переписи. Чтобы возможно дольше сохранить режим свободы торговли, некоторые департаменты намеренно чрезвычайно медленно составляли свои таблицы максимума. Они таким образом привлекали на свои рынки, где торговля была свободна, земледельцев из других департаментов, где уже существовала такса на съестные припасы. Департаменты, слишком ревностно соблюдавшие закон, увидели, что их рынки внезапно опустели.

Так, Северный департамент ждал до 30 мая с опубликованием своего максимума. Па-де-Калэ, который раньше это сделал, протестовал против такой небрежности, потому что его зерно уплывало на Север. Север, чтобы сохранить зерно из Па-де-Калэ, установил свой максимум на два ливра выше, чем в том департаменте. Па-де-Калэ 11 июня ответил на это запрещением вывоза зерна из своей территории под страхом штрафа в 3 000 ливров. Дистрикт Берг в Северном департаменте протестовал против этого незаконного постановления, лишавшего его пивоваров ячменя, необходимого для производства пива [1].

Таблица максимума должна была быть установлена директорией департамента согласно средней цене, выведенной из таблиц цен различных рынков ее территории с 1 января до 1 мая. Вычисленный таким образом максимум должен был быть единым для всего департамента.

Таким образом была объявлена экономическая война между департаментами и даже внутри департаментов между дистриктами и между коммунами. Каждый центр выделялся и ревниво оберегал свои съестные припасы. Таким образом продовольственный федерализм усилил политический федерализм.

Так как максимум в Кальвадосе был больше, чем в Эре, то зерно из Эры утекало в Кальвадос. Рынок Берне был оставлен из-за рынка в Орбеке. В Орбеке земледелец продавал мешок за 57 ливров, в Бернэ [2] же он мог его продать только за 45 ливров. «Ламанш, где земледельцы могли продавать свое зерно только за 55 ливров, был оставлен в выгоде Иль-э-Вилена, где они могли его продавать за 110 ливров [3], так как максимум здесь не применялся».

Департамент Нижней Сены жаловался 25 июня Конвенту, что департаменты Эры, Соммы и Кальвадоса недостойным образом соединились, чтобы отказывать ему в продовольствии и что вследствие этого половина его населения нуждается в хлебе и находится в ужасном положении.

Монтаньяр Паганель 25 июля обвинял департамент Жиронды, что он скупает зерно в соседних департаментах. Этот департамент в начале августа еще не установил своего максимума [4].

[1] G. Lefebvre, Les subsistances dans le district des Bergues, t. I, pp. LI et 349.
[2] F. Evrard, p. 57.
[3] A. Marion, Le maximum. («Correspondant» от 25 января 1916 г.)
[4] Адрес якобинцев Тулузы Конвенту от 9 августа 1793 г.

Без сомнения, происходили реквизиции, которые закон предписывал в тех случаях, когда прекращался подвоз на рынки. Но помимо того, что реквизиции могли давать результаты лишь в тех случаях, когда они происходили в производящих местностях, административные власти решительно отказывались прибегать к этому крайнему средству, а когда они прибегали к нему, то судебные власти плохо поддерживали их. В Ионне, говорит нам г. Поре, сельские муниципальные власти стали сообщниками земледельцев: они давали неправильные сведения [1].

Одной из причин ошибок было то, что закон требовал обязательной декларации лишь по месту жительства собственника, а не в муниципалитете, где расположены были его владения. Новый декрет должен был дополнить этот пробел [2].

Закон разрешал только реквизицию зерна, превышавшего потребление земледельца и его семьи до нового урожая. Как рассчитать этот запас для семьи, который был неприкосновенным? Закон ничего не говорил об этом важном пункте. Это был очень существенный пробел, который делал возможными самые произвольные толкования.

«С другой стороны,— говорит г. Лефевр,— неземледельцы деревень имели право запасаться на месяц хлебом у земледельцев их кантона; это количество зерна отнималось от рынка и от реквизиции; а назначение его трудно было проверить [3].

Вот пример, показывающий, на какое сопротивление наталкивались на практике реквизиции:

Фермеру из окрестностей Эпернэ, Брюньону, из деревни Камоа, дистрикт Эпернэ предъявил 9 августа требование доставить 11 августа на рынок 40 мер зерна. Он отказался исполнить это требование. Дистрикт нанял рабочих и велел обмолотить на гумне фермера требуемое количество хлеба. Накануне базарного дня Брюньон позвал женщин из соседней деревни Дамери и предложил им взять у него в амбаре обмолоченный хлеб. Они согласились на предложение фермера, который продал им, между прочим, свой хлеб по более высокой цене, чем максимум. Каждая из них сделала запас на один месяц, согласно закону 4 мая. Дистрикт послал к Брюньону двух жандармов, чтобы приказать ему привезти хлеб на рынок в Эпернэ. Он в грубых выражениях ответил отказом. Дистрикт постановил конфисковать реквизированный хлеб. Но Брюньон возмутился и отправил жалобу в директорию департамента, основанную, без сомнения, на том, что оставшийся у него хлеб необходим ему для потребления его семьи. Департамент принял во внимание его жалобу и отменил постановление дистрикта о конфискации. Возмущенные якобинцы Эпернэ донесли в Конвент о постановлении департамента [4].

[1] Lefebvre, t. I, p. LIV.
[2] Декрет 30 августа 1793 г.
[3] Lefebvre, ibid.
[4] Письмо якобинцев Эпернэ в Конвент в «Archives parlementaires», заседание 31 августа 1793 г.

В департаменте Марны административные власти не настаивали на соблюдении закона. В других местах на этом не настаивали судебные власти. Так, на Севере булочники Калэ (в департаменте Па-де-Калэ) закупили зерно в округе Берг (в Северном департаменте) в июне 1793 г. Когда они хотели вывезти его, толпа помешала им сделать это. Подводы были задержаны в Гольге (Holgue). Муниципалитет этого места ударил в набат. Ему удалось собрать только 9 человек из национальной гвардии. Национальная гвардия из Ваттена, соседнего села, не тронулась с места. Хлеб был снят и продан по 15—20 ливров мешок. Мировой судья Ваттена для вида велел арестовать несколько коноводов толпы. Но он освободил их тотчас же после допроса, где выслушал только свидетелей защиты. Северный департамент принес жалобу на мирового судью эмиссарам Конвента в письме от 12 июля [1].

Чтобы помешать обманам и нарушениям закона, эмиссары Конвента в департаменте Севера простым постановлением обещали награды доносчикам. 30 июня они писали в Комитет общественного спасения, что «обещание передачи конфискованного хлеба в пользу доносчика не вызвало ни одного доноса».

В законе не было точно указано, о каких сортах хлеба надо было делать декларацию. Некоторые власти назначили таксу только на зерно, предназначенное для приготовления хлеба и для пропитания человека. В Па-де-Калэ введена была такса для овса и ячменя. Северный департамент не вводил для них таксы, и его примеру последовали почти везде. Следствием этого было то, что цена овса, свободная от таксы, вскоре поднялась на одну треть, вдвое выше цены пшеницы, «между тем как почти всегда овес стоил в два раза меньше пшеницы» [2]. В результате крестьяне, владельцы лошадей и мулов, считали более выгодным кормить свой скот и свою птицу пшеницей, чем овсом и ячменем.

Очень скоро положение стало тревожным. Мало производящие департаменты подвергались всем ужасам голода, особенно департаменты центрального массива. В Верхней Виенне торговцы хлебом не стали больше привозить на рынки хлеб, который раньше привозился из Виенны. «Наступило ужасное время голода, — говорит постановление собрания департамента 21 июня 1793 г. — Известно, что во многих деревнях жителям приходится уже есть пищу животных. Каждый день в департамент приходят депутаты из коммун просить во имя гуманности хлеба, которого нельзя им дать» [3]. Департамент Верхней Виенны решил 21 июня купить зерно «по какой угодно цене». В Лиможе и в Гере цена хлеба доходила до 18 су за фунт, «хотя он был черный, как сажа», — говорил Филиппо в Конвенте 17 июля. В Клермон-

[1] Lefebvre, t. I, p. 349.

[2] Письмо якобинцев Сен-Флорантена, прочитанное в заседании 17 августа в Конвенте; письмо представителей Уазы, помеченное Суассоном, 4 августа и т. д.

[3] Fray-Fournier, Le département de la Haute-Vienne pendant la Révolution, t. I, p. 303.

Ферране хлеб в августе стоил 16 су фунт [1]. По просьбе лиможского муниципалитета департамент Верхней Виенны решил приостановить применение закона. С этого момента хлеб стал продаваться свободно по рыночной цене. Департамент Пюи-де-Дом отменил таксу в конце июня [2].

В Крёзе хлеб дошел до 11 су фунт. Там питались вареными травами. Депутация коммун Люперсака и Шампанья просила 15 июня Конвент об отмене «убийственного закона». «Лучше платить даже очень дорого за хлеб, чем совершенно быть лишенным его!»

В Дубсе, где в горной части растут только овес и рожь, такса причинила властям самые серьезные опасения. Администрация дистрикта Орнанс в начале кризиса (3 июня 1793 г.) таким образом описывала положение в письме к администрации департамента: «Граждане, ваше постановление о введении таксы на зерно было опубликовано в этом городе в воскресенье, 26-го истекшего месяца. Зерновой рынок в следующий вторник был полон пшеницы, так как о таксе не было еще известно. В начале продажа происходила спокойно по цене таксы без всякого сопротивления, но к большой досаде продавцов и с угрозой с их стороны не привозить больше, так как цена на их хлеб не соответствовала таксе, по которой продаются другие съестные припасы. Действие этих угроз дало себя почувствовать на вчерашнем рынке, на котором абсолютно не было зерна. Покупатели из Лодса, Мутье и т. д., ...которые обыкновенно закупают провизию в Орнансе, вернулись с пустыми руками, но этот недостаток продуктов не вызвал серьезного недовольства... Чтобы помочь злу, мы тотчас же командировали двух комиссаров в различные муниципалитеты, относительно которых нам известно, что там имеется зерно, чтобы удостовериться в правильности деклараций, победить упорство людей, имеющих больше хлеба, чем им нужно для своего употребления до новой жатвы, и заставить их привезти свой излишек к следующему базарному дню в Орнансе...». Но надо полагать, что дистрикту Орнанс не удалось победить «упорство людей», как он говорит, потому что через несколько дней он опять в письме, адресованном 19 июня в собрание департамента, высказывал опасения наступления нужды и просил разрешения на покупку 1 500 мер пшеницы [3].

Дистрикт Понтарлье прибегал к реквизициям, но без большого успеха. «Одно частное лицо из Доммартена, — писал он 4 июля в департамент, — имело наглость ответить муниципальным чиновникам, что ничего не повезет туда [хлеба на рынок] и предпочитает, чтобы ему отрубили голову» [4]. Дистрикт принужден был просить разрешения прибегнуть к государственным хлебным запасам.

[1] Речь Шабо в заседании 20 августа.

[2] «Moniteur», t. XVII, p. 2.

[3] Archives du Doubs, L 301.

[4] Ibid. Упрямый человек был арестован, а хлеб задержан.

Город Безансон испытывал бы полнейший недостаток в хлебе, если бы он не получил от администрации департамента разрешения позаимствоваться из военного склада этой крепости [1]. 2 июля муниципалитет просил департамент «об отмене таксы на зерно, как единственной мере, способной устранить у нас голод и все бедствия, которые он влечет за собой». Собрание департамента, с одобрения граждан Бассаля и Гарнье из Сента, представителей народа, присутствовавших в заседании, тотчас же распорядилось об отмене максимума. Закон 4 мая в Дубсе был в силе не больше шести недель.

Так как надо было вернуть в военные магазины муку, выданную гражданскому населению, и так как это было тем более спешно, что в данный момент взятие Майнца освобождало прусскую армию, которая могла вторгнуться в Эльзас, департамент Дубса, ввиду отсутствия закона, издал постановление, заимствованное им в департаменте Нижнего Рейна. Постановлением от 9 августа 1793 г. он приказывал каждому земледельцу из дистриктов Безансона, Бома, Кенжэ и Орнанса, который соберет пшеницу больше чем с двух юрналов, доставить в Безансон с каждого юрнала меру, весом в 60 фунтов. Дистрикты Понтарлье и Сент-Ипполит должны были доставить при тех же условиях меру овса. Муниципалитетам дана была неделя для производства учета, реквизиции подвод и перевозки зерна в Безансон. За зерно было уплачено наличными деньгами по 15 ливров за меру пшеницы, а за перевозку по 4 су за меру с мили. Эта реквизиция, при которой не было принято в расчет потребление семьи, предусмотренное законом 4 мая, была одобрена эмиссаром Бассалем, который кроме того предоставил в распоряжение департамента 500 000 ливров для покупки продовольствия (постановление 8 августа). Конвент придал реквизиции законную силу голосованием, одобрившим ее 17 августа.

Эта общая реквизиция была единственной, которую постановил произвести департамент Дубса. Она послужила только для заполнения военных магазинов. Для снабжения продовольствием гражданского населения достаточно было отмены таксы и возвращения к свободе. «Вы отменили твердые цены на зерно,— писал 17 июля дистрикт Орнанс департаменту,— и этот акт восстановил спокойствие, обращение и привоз хлеба на наши рынки. Его стали привозить из соседних дистриктов и от частных лиц, которые при существовании таксы питались пшеницей, между тем как раньше они употребляли более грубую пищу и предпочитали привозить

[1] Этот запасный магазин был основан в октябре 1792 г. Гражданин Рамбур-отец был назначен его хранителем. (Протокол дебатов совета департамента см. 13 октября 1792 г.) Администрация департамента получила разрешение выдавать запасное военное зерно муниципалитету Безансона в письме Гара от 1 июля (Archives du Doubs, L 619). Следует заметить, что якобинская газета «La Vedette» по разным поводам высказывалась против таксы и что муниципалитет, который требовал отмены ее, выражал мнение газеты.

пшеницу на рынки, прельщаемые возможностью продавать ее за 22—24 ливра как она продавалась раньше [1].

В богатых департаментах Севера положение дел ничем не отличалось от их положения в бедных горных областях Центрального массива или Юры.

Эмиссары Конвента при северной армии 21 июня писали Комитету общественного спасения, что Аррас, Лилль и Амьен принуждены были сделать заимствования из военных складов. «Мы ведем борьбу с аристократией среди земледельцев,—писали они,—а она не менее опасна» [2]. Через два дня они забили тревогу. Нужда была так велика, что они боялись, что невозможно будет удержать народ, готовый броситься на военные склады. «Мы уже говорили вам, что стараются вызвать столкновение между народом и армией, потому что мы убеждены, что эта нужда создана искусственно». На следующий день, 24 июня, они, не колеблясь, пересмотрели и исправили закон, приняв постановление об отмене максимума для всего департамента и приняв вместо него твердые цены, различные в районе каждого рынка, для департаментов Севера, Соммы и Па-де-Калэ. Но еще раньше, чем вступили в силу эти новые твердые цены, возникли волнения, которые предвидели эмиссары. 26 июня, в базарный день, в Дуэ бедные жители соседних деревень, не имевшие возможности запастись провизией, стали ругать муниципалитет и собрались толпой более чем в 1 000 человек. Административные органы воспользовались этим скоплением, чтобы потребовать отмены закона. «К настоящим обстоятельствам совершенно неприменим принцип, что временно надо подчиняться закону; прежде всего надо жить». Надо заметить, что власти на Севере просили об отмене закона, даже не сделав серьезной попытки применить его. Г-н Лефевр находит, что они не исполнили своего долга. Закон давал им право реквизировать у крестьян хлеб, превышающий их нормальное потребление. «Между тем в пользу рынков не произведено было никакой реквизиции. Департамент ограничился тем, что потребовал установленного излишка в пользу нуждающихся дистриктов, а так как дистрикт Берг не доставил их, он предложил ему прислать представительство из крестьян, или же против него будет возбуждено преследование, но он не издал постановления и не указал способа исполнения» [3].

Эмиссары при северной армии сперва колебались исполнить просьбу административных органов. Твердые цены, которые они установили 7 июля, поддерживались теоретически. Но в конце того же месяца, когда австрийцы взяли Валансьен, и нужно было в спешном порядке снабдить продовольствием другие угрожаемые крепости, они своими постановлениями от 30 июля и 1 августа отменили всякий максимум.

[1] Archives du Doubs, L 301.
[2] G. Lefebvre, t. I, p. 334.
[3] Ibid p. LIII.

В Ионне большая часть дистриктов, в особенности винодельческие дистрикты, также просили об отмене закона 4 мая. 13 июня 1793 г. муниципалитет Шатель-Сансуар писал, что «варевые травы уже с неделю составляют единственную пищу, которую многие отцы семейств могут добыть для своих голодающих детей». В Танлэ, в том же самом департаменте, 21 июня подвода с хлебом, направлявшаяся в Тоннер, была остановлена голодными людьми, которые целые сутки ничего не ели» [1].

В Ло и в Ландах был сильный голод. Департамент Тарна в июле просил об отмене максимума [2].

Было очень мало таких департаментов, которые, подобно департаменту Верхней Марны, требовали бы исполнения закона.

Только под давлением парижских властей, чтобы успокоить тревогу в столице, монтаньяры решились принять таксу на зерно и вынудили у Конвента голосование в пользу нее. Но Париж не меньше всей остальной Франции страдал от применения закона.

Хотя собрание Парижского департамента предусмотрительно установило свой максимум уже после того, как соседние департаменты установили свой максимум чтобы привлечь земледельцев на свои рынки, однако [3] нужда давала себя чувствовать уже с конца мая месяца. Ропот увеличился в июне. Булочники уменьшили размер своего хлебопечения, потому что муниципалитет не мог отпускать им достаточного количества муки. У булочных уже с рассвета стояли огромные очереди.

Действительно, бо́льшая часть подвоза, предназначавшегося для Парижа, задерживалась с тех пор, как стал применяться закон о максимуме; так было 21 мая в Понтуазе, 23-го в Ферте-Милоне, 27-го в Лонжюмо, 5 июня в Кроне, в Мо, 14 июня в Гавре, в Рамбулье 17 июня, в Крепи-ан-Валуа 18-го, в Кампане 19-го, в Лонжюмо 25-го, в Монфор-л'Амори 20-го и т. д. [4].

Дистрикт Понтуаз издал 27 мая запрещение вывозить зерно и муку за пределы своей территории. Парижский муниципалитет обжаловал это незаконное постановление собранию департамента Сены-и-Уазы, которое отменило его, но в свою очередь издало постановление о запрещении вывоза своего зерна за пределы департамента.

Дистрикт Суассон принял такую же меру под предлогом недостатка.

Максимум не применялся в Луарэ и в Эре-и-Луаре. Продовольственные чиновники города Парижа Гарен и Дефаванн заявляли, что из всех прилегающих

[1] Ch. Porée, p. XXVIII.

[2] Заседание в Конвенте 26 июля 1793 г.

[3] Доклад полиции 17 и 18 мая 1793 г.

[4] См. оправдательные документы в докладе членов продовольственного органа Гарена и Дефаванна, «Спасенный Париж» («Archives parlementaires», приложение к заседанию 26 июля 1793 г.).

к Парижу департаментов департамент Эна был единственным, который искренно хотел помочь снабжению столицы продовольствием. Без запасного зерна, которое они приобрели до издания закона, недостаток в хлебе дал бы себя сразу почувствовать. В известный момент, 28 июня, коммуна должна была издать приказ о производстве обысков у булочников, чтобы определить точное состояние их запасов.

Отмененный в значительной части Франции, в «нуждающихся» департаментах, максимум был введен в ее другой половине, в производящих департаментах. Он не улучшил положения ни в городах, ни в столице. Можно спросить, почему Конвент формально не отменил закон, который он только против воли принял в мае месяце.

Чтобы понять его колебания, не надо забывать, что максимум был не только экономическим вопросом, но и политическим. Его требовала сильная партия, и эта партия не только не отклоняла, не только не смягчала своей программы, но черпала в событиях новые силы и становилась с каждым днем все более требовательной. Конвент должен был считаться с этой партией, за которой в Париже шли народные массы и которая в дни 31 мая и 2 июня победила Жиронду. Департаменты, которые пренебрегали законом или отказались его применять, в большинстве управлялись жирондистскими властями. Бешеным не трудно было приписать неудачу максимума коварным происка м побежденной партии.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

БЕШЕНЫЕ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИИ 1793 г.

(Июнь 1793 г.)

Закон 4 мая 1793 г., который ввел тариф-максимум на зерно, особый в каждом департаменте, по разным причинам не оправдал надежд своих авторов. В нем были пробелы и нелогичности. Многие местные администрации применяли его совершенно противно его духу. Он страдал от соперничества Горы и Жиронды, скоро превратившегося в гражданскую войну. Вместо того, чтобы восстановить благосостояние, он усилил нужду и вызвал даже голод в некоторых горных районах, как, например, в Центральном массиве. Уже с конца июня закон, фактически отмененный многими административными органами департаментов и многими уполномоченными Конвента, должен был, казалось, быть вскоре окончательно отменен. Сама Парижская коммуна, как мы увидим, требовала отмены некоторых главных статей его.

Однако закон не был отменен, и Конвент вскоре принужден был, против воли, осуществлять статью за статьей экономическую и социальную программу Бешеных, которых он считал дезорганизаторами и замаскированными агентами контрреволюции.

Понять то, что произошло, можно, лишь ясно отдавая себе отчет в роковой необходимости, тяготевшей тогда над правительственными действиями.

Начиная со 2 июня, которое избавило ее от Жиронды, Гора испытывала все более настоятельную потребность в содействии парижских санкюлотов. Она ничего не могла делать без них. Конвент не располагал никакой независимой полицейской силой, чтобы поддерживать спокойствие в Париже. Если бы коммуна, единственная действительная и послушная сила, оставила его, ему пришлось бы капитулировать перед мятежом. Сама коммуна имела в своем распоряжении только мало послушную национальную гвардию, составленную из всего населения, народные элементы которой в значительной степени были проникнуты идеями реквизиций и таксы, столь дорогими сердцу Бешеных. Коммуна часто наталкивалась на препятствие со стороны 48 секций, составлявших столько же беспокойных и

непослушных муниципалитетов. Вся сила правительства в Париже была только моральной силой, силой общественного мнения.

То настороженное внимание, с которым Комитет общественного спасения и даже сама коммуна следили за малейшими переменами общественного мнения, доказывает, как они опасались восстания, которое могло бы привести к падению режима.

Конвент мог оказывать сопротивление Бешеным до тех пор, пока он пользовался поддержкой коммуны. Он принужден был уступить, когда коммуна, побежденная сама, оставила его.

Сопротивление продолжалось три месяца, самые беспокойные три месяца во всей этой истории, от июня до сентября 1793 г.

Эта ожесточенная борьба, которую Гора вела против Бешеных, никогда еще не была подробно изложена. Это была очень сложная и неясная борьба. Действующие лица ее плохо известны. Действия их известны мало, но еще менее известны их намерения. Это был постоянный прилив и отлив петиций, манифестаций, волнений и интриг. Правительство часто идет по течению. Оно постоянно старается перехитрить мятежников. Декларации и меры, которые оно им противопоставляет, всегда содержат в себе заднюю мысль. Оно то уступает, то отказывается от своих уступок. Поэтому трудно разобраться в этом деле. Однако необходимо разобраться в этом хаосе, если хотеть справедливо судить о политике Комитета общественного спасения. Нет ничего проще, как осудить эту политику во имя принципов либеральной экономии. Гораздо труднее и гораздо более соответствует исторической точке зрения показать ее повседневную борьбу с необходимыми условиями того ужасного положения, которое никогда не оставляло ему свободы решения экономической проблемы независимо от политической проблемы.

Клэр Лакомб и революционные республиканки.

Восстание 31 мая, которое отчасти было плодом этой политики, могло только увеличить силу и престиж партии Бешеных. Почти накануне самого восстания партия усилилась новым обществом, которое обеспечивало ей поддержку женщин, более чувствительных, может быть, чем мужчины, к продовольственному кризису. «Общество революционных республиканок» с середины мая заседало в библиотеке клуба якобинцев под председательством молодой актрисы, красивой и красноречивой, Клэр Лакомб, которая выдвинулась в день 10 августа. С самого своего возникновения это общество приняло активное участие в политических и социальных волнениях. Так, 19 мая 1793 г. оно, в согласии с клубом кордельеров, послало депутацию к якобинцам с требованием принять строгие меры не только против жирондистов, но и против спекулянтов: «Раздавите спекулянтов, скупщиков и эгоистов-купцов. Существует ужасный заговор заставить народ умирать с голоду

посредством чрезвычайного повышения цен на съестные припасы. Во главе этого заговора стоит меркантильная аристократия наглой касты, которая хочет объединиться с монархией и захватить все богатства, повышая цены на предметы первой необходимости для удовлетворения своей жадности. Уничтожьте всех этих разбойников!» [1]. Революционные республиканки не ограничивались одними словами они перешли к действиям. Они заполнили трибуны Конвента и составляли стражу на рынках. 25 мая, увидав на трибунах Теруань-де-Мерикур, которая была жирондисткой, они стали бить ее и убили бы, если бы не вмешался Марат, который заставил их освободить люттихскую авантюристку [2].

Теофиль Леклерк.

Около этого же времени главный штаб Вешеных пополнился новой силой из Лиона. Теофиль Леклерк, называемый Леклерком из Оза, в отличие от своих однофамильцев, родился в Монбризоне в 1771 г. Он был самым младшим из пятерых детей Грегуара Леклерка, инженера путей сообщения, и Антуанетты Ла-Булэ [3]. Его отец сам руководил его воспитанием до 18 лет. Он жил тогда в Клермон-Ферране. Наступил 1789 год. Его отец записал его в списки национальной гвардии В следующем году он из Бордо отправился на острова Вест-Индии, где жили уже его старшие два брата. На Мартинике он вступил в революционную партию. Контр-адмирал Бегаг арестовал его и заключил на корабле, стоявшем на рейде в Фор-де-Франсе, в марте 1791 г. Будучи прислан обратно во Францию и высажен в Лориане в июле 1791 г., он сам рассказывает нам, что он был без средств, вероятно потому, что поссорился со своей семьей. Он записался в первый батальон Морбигана и служил там до февраля 1792 г. В это время в Лориане высадились гренадеры полка Ла-Форэ, которых губернатор Мартиники, Дама, отослал во Францию за их участие в беспорядках на острове. Неизвестно, по какой причине, — вероятно благодаря заступничеству народного общества Лориана Леклерку поручено было сопровождать в Париж гренадеров Ла-Форэ и ходатайствовать за них у якобинцев Законодательного собрания. Он успешно выполнил это поручение. Якобинцы горячо аплодировали его речи, произнесенной им с их трибуны 23 марта 1792 г., в которой он изобразил солдат жертвою их гражданских чувств и указал на контр-революционные происки Дама и Бегага. Мэль, который председательствовал, в следующих словах выразил чувства клуба: «Ваша речь дышит гордостью и энергией, это язык свободы и настоящих якобинцев. Вы просите снисхождения к вашей молодости; но именно ваша молодость увеличила интерес к вашим требованиям». Ласурс усилил еще эти похвалы, сказав: «Я в восторге

[1] Aulard, Société des Jacobins, t. V, p. 198.

[2] Tuetey, Répertoire, t. IX, p. XIII.

[3] Согласно воспоминаниям самого Т. Леклерка (Arch. nat., F⁷ 4774⁹).

от таланта этого молодого оратора, только что говорившего с твердостью свободного человека. И я требую, чтобы в протоколе было упомянуто о его усердии и о его патриотизме». Это было принято. Вполне естественно, что подобный успех мог вскружить голову молодому человеку. Через несколько дней после этого, 1 апреля, Леклерк опять появился на трибуне клуба и произнес грозную филиппику против Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Говоря грубости королю и обращаясь к нему на «ты», он говорил ему, что его куртизаны — мошенники, что он сам гораздо более преступен, чем Карл I, который поплатился головой за свои покушения на права народа, что теперь он может только выбирать между конституцией или смертью, что его жена, «составляющая позор своего пола, ужас французов и поддержку изменников», водит его за нос, и что он должен начать с того, чтобы выслать эту «современную Брунгильду». В заключение он напомнил о Бруте. На этот раз Леклерк хватил через край. Газета клуба не упомянула даже о его речи, которую он напечатал особо [1]. После этого он отправился в рейнскую армию, где ему *поручили заниматься шпионажем в Бризгау; это продолжалось 3 недели.* По возвращении в Париж он получил место в походном госпитале. В ноябре 1792 г., после Жеммапа он получил трехмесячный отпуск, который провел в Монбризоне со своими сестрами. По окончании отпуска он был направлен в Лион, который был главной квартирой альпийской армии. Это пребывание в Лионе сыграло решающую роль в его судьбе. Выйдя из госпиталя, где он лечился от болезни кожи (чесотки), он окунулся в политическое движение. Леклерк уже в Париже знал Шалье. Он возобновил с ним знакомство. В разгоряченной среде Центрального клуба он проникся мрачным мистицизмом, характеризовавшим лионских революционеров. Им приходилось бороться против экономического кризиса, более сильного, чем в других местах, потому что эмиграция и война убили шелковую промышленность. Они решили потребовать у департамента Роны-и-Луары образования революционной армии, которая будет выполнять двоякую роль, давая, с одной стороны, хлеб безработным, записавшимся в нее, и, с другой стороны, следя за исполнением закона о максимуме цен на зерно. Департамент удовлетворил в конце концов их требование [2]. Революционная армия находилась в процессе формирования в начале мая. Ее содержание, оплата, экипировка

[1] Речь г. Леклерка из Оза, произнесенная в якобинском клубе в заседании 1 апреля 1791. Типография Генриха IV, улица Бюсси, № 1504 (Bibl. nat. Lb⁴⁰ 2260). Он был еще в Париже 8 апреля 1792 г., потому что в этот день он отдавал отчет в клубе якобинцев о десятичасовом заключении, к которому он был присужден судом исправительной полиции за то, что он сорвал в Пале-Рояле наклеенную там афишу против солдат Шатовье. Он заявил, что намерен преследовать судей, осудивших его. Его «наивный» рассказ, говорит газета, вызвал продолжительные аплодисменты. (Aulard, Société des Jacobins, t. III, p. 475.)

[2] C. Riffaterre, Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon en 1793, p. 21. Департамент Роны-и-Луары принял это решение 3 мая.

должны были производиться на счет налогов с богатых. Последние предпочли восстать, чем самим ковать орудие, которое должно было их ограбить. Шалье и его друзья были сброшены восстанием 29 мая.

До этого восстания, на следующий день после вотума департамента об организации революционной армии, они послали Тесфиля Леклерка в Париж столковаться с энергичными санкюлотами столицы. Леклерк прибыл уже 9 мая [1]. Он тотчас же отправился в коммуну, чтобы попытаться склонить ее в пользу идей Шалье. Повидимому, его очень холодно приняли, потому что 16 мая он опять явился в коммуну жаловаться на способ истолкования журналистами его первой попытки. Он прибавил, что не считал нужным явиться в Конвент вместе с комиссарами, прикомандированными к нему советом коммуны. Затем он жаловался, что патриоты находились всегда под страхом смерти, а депутаты-монтаньяры не вмешивались. Весьма вероятно, что он обвинял в слабости Базира, Ровера и Лежандра, которых Конвент послал в Лион для успокоения умов [2]. Он закончил утверждением, что есть только один способ спасения республики: «Надо, чтобы народ сам расправился, потому что справедливость всегда живет в народе, и он никогда не ошибается». Его исступленные декламации, в которых «Moniteur», вероятно, смягчил выражения, тотчас же навлекли на него гнев сторонников Жиронды. На него было сделано нападение на Пон-Неф 19 мая [3].

Десять дней спустя ему представился случай отомстить за оскорбление при помощи санкюлотов. «29 мая вечером, — писал он, — я был назначен членом революционного комитета, образованного в Центральном клубе, 21 мая — членом комиссии караулов» [4]. Он очень скоро сделался кумиром клуба революционных республиканок, на одной из вице-председательниц которого, шоколадница Полине Леон, он вскоре женился.

Программа Бешеных после падения Жиронды.

Революция 31 мая—2 июня выдвинула следующих трех человек: Варле, Жака Ру и Леклерка из Оза.

Варле был окружен ореолом мученичества с тех пор, как он 24 мая был арестован жирондистской комиссией Двенадцати. Освобожденный в тот же день, он был одним из главных организаторов восстания, вспыхнувшего через несколько дней. В инсуррекционном комитете он фигурировал в качестве делегата секции

[1] Riffaterre, p. 67, note. В тот же день он написал Шалье.

[2] Отчет «Moniteur» (t. XVI, p. 409) не называет их, но речь, несомненно, идет об этих трех депутатах, которые во время их миссии в Лионе арестовали Лосселя и самого Леклерка.

[3] Заседание якобинцев 20 мая.

[4] Неизданный доклад Леклерка, цитированный уже.

Прав человека. В определенные часы он председательствовал в этом комитете, и ему вместе с двумя другими лицами поручено было редактировать обвинительный акт против жирондистов.

Что касается Жака Ру, который заседал в коммуне, то его влияние росло там вместе с событиями. Как раз в день 31 мая коммуна назначила его в компании еще с тремя [1] историографом совершающейся революции [2]. Она поручила ему вместе с Данже «просветить» секцию Финистер, которая сперва относилась враждебно к движению. Она поручила ему также редакцию адреса, который коммуна представила Конвенту с требованием ареста 22-х [3]. Наконец, 12 июня Жаку Ру вместе с Гюйо и Пари поручена была редакция официального бюллетеня коммуны [4].

Не подлежит сомнению, что дорогие Бешеным идеи встречали сочувствие среди людей, составлявших центральный инсуррекционный комитет 31 мая. Этот комитет возродился под другим именем в Комитете общественного спасения Парижского департамента, которому теперь поручена была политическая полиция столицы и в котором фигурировали Клеманс и Маршан, два смелых вожака, способных на все.

Прежде Варле и Жак Ру действовали обыкновенно отдельно. Но теперь они объединились и сговорились. Заслуживает внимания в этом отношении, что в момент ареста Варле, 24 мая, Жак Ру редактировал петицию Гравильеров об освобождении его [5]. Заслуживает также внимания, что с самого начала ни Варле, ни Жак Ру, ни Леклерк не были удовлетворены результатами восстания.

Жак Ру предложил 31 мая коммуне арестовать всех непокорных священников, всех бывших дворян, всех, кто подписал противогражданские петиции [6]. Его предложение было похоронено передачей его в инсуррекционный комитет. Но на следующий день, 1 июня, Варле пространно жаловался на препятствия, которые ставили инсуррекционному комитету. Эбер опровергал его утверждения и одобрил все без исключения события, происшедшие в день 31 мая [7].

5 июня Леклерк из Оза с большей настойчивостью возобновил в коммуне критику Жака Ру и Варле: «Неправильно утверждали, — сказал он, — будто революция окончена. Арест подозрительных людей является одним из главных средств

[1] Chenaux, Paris et Roure («Moniteur», t. XVI, p. 526).

[2] Коммуна одобрила 7 июня и напечатала рассказ о восстании, редактированный Жаком Ру и другими комиссарами.

[3] Этот адрес был воспроизведен Tuetey, Répertoire, t. IX, введение.

[4] Этот бюллетень на следующий день назывался «Affiches de la Commune». См. о заседании 12 июня «Moniteur», t. XVI, pp. 630, 637.

[5] Эту петицию можно найти в «Archives parlementaires», t. LXV, p. 389. Жак Ру объявил себя ее автором. См. «Annales révolutionnaires», t. VIII, 1916, p. 540, note.

[6] Tuetey, t. VIII, № 2664.

[7] «Moniteur», t. XVI, p. 409.

общественного спасения. Но разве все подозрительные люди арестованы? Сомневаюсь в этом; между тем опасность все еще велика. И разве не могло случиться, что все арестованные депутаты уже бежали? Почему вы так медлите избавиться от ваших врагов? Почему боитесь вы пролить несколько капель крови?» [1].

Коммуна отнеслась с величайшим негодованием к призыву Леклерка к убийству. Председатель призвал его к порядку, а Эбер в «сильной речи, проникнутой патриотизмом», требовал, чтобы коммуна считала плохим гражданином всякого человека, который предлагает проливать кровь. Его требование было принято.

Когда побежденный Жак Ру был посажен в тюрьму, Теофиль Леклерк, которому угрожала такая же участь, протестовал против клеветников, изображавших его сотрудником красного священника: «Я не хочу здесь подвергнуть какой бы то ни было немилости гражданина, которого я назвал. Только трусы и рабы могут осуждать или кусать на основании мнений или приказаний общественных авторитетов или начальников, но я публично заявляю, что я никогда не имел никаких ни прямых, ни косвенных сношений с Жаком Ру, что с 1 июня я в течение самое большее одного часа видел два раза этого гражданина, которого я случайно встречал в одном доме, куда он иногда заходит и где я бываю часто. Вот полная истина относительно этого обвинения» [2]. Возможно, что Леклерк говорил только два раза с Жаком Ру, но ему не надо было долгих разговоров, чтобы столковаться с ним. Соглашение произошло раньше. Они думали одинаково. Они вели одну и ту же кампанию.

Все произошло так, как если бы эти три человека, Варле, Жак Ру и Леклерк, в самом деле столковались. Разрыв между ними и коммуной усилился. Маршан впоследствии упрекал Шометта, во время его процесса, что он делал все усилия, «чтобы помешать этой славной революции [31 мая], постоянно осуждал все меры, которых требовало общественное спасение и всеми силами старался доказать, что центральный комитет занимается контр-революцией» [3]. Другими словами, Маршан, подобно вождям Бешеных, не мог простить Шометту и коммуне, что они помешали насилиям.

Но это далеко не было единственным предметом разногласий. Бешеные хотели изгнать из Конвента не только тех 32 жирондистских депутатов, которых постановлено было арестовать, но и всех тех, которые голосовали за обращение к народу, *апеллянтов*, человек около 280. Они хотели изгнать из армии и из администрации, из всех общественных функций всех сторонников старого режима. Они уже с самого начала стали нападать на Комитет общественного спасения,

[1] «Moniteur», t. XVI, p. 566.

[2] «L'Ami du peuple» Леклерка, номер от 8 сентября 1793 г. Текст воспроизведен в «Annales révolutionnaires» 1917, t. IX, p. 411.

[3] Письмо Маршана к Фукье-Тэнвилю, у Tuetey, введение к его IX тому.

обновления которого они требовали [1]. Они не считали, что голосованием максимума цен на зерно и установлением принудительного курса ассигната их социальная программа была выполнена. Они, наоборот, заявляли, что их обманули. Оба эти закона не применялись. Экономическое положение не только не улучшилось, оно, наоборот, ухудшилось. Теперь они требовали максимума для всех предметов первой необходимости [2]. Обращенные Леклерком, они не переставали требовать теперь организации революционной армии, которая должна была устрашить скупщиков. Одним словом, они уже тогда хотели, чтобы террор был поставлен в порядок дня.

Признаком роста их влияния служило то обстоятельство, что уже некоторые депутаты-монтаньяры, принадлежавшие в большинстве к группе депутатов-дельцов, следовавших за Дантоном, стали повторять их идеи. Шабо угрожал экспроприировать богатых, подобно тому как были экспроприированы эмигранты (3 июня в клубе якобинцев), Малларме предложил 5 июня в Конвенте распространить максимум на все предметы первой необходимости.

Сопротивление монтаньяров.

Но огромное большинство Собрания раскаивалось уже в уступке, которую оно сделало Бешеным, вотировав максимум цен на зерно. Оно отказывалось итти дальше по этому опасному пути.

Робеспьер, у которого было достаточно смелости, взял на себя руководство сопротивлением. Он был сторонником порядка и законности и питал отвращение к террористическим средствам. Он видел, что администрация будет быстро дезорганизована, средние классы устрашены, сам народ впадет в уныние от все растущей анархии, которая приведет только к увеличению нищеты. Демагогия Бешеных в конечном счете могла только вызвать ужасную реакцию.

В данный момент главная его забота состояла в том, чтобы заставить страну признать революцию 31 мая, которая изуродовала Конвент. Он прилагал все усилия, чтобы добиться быстрого голосования очень либеральной конституции, которая доказала бы французам, что опасность диктатуры, о которой постоянно кричали жирондисты, — химера и клевета. Голосование такой конституции отняло бы у жирондистов средства расширить гражданскую войну и выбило бы оружие из рук республиканцев, которых они завлекли. Демагогия Бешеных грозила

[1] См. заседание коммуны 15 июня, в котором Варле протестовал против назначения дворянина Богарнэ в военное министерство («Moniteur», t. XVI, p. 651). Назначение Богарнэ было отменено.

[2] Секция Санкюлотов предъявила Конвенту формальное требование об этом во время самого восстания, 31 мая, и манифест центрального революционного комитета, повторяя одну из мыслей Дантона, потребовал в тот же день продажи хлеба по 3 су за фунт во всей республике, посредством налога на богатых.

разрушить его план умиротворения. Начиная с 10 июня Робеспьер пытался вырвать у якобинцев вотум одобрения проекта конституции, редактированного Комитетом общественного спасения, обсуждение которого уже началось. В то же самое время он защищал против Шабо Комитет общественного спасения, членом которого он еще не состоял. Борьба была ожесточенная. Но в коммуне Робеспьера поддерживал мэр Паш, прокурор коммуны Шометт и его заместитель Эбер.

Эбер против Бешеных.

Эбер посвятил целый номер «Père Duchesne», чтобы успокоить богатых и доказать им, что в их интересах примириться с санкюлотами [1]. Он подчеркивал, что восстание не пролило ни одной капли крови и никому не причинило вреда. Затем он свои размышления вложил в уста богатого, старого скряги, который говорит: «Я думаю, что в интересах богатых осанкюлотиться, потому что, если мы не будем все едины, то за границей воспользуются нашими несогласиями, вторгнутся во Францию, и тогда что станется с нашими домами, с нашими драгоценностями? Да, «Père Duchesne», я искренно примиряюсь с санкюлотами».

Возвращаясь к этому вопросу в следующем номере, Эбер прибавил к этой теме очень резкие обвинения, направленные в одно и то же время и против жирондистов и против Бешеных. Первые клеветали на монтаньяров, обвиняя их в желании провести аграрный закон. Что же касается вторых, этих честолюбивых интриганов, которые ходили по лавкам и мастерским, проповедуя резню и советуя санкюлотам раздавить богатых, то Эбер осуждал их. Наконец Эбер, подобно Робеспьеру, сильно расхваливал новую конституцию (в № 246 своей газеты).

Быть за или против конституции было равносильно тому, чтобы быть за или против правительства. Бешеные приняли сражение на этой скользкой почве.

Шабо, который был теперь с ними, 10 июня начал атаку против якобинцев. Он отказался одобрить вместе с Робеспьером проект, представленный Комитетом общественного спасения. «О судьбе народа слишком мало говорят, — сказал он, — и в этом недостаток представленного нам проекта конституции. Он не гарантирует хлеба тем, у которых его нет. В нем нищенство не изгнано из республики». Шабо очень много аплодировали, а Робеспьер, который ему возражал, был принят довольно холодно, несмотря на поддержку, оказанную ему Сент-Андре.

Ободренные, Бешеные пошли дальше. 15 июня секция Прав человека, секция Варле, представила коммуне адрес, в котором требовала введения таксы на все товары, устрашения скупщиков и строгого наказания для всех тех, которые на-

[1] № 243, вышедший после 31 мая.

рушат максимум. Они хорошо выбрали момент. Снабжение столицы продовольствием внушало тогда живейшее беспокойство.

Эбер резко выступил против петиции Варле. Он нахально утверждал, что Париж обеспечен продовольствием до января. Он заявил, что преступно прерывать работы Конвента в то время, когда он занят обсуждением конституции. Коммуна присоединилась к его мнению. Она постановила, что прокурором коммуны будут проверены подписи на петиции секции Прав человека, и что другим секциям будет разослано предложение «отложить этот вопрос до принятия конституции» [1].

Жак Ру хочет дополнить конституцию.

Когда Бешеным не удалось увлечь за собой коммуну, они стали действовать на клубы. 20 июня Жак Ру предложил клубу кордельеров прибавить к конституции, которая была уже почти вся принята, следующий параграф: «Нация защищает свободу торговли, но она карает смертью ажиотаж и ростовщичество». Жаку Ру сильно аплодировали. Но еще более знаменательно, что Эбер, потому ли, что он не понял всего значения своего предложения, или потому, что он устал бороться против общего мнения, сам предложил, чтобы клуб послал депутацию в коммуну, чтобы рекомендовать ей «счастливую идею» Жака Ру и посоветовать ей сделать ее предметом петиции в Конвент. Предложение Эбера, конечно, было принято.

Но поняв, очевидно, совершенную им ошибку, Эбер в конце заседания взял слово, чтобы выразить живейшее одобрение конституции. «Эта работа представляет шедевр; никогда минувшие века не порождали подобного произведения. Ликург, Солон, Эпиктет являются школьниками в сравнении с нашими законодателями». Чтобы поблагодарить авторов этого шедевра, он предложил организовать в следующее воскресенье большое празднество на Марсовом поле. Празднество в принципе было принято, но кто-то заметил, что, прежде чем присягать конституции, надо ее знать, так как она еще не вполне закончена. И дата празднества осталась неопределенной [2].

Похвала конституции, предполагаемое празднество плохо маскировали одержанную Жаком Ру победу. Ему удалось изобразить конституцию слишком благоприятной для спекулянтов и ростовщиков. Он увлек за собой кордельеров, а через Эбера он надеялся увлечь и коммуну.

21 июня он в самом деле произнес большую речь в коммуне. После лестного отзыва о революционных и республиканских гражданках он выразил сожаление, что в конституции нет ни одной статьи против кровопийц народа: «Какие ограниче-

[1] «Moniteur», t. XVI, p. 658.

[2] Это заседание клуба кордельеров, насколько мне известно, отмечено только в «Correspondance politique» от 22 июня 1793 г.

ния предложены здесь, чтобы удержать торговлю в тех границах, которые естественно предписываются любовью к общественному делу? В какой главе находим мы осуждение ажиотажа, скупок? Какая это свобода, если один класс людей может заставлять голодать другой? Какое это равенство, если богатый посредством своей монополии пользуется правом распоряжаться жизнью и смертью себе подобных? Свобода, равенство, республика — теперь это только пустые звуки... Разве чрезмерная цена съестных припасов, так сильно растущая с каждым днем, что они становятся недоступными для трех четвертей граждан, не является самым верным и самым ужасным средством контр-революции?» Он закончил следующими словами: «Я требую, чтобы совет завтра в полном составе отправился в заседание Конвента и потребовал, чтобы он декретировал, как один из параграфов конституции, что свобода не есть право морить голодом себе подобных». «Journal de la Montagne», напечатавший его речь, прибавляет, что она доставила Жаку Ру «самые многочисленные и горячие аплодисменты», но что тем не менее, по предложению Паша, совет перешел к очередным делам. Но Робеспьер, без сомнения, успел отпарировать удар. Коммуна не одобрила Эбера и отказалась просить Конвент вписать в конституцию предложенный Жаком Ру предательский параграф.

Упорный священник вернулся в клуб кордельеров, чтобы восстановить его против коммуны. «Если этой статьи не будет в конституции,— сказал он 22 июня,— мы сможем сказать Горе: «Вы ничего не сделали для санкюлотов, потому что они ведут борьбу не за богатых, а за свободу; если кровопийцы этого доброго народа могут всегда капля за каплей пить его кровь под прикрытием закона, тогда свобода похожа на слепую прекрасную женщину». Я предлагаю клубу кордельеров самому внести завтра эту петицию в Конвент и освятить этот принцип раньше, чем принять благодарность святой Горе. Пусть весь народ окружит Конвент и пусть все в один голос воскликнут: «Мы обожаем свободу, но мы не хотим умереть от голода, обуздайте ажиотаж, и мы больше ни о чем не будем просить».

Клуб кордельеров тотчас же назначил двенадцать комиссаров для редактирования петиции Жака Ру. Среди них были Варле, Руссильон, Леклерк и Дюре. Но этот последний отказался, заявив с гневом: «Я возмущен, что говорят о петициях, когда надо вооружиться пушками и кинжалами... Встаньте же, и если мы напрасно боролись 31 мая, то пусть это новое восстание кровавыми буквами будет записано в анналах истории, тогда нужно 10 августа, нужно струбить головы разбойникам!..» Этот кровавый призыв к восстанию был покрыт продолжительными и горячими аплодисментами. Варле и Леклерк также взяли слово, чтобы призвать присутствующих завтра отправиться толпой в Конвент [1].

День был удачно выбран. На следующий день, 23 июня, должно было происходить празднество, организованное коммуной в честь окончания конституции,

[1] «Correspondance politique» от 24 июня 1793 г.

Бешеные присоединятся к официальному кортежу и прибавят свою петицию ко всей коллекции комплиментов. После роз — шипы!

Оставшись у трибуны после целой процессии властей, пришедших поздравить Конвент, Жак Ру в свою очередь взял слово: «Революционное общество гравильеров, которое 31 мая объявило вам через меня, что 30 000 человек вооружены, чтобы защищать вас, это общество, собравшись в клубе кордельеров, который первый забил тревогу 31 мая и который стоит на страже народа, это общество поручило мне внести вам петицию...» Он не мог сказать больше. Робеспьер прервал его: «Я прошу, чтобы меня выслушали раньше этого гражданина. Надо, чтобы умы граждан и национального Конвента сегодня сосредоточились на трогательных и высших идеях, представленных установленными властями от имени парижских граждан. Отдадимся тем чувствам успокоения, которые эти идеи внушают, отдадимся радости по поводу окончания конституции. Пусть это великое дело не будет прервано никакими частными интересами. Этот день является национальным праздником, и в то время, когда народ клянется во всеобщем братстве, будем здесь работать для его счастья. Поэтому я требую, чтобы петиция была отложена до другого дня». Его речь была покрыта аплодисментами, и петиция Жака Ру была отложена.

Робеспьер выиграл в первой инстанции. Отсрочка давала ему возможность избежать неожиданного голосования и подготовить сопротивление. Неожиданного голосования приходилось тем более опасаться, что в этом самом заседании Билло-Варен, который в то время заигрывал с Бешеными, провел без дебатов отмену военного закона, который Учредительное собрание издало, чтобы рассекать сборища и защищать свободное обращение товаров. Этот репрессивный закон никогда не имел большого значения, но было очевидно, что отмена его делала более затруднительным возвращение к свободе торговли посредством отмены максимума.

В тот же вечер Бешеные отправились в клуб якобинцев, чтобы попытаться склонить их в пользу петиции. Течение было так сильно, что якобинцы присоединились, по крайней мере в принципе. Но на следующий день они, очевидно, спохватились, так как они не были представлены в депутации, которая под предводительством Жака Ру отправилась в Конвент 25 июня [1].

С первых слов Жак Ру шокировал Собрание не столько самым содержанием своей петиции, сколько вызывающей формой, которую он ей придал, формой обвинительного акта против Конвента:

«Делегаты французского народа, сто раз в этом священном помещении раздавались речи в защиту преступлений эгоистов и мошенников. Здесь на вашу верховную санкцию будет представлен акт конституции; изгнали ли вы из него

[1] Еще раньше, чем он явился, обе секции Круа-Руж и Люксембурга уже потребовали целого ряда мер для обуздания финансовой и купеческой аристократии.

ажиотаж? Нет. Объявили ли вы смертную казнь скупщикам? Нет. Определили ли вы, в чем состоит свобода торговли? Нет. Запретили ли вы продажу звонкой монеты? Нет. Итак, мы заявляем вам, что вы не сделали всего для счастья народа» [1]. Это сильное начало немедленно вызвало ропот. Члены Конвента почувствовали, что Жак Ру хочет лишить их популярности.

Затем социалистический священник доказывал с мелодраматическими жестами, что класс санкюлотов от революции не выиграл ничего, кроме увеличения нужды. Он ловко напомнил о жертвах войны: «Правильно ли, чтобы вдовы тех, которые умерли за дело свободы, платили за все на вес золота, вплоть до платков, нужных им, чтобы вытирать слезы? Справедливо ли, что им приходится покупать на вес золота молоко и мед для своих детей?»

Затем Жак Ру обрушился на торговую аристократию, «более ужасную, чем аристократия дворянства и духовенства». Богатые одни только вот уже четыре года пользуются преимуществами революции. «Как! Неужели собственность мошенников должна быть более священна, чем жизнь человека? В распоряжении административных органов имеется вооруженная сила, почему же не могут они реквизировать продовольствие? Законодатель имеет право объявить войну, т. е. заставлять убивать людей; каким же образом может он не иметь права помешать тому, чтобы изнуряли налогами и морили голодом тех, которые защищают свои очаги? Свобода торговли есть свобода пользоваться предметами и давать пользоваться другим, а не право тиранствовать и мешать пользоваться. Предметы, необходимые всем, должны продаваться по доступной всем цене; выскажитесь же еще раз... Санкюлоты своими пиками заставят выполнять ваши декреты».

И Жак Ру требовал исключения дворян из армии, ареста родственников дворян и эмигрантов и оставления их заложниками, исключения апеллянтов из Конвента.

Он хотел, чтобы закон против ажиотажа и скупки, которого он требовал, был напечатан в акте конституции и составлял приложение к нему. Обращаясь к Конвенту, он бросил ему следующие слова: «Когда в акт конституции будет включен ясный и точный закон против ажиотажа и скупки, тогда народ увидит, что интересы бедных вам ближе, чем интересы богатых; он увидит, что среди вас не заседают банкиры, судостроители и монополисты; он увидит, наконец, что вы не хотите контр-революции».

Такая оскорбительная альтернатива неизбежно должна была вызвать гнев Собрания, в котором богатый класс был довольно сильно представлен.

Жак Ру уточнил свои нападки. Принудительный заем одного миллиарда у богатых, принятый Конвентом, ляжет всей своею тяжестью на народ, если сохранится свобода торговли: «Если вы не вырвете с корнем ажиотаж, если вы не обуздаете жадность скупщиков, капиталисты, купцы уже с завтрашнего дня посредством монополии и концессий переложат эту сумму [заем миллиарда] на санкюлотов; таким образом вы поразите не эгоизм, а санкюлотов. До вашего декрета бакалейные торговцы и банкиры постоянно угнетали граждан; какой только мести ни придумают они теперь, когда вы облагаете их налогами, какой только дани ни возьмут они из крови и слез несчастных?» Жак Ру имел правильное представление о том, что экономисты называют законом переложения налогов.

[1] Мы следуем тексту, опубликованному Жаком Ру. Мы воспроизвели его целиком в «Annales révolutionnaires», 1914, t. VII, pp. 547—560.

Продолжая свой анализ, свидетельствующий о силе ума, которой Жорес, может быть, не отдал должной справедливости, Жак Ру следующим образом отвечает сторонникам экономического либерализма: «Напрасно будут возражать, что рабочий получает заработную плату, пропорциональную увеличению цены съестных припасов; на самом деле есть только немногие, труд которых оплачивается дороже; но зато есть многие, труд которых оплачивается дешевле со времени революции. К тому же не все ведь граждане являются рабочими; не все рабочие работают, а среди тех, которые работают, есть такие, у которых 8—10 человек детей, неспособных еще зарабатывать средства к жизни, а женщины вообще не зарабатывают больше 20 су в день».

Здесь Жак Ру прямо ставил вопрос Горе: «Депутаты Горы, почему не поднимались вы в 3-й—9-й этажи домов этого революционного города? Вы были бы тронуты слезами и стонами многочисленного населения, не имеющего ни хлеба, ни одежды, доведенного ажиотажем и скупкой до крайней степени нищеты и несчастия, потому что законы жестоки по отношению к бедным, потому что они составлены только богатыми и для богатых». Чувствовалось, что священник говорит здесь на основании опыта, как человек, знакомый с этой нуждой и облегчавший ее. Он противопоставлял затем легкость существования при старом режиме картине испытаний, которые приходится переносить народу при новом режиме, и он во всеуслышание сожалел о прежней регламентации: «При управлении Сартинов и Флесселей правительство не потерпело бы, чтобы за предметы первой необходимости платили втридорога. Что я говорю! Они устанавливали цену оружия и мяса для солдат, а Национальный конвент, облеченный силой 25 миллионов человек, будет терпеть, чтобы купец и богатый эгоист нанесли ему смертельный удар, произвольно устанавливая цены на самые необходимые для жизни предметы. Чтобы произвести контр революцию, Людовику Капету незачем было призывать иностранные державы. Врагам отечества незачем было распространять пожары в западных департаментах — достаточно ажиотажа и скупки, чтобы разрушить здание республиканских законов».

Монтаньяры так сильно протестовали против едва скрытого сожаления о старом режиме, против этой едва замаскированной угрозы новой революцией, что

председательствовавший Колло д'Эрбуа должен был вмешаться, чтобы дать возможность Жаку Ру продолжать.

Рассматривая причины, которыми пытались объяснить экономический кризис, Жак Ру показал всю несостоятельность этого объяснения. Война? Но «при жестоком Людовике XIV французам также пришлось вытеснить лигу тиранов», а между тем «ажиотаж не поднял в этой империи знамя восстания, голода и опустошения». Если ссылаются на войну, то в таком случае «можно позволить купцу продавать свечи по 6 франков фунт, мыло по 6 франков фунт, масло по 6 франков литр!» Под предлогом войны «санкюлот должен платить в таком случае за пару башмаков 50 ливров, за рубашку 50 ливров, за плохую шляпу 50 ливров». Жак Ру возмущался полной свободой торговли, возмущался отсутствием мужества попытаться помешать повышению цен.

Тех, которые объясняли кризис обесценением ассигната, он спрашивал, почему не заставить покупателей национальных имуществ уплатить разницу между номинальной и реальной ценой ассигната; почему, несмотря на падение цены некоторых бумаг, заработная плата некоторых рабочих уменьшилась. Но в особенности он выставлял пример Англии: «В Англии, чей долг, может быть, в 20 раз превосходит стоимость ее территории, и которая процветает лишь благодаря своим банковым билетам, платят ли там соответственно дороже нас за съестные припасы? О! министр Питт слишком хитер, чтобы позволить так обременять подданных Георга. А вы, граждане представители, вы депутаты Горы, вы, которые горды тем, что принадлежите к числу санкюлотов, неужели вы с высоты вашей огромной скалы не уничтожите этой постоянно возрождающейся гидры ажиотажа?»

Тем, которые ссылались на сделанные за границей покупки и на вытекавшее из этого понижение вексельного курса, он отвечал отрицанием важности экспорта металлических денег. За границей платили товарами и торговыми векселями. «Циркулирующих в Европе металлических денег нехватило бы, чтобы уплатить одну стотысячную часть находящихся в обращении кредитных билетов».

Наконец, рассматривая последний аргумент своих противников, он говорит: «Но ведь неизвестно, какой оборот примут дела!» Другими словами, кризис являлся результатом недоверия к деньгам революции. В данном случае Жак Ру не считал даже нужным рассуждать: «Когда смертная казнь грозит всякому, кто попытается восстановить монархию, когда бесчисленные легионы граждан-солдат своим оружием образуют стальной свод, когда они везде выбрасывают массы селитры и огня на орду варваров, могут ли тогда банкир и скупщик говорить, что они не знают, какой оборот примут дела? Впрочем, если они этого не знают, мы расскажем им это. Народ хочет свободы и равенства, республики или смерти, и именно это приводит вас в отчаяние, спекулянты, низменные слуги тирании».

Этот акт дикой веры в республику давал возможность Жаку Ру опять дать урок членам Конвента: «Итак, представители народа, если вы будете и впредь проявлять беззаботность, это будет актом трусости, преступлением оскорбления нации. Нечего бояться подвергнуться ненависти богатых, т. е. злых. Не надо бояться пожертвовать политическими принципами для спасения народа, которое составляет высший закон. Признайте же вместе с нами, что вы из малодушия разрешаете недоверие к бумагам, что вы подготовляете банкротство, допуская злоупотребления, преступления, от которых покраснел бы деспотизм в последние дни его варварского могущества». Но эта двойная ссылка на банкротство и на старый режим опять вызвала шум: «В этот момент, — говорит официальный протокол, — все Собрание поднялось в порыве негодования, оно потребовало, чтобы лишили слова этого человека, или чтобы ему приказано было кончить». Председательствовавший Колло д'Эрбуа, под предлогом успокоения страстей, только еще больше возбуждает их: «Перестаньте, граждане, это петиционер, но истина сильнее всех этих клевет». Затем, обращаясь к Жаку Ру, он сказал: «Вы нарушили права справедливости и равенства, прося доступа [к решетке] раньше вашей очереди, вы отнимаете время у многих петиционеров; именем отечества я приказываю вам кончить».

Нисколько не смущаясь, Жак Ру продолжал свою критику. Он напомнил, что народ был уже предан двумя законодательными собраниями. Он спрашивал, как граждане, «которые не имеют никакого состояния, граждане, имеющие только 200, 300, 400, 500, 600 ливров ренты, плохо оплачиваемые, получающие ее как пожизненную пенсию или из частных банков», могли бы существовать, если бы декрет конституции, не зависящий от колебаний законодательства, не обуздывал курс ажиотажа. «Возможно, — сказал он, — что мир у нас наступит только через 20 лет; военные расходы вызовут новую эмиссию бумажных денег; хотите вы разве молчаливым разрешением ажиотажа и скупок продолжать наши несчастия на все это время, которое и теперь уже слишком долго тянется? Не довольно ли того, что ваши позорной памяти предшественники в своем большинстве оставили нам в наследие монархию, ажиотаж и войну, чтобы вы еще в свою очередь оставили нам нищету, голод и отчаяние? Неужели надо еще, чтобы роялисты и умеренные, под предлогом свободы торговли, поглотили также мануфактуры и владения, чтобы они захватили хлеб на полях, леса, виноградники, даже шкуры животных, чтобы они из золотых кубков пили кровь и слезы граждан, пользуясь покровительством закона?» При этом опять раздались громкие протесты. Колло д'Эрбуа требовал, чтобы Жак Ру кончил. «Депутаты Горы, — продолжал он, — нет, нет, вы не оставите вашего дела незаконченным, вы заложите основы общественного благополучия, вы освятите общие и репрессивные принципы против ажиотажа и скупщиков; вы не дадите вашим наследникам ужасного примера варварства, проявляемого сильными людьми по отношению к слабым, богатыми по отно-

шению к бедным; одним словом, вы не завершите недостойным образом свою деятельность».

«Moniteur» отмечает при этих словах «проявление негодования». Устрашенный возгласами Собрания, один из сопровождавших Жака Ру петиционеров взял слово: «Я заявляю, — сказал он, — что это не та петиция, на которую секция Гравильеров дала свое согласие». Другие петиционеры также выразили порицание оскорблениям, направленным священником против Горы.

Колло д'Эрбуа строго ответил ему: «Люди, которые не любят конституции, клевещут на тех, которые ее любят, сторонники Кобурга направляются в парижские секции и обманывают самых добродетельных граждан; они пытаются воскресить тирана под именем свободы, которую они громко провозглашают, вы уже таким образом обманули сопровождающих вас честных граждан, они слышали, как вы говорили о добродетели и о Горе, и в этом отношении они были обмануты». Колло пригласил честных граждан гравильеров участвовать в заседании, но он отказал в этом Жаку Ру, который остался за оградой, «задержанный ветеранами гвардии».

Но монтаньяры не удовлетворились этим выговором. Многие из них сменяли друг друга на трибуне. Тюрио заклеймил «возмутительную речь», «чудовищные принципы анархии», которые здесь раздавались. Он обвинял Жака Ру в том, что он играет на руку врагам и контр-революции. «Я заявляю, что Кобург не говорил бы другим языком»: Жак Ру «хладнокровно обдумал» всякое слово своей петиции, чтобы привести народ в отчаяние, чтобы заставить его поверить, что ему не на что надеяться. В этом проявилось коварство священника: «Граждане, вы не без удивления узнаете, что этот человек — священник, достойный сподвижник фанатиков Вандеи. Если послушать его, война должна продолжаться двадцать лет и нечего больше ожидать от общественного дела. Он, конечно, очень хорошо знает противоположное, но он хочет оскорбить Конвент». Он кончил тем, что Жака Ру надо отправить в Комитет общественной безопасности «чтобы убедиться в том, не скрывается ли тут большой заговор». Но социальные требования были так сильны, что Тюрио остерегался оспаривать сущность петиции, идеи всеобщей нормировки; он напомнил, наоборот, что Собрание занимается этим вопросом, и он предложил просить комитет земледелия и торговли поспешить с докладом, который был ему поручен. Тюрио надо было только отделить Жака Ру от его сторонников.

Робеспьер в свою очередь предостерегал против петиции, «мотивы которой кажутся народными, но по существу зажигательны». «Я хотел бы верить,— продолжал он, — что вы уже легко заметили коварные намерения оратора; он хочет придать патриотам оттенок модерантизма, благодаря которому они потеряли бы доверие народа. Мне говорили, что этот адрес не является выражением пожеланий секции Гравильеров, я с удовольствием видел, что она была осуждена у решетки Конвента».

Леонар Бурдон, один из выдающихся членов секции Гравильеров, подтвердил, что эта секция, которой он выразил здесь одобрение, была обманута Жаком Ру.

Билло-Варен утверждал, что тот, который нападал на новую конституцию, должен был сознаться прижавшим его к стене патриотам, что он «даже не читал ее!»

После этого Шарлье потребовал немедленного ареста Жака Ру. Но Лежандр высказался против этого в презрительных выражениях: «Достаточно того, что он был изгнан из этого помещения и что в протоколе будет упомянуто об осуждении его речи гражданами его секции и клуба кордельеров. В его секции есть патриоты, и они сумеют расправиться с ним».

Конвент присоединился к этому мнению. Он декретировал, что в протоколе будет упомянуто о выраженном Жаку Ру неодобрении участниками его петиции, но он в то же самое время напомнил, что комитету земледелия поручено было в кратчайший срок представить Конвенту доклад о нормировке.

Маневр монтаньяров был ясен. Нужно было дискредитировать Жака Ру в глазах его сторонников. Чтобы вернее достигнуть этого, они обещали исполнить существенную сторону их требований. Оставалось только узнать, насколько искренно было это обещание, — захочет ли Конвент в тот день, когда падет Жак Ру, поддерживать максимум и распространить его на все товары?

Но довольно ли было только порицания Конвента, чтобы свергнуть вождя Бешеных?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

БЕШЕНЫЕ И ВОЛНЕНИЯ ПО ПОВОДУ МЫЛА.

(Июнь 1793 г.)

Жак Ру организует сопротивление.

Конвент вынес порицание Жаку Ру, а в зале часть подписавших его петицию отказалась от него. Он знал, что он не может рассчитывать ни на якобинцев, которые отказались пойти за ним, ни на коммуну, где Паш и Шометт, в отсутствие колеблющегося Эбера, решительно выступали против него. Но он был упрям и верил в себя. Трибуны поддерживали его во время чтения петиции. И он решил продолжать борьбу.

Заседание Конвента не окончилось еще, когда преданные ему друзья отправились к кордельерам, чтобы поднять там волнение. Кордельеры были возмущены тем, что один из товарищей Жака Ру выразил неодобрение по его адресу.

«Общее собрание, — сказано в их протоколе [1], — толпой отправится в Конвент с требованием выдать ему гражданина Жака Ру, но, по предложению одного члена, оно решает, что его комитет общественного спасения будет уполномочен узнать мотивы ареста гражданина Жака Ру, чтобы доложить ему (собранию) об этом еще в данном заседании и принять затем меры, которые будут продиктованы благоразумием».

Между тем пришел Жак Ру, которого Конвент не решился арестовать. Он получил от своих сограждан «самые лестные выражения дружбы и уважения». Он сообщил об оскорблениях, с которыми он был принят у решетки Собрания. Затем он опять прочел свою петицию, чтобы констатировать, что он ничего не изменил в ее тексте в том виде, как она была одобрена секциями Гравильеров и Bonne Nouvelle и кордельеров. Заседание клуба, очень многочисленное, покрыло его чтение аплодисментами и «единогласно постановило, что это тот самый адрес, который гражданин Жак Ру читал прежде». Клуб послал четырех комиссаров

[1] Напечатано в «Annales révolutionnaires», 1914, t. VII, p. 558. Протокол по ошибке помечен 23 июня.

в Конвент засвидетельствовать это. Клуб опять подтвердил свое согласие с принципами Жака Ру и заявил, что будет преследовать, как клеветника, того человека, который солгал в Конвенте.

На следующий день, 26 июня, кампания Бешеных расширилась. Комитет общественного спасения Парижского департамента, составленный из вожаков 31 мая, появился в Конвенте. Потребовав, чтобы жирондистские депутаты, которые благодаря бегству избавились от обвинительного декрета, были объявлены вне закона, он заговорил о продовольствии в таких же выражениях, как Жак Ру. Необходимы законы против скупщиков! Необходимо ввести таксу на все съестные припасы! Трибуны бешено аплодировали.

В тот же день председательница Общества революционных республиканок. Клэр Лакомб, косвенно поддержала кампанию Бешеных, указав якобинцам на депутатов-монтаньяров, хотевших выдать вознаграждение в 200 000 франков Монтансье, знаменитой директрисе театра, за убытки, которые она понесла в Бельгии, куда она перевезла свою труппу за некоторое время до измены Дюмурье. Клэр Лакомб не назвала депутатов, которых она имела в виду, или, по крайней мере, отчет о ее речи не называет их, но все их знали. Речь шла о Дантоне и Делакруа.

Заседание коммуны 26 июня также свидетельствовало о силе, которую сохранила партия Жака Ру. Шометт, который теперь был вместе с Робеспьером, прочитав статью в «Journal du Soir» о вчерашнем заседании Конвента, был возмущен тем, что Жак Ру осмелился критиковать новую конституцию и что он обвинял законодателей в том, что «они в этой конституции покровительствуют скупщикам». Многие члены, говорит «Moniteur», поддерживали Шометта и «резко осуждали принципы аббата Жака Ру». Но надо полагать, что другие члены защищали последнего, потому дебаты кончились не так, как этого хотел Шометт. Совет отказался выразить порицание вождю Бешеных. «Он не решился, — говорит Жорес, — резко выступить против человека, который имел твердыню в самом центре Парижа (секцию Гравильеров), и против системы, которую приветствовал народ» [1]. Более того, совет коммуны назначил двух комиссаров, правда, по предложению Шометта, «чтобы поторопить Комитет земледелия Конвента с докладом о средствах удешевления съестных припасов».

Беспорядки в Париже.

Очевидно, что коммуна была озабочена экономическими волнениями, вспыхнувшими в тот же день на пристанях Сены, в Grenouillère, в особенности на пристани Сен-Никола. Прачки при поддержке людей из народа

[1] «Histoire socialiste», Convention, p. 1610.

разгрузили ящики с мылом и разделили между собой товар по цене, установленной ими [1].

При первом известии о беспорядках коммуна выпустила воззвание к населению, указывая ему на агитаторов, которые, говорила она, столковались с разбойниками из Вандеи, «чтобы помешать снабжению Парижа продовольствием, создать там голод, а затем вызвать гражданскую войну». Воззвание угрожало преследованиями тем полицейским комиссарам, которые проявят нерешительность в подавлении преступлений. Честным гражданам предлагалось отправиться с оружием на свои посты, как только забьют тревогу, и беспощадно арестовывать всех тех, которые будут призывать к грабежу.

Прокламация коммуны ничему не помешала. Беспорядки продолжались и на следующий день. Национальная гвардия проявила большое нежелание вмешаться. Многие национальные гвардейцы остались дома. Шесть начальников легионов и главнокомандующий довольно резко объяснились между собой в присутствии собравшейся коммуны. Анрио жаловался, что его приказы не были переданы. Начальники легионов оправдывались тем, что в приказе держать в боевой готовности три резерва не было точно указано время действия. Один член коммуны, который не назван, следующим образом описывает только что начавшийся в Grenouillère грабеж: «Комиссары делали все усилия, чтобы помешать ему, мэр говорил в течение двух часов, он повязался шарфом, но его не слушали, ему приходилось даже лезть в воду, чтобы быть везде и чтобы восстановить порядок, пришлось даже пустить в ход лесть»... Это упоминание о лести вызвало протесты. «Под этим словом я подразумеваю, что употребляли меры кротости и убеждения».

Тогда Любен [2], который также присутствовал при разграблении мыла, заявил, что не подлежит сомнению, что его подстрекатели хотели обесчестить Париж, чтобы потом иметь возможность говорить, что отмена закона военного времени [3] неполитична». «Они имели наглость послать женщин для совершения этих беспорядков, — говорит он, — под тем предлогом, что они не приносили присяги [4]... Да, только *льстя* этим женщинам, мне удалось добиться того, чтобы они выслушали меня, потому что там тогда не было достаточной вооруженной силы». Любен кроме того прибавил, что грабеж имел ничтожное значение. С пристани Сен-Никола унесли всего двадцать брусков мыла, и завладели ими мужчины.

[1] По Кутону, женщины разделили между собой четыре ящика мыла в Grenouillère и восемь на пристани Сен-Никола. Они оценили мыло в 3 ливра 10 су брусок весом от 4 до 5 фунтов («Archives parlementaires», t. LXVII, p. 543).

[2] Любен стал заместителем прокурора коммуны после казни эбертистов. Он погиб позднее вместе с Робеспьером 10 термидора.

[3] Военный закон был отменен 23 июня по предложению Билло-Варена.

[4] Мужчины присягнули конституции, которая предписывала уважение к собственности.

О Жаке Ру не было речи. Играл ли он какую-нибудь роль в беспорядках? Во время беспорядков 25 февраля он открыто взял на себя ответственность. Он призывал к ограблению бакалейных лавок и хвастался этим в заседании коммуны. 26 июня его нигде не было видно. Более того, революционные республиканки, которые шли за ним, в этот час старались помешать расхищению мыла и успокоить прачек [1]. Отдавал ли себе отчет Жак Ру, что беспорядки могут только скомпрометировать его дело? Конвент обещал закон об общей нормировке всех съестных припасов. Было бы неблагоразумно скомпрометировать действие этого обещания преждевременным восстанием.

Впрочем, в секциях происходили волнения, чтобы оказать давление на коммуну и на Конвент. Так, секция Réunion обсуждала 24 июня проблему продовольствия. Когда один член ее предложил просить Конвент послать в департаменты комиссаров, «чтобы побудить наших братьев смотреть на нас не как на людоедов, а как на граждан, которые хотят брататься с ними», другой член секции возражал против этого предложения и требовал, напротив, домашних обысков, «общих обысков на всем пространстве республики, которые должны быть произведены везде в один и тот же день и час». Дебаты возобновились на следующий день, и идея всеобщего обыска была принята [2]. Движение распространилось вглубь. 33 секции согласились через своих делегатов выработать проект нормировки и домашних обысков. 30 июня комиссары этих 33 секций собрались в епископстве вместе с парижскими властями. Выслушав начальника продовольствия города, Гарена, собрание приняло резолюции, которые оно сообщило министру внутренних дел Гара и Комитету общественного спасения. К сожалению, эти дебаты известны нам только косвенным путем, и трудно сказать, до какой степени они были внушены Бешеными.

Обсуждение общего максимума в Конвенте.

Беспорядки нашли себе отклик 27 июня на трибуне Конвента. Тайфер, Кутон, Левассер (из Сарты), Гюйомар, Женисье, Тюрио и др., — все единодушно приписывали беспорядки переодетым контр-революционерам, которые хотели повредить конституции и восстановить департаменты против Парижа. Конвент предложил министру внутренних дел быстро принять меры для прекращения беспорядков и потребовал доклада в Комитете общественной безопасности. Неко-

[1] За это благоразумное поведение они получили поздравления от «общего собрания комиссаров конституционных властей Парижского департамента и секций, происходившего в зале епископства в воскресенье 30 июня 1793 г.». Это собрание упоминается в бумагах Клэр Лакомб (Archives nationales, G. 1001^{13}).

[2] Archives nationales, F^7 2494. Протоколы революционного комитета секции Réunion.

торые члены Конвента понимали, однако, что недостаточно одних репрессивных мер. Тюрио предложил дать администраторам право назначать максимум на съестные припасы. Ему аплодировали, и предложение его тут же было переслано в Комитет общественного спасения.

Денцель жаловался, что декрет 11 апреля, которым запрещалась продажа звонкой монеты, не исполнялся. «Вчера вечером я видел на улице Вивиенн, — говорит он, — людей, которые довели луидор до ста ливров ассигнатами. Я требую, чтобы министр внутренних дел дал отчет об исполнении этого декрета». Вслед за этим не названный по имени член Конвента потребовал закрытия биржи: «Биржа является причиной этого ажиотажа. Каждый день там собираются люди, не имеющие определенного местожительства, которые спекулируют на общественных бедствиях. С тех пор, как мы не ведем торговых сношений с другими странами, биржа бесполезна». В этом заседании Конвент постановил временно закрыть биржу. По предложению Делакруа, Комитету торговли было кроме того поручено сделать доклад «о средствах мешать или наказывать сборища спекулянтов в каком бы то ни было помещении, кроме биржи».

Таким образом то же самое Собрание, которое за несколько дней до этого оказало явное презрение Жаку Ру, мало-по-малу осуществляло его программу.

Депутация прачек явилась жаловаться «на чрезмерную дороговизну предметов первой необходимости, в особенности мыла, свечей, соды»... Прачки были приглашены на заседание, а петиция их передана в Комитет торговли. После этого Малларме, который уже в течение месяца вел кампанию параллельно с Жаком Ру, воспользовался случаем, чтобы вернуться к своему проекту общего максимума: «Я докажу, вопреки писаниям многих экономистов, что продукты могут и должны быть нормированы». После замечаний Билло-Варена и Лежандра, утверждавших, что беспорядки были заранее обдуманы, Конвент сделал новую уступку Бешеным. Он постановил, что его Комитет общественного спасения еще в настоящем заседании сделает ему «доклад по вопросу о том, можно ли в данных обстоятельствах временно разрешить административным органам департаментов или дистриктов установить максимум на съестные припасы и другие предметы первой необходимости». Он прикомандировал Малларме к Комитету общественного спасения, чтобы он сообщил ему свой проект общего максимума.

Затем Гара сделал требуемый от него доклад. Он прочел письмо Паша, из которого видно было, что агитаторы повели кампанию именно после принятия конституции, чтобы посеять смуту в столице.

Сент-Андре поддержал замечания министра, но Бантаболь утверждал, что были попытки вывезти из Парижа необходимое населению продовольствие. Он требовал принятия строгих мер против виновных, предания их суду революционного трибунала, как заговорщиков. Ему горячо аплодировали.

Гара должен был опять взойти на трибуну, чтобы опровергнуть показания Бантаболя. По его словам, хотели вывезти из Парижа только мыло, а «мыло, — сказал он, — не является предметом первой необходимости». Эта злополучная фраза вызвала ропот на трибунах. Затем Гара перешел к проблеме продовольствия. Он не хотел полагаться на свои собственные сведения. Он созвал совещание, состоявшее из парижского мэра, нескольких членов Парижского департамента и департамента Сены-и-Уазы. Совещание почти единогласно высказалось за то, что «самым сильным, самым верным средством обеспечить продовольствие обширной республики является неограниченная свобода хлебной торговли. Это принципиально враждебное отношение ко всякой регламентации не помешало ему, однако, признать другую истину, заключавшуюся в том, «что отмена закона 4 мая имела бы еще бо́льшие неудобства». Эти неудобства состояли «в боязни еще более печальных потрясений, чем все остальные». Поэтому совещание высказалось за сохранение закона с тем условием, что в трех пунктах в нем будут сделаны поправки, указанные Люлье, прокурором, генеральным синдиком департамента:

1. Максимум цен на зерно не будет больше изменяться в каждом департаменте, он становится единым для всей Франции и будет оценен по самой высокой себестоимости.

2. Максимум цен распространяется на муку так же, как и на зерно.

3. Предусмотренные законом 4 мая переписи будут строго исполняться.

В заключение Гара защищался против нападок управляющих продовольствием города Парижа, которые обвиняли его в небрежности. Наконец, он защищал своих начальников бюро, Гильома и Шампанье [1].

Сент-Андре передал в Комитет торговли предложенные Гара три поправки к закону 4 мая.

Из этих дебатов было ясно, что волнения сильно беспокоили Конвент. Малларме и Бантаболь после Тюрио предлагали ему усилить и обобщить максимум. Замечательное дело, ни один из ораторов, даже из тех, которые говорили о контрреволюционных махинациях, не назвал Жака Ру.

Жак Ру у кордельеров.

Если бы Бешеные умели в достаточной мере владеть своей толпой и самими собой, чтобы остановить беспорядки, они может быть добились бы новых уступок со стороны Собрания. Но если Жак Ру даже и не поощрял беспорядков, то во всяком случае он не осуждал их. Его тщеславная душа была полна мести. 27 июня вечером он сделал ошибку, опять начав кампанию против Конвента в такой момент, когда последний, теряя значение, готов был капитулировать.

[1] Текст речи Гара помещен в «Erratum» «Archives parlementaires», t. LXVII, p. 787.

Он отправился на заседание кордельеров, где был встречен возгласами: «Да здравствует Жак Ру! Да здравствуют санкюлоты!» Он взял слово и обрушился на депутатов-монтаньяров: «Ваши представители, — сказал он, — заставили меня испить чашу горечи до дна. Сам Леонар Бурдон [1] упрекал меня в том, что я продажный священник, который льстит народу, обманывая его. Лежандр сказал, что меня надо прогнать. Колло д'Эрбуа извел меня своими оскорбительными ответами. Все сговорились против меня или, вернее, против свободы. Те, которые сопровождали меня к решетке Конвента, оставили меня и отказались от адреса, когда я сказал, что выражаю пожелания Общества кордельеров. Лежандр от вашего имени опровергал меня. «Я знаю принципы этого общества, — сказал он, — оратор обманывает вас. Он выпросил согласие нескольких секций, которые он ввел в заблуждение». Таково поведение Лежандра. Газеты слишком много говорили об этом адресе, который поэтому заслуживает полного внимания общества. Я тем более убежден, что говорил языком народа, что с трибун Конвента раздавался гром аплодисментов, между тем как Гора пылала и шумела в отдалении».

«Эта речь, — говорит «Courrier français» [2], — явилась точно электрической искрой. Она зажгла огонь энтузиазма во всех сердцах. Общество приняло принципы Жака Ру; оно постановило расклеить его адрес и послать его в Конвент, в секции и в административные органы. Эта победа воскресила энергию оратора, судьбой которого, казалось, так интересовались: «Можно ли упрекать меня в том, что я священник? С той уверенностью, которую дает победа. те, которые в настоящее время вменяют мне в вину эту профессию, некогда смотрели на меня как на Иоава, когда я стал во главе революции и завоевал народ для свободы и свободу для народа?»

Кордельер Дюре, тот самый, который в заседании клуба 22 июня возмущался, что «в дни 31 мая и следующие занимались только болтовней», предложил еще раз отнести адрес Жака Ру в Конвент и выразить порицание поведению Лежандра, который был членом общества. Предложение его было поддержано и принято. «А я, — сказал Леклерк [из Оза], — я требую, чтобы Лежандр был без всякого подробного расследования вычеркнут из списков кордельеров. Последний раз, когда он был на этой трибуне, он говорил только пустые фразы. Зачем нам другие доказательства? Разве он не сказал здесь, что он не признает принципов крови, которые исповедуют в этом обществе? Разве он не заявил, что он не может всегда открыто признавать наши принципы? Разве он не мешал успеху мудрых мер, которые мы много раз принимали для уничтожения наших врагов? Это он вместе

[1] Леонар Бурдон был тесно связан с секцией Гравильеров; это и служило причиной возмущения Жака Ру.

[2] «Courrier français» за 1 июля 1793 г. Отчет «Correspondance politique» за 30 июня почти тожествен.

с Дантоном 31 мая и в следующие дни привел нас своим преступным сопротивлением к модерантизму! Это Лежандр и Дантон воспротивились революционным мерам, которые мы приняли в те великие дни, чтобы уничтожить всех аристократов в Париже! Это Лежандр парализовал нас, это Лежандр теперь отрицает наши принципы! Я требую, чтобы без дебатов общество изгнало его из своей среды!» Эта речь была покрыта громом аплодисментов. Со всех сторон требовали от председателя, чтобы он поставил на голосование вопрос об исключении Лежандра. Но председателем был якобинец Руссильон, который боялся, что исключение может повести к разрыву с Горой. Он отказался поставить на голосование это предложение раньше, чем Моморо возразит Леклерку. У Моморо, который был членом Парижского департамента, конечно, были очень передовые социальные взгляды. После 10 августа он распространял в деревнях Эры декларацию прав коммунистического характера, и его даже беспокоили по этому поводу. Но Моморо имел обязательства по отношению к Дантону, который доверил ему миссию после 10 августа. Он напомнил кордельерам «благодеяния Горы», он предостерегал их от слишком поспешных решений, он увещевал их «остаться верными партии истинных патриотов». Возможно, что он настойчиво указывал на опасности раскола среди тех, которые произвели восстание 31 мая. Федералистская опасность не была предотвращена. Один из присутствующих воскликнул: «Друзья мои, раскройте же глаза, у нас нет других союзников, кроме Горы; если мы их лишимся, мы будем раздавлены». «Прекрасные соображения!» — ответили ему присутствующие.

Увещания Моморо не встретили отклика, и он должен был, окончив, поддержать петицию Жака Ру. «Он говорил, что она была составлена в духе самых лучших принципов, но что несколько фраз были плохо истолкованы Горой. Затем он потребовал, чтобы Лежандра выслушали, прежде чем судить его».

Моморо долгое время был председателем секции Марселя, откуда набиралась большая часть кордельеров. Он давал работу в своей типографии значительному числу членов этого клуба. Он был арестован по поводу республиканской агитации, которая кончилась резней на Марсовом поле. Это был ветеран революции. Ему удалось добиться того, что исключение Лежандра было отложено, несмотря на настояния Леклерка, Дюре и некоторых других. Клуб решил, что Лежандр будет приглашен дать отчет о своем поведении. Моморо и Руссильон выиграли время, чтобы заставить действовать якобинцев.

Выступление на сцену Жака Ру, его нападки на Лежандра и на Дантона, угрожающая позиция кордельеров изменили положение вещей. До тех пор волнения по поводу мыла могли казаться местными и изолированными. Теперь надо было опасаться, чтобы Бешеные не взяли на себя руководство ими и не превратили их в широкое восстание против самого Конвента. Экономический вопрос принимал политический характер.

Коммуна и волнения.

Как и надо было ожидать, волнения возобновились 28 июня. Днем Паш заявил в коммуне, которая заседала без перерыва, что у Сен-Лазарской заставы собралась толпа вокруг подводы с мылом. Совет отправил на место происшествия четырех своих членов.

Вскоре после этого секция Пуассоньер дала знать, что толпа хочет разгрузить подводу с мылом, идущую через Париж из Орлеана в Руан. Вскоре явились гражданки и настойчиво просили, чтобы это мыло было выдано им по 20 су фунт. Коммуна единогласно ответила им: «Нет!» Эбер напал на гражданок: «Хотят погубить Париж. Если будут грабить, то город ничего не будет получать. Когда зимой расхищали сахар, вам говорили, что этот товар вздорожает, но этому не хотели верить. Если будут происходить эксцессы, — а они уже начались, — произойдет контр-революция, и у вас будет король». Гражданки, протестуя, заявили, что они не хотят короля. «Я был убежден в искренности ваших чувств, — продолжал Эбер, — мы, как и вы, хотели бы понижения цены товаров. Мы знаем, что нужда велика. Но в одну минуту нельзя излечить столько болезней, в такой момент в особенности, когда золото тиранов все дезорганизует. Счастье может прийти только посредством хороших законов; подождите установления новой конституции. Не срывайте плодов, пока они не созрели. Не верьте интриганам. Вы будете удовлетворены. Ваша нужда будет облегчена. Все честные граждане этого хотят и работают для вашего счастья. Но если будут происходить грабежи, мы своими телами помешаем покушению на собственность».

После того как заведующий продовольствием города Гарен добился того, что один раз в неделю будет производиться проверка количества муки у булочников, а владелец разграбленной на набережной Орсе барки с мылом, некий господин Асселен, явился требовать вознаграждения за убытки, Жак Ру явился в коммуну.

Находясь еще под впечатлением полученных им накануне у кордельеров аплодисментов, он заявил, что пришел уничтожить тех злонамеренных людей, которые оклеветали его по поводу его петиции. Он предъявил полномочия секций, выразителем которых он является, и подтвердил, что он ничего не изменил в тексте, одобренном кордельерами. При упоминании кордельеров поднялся сильный ропот, Жака Ру прервали, и Шометт ответил ему, что его петиция является «призывом к грабежу и к покушению на собственность». Затем Гюйо настаивал на осуждении его за прибавление к своей петиции «самых опасных и противогражданских фраз». Другие члены требовали его исключения из совета, «как виновника всех беспорядков, заставивших граждан опасаться за свое имущество». Обсуждение дела Жака Ру было отложено до следующего дня.

Робеспьер обвиняет Жака Ру в клубе якобинцев.

Коммуна вышла из своего состояния нерешительности. Она, казалось, была склонна начать борьбу против Бешеных. В тот же день и якобинцы в свою очередь высказались. Атаку начал Робеспьер. Он выразил похвалу Парижу, «цитадели свободы». Вносить раздоры в Париж значило играть на руку внутренним и внешним врагам, значило подготовлять поражение революции. И тем он стал петь хвалебный гимн новой конституции, «наиболее народной из когда-либо существовавших». После этого он естественно перешел к тем, которые нападали на эту конституцию, и к их главарю, Жаку Ру: «Клевещут на якобинцев, на монтаньяров, на кордельеров, старых титанов свободы. Под покровом патриотизма человек, в намерениях которого можно по меньшей мере сомневаться, оскорбляет Национальный конвент под тем предлогом, что если конституция не содержит законов против скупщиков, то из этого надо заключить, что она не годится для народа, для которого она составлена. Люди, которые любят народ, не крича об этом, и которые неустанно работают для его блага, не хвастаясь этим, будут очень удивлены, услыхав, что их труд антинароден и что они являются замаскированной аристократией. Этот человек явился на следующий день в клуб кордельеров, в это священное место, на которое патриоты недавних времен смотрят всегда с уважением, смешанным с трепетом. Этот человек осмелился повторить свои ложно-патриотические оскорбления, с которыми он прежде обрушился на конституцию. Здесь нет ни одного из вас, заседающих в этом помещении, который не был бы объявлен самым заклятым врагом того народа, которому он приносит в жертву всю свою жизнь. Наконец, он добился постановления, что этот адрес будет представлен Конвенту; более того, что он будет повторен в епископстве [1], в другом месте, знаменитом теми великими принципами, которые там всегда провозглашались и защищались». При этих словах раздались голоса: «Он был изгнан!» Ободренный этим возгласом, Робеспьер продолжал горячо: «И я говорю, что именно те, которые проповедуют против Горы и Конвента, — единственные враги народа. Когда мы станем бриссотинцами, мы станем жертвами нашего отступничества; но до тех пор остерегайтесь этих интриганов, которые под маской патриотизма стремятся только ввергнуть вас в пропасть, из которой вы только начинаете выбираться. Думаете ли вы, что такой священник, который, в согласии с австрийцами, осуждает лучших патриотов, может иметь совершенно честные и законные намерения? Думаете ли вы, что, если бы ему в течение четырех лет, находясь на Горе, пришлось выносить все атаки, он оказался бы более стойким? Остерегайтесь верить ему, и подвергните его по крайней мере такому же долгому испыта-

[1] Т. е. пред делегатами 33 секций, которые в этой зале обсуждали продовольственный вопрос.

нию. Думаете ли вы, что можно одним ударом победить Австрию, Испанию, Питта, бриссотинцев и Жака Ру? Нет, граждане! Предоставьте нам заботу победить их и не прибавляйте еще ваших стараний к столь многочисленным уже и без того усилиям аристократов и Ролана. Впрочем, честные патриоты увидят, что интриган, который хочет возвыситься на обломках тех сил, которые мы победили, на разных Дюмурье, вместе с дерзостью не приобретает способности, и что он в такой же степени невежественный человек, как негодяй и ложный патриот»... Робеспьер закончил это страстное обвинение похвалой Комитету общественного спасения, который в то время подвергался сильным нападкам.

Колло д'Эрбуа обвинял Жака Ру в том, что он вызвал беспорядки; затем Лежандр выразил сожаление, что Руссильон, председательствовавший в клубе кордельеров в день торжества красного священника, не «выдержал приличествовавшей ему великой роли» и согласился дать ему братский поцелуй: «Если бы мне сказали поцеловать Ж. Ру, это было бы похоже на то, как если бы Бруту велели надеть венок Цезарю, или Британику поцеловать Нерона!» Лежандр представил свое оправдание. «Меня обвиняют в умеренности, когда пишут из Бордо, что я убил Гаде! Меня обвиняют в умеренности, когда во всех газетах пишут, что я схватил Ланжюине за шиворот и выбросил его на мостовую!» Он закончил предложением послать депутацию к кордельерам и расклеить ответ на адрес Жака Ру.

Руссильон оправдывался трудностями, которые ему пришлось преодолеть. В клубе кордельеров его обвиняли в пристрастии, потому что он не хотел поставить на голосование вопрос об исключении Лежандра из списков. Моморо называли аристократом. «Я принужден был поцеловать Жака Ру, но никогда поцелуй не казался мне таким горьким!»

Якобинцы не приняли никакого решения. Но сопротивление увеличилось в следующие дни. На следующий день, 29 июня, коммуна опять принялась за рассмотрение дела Жака Ру. Он не явился на заседание. Коммуна решила, что временно, пока он не оправдается, Жак Ру не будет редактором «Affiches de la Commune» [1].

Жак Ру, отвергнутый кордельерами.

Это был жестокий удар. Но Жак Ру вскоре после этого был отвергнут и самими кордельерами.

В своем заседании 30 июня якобинцы выбрали делегацию из двенадцати членов, которая должна была отправиться в клуб кордельеров, чтобы просветить их относительно изменнических происков поносителя Горы. Дебаты в клубе кордельеров носили бурный характер, но в конце концов победили якобинцы.

[1] Извлечение из протокола дебатов коммуны в деле Жака Ру в революционном трибунале (Arch. nat., W 29; см. также «Moniteur», t. XVII, p. 10).

Эбер «пролил свет истины на голову лицемерного священника, и его маска растаяла, подобно грязи, покрывавшей его голову». Колло д'Эрбуа следующим образом изложил его речь [1]: «Вы жалуетесь, парижане,—сказал Эбер,—вы оплакиваете свое положение. Вы ропщете против своих представителей. Но подумайте о своих братьях из департаментов, которые каждый день просыпаются от грохота пушек, которые каждый день получают пушечные ядра, и у которых нет двух унций хлеба в день».

По словам Колло д'Эрбуа, сторонники Жака Ру «были уничтожены, как жалкие трусы, которые не имели успеха». Однако не все обнаружили такое жалкое поведение; так, например, Леклерк из Оза выступил с защитой Жака Ру, «занявшись гнусными инсинуациями». Но ему досталось. Ему напомнили его неосторожные акты насилия в Лионе, которые дали повод контр-революционерам этого города устроить восстание. Затем было прочитано письмо Марата, которое уже заранее осуждало его.

Якобинцы извлекли большую пользу из только что происходивших выборов для избрания нового командира парижской национальной гвардии. При голосовании умеренный Раффе, командир батальона la Butte des Moulins, получил 4 958 голосов, кандидат же монтаньяров Анрио получил 4 573 голоса. Говорили, что страх, внушаемый собственникам пропагандой Бешеных, отнял голоса у Анрио.

Робеспьер, Моен, Лежандр один за другим взяли слово после Колло д'Эрбуа и Эбера.

Что должно было быть особенно горько для Жака Ру, это то, что в этот критический момент он был отвергнут революционными республиканками. Одна из них, которая не названа, характеризовала священника «как одного из тех людей, которые проникают в секции и которые, употребляя ее выражение, смотря по обстоятельствам, меняют колпак». Она предсказывала, что через три недели карьера его будет кончена.

Жак Ру хотел защищаться. Менее счастливый, чем Леклерк, он не мог заставить себя выслушать. Ему не дали слова среди сильного шума.

Моморо старался успокоить страсти, как и за два дня до этого, но без большого успеха. В конце концов клуб принял исключение Жака Ру и Леклерка, осуждение петиции первого и благодарность Горе, которая честно послужила отечеству.

Варле также чуть было не был исключен, но благодаря его молодости и в память услуг, которые он некогда оказал своими проповедями на площадях, ограничились выражением ему порицания и отрешением его от должности. Он должен был предстать пред следственной комиссией и пока не являться на заседания клуба.

[1] В заседании клуба якобинцев на следующий день.

Торжество Робеспьера и якобинцев увеличилось еще в следующие дни.

1 июля генеральный совет коммуны, «принимая во внимание, что гражданин Жак Ру, священник и один из его членов, оскорбил Конвент в своем предательском адресе, который он недавно туда представил, принимая кроме того во внимание, что гражданин Жак Ру был изгнан из народных обществ и из числа выборщиков за свои антигражданские взгляды, единогласно постановил выразить порицание его поведению» [1].

Марат, который до сих пор молчал, вероятно вследствие своей болезни, посвятил целый номер своей газеты от 4 июля, чтобы составить обвинительный акт против трех главарей Бешеных. «Варле,—говорил он,—может быть, только безмозглый интриган, но маленький Леклерк, очевидно, очень ловкий плут»... Что касается Жака Ру, то он изобразил его как жадного честолюбца, который, чтобы наделать шума, не остановился пред тем, чтобы присвоить себе имя убитого священника из Исси и опубликовать в свою пользу историю покушения на этого честного священника. Он напоминал некоторые секреты, которые он от него слышал, чтобы обрисовать его как ханжу, не верящего в проповедуемую им религию, как «случайного патриота», который хотел сделаться епископом или депутатом. Он обвинял его также в безнравственном поведении, на основании слов одного гражданина из Ангулема, по имени Тессье.

Эта ужасная статья Марата увеличила смелость врагов Жака Ру. Секция Гравильеров, под влиянием Леонара Бурдона и бывшего преступника по имени Трюшон, в свою очередь осудила петицию 25 июня. Она явилась к решетке Конвента в сопровождении оркестра музыки и поздравила Собрание с принятием конституции. Один из учеников заведения, которым заведывал Леонар Бурдон, чего-то вроде пансиона для сыновей жертв войны, произнес маленькую речь против агитаторов и смутьянов. Кордельеры покаялись в заседании 11 июля.

Вскоре красного священника покинули все те, кто выдвинул его. Им заинтересовался революционный комитет гравильеров и допросил по поводу него 7 июля его подружку, вдову Пети [2]. Его враги искали уже против него материалов для судебного преследования.

Довольно странно, что за поражением Жака Ру скоро последовала отмена регламентации. В начале беспорядков по поводу мыла Собрание, казалось, пошло по пути всеобщего максимума. Теперь, когда Жак Ру был побежден и всеми отвергнут, оно уже не заботилось о том, чтобы держать свои обещания. Напротив! Закон 4 мая о максимуме цен на зерно чуть не был отменен. Юридически он продолжал существовать, но фактически он был отменен.

[1] Arch. nat., W 20. Этот текст несколько отличается от текста «Moniteur», t. XVII, p. 27.

[2] Arch. nat., W 20 и F⁷ 2486.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СМЕРТЬ МАРАТА И ПРИНЯТИЕ ЗАКОНА О БАРЫШНИЧЕСТВЕ.

(Июль 1793 г.)

Неудача движения в пользу нормирования цен, предпринятого Бешеными в момент голосования конституции и волнений по поводу мыла в конце июня 1793 г., конечно, должна была повести к временной приостановке государственного вмешательства.

Когда волнения достигли наибольшей силы, 27 июня министр внутренних дел Гара, являвшийся простым отголоском парижских властей, предложил заменить максимум цен для каждого департамента национальным максимумом, который распространялся бы и на муку и на зерно. Монтаньяр Малларме, сторонник нормировки, был прикомандирован к Комитету общественного спасения для подготовки общего закона, устанавливающего тариф на все предметы первой необходимости. Обещания Гара и голосование 27 июня не были исполнены. Как только миновала опасность, Конвент, вместо укрепления закона 4 мая, пробивал в нем все бо́льшие бреши. Малларме не заседал в Комитете общественного спасения, и ему не было поручено представить доклад.

Декреты 1 и 5 июля 1793 г.

Начиная с 1 июля соединившиеся Комитеты общественного спасения и земледелия поставили на голосование декрет, разрешавший административным органам департаментов и дистриктов покупать непосредственно у частных лиц, а не на рынках, как этого требовал закон. Этот декрет, который нанесил жестокий удар максимуму, был поставлен на голосование без дебатов. Такое же разрешение покупать вне рынков было дано 5 июля управляющим военным продовольствием, и в тот же день новый декрет отменил все запрещения вывоза, изданные департаментами, под тем предлогом, что взятие на учет у них не было закончено. Это было крушением всего здания закона 4 мая. Покупки на дому стали общим правилом, так

как земледельцы питали непреодолимое отвращение к привозу своего хлеба на рынок. Фактически это было отказом от принуждения их посредством реквизиций. Будучи тайной, покупка на дому не поддавалась контролю. При таких условиях невозможно было заставить соблюдать таксы. Агенты голодающих городов устремились к земледельцам и наперебой покупали по какой угодно цене, повышая цену и посредством премий перебивая друг у друга продукты. Теоретически рынки всегда устанавливали твердые цены, но покупающие города прибавляли к ним во время отпуска товаров в виде поощрения бо́льшие или меньшие премии. Эмиссары на местах закрывали на это глаза или же сами подавали пример обхода таксы. Так, Колло д'Эрбуа и Изоре, оба большие сторонники таксы, будучи посланы в Эн, чтобы ускорить снабжение столицы продовольствием, в начале августа предупредили Комитет общественного спасения, что они принуждены были обещать земледельцам «поощрительные премии, уплачиваемые в Париже» (письмо от 19 августа).

Таким образом декрет 4 мая 1793 г. о нормировке цен на зерно, повидимому, продолжал существовать только теоретически. Многие из его существенных предписаний были отменены, другие больше не применялись.

Жак Ру и Марат.

Этот результат мог получиться, коммуна и Конвент могли одержать победу над волнениями, вызванными Жаком Ру, Варле, Леклерком из Оза и их сторонниками, лишь благодаря влиянию, которое имел еще на парижское население Друг народа и его газета. Марат резко выступал против сторонников таксы и обливал грязью их вождя Жака Ру. Последний не осмеливался вступать в борьбу. Через пять дней после ужасной статьи 4 июля, в которой Марат обвинял его в самых гнусных преступлениях, Жак Ру смиренно отправился к нему домой, чтобы защищать свою невиновность и сделать попытку оправдаться. Марат принял священника в присутствии своих двух почитателей, американца Гриева и француза Аллена, которые передали их беседу [1].

Марат упрекал его «со стойкостью и словами добродетельного человека» «в ужасных и поистине контр-революционных принципах», которые он проводил в своей петиции Конвенту и в листке [которого мне не удалось видеть]. Он сказал ему, что он нанес «смертельный удар республике». Жак Ру «во вкрадчивых выражениях» уверял, что его намерения были ложно истолкованы. Он прибавил, что «раз конституция принята, он будет считаться с ней и употребит все средства для защиты и для поддержки ее». Но Марат не удовлетворился этим отречением и

[1] Сообщение Блаша в Комитете общественной безопасности и заявление Гриева и Аллена у Tuetey, t. IX, №№ 744 и 545. См. также допрос Жака Ру по поводу предыдущих заявлений в Комитете общественной безопасности 14 июля 1793 г. Tuetey, t. IX, № 746.

этим обещанием. Он заявил священнику, что он больше не верит его словам, и напомнил ему многие их беседы, «в которых Жак Ру проявил себя как ничтожный Тартюф и опасный враг революции» (Гриев).

По окончании беседы Жак Ру, прежде чем спуститься по лестнице, «смерил Марата долгим, полным мести взглядом, который не поддается описанию». После этого он решился представить обществу свою защиту в виде брошюры, которая вышла после смерти Марата [1].

Убийство Марата и его последствия.

Марат был убит Шарлоттой Кордэ 13 июля, через четыре дня после его разговора с главарем Бешеных. Его смерть вызвала сильное возбуждение в Париже и во всей монтаньярской Франции. Не подлежит сомнению, что она оказала сильное влияние на ход событий.

С исчезновением Друга народа освобождалось поле для пропаганды Бешеных, которых он сдерживал до тех пор. К тому же какой прекрасный аргумент давало убийство Марата всем тем, которые требовали террористических мер для борьбы с контр-революционерами! Надо было отомстить за этого мученика свободы, надо было оградить жизнь других вождей патриотов, которым угрожал кинжал аристократов! Надо было перестать щадить мятежников! Таким образом Шарлотта Кордэ устранила препятствия, мешавшие до тех пор осуществлению программы Бешеных.

Заслуживает внимания тот факт, что в самый день убийства требования в пользу таксы смешивались со слезами по поводу кончины Друга народа. В самом деле, в отчете «Moniteur» о заседании коммуны 13 июля мы читаем: «Пришло известие о смерти Марата. Секция Кенз-Вэн потребовала, чтобы совет принял меры для понижения цен на предметы первой необходимости».

Жак Ру поднял голову. Друзья Марата, Гриев и Аллен, пытались скомпрометировать его в деле об убийстве. Они сообщили Комитету общественной безопасности о разговоре, свидетелями которого они были. Жак Ру был допрошен 14 июля, но его объяснения оказались удовлетворительными, и Комитет оставил его на свободе. В следующие дни красный священник опять появился в коммуне. 19 июля он явился туда, чтобы протестовать против нанесенного ему оскорбления после волнений по поводу мыла. Он заметил, что «уже за шесть месяцев до этого выступил из клуба выборщиков [2] и поэтому не мог быть изгнан оттуда», как

[1] Жак Ру позаботился представить на последней странице удостоверение типографии, что брошюра была уже в печати до убийства Марата. Мы перепечатали этот любопытный документ под заглавием «Jacques Roux à Marat» (Жак Ру Марату) в «Annales révolutionnaires» за 1916 г.

[2] Парижские выборщики, которые избрали депутатов в Конвент, продолжали собираться в одной из зал епископства, и это собрание функционировало как клуб.

утверждали. Совет коммуны, впрочем, не должен интересоваться тем, бывают ли его члены в таком-то обществе или нет. Те, которые говорили, что он, Жак Ру, был изгнан из клуба кордельеров, должны были помнить, что за неделю до этого его там приветствовали и увенчали его славой. Если он делал ошибки, то они были следствием «живого воображения». Он просил коммуну снять с него порицание. Он собирался прочесть «справдательные документы», когда его прервал ропот. Он хотел продолжать чтение своих документов, но совет перешел к очередным делам, оставшись при своем прежнем решении. Священник указал на несправедливость этого решения и заявил, уходя, что он напечатает свое оправдание в основанной им газете. Поведение его не похоже было на поведение побежденного [1].

Леклерк и Ру продолжают газету Марата.

Верный своей тактике, надменной и заискивающей в одно и то же время, Жак Ру не терял времени для приобретения той популярности, которой Марат пользовался при жизни. Уже через три дня после его смерти, 16 июля, он выпустил продолжение газеты своего обвинителя и смело назвал ее: «Le Publiciste de la République française, par l'ombre de Marat, l'ami du peuple. Первый номер был обозначен № 243, последний подлинный номер «Publiciste» Марата был обозначен № 242 [2]. В 3-м номере, появившемся в воскресенье 21 июля, он поместил прочувствованную хвалу жертве Шарлотты Кордэ: «Если меня спросят, на каком основании я называю себя наследником патриота Марата, я отвечу, что Горса в своих листках называл меня *Маленьким Маратом*, что эта славная кличка была мне дана в клубе кордельеров в 1790 г...» и т. д. На следующий день, 22 июля, Жак Ру в церкви Saint-Nicolas-des-Champs произнес надгробное слово Другу народа.

Молодой Леклерк из Оза не отставал от него. Он не хотел предоставить одному Жаку Ру честь и преимущество быть продолжателем Марата. 20 июля он поспешил в свою очередь выпустить новую газету, которую смело озаглавил «L'Ami du peuple»; это было заглавие первой газеты Марата.

Таким образом Бешеные, которые до тех пор не имели собственного органа, в настоящее время имели их два, причем оба беззастенчиво приписывали себе патронаж самого популярного из мучеников свободы, который при жизни был самым решительным их противником.

Впрочем, Жак Ру и Леклерк вели свою кампанию в совершенно различном тоне. Точно желая доказать свое раскаяние и чистоту своих намерений, первый поме-

[1] «Moniteur», XVII, p. 182 и Archives nationales, W20 (извлечение из официального протокола коммуны).

[2] № 245 вышел из типографии Лебуа, rue Mouffetard, 386 и Rue Neuve Saint-Médard, № 592. № 246 вышел из типографии Фере, Rue du Marché-Palu, как и следующие.

стил в номере своей газеты от 23 июля восхваление Горы: «Благодарю вас, депутаты Горы, за хорошие и смелые декреты, которые вы только что издали против поставщиков армии и в особенности против администрации по снабжению армии одеждой. Вы целиком принадлежите народу, народ целиком за вас; вы объявили войну спекулянтам и скупщикам, вы — спасители отечества». А через два дня, когда хлеба было мало и когда бесконечные очереди грозно осаждали булочные, Жак Ру проповедывал спокойствие. Он обвинял «негодяев, прикрывающихся патриотизмом, в том, что они разжигают страсти по поводу продовольствия. Они знают, что, говоря ему [народу] о тайно скупленном или скрытом продовольствии, можно вызвать гибельные для свободы действия... Они хорошо знают, что, говоря о голоде, они его тем самым вызывают, содействуют злодейскому барышничеству». За этим шла похвала парижскому мэру Пашу и советы проявить благоразумие и терпение: «Итак, до тех пор, пока клуб кордельеров, который стоит на страже общественного дела, пока общество якобинцев, которое оказало и оказывает столько услуг революции, пока судьи, администраторы, представители вооруженной силы не ударят в набат, народ не должен беспокоиться... Я считаю своим долгом сказать, что те, которые распространяют среди граждан тревогу о продовольствии, берут от 20 до 30 хлебов в день, которые они сжигают или оставляют гнить в погребах, что содержатели гостиниц находятся по большей части в союзе с жителями деревень и передают им, главным образом по ночам, хлеба в 4 и 6 фунтов в обмен на товары, которые те им доставляют... Наконец, я считаю своим долгом сказать, что в сотях в Сен-Клу было найдено несколько хлебов»... Казалось, что, взяв у Марата заглавие его газеты, Жак Ру заимствовал у него также его стиль и его идеи. Теперь он приходил на помощь порядку и властям. Может быть, это была простая хитрость, чтобы усыпить недоверие господ положения, его вчерашних врагов? Может быть, это был простой маневр, чтобы заманить читателей Марата, которых он хотел привлечь на свою сторону?

Как бы то ни было, этот язык радикально отличался от языка его соперника, молодого Теофиля Леклерка. Последний не рассыпался в похвалах сильным. Он и не стрекался. Наоборот! Он выступал против всякой аристократии, как против буржуазной и меркантильной аристократии, так и против аристократии дворянства и духовенства. Он не только не успокаивал народ, но, наоборот, старался возбудить его. Он рисовал ему дороговизну съестных припасов и повышение цен товаров как результат заговора. Он указывал ему «на общественных воров, которые под покровительством закона пользуются плодами своего грабежа», и он высказывал удивление, что «добрый и терпеливый народ не нападает на эту горсть разбойников». Мысль его была ясна. Он толкал к насилиям. В том же самом номере [1] он требовал смертной казни «для всякого, кто посредством преступного

[1] От 23 июля.

коварства будет пытаться избегнуть реквизиций и накоплять предметы первой необходимости; ибо его следует считать убийцей, и тот в самом деле является убийцей народа, кто накопляет в своих амбарах продовольствие, чтобы поставить в зависимость от себя потребителя».

В данный момент парижские санкюлоты были, казалось, более расположены слушать призывы Леклерка, чем советы Жака Ру. Общество революционных республиканок, которое исповедывало культ Марата, все более стало подпадать под влияние Леклерка, который вскоре женился на их секретаре, Полине Леон. С тех пор число петиций общества в коммуну и в Конвент увеличилось. 24 июля, например, оно требовало от коммуны принятия мер против скупки угля. Вполне понятно, что Леклерк в своей газете от 4 августа высказал похвалу обществу и рассчитывал на него, чтобы пробудить народную энергию.

Общество защитников республики, которое играло такую важную роль в феврале 1793 г., во время первой кампании за введение таксы, и которое затем сошло со сцены, опять появляется после смерти Марата и поддерживает усилия революционных республиканок [1].

Таким образом смерть Марата послужила сигналом пробуждения социальной агитации, вдохновителями которой были Бешеные. Как внешние, так и внутренние обстоятельства особенно благоприятствовали этой агитации, которая с каждым днем становилась все более угрожающей. 18 июля «синие» потерпели поражение в Вандее, в Вийе и в Короне. 12 июня сдался Конде; 23-го Майнц сдался в свою очередь, а 31 июня Валансьен последовал его примеру. Великая австрийская армия Кобурга, поддерживаемая англо-голландской армией, приближалась к плотине Уазы по дороге к Парижу. Вскоре стало известным, что Тулон сдался англичанам.

Усиление нужды.

В самом Париже нужда все более и более обострялась, потому что восставшие департаменты Нормандии и Бретани прекратили свой подвоз. 12 июля командующий национальной гвардией Анрио должен был распорядиться послать патрули, чтобы рассеять скопища у булочных. Вопрос о продовольствии беспрерывно рассматривался в коммуне. 18 июля по настоянию Шометта коммуна предложила своему продовольственному органу докладывать ей каждый день об имеющемся на рынке количестве муки. Муниципальному органу было предложено в свою очередь требовать каждые две недели отчета о состоянии подвоза зерна и муки. В тот же день секция Арси жаловалась на недостаток хлеба и требовала принятия мер против этого. Чтобы успокоить население, коммуна уверяла, что

[1] Так, 25 июля оно сообщало коммуне, что 27-го, в 4 часа пополудни, оно устраивает собрание.

все меры приняты, но через два дня, 20 июля, секция Санкюлотов жаловалась в городской думе, что многие булочники закрыли свои булочные. Управляющий продовольствием Гарен считал недоброжелательство причиной господствовавшего в столице искусственно созданного голода. В тот же день на площади Мобер «народ, взбешенный дороговизной яиц, набросился на этот товар и перебил все выставленные для продажи яйца». Коммуна решила, что каждая секция поставит двух часовых у дверей булочных и что два гражданских комиссара будут присутствовать при раздаче хлеба.

Положение было настолько серьезно, что правительство обеспокоилось. Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности собрались вместе 20 июля, и они совместно и «по заявлениям членов, составляющих Комитет общественного спасения Парижского департамента», «принимая во внимание необходимость немедленного успокоения умов населения и разъяснения ему, что распространением ложных слухов стараются посеять тревогу относительно состояния продовольствия, постановили, что продовольственное управление Парижской коммуны выдаст булочникам в течение дня 21 текущего июля 2 400 мешков муки в 325 фунтов» [1]. В этом постановлении чувствуется боязнь восстания.

Билло-Варен вносит закон против скупок.

Конвент в свою очередь счел нужным вмешаться. В тот же день, 20 июля, депутация от общины Экуан, близ Парижа, явилась к решетке Конвента требовать введения таксы на все предметы первой необходимости. Тогда взошел на трибуну Билло-Варен: «Надо заниматься не таксой на предметы первой необходимости, а скупщиками и ажиотажем, этими злополучными источниками народной нищеты». Билло таким образом относился враждебно к максимуму. Он, без сомнения, считал его недействительным и опасным, но он понимал, что максимуму нужно отдать некоторую дань, поэтому он опять предложил тот закон против скупщиков, который обсуждался уже со времени беспорядков весной 1792 г. и находился все в том же положении.

Усвоив на один момент язык Бешеных, он требовал смертной казни для скупщиков. Собрание, которое не больше самого Билло желало максимума, приняло, однако, его предложение, как счастливую диверсию. Оно решило, что комиссия из шести членов в кратчайший срок представит ему закон об ажиотаже.

[1] Archives nationales, AF II 69, дело 508. Постановление подписано Эро-де-Сешелем, Гаспареном, Барером, Prieur de la Marne, Кутоном, Тюрио от имени Комитета общественного спасения, Гюффруа и Энграном от имени Комитета общественной безопасности.

Доклад был сделан 26 июля Колло д'Эрбуа, который ссылался на пример американцев и на необходимость предупредить голодные бунты [1]. После кратких дебатов закон был на следующий день принят. Он говорил, что скупка есть «уголовное преступление», и определял скупку как деяние, совершаемое купцами, чтобы изъять из обращения товары или предметы первой необходимости, «не пуская их каждый день открыто в продажу»; деяние, совершаемое частными лицами, с намерением добровольно уничтожить товары и предметы первой необходимости: «хлеб, мясо, вино, жиры, муку, овощи, фрукты, масло, уксус, квас, водку, уголь, сало, дрова, растительное масло, соду, мыло, мед, сахар [2], соль, сушеное, копченое, соленое или маринованное мясо и рыбу, пеньку, бумагу, выделанную и невыделанную шерсть, кожи, железо и сталь, медь, сукна, полотно и вообще все материи а также сырье, служащее для их изготовления, за исключением шелковых материй». Все владельцы товаров, обозначенных как предметы первой необходимости, были обязаны в течение недели заявить о них в мэрии. Муниципалитеты имели право назначать комиссаров по делам скупки, чиновников, оплачиваемых за счет штрафов и конфискаций. Они должны были проверять декларации коммерсантов и следить за тем, чтобы товары эти продавались «небольшими количествами всякому». В тех случаях, когда купцы отказ жутся продавать свои товары, муниципалитет имеет право затребовать их фактуры и контракты. Комиссар по скупкам должен сам приступить к продаже в месте торговли купца и должен передать последнему полученные суммы. Купцы, которые не сделают декларацій в указанный срок, «будут объявлены скупщиками и, как таковые, подвергнуты смертной казни и конфискации». Авторы ложных деклараций и чиновники, нарушающие закон, также подлежат смертной казни. Доносители получают в вознаграждение третью часть конфискованного имущества. Наконец было оговорено, что приговоры, вынесенные уголовными судами по поводу указанных преступлений, не подлежат кассации.

Новый закон считался еще со свободой продажной цены. Но это был уже большой шаг вперед по направлению к системе Бешеных. С этого времени все предметы первой необходимости находились под надзором властей. Торговой тайны больше

[1] «Annales de la République française» рассказывают в своем номере от 24 июля, что двенадцать булочников были арестованы за то, что продали за заставой муку, которая дана была им для удовлетворения своих парижских покупателей. «Journal de la Montagne» от 23 июля передает точно так же, что на рынке Сен-Мартен купец, который хотел продавать свой сыр по 10 су звонкой монетой за штуку, подвергся оскорблениям, и что его покупатели вымазали ему лицо его же сыром. Та же газета передает также, что один гражданин был убит 21 июля на улице Гравильеров, защищая свой хлеб в 6 фунтов, который он купил для своей семьи. Другому гражданину отрезали руку в тот же день на улице Froidmanteau. Беременная женщина была ранена и ребенок ее задушен в чреве ее, и т. д.

[2] Сахар был включен в список по предложению Робеспьера. Конвент отказался присоединить к нему кофе.

не существовало. Комиссары по скупкам должны были посещать погреба, амбары, склады. Торговцы были отданы под надзор революционной полиции. Они сохраняли право устанавливать цену на свои товары, но они обязаны были постоянно пускать их в продажу. Власти имели право затребовать их фактуры, их списки, справляться об их прибылях. В случае отказа купцов продавать комиссар по скупке продаст вместо них по рыночной цене.

Конвент надеялся, что посредством этой строгой регламентации ему удастся избегнуть максимума, которого он боялся. Он думал даже, что ему удастся через короткое время отменить закон 4 мая, против которого беспрестанно раздавались протесты, хотя он существовал только в теории.

Пожелания первичных собраний.

Многочисленные первичные собрания, которые сошлись для одобрения новой конституции, обсуждали также проблему регламентации съестных припасов. 83 из них категорически высказались против всякого максимума по следующим мотивам: максимум наносит ущерб крестьянину, понижая стоимость его продуктов. Он продает свой хлеб по твердой цене, когда все другие товары и заработная плата постоянно увеличиваются. Он по-своему протестует против этой несправедливости, пряча свой товар. Он дезертирует с рынка. Недостаток товаров не имеет других причин.

Первичные собрания, просившие о сохранении закона 4 мая, составляли меньшинство. Некоторые из них, расположенные в прилегавших к Парижу районах, требовали принятия энергических мер против фермеров-скупщиков. Безевиль в департаменте Эры предлагал соединить вместе все продовольственные запасы республики. Неимущие будут брать на учет урожаи, а муниципалитеты установят норму потребления своих жителей. В Париже будет функционировать центральный продовольственный комитет, который будет снабжать продовольствием нуждающиеся города и села посредством реквизиции: «Сделайте этот большой переворот,— говорится в адресе этой коммуны Эры, — объявите собранный урожай национальной собственностью!» Но это мнение, согласное с системой Бешеных, составляло исключение [1].

Движение против максимума.

Агенты, которых министр внутренних дел послал в провинции для получения сведений о состоянии урожая и о политическом положении, почти единогласно

[1] L. Riffaterre, Les revendications économiques et sociales des assemblées primaires de juillet 1793 («Bulletin de la Commission de l'histoire économique de la Révolution», 1906, № 4).

сообщали ему, что необходимо отменить максимум на зерно. Так, например, Фукар писал из По 15 июля: «Такса на зерно приносит здесь большой вред. У нас скоро будет ощущаться недостаток в хлебе. Это тем более печально, что ассигнаты теряют 76%. Невозможно жить. Я трачу на свою лошадь и на себя 17 ливров в день. Фунт отвратительного хлеба стоит $5^1/_2$ су. Обед обходится в 50 су. Судите об остальном» [1]. Те же мотивы звучат в письмах Гарнье, который объезжал департамент Алльe.

Но еще более характерны письма эмиссаров Конвента. Даже автор закона 4 мая, Филиппо, в письме из Тура от 17 июля признает, что закон о максимуме, «который должен был быть благодетельным, оказался пагубным, благодаря тому, что администраторы расходились относительно способа его исполнения». Его письмо Конвентом было послано для рассмотрения в Комитет общественного спасения.

В конце июля в больших городах происходили сильные волнения; причиной их был голод. Так Эню-ла-Валле и Лекуантр пишут 8 июля из Руана, что народное восстание неизбежно: «Это вопль от голода, и на этот вопль народу можно ответить, только дав ему хлеб... Предоставляем вам судить, не приведут ли к гибели всего эти движения, столь сходные с восстанием в Эре и Кальвадосе». 26 июля Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности собрались вместе, чтобы обсудить народные волнения, вспыхнувшие за несколько дней до этого в Амьене из-за продовольствия, на которое произвольно назначена была такса. Оба эмиссара, Андре Дюмон и Франсуа Шабо, которых на этом же заседании послали в Амьен, с трудом восстановили порядок.

Спустя два дня, 28 июля, на трибуне Конвента завязались дебаты по поводу закона 4 мая. Был прочитан адрес департамента Тарна, в котором отмечались печальные результаты таксы. Многие члены заявили, что голод свирепствует не только в Тарне, но что он довольно силен в Ло и в Ландах. Другой депутат, наоборот, защищал таксу и требовал отмены декретов 1 и 5 июля, которые разрешили комиссарам городов и административных органов покупать вне рынков. Собрание не приняло никакого решения. Оно передало дело в комитеты земледелия и торговли.

Дебаты возобновились 30 июля. Дюкенуа жаловался, что эмиссары Конвента при северной армии нарушали закон 4 мая, закупая по какой угодно цене зерно в дистрикте Бетюн. Дюгем ответил ему, что закон 4 мая причинил много зла и что невозможно было бы при соблюдении его снабдить продовольствием пограничные места. Но Делакруа, друг Дантона, прервал Дюгема: «Я требую, чтобы Дюгем замолчал и изложил свои доводы в Комитете общественного спасения». Но Дюгем заупрямился: «Надо довести до всеобщего сведения, что закон 4 мая убил границу». Многие члены поддержали его, и спор закончился вторичной передачей вопроса в Комитет общественного спасения. Было очевидно, что Конвент не решался принять какое-либо решение единственно из опасения вызвать новые волнения в Париже в такой момент, когда парижские секции волновались по поводу требования об открытии и ревизии муниципальных магазинов. Это соображение, которое мешало Собранию действовать, еще больше обнаружилось на следующий день.

[1] Pierre Caron, Rapports des agents du ministère de l'intérieur, t. I, p. 385 etc.

В этот день, 31 июля, Гара сообщил список администраций тех департаментов, которые отказались установить максимум или приостановили его, или же требовали отмены его. Он закончил следующими словами: «Жадность владельцев зерна, неповиновение некоторых администраций сделали из этого закона голодный закон для всех департаментов, которые вынуждены получать зерно вне своих округов». Мозз Бэйль безоговорочно поддержал замечания министра и потребовал немедленной отмены всяких такс. Но Бантаболь, вполне признавая недостатки закона, не хотел ставить на голосование вопрос об отмене его раньше, чем будут приняты меры, чтобы помешать злоумышленникам спекулировать на народном продовольствии. Жакоб Дюпон шел еще дальше. Он заметил, что критикуемый закон, однако, «принес много пользы», потому что «без него снабжение армии продовольствием стоило бы колоссальных сумм». Если он будет отменен, спекуляция доведет цену зерна до чрезмерной высоты. Он прибавил, что закон был принят после зрелого обсуждения, что авторами его были патриоты Горы и что они навязали его бриссотинцам.

Девар полагал, что возможно улучшить закон, не отменяя его. Дюгем указывал на недостатки существующей системы покупок и требовал отмены административного вмешательства.

Тогда Робеспьер, который всего только последние четыре дня состоял членом Комитета общественного спасения, выступил с изложением мысли правительства: «Недостатки закона о максимуме, — сказал он, — дают себя чувствовать во многих местах, и злоумышленники, которые злоупотребляют самыми лучшими законами, воспользовались этим законом, чтобы устраивать свои заговоры. Однако недостаточно необдуманно отменить закон, надо заменить его более разумными мерами. Я требую, чтобы сделанное вам предложение было отложено, потому что Комитет общественного спасения в настоящее время обсуждает проект, который без сомнения уничтожит преступные замыслы заговорщиков и обеспечит довольство и общественное благосостояние». Конвент решил отложить вопрос, предписав комитетам земледелия и торговли и общественного спасения представить ему через три дня «проект об изменении и дополнении закона 4 мая и обеспечении снабжения рынков продовольствием».

Это голосование, казалось, наносило смертельный удар таксе, и именно так его и толковали. В это время в Париже находился делегат тулузского муниципалитета, некий Фабье. 11 августа он писал якобинцам Тулузы: «Я сегодня еще раз

заходил в Комитет земледелия и торговли, чтобы повторить им ваши ходатайства о продовольствии. Максимум был бы уже отменен, если бы не вчерашний праздник, но он скоро будет отменен» [1].

Однако надежды противников таксы не осуществились. Комитет общественного спасения, без сомнения, исполнил обещание, данное Робеспьером. Он представил новый закон, закон об устройстве государственных зернохранилищ, который был принят 9 августа, но закон 4 мая не был отменен. Наоборот, вскоре он был расширен и подкреплен.

Чем это объясняется? Не надо искать других причин, кроме серьезных забот, которые причиняла Собранию агитация секций, начавшаяся в последних числах июля и становившаяся все сильнее до праздника 10 августа. Эта агитация, мало известная, соединенная с политическими интригами, заслуживает особого изучения.

[1] A d h e r, Le comité des subsistances de Toulouse, p. 6.— 9 августа в Конвенте было читано письмо якобинцев Тулузы, которые обвиняли департамент Жиронды в том, что он не установил максимальных цен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

АГИТАЦИЯ В ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЯХ В АВГУСТЕ 1793 Г.

Дело Кошуа.

Члены Комитета общественного спасения, во главе с Робеспьером и Барером, всегда говорили, что максимум был им навязан контр-революционной интригой. Они неоднократно обвиняли «иностранных агентов», которые, если верить им, пользовались голодом, чтобы вызвать волнения и вынудить общественные власти к принятию таких крайних мер, которые могли скомпрометировать республику. Они смотрели на главарей партии Бешеных, т. е. партии сторонников таксы, Жака Ру, Варле, Леклерка из Оза, как на подозрительных коноводов, которые не остановились бы пред объединением с врагами режима.

Историки вообще не обращали внимания на эти обвинения, упорно, однако, повторявшиеся государственными людьми, которым пришлось управлять Францией в особенно критический момент. Однако довольно невероятно, чтобы члены Комитета общественного спасения сочинили целый фантастический роман для того, чтобы избавиться от неудобной оппозиции. Надо рассмотреть их обвинения, проверить их справедливость и значение. Но это возможно сделать только посредством внимательного и подробного изучения продовольственных кризисов и политических волнений, которыми они сопровождались в столице.

В конце июля 1793 г., в промежутке между старым и новым урожаем, снабжение Парижа продовольствием стало чрезвычайно затруднительным. Булочники, плохо снабжаемые коммуной, которая доставляла им исключительно муку, не могли удовлетворять своих покупателей. Лавки их уже с рассвета осаждались публикой, и, чтобы предупредить беспорядки, коммуна уже с 20 июля принуждена была поставить караул у дверей булочных.

Жалобы секций, выразителей общественного мнения, все усиливались, и вскоре они стали обвинять муниципалитет. 26 июля секция Друзей отечества (квартал Porte-Saint-Denis) потребовала ареста управляющих продовольствием города, Гарена и Дефаванна, которых она считала виновными в недостатке хлеба.

Управляющий продовольствием Гарен.

Прежний булочник Гарен был назначен управляющим продовольствием 28 февраля 1793 г., вскоре после того, как Паш вошел в мэрию. Партия монтаньяров или санкюлотов возлагала на него большие надежды, потому что Гарен имел революционное прошлое. Он принадлежал к выборщикам 1789 года, которые играли такую большую роль во взятии Бастилии. В июне 1790 г. он сотрудничал в «L'Ami du peuple». Марат поздравил его тогда с тем, что он понизил цену хлеба. Он продавал его по 11 су за хлеб, который другие булочники продавали по 12 су [1]. Но, став управляющим продовольствием города, несчастный Гарен очутился в довольно тяжелом положении. Магазины были пусты. Он должен был снабжать их от одного дня до другого. Момент был неблагоприятен для покупок из-за мартовского посева [2]. И вскоре на Гарена посыпались нападки, тем более, что он требовал от своих подчиненных точного исполнения своих обязанностей. Он имел неосторожность уволить 4 апреля двоих из своих подчиненных, Франсуа Бушо и Норбера Шардоне, у которых была сильная поддержка. В жестоком памфлете они обвиняли его в фаворитизме и в несправедливости. Им удалось заинтересовать в своем деле самого Марата, прежнего друга Гарена.

В номере своего «Publiciste» от 21 апреля 1793 г. под заголовком «Голод» Марат начал первую атаку, полную угроз. «Прошло не больше месяца с тех пор, как господин Гарен, прежний булочник, а ныне управляющий продовольствием Парижа, явился в Общество кордельеров, чтобы заверить его, что он облечен этой важной должностью, в которой он намерен раскрыть все злоупотребления и все беспорядки; что, благодаря его заботам, Париж на полгода обеспечен продовольствием, что он положительно уверяет в этом. Я просил его сообщить мне через несколько дней о злоупотреблениях и беспорядках. Он дал мне формальное обещание. И тем не менее он с тех пор хранит глубокое молчание, а сегодня у дверей булочных стоят толпы, и есть опасение в недостатке продовольствия. Таким образом Гарен или лгал, или совершал подлог. Я прошу его объясниться. Если он откажется, я буду преследовать его как интригана. Я многое могу поставить ему в вину». Гарен ничего не ответил.

Закон 4 мая, устанавливавший первый максимум на зерно, ухудшил его положение. Под предлогом переписи, соседние с Парижем департаменты задерживали

[1] См. «L'Ami du peuple» от 14 и 17 июня 1790 г. 17 июня Гарен умоляет Марата поддержать его против его собратьев, которые были враждебно настроены по отношению к нему. 24 июня он сообщает Марату, что он опять понизил цену хлеба.

[2] См. защиту Гарена его коллегой Дефаванном в брошюре «Favanne, administrateur adjoint des subsistances, aux 48 sections», Paris, le 6 Juillet 1793 (Bibl. nat., Lb[41] 731). См. также «François Bouchot et Norbert Chardonnet à leurs concitoyens», 22 p. s. d. (Bibl. nat., Lb[41] 2963, in 4°). Бушо был хранителем магазина на улице Seine-Saint-Victor, Шардоне занимал должность контролера.

его обозы [1]. Голод становился более угрожающим. Вскоре прокурор-синдик дистрикта Корбейль выразил протест против чрезмерно высоких цен, которые Гарен разрешил продавцам. Этот прокурор-синдик, некий Ф. Кор, был в сношениях с Маратом [2]. На этот раз Гарен ответил: покупки, сказал он 1 июля, был, сделаны до закона 4 мая, Кор исказил ход событий. На этот раз Гарен жаловался что министр внутренних дел не стремился к исполнению закона, особенно в вопросе, касавшемся учета.

Так как положение не улучшалось, а, наоборот, ухудшалось, недоверие к Гарену все усиливалось. Его обвиняли в том, что он был «виновником декрета (4 мая) о максимуме». Его друг и коллега Дефаванн защищал его от этого неожиданного упрека в брошюре от 6 июля [3]: «Где же хлопоты, где выражено мнение, на основании которых можно было бы этому поверить? Я всегда видел, что Гарен был такого же мнения по этому вопросу, как и все благомыслящие люди. До введения закона он, как и они, был встревожен страшной дороговизной зерна и муки, и в то время, как и позже, он думал, что максимум мог бы иметь хорошие результаты, если бы Национальный конвент установил его сам, а не предоставил установление его произвольному усмотрению департаментских администраций, если бы приняты были во внимание причины, почему он должен быть различным в различных департаментах, и если бы не было всех тех препятствий, которые были установлены из осторожности, и которые, если закон не будет скоро изменен, неизбежно создадут голод (а мы быстро приближаемся к нему, увы!), — и все это, несмотря на имеющиеся в республике огромные запасы зерна»... Этот способ защиты Гарена показывает, что последний скорее поневоле мирился с максимумом, но не был его сторонником. Можно понять поэтому, что он с тех пор подвергался нападкам Бешеных, которые видели в нем скрытого противника их политики: но трудно понять, почему нападал на него Марат, враг Бешеных.

Напрасно Гарен пытался свалить ответственность за голод в Париже на министра внутренних дел Гара. Его неоднократные нападки на Гара не дали другого направления вопросу, как он надеялся [4]. В конце июля мы видим бурное выступление секций против Гарена и против коммуны, которая защищала его.

[1] См. оправдательные документы оправдательного доклада Гарена и Дефаванна, «Paris sauvé par l'administration des subsistances» («Archives parlementaires», t. LXIX, pp. 558 et suiv).

[2] См. в номере от 10 мая 1793 г. «Publiciste» донос Кора на компанию Винтер, поставщиков артиллерийских повозок.

[3] «Favanne, administrateur adjoint des subsistances, aux 48 sections, prenant fait et cause de Garin» (Bibl. nat., Lb[41], 731).

[4] См. «Paris sauvé», конец цитированной уже брошюры Дефаванна, и заявления Гара Конвенту 23 июля.

Кошуа и агитация в секциях.

Инициатива принадлежала секции Борепер, прежде Терм-де-Жюльен, которая 29 июля выпустила воззвание ко всем другим секциям с предложением назначить по два комиссара, которые должны собраться в епископстве и потребовать у коммуны книги покупок, а также открытие и проверку магазинов зерна и муки [1].

Секция Борепер имела установленную репутацию умеренной и даже фельянской секции. Во время процесса короля она по различным поводам высказывала свои симпатии к Людовику XVI. 31 мая, когда коммуна хотела арестовать Ролана, жившего на ее территории, она взяла под свое покровительство экс-министра [2]. Несколько позднее секция пыталась прийти на помощь мадам Ролан, когда она в свою очередь была арестована [3]. И по странному совпадению, человек, который защищал Роланов и который дал им убежище, архитектор Александр-Пьер Кошуа, был также вдохновителем воззвания секции Борепер к другим парижским секциям с целью поднять их против коммуны.

39 секций из 48 поспешили последовать за секцией Борепер. Уже 31 июля их комиссары собрались в епископстве, выбрали Кошуа секретарем и составили в противовес муниципалитету революционную контролирующую и угрожающую власть. Они [4] тотчас же приняли целый ряд решений, обнаруживавших существование давно уже обдуманного и выработанного плана кампании.

Они решили: 1) предложить управляющим городским продовольствием представить им в трехдневный срок сведения о состоянии снабжения; 2) назначить комиссаров, которые должны потребовать книги покупок и доставок; 3) эти комиссары должны велеть открыть все магазины и установить их содержимое; 4) наконец, они должны составить отчет о покупках и доставках, а также о распределении и о ценах.

На следующий день, 1 августа, 24 назначенных накануне в епископстве комиссара [5] направились в директорию департамента. Председатель директории,

[1] См. совещание Комитета общественной безопасности Парижского департамента 29 июля у Tuetey, Répertoire, t. IX, № 1113.

[2] См. Tuetey, Répertoire, t. VIII, № 2997.

[3] Tuetey, Répertoire, t. X, № 372. 24 июня 1793 г. инспектора полиции, которым поручено было арестовать мадам Ролан, явились в квартиру Кошуа, где она жила. См. также «Mémoires de m-me Roland», édition Dauban, p. 283.

[4] См. листок, озаглавленный «Les commissaires des 48 sections de Paris, convoqués pour obtenir l'état des subsistances à leurs commettants. Rapport de ce qui s'est passé dans leurs séances et missions depuis le 1 août 1793», 10 pages in 4° (Bibl. nat., Lb^{40} 3334).

[5] Вот имена комиссаров: Брюне, Девойо, Кошуа, Латтьер, Олливо, Пукландри, Дебьерн, Массоне, Менфруа, Дьепп, Доливье, Коке, Россиньоль, Мартен, Изамбер, Дюкроке, Жакмен, Берто, Де Ламарр — торговец лимонадом, Кердасье, Лежен, Лебель,

которым был Дюфурни, друг Дантона, ответил им, что департамент немедленно обсудит их требования. Но оратор, говоривший от их имени, Кошуа, не удовлетворился этим ответом. «Он заметил, что нет никакого повода для обсуждения вопроса» членами департамента. «Раз народ высказал свою волю, его представители становились здесь простыми зрителями результатов его действий». Другими словами, комиссары секций были истинными выразителями воли народа, департаменту же оставалось только пассивно подчиняться им. «Это замечание было принято к сведению, — говорит протокол, — и депутаты (т. е. комиссары секций) были приглашены на заседание после того, как были засвидетельствованы их полномочия».

Из департамента комиссары отправились в муниципалитет: «Мы пришли от имени взволнованного народа, — сказал их оратор Кошуа, — сообщить вам его твердую волю узнать состояние продовольствия». Здесь они встретили определенно враждебный прием. Заместитель прокурора коммуны Реаль, который впоследствии стал графом при империи, прервал его, сказав, что «подобное действие связано с массой неудобств и что оно могло быть вызвано только врагами общественного блага; что секции чисты, но что иностранное влияние в настоящий момент сеет смуту; что администрации обязаны всеми силами воспротивиться тому, чтобы их действия вызвали тот результат, которого от них ждут; что они уже два раза помешали подобным проектам комиссаров секций [1]; и что к тому же они скорее готовы сложить свои головы на плаху, чем допустить открытие магазинов и печатание подобных отчетов».

Но оратор секций не испугался вето Реаля. Он повторил то, что сказал в департаменте: «Мы не пришли сюда предложить вам в какой бы то ни было форме обсуждать волю народа, мы принесли приказы тех, кто облек вас доверием, и вам остается только повиноваться». Протокол отмечает, что «это решительное заявление вызвало некоторое замешательство в собрании».

Один член коммуны, Буше-Рене, «нашел здесь юридическую ошибку, ибо, полагал он, граждане муниципалитета даже в массе подчинены еще своим администраторам и могли требовать у них отчета только в установленное законом время и по форме». После этого замечания Реаль опять взял слово и набросился на «этих злоумышленников, которые надоедают секциям». Дюнуи присоединился к Реалю «в его

Дюпе и Тампоне. Олливо председательствовал в Обществе революционеров 10 августа, о котором было сообщено якобинцам как о контр-революционном; Дюкроке впоследствии был комиссаром по скупкам в секции Французского театра; он погиб вместе с эбертистами. Доливье является, может быть, прежним священником из Мошана, автором «Essai sur la justice primitive».

[1] 33 секции послали уже своих комиссаров в епископство в конце июня, чтобы столковаться относительно продовольствия. Слова Реаля показывают, что подобное собрание имело уже место до этого случая.

нападках на граждан, которые в секциях привлекают внимание к продовольственному вопросу». Реаль напал на оратора депутации Кошуа и на секцию Борепер, которая делегировала его. Мэр сказал ему, «что он с грустью замечает, что секция Борепер всегда первая старается распространением тревожных слухов о продовольствии вызвать волнения в республике». Эта выходка возмутила других комиссаров. Кошуа горячо возразил, что приводимые Реалем факты неверны. Реаль, поддерживаемый гражданином Мерсье, в свою очередь возразил. Они обменялись оскорбительными выражениями. В конце концов Реаль потребовал у делегатов их мандаты. Кошуа вручил ему 39 протоколов секций.

Из городской думы часть комиссаров отправилась в Комитет земледелия Конвента. Там их хорошо приняли. Им посоветовали, в случае отказа муниципалитета исполнить их просьбу, подать петицию в Конвент. При этом прибавили, что комитет «занят разработкой большого проекта о продовольствии».

Затем комиссары отправились в Комитет общественного спасения. Была уже полночь. Гражданин мэр выходил из комитета. Реаль принес туда полномочия комиссаров секций. После аудиенции Реаля, которая продолжалась полчаса, Комитет велел ввести делегацию; он уверял ее, что поддержит ее требования, потому что они важны, справедливы, и что нельзя отказаться уважить их. Однако он заметил, что ввиду некоторых обстоятельств, т. е. празднования великой Федерации 10 августа, которое уже близко, лучше отложить на 12-е или 15-е число проверку и открытие магазинов. Комитет затем прибавил, что Конвент принял все меры предосторожности, чтобы облегчить прибытие зерна и муки, и комиссары ушли, довольные оказанным им приемом и полученными уверениями.

Когда знаешь, что Комитет общественного спасения чувствовал предубеждение против Гарена, нападавшего на министра Гара, когда вспоминаешь, что Комитет арестовал Гарена 29 июля и освободил его через 48 часов только по настоянию коммуны, то можно понять, что он не ответил отказом комиссарам секций. Комитет общественного спасения разрабатывал тогда в согласии с Комитетом земледелия проект закона о государственных зернохранилищах, вотированный 9 августа по предложению Барера. Он надеялся иметь возможность через короткий срок отменить закон 4 мая о максимуме на зерно, который он считал гибельным. Но больше всего он хотел оградить столицу от волнений в тот момент, когда делегаты первичных собраний всей Франции привезут ему с собой ратификацию новой конституции. Поэтому он не мог вступить в конфликт с парижскими секциями, в особенности по такому деликатному вопросу, как продовольствие. Вот почему он дал столько прекрасных обещаний их комиссарам. Получив от них отсрочку до 12 или 15 августа для ликвидации их конфликта с муниципалитетом, он выигрывал время, а это было наиболее важно для него. Комиссары были очень наивны, вообразив, что они в своих интересах восстановили Комитет против коммуны.

В то время, когда они были в Конвенте, некоторые из их коллег вечером 1 августа отправились к управляющим городским продовольствием Гарену и Дефорнну. Они подвергли Гарена настоящему допросу. Гарен ссылался на трудности транспорта — военные обозы мешали его операциям, на нежелание и бездеятельность министра внутренних дел, который не проявлял достаточной энергии по отношению к местным администрациям.

На следующий день, 2 августа, комиссары секций собрались в зале муниципального корпуса в ратуше. Поднялся новый спор. Мэр Паш указывал на трудности, которые испытывал муниципалитет, когда он хотел предложить булочникам приобретать запасы путем свободной торговли. Он предлагал комиссарам выяснить себе положение посредством анкеты среди булочников. Затем Шометт, пользуясь аргументами Реаля, заметил, «что слабость муниципалитета может стать опасной и что, если он согласится дать отчет, которого у него требуют, секции скоро заполнят все отделы администрации и станут требовать также отчета о пороховых запасах в арсенале, об оружии и т. д., и что если тайна будет нарушена в этих частях, наши враги используют ее против нас самих». Этот патриотический аргумент не подействовал на комиссаров. Шомстту, сбитому с толку, пришлось бить отбой. Он принужден был «признать, наконец, принципы и уступить желаниям большинства граждан». Поэтому он согласился, чтобы муниципалитет отдал отчет, но по примеру Комитета общественного спасения, с которым он, очевидно, столковался, он потребовал затем отсрочки до после 10 августа, «чтобы не вызвать ничего такого, что могло бы нарушить спокойствие этого великого дня». Он поставил также то условие, чтобы комиссары, которым поручено было выстукать отчеты, предварительно подверглись чистке посредством голосования народных обществ.

Комиссары приняли к сведению обещание Шометта, которое являлось признанием их прав; но что касается чистки посредством голосования, то они заявили, что хотят сообщить об этом своим секциям, которые должны будут судить о тех препятствиях, которые хотят ставить их желаниям. Они разошлись, получив от мэра постановление, что представление отчета о продовольствии переносится на 15 августа.

После этой первой стычки комиссары секций, вместо того чтобы разойтись, продолжали собираться в епископстве. 4 августа они опять отправились в Комитет общественного спасения, на этот раз в сопровождении членов комитета надзора Парижского департамента, чтобы заявить о своем беспокойстве о продовольствии и требовать быстрых распоряжений для снабжения рынка продуктами [1]. Около того же времени они напечатали подробный протокол о своих ходатайствах. Их секретарь Кошуа представил против продовольственной администрации города, а также и против коммуны очень обстоятельный обвинительный акт в форме вопро-

[1] Tuetey, Répertoire, t. IX, № 1129.

сов. Секция Борепер приняла этот обвинительный акт в своем заседании 7 августа и решила передать его департаменту и Конвенту. Вот этот любопытный документ.

«1. До ноября 1792 г. в Париже всего было вдоволь. С этого момента административные органы, участвуя в конкуренции своими покупками, неизбежно мешали торговле. Какие же средства употребляли они, чтобы избежать неудобств, которые должны вытекать из этих препятствий?»

Эта первая статья клонилась ни более ни менее, как к осуждению политики вмешательства, которая проводилась вопреки мнению министра внутренних дел Ролана, друга Кошуа. Утверждение последнего, что в ноябре 1792 г., т. е. когда управлял Ролан, всего было вдоволь, было чем-то вроде косвенного оправдания либеральной политики министра, подвергшегося опале и поставленного вне закона.

«2. Так как Национальный конвент установил по желанию именно этих администраций твердые цены на зерно и этой мерой помешал безграничному росту конкуренции, то на каком основании эти администрации, пренебрегая законом, создали то, что они называют жертвами, и этими убийственными махинациями опять помешали торговле?»

Этот второй пункт был редактирован необычайно ловко. Кошуа отстранял вопрос об ответственности Конвента за принятие максимума. Он показывал, что Собрание находилось под давлением администраций, и он имел в виду не только парижскую администрацию, но и администрации всего государства, а также и те, которые заведывали продовольствием армий. Затем он обвинял их в нарушении максимума, которого они сами требовали и который был ими навязан. Обвинение было обосновано. Чтобы обеспечить Париж продовольствием, нужно было обещать премии земледельцам, это были «жертвы», которые увеличивали твердую цену. Этой ловкой аргументацией Кошуа в скрытой форме проводил свою заднюю мысль, состоявшую в отмене всякой регламентации и в возвращении к абсолютной свободе торговли, т. е. в возвращении к политике Ролана.

«3. Почему администрация не хотела позволить нам познакомиться с состоянием наших запасов, противозаконными и разрушительными средствами создав искусственное изобилие, когда только знакомство с состоянием этих запасов могло бы вернуть торговле ее естественную активность и понизить цены товаров?

«4. Почему, когда нашему подвозу стали мешать внешние, а может быть и внутренние причины [1], держали народ в гибельной неизвестности, вместо того, чтобы сообщить ему об этих опасностях, говоря народу, что он обеспечен продовольствием до января, и почему открыли ему глаза лишь тогда, когда озлобление в некоторых департаментах дошло до того, что пришлось для получения продовольствия посылать туда вооруженную силу, что на самом деле было гражданской войной?

[1] Намек на восстание федералистов.

«5. Почему, когда народ, обеспокоенный опасностями, которые, как он ясно видел, упорно старались от него скрыть, послал своих уполномоченных с просьбой сказать ему всю правду, почему осмеливались ее упорно скрывать от него в течение четырех месяцев и по какой причине открыто пустили в ход целую систему клеветы против тех, которые говорили о продовольствии?

«6. Почему, когда голод каждый день давал себя все сильнее чувствовать и когда народу надоело слушать пустые слова, он еще раз потребовал от своих представителей, чтобы они отдали ему отчет, почему посмели оскорбить его депутатов и даже обвинить одного из них [1], почему сказали им еще, что эти опасения не имеют основания, и почему, вместо того, чтобы успокоить народ удовлетворительным снабжением продовольствием, каждый день уменьшали доставку его на рынок?

«7. Почему в то время, когда еще можно было помочь злу, рассказав народу об угрожающей ему опасности, опять решили держать его в неведении, обещая ему отчеты, которые поспешили отложить, и почему не было принято никаких мер, чтобы доставить ему облегчение до этого представления отчетов?

«8. Наконец, почему в такой момент, когда уже больше не осмеливались пренебрегать властью народа, хотели ее парализовать, пытаясь изменить форму правления, подчинив первичные собрания народным обществам, которые не должны быть облечены политической властью, хотя и должны пользоваться полнейшей свободой?»

Этот восьмой вопрос был прямым ответом Шометту, который утверждал во время собрания коммуны, что нужно просеять комиссаров секций через народные общества.

Памфлет Кошуа заканчивался угрозами:

«Если продовольственное управление откажется ответить на эти вопросы или если оно даст на них уклончивый ответ, продолжая закрывать свои книги и магазины, секция Борепер заявляет, что упомянутое управление потеряет ее доверие, будучи повинно в непозволительной неспособности; секция даже будет иметь основание подозревать администраторов, что они приняли участие в заговоре для создания в Париже голода и поднятия восстания; ввиду этого, по получении согласия других секций, она потребует, чтобы указанные администраторы были временно подвергнуты аресту; чтобы их счета и магазины подверглись контролю назначенных для этого комиссаров, а что касается их лично, то потребует, чтобы они были преданы надлежащему суду» [2].

[1] Самого Кошуа.

[2] Секция избрала граждан Анжеле, Ле-Ру, Галиссо, Л'Ами Кошуа и Гренкура для передачи этого адреса в департамент и в Конвент (Arch. nat., W 336).

Параллельные действия Жака Ру и Леклерка.

Вдохновителем и руководителем секционной агитации был старый друг Ролана. Агитация довольно ясно, хотя и осторожно, имела в виду уничтожение максимума и регламентации. И тем не менее Бешеные, которые были против идей и тенденций Кошуа, не только не проявляли неудовольствия по поводу его попыток, но, наоборот, присоединились к ним и подливали масла в огонь.

Жак Ру повысил тон в своей газете, начиная с того дня, когда секция Бонер созвала другие секции для посылки комиссаров в епископство. В номере от 29 июля он возмущается неисполнением декрета 4 мая о максимуме. Он говорит о существовании плана создать в Париже голод. Он показывает, что мука, предназначенная для столицы, систематически задерживается, и делает отсюда вывод, что необходимо «организовать внушительную силу, чтобы прийти на помощь продовольствию». Его нападки на скупщиков и банкиров усиливаются в следующих номерах. 6 августа он требует гильотины для тех депутатов трех собраний, которые получали золото тиранов. «На гильотину всех тех, которые в течение четырех лет богатели на счет слез несчастных, на гильотину всех беззастенчивых разбойников, этих тигров, а не людей!» Через два дня после этого он требовал ареста всех банкиров, которые по своей профессии, говорил он, являются лакеями королей, которые захватили звонкую монету и создали голод; он хотел также, чтобы отняли имущество «у всех этих плохих граждан, которые в течение четырех лет приобрели обширные владения; у этих эгоистов, которые воспользовались бедствиями народа для своего обогащения; у этих депутатов, которые раньше, чем они неожиданно попали в ареопаг, не могли тратить и одного экю в день, а в настоящее время являются крупными собственниками; у этих депутатов, которые были мясниками в зловонных улицах, а теперь живут в роскошных хоромах [1]; этих депутатов, которые, прежде чем пройти Савойю и Бельгию [2], обедали в маленьких харчевнях, теперь же у них открытый дом, они посещают спектакли, имеют содержанок и оплачивают панегиристов»... Кончая, Жак Ру высказывал надежду, что праздник 10 августа будет могилой для скупщиков и казнокрадов. Этот номер был настоящим призывом к восстанию [3].

Понятно, что другой главарь Бешеных, подражатель и соперник Жака Ру, Теофиль Леклерк из Оза, не отставал от него. В своем номере от 27 июля он требовал ареста всех подозрительных людей, «чтобы праздник 10 августа был отпразднован с полной торжественностью». 31 июля он в следующих выражениях отвечал тем, которые обвиняли его в кровожадности. «Меня называли и продолжают называть

[1] Намек на Лежандра.

[2] Намек на Дантона, Делакруа, Симпа.

[3] Этот номер от 6 августа находится в опечатанных документах Жака Ру (Arch. nat., W 20).

кровожадным, потому что они не довольствовались тем, что одна партия объявила меня подозрительным, им надо было задушить нового человека, который, может быть, вызывал некоторую зависть, и сделать его ненавистным для его сограждан; меня называли кровожадным человеком, говорю я, потому что я громко заявлял, что революционер должен хладнокровно, если это необходимо, принести сто тысяч разбойников в жертву революции. Так вот, французы, узнайте всю мою душу! Я предсказываю вам, что вы придете туда, где не будет выбора между вашей смертью и смертью ваших врагов... Я утверждаю, что одно только оставление дворян во главе нашей армии привело к гибели 150 000 бойцов».

В следующие дни Леклерк точнее излагал и повторял свои призывы к насилию. 4 августа он опять требовал ареста бывших дворян, священников, спекулянтов, членов прежних парламентов, которых надо держать в качестве заложников. 4 и 8 августа он нападал на Дантона, которого он подозревал в стремлении к диктатуре. 6 августа он выступил против Конвента. «Народ, можешь ли ты жаловаться на своих законодателей? Ты просил у них введения таксы на все предметы первой необходимости — тебе в этом отказали; ареста всех подозрительных людей — этого не декретировали; исключения дворян и священников из всех гражданских и военных должностей — этого не сделали. Между тем отечество должно ждать этого спасения только от революционного потрясения, которое, как электрический ток, передается от одного конца республики до другого ее многочисленным обитателям».

Проекты «сентябрьской резни».

Эти призывы встречали тем больший отклик, что увеличивалась нужда и хуже становились известия с границ и из Вандеи. Это было вскоре после капитуляции Майнца и Валансьена и поражения при Châtillon-sur-Sèvre. Начиная с 24 июля «Journal de la Montagne», орган якобинцев, доносил на разбойников, которые глухо распространяли слухи, что нужно совершить переворот до 10 августа. Теперь не подлежит сомнению, в самом деле, что в воздухе носились проекты повторения сентябрьской резни. Вот несколько доказательств этому. В книге постановлений комитета надзора секции Обсерватории за 4 августа мы находим следующее важное заявление: «Гражданин Патрис [1], живущий на улице Saint-Jacques, № 181, заявил, что слышал, как гражданин Кронье, прежний швейцар мастерской, изготовляющей ассигнаты, живущий в настоящее время в секции Французского театра, публично говорил в кафе Zoppy, что сцены 2 сентября прошлого года были только *первой вечерней*, *кануном* большого праздника, но что 11 августа, на следующий день после Федерации, произойдет *большое очищение*, и что в этот день

[1] Патрис был типографом коммуны. Он был в дружеских отношениях с Шометтом.

умеренным, подозрительным, в количестве 8 000 и 20 000 [1], надо только собраться в путь. Тот же гражданин Патрис заявил комитету, что он считал своим долгом, в интересах этого города и из уважения к недавно признанному республиканскому правительству, донести о таких ужасных замыслах, которые могут удалить из Парижа всех федератов, которые прибудут туда для присяги единству и нераздельности республики; он предложил комитету довести его донесение до сведения Комитета общественного спасения и Конвента и обсудить после доклада комиссаров, которые будут туда посланы, какие следует принять дальнейшие меры. Обсудив это, комитет единогласно принял предложение гражданина Патриса и избрал комиссарами для передачи дела в Комитет общественного спасения граждан Дюпу и Капитена. Упомянутый гражданин Патрис подписал настоящее заявление».

В тот же вечер Робеспьер, который, без сомнения, знал о донесении Патриса, сообщил в якобинском клубе, что контр-революционерами составлен заговор с целью убийства арестованных и разграбления магазинов и арсенала.

9 августа Комитет общественной безопасности, принимая во внимание, что слух о предстоящей резне вызывает ужас среди содержащихся в арестных домах, решил пригласить парижские власти на свое заседание, чтобы предложить им принять все необходимые меры предосторожности, чтобы предупредить или помешать всякому народному движению против тюрем [2].

Я нашел в Национальной библиотеке плакат, являющийся горячим призывом к резне, аналогичный знаменитой афише «Appel au peuple souverain» (Воззвание к суверенному народу), которая вызвала кровавые сцены в сентябре предыдущего года. Анонимные редакторы плаката, как и в сентябре 1792 г., начинают с предположения о существовании заговора аристократов с целью убийства патриотов. Они развивают теорию предупредительной резни. Плакат этот носит заглавие: «*Раскрытие большого заговора о предании Парижа огню и мечу в период от 10 до 15 августа, об убийстве патриотов женщинами и попами, переодетыми в женское платье. Мария-Антуанетта, австриячка проклятой памяти, на допросе* [sic!]. *Допрос этой злодейки, как соучастницы изменников, которые отдали Конде, Майнц и Валансьен, и мятежников Вандеи, злодея Питта, английского министра, которые хотели уморить голодом Париж и убить славных санкюлотов* [3]. Мне достаточно привести несколько мест из него, чтобы дать понятие об этом кровавом воззвании:

«Санкюлоты, мои друзья, мы погибнем, если мы еще раз не покажем себя достойными быть республиканцами и не покончим немедленно со всеми заговорщиками, которые хотят уничтожить нас или превратить нас в рабов ликвидацией республики и восстановлением монархии». Напомнив об изменах и недавних поражениях, памфлет утверждает, что проект составлен таким образом, чтобы «заговор вспыхнул в один и тот же день на всем протяжении республики и чтобы патриоты были убиты женщинами и священниками, переодетыми в женское платье». В заключение сказано: «Санкюлоты, повторяю вам, нужно, чтобы гильотина действовала беспрерывно, чтобы низкая злодейка, кровавая Медичи-Антуанетта, чтобы изменники-генералы, которые продали Конде, Валансьен, чтобы вероломные депутаты, которые поддерживали сношения с коалицией тиранов, чтобы мятежники Вандеи и федералистские департаменты, чтобы вероломные администраторы, неправедные судьи, священники-контр-революционеры, скупщики, спекулянты, интриганы, заговорщики, наконец, настоящие наши кровопийцы немедленно были преданы суду и на гильотине искупили свои злодеяния... ибо, будьте в этом уверены, друзья мои, пока существуют эти злодеи, республика всегда будет находиться в опасности, и беспрестанно будет литься кровь патриотов».

Если сопоставить этот анонимный памфлет с донесением Патриса, с листками Жака Ру и Леклерка, то не остается сомнения, что Бешеные пытались воспользоваться агитацией, которая велась в секциях сторонником Ролана, Кошуа, чтобы вызвать социальное и террористическое движение.

[1] Те, которые протестовали против 20 июня 1792 г. в петициях, покрытых 8 000 и 20 000 подписей.

[2] Tuetey, Répertoire, t. VIII, № 3167.

[3] Из типографии «Друга санкюлотов» (Лебуа), Rue Mouffetard, 386 и Neuve-Saint Médard, № 592, 8 p.

Эволюция Эбера.

За месяц до этого, в конце июля, когда произошли беспорядки по поводу мыла, вся коммуна была против нарушителей общественного спокойствия и осуждала Жака Ру. Теперь коммуна уже не была так единодушна. Если Патрис, Шометт, Реаль решительно выступали против агитации в секциях, то Эбер, заместитель прокурора коммуны, отделяется от них и мало-по-малу переходит на сторону агитаторов. Уже тогда, когда комиссары секций обвиняли управляющего продовольствием Гарена и требовали открытия городских магазинов, Эбер хранил благоразумное молчание. Теперь в своей газете он ведет двусмысленную кампанию против якобинцев, приблизительно параллельную с кампанией Жака Ру и Леклерка.

В № 259 своей газеты, вышедшем около половины июля, он придает веру басне о заговоре роялистов приблизительно в тех же выражениях, как и анархистский памфлет, который мы только что разбирали. Более 10 000 вандейцев, утверждает он, прибыли в Париж, «чтобы помешать братскому объединению, которое должно произойти 10 августа». «Я знаю, что замышляют еще один грабеж, чтобы зажечь пожар гражданской войны в Париже. Все контр-революционеры должны воспользоваться этим движением, чтобы разогнать гвардию Тампля и захватить королевского недоноска».

Через несколько дней в № 267 он требует, чтобы подозрительные лица везде были заперты в церквах и чтобы республика завладела жатвой, вознаградив земледельцев, чтобы хлеб, вино, все продукты были распределены между департаментами пропорционально их населению. Это была идея Жака Ру, это идея Леклерка. Подобно Бешеным, Эбер также теперь все более резко нападает на Дантона и его друзей, которых он называет новыми бриссотинцами, которых он обвиняет в роялистских задних мыслях. В том же № 267 он ополчается против депутатов, которые защищали Кюстина, и к этой категории он причисляет Дюгема, Дантона, Делакруа, Тюрио и Барера. По этому случаю он вспоминает, что Дантон и Делакруа уже защищали Дюмурье накануне его измены [1]. В следующем номере он возвращается к обвинению «усыпителей Конвента», которые замышляют, говорил он, требовать амнистии для жирондистских депутатов [2]. «Мы можем ожидать,—говорил он,— что все наши участвующие в войне города будут преданы, как Конде и Валансьен, если республика не сделает большого усилия, чтобы раздавить своих внутренних и внешних врагов. Тогда государственные люди, чтобы положить конец всем причиненным ими несчастьям, предложат нам монархию, как единственное средство; и тогда именно они дадут ключ от полей маленькому недоноску из Тампля. Тысячи негодяев, находящихся в Париже, у которых рыльце порядочно в пуху, будут тогда кричать: *Да здравствует Людовик XVII*». Что же нужно делать теперь, чтобы расстроить заговор новых бриссотинцев, другими словами, дантонистов? Эбер говорит вместе с Бешеными, что нужно не только прогнать дворян со всех должностей, но что необходимо «обновить Конвент и составить его на этот раз из истинных республиканцев». Он просил также организовать исполнительную власть согласно конституции, т. е. чтобы народ был созван для составления списка будущих министров. Он высказывал недоверие Комитету общественного спасения и протестовал против его диктатуры: «Контр-революция будет совершена менее чем через месяц, если оставить Комитет общественного спасения организованным так, как в настоящее время. Я знаю, чорт возьми, что в своем большинстве он состоит из прекраснейших граждан, но в стаде есть много паршивых овец; к тому же Комитет этот будет обновлен, и вместо Робеспьера, Сент-Андре, Приёра проскользнут, как я это предвижу, негодяи, которые добиваются пятидесяти миллионов, которые ассигновал Конвент этому Комитету»[3].

Если мы вспомним, что в предыдущих кризисах Эбер стоял на стороне правительства, на которое он теперь нападает, если мы заметим, что его газета становилась все более влиятельной, и если мы констатируем, что даже в якобинском клубе эбертистская деятельность становится все более сильной и смелой, то мы поймем, что правители серьезно относились к этим общим атакам, направленным против них с противоположных сторон: вдохновителем секций роландистом Кошуа, главарями Бешеных Жаком Ру и Леклерком и, наконец, «отцом Дюшеном».

[1] Эбер повторил эту статью в клубе якобинцев 21 июля.

[2] Гара в своих мемуарах хвастается, что он вел кампанию в пользу этой амнистии и склонил в пользу своего мнения Лежандра и Дантона.

[3] Эти мошенники — это Дантон и его друзья. Дантон 1 августа способствовал принятию решения о предоставлении в распоряжение Комитета общественного спасения суммы в 50 миллионов на секретные расходы.

Для объяснения этой перемены политики Эбера, которая имела такие важные последствия, Жорес высказывает предположение, что его пожирало честолюбивое желание сравниться с вождями монтаньяров, с Дантонами, Робеспьерами, вытеснить их. Он требовал обновления Конвента посредством введения в действие новой конституции только в надежде, что он будет членом этого нового национального представительства и будет играть в нем одну из первых ролей. Это возможно. Но я могу допустить, что Эбер, который прежде всего был журналистом, был обеспокоен быстрым успехом газет своих соперников, Жака Ру и Леклерка. Жак Ру и Леклерк могли отнять у него читателей. Он боялся, что народные массы оставят его. Мало-по-малу он принял программу Бешеных, не уменьшив, однако, своей личной враждебности к их главарям, потому что он чувствовал, что эта программа пользуется симпатиями широких масс. Жак Ру и Леклерк называли себя продолжателями Марата. Эбер оспаривал у них это название и требовал его для самого себя: «Если нужен преемник Марату, — воскликнул он 21 июля в клубе якобинцев, — если нужна вторая жертва, то она здесь готова: это — я!»

Робеспьер против Бешеных.

Агитация секций грозила увлечь за собой коммуну и Комитет общественного спасения. Робеспьер с первого дня со своей холодной решительностью выступил против этой опасности.

Со смерти Марата, последовавшей вскоре после исключения Дантона из Комитета общественного спасения, Робеспьер стал самым видным членом Горы. Он вошел 27 июля в Комитет общественного спасения. Если он боролся против Бешеных, то не потому, что боялся их социальной политики. На следующий день после 31 мая он отметил в своей записной книжке, что опасность идет от буржуа и что надо опереться на санкюлотов. Он таким образом не выступает против Бешеных из классовых соображений. Он не является завзятым противником их социальной программы. Его друг Сен-Жюст ведь предложит 9 августа реквизицию всего урожая. Свою политику в этот момент он резюмирует в следующей формуле, занесенной в его записную книжку: «Продовольствие и демократические законы». Он упрекает Бешеных не столько в их социальных тенденциях, сколько в их демагогической кампании, сколько в их систематических нападках на Конвент и на комитеты, другими словами, в их антиправительственной позиции. Бешеные беспрестанно выступают с угрозами. Свои пожелания они диктуют в виде приказов.

Они всегда готовы разнуздать мятеж, соединившись даже с такими сомнительными элементами, которых вербует какой-нибудь Кошуа, как в данном случае. Они — сеятели недоверия и вызывают беспорядки. Они поддерживают в населении лихорадочное состояние, которое не дает правителям никакой уверенности. Замечательно, что в своих горячих нападках на них Робеспьер всегда упрекает их только в их дезорганизаторских происках, в их клеветнической кампании против Конвента и против комитетов.

Он начал борьбу уже 5 августа в якобинском клубе. Эбертист Венсан, очень влиятельный среди кордельеров и в военных бюро (он был генеральным секретарем Бушотта), в этот вечер разразился горячей филиппикой против депутатов, хлопотавших у министров о местах для своих протеже, которые все были аристократами. Он указал на Дюгема и еще на другого, успокаивавших Конвент подозрительными докладами. Затем он напал на Дантона и Делакруа и закончил тем, что следует предложить якобинцам составить списки патриотов для занятия вакантных мест. Эта обвинительная речь имела целью не только возбуждение общественного мнения против Конвента в такой момент, когда оно и так было уже слишком разгорячено, это была также попытка захватить в свои руки администрацию. Будучи господами назначений, якобинцы были бы господами правительства. Конвент и его комитеты были бы сведены к подчиненной роли. Клуб стал бы настоящим центром правительства.

Робеспьер вскипел. Он жаловался, что «новые люди, патриоты со вчерашнего дня», «хотят оклеветать в народе его самых старых друзей». Он защищал Дантона, на которого клеветали,—говорил он,—«Дантона, которого можно дискредитировать, только доказав, что они, эти клеветники, обладают большей энергией, большими талантами или любовью к отечеству». Затем, игнорируя Венсана, он обрушился на тех, которых он считал его вдохновителями, на Леклерка и Жака Ру, «двух лиц, подкупленных врагами народа; два лица, которых Марат осуждал, явились преемниками или хотели стать преемниками этого писателя-патриота. Пользуясь ими, враги государства убедились, что они могут погубить нас. Ожесточение, с которым они распространяют яд своей клеветы в то время, когда со всех сторон к нам устремляются федераты, и другие сопоставления, которые также можно было бы сделать, доказывают их соучастие. Надо вам назвать их: первый из них священник, человек, известный только двумя ужасными действиями: во-первых, тем, что он хотел убить купцов, лавочников, потому что они, говорил он, слишком дорого продают; во-вторых, он хотел побудить народ отвергнуть конституцию под тем предлогом, что она неудовлетворительна. Второй из них — молодой человек, который доказывает, что и молодое сердце может быть развращено. У него очаровательная наружность, привлекательный талант; это — Леклерк, бывший дворянин (un ci-devant), сын аристократа. Он был в Лионе, где он разыгрывал роль патриота, когда задушили несчастного Шалье. В значительной степени он был причиной его смерти. Уехав оттуда, где его поведение сделало его ненавистным для всех патриотов, он приехал в Париж интриговать, врать в Конвенте; он явился сюда в сопровождении нескольких человек, таких же обманщиков, как и он сам, которых он сумел сделать интересными и которые теперь рассеялись; он соединился с Жаком Ру, и эти два человека, которых Марат назвал двумя интриганами, два эмиссара Кобленца или Питта, присвоили себе имя Марата, чтобы лучше отравить источники народной доверчивости, чтобы ввести народ в заблуждение. Они никогда не упускают случая указать врага, хорошо известного народу. Так, Кюстина указали они. Сильными и энергичными патриотическими фразами им удалось убедить народ, что его новые друзья более преданы ему, чем старые. Они превозносят Марата, чтобы иметь возможность напасть на теперешних патриотов. Что им стоит хвалить мертвого, если только можно клеветать на живых?»

Никто не ответил Робеспьеру в клубе якобинцев. Его резкие нападки временно заставили умолкнуть эбертистов. Но Бешеные дали отпор в своих газетах. Теофиль Леклерк ответил в своей газете от 6 августа «на клеветы», объектом которых он был. Не называя Робеспьера, он имел в виду его вчерашнюю речь: «Я думаю, — говорил он, — что новые люди кажутся слишком восторженными лишь потому, что старые уже выдохлись; я убежден, что одни только молодые люди способны доходить до необходимой температуры, чтобы совершить революцию»... В номере от 8 августа он опять протестует против нападок Робеспьера: «Один человек указывал в якобинском клубе, что я—бывший дворянин, что я ввел в заблуждение по поводу положения дел в Лионе, когда я туда прибыл»... и т. д. Он требовал, чтобы его обвинитель доказал хоть одно из своих обвинений. Он с удвоенным жаром продолжал антипарламентскую и антидантонистскую кампанию.

Что же касается Жака Ру, то на следующий день после речи Робеспьера в клубе якобинцев он требовал гильотины для депутатов-изменников.

Бешеные не заняли бы такой угрожающей позиции, которую можно было принять за браваду или за вызов, если бы они не чувствовали поддержки со стороны парижских секций.

Робеспьер должен был удвоить свои удары. 7 августа он в клубе якобинцев повторил свое обвинение. В большой и очень ловкой речи он старался предостеречь патриотов против крайних мер, которые могли погубить республику. Он заявил, что «враги народа, приписывая самым горячим друзьям свободы свои собственные преступления, никогда тем самым не принимали более удачных мер, чтобы погубить отечество». Это был намек на то, что кампания против членов Конвента вдохновлялась из-за границы. Он осуждал тех, которые хотели вызвать в Париже движение для повторения сентябрьских ужасов. Он успокаивал парижан относительно продовольствия, в котором не будет недостатка. Он убеждал делегатов первичных собраний, которые присутствовали на заседании, «призывать народ к мужеству, к терпению ввиду того счастья, которое даст ему подчинение законам,

доверие к своим законодателям, его единодушие и его преданность республике». Он высказал горячую похвалу Паше, Анрио, коммуне, подвергшимся нападкам Кошуа и руководителей секций. Его речь произвела такое впечатление, что в в тот же день Робеспьер был избран в президиум якобинского клуба.

Бешеные прикрывались великим именем Марата, еще более популярного после его смерти, чем при жизни. Робеспьер напомнил уже якобинцам нападки Марата на Леклерка и Жака Ру. 8 августа Симона Эврар, «вдова Марата», явилась к решетке Конвента, чтобы подать петицию против «лицемерных пасквилянтов» которые позорят имя ее мужа: одни, т. е. жирондисты, приписывают ему кровожадную политику, окружая память его отвратительной репутацией; другие, т. е. Бешеные, «извращают его принципы, чтобы увековечить царство клеветы, жертвой которой он был». Последние, — говорила она,— «выступают во имя патриотизма и морали, чтобы народ думал, что слышит еще Марата, но это лишь для того, чтобы потом клеветать на самых ревностных защитников, сохранившихся еще у него: это для того, чтобы во имя Марата проповедывать сумасбродные истины, которые приписывают ему его враги и которые он осуждал всем своим поведением». «Я в особенности указываю вам,— продолжала она,—на двух человек: Жака Ру и некоего Леклерка, которые утверждают, что являются продолжателями его патриотических листков и говорят как бы от его имени, чтобы оскорблять его память и обманывать народ. Так, после общих революционных фраз они говорят народу, что он должен изгнать всякое правительство, его именем они предлагают потопить в крови день 10 августа, потому что его чувствительная душа, разрывавшаяся от зрелища преступлений тирании и несчастий человечества, посылала иногда справедливые проклятия кровопийцам общества и угнетателям народа. Они стараются увековечить после его смерти ядовитую клевету, которая изображала его безумным апостолом беспорядка и анархии»... Вдова Марата заканчивает, предлагая Конвенту принять строгие меры против эмиссаров Англии и Австрии, которые пользуются свободой печати только для того, чтобы отравить общественное мнение. «Если вы оставите их безнаказанными, я указываю на них здесь французскому народу, всему миру!»

Само собою разумеется, что Симона Эврар не в состоянии была сама составить такую петицию, кто-то писал за нее. Когда секретарь Конвента Тирион закончил чтение ее петиции, Робеспьер взял слово, чтобы потребовать напечатания петиции в «Бюллетене», а Комитету общественной безопасности было предложено расследовать поведение «обоих продажных писателей», на которых здесь было указано. Это вмешательство Робеспьера позволяет думать, что он был действительным автором этой инсценировки. Его предложение было принято. Конвент официально заклеймил Жака Ру и Леклерка и навлек на их головы громы Комитета общественной безопасности.

Но Робеспьер был уже не один, чтобы отразить атаку агитаторов. Депутат Гильмарде указал накануне в Конвенте на сборища, толпившиеся в столице у дверей булочных. После него Амар от имени Комитета общественной безопасности подтвердил, что кажущийся недостаток продовольствия есть только «результат тревоги, которую распространяют агитаторы». Делакруа потребовал, чтобы немедленно был приглашен мэр Парижа и допрошен о состоянии продовольствия и о сборищах. Паш был приглашен. Он заявил, что причиной сборищ является опасение недостатка продовольствия и «это опасение еще увеличивается благодаря злоумышленникам, которые делают все возможное, чтобы волновать народ и довести его до выступления». Он признал, однако, что «запасы продовольствия не так значительны, как было бы желательно», но прибавил, что в данный момент нечего опасаться и что имеются сведения о предстоящем значительном подвозе. Но двуличный Бреар [1], косвенно поддерживая маневр Кошуа, стал требовать, чтобы мэр дал подробный отчет о количестве мешков муки, имеющейся в магазинах. Делакруа опять взял слово и высказался против этого коварного предложения. Он заявил, что ответ Паша удовлетворителен и что Конвент присоединяется к его мнению.

Праздник 10 августа прошел без помех. Его успех укрепил Комитет общественного спасения, который чувствовал, что за ним стоит вся патриотическая Франция, представленная делегатами первичных собраний. Коммуна, которая играла известную роль в успехе, не спешила выполнить обещание, данное комиссарам секций, представить им после 15 августа счета продовольственного управления.

Агитация в конце августа.

В своей газете от 17 августа Жак Ру напомнил обещания, которые были даны. Он озаглавил свою статью: «Подстегивание продовольственной администрации». «Как,—говорил он,—варвары-администраторы (эти любезности относились к Гарену и Дефаванну), патриотические мошенники, контр-революционные эгоисты, по какому праву скрываете вы действительное состояние продовольствия? Великие интересы нации должны разбираться в присутствии народа... Что же это за свобода, которая не предоставляет права знать, имеем ли мы хлеб на завтрашний день или не имеем? К чему сводится гласность, если только три человека имеют ключи от продовольствия?.. Народ все понимает... Он знает, что вы не хотите показать ему ваших книг, чтобы нельзя было проверить покупок, которые вы сделали с выгодой для себя; он знает, что вы говорите о хлебном голоде только для того, чтобы дороже продать хлеб, который вы скупили в департаментах. И если бы я не был убежден в честности многих должностных лиц, которые вами управляют, я сказал бы, что вы вошли в соглашение с эмигрантами, чтобы побудить народ к бунту... я сказал бы, что вы подкуплены министром Питтом, чтобы вызвать до 1 сентября большое движение

[1] Он был причислен к монтаньярам. Это по его предложению жирондистские депутаты были отозваны в III году.

в Париже. Ибо откуда это деланное спокойствие в ответ на требования значительной толпы, которая хочет знать, в каком состоянии находится продовольствие? Одно из двух: или оно в хорошем состоянии, или нет»... И Жак Ру кончает, угрожая Гарену и Дефаванну гильотиной!

Подобной статьи было бы достаточно, чтобы доказать параллелизм между действиями Бешеных и комиссаров секций.

Жак Ру встретил сочувствие. Уже на следующий день, 18 августа, депутация секции Люксембурга явилась в коммуну, чтобы спросить ее, правда ли, что она послала в департаменты комиссаров с поручением закупить зерно по какой угодно цене, т. е. нарушая максимум. Она прибавила, что подобная мера вызовет неудовольствие наших братьев в департаментах, потому что она будет мешать снабжению провинциальных рынков. Шометт успокоил депутацию, заявив, что принятые коммуной меры ни в чем не мешают снабжению продовольствием, а, наоборот, имеют в виду облегчить его. Тем не менее замечания Люксембургской секции были переданы для рассмотрения в Комитет общественного спасения.

Около того же времени эбертист Маршан выступил в общем собрании секции Санкюлотов (квартал Ботанического сада) с резкой критикой управления Гарена [1]. Он упрекал его в особенности в расточении городских финансов. С 65 ливров за мешок в феврале купленная им мука поднялась до 150 ливров. Один из его агентов, Вуатрен, заработал, если верить ему, больше 20 000 ливров, покупая на 3 или 4 ливра выше рыночной цены. Другой, Лорфевр, мельник в Понтуазе, имел на руках 100 000 экю, относительно помещения и употребления которых администрация ничего не знала. Третий, Гарро, получил 250 000 ливров в виде авансов. Затем Маршан, по примеру Кошуа, подверг резкой критике систему заведывания муксй. Перестав быть коммерсантами, булочники больше не были заинтересованы в получении товара по высокой цене. Маршан вычислил, что город передал булочникам 15 миллионов в виде премий. Он предложил отказаться от системы свободных покупок и прибегнуть к реквизициям. Секция Санкюлотов согласилась с его обвинениями, которые потом были перенесены в общий совет коммуны.

Так как защищать Гарена становилось неудобно и трудно, то коммуна решила 19 августа выбросить лишний балласт. Она обновила состав своего продовольственного управления. Шампо был избран 46 голосами из 66 голосовавших, Рок дю-Луве 37 голосами. Третий избранный, Детруа, отказался. Он был заменен Калье. Прежние администраторы, которые вызвали против себя такое неудовольствие, Гарен и Дефаванн, исчезли.

Но этим ограничились уступки коммуны. По окончании выборов мэр Паш прочел прокламацию, адресованную 48 секциям: «Граждане, в течение восьми ме-

[1] Его критика изложена в докладе наблюдателя Перрьера от 27 августа 1793 г. См. Tuetey, Répertoire, t. IX, № 1189, и Schmidt, Tableaux de la Révolution, t. II, p. 105.

сяцев злоумышленники не прекращают агитации по поводу продовольствия. С особенным ожесточением добивались они открытия магазинов и требовали, чтобы им сообщили о количестве товаров, содержащихся в магазинах. С января месяца казалось, что придется умереть от голода, а между тем мы прожили до сих пор. Злостность этих постоянно повторяющихся требований ясна: они не имели другой цели, кроме возбуждения народа, стеснения правильной деятельности администрации и сообщения о состоянии магазинов или жадным продавцам, которые воспользуются этим для повышения цен, или контр-революционерам, которые воспользуются этим, чтобы остановить зерно из окрестностей и помешать подвозу... Граждане, эти попытки возобновляются *в настоящее время* от вашего имени. От вашего имени, от вас, желающих свободы, равенства, демократической конституции, возбуждают эти дискуссии, а следовательно и движение, которое приведет к их уничтожению. Свободные и великодушные республиканцы, муниципальный орган предлагает вам все, что он должен предложить, он предлагает вам счет *фондов*, употребляемых на продовольствие, завтра этот счет будет послан в печать, а затем будет роздан в секциях»...

Таким образом Паш отказывался от открытия магазинов, от отчета о количестве мешков муки, которого требовали комиссары секций, поддерживаемые Жаком Ру. Все, на что он соглашался — это сделать финансовый отчет доходов и расходов. Это был его ответ на новое требование, которое он в тот же день получил от собрания комиссаров секций.

Последние, в свою очередь, апеллировали к парижскому населению. Они расклеили на стенах города резкий плакат против Паша и муниципалитета [1]. Бешеные пытались воскресить агитацию, заглохшую после 10 августа. Жак Ру обрушился на Паша и на муниципалитет в общем собрании клуба гравильеров [2].

Секция Обсерватории предложила 25 августа арестовать мэра, прокурора коммуны и его заместителей.

Но агитация продержалась не долго. Даже у гравильеров Жак Ру натолкнулся на сильное сопротивление. Обвиненный одной частью секции, он был арестован по приказу коммуны и просидел в муниципальном арестном доме с 22 по 27 августа [3]. Любопытно, что один из его обвинителей упрекает его в том, что «он толкает народ к аристократам».

Не подлежит сомнению, что аристократы или, по крайней мере, умеренные были самыми ожесточенными противниками Паша. Секцией Обсерватории, которая требовала его ареста, руководил хромой Лепитр, хозяин пансиона; Мишле счи-

[1] Текст мне неизвестен. Tuetey говорит о плакате в своем «Répertoire», t. VIII, № 330.

[2] Archives nationales, W 20 (показание свидетеля Лепажа).

[3] Этот первый арест Жака Ру заслуживает специального расследования.

тает этого Лепитра «отчаянным роялистом, прикрывавшимся якобинскими фразами» [1].

Некий Дюбуа 25 августа писал комитету надзора Парижского департамента [2], что в магазинах нет муки, «хотя управляющие продовольствием и господа Паш и Шометт уверяли вас, что муки хватит еще надолго».

Этот Дюбуа называл Паша и Шометта, Реаля и Анрио разбойниками. Но надо заметить, что этот Дюбуа был реакционером, как мы сказали бы в настоящее время, потому что после этого он обвинял муниципальных чиновников в том, что они являются апологетами Жака Ру, и он высказывал надежду, что они скоро последуют за ним в тюрьму.

Есть еще другие признаки, которые наводят на мысль, что за спиной Бешеных и агитаторов секций работали роялисты и жирондисты, чтобы разжечь недовольство и вызвать, если возможно, падение коммуны. Жирондистский депутат Карра, находившийся в аббатстве, из своей тюрьмы внимательно следил за развитием конфликта. 26 августа он писал одному из своих друзей, личность которого я не мог установить: «Читал ли ты листок продовольственных комиссаров 48 секций Парижа к их доверителям и извлечение из их протокола от 21 этого месяца против Паша? Если ты этого не читал, то ты обязан прочесть, и тогда ты серьезно откроешь глаза. Ты увидишь, что Паш упорно отказывается открыть парижские продовольственные магазины только потому, что они пусты» [3]. И Карра высказывал, конечно, предположение, что коммуна хочет «создать общий и действительный голод в Париже, чтобы заставить жителей потребовать короля и распустить Конвент»!

Секционное движение, в котором сталкивалось столько противоположных стремлений, потерпело в конце концов неудачу, потому что Комитету общественного спасения удалось обеспечить Париж продовольствием, а также и потому, что ему удалось использовать ту короткую передышку, которую дали ему Кошуа и комиссары секций, чтобы опять расположить общественное мнение в пользу коммуны. Кампания Робеспьера имела успех у якобинцев. Большая часть секций осудила своих комиссаров или сохранила нейтралитет. Секции Фонтен-де-Гренель и Люксембург, как и многие другие, определенно высказались за муниципалитет.

Репрессии.

Когда Конвент в свою очередь вмешался, чтобы нанести последний удар секционной агитации, она находилась уже в состоянии агонии. 25 августа Барер, по

[1] Мишле утверждает, что у него были протоколы секций, когда он высказывал это мнение о Лепитре. Он прибавляет, что «Лепитр был человеком из Тампля и устраивал заговор для спасения королевы».

[2] Arch. nat., BB³ 75.

[3] Arch. nat., W 232.

требованию коммуны, предложил отменить декрет 1 июля, который разрешал покупку у частных лиц и был объектом критики секционеров. Закон 4 мая о максимуме цен на зерно опять вошел в силу.

Когда эта уступка была сделана, депутат Парижа Тальен, старый член коммуны 10 августа, выступил против комиссии, которую парижские секции выбрали для расследования вопроса о продовольствии. «Я заявляю вам, что эта комиссия состоит из злоумышленников, которые стараются возбудить народ, требуя каждый день отчета у парижского мэра и постепенно добиваясь открытия зернохранилищ». Затем Тальен обвинял специально Кошуа, председателя комиссии, «который,— говорил он,— расклеил в Париже плакат, могущий вызвать голод, которого на самом деле нет». В этом же заседании, по предложению Тальена, Конвент издал декрет о роспуске следственной комиссии, организованной парижскими секциями. И словно ожидая этого декрета, коммуна немедленно передала его в ратушу, где он тотчас же был прочитан. Комиссары епископства (Evêché) разошлись без сопротивления.

В это ужасное время нельзя было безнаказанно беспокоить правителей. Кошуа вскоре почувствовал это на себе. Он был душой секционной агитации, которая одно время внушала серьезные опасения коммуне и Комитету общественной безопасности.

Спустя три месяца, когда уже господствовал террор и провозглашено было революционное правительство, три чиновника правительства, которые, как и он, жили в секции Борепер и без сомнения были его соперниками в словесных боях, ареной которых была эта секция, а именно адъютант Фукье-Тэнвиля, Мэрк-Клод Нолен, судья в трибунале 5-го округа Франсуа Аликс и, наконец, муниципальный чиновник Ланглуа, член генерального совета коммуны, 27 фримера все трое явились в революционный комитет секции и потребовали ареста контр-революционера Кошуа. Революционный комитет немедленно исполнил их требование. Кошуа был арестован и предан суду революционного трибунала.

Нолен в своем донесении обвинял его в том, что он всегда был модерантистом; что в период 10 августа он своими предложениями об открытии магазинов старался усилить недоверие по поводу продовольствия. Нолен хвастался, что он боролся против этих дезорганизаторских предложений. Он напомнил роль Кошуа в комиссии епископства. Он возмущался листком, который тот расклеил против Паша.

Судья Франсуа Аликс прибавил, что он слышал, как Кошуа сказал народу, что один тиран лучше пятисот тиранов!

Наконец, Ланглуа обвинял Кошуа в том, что он сошел с прямого пути патриотизма, чтобы присоединиться к умеренным и аристократам. Комиссия, которую он предложил избрать для расследования продовольствия, состояла только из аристократов.

Кошуа был допрошен судьей Дельежем только 19 плювиоза II года. Он заявил, что всегда был республиканцем, начиная с 13 июля 1789 г. В августе 1793 г. он был только выразителем беспокойства своих сограждан. Он не только не старался лишить Паша уважения, но он призывал к порядку тех, которые позволяли себе личные выходки против него. Правда, он был одним из тех трех комиссаров, которым поручено было редактирование инкриминируемого листка. Но каждый из этих комиссаров работал отдельно и составил отдельный проект. Проект его, Кошуа, был отвергнут собранием комиссаров, которые предпочли редакцию проекта одного из его коллег. Он даже подвергся оскорблениям некоторых членов, которые называли его агентом муниципалитета. Если он и подписал окончательно принятый текст, то только в качестве председателя собрания в епископстве.

После этого допроса не спешили предать Кошуа суду. Он просидел еще месяц в тюрьме. Но заговор эбертистов в вантозе привлек к нему внимание. Эбертистов обвиняли в том, что они хотели вызвать голод в Париже, удалив поставщиков с рынков столицы раздражающим сыском продовольственных комиссаров. Утверждали, что их принимали за переодетых контр-революционеров. Случай казался подходящим, чтобы заставить поверить этой басне и передать, наконец, Кошуа общественному обвинителю, 22 вантоза.

Товарищ прокурора Лиандон, осуществлявший прокурорский надзор, допросил многочисленных свидетелей. Кроме первых доносчиков, показания давали живописец Пьер-Александр Луве, писатель Жак Мьель, писчебумажный торговец Дюбланс, торговец парфюмерными товарами Гио, часовщик Дезир, учитель Эмар (Hémard), писчебумажный торговец Лежен, гравер Жан-Клод Обер.

Из обвинения прокурорского надзора мы узнаем, что к прежним обвинениям прибавились еще новые данные. Теперь Кошуа обвиняли в том, что он поселился в доме министра Ролана, принципы которого он, очевидно, принял, и что он поставил Ролана под защиту секции, пытаясь еще 31 мая помешать ударить в набат.

Суд приговорил его к смертной казни за то, что он «под маской патриотизма пытался обмануть народ, унизить и сделать подозрительными установленные власти, и, наконец, — для того, чтобы вернее восстановить монархию, — сказал, что один тиран лучше пятисот тиранов».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕРНОХРАНИЛИЩА И ОБЩАЯ РЕКВИЗИЦИЯ.

(Август и сентябрь 1793 г.)

В заседании 31 июля Комитет общественного спасения устами Робеспьера обещал заменить закон 4 мая о максимальных ценах на хлеб «более разумными постановлениями». Вначале он попытался исполнить это обещание.

Ему были предложены две различные системы. Одну защищал Франсуа Шабо, она была не чем иным, как развитием идеи, высказанной Дантоном в апреле месяце. Заключалась она в следующем: по всей республике устанавливаются одинаковые цены на хлеб, 3 су за фунт; разница между этой продажной ценой и себестоимостью компенсируется правительственными субсидиями, средства для которых получаются от обложения богатых. Словом, этот проект распространял на всю Францию систему компенсаций и премий, выплачиваемых булочникам, — систему, которая уже несколько месяцев функционировала в Париже.

Другая система была аналогична той, которую в апреле предложил Фабр д'Эро; на сей раз защитником ее выступал Леонар Бурдон. Она была не чем иным, как косвенным возвращением к десятинным складам дореволюционного времени. Заключалась она в следующем: во всех округах устраиваются государственные зернохранилища, так называемые greniers d'abondance: пополняются они уже не за счет отмененной десятины, а реквизициями или сборами натурой с фермеров и землевладельцев.

Более месяца продолжалась дискуссия в комиссиях и в пленуме Конвента, а также в клубе у якобинцев; в результате был принят второй проект, с некоторыми незначительными поправками. Нижеследующее изложение фактов покажет нам, почему предпочтение было отдано этому проекту.

Проект Леонара Бурдона.

5 августа Леонар Бурдон выступил в клубе якобинцев с изложением своих идей об организации продовольственного дела. Уже раньше он сообщил их коми-

тетам земледелия и общественного спасения. Он встретил шумное одобрение. По предложению Гальяра, клуб постановил напечатать его речь и раздать ее членам. Ободренный таким приемом, Леонар Бурдон на следующий день выступил с своим проектом в Конвенте и с самого начала поставил себя под защиту комитетов: «Это они,— заявил он,— потребовали от вас предоставить мне слово, благодаря их пожеланию меня вызвали на эту трибуну».

Он заявил, что его проект должен восстановить общественное спокойствие, он положит конец гражданской войне, которая уже несколько веков ведется *между собственниками и потребителями, он обеспечит свободную циркуляцию* зерна на всем протяжении республики. «Это будет достигнуто единственным средством, достойным свободного народа, а именно устранением всякого интереса к нарушению обращения». Этот проект обеспечит земледельцу возможность продавать излишек своей жатвы, не вызывая этим падения цен на хлеб, он приведет в соответствие средства существования и заработную плату, он смягчит даже неблагоприятное действие времен года. Одним словом, это была панацея от всех зол.

Леонар Бурдон не позабыл указать на то, что во многих наказах Генеральным штатам требуется учреждение государственных зернохранилищ, как средство для предупреждения нужды и чрезмерных цен. «Это требование, по всем видимостям, остается еще и поныне желанием народа». Бурдон подчеркивал, что некоторые города и департаменты уже устроили у себя государственные зернохранилища; однако «в своей изолированности, не будучи связаны между собой», эти зернохранилища не в состоянии были справиться с кризисом. Каждый город, каждый департамент закупали через своих особых агентов, конкуренция которых лишь усиливала дороговизну. Государственные зернохранилища должны были все без исключения принадлежать нации, и благодаря этому все частные интересы каждого департамента, каждого города оказались бы связанными воедино. «Благодаря своей взаимной связи все зернохранилища будут представлять собой одну большую семью, и ни один член этой семьи не сможет остаться без продовольствия, разве что это одинаково постигнет всех».

Старые зернохранилища, так называемые десятинные склады старого режима, закупали только тогда, когда продовольствие было дешево, а продавали его только в случаях недорода, когда зерно было очень дорого. Вследствие этого они играли роль регулятора цен только от поры до времени. По мысли Леонара Бурдона, *его национальные зернохранилища должны были быть постоянно открыты для покупки и продажи зерна по определенной и неизменной цене.* Несомненно, это означало бы уничтожение свободы вывозной хлебной торговли. В роли импортера и экспортера зерна оказалось бы только государство. Да, но это отвечало бы общим интересам. «Пусть новизна этой идеи не вызовет против нее предубеждения, мы сейчас докажем ее необходимость, возможность и выгодность». Все французы составят как бы одну семью участников в выгодах

и расходах по импорту и экспорту. Французский народ должен избрать центральную продовольственную администрацию в составе 24 членов; ежегодно перевыбирается треть ее. Эта администрация будет иметь исключительную монополию на ввоз и вывоз зерна. Она организует в каждом дистрикте, в каждой армии государственное зернохранилище; хранители складов назначаются местным населением и поставлены под надзор муниципалитетов. Зернохранилища покупают зерно в продолжение всего года по цене, установленной Национальным собранием. Точно так же они продают его потребителям по твердой цене. «Покупная и продажная цены, раз установленные, могут изменяться только от увеличения золотой наличности». Между продажной и покупной ценой будет разница от 30 до 40 су. Этой небольшой разницы будет достаточно для покрытия расходов по администрации. Центральная администрация каждые две недели получает сводку о состоянии запасов в зернохранилищах и о потребностях различных департаментов и направляет хлеб из одних зернохранилищ в другие, поддерживая таким образом равновесие между производством и потреблением.

Леонар Бурдон с гордостью перечислял все достоинства своей системы.

Народ будет сам управлять государственными зернохранилищами и избавится от всяких забот и треволнений! Он не будет больше останавливать транспорты, так как ему будут обеспечены средства к жизни. Когда урожай будет давать излишек, центральная администрация выручку от экспортированного зерна будет помещать в сберегательную кассу, из которой будут выдаваться пособия земледельцам, пострадавшим от града, наводнений или пожаров.

В теории проект сохранял свободу хлебной торговли внутри страны, но на деле он устранял ее путем разных ограничений. «Частное лицо не имеет права пускать в обращение, ни продавать пшеницу старого урожая; за нарушение этого запрета как продавец, так и покупатель караются конфискацией товара и штрафом в 1 000 ливров... Под старой пшеницей разумеется вся та, которая к 1 января каждого данного года окажется полученной не из последнего урожая; свежее зерно, к которому примешана старая пшеница, тоже считается за старое»...

Для начала центральная продовольственная администрация будет назначена Конвентом. «Все собственники зерна урожаев 1792 и 1793 гг. обязаны в течение двух месяцев со дня опубликования закона сделать заявление о количествах *старого и нового зерна, обмолоченного или в снопах, имеющегося у них в закромах»*; нарушение этого постановления карается конфискацией зерна и шестью годами каторжных работ. Все объявленное таким образом зерно 1792 г. и две трети запасов зерна 1793 г. отдаются в распоряжение центральной администрации, которая оплачивает их по единой, установленной Конвентом, цене. Собственникам обеспечивается семейный запас из расчета двух квинталов на душу старых запасов зерна и четырех квинталов нового зерна.

В общем и целом проект Леонара Бурдона устанавливал государственную хлебную монополию. Он не отменял максимума. Напротив, он еще усиливал его общей реквизицией всех запасов старого зерна и двух третей нового.

Конвент постановил напечатать речь Бурдона и отложил прения по ней. Очевидно. он колебался вступить на путь, который далеко не означал отмену закона 4 мая 1793 г., а напротив, укреплял максимум реквизициями.

Проект Шабо.

На следующий день Шабо, воспользовавшись петицией города Тулузы, жаловавшегося на голод, потребовал, чтобы комитетам предложено было рассмотреть следующий вопрос: «не возможно ли распространить на всю республику декрет, согласно которому жители Парижа платят за хлеб не дороже 3 су за фунт, а что сверх того — оплачивается богатыми и в особенности аристократами?» Это предложение было встречено бурными аплодисментами, так как оно казалось радикальной отменой регламентации и такс.

Женисье пытался добиться безотлагательного решения по этому вопросу. «Нет надобности, — заявил он, — направлять на рассмотрение комитетов вопрос столь простой и разумный». «Возлагая на богатых расходы по дороговизне хлеба, Конвент этим самым воспрепятствует скупке его частными лицами. Я предлагаю сделать предложение Шабо законом».

Однако Делакруа, депутат департамента Эры-и-Луара, щадя самолюбие комитетов, потребовал направить проект в эти последние, с тем условием, чтобы они высказались о нем еще на этом заседании. Конвент постановил, что доклад комитетов должен быть сделан в начале вечернего заседания, в полдень. Через несколько минут Шабо взошел на трибуну и заявил, что он только что совещался с комитетом земледелия и что последний единогласно решил представить законопроект в духе его предложения. «Завтра в полдень, — прибавил он, — если Конвент пожелает меня выслушать, я оглашу его».

Один из членов Конвента — имя его не указывается — протестовал против такой поспешности и потребовал, чтобы предварительно проект был напечатан и роздан членам до обсуждения. Конвент отклонил это требование и постановил выслушать Шабо на следующий день, в полдень. Итак, Собрание подчеркивало свое желание отменить без замедления закон 4 мая.

Если сопоставить это с тем фактом, что двумя днями раньше якобинцы приветствовали проект Леонара Бурдона, то можно обнаружить существование серьезных разногласий между ними и Конвентом. По всем видимостям, Конвент намерен был не уступать сторонникам таксы, ибо в тот же день он призвал Паша и поощрял его не уступать «злонамеренным» людям, т. е. членам секций, группирующимся вокруг Кошуа.

На следующий день, 8 августа, Шабо выступил с законопроектом, доклад о котором поручил ему Комитет земледелия. Сущность законопроекта сводилась к следующему. Муниципалитеты устанавливают нужды жителей своего района и составляют подробный список потребителей. Они же устанавливают запасы зерна у последних. Граждане могут отныне продовольствоваться только через посредство муниципалитетов, а эти последние обращаются к Исполнительному совету. Совет, на основании данных о потребностях и ресурсах, выдает муниципалитетам мандаты на право покупок зерна у владельцев излишков. Однако цена устанавливается каждый раз по соглашению. Перепродавать потребителям муниципалитеты могут только по такой цене, чтобы хлеб высшего качества стоил не более максимума, 3 су за фунт. Разница между покупной и продажной ценой покрывается за счет прогрессивного налога. который распространяется только на граждан, имеющих для продажи съестные припасы, и на богатых. Налог выплачивается в двенадцать приемов. Владельцы хлеба, отказывающиеся продать свои излишки, вносятся муниципалитетами в протокол, как «чуждые республике элементы», и в качестве таковых лишаются своих прав французских граждан на один год. Наконец, те, кто продаст свои излишки по более низкой цене, получают известную награду.

Проект Шабо отложили без дебатов, вместо того, чтобы обсудить и голосовать немедленно, как можно было этого ожидать на основании приема, оказанного ему накануне. Собрание поняло, что план Шабо не осуществим на практике. В самом деле, как составлять, не прибегая к принуждению, списки потребностей и ресурсов? Как распределять между муниципалитетами мандаты Исполнительного совета? При свободной продаже одни муниципалитеты поднимали бы цены выше других. Наконец, как распределять и взимать налог, о котором идет речь в проекте? Сколько осложнений! Несомненно, энтузиазм вчерашнего дня уступил место глубокому разочарованию, когда проект, сначала соблазнительный, стал известен в деталях.

На первый взгляд, не было ничего легче обложения богатых в пользу бедных. Но в данный момент снабжение самого Парижа натыкалось на большие трудности; это показывало, что вопрос был не столько в финансах, сколько в распределении. Прежде всего необходимо было найти продовольствие и привезти его в центры потребления. Проект Шабо, не предусматривавший никаких принудительных мер, очевидно, не в состоянии был справиться со злой волей и с скупкой продовольствия. Надо было найти другой способ.

Закон о государственных зернохранилищах.

Комитет общественного спасения, отказавшись выступить в пользу проекта Шабо, подверг проект Леонара Бурдона значительным изменениям. 9 августа Барер

изложил Конвенту результаты своих размышлений. Он предложил организовать в каждом дистрикте государственные зернохранилища, используя под них замки эмигрантов, «эти убежища феодализма». Это была идея Бурдона. Но тогда как Бурдон предлагал пополнять зернохранилища с помощью реквизиций, Барер довольствовался тем, что требовал открытия чрезвычайного кредита в 100 миллионов на предмет закупок зерна. Правда, он присовокуплял, что налогоплательщикам предложено будет вносить налог натурой частью или полностью в государственные зернохранилища. Но это было простое предложение, а не обязательство. Придуманная Бурдоном центральная администрация отпала. Дистрикты должны были сами заведывать своими зернохранилищами.

Барер полностью присоединился к нападкам Бешеных на булочников [1] Он предложил построить в городах за счет республики и стараниями администрации общественные хлебопекарни. Это должно было дать жителям возможность обойтись без булочников и самим печь свой хлеб. А до открытия этих общественных хлебопекарен Барер предлагал отдать пекарей и булочников под строгий надзор. В случае надобности муниципалитеты могут реквизировать частные пекарни для общественных целей. Булочники, прекратившие работу, должны «считаться чуждыми республике элементами и в качестве таковых лишаются своих гражданских прав на пять лет и караются заключением на один год».

Проект Барера был принят без прений; ему много аплодировали. Не понятно, почему Шабо и его сторонники не пытались выступить против него. Зернохранилища не облегчали непосредственно кризиса, от которого страдали большие города. Эти зернохранилища могли начать функционировать только после сбора жатвы, когда Комитету общественного спасения удастся закупить зерно на те 100 миллионов, которые были предоставлены в его распоряжение. Но на каких основаниях должны были производиться эти закупки? Закон об этом умалчивал. Будет ли цена устанавливаться по соглашению в каждом отдельном случае? Но это было бы равносильно отмене максимума. Если же закон 4 мая останется в силе, то каким образом агенты Комитета смогут покупать по твердым ценам, тогда как агенты городов и военных управлений всячески и тщетно изощрялись над решением этой неблагодарной задачи? Существующие трудности не были разрешены. Проблема извлечения хлебных излишков из рук их владельцев не была решена. Декрет не содержал тех «более разумных распоряжений», которые, выражаясь словами Робеспьера, позволили бы разрешить кризис, не прибегая к твердым ценам. Комитет общественного спасения отлично видел все эти трудности и поэтому не предложил отменить закон 4 мая,— напротив, вынужден был дополнить его, прибавив к твердым ценам также реквизицию.

[1] «Между булочниками, – заявил Барер, – есть продавшиеся аристократии. Они – виновники того искусственного недостатка хлеба, который имел место в некоторые моменты».

Хлебная карточка.

Снабжение столицы продолжало оставаться главной заботой тогдашних правителей. Угрозы Бешеных, объединившихся с деятелями секций, которые подготовляли выступление к празднику 10 августа, — все это заставляло правящие круги удвоить свои усилия для снабжения населения хлебом, дабы отвлечь народ от призывов агитаторов.

6 августа булочники жалуются в коммуне, что не могли достать муки. Официозный «Feuille du salut public» в номере от 9 августа признавал, что трудность раздобыть хлеб возросла до угрожающих размеров. Он предлагал ввести хлебную карточку по примеру секции Гро-Кайу: «В этой секции, — писал он, — каждый гражданин объявляет гражданскому комитету секции свое имя, место жительства и число лиц, находящихся у него на иждивении; все это заносится на выданную ему карточку. Благодаря этой последней булочник его квартала без труда выдает ему то количество хлеба, в котором он нуждается. На карточке имеется подпись ее владельца». Мало-по-малу другие секции стали следовать примеру секции Гро-Кайу, в частности секция Круа-Руж. Через несколько месяцев карточки были введены во всей столице соответствующим распоряжением коммуны. Введение хлебной карточки улучшило распределение, препятствовало излишнему и неэкономному потреблению, но не оказывало никакого влияния на самое снабжение, — а в этом был самый главный вопрос.

Командировка эмиссаров Конвента для снабжения столицы.

Конвент уже раньше пришел на помощь коммуне, не только разрешая ей новые авансы из казначейства [1], но также посылая некоторых из своих членов в производящие департаменты Иль-де-Франса. 18 июля Эро-де-Сешель от имени Комитета общественного спасения отправил Бонневаля и Ру в департамент Сены-и-Уазы и в департамент Эры, Мора и Дюбуше, — Эры-и-Луара и Сены-и-Уазы. Эти эмиссары имели задание приводить в исполнение законы о продовольствии 4 мая, 1-го и 5 июля. Тогда же Колло д'Эрбуа, Изоре и Лекинио были отправлены с аналогичным заданием в департаменты Эны-и-Уазы. В помощь народным представителям были прикомандированы также представители парижских властей. Миссия их заключалась в том, чтобы заполучить хлеб из крестьянских закромов. Так, например, 7 августа Комитет общественного спасения «постановляет, что граждане Шампо и Декомб, члены генерального совета Парижской

[1] Так, напр., 7 августа Комитет общественного спасения получил в свое распоряжение на предмет продовольствия 2 миллиона, 14 августа — 2 миллиона и т. д. 24 июля Исполнительный совет выдал Парижской коммуне 540 000 ливров для закупки быков и риса.

коммуны, которые сопровождали народных представителей, посланных в эти департаменты для закупок продовольствия и отправки его в Париж, уполномочиваются обращаться к властям со всякого рода требованиями помощи и реквизиций, неизбежных для ускорения доставки продовольствия в столицу» [1]. 15 августа Комитет общественного спасения посылает Люлье, генерального прокурора, синдика Парижского департамента, в департаменты Сены-и-Уазы, Эры-и-Луары и Эры с заданием ускорить транспорт зерна и муки. Люлье был уполномочен обращаться за содействием к местным властям и вооруженной силе.

В этот критической период Исполнительный совет и Комитет общественного спасения вынуждены были каждый раз издавать особые постановления для борьбы с саботажем со стороны местных властей, создававших новые трудности. Так, например, 24 июля Исполнительный совет постановляет, что муниципалитет Ланьи, не выпускающий повозки с хлебом, должен немедленно отпустить их. За один день 14 августа Комитет общественного спасения издаст три постановления (все они подписаны рукой Сен-Жюста), приказывающие местным властям в Шартре, Гонессе и Монфор-л'Амори не задерживать повозок с хлебом и мукой для Парижа, задержанных в их районах.

Законодательная власть не могла не считаться с теми нуждами, которые неизбежно вытекали из этого положения. В конце концов Комитет общественного спасения и Конвент дали убедить себя депутатам, которым они поручили снабжение Парижа продовольствием. Они присоединились к взглядам этих депутатов и постепенно стали проводить их в своих декретах.

Бонневаль и Ру взывали в департаменте Эры-и-Луары главным образом к добрым чувствам владельцев хлеба. 26 июля они пишут Конвенту, что каждый кантон этого департамента отправит к 10 августа в Париж по мешку муки. Этому примеру последовали многие федераты; они брали с собой в Париж повозки с продовольствием.

Колло д'Эрбуа и Изоре, действовавшие в департаментах Эны и Уазы, тоже апеллировали к гражданским чувствам населения, но не довольствовались одними этими призывами. 4 августа они пишут из Суассона в Комитет общественного спасения, что необходимо издать декрет «против злонамеренных лиц, которые стремятся парализовать руку жнеца», а также декрет, запрещающий землепашцам употреблять на корм скоту зерно, предназначенное для человеческого питания. 7 августа в письме, помеченном из Санлиса, они возвращаются к своему заданию и на сей раз определенно выступают в защиту максимума. Они пишут, что на закон от 4 мая 1793 г. жалуется не народ, а скупщики (accapareurs). «Вы хорошо

[1] Archives nationales, AF[II] 68. О миссии Шампо и Декомба см. Tuetey, Répertoire, t. X. Декомб погиб впоследствии вместе с эбертистами.

сделаете, если предложите ввести таксу на муку, как на зерно... Мы считаем также целесообразным заставить арендаторов имений эмигрантов платить повинности натурой»... В ожидании требуемых ими декретов они действовали по своей инициативе. Они устанавливали временную таксу на муку, хотя эта мера еще не была предусмотрена законом. Они реквизировали хлеб и фураж в обоих департаментах Эны и Уазы, хотя не были уполномочены вотумом Конвента на эту реквизицию. Они производили учет, уполномочивали местную администрацию мобилизовать за плату рабочих для снятия и молотьбы нового урожая; установили максимум, общий для обоих департаментов, хотя закон 4 мая предусматривал только твердые цены, различные для отдельных рынков. Одним словом, Колло д'Эрбуа и Изоре сами законодательствовали в духе Леонара Бурдона и Эбера и были просто подголосками Жака Ру и Леклерка из Оза. Они по-своему воскрешали регламентацию старого режима. Но они оправдывали свою инициативу необходимостью.

Поголовное ополчение.

Что оставалось предпринять Конвенту и его комитетам перед лицом ситуации, созданной постановлениями эмиссаров Конвента? Они не могли пойти назад и дезавуировать Колло и Изоре, тем более, что их толкали вперед делегаты первичных собраний, которые к тому времени стали прибывать в Париж на празднество 10 августа. Прибывающие делегаты попадали в руки якобинцев, которые старались напитать их своими идеями. 6 августа якобинец Ройе, делегат от Шалона-на-Соне, получил от своих товарищей полномочия для сношений с клубом. Он потребовал, чтобы для делегатов было предоставлено особое помещение. Клуб согласился на это, и на следующий день, 7 августа, делегаты первичных собраний сошлись в библиотеке клуба якобинцев. Они составили адрес; в тот же день Ройе провел его в клубе, а 12 августа он представил его Конвенту. Этот адрес требовал поголовного ополчения, другими словами — всеобщей и обязательной воинской повинности для всех здоровых французов. Эта идея уже несколько недель тому назад была высказана тем самым Себастьеном Лакруа, который 5 апреля выдвинул требование назначить цену на хлеб в три су за фунт и образовать революционную армию для приведения в исполнение продовольственных законов.

28 июля Себастьен Лакруа произнес в секции Единства большую речь о мерах общественного спасения [1], которые диктовались необходимостью. В числе прочих мер он требовал немедленно приступить к производству в большом масштабе оружия и амуниции, снабдить Париж продовольствием на целый год и

[1] «Pas un moment à perdre», брошюра (Bibl. nat., Lb[40] 2187).

организовать гражданскую пропаганду по всей Франции. Лица, которым будет поручена эта пропаганда, «произведут также перепись граждан, годных к военной службе, учет зерна, оружия, повозок, — вообще всех предметов, необходимых для обороны страны». В заключение Лакруа предложил декретировать всеобщую мобилизацию в день Федерации, 10 августа: «Пусть в тот час, когда набат гремел над дворцом тирана, когда трон его разлетался вдребезги, пусть в этот самый час снова раздастся набат, и по всей республике прозвучит генеральный марш; пусть друзья отечества вооружатся и образуют новые батальоны; не имеющие оружия будут заниматься подвозом амуниции, а женщины будут транспортировать провиант и месить хлеб [1]; гимн родине даст сигнал к борьбе, и восемь часов энтузиазма могут сделать для отечества больше, чем восемь лет войны». Эта идея Себастьена Лакруа имела большой успех. Секция Единства постановила напечатать его речь и расклеить ее по Парижу. Специальная депутация отнесла эту речь в Конвент, Комитет общественного спасения и Исполнительный совет. Несомненно, эта речь внушила делегатам первичных собраний идею той великой меры, которую они предложили 7 августа в клубе якобинцев, а 12-го — Конвенту. В призыв первой очереди должны были войти все здоровые французы от 18-ти до 26-летняго возраста. Для пропитания этих 500 000 рекрутов необходимо было соответственное количество съестных припасов. Как раздобыть их в достаточном количестве при свободе хлебной торговли, т. е. при зависимости последней от злой воли владельцев хлеба? Теперь уже не могло быть речи об отмене регламентации и такс. Напротив, необходимо было еще более усилить и то и другое, так как декрет 9 августа о зернохранилищах мог вступить в силу только через несколько месяцев и нуждался в дополнениях. Раз реквизировали людей для защиты границ, то возможны ли были колебания насчет реквизиции припасов для их пропитания?

9 августа Сен-Жюст внес в Конвент предложение снабжать отныне армии с помощью реквизиций. Согласно его предложению, все земледельцы должны сдавать в национальные магазины по твердой цене часть своего урожая. Возделывающие 5 арпанов сдают один квинтал; за каждые добавочные 5 арпанов вносится еще по квинталу. Они получают также 5 су с ливра и квинтала в возмещение расходов по перевозке. Конвент, который еще надеялся отменить максимум (он как раз в тот день вотировал декрет о государственных зернохранилищах), отложил поэтому обсуждение проекта Сен-Жюста. Однако он скоро должен был вступить на указанный им путь.

По прошествии четырех дней, 12 августа, когда делегаты первичных собраний выступили с требованием поголовного ополчения, Кутон внес в Конвент предложение декретировать в принципе, что «все зерно последнего урожая, независимо от его качества, переходит в распоряжение нации, которая платит за него цену, установленную законом». Вопрос о способах проведения этой меры Конвент направил на обсуждение Комитета общественного спасения. В тот же день в клубе якобинцев Дюфурни, друг Дантона, тоже выступил с требованием общей реквизиции урожая.

[1] Как мы увидим ниже, Барер в своем знаменитом докладе о поголовном ополчении будет все заимствовать у Лакруа, вплоть до этой фразы.

Общая реквизиция.

14 августа Комитет общественного спасения устами Барера присоединился к требованиям якобинцев и делегатов первичных собраний. Барер напомнил Конвенту о реквизициях прусских и австрийских войск в Шампани во время прошлогоднего нашествия: «Неужели вы останетесь глухи к трогательному зову рыдающего отечества и откажете ему в людях, продуктах и деньгах, в которых вы не отказывали грубым реквизициям австрийской кавалерии!» Он добился принятия декрета о посылке в департаменты 18 эмиссаров с заданием организовать поголовное ополчение «с помощью реквизиции людей, оружия, припасов, фуража и лошадей». Спустя несколько минут Конвент включает Карно и его друга Приёра из Кот-д'Ора в состав Комитета общественного спасения и вотирует другой декрет, приказывающий местным властям добиться всеми законными средствами молотьбы хлеба и ускорить всеобщую перепись, декретированную уже законом 4 мая [1].

На следующий день, 15 августа, по инициативе того же Барера, Конвент вотировал декрет, уполномочивающий эмиссаров Конвента прибегать к реквизициям для снабжения Парижа. Это было то, чего требовали Колло д'Эрбуа и Изоре. Земледельцы смежных со столицей департаментов должны были, согласно этому декрету, доставить по 4 квинтала зерна с плуга; ослушникам же грозил арест и конфискация недоставленного хлеба. Барер заявил, что это средство уже было применено эмиссарами Конвента при рейнской армии. По его словам, они потребовали от коммун доставки в армию 100 000 квинталов, и действительно, эти 100 000 квинталов были доставлены в течение 24 часов.

Налицо имелось большое искушение распространить меры, принятые для снабжения Парижа, на всю Францию. 17 августа Дорнье снова возвращается к проекту Сен-Жюста об общей реквизиции урожая. Он внес от имени комиссии военного снабжения предложение обязать всех земледельцев доставить по два квинтала зерна с каждых 5 арпанов пашни. Сен-Жюст требовал только 1 квинтала с 5 арпанов. На этот раз завязались дебаты. Монмайю потребовал постановки предварительного вопроса. «Я нахожу эту меру несправедливой. На самом деле не размер площади, а качество земли играет главную роль». Гастон требовал всеобще-

[1] Этого декрета нет в сборнике Пьера Карона о хлебной торговле.

го учета зерна. Ру-Фазильяк предложил свести весь закон к одной статье: «Производится учет всего зерна в республике. Каждая семья оставляет себе столько, сколько необходимо для ее пропитания, все остальное складывается в государственных зернохранилищах». Это предложение встречено было аплодисментами. Шабо воспользовался случаем и повторил свое предложение о том, чтобы цена на хлеб была определена в 3 су. Бреар предложил отложить решение. Тогда Дантон бросился на трибуну и напомнил Конвенту великую истину: «Каждое правительство, которое не в состоянии обеспечить народу средства существования, рискует сломать себе шею». Он требовал издания грозного закона против лиц, кои не сделают заявки обо всех имеющихся у них запасах зерна, требовал для них кары в десять лет каторжных работ. Леонар Бурдон сообщил, что Комитет земледелия представит новый доклад об организации государственных зернохранилищ. После этого Конвент снова декретировал всеобщую перепись, уже вотированную 14 августа; на сей раз он прибавил пункт о десяти годах каторжных работ в дополнение к конфискации для нарушителей закона, а также пункт о награде доносчику.

Об отмене максимума, установленного законом 4 мая, не было уже речи. Напротив, с каждым днем Конвент шел все дальше по пути реквизиций. Так, например, 17 августа, еще до того, как открыты были прения по докладу Дорнье, Конвент одобрил следующее постановление департамента Дубса от 9 августа: каждый сельский хозяин в округах Безансон, Бом, Кенжэ и Орнанс, собирающий пшеницу более, чем с 2 юрналов, должен с каждого отдать 60 фунтов. В Дубсе дан был срок в 24 часа для заявок. Реквизированный хлеб был собран муниципалитетами и перевезен в Безансон, где ожидали осады города. Реквизиция в Дубсе послужила образцом, по которому Конвент несколькими днями позже декретировал реквизиции для снабжения Парижа, с той лишь разницей, что в Дубсе речь шла о чрезвычайной и исключительной мере, тогда как для Парижа этот способ снабжения стал обычным и нормальным. Власти Дубса и Парижа не сговаривались между собой. Сами обстоятельства заставили их прибегнуть к одинаковым мероприятиям. Реквизиция оказывалась необходимой, так как свобода сделок вела к голоду.

Однако Конвент лишь с сожалением отказался от этой свободы. Он лишь постепенно и по частям вводил систему реквизиций, а вначале довольно долго противился этому.

Сторонники экономической свободы пытались провалить проект Леонара Бурдона, ставший теперь проектом Комитета общественного спасения. Шабо еще раз, 18 августа, изложил основы своего проекта налога на богатых, который должен был снизить цену хлеба до трех су за фунт. Депутат-эбертист Симон ответил ему, что необходимо установить максимум не только на хлеб, но также на все предметы первой необходимости: «Необходимо установить равновесие между

ценой железа, дров и заработной платой, иначе земледелец перестанет сеять хлеб и перейдет на луговое хозяйство, на производство сена и всяких других продуктов». Плану Шабо Леонар Бурдон противопоставлял свой проект государственных зернохранилищ, под управлением центральной комиссии, имеющей право реквизиций. Мор восхвалял максимум на зерно, который восстановил в стране изобилие и обеспечил умеренные цены. «Впрочем,—заявил он,—революция гораздо больше сделала для жителей деревень, чем для горожан. От отмены всякого рода привилегий больше всего выиграла деревня»... Против требуемого Симоном общего максимума Шабо доказывал, что достаточно иметь твердые цены на хлеб, так как хлебные цены являются регулятором цен всех прочих продуктов. Он присовокупил также, что твердые цены на хлеб спасут спекулянтов от народной мести. Прения не закончились. По всем видимостям, Конвент остался в нерешимости.

Твердые цены на топливо и овес.

На следующий день, 19 августа, Малларме выступил против торговцев дровами, поднявших цены с 14 до 50 ливров. По его инициативе Конвент принял постановление, уполномочивающее директории департаментов вводить твердые цены на дрова, древесный уголь, торф и каменный уголь. Отныне к твердым ценам на хлеб прибавились твердые цены на топливо.

Разумеется, это решение Конвента ободрило сторонников общего максимума. На следующий день, 20 августа, к решетке Конвента явилась депутация якобинского клуба и делегатов первичных собраний, во главе с Феликсом Лепеллетье, и требовала снижения цен на хлеб и прочие предметы первой необходимости. Феликс Лепеллетье заявил, что в некоторых департаментах хлеб стоит 12, 15 и 16 су фунт. Он восхвалял проект Шабо и по примеру последнего воскликнул: «Граждане законодатели, спасите спекулянтов и интриганов от мести народа, доведенного до отчаяния, который в праве жаловаться, что его нужды и права не охраняются». Председательствующий — это был Эро-де-Сешель — ответил: «Французская республика построена на равенстве, но этого еще не достаточно. Необходимо, чтобы ее законы и нравы ее граждан, в счастливом сочетании, стремились к уничтожению неравенства потребления. Необходимо, чтобы каждому французу было обеспечено счастливое существование. Любовь к богатству должна отныне уступить место возвышенной любви к отечеству; богатые должны быть не столько собственниками, сколько счастливыми хранителями излишков для счастья сограждан». В этих точных и смелых формулировках, выдающих юриста, Эро-де-Сешель, заранее санкционировал социальные меры, предложенные Бешеными и эбертистами. Конвент отослал петицию Феликса Лепеллетье в комитеты земледелия и войны, так как она требовала также удаления дворян со всех постов в армии. Но через несколько минут Раффрон внес предложение уполномочить

муниципалитеты устанавливать твердые цены для всех товаров, цены которых стоят на чрезмерной высоте. Вслед за ним выступил Шабо; он указывал на нарушения закона 4 мая о максимуме на зерно и снова проповедывал свою панацею. От сторонников экономической свободы выступил Лекоэнт-Пюираво; он подчеркивал, что вопрос нуждается еще в обсуждении. Твердые цены на хлеб,— заявил он, — были виной того, что граждане некоторых департаментов вынуждены были «питаться травой, смешанной с отрубями». Тогда Леонар Бурдон заявил, что представит назавтра свой проект общих реквизиций в новой редакции, согласованной со взглядами Комитета общественного спасения. Прения таким образом были отложены еще раз. Но в тот же день Конвент декретировал твердые цены на овес. До сих пор овес не подлежал регламентации, и цены его поднялись до ненормальных размеров. Собственникам лошадей оказывалось при этих ценах выгоднее кормить лошадей вместо овса рожью или регламентированной пшеницей. 23 августа был издан дополнительный декрет, постановляющий, что твердая цена на овес ни в коем случае не должна превышать половины цены пшеницы.

Закон 11 сентября 1793 г.

Прения по докладу Леонара Бурдона о способах снабжения государственных зернохранилищ открылись 21 августа. Центральная продовольственная комиссия, предусматриваемая проектом Бурдона, выбирается не народом, а Конвентом; число ее членов сокращено до 12 вместо первоначальных 24; заведующие зернохранилищами выбираются центральной комиссией по представлениям от округов; все зерно урожая 1792 г. и половина урожая 1793 г. подлежат реквизиции, оставляются только запасы для собственного потребления семьи земледельца из расчета шести квинталов на душу и семян на будущий посев; реквизированное зерно оплачивается по единому тарифу: 14 ливров 15 су в первый месяц после опубликования закона, 13 ливров 5 су в дальнейшем — эта понижающаяся шкала должна была служить для ускорения поступлений от земледельцев.

Шабо еще раз выступил с критикой проекта своего соперника. Он утверждал, что центральная комиссия, предусмотренная Бурдоном, может стать контр-революционным фактором; это утверждение встретило сочувствие. Дантонист Дюгем поддержал Шабо: «Я протестую против того, чтобы народное питание всецело отдавалось в руки администрации; благодаря всем этим управлениям мы умираем с голоду». Другой дантонист, Делакруа, полагал, что можно пополнять государственные зернохранилища, постановив, что налоги должны вноситься натурой. Дебаты снова были отложены.

Тем временем поголовное ополчение, декретированное Конвентом только в принципе, принимало реальные организационные формы. Окончательный декрет, составленный Карно в сотрудничестве с Барером, был принят Конвентом 23 августа. Статьи 13-я и 14-я дополняли закон 9 августа о государственных зернохранилищах. Они гласили, что арендаторы национальных имуществ и управляющие последними должны уплачивать арендную плату зерном, точно так же земледельцы вносят в зерне свои недоимки и две трети налога за 1793 год. То, к чему закон 9 августа только призывал граждан, стало теперь обязательным. Зерно, поступающее таким образом, оплачивается по твердым ценам. Это еще не была общая реквизиция урожая, но это было ее началом, путем к ней.

Отныне отмена максимума становилась все менее вероятной. 25 августа Лекуантр (из Версаля), воспользовавшись письмом Андре Дюмона, в котором сообщалось о вредных результатах закона 4 мая, предложил поручить Комитету земледелия сделать доклад о том, представляется ли целесообразным сохранить этот закон или отменить, или видоизменить его. Конвент голосовал за это, не на том же заседании Барер от имени Комитета общественного спасения предложил усилить осуждаемый закон. Он доказывал, что враги республики продолжают свои происки против снабжения Парижа; указывал на плохие результаты закона 1 июля, разрешившего в отмену закона 4 мая покупки на дому. Эти покупки нельзя было контролировать, они повлекли за собой повышение цен на продукты. Барер прибавил, что Паш и Шометт, убедившись в этих недостатках закона 1 июля, требовали его отмены. «Этот закон, — заявил он, — разрешающий гражданам закупать продукты у частных лиц в богатых хлебом департаментах, был издан до жатвы. В настоящее время, когда все амбары полны хлеба, фермеры не замедлят свести его в города, в которых его нет. Комитет общественного спасения предлагает вам отменить закон 1 июля и уполномочить Исполнительный совет производить реквизиции для снабжения нуждающихся департаментов». Затем выступил еще Тальен и сказал несколько хвалебных слов по адресу парижского муниципалитета, которому приходится бороться с чрезвычайными трудностями, усугубляемыми еще происками демагогов. После этого Конвент отменил декрет 1 июля, уполномочивавший управления департаментов и округов производить покупки у частных лиц. Кроме того Конвент уполномочил Исполнительный совет производить необходимые реквизиции для снабжения нуждающихся департаментов и предпринимать все целесообразные меры для проведения этих реквизиций. Решено было переизбрать комитет земледелия на ближайшем заседании и поручить новому составу его рассмотреть закон 4 мая с точки зрения его недостатков или выгод.

На следующий день, 26 августа, прения продолжались. Гильмарде предложил назначить чрезвычайную комиссию в составе пяти членов и поручить ей вместо комитета земледелия выработать текст окончательного закона о продовольствии. Тогда Шабо, который эволюционировал в сторону Бешеных, заявил, что отмена закона о твердых ценах вызовет «самое сильное потрясение в республике;

напротив, сделав эту меру общей, вы спасете народ от угрожающего ему голода». Ему аплодировали. В том же духе высказался Тюрио. Если закон 4 мая не дал повсюду отличных результатов, то виной этому халатность администрации и происки экзальтированных людей, «идеи которых ведут только к тому, что вызывают бунты и препятствуют таким образом циркуляции продуктов». Конвент голосовал за предложение Гильмарде и постановил назначить комиссию из пяти членов для выработки общего закона о продовольствии. С этого момента ясно было, что новый закон может быть только дальнейшим усовершенствованием и усилением закона 4 мая. 31 августа новый министр внутренних дел Паре, сменивший 20 августа Гара, обратился к департаментам с циркуляром, в котором призывал их всячески содействовать исполнению закона о твердых ценах: «Для граждан, привозящих продукты на рынок,— все облегчения, безопасность, неприкосновенность личности и товаров во всех транспортах; но строжайшее соблюдение закона о твердых ценах, немедленные и усиленные кары для нарушителей закона!» В тот самый день, когда Паре разослал этот циркуляр, специальная комиссия-пятерка представила свой доклад; докладчиком она выставила Лекуантра (из Версаля)[1]. Лекуантр положил в основу доклада следующий принцип: «Предметы первой необходимости, производимые на французской территории, образуют общественную собственность; каждый член общества имеет на нее право в силу своего труда». Проект Лекуантра вводил обязательные декларации, обыски, наказания для администрации и частных лиц. Под страхом конфискации и штрафа, все продажи хлеба должны производиться только на рынке. Власти снабжают рынки путем реквизиций. Для обмолота снопов власти могут нанимать рабочих за счет владельца. Торговцы зерновыми хлебами обязаны вести список своих сделок; для транспорта хлеба они заручаются особыми разрешениями (acquits-à-caution). Проек тсохраняет твердые цены, но они устанавливаются в одинаковом размере для всей Франции, причем на издержки по транспорту делается надбавка по числу километров. Снабжение Парижа продолжает производиться, как снабжение крепости. Снабженне армий производится эмиссарами Конвента путем реквизиций. 27 августа Сент-Андре провел декрет, угрожающий смертной казнью чинам администрации, оказывающим сопротивление распоряжениям эмиссаров. В заключение проект содержал ряд статей о разделении больших ферм на более мелкие хозяйства.

Раффрон не объявил себя удовлетворенным этим проектом. Он требовал введения твердых цен на все продукты первой необходимости. Доводы его были близки к доводам Бешеных. Он отрицал, что во время войны конкуренция в состоянии снизить цены, ссылался на то, что количество продуктов ограничено

[1] А не Лекоэнт-Пюправо, как напечатано в «Archives parlementaires». Ср. заявку имущества Лекуантра в Archives nationales, C 353.

и их владельцы спекулируют ими. Точно так же, как торговец не имеет права продавать свой товар по ложному весу и ложной мере, он не имеет так же права продавать по неразумной цене, это — злоупотребление. Надо положить конец тому, что торговцы ведут себя по отношению к своим согражданам, как завоеватели, надо положить конец их разбою. Прения были отложены, но Лекуантру удалось провести несколько параграфов, создающих новые препятствия для экспорта хлеба. Запрещены были зерновые склады в портах и пограничных городах (на расстоянии до шести лье от границы). Все корабли с зерном, стоящие на якоре в портах, должны были быть немедленно разгружены.

Прения возобновились 3 сентября. Раффрон требовал, чтобы все арендные договоры были расторгнуты и сведены к ценам 1764 года и чтобы, как следствие этого, хлеб продавался тоже по ценам 1764 года. Но это предложение найдено было слишком радикальным и не встретило сочувствия.

Феро (Feraud) пытался отстаивать принцип свободы торговли. Он требовал отмены максимума. В том же духе выступил Рамель, но тоже не имел успеха. Девар говорил против реквизиций и защищал твердые цены по департаментам, отдавая им предпочтение перед общенациональным максимумом. Им всем отвечал Тюрио. Он сваливал все отрицательные результаты закона 4 мая на злопамеренность администрации, говорил о жадности земледельцев, обогащающихся после революции, и ссылался главным образом на суждения эмиссаров Конвента: «Письма ваших эмиссаров, — заявил он, — свидетельствуют, что земледельцы нисколько не стараются помочь снабжению городов и укрепленных мест. Эмиссарам Конвента приходится прибегать к вооруженной силе, чтобы заставить земледельцев продать зерно, которое они нагромождают в своих амбарах. Неужели ради обогащения нескольких личностей осуждать на голод всю нацию? Неужели отдавать судьбу государства в руки земледельцев, которые, пользуясь продовольственным вопросом, будут проводить контр-революцию?» Оратору аплодировали. Так как внесено было предложение отложить еще раз прения, Дантон бросился на трибуну и заявил: «Конвент должен сегодня же сделать выбор между интересами спекулянтов и интересами народа. Тюрио изложил свои взгляды и подтвердил их вескими доводами. Если кто желает возражать ему, пусть взойдет на трибуну и выскажется — мы его опровергнем. Природа не покинула нас; не покинем и мы народ. Иначе он сам добудет себе свое право, обрушится на аристократов и силой вырвет у них то, что должен был дать ему закон». Дантону аплодировали так же, как Тюрио, и Конвент постановил в принципе сохранить твердые цены на зерно. Затем Конвент голосовал за отмену свободы хлебной торговли. Большая часть пунктов законопроекта Лекуантра была принята Конвентом в тот же день.

Последние статьи проекта были приняты 11 сентября. Первоначальный текст был изменен в сторону большей строгости. На частных лиц было возложено

обязательство заручаться пропускными свидетельствами. Мельникам, под страхом 10 лет тюремного заключения, было запрещено торговать зерном или мукой. Для всех мельников была обязательна общественная служба. Прекратившие работу или не повинующиеся реквизициям могли подвергаться штрафу до 3 000 ливров. Цена квинтала пшеницы высшего качества была фиксирована по всей республике в 14 ливров, не включая издержки на провоз, цена самой лучшей муки — в 20 ливров за квинтал. Статьи о разделе крупных ферм были выделены.

Мотивы Конвента.

Спрашивается: почему Конвент, в своем подавляющем большинстве являвшийся сторонником экономического либерализма, в конце концов принял этот закон, сугубо усиливавший закон 4 мая? Он поступил так главным образом из практических соображений.

С приближением празднества 10 августа комитеты правительства стали опасаться восстания в Париже. Чтобы удержать Париж в спокойствии, им волей-неволей приходилось прибегать к реквизициям для снабжения столицы продовольствием. Эмиссары Конвента, на обязанности которых лежал надзор за снабжением Парижа, по собственной инициативе опередили комитеты. Реквизиции делают необходимым максимум, и тщетно комитеты пытаются избежать этого. Сущность проекта Шабо заключалась в поддержании хлебных цен на низком уровне за счет налога на богатых; этот проект оказался неосуществимым, так как не предусматривал мер принуждения для получения зерна от его владельцев. Сам Шабо становится на сторону максимума. Проект Леонара Бурдона получил предпочтение, потому что имел своей основой реквизиции. Его принимают по частям. Центральная продовольственная комиссия Леонара Бурдона, несомненно, была отвергнута потому, что внушала опасения. Однако 9 августа учреждаются государственные зернохранилища. Они приняты в принципе. Как пополнять эти зернохранилища? Вопрос этот тем настоятельнее, что решено призвать в ряды армии всех французов от 18 до 25-летнего возраста; другими словами, придется кормить 500 000 рекрут. В результате принимаются одна за другой принудительные меры. 14 августа мобилизуют рабочих для обмолота урожая. 15 августа для снабжения столицы реквизируется зерно в департаментах вокруг Парижа. 17 августа декретируется всеобщий учет. 19 августа вводятся твердые цены на топливо, 20-го и 23 августа — на овес. 23 августа декрет о поголовном ополчении предписывает вносить налоги натурой на предмет снабжения государственных зернохранилищ. Комитет общественного спасения находит это недостаточным и 9 августа устами Сен-Жюста ставит требование о всеобщей реквизиции урожая. Комитет поддерживается Парижской коммуной, которая всеми силами борется с недостатком припасов. Первую победу Комитет одержал 25 августа, добившись отмены закона 1 июля и восстановления во всем объеме закона 4 мая. Вторую победу он одержал, настояв на издании закона 11 сентября, согласно которому весь урожай подлежит реквизиции; этот закон усиливал максимум.

Итак, Комитет общественного спасения превращал в декреты требования Бешеных. Он вынужден был к этому обстоятельствами военного времени. Он пошел на путь реквизиции, т. е. принудительных мер, только после того, как действительность доказала, что режим свободы не в состоянии справиться с злой волей владельцев зерна. Как мы видим, таксы и реквизиции были не результатом теоретических соображений, а продиктованы необходимостью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ТЕРРОРА.

5 сентября 1793 г. Конвент, уступая народному движению, вынужден был поставить в порядок дня террор. Он сделал это уже через 10 дней после роспуска комиссии, назначенной парижскими секциями для рассмотрения продовольственного вопроса, и через 8 дней после временного освобождения главы Бешеных, Жака Ру. Конвент принял постановление об аресте подозрительных лиц, о секвестре имущества подданных враждебных стран, о создании революционной армии, которая должна была добиться повиновения продовольственным законам; постановлено было также ускорить и усилить работу революционного трибунала, ввести смертную казнь за преступления в области ассигнат, произвести чистку всей администрации, — одним словом, осуществить большую часть той программы, которая несколько месяцев тому назад формулирована была народными агитаторами.

Каким образом произошла эта столь быстрая перемена во взглядах Конвента? 25 августа Конвент и парижские власти еще одинаково противились этим требованиям, 5 сентября они капитулировали.

Несомненно, движение 5 сентября вызвано было также случайной причиной: вступлением англичан в Тулон. Известие об этом пришло в Париж 2 сентября и было официально объявлено 4-го. Однако в основе этого движения лежали также общие, глубокие причины политического и экономического характера.

Наступление эбертистов.

Решающее значение имело то, что к концу августа партия эбертистов, сторонница войны до конца, завладела большинством в якобинском клубе. Начинается набор первой очереди. Аристократы и богатые пытаются сорвать его темными и упорными маневрами в секциях. Патриоты имеют основание бояться, что окажутся в меньшинстве и бессильными, как это уже было раз при аналогичных обстоятельствах в апреле и мае, во время набора 300 000. Поголовное ополчение должно сокрушить внешнего врага, но успех его возможен только в том

случае, если предварительно будет сокрушен внутренний враг. Эта пропаганда Эбера имела успех. «Пер Дюшен» без устали поучал Конвент. Он жаловался на слабость его комитетов и эмиссаров. Последовавшее 20 августа назначение на место Гара министром внутренних дел Паре, бывшего писца Дантона, еще более испортило настроение Эбера, так как он выставил свою кандидатуру на это место. Бурдон (депутат от Уазы) и Гупильо (депутат от Фонтенэ) плохо обошлись в Вандее с его другом, генералом-санкюлотом Россиньолем [1]; это дало Эберу новые аргументы для нападок против контр-революционной слабости многих именующих себя монтаньярами. Когда Конвент вотировал конституцию, полномочия его по закону кончились. Это оружие Эбер держал в запасе против Конвента. На случай, если Конвент окажется не на высоте, Эбер мог требовать вступления в силу конституции, т. е. созыва нового Национального собрания, в котором будут заседать он и его друзья Отныне Эбер встречает в клубе якобинцев все более сильный отклик.

26 августа Дантон пытался оправдаться перед клубом; Эбер поддерживал свои главнейшие обвинения против него. Дантон, ослабевший, униженный, вынужден был настаивать на демагогических мерах. чтоб вернуть себе свою исчезающую популярность.

28 августа Эбер предложил в клубе отправить Конвенту адрес со следующими требованиями: чистка генеральных штабов, удаление от должностей всех дворян, принятие мер общественного спасения Чтобы придать больше весу своей петиции, Эбер высказывает пожелание, чтобы к ней присоединились 48 секций и все народные общества Парижа. Ему сильно аплодировали. Буа разражается угрозами против Конвента. Его хотят призвать к порядку. но трибуны защищают его. Предложения Эбера поддерживает якобинец Ройе, тот самый, который 10 августа председательствовал на собрании делегатов первичных собраний и редактировал петиции, в которых они требовали поголовного ополчения. Вопрос о петиции решен в утвердительном смысле.

30 августа Робеспьер и Дантон вынуждены сделать уступки эбертизму. Робеспьер заявляет: «Народ требует мести, она вполне законна, и закон не должен отказывать в ней». С своей стороны Дантон требует. чтобы Конвент вместе с народом произвел *третью революцию*, если это понадобится, «чтобы закончить, наконец, тот процесс возрождения, от которого народ ожидает своего счастья и которое до сих пор задерживалось чудовищами, которые ему изменили».

Ройе играл в эти критические дни такую же первостепенную роль, как во время кризиса 10 августа. Он выступил после Дантона и произнес горячий

[1] Эти два эмиссара Конвента отстранили 22 августа Россиньоля от должности и распорядились арестовать его 24 августа. Впоследствии Россиньоль был восстановлен в должности, а оба эмиссара отозваны.

панегирик Марату; жаловался, что в свое время не послушались «друга народа», который предлагал превосходные меры: «Впрочем, тех, кто остались в живых, тоже слушают теперь не больше. Неужели надо умереть для того, чтобы другие убедились в твоей правоте? Я заявляю, что *необходимо поставить в порядок дня террор*. Это — единственное средство разбудить народ и заставить его спасти себя собственными силами». Оратору бурно аплодировали. Якобинцы поручили ему проредактировать снова (это была уже четвертая редакция) петицию, инициатива которой принадлежала Эберу.

В воскресенье 1 сентября Ройе возвращается к своей теме. Он воспользовался письмом народного общества в Макопе, требовавшим создания революционной армии [1]. Надо полагать, что он сам сфабриковал это письмо; он был родом из Макона, был там в свое время священником.

2 сентября клуб сильнее, чем когда-либо, опять выдвинул требование удалить с должностей всех аристократов. Чтобы подчеркнуть свою эволюцию в сторону эбертизма, он согласился на присоединение к клубу Общества революционерок-республиканок, общество ходатайствовало об этом уже второй раз, но до сих пор это все откладывалось — несомненно, потому, что известна была связь его председательницы Клэр Лакомб с Теофилем Леклерком.

Эбер выступил затем с нападками на медленность, с которой революционный трибунал судил федералистов. Коммунист Буассель прочитал составленный им адрес, в котором от Конвента требовалось устранение дворян от должностей, слияние волонтеров с регулярной армией, образование революционной армии. Эбер представил другую формулировку, которая понравилась и была принята. Клуб решил собраться на следующий день в 9 часов утра и отправиться всей массой в Конвент.

Что произошло потом? Почему это решение не было приведено в исполнение? Почему подача адреса была отложена еще раз? Документы не дают мне ответа на этот вопрос [2]. Правдоподобным является предположение, что в якобинском

[1] Первая революционная армия была создана в Лионе Дюбуа-Крансе в мае 1793 г. Кордельеры требовали 13 мая создания такой армии для Парижа; в тот же день Робеспьер выступил с аналогичным предложением в якобинском клубе 31 мая Делакруа предложил создать эту армию в составе 6 000 человек. Повстанческий комитет 1 июня предлагал довести ее до 20 000 человек; они должны были получать по 2 франка в день. 2 июня Конвент постановил, что эта армия должна состоять из 16 000 человек. Но коммуна относилась враждебно к этому плану. «Где вы достанете столько денег?» — заявил Шометт. Парижские артиллеристы были против создания этой армии. 11 июня секция Пик, собравшись в епископстве вместе с некоторыми другими секциями, требует отложить это дело. Декрет 2 июня не был приведен в исполнение.

[2] Буассель пишет Кутону в письме, помеченном 3 сентября: «Сегодня утром клуб соберется, чтобы заручиться общим согласием и всем вместе отнести (петицию) Конвенту». Быть может, это собрание якобинцев и состоялось, но они не подали Конвенту никакой петиции. Письмо Буасселя находится среди бумаг Кутона в Archives nat., T 516.

клубе были члены, враждебные террору, что они действовали негласно и имели достаточно влияния, чтобы добиться отсрочки манифестации, которой боялись.

Если бы агитация покоилась только на политических причинах, разумные элементы, быть может, сумели бы возобладать над ней; но она имела экономические причины, которые делали ее непобедимой.

Паш отказал комиссарам секций открыть склады только потому, что склады были пусты. Несмотря на все усилия эмиссаров Конвента и агентов коммуны, снабжение Парижа не улучшилось. Письма одного из этих агентов, Декомба, полны жалоб против злой воли некоторых местных властей, которую необходимо сломить. Например, в департаменте Сены-и-Уазы «пришлось посадить в тюрьму трех чиновников, которые после закона 4 мая упорно и открыто плели нити голодного заговора» [1]. Лето 1793 г. было крайне сухое; реки высохли, и многие мельницы остановились [2]. Зерно было налицо, но муки было недостаточно. К концу августа, как раз к моменту, когда был временно освобожден Жак Ру, парижские хлебопекарни стали получать недостаточное количество муки. «За последние дни ни разу не поступало более 400 мешков в город, потребление которого составляет 4 500 мешков в сутки; если (прежде) подвоз был больше, то в следующие дни он совсем прекратился» [3].

Сообщения наблюдателей из министерства внутренних дел отмечают увеличение хвостов и сборищ у пекарен и булочных. Один из них, Перрьер, пишет в своем докладе от 27 августа, что «раздобыть хлеб становится не легче, а все труднее, и положение делается тревожным; иным удавалось получить хлеб, только простояв семь часов у дверей булочной от 4 часов утра». Перрьер добавляет еще: «В Париже, в особенности в предместьях, ходят слухи, что в субботу не будет хлеба. Эти слухи могут повести к беспорядкам в этот день. Необходимо их предупредить». Этому предсказанию суждено было сбыться. Этот проницательный наблюдатель строил свои опасения на народных настроениях: «Народ думает, что заведующие продовольственным делом под маской патриотизма играют здоровьем населения (ибо хлеб был плохого качества) и имеют в виду только свое обогащение, нарочно покупают испорченную муку, а берут за нее как за муку лучшего качества; еще больше раздражает народ то, что, несмотря на всем известное плохое качество хлеба, агенты администрации упорно заявляют, что хлеб

[1] Письмо заведующих продовольствием Парижа Декомбу от 18 сентября. Tuetey, Répertoire, t. X, № 2575.

[2] «Если бы не низкий уровень воды в реках, у вас было бы изобилие и клеветники вынуждены были бы замолчать» (приказ Анрио от 2 сентября).

[3] Tuetey, Répertoire, t. IX, №№ 1185, 1189 и др.

превосходен; раздражают его также жалкие уловки представить жалующихся на плохой хлеб агентами Питта и Кобурга».

Несомненно, комиссары секций искусно поддерживали и разжигали народные жалобы. Дело в том, что своим декретом от 25 августа Конвент грубо положил конец миссии этих комиссаров. Собрания секций были почти перманентны; они были прекрасной трибуной для комиссаров, которые, надо полагать, не преминули воспользоваться ею. В вышеупомянутом докладе Перрьера мы читаем следующее: в секции Санкюлотов некий Маршан, — возможно, что это был эбертист, член центрального комитета 31 мая и комитета общественного спасения Парижского департамента, — взял слово и еще раз потребовал открыть и проверить городские склады.

Эта экономическая агитация давала серьезную базу кампании «Пер Дюшен» и делала ее опасной. В номере от 3 сентября (№ 279) Эбер обрушивается уже не только на спекулянтов, но и на весь класс негоциантов, и статье его могли позавидовать Тесфиль Леклерк и Жак Ру. «Отечество, черт с ним! Негоцианты не имеют его. Они поддерживали республику только, пока думали, что революция будет им полезна; они поддерживали санкюлотов, чтобы уничтожить знать и парламенты; но это им нужно было для того, чтобы самим стать на место аристократов. И вот с тех пор, как нет больше активных граждан и несчастный санкюлот пользуется теми же правами, что и самый богатый вымогатель, все эти негодяи повернули оглобли и пускают в ход огонь и воду, чтобы сокрушить республику. Они накопили у себя все припасы, чтобы продать их на вес золота или нас довести до голода; но видя, что санкюлоты решились лучше умереть, чем снова стать рабами, эти потребители человеческого мяса вооружили против санкюлотов своих слуг и сидельцев; хуже того — они кормили, одевали и снабжали вандейских бандитов; а в настоящий момент они открывают ворота Тулона и Бреста англичанам [1] и торгуются с Питтом относительно выдачи ему колоний»... Конечно, Эбер делает оговорку: «Не думайте, что я не ценю торговли. Никто так не уважает честного человека, который живет промышленным трудом, как я, никто не достоин такого уважения, как добрый негоциант, купец-патриот». Эту оговорку он, впрочем, ограничивает следующими словами: «К несчастью, такие люди редкость». Она не лишила статьи ее опасного характера. Эбер проповедывал войну против торговцев как раз в тот момент, когда якобинцы, по необъяснимым соображениям, воздержались от подачи Конвенту адреса, который Эбер провел в клубе после 8 дней борьбы.

Петиция Эбера должна была быть вручена Конвенту якобинцами 3 сентября. Замечательно, что в этот день Конвент вотировал два популярные декрета:

[1] Известие о падении Тулона доставлено было в Париж 2 сентября Сулесом. Брест не был сдан неприятелю. Очевидно, этот номер «Пер Дюшен» вышел непосредственно после получения в Париже этого известия.

о принудительном займе у богатых и о принципе закона о твердых ценах на зерно, муку и фураж. Сопоставляя эти факты, можно предположить, что руководители комитетов и якобинцев надеялись успокоить этими двумя декретами агитацию в народе и утихомирить клуб.

4 сентября 1793 г.

Так или иначе, это не было достигнуто. Напротив! Эбертисты, разочарованные отсрочкой петиции, готовились к реваншу. Показателен следующий факт: 4 сентября комитет общественного спасения Парижского департамента, в котором заседало столько друзей Эбера, обратился к Комитету общественного спасения Конвента с просьбой принять необходимые меры против искусственного недостатка припасов и против хвостов у хлебопекарен. Почему это требование было адресовано правительству, а не коммуне? Быть может, эбертистские агитаторы уже старались свалить с себя ответственность за грядущие события?

В тот самый день, когда парижский комитет обратился к Комитету общественного спасения с этим достаточно тревожным письмом, агитаторы мобилизовывали свои силы на улице. Начиная с пяти часов утра, они ходили по мастерским и снимали оттуда рабочих; последние толпами собирались на улицах: «по одну сторону — строительные рабочие, по другую — слесаря». «Движение, — по словам Шометта [1], — началось на бульваре недалеко от Дома войны». Это — интересное указание. Несомненно, снятые таким образом с работ рабочие работали в военных производствах. В конторах Бушотта было много эбертистов; ясно, откуда был дан сигнал. В тот же день Паш пишет Анрио, что агитаторы снимали с лесов строительных рабочих и призывали их итти к коммуне и Конвенту и требовать хлеба. Толпа подошла к улицам Тампль, Сент-Авуа и прилежащим улицам [2]. Рабочие, главным образом каменщики, жаловались, что им трудно доставать хлеб, требовали увеличения своей заработной платы. Муниципалитет собрался около полудня. Анрио приказано было удвоить посты и резервы, усилить патрули и трубить сбор [3]. Затем приступили к обсуждению продовольственного вопроса.

В то время как происходило заседание муниципалитета, толпа заняла Гревскую площадь. Посреди площади поставлен был стол, демонстранты устроили собрание под открытым небом, выбрали президиум, который от их имени составил петицию. Присутствующие подписались под петицией. Затем была выбрана депутация, которая должна была отправиться в мэрию. «Вот уже два месяца, —

[1] Речь Шометта в Конвенте в конце заседания от 4 сентября («Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 395).

[2] «Moniteur», отчет о закрытии коммуны 4 сентября.

[3] Согласно «Républicain français», цит. у Buchez et Roux, t. XXIX, p. 26 и сл. Паш написал два письма Анрио. Анализ их дан в «Catalogue» Charavay, 1862, p. 201.

говорил один из ораторов, обращаясь к мэру и членам муниципалитета, — мы терпели и молчали, в надежде, что это положение прекратится, но вместо этого оно, напротив, с каждым днем становится все хуже. Поэтому мы требуем, чтобы вы обсудили меры, необходимые для общественного спасения. Сделайте так, чтобы рабочий, проработавший весь день и нуждающийся в отдыхе, не вынужден был простаивать в очередях часть ночи и терять на это половину своего рабочего дня, к тому же часто напрасно».

Между мэром и рабочими завязался следующий диалог. «Почему не препятствуют вывозу хлеба из Парижа?» — «Муниципалитет неоднократно издавал *постановления в этом смысле*». — «*Почему эти постановления не исполняются?*» — «Муниципалитет может только издавать постановления и поручить исполнение их секциям; а секции образуете вы». — «Имеются ли в Париже припасы? Если имеются, выложите их; если их нет, скажите нам причины этого. Народ поднялся, санкюлоты, сделавшие революцию, предлагают вам свою помощь, свое время, свою жизнь!»

Депутация все возрастала. Скоро вся зала муниципалитета была заполнена толпой, кричавшей: «Хлеба, хлеба!» Шометт и другой член прокурорского надзора бегут в 8 часов вечера в Конвент предупредить его о том, что происходит. Допущенный к решетке Конвента Шометт излагает свои опасения, как бы злонамеренные лица не возбуждали народ только с целью вызвать серьезные беспорядки. Он рассказывает, какие антигражданские речи ведутся во дворце Равенства и в Тюльерийском саду, рисует агитацию в секциях, сообщает, что накануне секция Пон-Нефа была ареной раздоров. В заключение Шометт высказывает свое мнение, что «все эти движения, повидимому, имеют целью только задержать и, если возможно, совсем воспрепятствовать отправке на фронт мобилизованных граждан».

Председательствующий — это был Робеспьер — ответил Шометту, что Конвент «занят вопросом о продовольствии и, следовательно, о народном благе». Он читает ему резолюцию, принятую только что Конвентом по предложению Гастона: «Конвент постановляет, что на предметы первой необходимости должны быть установлены твердые цены; продовольственной комиссии Конвента поручается представить в течение восьми дней доклад о способах проведения в жизнь этого постановления». Шометт уходит с этой выпиской из протокола, являющейся обещанием общего максимума. Окажется ли это достаточным, чтобы успокоить волнения?

За время его отсутствия муниципалитет закрыл заседание. В половине девятого вечера собрался в большой зале ратуши генеральный совет коммуны. Вскоре зал заполнила толпа народа, она заполнила скамьи, трибуны, коридоры. Дискуссия началась снова. Крики: «Хлеба, хлеба!» все учащаются. Когда вернулся Шометт и огласил декрет, устанавливающий в принципе общий максимум, это

не оказало никакого действия на толпу. «Нам нужны не обещания, — кричит она, — а хлеб, и тотчас же».

Тогда Шометт, взобравшись на стол, произносит одну из своих лучших речей к народу, страстную, но ловкую. «Я тоже был беден и знаю, что значит бедность». Этими словами он добился немедленно молчания в зале. Толпа притихла. Он продолжает: «Перед нами открытая война богатых против бедных. Они хотят раздавить нас. Что ж, мы предупредим их! Мы должны раздавить их. Сила в наших руках. Эти негодяи сожрали плоды нашего труда, съели наши рубахи, выпили наш пот и хотят еще попить нашей крови». Шометт закончил свою речь следующими требованиями [1]: «1) В помещение рынка должно быть доставлено достаточное количество муки для выпечки хлеба на завтрашний день; 2) надо потребовать от Конвента декрета о немедленном создании революционной армии; она должна отправиться в деревни, в которых реквизируется хлеб, обеспечить снятие урожая, помогать транспорту, разоблачать эгоистические маневры богатых и предавать их в руки правосудия». В этих требованиях заключались главные меры, предложенные несколько дней тому назад в якобинском клубе Эбером и Ройе. Эти требования были приняты. Коммуна присоединилась к главным требованиям эбертистов, тайных заправил всего движения.

Эбер был в восторге и, взяв слово, советовал народу «отправиться завтра массами в Конвент для поддержки петиции». «Пусть народ окружит Конвент, как он уже сделал это 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и не оставляет этого поста до тех пор, пока народные представители не примут меры, могущие спасти нас... Революционная армия должна отправиться в деревни без замедления, в день издания декрета. А главное, пусть каждый отряд, каждая колонна этой армии возьмет с собой гильотину».

На 11 часов утра следующего дня назначено было сойтись для принятия окончательного текста петиции. «Все рабочие, за исключением тех, которые работают на республику, приглашаются закрыть свои мастерские» («Moniteur»).

Коммуна продлила свое заседание до глубокой ночи. Решено было немедленно пустить в ход изобретенные Перье новые мельницы, «работающие огнем». «Кроме того на Сене будет поставлено еще 50 водяных мельниц».

Коммуна постановила также подвергнуть домашнему аресту бывших заведующих снабжением столицы: Гарена, Дефаванна, Кузена, Бидермана и Филлеля, а также бывшего министра внутренних дел Гара. Она запретила образовывать очереди у хлебопекарен раньше $4^1/_2$ часов утра и открывать хлебные лавки раньше 5 часов утра. Постановлено было, что булочники должны печь только хлебы в 5 фунтов и снабжать их своим клеймом.

---

[1] Согласно «Moniteur», Шометт сначала выступил с этими требованиями, а потом отправился в Конвент. Мы следуем здесь версии «Républicain français».

По требованию Шометта была назначена комиссия для обследования всех садов на землях национального фонда и сдачи их под обработку малыми участками. Решено было призвать всех владельцев частных садов засеять их овощами и другими необходимыми продуктами. Решено было также обратиться к Конвенту с предложением засеять под огороды в пользу больниц Тюльерийский сад, который «до сих пор являл только зрелище бесполезной придворной роскоши».

Около 10 часов вечера присутствующим предложено было отправиться в свои секции и сообщить там о принятых резолюциях. Мало-по-малу зала опустела, но агитация продолжалась в секциях.

Коммуна вынуждена была послать четырех своих членов в секцию Пон-Нефа восстановить порядок, нарушенный там аристократами.

Некоторые секции посылают депутации в ратушу. Секция Ломбара требует, чтобы допускалась выпечка только одной формы хлеба. Комиссия направляет это требование на рассмотрение полиции и продовольственного ведомства.

Секция Сите сообщает, что решила требовать от Конвента предания революционному суду двух фермеров в департаменте Сены-и-Уазы за отказ продать свое зерно. Коммуна заявляет, что поддержит это требование.

Секции Фонтен-де-Гренеля и Горы сообщают, что узнали через доносчиков о заговоре, замышляющем убийство мэра и ряда других патриотов.

Секция Санкюлотов сообщает, что она объявила себя «восставшей против богатых, которые желают поработить народ и республику» («Moniteur»).

«Секция Мольера и Лафонтена заявляет, что будет защищать своих магистратов, если они подвергнутся нападениям».

Секции Гравильеров и Арсенала присоединяются к требованию Шометта об образовании революционной армии.

Комиссары, посланные в секцию Пон-Неф [1], возвращаются с сообщением, что аристократы этой секции, нарушавшие порядок, потерпели поражение, и главари их арестованы.

Наконец, решено было также потребовать в завтрашней петиции введения известного вознаграждения для членов революционных комитетов. В четверть первого ночи это длинное и бурное заседание было закрыто.

В этот день, 4 сентября, эбертизм произвел смотр своим силам. Как заявил «Пер Дюшен», готовилось новое 10 августа, новое 31 мая. Но для успеха этого дела надо было увлечь за собой якобинцев, как это было сделано накануне тех двух решительных дней.

[1] «Républicain français» называет члена муниципалитета Бернара, выступившего от их имени. Надо полагать, что этот Бернар — женившийся священник, который впоследствии погиб вместе с Робеспьером.

Как были увлечены якобинцы.

Робеспьер, представлявший в клубе взгляды правительства, не преминул явиться на заседание. Явился также друг его Реноден, присяжный в революционном трибунале. Их тактика была проста и искусна. Они предостерегали якобинцев против восстания, которое преисполнило бы радостью сердца аристократов. Реноден начал свою речь разоблачением контр-революционеров, которые проникают в среду добрых граждан, вплоть до трибун клуба. «Отправляясь сюда, они говорят: мы идем к *кузену Жаку*; они уподобляют наше общество Жаку Клеману». Эти замаскированные аристократы, говорил Реноден, присутствуют на заседаниях клуба и узнают друг друга по тому, как они распространяются об ужасах Робеспьера. В заключение он призывал граждан на трибунах обнаружить подозрительные лица и расправиться с ними. Таким образом с самого начала заседания было выставлено правило, что кто говорит дурное о Робеспьере, является подозрительным аристократом.

Робеспьер выступил с длинной речью, в которой доказывал, что существует «заговор, ставящий себе целью уморить Париж голодом и залить его морем крови». Он заявил, что в руках Комитета общественного спасения имеются доказательства этому. Этими словами Робеспьер предостерегал клуб от насильственных мер, проповедуемых Бешеными и эбертистами. Затем Робеспьер старался ободрить присутствующих, так как известие о взятии Тулона могло повлиять на них. Возвращаясь к главному вопросу о продовольствии, он заявил: «Мы издадим законы мудрые и страшные одновременно». Он, несомненно, с умыслом выражался туманно: «Эти законы обеспечат все средства существования, навсегда уничтожат спекулянтов, удовлетворят все потребности народа, предупредят все заговоры, все коварные происки врагов народа, старающихся вызвать голодные бунты, ослабить народ расколами, уничтожить его голодом. Если богатые фермеры хотят быть только кровопийцами народа, мы предадим их в руки самого народа»... Однако после этой угрозы, брошенной в угоду трибунам, Робеспьер прибавил: «Сплотим ту грозную связь, о которую до сих пор разбивались все усилия врагов народного блага. Не будем забывать, что они стремятся только посеять взаимное недоверие в наших рядах и в частности вызвать у нас ненависть и непризнание всех установленных властей». Этот призыв к объединению патриотов, к подчинению властям был главной темой Робеспьера. Он закончил утверждением, что Паша осаждает в ратуше не народ, а «кучка интриганов, которые оскорбляют его словами и действием и угрожают ему». При этих словах раздались крики, что надо пойти освободить мэра; и тут же, по предложению Л. Бурдона, назначена была депутация в ратушу из двадцати якобинцев.

В ратуше все было спокойно. Леонар Бурдон взял слово от имени якобинцев. Он уверял толпу, что депутаты Горы приложат все усилия, чтобы провести завтра

в Конвенте меры, которые были решены народом в согласии с его должностными лицами.

Таким образом осуществлялась связь между якобинцами, коммуной и секциями. Она должна была сохранить мирный характер за завтрашним выступлением.

Однако выступление Ренодена и Робеспьера не удовлетворило крайние элементы в клубе. Когда Бурдон отправился в Ратушу, эбертист Ройе взошел на трибуну и пытался нейтрализовать действие их призывов к спокойствию и доверию. В своей речи он нападал на Барера и Камбона и ссылался на свидетельство якобинца Луа. Робеспьеру пришлось защищать Барера. Тем не менее Ройе продолжал свои нападки. «Барер шел в революции зигзагами. Если бы взяла верх правая, он был бы теперь тоже на высоте и нападал бы на уничтоженных якобинцев. Робеспьер, твоя душа чиста; ты веришь, что у тех, с кем ты имеешь дело, такая же душа, это вполне ясно». Затем вдруг, оставив в стороне Робеспьера и Барера, Ройе обрушился на якобинцев с упреками за их робость и увиливания: «Что касается вас, якобинцы, то доколе вы будете ограничиваться разговорами, не переходя к действиям? К чему эти напрасные крики? Что сделали вы за эти восемь дней? Ничего! Проявите себя такими, какими вы были в те трудные дни, когда вы спасли свободу. Заклинаю вас, измените вашу тактику. Действуйте, а не разговаривайте»... И мелодраматическим, но могучим жестом Ройе указал на своды клуба, где висели цепи, которыми когда-то были скованы каторжники Шатовьё. «Сорвите с наших стен эти цепи, образ тирании и рабства, подлые остатки былого, которое мы все проклинаем; эти гнусные знаки не должны более пятнать храм свободы. Вынесем на улицу эти знаки нашего прежнего рабства. Скажем народу: вот что готовят тебе деспоты, объединившиеся против тебя! Вот против чего народ должен собрать свои силы и выступить в великодушном порыве! Возьмем также бюсты Марата и Лепеллетье. Пусть вокруг этих статуй законодателей-мучеников собирается народ, а имена их пусть служат победным кличем! Весь Париж должен сразу подняться! Он должен пойти за своими искренними друзьями. Пусть он сопровождает якобинцев в святилище законов. Мы скажем там Конвенту: мы пришли сюда, чтобы смешаться с вами, законодатели, соединитесь с народом и помогайте ему во всех его усилиях истребить его врагов. Сильный сочувствием своих представителей, народ разойдется по улицам, по домам. Он схватит там всех изменников или, вернее, отдаст их в руки закона. Он предоставит своим законодателям и судьям решать судьбу виновных и отделить от них невинных, предоставив им обеспечить счастье народа, его державность, его свободу, его независимость, полностью уничтожив тех, которые проявили себя до сих пор столь ожесточенными врагами его».

Тогда как Робеспьер и Реноден призывали к спокойствию и повиновению и предостерегали против ловушек аристократов, Ройе сеял таким образом недоверие против Конвента и его комитетов и звал якобинцев на большую народную демонстрацию, которая должна была закончиться немедленным арестом всех подозрительных лиц. Якобинцы не сделали выбора между обоими этими течениями. Голосования не было. Однако заключительная часть речи Ройе вызвала общий энтузиазм собрания, и когда депутация во главе с Леонаром Бурдоном и Дефье вернулась из ратуши в клуб с отчетом о своей миссии, якобинцы не спорили против обязательства, взятого на себя их депутацией. Это обязательство заключалось в том, чтобы повести на следующий день народ в Конвент. Итак, будет ли последнее слово за эбертизмом?

События 5 сентября.

На следующий день, 5 сентября, манифестация развертывалась согласно плану ее организаторов.

В четверть первого все сходятся у ратуши. Депутация якобинцев требует ареста подозрительных лиц. Затем Шометт оглашает петицию, которая должна быть вручена Конвенту. «Она вызывает бурные аплодисменты и принимается единодушно».

Секция Пантеона заявляет, что она «очистила себя от всех аристократов». Она протестует против того, что слишком много разговаривают и мало действуют. Это — отголосок вчерашней речи Ройе в клубе. Толпа аплодирует.

Эбер сообщает про одну брошюру аристократов. Якобинцы изображаются в ней как некие чудовища, и она старается убедить мюскаденов, клерков и т. д. в том, что «поголовное ополчение сделает их рабами, заставив их стать чистильщиками сапог».

Дюнуи, друг Шометта, вкратце останавливается на вопросе о снабжении Парижа. «По этому поводу он напоминает, что некогда Парижу принадлежало наблюдение и руководство над судоходством по всем рекам его района, и точно так же над рынками в Со, Пуасси и Бернэ». Его взгляды встретили одобрение, но решено, что вопрос этот не входит в компетенцию коммуны.

В три четверти первого процессия, во главе в Пашем и Шометтом, отправилась от ратуши к Конвенту. Ее сопровождала многочисленная толпа. Она несет плакаты с надписями: «Война тиранам! Война аристократам! Война спекулянтам!»

Конвент ожидал этого визита и подготовился к нему следующим образом. Он поспешил вотировать без прений, по докладу Мерлена (депутата от Дуэ), разделение революционного трибунала на четыре секции, которые должны были функционировать одновременно. Затем он вступил в рассмотрение продовольственного вопроса на основе петиции секции Сите. Купе, депутат от Уазы, внес предложение ввести хлебную карточку в тот момент, когда коммуна явилась к решетке Конвента.

Сначала выступил с краткой речью Паш. Он заявил, что недостаток припасов является следствием неисполнения законов, результатом эгоизма и злонамеренности богатых сельских хозяев, и что народ устал от этих происков. Затем Шометт прочитал петицию. Он указывал на возмутительный план довести народ путем голода до поражения, заставить его «позорно променять свою свободу и державную власть на кусок хлеба». Он бичевал новых господ, которые спекулируют на народном бедствии; описывал непрекращающиеся волнения, беспорядки, заговоры. Он призывал «могучее существо, которое своим грозным криком разбудит заснувшее или, вернее, парализованное, оглушенное раздорами партий правосудие и заставит его, наконец, обрушиться на головы виновных» [1]. Настало время, когда народ должен уничтожить своих врагов, если не желает, чтобы они уничтожили его. Здесь Шометт обратился к Горе — он назвал ее, по библейскому образцу, Синаем французов — и воскликнул: «Священная Гора, стань вулканом, пусть потоки твоей всесжигающей лавы раз навсегда уничтожат надежды злонамеренных и сожгут сердца, в которых еще живет мысль о монархии». Он требовал без замедления организовать революционную армию. вопрос о которой уже решен был в принципе, но «куда-то канувшую благодаря интригам виновных, опасающихся за свою шкуру». В свите этой революционной армии должны находиться «неподкупный и грозный трибунал и инструмент, который одним ударом разрубает заговоры и жизнь их организаторов». Оратор заранее отвечал на предвиденные им возражения. Нет, революционная армия нисколько не явится опасностью для свободы. «Эта армия будет состоять из республиканцев, и если какой-либо смельчак посмеет назвать ее «моей армией», он тут же на месте будет предан смерти» [2].

Робеспьер, председательствовавший в это время [3], ответил Шометту следующим образом: «Враги народа уже давно провоцируют его месть. Народ на страже, враги его погибнут. Заботы Конвента обращены на бедствия народа; счастье Конвента составляет только счастье народа; Конвент непрестанно занимается вопросом о народном благе. Пусть благонамеренные граждане сплотятся вокруг Конвента»...

Шометт взял снова слово и потребовал превращения увеселительных садов в огороды.

[1] Следует ли понимать под этим «могучим существом» диктатора, которого еще 28 июля требовал Симон в клубе якобинцев? Впоследствии эбертисты были обвинены в заговоре, имевшем целью введение «великого судьи» (grand juge).

[2] В своем «Précis sur l'affaire Chabot» Фабр д'Эглантин подчеркивает, что эта фраза вскрывает задние мысли эбертистов. См. об этом в моей книге: «L'affaire de la compagnie des Indes», стр. 156.

[3] Buchez и Roux ошибочно считают, что в это время председательствовал Тюрио. Эта ошибка повторена у Мишле, который, по своей манере, использовал ее для выпадов против Робеспьера. Тюрио председательствовал несколько позднее, когда Робеспьер уступил ему кресло председателя («Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 418).

Моиз Бэйль, Раффрон и Дюссо придали требованиям Шометта характер формального предложения, но Билло-Варен, вполне одобряя их, все же нашел их недостаточными. «Необходимо, — заявил он, — чтобы сегодня же все наши враги были арестованы». Замечательно, что Шометт вовсе не упомянул про арест подозрительных лиц, хотя эбертисты и Бешеные уже давно не переставали требовать этой меры. Несомненно, Шометт не упомянул этого требования потому, что оно уже фигурировало в петиции якобинцев. Билло не ограничился этой важной прибавкой. Он настаивал, чтобы революционная армия была организована еще и на этом заседании. Он предложил декретировать смертную казнь против членов администрации. не исполняющих какой-либо закон, и закончил свою речь следующими словами: «Если революции долго тянутся, то это потому. что всегда принимаются только полумеры». Леонар Бурдон поддержал его и предложил, чтобы при революционной армии состоял трибунал, который должен арестовывать и тотчас же судить подозрительных и злонамеренных лиц.

Однако в Конвенте раздались возражения и протесты. Ромм требовал постановки предварительного вопроса о летучих судах. Его речь встречена была ропотом. Жанбон Сент-Андре от имени Комитета общественного спасения тоже вносил оговорки, требовал отложить голосование, дабы предложенные меры могли быть продуманы. Снова ропот и шум. Друэ и Билло прерывали докладчика Комитета. Гастон пошел еще дальше. Он предложил объявить заседания секции перманентными, закрыть заставы и немедленно приступить к аресту подозрительных лиц. Это требование Ройе выставил накануне у якобинцев.

Базир, которого уже некоторое время обвиняли в умеренности, выступил против этих слишком поспешных мер. Он заявил, что в Париже готовят *революцию секций*, «наподобие той, которая произошла в Лионе, Марселе и Тулузе». По его словам, Комитет общественного спасения имеет в своих руках доказательства заговора аристократов. Он настаивал на отсрочке, которую требовал Жанбон Сент-Андре. Речь его была принята холодно.

На трибуну бросается Дантон. Его сопровождают долгие аплодисменты. Он начал с того, что необходимо воспользоваться великим народным порывом и принять только те меры, которые предлагает сам народ, «так как их диктует гений нации». Итак, необходимо немедленно декретировать революционную армию. Дантона не пугали те происки аристократов, о которых говорил Базир. Чтобы уничтожить их, он предложил выплачивать санкюлотам, участвующим на собраниях секций, вознаграждение в 40 су за заседание; но число этих собраний он предлагал сократить до двух в неделю, по воскресеньям и четвергам. Дантон требовал также кредита в 100 миллионов для производства оружия. Его речь вызвала большой энтузиазм и крики: «Да здравствует республика!». Его предложения были приняты.

Комитет общественного спасения в лице своего докладчика Сент-Андре требовал отсрочки, но Дантон заставил Конвент голосовать наспех. Как мы видим, Дантон поставил правительство в затруднительное положение.

Ромм тщетно протестовал против выплаты вознаграждения участникам собраний секций. «Это значит не доверять гражданскому пылу граждан, сомневаться в их пламенной преданности делу свободы». Его прервали ропот и шум. Фабр д'Эглантин ответил ему, что мера, предлагаемая Дантоном, является лучшим ходом против плана контр-революции в секциях. Конвент остался при своем голосовании и присовокупил, что упомянутое вознаграждение будет выплачиваться за счет особого налога на богатых.

Билло-Варен настаивал на аресте подозрительных лиц и на отмене «контр-революционного» декрета, запрещающего ночные обыски.

Еще раз Базир попытался бороться и добиться отсрочки этой меры. Он требовал дать определение подозрительных лиц, утверждал, что часть дворян служили отечеству, что почти все священники подверглись ссылке. Затем он ловко перешел к «крикунам в секциях», настаивал на том, что они гораздо опаснее, чем дворяне и священники, так как притворяются патриотами. Базир требовал чистки революционных комитетов, удаления из них этих лицемеров. Таким образом аресты подозрительных могли обратиться против Бешеных и, быть может, также против эбертистов.

Билло-Варен еще раз взошел на трибуну и повторил свое требование закрытия застав или, по меньшей мере, прекращения выдачи паспортов. Революционная мера, как арест подозрительных, — заявил он, — может иметь успех только в том случае, если она производится врасплох.

Базир упорствовал и доказывал, что важнее всего состав революционных комитетов: в них должны участвовать только хорошие патриоты. В этот момент Робеспьер оставил председательское кресло и передал его Тюрио, который возвестил, что Комитет общественного спасения готов сделать свой доклад о предлагаемых мерах.

Тогда Билло-Варен, который определенно не доверял Комитету общественного спасения (он тогда не был еще членом этого Комитета), заявил, что нет надобности запрашивать Комитет для решения вопроса о выплате вознаграждения членам революционных комитетов. Собрание согласилось с ним и голосовало за его предложение.

Конвент голосовал также за чистку революционных комитетов и предложил им немедленно приступить к арестам подозрительных лиц.

Затем у решетки Конвента предстала депутация от якобинцев вместе с комиссарами 48 секций. Депутация требовала немедленного наказания главарей жирондистов, учреждения революционного трибунала для сопровождения революционной армии и изгнания дворян со всех гражданских и военных должностей и заключения их под стражу вплоть до заключения мира. «Пора, чтобы серп равенства прошелся по всем головам. Пора внушить ужас всем заговорщикам. За дело, законодатели, поставьте террор в порядок дня!»

Тюрио ответил, что большинство этих требований уже удовлетворены предыдущими голосованиями.

Секция Единства прочитала длинный адрес. В нем в числе других вещей требовалось, чтобы декреты «против спекулянтов не оставались на бумаге, чтобы по всей республике обеспечено было народное питание, чтобы в Париже было учреждено 12 революционных трибуналов для суда над изменниками» и т. д.

Друэ поддержал эту петицию. Он произнес сильную и страстную речь. «Наша добродетель, — воскликнул он, — наша умеренность, наши философские идеи не послужили нам ни к чему; будем же разбойниками для блага народа». Слово «разбойники» шокировало Собрание и вызвало шум, но Друэ продолжал свои проклятия по адресу подозрительных. Он заявил, что они должны отвечать своими головами за несчастья государства и что надо уполномочить революционные комитеты арестовывать их без указания мотивов.

Друэ хватил через край. Тюрио покинул председательское кресло и бросился на трибуну, чтобы ответить ему. Революция, заявил он, преследует цели гуманности. «Прочь от нас мысль, что Франция жаждет крови; она жаждет только справедливости». Он предостерегал Собрание от принятия неправильных мер, которые позволили бы врагам клеветать на Конвент. «Заставим даже врагов наших отдать должное величию нашего поведения». Собрание разразилось громом рукоплесканий, и сам Друэ присоединился к ним со словами: «Я требую, чтобы пруссака можно было убивать только с законом в руке».

Итак, террор, который Конвент организовывал по требованию коммуны, якобинцев и секций, должен был быть теперь террором на основе закона. В нем не должно было быть места анархистским насилиям, о которых мечтали люди вроде Теофиля Леклерка.

К концу заседания Барер, наконец, заявил, что Комитет общественного спасения присоединяется к мерам, принятым Конвентом. Он сообщил, что завтра Комитет предложит необходимые меры для рекрутирования революционной армии из 6 000 пехотинцев и 1 200 артиллеристов. Барер рассыпался в похвалах Пашу и старался доказать существование контр-революционного заговора, который необходимо раскрыть и обезвредить. Всю ответственность за продовольственный кризис он возлагал на замаскированных роялистов. «Вы приняли разумное постановление, что максимум должен быть один и тот же во всех департаментах. И что же? Как раз этот момент выбирают для подготовки движения на почве продовольственного кризиса. Хотят окружить этот закон у его колыбели всяческими оговорками и страхами, так как знают, что он будет действителен». Под конец Барер высказался за арест подозрительных.

Билло-Варен добился еще вотума о предании бывших министров Клавьера и Лебрэна суду революционного трибунала. После этого заседание было закрыто. В тот же вечер Билло-Варен был выбран в президиум Конвента. Это избрание санкционировало всемогущество эбертизма. На следующий день, когда тот же Билло-Варен и его друг Колло д'Эрбуа были избраны в Комитет общественного спасения [1], эбертизм вступил в правительство.

Результаты.

Важность и значение событий 4 и 5 сентября не нуждаются в особых доказательствах. Вначале события этих дней были своего рода реваншем секций против коммуны и Конвента, распустивших 25 августа их комиссию по обследованию продовольственного вопроса.

Коммуна — Паш, Шометт — остались на своих постах, но только потому, что плясали по дудке агитаторов в секциях. Вместе с последними они требовали создания революционной армии, т. е. насильственного проведения продовольственных законов, остававшихся до сих пор почти мертвой буквой.

Якобинцы и Конвент были вовлечены в эту агитацию так же, как коммуна. Дольше противился Комитет общественного спасения, но и ему тоже пришлось подчиниться движению, которому он не мог воспрепятствовать. Замечательно, что за все длинное заседание 5 сентября Робеспьер все время молчал, хотя он председательствовал только вначале.

В продовольственном вопросе победа Эбера означала предстоящее применение все более насильственных и репрессивных мер для извлечения из амбаров хлеба и для поддержания путем твердых цен справедливого отношения между ценой продуктов и курсом ассигнатов. Эта победа означала также поворот экономической и социальной политики в сторону огосударствления и служения классу обездоленных.

Между методами «Пер Дюшен» и методами Бешеных была следующая разница. «Пер Дюшен» желал легального террора, его должны были проводить сами власти, предварительно подвергнутые чистке. Жак Ру и в особенности Теофиль Леклерк не отказывались от прямого действия, т. е. от нелегальных средств. В этом смысле они давали повод к обвинениям их в пособничестве контр-революции.

Для того чтобы мог быть организован легальный террор, должен был предварительно прекратиться народный террор, который проповедывали люди вроде Варле, Жака Ру и Леклерка, необходимо было лишить их возможности продолжать свою агитацию в массах. Таким образом день 5 сентября, с одной стороны, означал торжество программы Бешеных, а с другой стороны — с логической необходимостью вел к падению их главарей.

[1] Дантон тоже был избран в этот комитет, но отказался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

КОНЕЦ БЕШЕНЫХ.

5 сентября 1793 г. было официальным началом террора и торжеством программы Бешеных; но вместе с тем после него начинается также быстрое падение их роли как партии. Один за другим арестуются их вожди. Они сходят со сцены, и эбертизм наследует от них их влияние и руководство мятежными сборищами.

Первый арест Жака Ру.

Уже 22 августа Жак Ру был арестован по ордеру коммуны; его держали в коммунальном арестном доме с 22-го по 27 августа, в разгар агитации в секциях. Правительство не имело отношения к этому первому его аресту.

В секции Жака Ру (секция Гравильеров) попеременно брали верх то сторонники этого бывшего священника, то сторонники члена Конвента Леонара Бурдона. Последний стоял во главе «Института молодых французов», помещавшегося в бывшем монастыре Saint-Martin-des-Champs. Как мы видели выше, Леонар Бурдон, чтобы побороть популярность своего соперника, стал в конце концов проповедывать общую реквизицию съестных припасов. Когда в конце июня наступила реакция после беспорядков из-за мыла, Леонар Бурдон воспользовался этим и перевел в бюро и комитеты секции своих сторонников. Среди них фигурировал юрист с очень сомнительным прошлым, Жермен Трюшон [1].

Жак Ру говорил о нем: «бородатый Трюшон, заправила секции Гравильеров, защитник интриганов и плутов» [2].

Когда Кошуа организовывал наступление секций на коммуну, Жак Ру пытался заполучить в свои руки бюро секции Гравильеров. Он начал атаку на заседании в воскресенье 18 августа.

Мы осведомлены о происходившем на этом заседании по официальным протоколам секции, по судебным документам и по рассказу самого Жака Ру в его

[1] О нем см. нашу книгу: «Autour de Robespierre».

[2] См. №№ 261 и 263 газеты Жака Ру «Le Publiciste de la République française».

газете от 28 августа. В 9 часов вечера сторонники Жака Ру выступили с обвинениями против комиссаров, которым секция поручила составить инвентарь церкви Сент-Элизабет, объявленной национальной собственностью [1]. Они требовали ареста одного из этих комиссаров, некоего Шемена, против которого уже прежде выдвинуты были тяжелые обвинения [2]: «Было продано из церкви Сент-Элизабет два медных котла» и различные другие предметы. Под конец стали требовать ареста всех комиссаров, орудовавших вместе со Шеменом. Председатель собрания Жан-Батист Флери отказался поставить на голосование это предложение под предлогом, что это дело входит в компетенцию трибуналов, а не секции. Поднялся большой шум, Флери три раза закрывал заседание («надевал шляпу»). Около полуночи он закрыл заседание, «не видя возможности добиться спокойствия и опасаясь, что его стащут с председательского кресла, которое нисколько не гарантировало ему безопасности» [3]. Его заменил вице-председатель Сюппингер, но он тоже отказался поставить на голосование предложение сторонников Жака Ру. Тогда столяр Наттэ, самый старший по возрасту из присутствовавших, занял председательское место и предложил собранию выбрать другого председателя. Он назвал Жака Ру. Собрание выбрало его, и он согласился. Тогда предложение об аресте комиссаров церкви Сент-Элизабет было проголосовано и принято, хотя секретари собрания отказались приложить свою подпись. К 2 часам утра 20 августа это бурное заседание было закрыто. По ордеру за подписью Жака Ру Шемен был на 24 часа подвергнут заключению в тюрьму при секции.

Торжество главы Бешеных было кратковременным. Его враги знали, что могут рассчитывать на поддержку его соперника, Эбера. Действительно, 21 августа Эбер напал в клубе на Жака Ру за петицию, которую он провел в своей секции и в которой Паш обвинялся в спекулянтстве. На следующий день Трюшон, во главе депутации от гражданского и революционного комитетов секции Гравильеров, явился в коммуну и потребовал, чтоб она приняла меры для водворения порядка в собрании этой секции, порядка, нарушенного интригами Жака Ру, которому удалось устранить бюро секции. Он требовал восстановления смещенных членов бюро и отдачи под суд Жака Ру по обвинению в мошенничестве. Последний, по словам Трюшона, присвоил себе часть денег, собранных им в пользу сестры коменданта Борепера, геройской жертвы капитуляции Вердена [4].

[1] Показание Ж.-Б. Флери, председателя секции. Это показание помечено 21 августа и было дано комитету секции Гравильеров (Arch. nat., W 20).

[2] Быть может, это владелец типографии Шемен-Дюпонтес, у которого Жак Ру когда-то издал несколько своих проповедей? 9 термидора он энергично поддерживал Леонара Бурдона против коммуны. Впоследствии он основал секту «теофилантропов».

[3] Показание Флери.

[4] По проверке обстоятельств дела, обвинения, взводимые против Жака Ру Трюшоном и его товарищами, оказались ложными. Гражданка Боретер заявила, что добровольно поделилась собранными в ее пользу деньгами с одной бедной вдовой, которую Жак Ру рекомендовал ее милосердию.

Один полицейский чиновник ответил Трюшону, что его желания уже исполнены, что преследование Жака Ру уже начато, и он посажен в тюрьму при ратуше, откуда его намерены перевести в тюрьму Консьержери. Потом с обвинениями против Жака Ру выступил также Шометт. Тогда коммуна постановила отправить комиссаров в секцию Гравильеров навести в ней порядок и восстановить незаконно смещенное бюро.

Дело не ограничилось арестом Жака Ру; в тюрьму были посажены также главные его приверженцы: Наттэ, Буске, Дюкло, Гральо и др. [1].

Вначале секция пыталась оказать сопротивление группе Трюшона и коммуне. 22 августа она протестовала против арестов и отправила в коммуну шесть комиссаров узнать о причинах этих арестов [2]. Протесты эти остались безрезультатными.

23 августа полицейский офицер Каванаг произвел обыск в квартире Жака Ру на улице Омер, действуя по ордеру полицейских чиновников Марино и Мишони. Он наложил печати на комод посередине комнаты и на шкапчик у кровати и унес с собой собрание произведений Ж. Ру и несколько писем [3].

Одно из этих писем, адресованное гражданину Пети [4], комиссару по наблюдению за производством пик в Лангре, весьма интересно, так как бросает свет на тактику вождя Бешеных.

«Общее собрание секции Гравильеров, — пишет Жак Ру, — с несказанной радостью получило вести от вас. Оно было уверено, что вы всюду будете пропагандировать одушевляющие вас республиканские чувства. Препятствия могли лишь еще более воспламенить ваше мужество. Если где надо показать себя, то разумеется, по отношению к спекулянтам, которые убивают граждан при помощи своей повседневной монополии и делают их жертвами ее. Вашему сердцу делает честь та война не на живот, а на смерть, которую вы объявляете им. Да, гражданин, скрепляя узы братства, мы достигнем цели и сокрушим грозных врагов нашего спасения; *победа несомненна, раз женщины вольются в ряды санкюлотов* [5]. Они имеют двойное преимущество: покоряют мужчин своей красотой и своим бесстрашием. В настоящий момент мы подходим к призыву большого числа республиканцев для сокрушения тирании. Да наступит в скорости решительный момент торжества свободы и царства счастья! Гражданин, я не жду этого

[1] «Publiciste» от 23 августа (№ 271).

[2] Решение секции, подписанное Бурсо, президентом, и Бино, секретарем, находится в деле Жака Ру (Arch. nat., W 20).

[3] Arch. nat., W 20.

[4] По всем вероятиям, сын вдовы Пети, подруги Жака Ру. Письмо помечено 23 августа и имеет штамп полиции от 24 августа.

[5] Эта фраза подчеркнута другим пером, — очевидно, судьей или полицейским.

момента, чтобы иметь удовольствие ответить вам. Для моего сердца нет более отрадной миссии, чем запечатлеть моей кровью провозглашенные мною принципы и умереть за единство и нераздельность Французской республики. Все наши братья по секции посылают вам поцелуй санкюлотов. Удостойте принять первый от меня».

Это письмо показывает, что Жак Ру не ограничивал свою деятельность Парижем, но простирал ее также на департаменты. Характерен уже совет использовать женщин против спекулянтов. Еще характернее надежда использовать поголовное ополчение. Уже в феврале Жак Ру воспользовался набором 300 000 для агитации среди парижан. Набор первой очереди кажется ему новым удобным случаем, «решительным моментом для торжества свободы и царства счастья». Уже само выражение «царство счастья» показывает также, что он имеет в виду не только снижение цен на продукты, но настоящую социальную революцию.

Тем временем продолжалось следствие. Доносы на Жака Ру сыпались градом. Некий Лепаж, торговец веерами на рынке Сен-Мартен, № 10, доносит, что в последнее воскресенье Жак Ру произнес речь «против всех парижских властей, а именно против мэра и коммуны, которых он выставляет как главу спекулянтов»; «эта система служит лишь к тому, чтобы смущать народ подобно аристократам». Тот же Лепаж предлагает полиции запросить Жака Ру, с какой целью он неоднократно посещал на Университетской улице мадам де-Перигор, вся семья которой эмигрировала.

Гражданин Пьер Эгас, гражданский комиссар и комиссар надзора секции Гравильеров, которого друзья Жака Ру хотели посадить в тюрьму, донес на него, что он присвоил себе деньги из фонда секции; он утверждал, что когда Жак Ру был президентом и казначеем секции Гравильеров, а именно около 10 августа, он получил от некоего гражданина Лаллемана ассигнат в 200 ливров и не указал этой получки в своем отчете к концу своего президентства. Эгас указал тогда на это упущение, и, по его словам, отсюда ненависть к нему Жака Ру.

Гражданин Луи-Эдмонд О'Рейи [1] того же 21 августа показал, что Жак Ру самовольно распорядился частью денег, собранных им в пользу сестры Борепера.

Гражданин Барбо, председатель гражданского комитета секции, прибавил, что в прошлое воскресенье на общем собрании секции Жак Ру с трибуны возбуждал умы против трибуналов, против департаментских и коммунальных властей, а также против комитетов секции.

Гражданин Мерсье, выборщик 1792 г. и член генерального совета коммуны, донес, что 23 августа Жак Ру раздавал во время коммунальных выборов избирательные записки со своим именем.

[1] Наблюдатель Матье Паннетье указывает в своем рапорте от 24 сентября 1793 г. на гражданина О'Рейи, бывшего директора оперного театра в Лондоне, как на подозрительное лицо.

31 августа комитет переписки у якобинцев сообщил в полицию протокол заседания клуба от 1 июля, на котором клуб высказал порицание Жаку Ру.

Священник-социалист допрашивался три раза: 23, 24 и 27 августа. Ему нетрудно было оправдаться от обвинения в растрате. Он отрицал, что раздавал на собрании избирателей записки со своим именем. Его обвинитель, Эпелле, по его словам, — клеветник, которому он уже раз ответил в плакате под заглавием: «Жак Ру г-пу Эпелле» [1]. Жак Ру ссылался на свою филантропическую деятельность: он воспитал сироту, роздал нескольким бедным гражданам 217 ливров, полученных им за свои патриотические произведения. Жак Ру заявил, что когда он около года тому назад отчитывался, то он отдал тогда пару серебряных шпор, золотые пуговицы, золотые брелоки, различные серебряные вещицы, которые, «однако, не были внесены в протокол». Наконец, он ссылался на то, что общее собрание секции Гравильер в постановило внести в протокол упоминание о его хорошем поведении. С гражданкой Талейран-Перигор он не знаком, знает только ее арендатора Ламотт-Буррю, своего земляка по Шаранте. Жак Ру отрицал, что поносил новую конституцию. Он хотел лишь дополнить ее, прежде чем она была санкционирована народом. Он считал ее «звездой общественного спасения». Он не клеветал ни на Робеспьера, ни на Тюрио, — напротив, подчеркивал их великие заслуги и готов был «защищать их своим телом». «Что касается гражданина Паша, то он считал, что последний мог быть введен в заблуждение по вопросу о снабжении Парижа; однако он всегда хвалил его преданность делу и добродетель».

Полиция, несмотря на все свое желание признать Жака Ру виновным, не осмелилась держать его дольше под замком. Она постановила (27 августа) предать его суду исправительной полиции и отпустила его под залог на поруки; поручителями были «двое известных граждан: граждане Альбер-Александр Гильмо, изготовитель шашек, проживающий по улице Вертю, № 31, и Жак Бурбон, сапожник, проживающий по улице Филиппо, № 34».

Тем временем 25 августа секция Гравильеров снова ходатайствовала перед коммуной в пользу Жака Ру, заслуги которого, заявляла она, остаются в полной силе [2]. Коммуна ответила, что это — дело трибунала.

Жак Ру не оставался долго на свободе. По прошествии восьми дней он снова был заключен в тюрьму.

Утром 5 сентября, в тот самый день, когда организовывалась манифестация, долженствовавшая заставить Конвент поставить в порядок дня террор, Жак Ру совершил неосторожный поступок: он отправился в якобинский клуб вместе с делегатами секций. Туда же отправился старый друг Дюмурье и Бриссо, Бон-

[1] Я не нашел этого плаката.

[2] «Moniteur», t. XVII, p. 505.

карер, которому удалось стать президентом секции Фонтен-дё-Гренеля [1]. Появление их вдвоем вызвало протесты в клубе. В официальном протоколе заседания клуба [2] мы читаем: «Вносится предложение отвести в Комитет общественной безопасности присутствующих в клубе Жака Ру и Бонкарера, как весьма подозрительных людей. Товарищ Жака Ру [sic!] требует, чтобы его не смешивали с этим товарищем, которого он вовсе не знает. Выслушав различные предложения, собрание решает доставить указанных индивидуумов в революционные комитеты их секций. Гражданам Нами, Сент-Обену и Журдану поручено отвести их».

Итак, Жак Ру был доставлен в революционный комитет секции Гравильеров. Его приверженцы возражали, что собрание, постановившее арестовать его, не имело на то законного права, так как «по закону народное собрание не должно оказывать никакого давления на органы власти». Это мнение было поддержано, и комитет поручил четырем комиссарам осведомиться у якобинцев о причинах столь суровой меры, принятой против Жака Ру. А ему сообщили, что «его задерживают в комитете лишь по-братски». Эти четыре комиссара, посланные к якобинцам, были: Камлен, Барбо, Дерувруа и неизбежный Трюшон. Они вернулись со следующим результатом: якобинцы поддерживают свои доводы против Жака Ру и пришлют завтра документы в доказательство их. В ожидании этого Жак Ру остался под арестом. Через некоторое время принято было другое решение. Гражданский и революционный комитеты секции Гравильеров постановили немедленно отправить Жака Ру в комитет общественного спасения Парижского департамента, которому принадлежала высшая полицейская власть во всем Париже. Жак Ру немедленно был отведен туда гражданами Талу, Дюсосуа, Долло и Капроном. На следующий день комитет общественного спасения Парижского департамента вынес следующее решение: «Принимая во внимание, что... Жак Ру... уже является подозрительным в глазах общественного мнения и считается очень подозрительным всеми теми, которые следили за его происками, а также, что единодушное суждение общества якобинцев на его счет является неопровержимым свидетельством против него, комитет постановляет временно отправить Жака Ру в тюрьму Сент-Пелажи, согласно закону о подозрительных личностях и в интересах общественного спокойствия. Постановляет кроме того, что арестованный будет направлен в клуб якобинцев, чтобы просить последний сообщить комитету, в чем он обвиняет Жака Ру, дабы были приняты, согласно этим справкам, дальнейшие меры» [3].

[1] 3 сентября секция Фонтен-де-Гренеля решила послать адрес по вопросу о реквизициях. Бонкареру поручено было составить этот адрес («Archives parlementaires», t. LXXIII p. 442). Известно, что Бонкарера считали агентом двора.

[2] Archives nationales, AA 44; извлечение из протокола якобинского клуба, воспроизведенного in folio 121 регистра революционного комитета Гравильеров — Arch. nat., F⁷ 2486. Подписано: Лефор, президент, Летелье, секретарь, и Пеганель, секретарь.

[3] Archives nationales, BB³ 81.

Это был второй арест Жака Ру в течение 15 дней. Его враги надеялись, что на этот раз он не будет освобожден. 8 сентября, по предложению якобинца Дефье, приятеля Эбера, назначена была следственная комиссия, в которую должны были поступать доносы против священника-социалиста. Дефье прибавил, что эта комиссия будет принимать также доносы против Теофиля Леклерка, находящегося еще на свободе. Как мы видим, партии Бешеных собирались нанести решительный удар в лице ее двух журналистов.

Кампания Бешенных против террора.

Жак Ру и Теофиль Леклерк продолжали издавать свои газеты и сохраняли вначале свою самоуверенность. «Гражданин Дефье, — писал Леклерк, — не добьется своего. Я не замолчу; я не уклонюсь от своего долга, и сотни тысяч гильотин не помешают мне говорить народу всю правду» [1]. Наблюдатель Латур-ля-Монтань отмечает в своем докладе от 13 сентября, что газета Леклерка покупалась нарасхват и приносила ему большой доход [2].

Жак Ру тоже писал, что не боится смерти и что будет продолжать говорить всю правду [3].

Отныне они повели самую ожесточенную кампанию против Конвента и произвольных арестов. Эти террористы несколько поздно заметили, что террор, которого они так страстно требовали, функционировал только против самых горячих революционеров. В своей газете от 15 сентября Леклерк пишет: «Требовали поставить в порядок дня террор, а поставили мрачный дух мести и личной ненависти»... Жак Ру вторит этому в № 265 своей газеты: «Нельзя добиться уважения и любви к правительству путем террора». Он доказывал, что в руках интриганов и врагов народа грозный закон о подозрительных лицах исполняется совершенно противоположно его духу. За два с лишним месяца перед тем, как Камилл Демулен поднял в «Vieux Cordelier» свой голос против террора, Жак Ру уже спрашивает, не вернулись ли времена Нерона и Калигулы. «Наша революция завоюет весь мир другим путем, а не опрокидывая все, сжигая все, покрывая кровью Францию, превращая ее в одну сплошную Бастилию... Обвинять людей за их дворянское происхождение — это значит воскрешать фанатизм. В тюрьмах сидит больше невинных, нежели виновных. Если не наложить узду на эти аресты, пятнающие историю революции и не имеющие примеров в летописях самых малокультурных народов, то не преминет возгореться гражданская война». С тех пор как Жак Ру побывал в тюрьме Сент-Пелажи, он научился ценить законность и осуждать крайности!

[1] «L'Ami du peuple», от 8 сентября.

[2] Tuetey, Répertoire. t. IX, № 1296.

[3] «Le Publiciste», № 264.

Леклерк и Жак Ру не ограничились сетованиями. Они готовили свой реванш: бурно требовали вступления в силу конституции, т. е. всеобщих выборов для избрания нового состава Конвента. «Еще несколько дней, — писал Жак Ру в № 266, — и с врагов свободы будут сорваны маски; мы увидим, засидятся ли они на своих местах, дали ли они нам прекрасную конституцию только для того, чтобы на каждом шагу нарушать ее и насиловать собственность и людей»... Жак Ру не решился бы на этот угрожающий тон, если бы не рассчитывал на близкое и энергичное выступление своих приверженцев.

Варле собрал делегатов секций в епископстве для подписания петиции против декрета, отменяющего перманентность собраний секций. В то же время Клэр Лакомб вела агитацию в Обществе республиканок-революционерок. Это общество уже 26 августа требовало в Конвенте немедленного введения конституции в действие [1]. 16 сентября оно вновь возвращается к своей агитации, оно требует у Конвента: 1) заключения в тюрьму публичных женщин, 2) ареста жен эмигрантов. «Ежедневно мы видим, как они катаются в своих колясках и разъезжают из города в деревню и обратно; мы имеем основания думать, что эти прогулки служат своего рода почтой для передачи из Парижа в окрестности и обратно контр-революционных сообщений» [2]. Через несколько минут оглашается другая петиция братского общества секции Единства, поддерживаемая клубом кордельеров и многими другими секциями и народными обществами [3]; эта петиция требует обязать всех женщин носить национальную кокарду. На том же заседании Конвента выслушивается также депутация от клуба кордельеров; она жалуется на эмиссаров Конвента при армиях и в департаментах и требует, чтобы им запрещено было издавать постановления, идущие вразрез с мероприятиями Исполнительного совета. Конвент очень отрицательно отнесся к этой петиции и постановил даже отправить оратора кордельеров в Комитет общественной безопасности, чтобы он предъявил там свои полномочия и документы. Эта петиция кордельеров не фигурирует полностью в «Archives parlementaires». Из отчета наблюдателя Рубо от 19 сентября видно, что она была расклеена по городу и вызвала некоторые волнения, «так как содержит истины, которые Конвент не имеет смелости признать, а тем паче принять к руководству».

[1] Председательствующий Амар дал депутации очень сухой ответ. Леклерк жалуется на это в своей газете от 30 августа.

[2] Эта петиция была уже подана коммуне 14 сентября, и коммуна согласилась с нею.

[3] Contrat Social, Amis de la Patrie, Luxembourg, Arcis, Croix-Rouge, République, Montagne, Bonconseil, Champs-Elysées, Panthéon, Finistère, Beaurepaire, Muséum, Halle au Blé, Tuileries, Marchés, Quinze-Vingts, Droits de l'Homme, Arsenal, Maison Commune, Mail, Molière et Lafontaine, Gardes Françaises, Piques, Mont-Blanc, Cité, всего 26 секций и еще следующие народные общества: санкюлоты, якобинцы, кордельеры, революционные республиканки, «свободные люди».

Эти многократные петиции показывают, что Бешеные не отказались от мысли запугать Конвент. Однако законы, принятые 5 сентября, упрочили престиж людей, стоявших у власти. Противники Бешеных презирали их угрозы и еще в тот же вечер, воспользовавшись первым удобным предлогом, перешли против них в наступление в якобинском клубе.

Клэр Лакомб обвиняется якобинцами.

Повидимому, Клэр Лакомб разразилась угрозами против одного из членов общества, гражданки Гобен, которая плохо высказалась о Теофиле Леклерке. Должно быть, Клэр Лакомб заявила, что будет настаивать на исключении гражданки Гобен из Общества республиканок, если последняя не докажет своих обвинений. Гражданка Гобен обратилась с жалобой к якобинцам, которые поспешили воспользоваться этим случаем. Бывший капуцин Франсуа Шабо выступил в клубе против Клэр Лакомб и Леклерка. Он сообщил, что Клэр Лакомб однажды обратилась к нему с ходатайством за бывшего мэра г. Тулузы, де-Рэ, арестованного в качестве федералиста [1]; когда Шабо высказал свое удивление, что она хлопочет за бывшего дворянина, за «человека который сажал в тюрьму патриотов», она разразилась угрозами и бранью. «Мадам Лакомб — называю ее так, ибо она не заслуживает имени гражданки — призналась, что ей важен не де-Рэ, а его племянник, к которому она питает нежные чувства». Сообщения Шабо вызвали хохот присутствующих. Он сделал еще другие разоблачения: Клэр Лакомб протестовала против арестов подозрительных лиц, а ее подруги осмелились глумиться над Робеспьером и называть его «господин Робеспьер» [2]. Базир прибавил к этому перечню еще несколько других фактов. Он рассказал, что к нему в Комитет общественной безопасности однажды явились члены Общества революционерок-республиканок и хлопотали об освобождении некоего Семанди. Они говорили с Базиром как с мальчиком, сказали ему, что он «поступает точно так же, как Робеспьер, который осмелился обращаться с ними как с контр революционерками». В заключение Базир заявил, что необходимо подвергнуть общество основательной

[1] Марк Жозеф-Рэ де-Бельбез, сын муниципального советника и мэр г. Тулузы, был 24 июля 1793 г. отрешен от должности, как федералист, а 11 мессидора II года (12 июня 1794 г.) приговорен революционным трибуналом к смертной казни (A d h e r, Le comité des subsistances de Toulouse, p. VI). Клэр Лакомб обратилась к Шабо, потому что он долго жил в Тулузе, в монастыре капуцинов. Быть может, она знала его там — она была родом из Ариежа.

[2] Это подтверждается показанием гражданки Жобе от 9 прериаля II года (Archives nationales, F⁷ 5756). В тот же день гражданка Лемос показала, что однажды, выходя из Комитета общественного спасения, Клэр Лакомб выразилась, что Робеспьер трус и боится за свою жизнь: «Заметила ли ты, как бледен он был, разговаривая со мною? На его лице был написан страх».

чистке путем перевыбора его членов. Реноден сообщил, что Клэр Лакомб поместила у себя на квартире бывшего аристократа Теофиля Леклерка; относительно последнего оратор утверждал. что он украл у одного из своих друзей пару пистолетов.

Выступали еще другие якобинцы, говорившие об интригах Клэр Лакомб и ее общества. «Эта женщина, которую обвиняют, — заявил один из них, — весьма опасна благодаря своему красноречию; она сначала говорит хорошо, а потом нападает на установленные власти. Я слышал, как она в одной своей речи обрушивалась и на якобинцев и на Конвент». Другой якобинец прочитал выдержку из газеты Леклерка, где последний пишет, что заколет каждого, кто явится арестовать его. «Дюрозуа и Ройу, — заявил оратор, — говорили таким же языком и поплатились головой за свое сумасбродство и преступность».

Клэр Лакомб присутствовала на заседании на трибуне. Она требовала дать ей слово для возражения ее обвинителям, но председательствующий Сижас оставил без внимания ее записки; тогда она пыталась взять слово самочинно [1]. Поднялся невообразимый шум. Женщины кричали со скамей: «Долой интриганку! Долой новую Кордэ!» Председательствующий вынужден был прервать заседание. Когда собрание успокоилось, якобинцы постановили предложить Обществу женщин-революционерок произвести чистку, перевыборы своих членов и избавиться таким образом от интриганок, которые прокрались в их ряды; Клэр Лакомб решено было отвести немедленно под благонадежным конвоем в Комитет общественной безопасности» [2]. Это было сделано. Жилище ее, в отеле «Бретань», по улице Croix-des-Petits-Champs, было опечатано, но на следующий день печати были сняты, и красивая актриса была отпущена на свободу. Ее хотели только запугать.

Варле против сорока су.

Заседание якобинцев от 16 сентября должно было бы служить предостережением для Бешеных. Но они рассчитывали на секции [3] и упорствовали. На следующий день, 17 сентября, они мобилизовали свои силы. Варле явился в Конвент и прочитал петицию большинства секций против декрета, отменяющего перманентность их заседаний, сократившего собрания секций до двух в неделю и установившего вознаграждение в 40 су для неимущих граждан, посещающих общие собрания секций. «Этот декрет, — заявил Варле, — противоречит конституции и декларации прав человека. Тот, кто первый предложил особый декрет в этом духе для Парижа [это был Дантон], заставил вас нарушить вашу присягу. Разве могли вы, не нарушая прав державного народа. ограничить народные собрания и предписывать их продолжительность? Нет; и вы сами признали это в другое время. Когда одна преступная клика предложила вам отменить перманентность заседаний секций, в Конвенте нашлись истинные монтаньяры, верные своим принципам, — они воспротивились этому. Вы хотите закрыть око народа, усыпить его бдительность, — причем при каких обстоятельствах! — когда опасное положение отечества заставляет народ дать в ваши руки громадную власть, требующую активного контроля, в момент, когда республика провозглашает себя в состоянии революции и мобилизует людей и оружие, в момент, когда она нуждается во всех услугах, которые могут оказать ей ее сыны». Уже это начало речи Варле было весьма удачно; конец ее был не менее искусным. Варле от имени народа отвергал вознаграждение в 40 су, как унизительную подачку. «Что станет из народных собраний, если они будут оплачиваться правительством? В свободном государстве народ не может платить себе самому за пользование своими правами; если бы общественная связь покоилась на таком вознаграждении, то декларация прав превратилась бы в химеру, восстановлена была бы грань между гражданами»...

Эта речь произвела такое сильное впечатление, что понадобилось выступление трех ораторов — из них двое от Комитета общественного спасения — для оспаривания аргументов молодого Варле.

Базир заявил, что возмещение в 40 су установлено только для того, чтобы дать возможность санкюлотам участвовать в собраниях секций и вырвать там большинство из рук богатых. Он обвинял Варле: «Варле, — воскликнул Базир, — опрометчивый молодой человек, если он не подкуплен аристократами». «Я обращаю ваше внимание на него; вместе с Жаком Ру он является параллелью к аббату Ройу». В заключение Базир требовал направить петицию Варле в Комитет общественной безопасности.

Робеспьер обвинял петиционеров в лицемерии. «Эти интриганы притворяются, что защищают неограниченные права народа, а на самом деле имеют в виду уничтожить эти права». В действительности перманентность заседаний секций была лишь на руку мюскаденам. Вознаграждение в 40 су так же законно, как вознаграждение, выплачиваемое народным представителям. «Те, кто осмеливаются выступать против этой меры, охраняющей права народа, являются лишь адвокатами аристократов. богатых и мюскаденов».

Сент-Андре добавил, что петиция Варле «полностью взята из федералистских и контр-революционных резолюций секций Лиона, Тулузы, Марселя и Бордо».

---

[1] Я следую здесь рассказу самой Клэр Лакомб (Arch. nat., T 1001[13]).

[2] «Общество единодушно решило написать в Комитет общественной безопасности и предложить ему иметь надзор за дамой Лакомб, обвиненной в интригах в пользу аристократии» (протокол заседания якобинского клуба 16 сентября 1793 г., подписанный Ж.-М. Купе из Уазы, как председатель, Ле-Меда, Дамем, секретари, Дюбарран, Лефор Г. Руссо, Ж. Гальяр и др. (Arch. nat., F[7] 4756).

[3] Наблюдатель Суле сообщает в рапорте от 17 сентября 1793 г., что «кучка наемных лиц или аристократов пыталась вызвать движение, ловко подстрекая народ отправиться к тюрьмам, в особенности к Пале» (Tuetey, Répertoire, t. IX, № 1332).

«Граждане, не скрывайте от себя, что цель аристократов — добиться контр-революции путем движения в секциях»...

Конвент перешел по вопросу о петиции к порядку дня.

Арест Варле.

Базир снова взял слово, на этот раз для запроса, почему Варле, несмотря на свой призывной возраст, не находится на фронте. Другой член Конвента предложил тут же отдать Варле под стражу жандарму, но Конвент отклонил это из уважения к праву петиций. Варле был оставлен на свободе, но не надолго. На следующий день Комитет общественной безопасности издал приказ об его аресте «за контр-революционные речи, произнесенные в одной группе» [1]. Варле был посажен в тюрьму Маделонетт. Полицейский комиссар секции Прав человека произвел обыск в его квартире на улице Тирон, в доме № 6.

Варле пробыл в тюрьме два долгих месяца. К счастью, у него были друзья, которые не забыли его. 29 числа 1-го месяца Общество друзей закона и свободы, равенства и гуманности (бюро его находилось на улице Vert-Bois, № 17) ходатайствовало об освобождении его и свидетельствовало о его патриотизме [2]. На 5-й день 2-го месяца общее собрание секции Прав человека тоже выступило с таким ходатайством. Три дня спустя революционный комитет этой секции тоже ходатайствует перед Комитетом общественной безопасности в пользу Варле, «который является истинным республиканцем». В пользу Варле выступили также (тоже на 8-й день 2-го месяца) граждане Клод Лешар из секции Музеума и Поттье из секции Бон-Нувель, оба — якобинцы, затем гражданин Вассо, выборщик и член коммуны 10 августа, Кламарон из секции Гравильеров, Жорис из секции Прав человека, Лешар из секции предместья Монмартр и Якобинцев; все они горячо восхваляли благородный и бескорыстный патриотизм юного апостола свободы и требовали его освобождения.

Наконец, 22 брюмера генеральный совет коммуны обсудил вопрос о Варле. В пользу Варле выступил сам Эбер. Генеральный совет поручил Эберу вместе с Бернаром предпринять необходимые шаги в Комитете общественной безопасности и требовать, чтоб «Варле был немедленно судим или же отпущен на свободу, если нет никакого тяжкого обвинения против него». Эти шаги имели успех. 24 брюмера Варле привели обратно в его секцию, «в среду его сограждан, к великому удовлетворению всех их», как сказано в протоколе революционного

[1] Tuetey, Répertoire, № 1336.

[2] Вдохновителем этого общества был Леонар Бурдон. Общество состояло из противников Жака Ру. См. в архивах в досье F⁷ 4774⁵⁶ замечание комитета надзора секции Гравильеров: в нем Наттэ обвиняется в попытках сорвать народное общество на улице Vert-Bois.

комитета. На следующий день он явился в коммуну благодарить ее. В своей речи он напомнил, что он проповедывал на городских площадях республиканизм, и просил разрешения продолжать свою агитацию с передвижной трибуны. Шометт, отдавая должное его патриотизму, подчеркнул, однако, что надо опасаться, как бы «интриганы не воспользовались публичной трибуной; последняя должна быть сохранена для респектабельной старости». «Дать кому-нибудь привилегию на особую трибуну противоречит началам равенства». Совет перешел к порядку дня, но с мотивировкой, что «каждый гражданин волен делать то, что не запрещено законом». Кроме того, по инициативе Шометта, он решил обратиться к Конвенту с просьбой «об устройстве трибун и эстрад, с которых можно было бы просвещать народ о великих принципах патриотизма и разума».

Очень характерно, что Варле обязан был своим освобождением Эберу. Этот случай не остался единичным. Многие бывшие приверженцы Жака Ру и Леклерка образовали впоследствии массу партии Эбера.

Роспуск женских клубов.

Повидимому, Клэр Лакомб и батальон женщин-революционерок-республиканок были более опасны, нежели Варле. Они имели серьезную поддержку в секциях, коммуне и вплоть до клуба якобинцев. 20 сентября народное общество секции Горы обратилось в якобинский клуб с жалобой, что женщины-революционерки, украшенные кокардой, подверглись угрозам и оскорблению действием. Якобинцы в лице самого Ренодена стали на сторону жалобщиков и постановили потребовать вместе с этим обществом от коммуны, чтобы она обязала всех гражданок без различия носить кокарду. Коммуна поспешила принять соответствующее решение [1]. Очевидно, власти старались провести грань между Клэр Лакомб и обществом, в котором она была председательницей.

В официозном органе «Feuille du salut public» напечатано было 24 сентября следующее сообщение: «Дама или девица Лакомб находится, наконец, в тюрьме и обезврежена. Эта контр-революционная вакханка пьет теперь только воду; известно, что она очень любила вино, не менее любила яства и мужчин; доказательство этого — интимное братство между ней, Жаком Ру, Леклерком и компанией». Это оскорбительное и поносящее сообщение не было правильно. Клэр Лакомб находилась еще на свободе, но за ней следили.

[1] Еще 13 сентября коммуна, по требованию секции Люксембурга, постановила, что гражданки, не украшенные почетным знаком свободы, не должны допускаться в общественные здания и сады, а также к общественным монументам. 21 сентября Конвент, по требованию полицейских чиновников Парижской коммуны, декретирует, что женщины без кокарды караются в первый раз восьмью днями тюрьмы, а в случае рецидива объявляются подозрительными.

22 сентября наблюдатель Руссвиль отмечает, что женщины-революционерки отправили накануне в секцию Круа-Руж депутацию с жалобой, что их хотели арестовать; они требовали ответственности министров, учреждения четырех революционных трибуналов, суда над аристократами в 24 часа, казни Антуанетты и Бриссо, введения таксы на все продукты народного питания и образования центрального комитета из депутатов всех секций [1]. Если верить этому полицейскому, Бешеные замышляли новое движение в секциях.

Но Обществу республиканок-революционерок суждено было жить всего еще только несколько недель. 6 октября клуб революционеров 10 августа, среди членов которого было немало аристократов, переряженных в маратистов, донес Конвенту на клуб Клэр Лакомб и требовал его роспуска. Донос — текста его не имеется в «Archives parlementaires» — был препровожден в Комитет общественной безопасности. Это уже было плохим знаком. В тот же день гражданки, на которых был сделан донос, явились к решетке Конвента ответить своим обвинителям. Конвент отказался выслушать их. Они пришли на следующий день. На этот раз Клэр Лакомб удалось произнести перед решеткой Конвента смелую речь против своих обвинителей: «Законодатели, — говорила она, — вчера вас хотели обмануть. Интриганы и клеветники, не находя за нами никаких преступлений, осмелились уподобить нас Медичи, Елизавете Английской, Антуанетте, Шарлотте Кордэ. А! конечно, последняя была чудовищем, она лишила нас Друга народа. Но разве мы отвечаем за это преступление? Разве Кордэ принадлежала к нашему обществу?» Клэр Лакомб совершила неосторожность и закончила свою речь угрозой: «Наши права, — сказала она, — это права народа, и, если нас будут притеснять, мы сумеем оказать этому сопротивление».

Повидимому, по поводу речи Клэр Лакомб в Конвенте не последовало каких-либо прений. Защитительная речь ее была послана в Комитет общественной безопасности, как и донос на нее.

Но через три недели в результате интриги, к которой был причастен Фабр д'Эглантин, клуб женщин-революционерок был закрыт.

8 брюмера (29 октября) в Конвент явилась депутация от женщин со следующими пожеланиями: 1) не делать обязательным для женщин ношение красного колпака, «иначе совершенно уничтожено будет искусство торговли»; 2) закрыть клуб женщин-революционерок. Днем раньше торговки рынка протестовали в коммуне против того, что республиканки-революционерки пытались насильно заставить их надеть красный колпак, и Леонар Бурдон требовал, чтобы последовательниц Клэр Лакомб заставили держаться в пределах закона и не нарушать общественного порядка особыми отличительными знаками.

[1] Tuetey, Répertoire, t. IX, № 1388.

Что случилось? Около церкви Сент-Эсташ, где заседало общество женщин, произошла драка. Повидимому, республиканки пытались принудить других женщин носить по их примеру красный колпак.

Эбертист Марибон-Монто, подозревая здесь интригу, заявил, что женщин нигде не принуждали носить тот или другой головной убор. В тот же день комитет общественного спасения Парижского департамента напечатал в 1 000 экземплярах и расклеил по городу прокламацию по поводу вчерашней драки. В прокламации говорилось, что эта драка — результат происков сторонников Бриссо и его соучастников, процесс которых предстоит в революционном трибунале. Прокламация утверждала, что рыночные торговки введены кем-то в заблуждение; не верно, будто женщины-революционерки намеревались требовать от Конвента декрета, обязывающего всех женщин носить красный колпак, шаровары и пистолет за поясом [1].

После Монто взошел на трибуну Фабр д'Эглантин. Он уже начал в тиши правительственных комитетов наступление против всех энергичных патриотов. В своей речи он ловко сослался на факт беспорядков по вопросу об обязательном ношении национальной кокарды и нашел вполне правдоподобным, что последовательницы Клэр Лакомб пытались силой навязать другим женщинам красный колпак. «Будьте настороже, — заявил он: — добившись декрета насчет красного колпака, они не удовольствуются этим, а потребуют у вас еще декрета о поясе, потом о пистолете за поясом... И в результате женщины будут отправляться в лавки за хлебом в таком виде, в каком отправляются в окопы». Этот историк разразился обвинениями против «эмансипированных девиц», против «гренадеров в юбке», посещающих клубы вместо того, чтобы заниматься дома хозяйством и детьми. Собрание ему усердно аплодировало. Оно боялось улицы и в вопросе о правах женщины осталось еще на точке зрения школьных шуток. Конвент направил все это дело в Комитет общественной безопасности.

На следующий день, словно Комитет ожидал только сигнала, докладчик его Амар уже был готов со своим докладом. Амар раздул в нем значение беспорядков, происшедших третьего дня на рынке Невинных у церкви Сент-Эсташ, и по трафарету приписывал их злонамеренным контр-революционерам, скрывающимся под маской демагогии. Оратор пришел к следующему заключению: женщины не должны заниматься политикой, так как для этого им пришлось бы принести в жертву те частные функции, которые определены им природой; каждому полу свойствен свой род занятий, деятельность его вращается в определенном кругу, из которого он не может выйти». Отсюда докладчик делал вывод, что народные женские общества должны быть распущены.

[1] Регистр дел, обсуждавшихся комитетом, BB³ 81; дата 8 брюмера.

Шарлье выступил в защиту прав женщин. «Раз вы не отрицаете, что женщины составляют часть человечества, то как можете вы отнять у них эти права, общие всем мыслящим существам?» Оратора прерывали шумом и восклицаниями.

Ему отвечал Базир. Он подчеркивал различие между нормальным положением и революцией. «Вы, — сказал он, обращаясь к Собранию, — провозгласили себя революционным правительством. В этой роли вы можете принимать все меры, которых требует общественное спасение. На мгновение вы набросили покрывало на принципы из опасения возможных злоупотреблений ими. Вопрос, стало быть, единственно в том, опасны ли общества женщин. Опыт недавних дней показал, как опасны они для общественного спокойствия. А раз так, не говорите мне больше о принципах!..» Это было грубо. Конвенту это понравилось, и он немедленно принял постановление о закрытии женских клубов; вместе с тем принят был декрет о публичности заседаний всех политических или литературных обществ.

Чтобы справиться с одним парижским обществом, сильным оплотом Бешеных, Конвент не остановился перед закрытием всех многочисленных женских клубов, развивших по всей Франции достойную удивления патриотическую и гражданскую деятельность! [1] Он заплатил черной неблагодарностью женщинам, которые самоотверженно служили делу революции. Он изгнал их из государственного общения и с пренебрежением отсылал их к их кухонным горшкам, забывая, что таким образом отсылает их также к священнику.

Тщетно республиканки-революционерки пытались протестовать против постигшей их исключительной меры. 15 брюмера (5 ноября) депутация их предстала перед решеткой Конвента и уверяла, что их общество состоит почти исключительно из матерей семейств, из жен защитников отечества. С первых же слов их прервали хохотом и шутками. Они удалились под гиканье и шум Собрания [2].

В тот же день у Клэр Лакомб снова произведен был обыск. Он был произведен революционным комитетом секции 1792 г. по доносу гражданина Ларивьера. У нее найдена была 21 пика «губительного образца». Одну из этих пик доставили в Комитет общественной безопасности, но он все же медлил с решительными мерами [3].

Арест Клэр Лакомб и Леклерка.

Клэр Лакомб была оставлена на свободе, но отказалась от политической деятельности и ушла в свою профессию драматической актрисы. 20 вентоза она хлопочет в коммуне о выдаче ей паспорта в Дюнкирхен, куда она получила ангажемент. Ей выдают паспорт, но несколько дней спустя, 27 вентоза, несчастная

[1] См. историю Безансонского женского клуба, прекрасно составленную m-lle Перрен («Annales révolutionnaires», t. IX и X).

[2] «Journal des Débats» сообщает, что эта депутация была сокращена до четырех человек.

[3] Arch. nat., F⁷ 2478, регистр революционного комитета секции.

актриса стала жертвой доноса некоей Малле; в доносе говорилось, что Клэр Лакомб находится в тесной связи с эбертистами, а именно с Мазюэлем, который жил с ней. Клэр Лакомб не уехала в Дюнкирхен. 13 жерминаля, во время процесса дантонистов, она была арестована по приказу Комитета общественной безопасности и пробыла несколько месяцев в тюрьмах Люксембург и Сент-Пелажи [1].

После закрытия клуба женщин Тесфиль Леклерк, который уже 15 сентября прекратил издание своей газеты, женился на Полине Леон, самой энергичной помощнице Клэр Лакомб. Вскоре за тем он поспешил оставить Париж. Он записался в батальон призывников секции Марата и отправился в гарнизон Лафера, где стал секретарем коменданта крепости. Там он и был арестован вместе со своей женой 14 жерминаля по приказу Комитета общественной безопасности [2]. Клэр Лакомб была арестована днем раньше. Оба они находились еще в тюрьме 16 мессидора. С этого момента я теряю следы их.

Процесс и смерть Жака Ру.

Оставался Жак Ру, истинный глава партии.

23 сентября в коммуну явились граждане из секции Гравильеров и требовали его освобождения. Председатель муниципального собрания ответил им, что «они, несомненно, введены в заблуждение интригой, так как здесь непрестанно требовали то освобождения, то ареста священника Жака Ру». Затем слово взял Эбер и стал перечислять «преступления» Жака Ру. Впрочем, завязались также прения; это показывает, что в ратуше были еще приверженцы Жака Ру. Совет перешел потом к порядку дня, сославшись на закон о подозрительных [3].

Итак, Жак Ру остался в тюрьме. Он был храбрее Леклерка и продолжал издавать свою газету, даже сидя в тюрьме. Прежде у него бывали моменты слабости. Он вступал в сделки со своей совестью. Но теперь, за тюремным замком, он закалил свое сердце. Он открыто нападает на притеснителей своей партии. В № 267 он возмущается, что Общество женщин-революционерок, имеющее за собой столько заслуг, стало жертвой доноса (якобинцам 16 сентября) «со стороны людей, которые тысячу раз обращались к их храбрости и их добродетели». Он возмущен оскорблениями, нанесенными членам клуба кордельеров, когда они у решетки Конвента протестовали против самоуправных действий проконсулов-эмиссаров: «Теперь уже не позволено высказывать свои пожелания, если они задевают гордость лицемеров, находящихся во главе правительства... Эмиссары узурпируют державные права народа, учиняют в ряде департаментов жестокости на манер вице-королей и диктаторов, преследуют тех, кто видит их преступные деяния и донес на их многократное

[1] Она была освобождена только 1 фруктидора III года.

[2] Archives nationales, F⁷ 4774⁹.

[3] «Moniteur».

предательство...» [1]. Будучи на свободе, Жак Ру ни разу еще не «понесил» в такой мере установленные власти. Эти последние номера его газеты являются страстной и мотивированной филиппикой против террора; Жак Ру обличает последний в том, что он направлен против лучших республиканцев. Закон против подозрительных, будучи применяем против своего смысла, становится орудием мести и честолюбия.

На нападки Жака Ру реагировал офицер «Antifédéraliste» в номере от 16 брюмера. Эта газета высказала удивление по поводу того, что автор нападок остается безнаказанным. «Г-н Жак Ру, — писала она, — в одном из последних номеров своей газеты делает страстный выпад против революционных комитетов секций и против граждан, стоящих во главе правительства; он заявляет, что интриганы воспользовались им и другими подобными патриотами для свержения монархии [2], а теперь сажают их в тюрьму и проводят свою диктатуру и инквизицию. Жак Ру рассчитывает на презрение установленных властей к памфлетам; это презрение может стать опасным». Призыв этот к репрессиям был услышан.

8 фримера революционный комитет секции Гравильеров обсуждал вопрос об аресте приверженцев Жака Ру: Боске, Бурбона, Гральо, Наттэ, Дюкло, Бульяна, Филиппа, Мишо, Санже [3]. Это было как раз тогда, когда Шабо выступил с обвинением иностранных агентов, и в результате открылось тяжелое дело Индийской компании и имел место ряд новых политических арестов. Только двумя днями раньше секция выбрала Н ттэ в члены следственного бюро по делу о фальшивых ассигнатах. Теперь он вместе со своими товарищами был посажен в тюрьму de la Force. Это произошло 13 фримера. Тем временем Жака Ру уже перевели в Бисетр, а газета его перестала выходить.

23 нивоза Жак Ру должен был быть судим трибуналом исправительной полиции, заседающим в Шатле. Он предстал перед судом, но последний объявил себя некомпетентным и передал дело в революционный трибунал. Жак Ру понял, что он погиб. Когда было прочитано решение суда, — говорится в протоколе, — «гражданин Жак Ру просил разрешения сделать одно сообщение суду. Поблагодарив трибунал за его строгое решение и делая вид, будто ищет у себя в камзоле на левой стороне бумаги, он правой рукой открыл небольшой нож с рукояткой из слоновой кости и нанес себе несколько ударов, чтобы покончить с собой; на глазах у судей лезвие ножа до рукоятки обагрилось кровью. Неистовые движения Жака Ру были немедленно замечены, его тотчас же схватили жандармы и судебные служители, разоружили и унесли окровавленного в залу совета, куда немедленно вызвали хирурга для осмотра ран». В ожидании прихода хирурга суд допрашивал раненого. Между ними произошел следующий разговор: «Почему вы покушались на свою жизнь?» — «Я уже давно решил пожертвовать своей жизнью, но жестокие обвинения и оскорбления со стороны моих преследователей побудили меня прибегнуть к самоубийству».—«Трибунал в своем решении не высказался по существу по вашему делу, он лишь направил его компетентному суду».— «Я не имею ничего против трибунала, он поступил согласно закону, а я поступил согласно своей свободной воле». — «Вам нет оснований бояться предстать перед революционным трибуналом. Марат, которого вы считаете своим другом, тоже предстал перед революционным трибуналом и вышел победителем». — «Между Маратом и мной — большая разница. Марат не имел моей энергии и не подвергался таким преследованиям, как я. Я презираю жизнь. Для друзей свободы сужден счастливый удел в будущей жизни. Поручаю вам моего приемыша — сиротку Масселена. Я прошу, чтобы перед концом моей земной карьеры меня покрыли красным колпаком и чтобы президент трибунала дал мне поцелуй мира и братства»... Президент тут же исполнил желание Жака Ру.

Хирург Суг констатировал, что Жак Ру «причинил себе ранения в пяти местах на расстоянии двух линий одно от другого, все над левым соском; эти раны проникли в грудь и не опасны; имеют приблизительно три линии в ширину; только пятая, у края грудины, была около дюйма ниже других» [1].

Жак Ру был переведен в тюремную больницу Бисетр. Но он не покинул мысли о самоубийстве. 16 плювиоза офицер стражи Мерсеро пишет Фукье-Тэнвилю, что «заключенный всеми средствами старается извести себя, дабы избежать процесса перед революционным трибуналом». 22 плювиоза Жак Ру снова прибегает к самоубийству. Он нанес себе глубокие и опасные раны в грудь, одна из них проникла в левое легкое. В тот же день он умер в Бисетре и был похоронен на кладбище Жентильи.

Историческая роль Жака Ру.

Этот конец Жака Ру напоминает античные смерти, о которых рассказывает Тацит. Конец этот примиряет с некоторыми темными страницами из его прошлого. Этот честолюбивый священник, несомненно, был человек с твердым характером и искренней душой.

В декабре 1792 г. он дерзнул формулировать программу народных требований. В этом своем выступлении он был почти одинок и действовал в стороне от всех комму-

[1] «Публицист», № 267.

[2] Действительно, мы читаем в № 268 «Публициста»: «Ах, эти преступные Тартюфы! Они использовали Леклерков, Варле, Жаков Ру, Бургуенов, Гоншонов и др., они использовали женщин-революционерок, как Лакомб, Коломб, Шампион, Ардуен, и множество других республиканцев, чтобы разбить скипетр тиранов... свергнуть котерию политиков... В настоящее время они имеют в своих руках ключи от государственной казны, располагают важнейшими гражданскими и военными постами и имеют пособников для исполнения их приказов; они держат в своих руках бразды правления, насыщены кровью народной и вооружены проклятиями всей нации. Они безжалостно обрушивают последние на неподкупных патриотов, которые не склоняют рабски спину перед новыми королями».

[3] Archives nationales, F⁷ 4775⁸, F⁷ 2486, F⁷ 4774⁵⁶.

[1] Я излагаю по протоколу в Arch. nat., W 20. О самоубийстве Жака Ру рассказано также в «Antibrissotin» от 26 нивоза.

нальных и государственных властей. Он имел смелость требовать от нового режима дать массам то, что давал им старый режим. Он проповедывал возвращение к регламентации, так как регламентация введена была королями в интересах бедных. Он один из первых понял, что начала абсолютной свободы, начертанные на знамени нового законодательства, служат интересам только одного класса, в ущерб всему обществу. Он первый противопоставил народ, санкюлотов, владеющих только своими рабочими руками, собственникам, владельцам или скупщикам продовольствия и предметов первой необходимости. Впрочем, он не был теоретиком или человеком системы. Он видел бедственное положение народа, указывал на злоупотребления и предлагал против этого эмпирические средства, которые ему подсказывали факты.

Он анализировал причины экономического и социального кризиса. Кризис был так серьезен, что даже правящие круги, противники Жака Ру, вынуждены были слушать его и одну за другой принимать предлагаемые им меры для разрешения кризиса. Но каждую такую уступку они делают под давлением извне. Натолкнувшись на злую волю правящих кругов, Жак Ру вынужден был прибегнуть к прямому действию. В глубине души христианин, он производит впечатление анархиста. Разрушительный характер его наступательной политики еще более обостряют его союзники — иногда это были также соперники его — Варле и Тесфиль Леклерк, первый — своими речами на городских площадях, второй — своей неистовой риторикой. Женский клуб Клэр Лакомб, с треском и шумом ставший на сторону Жака Ру, придал его группе несколько смехотворный, дискредитирующий характер. Для Эбера настало время овладеть народным движением, которое вынесло на своей волне Жака Ру. Эбер заимствует у бывшего священника его программу, но для осуществления ее прибегает к другому методу. Он требует сотрудничества с властью, вместо того чтобы действовать исключительно устрашением и мятежом. Во избежание беспорядков, власти уступают, и в тот же момент приступают к беспощадным репрессиям против Бешеных. Они забывают заслуги этих последних, помнят только страх, который те нагнали на них. С одной стороны, они принимают законы, внушенные Бешеными, с другой стороны, сажают последних в тюрьму, предают их суду и разгоняют их сторонников. Чтобы добить их, против Бешеных применяют закон о подозрительных, которого они сами первые стали требовать против скупщиков. Бешеные стали первыми жертвами террора, который был их же делом.

Быть может, праздным является вопрос: что было бы, если бы Бешеным удалось овладеть властью, и они стали бы сами применять те законы, идея которых принадлежала им? Законы, которых требовали Бешеные, проводили в жизнь противники Бешеных. Популярность Бешеных унаследовала партия Эбера, к ней же перешли мятежные сборища Бешеных. Эбертисты не в состоянии были долго оставаться верными своему первоначальному плану сотрудничества с правительством. Им вскоре тоже пришлось выступить под флагом оппозиции; в свою очередь, они тоже потерпели поражение и были разбиты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ДОРОГОВИЗНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРИНЯТИЕ ОБЩЕГО МАКСИМУМА.

(Сентябрь 1793 г.)

Продовольственные законы, вотированные Конвентом в августе и сентябре 1793 г., были своего рода импровизированным законодательством, навязанным Конвенту стечением обстоятельств и бунтом. Подавляющее большинство Конвента оставалось убежденными противниками если не всякой регламентации, то по крайней мере всяческих такс. Если максимум на зерно не был отменен в конце июля, то только потому, что Конвент был запуган угрозами восстания, предшествовавшими празднованию 10 августа.

Эти законы издавались без общего плана, случайно, по мере надобности. Сюда принадлежат законы, запрещающие накопление припасов частными лицами, законы об обязательных заявках и учете припасов, об устройстве государственных зернохранилищ и о постройке общественных хлебопекарен; далее законы, вводившие в силу таксу на зерно и распространявшие ее на муку, фураж и топливо; наконец, законы, разрешающие реквизиции продуктов и рабочих рук. 4 сентября Конвент, под давлением толпы, собравшейся на Гревской площади, обещал ввести в течение недели твердые цены на все продукты первой необходимости. Это обещание было исполнено только 29 сентября. Чем объясняется это запоздание? Следует ли предположить, что Конвент и его комитеты пытались уклониться от раз принятого обязательства? Внимательное изучение фактов даст нам возможность ответить на этот вопрос.

Комиссия Шести

В комиссию Шести, которой поручено было выработать проект закона об общем максимуме, входили вначале: Жэ де-Сент-Фуа, Купе (из Уазы), Буше Сен-Совер, Шабо, Дантон и Мерлино. Все они принадлежали к партии Горы. 4 сентября, когда Конвент вотировал в принципе принятие общего максимума, он пополнил комиссию тремя новыми членами: Лекуантром (из Версаля), Вальдрюшем и Жираром. Лекуантр был выбран докладчиком по вопросу о законе,

снова вводящем твердые цены на зерно. Этот закон был окончательно принят 11 сентября. Что комиссия нисколько не торопилась исполнить обещание, данное населению Парижа, видно из следующего: во время прений Раффрон, депутат от Парижа, настаивал на включении общего максимума в принятый текст закона — однако это было отклонено. Медлительность комиссии вызвала даже вмешательство Женисье: 14 сентября он выступил с требованием, чтобы комиссия немедленно представила законопроект об общем максимуме. Он мотивировал это следующим образом: «у торговцев должна быть отнята возможность продавать в дальнейшем по дорогой цене сукно, тогда как они будут покупать хлеб по дешевой цене». Женисье выступил в интересах земледельцев. В самом деле, твердые цены на зерно и фураж били по карману земледельцев. Представители последних требовали теперь общего максимума, чтобы восстановить равновесие между ценами пищевых продуктов и промышленных изделий. Один из членов комиссии, Лекуантр, выступил с требованием пополнить комиссию пятью новыми членами для ускорения ее работы [1]. Конвент удовлетворил это требование и постановил, что в законопроект комиссии должны быть принципиально включены все те предметы первой необходимости, которые перечисляются в законе 26 июля о скупке и спекуляции. Однако надо полагать, что сопротивление в комиссии еще не было окончательно сломлено: комиссия все еще работала чрезвычайно медленно. Прошла неделя, пока она представила свой доклад.

Мнения членов комиссии разделялись. Некоторых из ее членов пугало введение общего максимума. Они предвидели серьезные трудности. Они пытались выиграть время и перестали являться в комиссию, так что она свелась только к немногим членам, сторонникам максимума [2]. Но и эти последние одно время были поколеблены аргументами противников максимума, пытавшихся разрешить проблему путем диверсии.

Диверсия Колло д'Эрбуа.

17 сентября был окончательно принят Конвентом закон о подозрительных лицах. На следующий день Колло д'Эрбуа доказывал в Конвенте, что если известным образом применить этот новый закон, то можно будет избежать таксы, но достичь той же цели. «Пора, — заявил он, — нанести последний удар меркантильной аристократии; это она задерживает процесс революции и препятствует нам до сих пор пользоваться плодами принесенных нами жертв. Я требую, чтобы вы включили в число подозрительных лиц также тех торговцев, которые продают съестные припасы по чрезмерным ценам. Это добавление к закону тем более необходимо, что исполнители закона, проникнутые религиозным уважением к букве закона, не

[1] Имена этих пяти членов не приводятся в «Archives parlementaires».

[2] См. доклад Купе (из Уазы) от 23 сентября 1793 г.

решаются толковать его и таким образом мешают намерениям — во всяком случае, тайной цели — законодателей. Я отвечаю перед вами за благие результаты этой меры. Мы прибегли к ней в департаменте Уазы, и что же? Фунт масла, стоивший прежде 40 су, немедленно упал до 20. Примите эту меру, и вы можете быть уверены в общественном спокойствии и в успехе нашего оружия. Эта мера является гарантией победы нашего юношества, отправляющегося на войну с рабами европейских тиранов; ее требуют обстоятельства... Я требую, чтобы вы включили *в класс подозрительных лиц торговцев, которые продают предметы первой необходимости по чрезмерной цене*».

Один из депутатов — имя его не указывается — потребовал отложить обсуждение этого предложения, пока комиссия выработает текст закона об общем максимуме. Замечательно, что Купе (из Уазы), который впоследствии выступил докладчиком комиссии, поддержал это предложение Колло д'Эрбуа и требовал немедленно голосовать его. «*Карательная мера, предложенная Колло д'Эрбуа*, — заявил он, — *окажется более действительной, чем все законы*». Это поведение Купе показывает, что комиссия не старалась провести закон об общем максимуме.

Против предложения Колло д'Эрбуа выступил Фабр д'Эглантин; его близость к меркантильной аристократии известна. Он привел следующий аргумент: «Отдельное лицо не может судить, является ли данная цена продукта чрезмерной; это можно установить только на основании общественного недовольства». Ему возражал старик Раффрон: «Необходимо, чтобы в тех случаях, когда народ найдет цену продукта слишком высокой, он имел право потребовать данного торговца к полицейскому комиссару; этот последний будет судить по своей совести и разумению, по какой цене должен продаваться данный товар. Вот та мера, которую нам необходимо принять. Терпением народа злоупотребляют; не толкайте его на крайности». Однако Конвент усомнился в практичности такого вмешательства полицейского комиссара. Фабра д'Эглантина поддержал Лекоэнт-Пюираво; он высказался в том смысле, что проект Колло создаст простор для произвола, и в результате преследований торговцы станут массами покидать свою торговлю. Робеспьер подтвердил: «Предположите, — сказал он, — что ваш закон находится в руках недобросовестной, склонной к произволу администрации. В таком случае богатый спекулянт, подкупив нечестного чиновника, обойдет закон, и последний всей своей тяжестью обрушится на бедных». Это очень не понравилось Колло д'Эрбуа, который прервал Робеспьера следующими словами: «Значит, вы не одобряете постановления, изданного нами в качестве эмиссаров Конвента и приведшего к самым благоприятным результатам?» Робеспьер ответил, что необходимо различать между законом и исключительными мерами, которые могут быть полезны именно как исключения. «Дайте мне закончить мою мысль. Я далек от того, чтобы порицать ваше поведение; каждое должностное лицо, являющееся свидетелем акта притеснения, должно карать жадного торговца, стремящегося раздавить народ... Но необходимо разли-

чать между единичной мерой против того или иного индивидуума, признанного виновным, и общим законом, который при своей расплывчатой формулировке дал бы недостаточно патриотическим администраторам возможность притеснять добрых граждан. Я предлагаю вам одобрить меры, принятые Колло д'Эрбуа, и призвать наших эмиссаров в департаментах следовать его примеру». Конвент принял предложение Робеспьера и отложил предложение Колло. Разрешить проблему дороговизны с помощью террористической вылазки оказывалось невозможным. Необходимо было вернуться к максимуму.

Вмешательство народа и принятие закона.

Возможно, что комиссия вообще не решилась бы пойти дальше и представить, наконец, свой доклад, если бы ее не ободрило или не принудило к этому новое вмешательство улицы.

22 сентября коммуна и ее 48 секций, уставши ожидать новый закон, возмутились и отправили в Конвент депутацию — напомнить народным представителям их прежние обещания. «Законодатели, вы декретировали в принципе, что на все продукты первой необходимости будут введены твердые цены. Народ ожидает вашего решения с нетерпением; оно диктуется нуждой. Он надеется, что цена продуктов будет не выше минимальных цен 1790 г., что эти последние будут объявлены теперь максимумом. Цены продуктов все растут и достигли ужасающих размеров. Закон против спекулянтов должен сделать известными все места, где имеются припасы; как только вы урегулируете твердые цены, народ сможет пользоваться ими, не прибегая ни к каким несправедливым актам». В таких выражениях депутация требовала от Конвента выполнения взятого им на себя обязательства. На следующий день комиссия представила свой законопроект. Докладчик ее Купе (из Уазы) был скорее докладчиком поневоле, нежели по убеждению. «Этот закон, — заявил он, — ожидается с крайним нетерпением; нам нельзя откладывать его перед лицом возмутительных происков злонамеренных и жадных лиц, — происков, которые сочетаются с действиями наших «друзей» по ту сторону».

В петиции коммуны и секций выставлено было требование, чтобы за основу приняты были цены 1790 г. Ни один член комиссии не считал это осуществимым. Некоторые члены комиссии, считаясь с тем, что цены часто в три или четыре раза превышали цены 1790 г., желали установить твердые цены в двойном размере против цен 1790 г. Но большинство было того мнения, что эта пропорция слишком высока и не удовлетворит народ. Оно предложило взять за основу цены 1790 г., увеличенные на одну треть, «так, чтобы предмет, стоивший в 1790 г. 3 ливра, стоил в 1793 г. не более 4 ливров». Комиссия считала также необходимым разрешить местные отступления от этого общего правила. Эти отступления должны были вводиться по требованию эмиссаров Конвента и подлежали утверждению этого последнего.

Купе присовокупил, что комиссия не считала возможным фиксировать цену продуктов и товаров, не фиксируя в то же время заработной платы рабочих. Здесь тоже за основу взяты были цены 1790 г. Некоторые члены комиссии желали увеличить ее вдвое, но большинство комиссии полагало, что максимальная заработная плата должна быть фиксирована в полуторном размере против цен 1790 г., так, чтобы рабочий, зарабатывавший до повышения цен 30 су, зарабатывал теперь 45. Если принять во внимание, что твердые цены продуктов были фиксированы на одну треть выше цен 1790 г., то отсюда видно, что новый закон составлен был в пользу рабочего класса.

Тогда как принятый 11 сентября максимум для зерна, муки и кормовых средств был одинаков для всей республики, предложенный Купе максимум на продукты первой необходимости должен был варьировать по дистриктам. По проекту Купе, дистрикты должны были составлять таблицы максимума для своего района. Нарушители максимума, как продавцы, так и покупатели, должны были караться штрафом в двойном размере стоимости проданного продукта, причем вся сумма штрафа должна была итти в пользу доносчика. Рабочие, отказывающиеся работать по официальной цене, могли, согласно законопроекту, мобилизовываться муниципалитетами, причем последним предоставлялось право наказывать их тюремным заключением до трех дней.

Конвент, не приступая к прениям, постановил напечатать доклад Купе и отложить рассмотрение его. На том же заседании было оглашено письмо от небольшого города Шатонеф в департаменте Эры-и-Луары; в этом письме требовалось введение максимума, как дополнение к закону против спекулянтов. Прения по законопроекту начались двумя днями позже, 25 сентября. Купе от имени комиссии внес несколько дополнительных пунктов к закону, подкрепляющих запрещение вывоза хлеба: хлебные магазины должны быть расположены на расстоянии 12 лье от границ государства. Тюрио энергично протестовал против этого плана. «Неужели вы хотите осудить на голод наши армии? В большинстве случаев они находятся лишь на расстоянии 3—4 лье от границы». В дальнейшем Тюрио расширил тему и произнес горячую речь в защиту свободы торговли. «Будьте уверены, граждане, что для счастья народа необходимо сохранить торговлю во всей ее силе; преступники— те, кто уверяют нацию, что для счастья ее необходимо подрубить все ветви и отрасли торговли; виновны также те, кто желает осудить народ на невежество, заставить его стречься от принципов философии и уверяют народ, что свобода не совместима с философией». Тюрио говорил на сей раз так, как Бюзо и Барбару. Он обрушился на сторонников максимума и изображал их как людей, жаждущих крови. «Республику стараются убедить теперь, что она может удержаться, только поставив всюду кровожадных людей, индивидуумов, которые с самого начала революции отличились лишь своей страстью к кровопролитию. Необходимо остановить этот бурный поток, увлекающий нас к варварству». Но здесь Тюрио внезапно оста-

повился. Он закончил свою речь словами, что необходимо напечатать нравоучительную листовку с изложением достойных восхищения героических деяний, совершенных французами со времени революции. После угроз в начале речи это заключение оратора было своего рода признанием в бессилии.

Дискуссия продолжалась на следующий день. Лекуантр, по профессии — торговец сукном, оспаривал правильность предлагаемого исчисления максимума. Он взял в пример цены на мясо и ссылался на то, что в Эльзасе и в Северном департаменте они составляли в июне 1790 г. 6—7 су, а в июне 1793 г. поднялись там до 24 и 26 су. Если установить твердые цены на мясо на одну треть выше цен 1790 г., т. е. в 9 су и 4 денье, то снабжение этих департаментов будет невозможно. Поэтому Лекуантр предлагал, чтобы максимум был установлен в двойном размере против цен 1790 г. Однако по особым соображениям оратор предлагал также, чтобы изменения этого общего максимума устанавливались для отдельных областей не по инициативе эмиссаров Конвента, как предлагал Купе, а самим Конвентом и в тексте обсуждаемого закона. Лекуантр рассмотрел отдельно все продукты: мясо, водку, соль, дрова, полотно, затем сукно и доказывал, что к ним никак нельзя применить один и тот же максимум в размере $1^1/_3$ цен 1790 г. В заключение он обрушился на тех, кто льстит народу: «Я, — заявил он, — предпочитаю не обманывать народ». Оратор привел ряд фактов в доказательство, что главной причиной дороговизны является недостаток товаров. Весьма точная речь Лекуантра произвела пессимистическое впечатление и вызвала протесты и шум трибун и части депутатов. Лекуантру не дали кончить речь. Собрание лишило его слова [1].

Тюрио пытался продолжать свою аргументацию. Он тоже доказывал, что единый максимум с надбавкой в одну треть не достаточен. Он требовал установления особого максимума для каждого предмета потребления. Ясно, что это был только маневр для того, чтобы выиграть время и добиться отсылки законопроекта в комиссию и новой отсрочки дебатов.

Дюпон, депутат от департамента Верхних Пиренеев, в дополнение к аргументам Тюрио и Лекуантра прибавил свои соображения. Он предлагал включить в закон о максимуме также возмещение транспортных издержек. Он находил, что, за исключением этих издержек, максимум должен быть одинаков для всей Франции, а не изменяться по округам, как предлагал Купе.

Тибо, епископ кантальский, считал необходимым установить твердые цены не только на предметы первой необходимости, но на все продукты без исключения; за основание он предлагал взять не цены 1790 г., а среднюю из цен 1788, 1789 и 1790 гг. с надбавкой в 30%.

[1] Он сам рассказывает это в своем особом мнении, напечатанном в «Archives parlementaires», в приложении к протоколу заседания.

Замечательно, что ни один оратор не выступил в защиту законопроекта. Конвент растерялся и отослал все предложения в комиссию для нового доклада.

Это не обескуражило Купе (из Уазы). На следующий день он всходит на трибуну и требует срочного принятия максимума на дрова. После нескольких замечаний Тюрио, Госсюэна, Шарлье и Раффрона максимум был фиксирован на базисе цен 1790 г. с надбавкой в одну двадцатую.

Дискуссия продолжалась 28 и 29 сентября. Она была довольно путаной. В конце концов большинство статей законопроекта Купе были приняты, — впрочем, с некоторыми изменениями. Максимум на дрова устанавливался не администрацией департамента, как предписывал закон 19 августа, а коммунами. Максимум на табак, соль и мыло был установлен в одинаковых размерах для всей Франции, подобно максимуму на зерно, муку и фураж [1]. Максимум на другие предметы первой необходимости был установлен на базисе цен 1790 г. с надбавкой в одну треть. Окружной администрации предписано было, под угрозой отрешения от должности, представить в восьмидневный срок сводку этих цен. Максимум заработной платы устанавливался коммунами на базисе 1790 г. с надбавкой в 50%. Отступления, предусматриваемые первоначальным проектом, отпали. Не было более речи о надбавках на транспорт. Три дня спустя, 3 октября, Конвент поручил Исполнительному совету принять в самом срочном порядке меры для одновременного введения максимума во всей республике.

Это казалось торжеством государственного вмешательства — во всяком случае, с внешней, видимой стороны. Закон 27 июля обязывал всех владельцев предметов первой необходимости сделать заявки своих запасов; закон 29 сентября устанавливал определенные таксы на эти продукты. Эти законы отдавали все земледельческие, промышленные и торговые богатства Франции в руки властей. Сумеют ли эти последние, захотят ли они, будут ли они в состоянии направлять этот тяжелый рычаг? Прежде чем дать прямой ответ на этот вопрос, остановимся вкратце на том, как проводились в жизнь экономические и социальные законы, принятые раньше, начиная с августа месяца. Трудности, на которые натолкнулись эти законы, помогут нам уяснить те колоссальные препятствия, которые ожидали новый закон.

Государственные зернохранилища.

Закон о государственных зернохранилищах был вотирован Конвентом 9 августа; однако к началу октября осуществление его не подвинулось ни на шаг вперед [2].

[1] Карóта табаку — 20 су за фунт; курительный табак — 10 су за фунт, соль — 2 су за фунт, мыло — 25 су.

[2] 27 брюмера II года в кассе за тремя замками лежали еще в неприкосновенности те сто миллионов, которые были ассигнованы в распоряжение Исполнительного совета для устройства государственных зернохранилищ. Это констатирует протокол Продовольствен-

Это вполне понятно. Разве можно было собрать хлебные резервы, когда не удавалось обеспечить даже повседневное снабжение населения! В этом отношении представляет большой интерес переписка между властями. Во фримере II года департамент Верхней Марны не имел еще своего государственного зернохранилища, так как зерно из бывших имений эмигрантов, а также зерно, вносимое вместо налога, шло в военные склады. Лишь 13 нивоза (2 января 1794 г.) администрация дистрикта Шомон распорядилась устроить государственное зернохранилище в бывшем кармелитском монастыре; впрочем, и это распоряжение носило теоретический характер, так как в нем говорилось, что округ обратится к центральной власти на предмет снабжения зернохранилища.

В конце сентября Мор, эмиссар Конвента в департаменте Йонны, считает закон 9 августа только принципиальным законом, нуждающимся еще в дополнительном законе — инструкциях. «Поторопитесь, — пишет он 24 сентября из Оксерра Комитету общественного спасения, — дать инструкции к декрету об устройстве государственных зернохранилищ, и народ будет благословлять вас».

В некоторых местностях, например в Марселе, проявлялось систематически враждебное отношение к самому принципу закона. В начале октября в Марселе состоялся съезд народных обществ Юга. Съезд занялся продовольственным вопросом. Докладчик Пьер Деделэй, которому поручено было выработать резолюции, заявил 5 октября: «Если обойтись без государственных зернохранилищ, то мы избегнем крайне опасной перспективы доверять дело народного питания небольшой кучке людей, которые могут оказаться подкупленными... Кто ручается вам, что та или иная самоуправная инстанция или котерия не используют эти магазины на нашу погибель?» Раз недоверие дошло до такой степени, исполнение закона становится опасным.

В департаменте Тулузы в начале 1794 г. не было еще ни одного государственного зернохранилища. 5 плюзиоза Тулузский округ сообщает, что «для уплаты за некоторые реквизиции выпущены боны под поступления с недвижимостей и движимостей». Реквизированное таким образом зерно поступило в военные магазины [1].

Вероятно, так обстояло более или менее повсюду. Итак, ко времени введения общего максимума з кон 9 августа был только мертвой буквой.

ной комиссии, помеченный этим числом. В том же протоколе говорится, что Исполнительный совет не мог использовать этот фонд, так как, согласно статье 11 декрета от 9 августа, Комитет земледелия должен был выработать дополнительный декрет об организации государственных зернохранилищ, но на деле этот комитет воздерживался от каких-либо предложений.

[1] Adher, Les subsistances dans la Haute-Garonne, стр. 40, примечание; стр. 48, примечание и т. д.

Учет и молотьба зерна.

Как обстояло дело с законами, предписывавшими учет и обмолот зерна (законы от 14, 16, 17 и 23 августа)? Дианьер, агент министра внутренних дел, писал 27 августа из Мулена (Аллье), что д стрикты поручили учет зерна «людям, большинство которых известно как совсем плохие или во всяком случае сомнительные патриоты; и действительно, заявки не проверены; их берут в том виде, в каком они делаются владельцами зерна; рынки остаются без продуктов, и население осуждено на голод, несмотря на обильную жатву»... «Комиссарами по учету, — прибавляет Дианьер, — не следует назначать ни землевладельцев, ни арендаторов; им должно быть запрещено, под страхом кары, превышать свои полномочия; надо вычислить приблизительное количество зерна, необходимое для потребления каждой семьи, и оставлять последней только это количество плюс семена на посев».

Действительно, реквизиции почти повсюду тормозились ложными заявками при учете и оговоркой относительно семейного запаса.

В департаменте Верхней Марны администрация распорядилась о производстве всеобщего учета всех видов зерна только 16 сентября, между тем как сам закон издан был месяцем раньше. В приказе администрации говорится, что новый учет должен быть произведен тщательнее, нежели тот, который проведен был по закону 4 мая. На сей раз принята была весьма разумная мера предосторожности со стороны департамента: комиссары по учету должны быть взяты не из тех коммун, в которых они будут вести работу. Во многих других департаментах, например в Дубсе [1], тоже были приняты аналогичные меры предосторожности.

В Оверни Кутон распорядился, чтобы муниципальные чиновники, которым поручен был учет, контролировались членами народных клубов. За злоупотребления и обман он угрожал преданием суду революционного трибунала [2].

Несмотря на все меры контроля, перепись в общем подвигалась вперед очень медленно; возможно, что это делалось с умыслом. В Шаранте Ру-Фазильяк жалуется на это в письме от 27 сентября. В департаменте Верхней Марны к 28 октября 1793 г. все коммуны, за исключением пяти, закончили учет и представили свои списки [3].

В оправдание промедления переписи ссылались на запоздание обмолота. Сбор жатвы совпал с набором первого призыва, внезапно отнявшим у деревень от 500 до 600 тысяч молодых людей во цвете сил. 20 сентября администрация департамента Верхней Марны обратилась ко всем добрым гражданам с призывом прийти на помощь земледельцам при полевых работах и обмолоте зерна. Подавая

---

[1] Archives departementales. В департаменте Дубса комиссары по учету брались из другого дистрикта.

[2] Письмо из Риома от 25 сентября.

[3] Ch. Lorain, Les subsistances dans le district de Chaumont, t. I, p. 462.

первый пример, генеральный прокурор-синдик (этот чин соответствовал нынешнему префекту) сам вызвался ходить за плугом. Он отдал приказ, что коммуны должны составить два списка: недостающих рабочих рук и праздных рабочих рук; по указанию коммуны, лица без профессии должны на следующее утро отправиться каждый к определенному земледельцу и сообразно своим силам исполнять назначенные им работы; лица, не последовавшие этому призыву, должны были быть объявлены подозрительными; вознаграждение за рабочий день можно было требовать не выше 40 су на своем иждивении и не выше 20 су с хозяйскими харчами.

В Нормандии население страдало от недостатка хлеба, а обмолот подвигался крайне медленно. 6 сентября Роберт Лэнде пишет из Кана: «Земледельцы признаются, что, если бы их не торопили, они не приступили бы к обмолоту своего зерна».

В департаменте Ионны Мор для того, чтобы заставить селян обмолотить урожай и засеять свои поля, не нашел другого средства, как следующее: он давал рекрутам первого призыва отпуска для полевых работ. Надо полагать, что этот пример имел подражателей.

Однако в некоторых департаментах закон об учете и обмолоте зерна, несомненно, остался только на бумаге. Это видно из письма эмиссара Конвента Энграна из Шатору от 8 сентября: в письме Комитету общественного спасения он требует, чтобы Конвент ускорил всеобщий учет зерна.

Максимум на зерно.

Твердые цены на зерно было еще труднее провести на деле, чем закон об учете и обмолоте зерна. К концу июля закон 4 мая сошел на-нет почти во всей Франции. Закон 25 августа, снова вводивший его в силу, натолкнулся со всех сторон на сопротивление, точно так же закон от 11 сентября, который вводил вместо местных такс одну единую таксу для всей территории республики.

В Шартре и в Босе в начале сентября дает себя чувствовать продовольственная нужда, так как новый максимум, установленный Конвентом, ниже того, который был установлен прежде местными властями [1].

В Дубсе постановлением генерального совета департамента, одобренным эмиссарами Конвента Бассалем и Гарнье, таксы на зерно были отменены 20 июля; однако они чуть ли не сейчас же были введены вновь, во всяком случае на официальных рынках, — произошло это в середине августа, когда потеря французских позиций при Виссенбурге заставляла опасаться неприятельского вторжения со стороны Франш-Конте. 9 августа генеральный совет департамента из-

[1] Письмо Тирионa, помеченное: «Шартр, 10 сентября». Помещено у Aulard, Recueil, t. VI.

дал постановление о реквизиции 60 фунтов с юрнала в дистриктах Безансон, Бом, Кенжэ и Орнанс. Реквизированный хлеб подлежал оплате в 15 ливров за каждые 60 фунтов. В области снабжения гражданского населения департамент пытался обойтись покупками на вольном рынке. Он отправил с этой целью двух комиссаров, Кильга и Руссель-Галля, в Грэй и Лангр. Они посетили несколько рынков, но департамент Верхней Соны распорядился не выпускать зерно из его пределов; тем временем был издан закон 11 сентября, аннулирующий все частные сделки, заключенные выше твердых цен. Миссия Кильга и Руссель-Галля кончилась ничем. 20 сентября, по инициативе коммуны Морто, департамент Дубса издал постановление, что «цена 60 фунтов зерна не должна превышать 15 ливров»; другими словами, максимум, уже практиковавшийся при военных реквизициях, переносился таким образом и на частные закупки [1]. Впрочем, это постановление носило чисто теоретический характер; все дело было в том, как привести его в исполнение.

В Мамере максимум был снова введен в силу 19 августа 1793 г. Это произошло по приказу департамента Сарты, причем последний отменил свои постановления от 28 июня и 28 июля о свободе продажи зерна [2].

Впрочем, некоторые департаменты всячески саботировали закон о максимуме. Эмиссары Конвента Роберт Лэнде и Бонне де-Мотри пишут 29 августа из Кана Комитету общественного спасения, что закон 4 мая не всегда исполняется в департаменте Иль-э-Вилен, и что в результате этого умышленного саботажа хлеб из соседних департаментов уходит сюда. В Ламанше, где соблюдались твердые цены, мешок стоил 55 ливров, а в Иль-и-Вилене — 110. 10 октября положение оставалось все тем же, и Купе (из Уазы) клеймил с трибуны Конвента поведение этого департамента.

29 сентября депутат из Ланд жалуется в Конвенте, что пиренейские департаменты неодинаковым образом исполняют закон. Тогда как в Ландах при всех сделках соблюдаются твердые цены, другие департаменты придерживаются их только при реквизициях хлеба для армии. Конвенту пришлось подтвердить закон 11 сентября новым вотумом и формально постановить, что он простирается не только на покупки для армии, но и на все продажи без исключения. Этот факт красноречиво говорит нам о том, как исполнялись законы, а между тем уже три недели как в порядок дня поставлен был террор.

Во многих пограничных местностях, в Эльзасе, Франш-Конте, Руссильоне, Ариеже, крестьяне соглашались продавать свое зерно только за звонкую монету. Они отказывались принимать ассигнаты. Что касается Нормандии, то 8 сентября Делакруа, Луше и Лежандр пишут из Руана: «Богатые землевладельцы, земледельцы и арендаторы недовольны законом, который налагает узду на их ненасыт-

[1] Это постановление разбирается в «Vedette» от 20 сентября.

[2] Fleury, Mamers sous la Révolution, t. II, p. 19.

ную жадность, и сговорились между собой не выносить никаких продуктов на рынок... Неблагодарные! Варвары! Они враждебны революции, которая все сделала для земледелия, они сами живут в изобилии, а заставляют народ испытывать мучения голода»... Ру-Фазильяк, эмиссар Конвента в Шаранте, получив закон от 11 сентября, выражает следующие опасения: «Раз все должностные лица в деревне являются землевладельцами и имеют зерно для продажи, можно ли надеяться на них, как на исполнителей закона, который значительно сокращает прибыль, ожидаемую ими от этой продажи? Можно ли надеяться на вооруженную силу при проведении этого закона в деревнях?» [1]. Эти опасения были не без основания. Через несколько дней тот же Ру-Фазильяк сообщает, что мельники, взбешенные тем, что не могут более требовать себе платы натурой, заключили между собой письменный уговор не промывать зерна перед тем, как молоть его. Чтобы победить их упрямство, Ру-Фазильяк должен был поставить на городской площади в Ангулеме гильотину.

Разумеется, реквизиции наталкивались на значительные трудности. Там и сям все еще толпа останавливала подводы с хлебом; местами народные бунты заставляли власти понижать цену на хлеб. Так, например, в Безансоне 16 августа толпа требовала снижения цены 6-фунтового каравая с 2 ливров 2 су до 1 ливра 5 су. Разница должна была быть уплачена за счет налога на богатых, доход которых превышал 1 000 ливров в год.

Большая часть армий кормилась теперь уже только путем реквизиций. Таким образом происходило снабжение альпийской, арденской и северной армий. Но в конце августа эмиссары Конвента при пиренейской армии согласились платить за хлеб выше максимума [2]. Гарро писал 24 августа из западно-пиренейской армии. что казна платит 80 ливров за мешок зерна весом в 115 фунтов и что фунт хлеба стоит 20 су.

Продовольственная нужда.

Несмотря на реквизиции для снабжения городов, рынки пустовали, и каждый момент можно было опасаться остаться без хлеба. Крестьяне уклонялись от подвоза хлеба на рынки под предлогом учета зерна и запоздания молотьбы, ссылались также на свой семейный запас. Кроме того, их коммунальные чиновники воспользовались статьей закона, разрешающей им основывать новые рынки; они устраивали фиктивные рынки единственно с целью уклониться от реквизиций и снабжения старых рынков [3]. Пришлось издать новый закон [4] и запретить им менять места рынков.

[1] Письмо из Ангулема от 27 сентября.

[2] Письмо Шодрон-Руссо и Лэриса из Тулузы от 25 августа.

[3] См. письмо Лэнде и Удо от 25 сентября из Кана.

[4] Он был издан 18 вандемьера (19 октября) 1793 г.

Тем временем города страдали от недостатка хлеба. Эмиссар Конвента Пине писал 5 сентября из Периге, что хлеб исчез с рынка вследствие возмутительных происков спекулянтов и что его почти невозможно достать. 6 сентября Делакруа, Луше и Лежандр сообщают, что в Руане и окрестных городах наступил настоящий голод, население питается отвратительным хлебом, да и его нет в достаточном количестве. Накануне в Эльбефе произошло сборище народа вокруг повозки с зерном, которое чуть не вылилось в бунт. Агент Гарнье пишет 11 сентября, что город Мулен опасается за свое продовольственное положение и что белый хлеб стоит там еще 10 су фунт — это, между прочим, доказывает, что здесь еще не применялся максимум [1]. В Морто (департамент Дубса) фунт хлеба еще в середине сентября стоил 12 су. В Безансоне в это время муниципалитет кормил население только путем заборов из крепостных магазинов [2]. В департаменте Крезы в момент обнародования закона 11 сентября хлеб продавался по 12 су за фунт [3]. В Кане хлеб стоил в начале сентября 5—6 су фунт, рабочий день оплачивался в 25—30 су. В Бордо нужда была хронической в продолжение сентября и октября.

Деятельность эмиссаров Конвента.

В мае и июне свирепствовал аналогичный кризис; тогда единственный выход видели в отмене максимума. В то время у власти находились еще жирондисты. Теперь правящие круги стояли на другой точке зрения. Эмиссары Конвента и агенты министра внутренних дел требовали не отмены твердых цен на хлеб, а, напротив, распространения их на все прочие предметы первой необходимости. Они объясняют недостаток хлеба не за счет закона, а за счет его неисполнения. Энгран пишет 6 сентября из Шатору, что трудности снабжения рынков проистекают от недостаточно строгого исполнения закона 4 мая. 27 сентября он советует, чтобы новый закон (11 сентября) был одновременно, в один и тот же день, проведен во всех департаментах. Этот совет был исполнен. 29 августа Роберт Лэнде и Бонне пишут из Кана и предостерегают Комитет общественного спасения против отмены максимума. «Нельзя скрывать от себя, — пишут они, — что земледельцы желают отмены максимума; но можно быть уверенным, что, если дать полную свободу продавать хлеб по вольным ценам, цены поднимутся втрое еще до истечения трех месяцев... Отмените максимум, и цены предметов первой необходимости увеличатся в три раза. Это можно считать несомненным; в результате часть народа разорится». «Не желательнее ли настоять на исполнении закона 4 мая? Это значит ставить ограничение богатству. Разве законы не издаются и для богатства?.. Когда притязания богатых приходят в противоречие с естественными правами человека, их не-

[1] Pierre Caron, Les rapports des agents du ministère de l'intérieur, t. 1, p. 436.

[2] Они были разрешены приказами Бассаля и Бернара от 31 августа и 18 сентября.

[3] Письмо Энграна из Гере от 28 сентября.

обходимо подавлять». Мы имеем здесь зародыш всей той классовой политики, которая с течением времени все более овладеет Конвентом. Чтобы добиться проведения максимума, правительство должно с доверием опираться на тех, ради которых устанавливается он. Необходимость этого с первого же раза стала очевидной для такого человека, как Роберт Лэнде, но другие эмиссары заметили ее не сразу. Большинство их отмечает, что твердые цены вызывают недовольство зем. едельцев, и предлагает, как средство против этого, общий максимум. Так, например, Энгран в письме от 28 сентября настаивает на необходимости установить твердые цены на все предметы потребления. Точно так же Дартигэйт пишет 2 октября Комитету общественного спасения: «Здесь желают введения максимума на все прочие предметы; это необходимо для поощрения хлебопашества, так как в противном случае нет правильного соотношения». Это отсутствие правильного соотношения бьет по народу. В Брессе один 78-летний старик принес на рынок меру зерна и не хотел продать ее дешевле 30 ливров, т.-е. много дороже максимума. Его подвергают допросу, спрашивают, почему он отказывается подчиняться закону. «Он отвечает, что в течение 60 лет он всегда имел пару сапог за меру хлеба, что ему в настоящий момент нужны сапоги, и он охотно отдаст свою меру хлеба за пару сапог». Начальство, обезоруженное этой логикой, отпустило старика на свободу [1].

В мае и июне власти, приняв закон о максимуме против воли, поспешили отделаться от него при первых трудностях. На сей раз положение было совсем другое. Трудности, сопротивление остались те же, что прежде; но власти, по различным соображениям, не помышляют больше о возвращении к прежнему порядку: максимум позволяет экономить на содержании армии, его требуют санкюлоты, отмена его представляет опасность. Поэтому, хотя эта мера, несомненно, была навязана властям, они стали искренними сторонниками ее, так как других путей не имелось. Они решили предпринять все необходимые шаги, чтобы провести эту меру в жизнь. С течением времени все яснее становилось, что осуществление этого закона возможно только путем энергичной политики централизации и принудительных мер.

К этой политике пришли в бытность свою эмиссарами Конвента такие люди сильных мер, как Фуше, Тайфер, Бодо, Дартигэйт, Лапланш. Впоследствии силой вещей Комитет общественного спасения и Конвент должны были последовать этому примеру.

В начале октября революционная армия еще не была организована в Париже и существовала только на бумаге [2], но в департаментах, где действуют эти эмиссары, местные революционные армии уже имеются налицо и начинают оказывать помощь при проведении продовольственных законов. В Мулене Фуше в конце сентября собирает революционную армию из 150 стрелков, 50 кавалеристов и 50 канониров; каждый из них получает плату в 3 ливра в день. 25 сентября Бодо писал из Тулузы: «Я сформировал недавно небольшую революционную армию в Монтобане и еще одну в Тулузе... В продолжение месяца я арестовал более тысячи подозрительных лиц». Три дня спустя тот же Бодо в письме Комитету общественного спасения иронически замечает, что его «революционная армия прибавила весьма веские аргументы к его речам и гражданским инструкциям». Благодаря ей город Кастр за два дня изменил свою физиономию. 29 сентября Тайфер, эмиссар в департаменте Ло, тоже возвещал, что образовал революционную армию, которая наводит ужас на злонамеренных.

Впрочем, эти энергичные депутаты не ограничивались одними репрессивными мерами. Они привлекли к своему делу мелкий люд, вводя принудительное обложение богатых; эти налоги шли не только на содержание революционной армии, но также на всякого рода социальные меры. В Мулене Фуше издал постановление, что отныне должен выпекаться только один сорт хлеба, ситный, и продаваться по 3 су за фунт, тогда как обычная цена составляла в два последние месяца 10 су. Пекарям полагалось соответственное вознаграждение по системе, уже введенной в столице. Тем же постановлением учреждался приют для стариков и инвалидов, причем предусматривалось содержание его за счет сбора с богатых.

В тот же день, 23 сентября, Бодо и Шодрон-Руссо фиксировали цену хлеба в Тулузе в 3 су за фунт.

Точно так же поступали в конце сентября Лапланш в Бурже, Тайфер в Кагоре. В Бурже налог на богатых, введенный Лапланшем, давал 29 сентября уже 800 000 ливров. «Судите,— торжествующе писал он,— должен ли я иметь сторонников в народе, и не должны ли эти революционные меры, падающие своим бременем только на богатых, завоевать все сердца в пользу Конвента».

Благоприятный результат этих смелых мероприятий показал, что для действительного применения твердых цен на продукты необходимо опираться полностью на террор, введенный в интересах народа.

Если закон о твердых ценах на зерно исполнялся только там, где оперировали такие люди, как Фуше, Тайфер, Лапланш, Бодо, то тем паче нуждался в таких методах новый закон о твердых ценах на предметы первой необходимости. Законы, касающиеся зерна, задевали фактически только сельских хозяев. Но закон о твердых ценах на предметы первой необходимости задевал, кроме того, интересы торговцев и промышленников. Отныне революция готовилась дать грандиозное сражение всему классу собственников, причем в тот самый момент, когда ей предстояло победить монархическую Европу, Вандею и федерализм.

[1] Письмо Паннетье, Лабуассьера и Фромантена министру Паре, помеченное: Бург, 4 октября 1793 г. Приведено у P. C a r o n, t. I, p. 220.

[2] Комитет общественного спасения лишь 1 октября организует ее главный штаб. Сама Парижская коммуна враждебно относилась к идее этой армии. См. у T u e t e y переписку Декомба.

Революции приходилось бороться не только с эгоизмом отдельных лиц: сами учреждения помогали оказывать ей противодействие. Регулярные исполнительные власти были выборными органами, весьма независимыми от центральной власти. Пришлось наделить эмиссаров Конвента неограниченными полномочиями, чтобы справиться с противодействием этих местных властей. Фуше, Лапланш, Бодо и им подобные действовали как диктаторы, как проконсулы, но их работа осталась изолированной. Теперь необходимо было концентрировать диктатуру и распространить ее на всю Францию. Для проведения в жизнь законов о твердых ценах недостаточно было прокламировать террор; вскоре *пришлось учредить революционное правительство и дать ему конституцию*. Это стало необходимым, когда после твердых цен на хлеб пытались провести в жизнь общий максимум.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВВЕДЕНИЕ ОБЩЕГО МАКСИМУМА.

(Октябрь 1793 г.)

Общий максимум был принят Конвентом 29 сентября 1793 г.; его настойчиво и даже с угрозами требовали в городах санкюлоты, а в деревнях часть крестьянства. Первые видели в нем дополнение к твердым ценам на хлеб; вторая считала его компенсацией и коррективом. В промежуток времени между голосованием закона и его применением на практике Конвент получил множество поздравлений и приветствий, носивших восторженный и наивный характер.

Народные приветствия.

1 октября Лежандр (из Ниевры), эмиссар в Алльe, пишет из Шарите-на-Луаре, что «население этих департаментов приняло декрет о твердых ценах на съестные припасы как одно из самых больших благодеяний Конвента; он поднял дух населения он ясно выразил мнение санкюлотов о деятельности и усилиях народных представителей для счастья и свободы последнего». Тот же торжественный тон мы находим в письме эмиссара Паганеля из Тулузы от 20 октября 1793 г. Якобинцы из Saint-Jean-du-Gard пишут Конвенту 10 октября, что они «одним большим ударом поразили интриганов и умеренных, декретировав цену предметов первой необходимости». Якобинцы из Бона восклицают в восторженном адресе Конвенту от 9 октября: «Законодатели, вы совершили великий акт справедливости и заодно также политический акт, фиксировав цену всех предметов, необходимых для жизни человека. Вы разбили таким образом темные проекты интригующей аристократии, которая стремилась добиться контр-революции путем голода... Ваш декрет хорош уже потому, что богатые осуждают его и клевещут на него. Обездоленные, бедняки, народ благословляют закон о максимуме, а одобрение народа — лучшая из всех санкций... Объявите врагом рода человеческого честолюбивого кушца, который посмеет обратиться к вам с лживыми жалобами, диктуемыми его ненасытной жадностью. Постановите, чтобы имя его было напечатано и обнародовано по всей республике, дабы во всей Франции он считался пятном и позором своей страны»...

Такие же поздравления Конвенту и угрозы по адресу торговцев мы находим в петиции якобинцев из Saint-Symphorien-du-Lay, помеченной 9 октября; в петиции города и порта Сетт, прочитанной в Конвенте 23 октября; в петиции администрации департамента Тарна от 9 октября; в петиции якобинцев из Шаролля от 22 вандемьера; в петиции якобинцев из Ля-Базоша, прочитанной 26 октября; в петиции якобинцев из Pont-l'Eveque от 20 вандемьера; в петиции якобинцев из Герара (департамент Сены-и-Марны) от 6 октября и т. д.

Итак, не подлежит сомнению, что издание закона о максимуме сопровождалось движением общественного мнения, долженствовавшим облегчить применение этого закона на деле. Однако исполнение этого закона далеко не соответствовало ожиданиям санкюлотов. Напротив, факты оправдали опасения государственных деятелей, боявшихся этого эксперимента и желавших избежать его.

Конечно, были случаи, когда иные великодушные или боязливые владельцы продуктов добровольно подчинялись официальному тарифу; но это были исключения. В своем адресе от 9 октября якобинцы из Saint-Symphorien-du-Lay приводят имена их сограждан, поспешивших предложить свой хлеб по официальным ценам; они сделали это, как только узнали про декрет, не дожидались даже опубликования этого последнего. Этим гражданам воздается всяческая похвала. «В результате,— говорится в адресе,— хлеб, стоивший до сих пор 15 су, стал продаваться по 2, 3, 4 и 5 су за фунт». Таких примеров было, однако, не много.

Повсюду было сейчас же организовано сопротивление торговцев. Закон вынуждал их продавать с убытком, без возмещения, товары, которые продавались ими прежде по двойной или тройной цене. Понятно, что они были недовольны таким законом и старались уклониться от меры, нарушавшей их интересы.

Применение закона в Париже.

В Париже таксы были опубликованы 12 октября, четырнадцать дней спустя после принятия закона о максимуме. Итак, торговцы имели в своем распоряжении две недели, чтобы принять свои меры. Они продолжали в это время продавать по старой цене; это раздражало народ. 7 октября депутат Пти жалуется в Конвенте на промедление в обнародовании такс. Он добился постановления, приглашающего министра внутренних дел еще на этом же заседании представить письменный доклад об исполнении закона. Паре оправдывался на следующий день таким образом: 1 октября закон был напечатан, 2-го он был разослан во все департаменты через чрезвычайных курьеров; дистрикты имели срок в восемь дней для составления таблиц твердых цен на их территориях, срок этот еще не истек, никто не виноват.

Клуб республиканок-революционерок не был еще закрыт, и члены его явились 9 октября в коммуну с жалобой, что закон о максимуме не приводится в исполнение. «Дерзкий торговец пользуется вашей медлительностью в проведении этого благодетельного закона». Оратор от имени гражданок уподобил народ «слепому, которому обещали свет и который уносит с собой в могилу сожаление, что обратился к плохому врачу». Коммуна уверяла петиционерок, что все будет сделано.

Как только расклеен был текст закона, публика бросилась в лавки торговцев, чтобы закупить как можно больше товаров по цене, уменьшенной в два или три раза против прежней. Лавки осаждались толпами народа, и понадобилось вмешательство полиции, как, например, на улице Биевр [1]. В следующие дни эти скопления народа у лавок еще увеличились. Не успели оглянуться, как содержимое лавок было расхватано жадной и требовательной толпой. Один из членов коммуны указывает 14 октября на опасность этого положения. Он сообщил, что на его глазах «несколько торговцев закрыли свои лавки; другие заявили, что не имеют больше сахара, оливкового масла, свеч». Как быть тем жителям, которые не успели запастись во-время? Неужели для них наступит продовольственная нужда? Неужели таковы будут результаты этого благодетельного закона? Оратор обрушился на торговцев и возложил на них ответственность за происшедшее. Он требовал, чтобы коммуна вызвала торговцев, закрывших свои лавки, и пробрала их за их поведение. Шометт разразился угрозами и говорил об экспроприации непокорных торговых фирм. «Огромные барыши оптовых торговцев,— заявил он,— являются вполне достаточным возмещением; это они виновники грабежей; за три года они непомерно увеличили свои богатства, а теперь они не желают пожертвовать частью своих барышей». Если промышленники оставляют свои мануфактуры, республика должна взять в свои руки сырье и их мастерские, ибо при системе народовластия все делают руки, а не золото. Шометт требовал рассмотрения поведения этих людей, норовивших сменить старую знать. «В 1789, 1790 и 1791 гг. товары были для иностранцев и для нынешних неприятельских армий; цены продуктов поднялись за счет ассигнатов, торговцы обогатились. Генеральный совет состоит из людей из народа, законодателем тоже является народ; он фиксировал цену продуктов, и мы поддержим этот спасительный закон; это не военный закон, он целиком в пользу народа и против кровопийц. Пусть головы наши падут от пуль убийц, это нам не важно, но пусть наши потомки начертят на наших черепах: *этот пример достоин подражания!* Наши враги будут стараться поставить народ в необходимость требовать отмены этого благодетельного закона, но это им не удастся; потерпите немного, и все усилия наших врагов окажутся тщетными... А вы, члены совета, поклявшиеся никогда не отступать от интересов народа, будьте глухи к требованиям этих кровопийц, осуществляйте закон во всей его полноте». В заключение Шометт требовал, чтобы коммуна не уделяла внимания никаким петициям или предложениям против максимума и чтобы была выбрана комиссия для составления петиции Конвенту; в этой петиции

[1] См. отчет о заседании коммуны от 21 числа I месяца (12 октября) в «Moniteur».

необходимо «обратить внимание Конвента на сырье и промышленные предприятия на предмет их реквизиции и требовать кар против владельцев сырья и промышленников, оставляющих свои заведения в бездействии; необходимо даже отдать последние в руки республики, которая не имеет недостатка в рабочих руках, чтобы пустить их в ход». Требования Шометта были приняты под гром рукоплесканий [1]. В самом конце начертанного им пути была перспектива коллективизма: республика должна была взять в свои руки все сельское хозяйство и промышленность. Вряд ли Конвент, который, лишь скрепя сердце, вотировал максимум, согласился бы произвести социальную революцию, чтобы обеспечить исполнение этого закона.

В ожидании этого коммуне не оставалось ничего другого, как прибегать к полицейским мерам. Они должны были, худо ли, хорошо ли, добиться соблюдения максимума и — что гораздо важнее — бороться с продовольственной нуждой, оказывавшейся его непосредственным результатом.

17 октября Шометт провел следующее постановление: члены революционных комитетов «отправляются к различным торговцам своего района... и получают от них подписанные ими декларации об оставшихся у них товарах, затем о заказах, сделанных ими в других городах, и ожидаемых ими поступлениях». Торговцы, которые прекратят свою торговлю или по злонамеренности дадут ей заглохнуть, объявляются подозрительными, и с ними поступают соответственным образом [2].

Несколько позже революционные комитеты берут на себя полный контроль над торговлей сахаром. В каждом районе лавочники получают сахар только у того оптовика, который указан им революционным комитетом; они оплачивают товар бонами. Получив сахар, лавочник имеет право продавать его только клиентам, занесенным в его списки, и только в порядке их записи. Каждый клиент получает бон от комитета. Чтобы закупить новую партию сахара, лавочник должен предварительно представить в комитет эти боны своих клиентов. Цена была установлена в 36 су за фунт сахару [3].

Организовав контроль над сахаром, муниципалитет в тот же день обратился к парижанам с красноречивой прокламацией, в которой призывал их не делать

[1] Они нашли отклик даже в провинции... Так, напр., в Гренобле якобинцы требовали немедленной экспроприации имущества тех фабрикантов или хозяев мастерских, которые остановили у себя работу; эти мануфактуры должны быть национализированы, а их прежних владельцев надо заставить работать в качестве рабочих на пользу нации («Archives parlementaires», заседание от 15 брюмера, или 5 ноября 1793 г.).

[2] Это постановление было принято коммуной 16 числа I месяца. Оно имеется в Национальной библиотеке (Lb[40] 1) в виде афиши.

[3] Коммуна постановила, что оптовые торговцы могут отпускать розничным торговцам сахар только по мере представления ими бонов от революционных комитетов, причем каждый розничник может получить не более 100 фунтов (см. протоколы заседания революционного комитета секции Обсерватории от 28 вивоза — Archives nationales, F[7] 2514).

«из благодетельного закона источник смуты и беспокойства», не осаждать толпами лавок и не закупать свыше своего текущего потребления; такие закупки — говорилось в прокламации — являются настоящей спекуляцией. «Пользуйтесь законом, но не злоупотребляйте им, цель его — удовлетворить ваши потребности, а не ваши излишки; все, что вы возьмете сверх этого, вы отнимаете у ваших братьев; поэтому ограничьте свои закупки безусловно необходимым». Я не знаю, что вышло из этих наставлений. Но несомненно, что коммуне пришлось прибегнуть к более действительным мерам, чтобы воспрепятствовать опустошению лавок. 13 октября Анрио отдал приказ национальной гвардии рассеивать толпы у лавок и не выпускать из Парижа хлеба, дров, угля, свеч. Этот приказ несколько раз повторялся.

17 октября Комитет общественного спасения издал постановление за подписью Сен-Жюста, что мэр Парижа обязан ежедневно сообщать ему о состоянии подвозов всякого рода продуктов к воротам Парижа и у торговцев; кроме того, мэр должен приступить к описи оптовых магазинов [1].

Фальсификации.

В тот самый день, когда парижский муниципалитет в вышеупомянутом воззвании апеллировал к здравому смыслу парижан и угрожал торговцам законом против подозрительных лиц, сказался другой печальный результат нового закона. В коммуну явилась депутация от секции Марата и жаловалась, что торговцы вином и водкой фальсифицируют свой товар. Депутация требовала уполномочить революционные комитеты «разбивать на улицах бочки с разбавленным товаром». Чтобы возместить себя за потери, причиняемые таксами, торговцы прибегали к фальсификациям. Коммуна посвятила много заседаний рассмотрению различных репрессий против этих злоупотреблений.

4 фримера она заслушала по этому вопросу доклад комиссаров 48 секций. Она уже назначила 4 комиссаров-дегустаторов для испробования вин и водок и для составления протоколов в случаях фальсификации. Внесено было предложение назначить в каждой секции по такому комиссару и предавать провинившихся торговцев суду исправительного трибунала. Но в результате коммуна лишь утвердила полномочия четырех уже назначенных комиссаров-дегустаторов. Составленные ими протоколы решено было передавать в полицейское управление, которое должно было давать им дальнейший ход. Шометт обратился к полицейским комиссарам с резким осуждением. Он упрекал их в том, что они не следят за исполнением закона о максимуме. Некоторые секции забегали вперед. Секция Бореперa опечатала в своем районе все погреба виноторговцев и приступила к тщательному контролю их содержимого. Революционные комитеты выслушивали

[1] Archives nationales, AF[11] 68.

жалобы потребителей и вызывали к себе торговцев-фальсификаторов. Так, например, комитет секции Обсерватории в заседании от 28 числа I месяца отчитал виноторговца Леклера и обязал его вернуть деньги, которые он получил от одной гражданки за проданное ей фальсифицированное вино.

Фальсифицировали не только напитки, но и все другие товары. Так, например, в заседании Конвента 7 брюмера (28 октября) Лекоэнт-Люкраво сообщал о подделке фланели. Такса за настоящую фланель была установлена в 8 ливров 10 су, но торговцы доставали имитацию ее за 4 ливра 10 су и перепродавали ее по максимальным ценам за настоящую фланель.

Продовольственная нужда растет.

Разумеется, разочарование народа было тем сильнее, что новый закон вводился с самыми соблазнительными перспективами. В конце октября крайне усилилась агитация в столице. Не только нехватало бакалейных товаров, не только фальсифицировались напитки и продукты, но начинал ощущаться также недостаток хлеба, как это уже было в конце июля. Скопления народа у дверей булочных и прежде не прекращались, но теперь они становятся все более многочисленными и бурными. 4 брюмера (25 октября) заведующий снабжением города Шампо пишет своему агенту Декомбу, который должен ускорить подвоз продовольствия в Корбейле: «В настоящий момент в муниципальных магазинах нет даже 100 мешков муки, а между тем требуется 2 000 мешков ежедневно». Муниципалитет находится в вечном страхе: «Если Париж останется один день без провианта, это означает крушение всей республики: потрясения и общий переворот во всей Франции» [1]. Как и накануне минувшего праздника Федерации 10 августа, так и теперь тайные агитаторы пытаются поднять секции против муниципалитета. 5 брюмера (26 октября) общее собрание секции «Французский Пантеон» решило привлечь другие секции и образовать центральную комиссию из 96 членов (от 48 секций) «на предмет снабжения всеми возможными способами всех парижских секций всеми продуктами и предметами первой необходимости». В тот же день сторонник Эбера Венсан выступил в клубе кордельеров с требованием самых суровых мер, чтобы обеспечить исполнение закона о максимуме [2]. На следующий день, 6 брюмера, делегаты 48 секций явились в коммуну и «по-братски требуют принятия новых мер для успокоения тревоги населения ввиду все растущей трудности доставать хлеб». Паш уговаривал их не терять хладнокровия. Он заявил, что агитаторы в секциях ведут контрреволюционную интригу с целью спасти жирондистов, процесс которых близится к концу. Он призывал делегатов секций поддерживать у себя порядок. Реаль,

[1] Переписка Декомба с Шампо анализирована у Tuetey, Répertoire, t. X, № 2593 и след.

[2] «Antibrissotin», от 6 брюмера.

только что прибывший из Руана, сообщил, что Нормандия посылает в Париж большое количество муки. Комиссары уходят удовлетворенные. Однако в последующие дни они продолжают свои сходки и образуют центральный революционный комитет. Один из делегатов этого центрального комитета даже является 11 брюмера в Комитет общественной безопасности и заявляет здесь, что завтра начнутся домашние обыски во всей столице для обнаружения скрытых запасов продовольствия. Комитет общественной безопасности встревожен этим и сообщает об этом Комитету общественного спасения; оба они выносят постановление против обысков и приказывают властям и военной силе воспрепятствовать им [1]. Мотивируется это тем, что обыски «могут повлечь печальные последствия для общественного спокойствия и способствовать целям врагов свободы». В тот же день временный Исполнительный совет при обсуждении постановления секции Пантеона ссылается на то, что закон 25 августа запретил всякие отдельные комиссии по снабжению Парижа и объявил их распущенными.

Повидимому, секции не пытались пойти против этих запретов. Но тревога не стихала.

В самый разгар агитации, 6 брюмера (27 октября), якобинский клуб тоже занялся продовольственным вопросом. Якобинец Гиро предложил ввести муниципальную хлебную карточку, чтобы прекратить скопления народа у булочных. Еще в начале августа секция Гро-Кайу сделала попытку в этом направлении, но до сих пор только несколько секций прибегали к этому средству. «Если ввести всеобщую карточку, — говорил Гиро, — каждый гражданин должен будет тогда обращаться только к своему булочнику и не сможет дважды требовать хлеба; не будет больше толп у булочных, так как каждому гражданину будет обеспечен его хлеб. Злонамеренные лица не смогут больше притеснять матерей семейств, иногородние не смогут вывозить хлеб из Парижа; не будет больше ни штыков у дверей булочных, ни кордонов у застав; все это окажется ненужным». Клуб не принял определенного решения, но совет Гиро был исполнен. Два дня спустя, 8 брюмера, коммуна решила ввести муниципальную хлебную карточку. Карточек ожидали с большим нетерпением; они были розданы секциям 23 фримера.

Итак, даже в Париже, где всего настойчивее требовали общего максимума, где санкюлоты были всего организованнее и могущественнее, этот закон мог получить свое первоначальное осуществление лишь ценою полицейского надзора и досадной регламентации на каждом шагу. Коммуне пришлось контролировать торговлю сахаром, выпечку и распределение хлеба. Сахарные боны и хлебные карточки вводили обязательное нормирование потребления. Комиссары-дегустаторы, не предусмотренные законом, следили за тем, чтобы вино не фальсифицировалось. Революционные комитеты применяли к торговцам закон о подозритель-

[1] Постановление это написано рукой Робеспьера.

ных. Но если — худо ли, хорошо ли — налажено было распределение продуктов, уже имеющихся на складах, то дальнейшее снабжение города становилось все более затруднительным и даже невозможным. Производящие районы потеряли связь с потребляющими. Торговля была парализована.

Причину этого объяснил в Конвенте депутат Сержан на заседании 7 брюмера. Цена на масло была установлена в Париже в 20 су фунт; это было ровно столько же, сколько стоило масло в производящих районах, например в Корбейле, на расстоянии шести лье от Парижа. Торговцам не было никакого интереса возить масло из Корбейля в Париж. Таблицы твердых цен составлялись администрацией дистриктов. Она таксировала высоко те продукты и товары, которые производил ее район, а низко те, в которых он нуждался [1]. В результате совершенно прекратилось товарное обращение. Для полноты и уточнения картины обратимся к положению в департаментах

Закон о максимуме в департаментах.

В Верхней Соне непосредственным результатом обнародования максимума было усиление продовольственного кризиса. Администрации департамента пришлось расклеить 19 октября следующую пессимистическую и угрожающую прокламацию: «Повсюду прячут продукты, повсюду земледельцы отказываются молотить свой хлеб и вести его на рынок... и все это происходит среди изобилия. Богатые селяне имеют в виду больше свои интересы, нежели чувствуют себя счастливыми, что могут прокормить своих братьев. Они отказались повиноваться реквизициям, и департамент вынужден был принять против них строгие меры. Они арестованы. Но эта кара слишком мягка для чудовищ, которые замышляют погубить республику, вызывая голод. Необходимы более действительные меры, необходима революционная армия».

Департамент обращался затем к земледельцам, в последний раз апеллировал к их разуму, к их патриотизму и подчеркивал: «Если вы вынудите администрацию к суровым мерам, она заявляет вам, что для исполнения закона прибегнет к самым грозным мерам: вы не отделаетесь конфискацией вашего зерна и тюремным заключением».

Наконец департамент обращался к рабочим и, в свою очередь, отчитывал их: «А вы, граждане ремесленники и рабочие, живущие трудами рук своих, вы должны помочь сельским жителям в молотьбе их зерна; вы знаете, что рабочих рук мало, что сельское хозяйство находится в тяжелом положении, и земледельцы, занятые поставкой своего взноса зерна в армию, не в состоянии так быстро снабжать рынки.

[1] Якобинцы из Блуа сообщают Конвенту (заседание от 20 октября) следующее: Орлеанский дистрикт установил такие высокие цены, что если не уменьшить их, то все предметы питания и одежды уйдут из соседних департаментов в департамент Луарэ.

как они желали бы; поэтому идите в деревни и помогайте при обмолоте хлеба и возделывании земли; будьте разумны, не требуйте невозможного, работайте по таксе и имейте в виду, что те из вас, которые откажутся работать, будут наказаны столь же строго, как тот, кто отказывается продать свой хлеб» [1].

Два дня спустя, 30 числа I месяца (21 октября), департамент издал постановление, санкционирующее эти советы и угрозы. Генеральный прокурор-синдик обращал внимание на то, что пекари отказываются печь хлеб, и содержатели гостиниц отказываются кормить приезжающих под предлогом, что у них нет хлеба. Он клеймил «эгоизм собственников, которые не желают ни молотить свой хлеб, ни поручить другим этот обмолот, ни продавать свои продукты»; «упрямство рабочих, которые предпочитают оставаться праздными, нежели молотить хлеб по таксе»; жадность булочников и содержателей гостиниц, которые до опубликования максимума не жаловались на недостаток хлеба «и не отказывались кормить за скандальные цены граждан и путешественников». Он требовал «самых строгих и самых революционных мер против новых врагов народа». По его настоянию департамент издал следующее постановление:

«1. С этого дня все земледельцы считаются мобилизованными и обязаны обмолотить или дать обмолотить другим свое зерно последнего урожая. Кто откажется сделать это, те будут объявлены подозрительными и врагами общественного блага и в качестве таковых преданы суду.

«2. Все рабочие и ремесленники, за исключением занятых в производстве оружия, тоже считаются с этого дня мобилизованными для обмолота хлеба. Муниципалитеты, под своей ответственностью, обязаны направлять рабочих на эту работу, а в случае отказа их карать их по ст. 9 декрета от 29 сентября этого года.

«3. Все пекари в департаменте тоже считаются мобилизованными. Они обязаны печь и продавать хлеб, как прежде; в противном случае они будут объявлены чуждым республике элементом и лишены гражданских прав на пять лет, кроме того, осуждены на 1 год заключения, согласно ст. 10 декрета от 9 августа этого года. Чтобы пекари не могли отговориться трудностью купить зерно на рынке, управления дистриктов предоставляют им право по таксе реквизировать зерно, предварительно устанавливая необходимое каждому количество зерна, согласно свидетельству его муниципалитета. Муниципалитеты назначают по два комиссара для наблюдения за операциями пекарей и для предупреждения злоупотреблений. Пекарям предписывается выпекать впредь только один сорт хлеба, так называемый ситный (pain bis).

«4. Все содержатели гостиниц и прочие продавцы в розницу съестных припасов тоже объявляются мобилизованными. Они обязаны продолжать свое дело, как прежде. Отказывающиеся будут объявлены подозрительными муниципалитету,

[1] Archives du Doubs L 634.

и контрольные комитеты должны, под собственной ответственностью, немедленно арестовывать их...

. . . . . .

«6. Кроме вышеприведенных мер, департамент берет на себя инициативу по организации революционных отрядов для преследования всех эгоистов, которые по своей жадности и халатности вызовут на время продовольственную нужду» [1].

8 брюмера это постановление было одобрено в Монбельяре депутатом Бернаром (от города Сент), бывшим тогда эмиссаром Конвента в Дубсе и Верхней Соне.

Чтобы установить, в какой мере были действительны подобные постановления и в какой степени возможно было провести их на деле, необходимо изучение архивов. Но уже тот факт, что должны были приниматься такие постановления, показывает, какие трудности встретило проведение максимума в этом земледельческом, но, тем не менее, послушном департаменте.

В соседнем департаменте Верхней Марны закон о максимуме натолкнулся на неменьшее противодействие. 2 фримера (22 ноября 1793 г.) в приказе администрации дистрикта Шомон констатируется, что купцы, промышленники и розничные продавцы обходят закон, требуя под предлогом накладных расходов цены, превосходящие максимум; другие продают по твердым ценам продукты плохого качества, третьи не пополняют своих магазинов и т. д. Вследствие этого муниципальным чиновникам и революционным комитетам предписывается производить домашние обыски у всех купцов и промышленников и даже у частных лиц, на которых сделан донос в укрывательстве. Тот же приказ предписывает предавать на основании закона о спекуляции суду революционного трибунала всех граждан, сделавших ложные доносы. Что касается фальсификаторов, затем лиц, прекращающих свою торговлю, продающих товар по ценам выше максимума или не вывешивающих в своей лавке прейскуранта с твердыми ценами, они должны быть занесены в список подозрительных, и с ними будет поступлено как с таковыми. Итак, проведение закона в жизнь оказывалось возможным только при помощи полиции и трибуналов. Документы, опубликованные Ш. Лореном, показывают, что рынок в Шомоне снабжался хлебом только путем реквизиций и что эти последние производились только с помощью вооруженной силы. В некоторые деревни посылались на постой жандармы и ветераны.

В Безансоне обнародование максимума повело к тем же результатам, что в Париже. Надо полагать, во всех других городах положение было точно такое же. «Как только был обнародован новый закон,— пишет «Vedette» в номере от 4 числа II месяца (25 октября), обращаясь к жителям деревень, — вы заперли ваши амбары и покинули наши рынки; зато вы поспешили в наши города, в наши бакалейные лавки, чтобы забрать оттуда масло, мыло и даже сахар; мы видели вас в

[1] Archives du Doubs, L 624, 4 печ. стр.

суконных лавках, вы покупали там по установленной таксе плюш и грубые сукна; мы видели, как вы покупали у наших сапожников сапоги и как вы пили и ели в наших городских тавернах, причем расплачивались по установленным законом дешевым ценам. Вот что, граждане, вы у нас делали и делаете каждый день. Тем не менее вы отказываете нам в зерне, а без него мы не в состоянии изготовить хлеб, который вы сами раньше ели у нас; вы отказываете нам в яйцах и масле, без которых мы не можем обойтись; вы заставляете нас нуждаться в предметах первой необходимости, тогда как вы сами живете в изобилии или в достатке. Где же та справедливость, которая должна одушевлять республиканцев? А ведь вы считаете себя таковыми». Безансонский клуб якобинцев предлагал запретить городским торговцам продавать что-либо деревенским жителям, не доказавшим предварительно, что они привезли с собой хлеб, яйца, масло, сливки или молоко.

17 числа первого месяца эмиссар Конвента Бассаль заявил в клубе, что он организует революционную армию для борьбы с замыслами заговорщиков и для того, чтобы вырвать с корнем спекуляцию и ажиотаж. 11 брюмера генеральный совет департамента назначил для каждого дистрикта по два комиссара, которые должны были реквизировать рабочие руки и приступить к обмолоту. Комиссары имели право арестовывать лиц, не подчиняющихся их распоряжениям, и вызывать вооруженную силу.

Эти довольно слабые меры имели в виду только снабжение хлебом. Повидимому, для проведения закона о максимуме не принимались особые меры. Так, 29 брюмера «Vedette» жалуется на нарушения этого закона: «Продавец соглашается на цену, установленную законом, но зато требует за всякие побочные мелочи цену, которая равносильна самой высокой цене, плативщейся до издания закона о максимуме; отсюда следует, что в скором времени бедные не в состоянии будут купить себе самое необходимое».

От восточной границы перейдем к альпийской. 12 октября департамент Изеры обязал всех своих торговцев представить в шестидневный срок перечень всех их товаров, с указанием качества, количества, веса и мер; кроме того, они должны были ежедневно вести точный список своих продаж. Мотивировалось это постановление необходимостью «предупредить злоупотребления, диктуемые торгашеской жадностью». Согласно тому же постановлению муниципалитеты должны были каждые восемь дней производить обыски у всех торговцев и «во всех местах, где могли быть сложены товары». Торговцам запрещалось вывозить товар за пределы коммуны, не сделав об этом заявки в муниципалитет и не получив от него под залог свидетельства. Постановление департамента Изеры было одобрено депутатом Симоном, бывшим тогда эмиссаром Конвента в Шамбери; оно было принято также департаментом Савойи. Несколько позже, 6 брюмера, оно было дополнено, по требованию города Шамбери, регламентом, запрещавшим, под страхом 8 дней тюрьмы, запасаться продуктами сверх своих надобностей.

Запрещено было также покупать сразу более одного цельного платья. Торговцы должны были записывать в свои книги имена, фамилии и место жительства всех своих покупателей. Само собой разумеется, исполнение всех таких предписаний было не легкой вещью.

Переписка эмиссаров Конвента подтверждает впечатление, производимое другими источниками. В общем закон о максимуме можно было приводить в исполнение только с помощью силы и полиции. По примеру Бассаля в Дубсе, Мор в департаменте Ионны, Гимберто в департаменте Эндры-и-Луары немедленно организуют революционную армию. В департаменте Ионны генеральный прокурор-синдик Делапорт произносит 2 брюмера (23 октября) следующую речь, в которой рисует положение: «Граждане, не успели быть обнародованы эти справедливые и благодетельные законы (11 и 29 сентября), как вопли жадности и жажды богатств дошли даже до наших краев. Жалуются на несправедливость! Торговцы четыре года высасывали соки из народа, вытягивали у него последние десять су, а теперь они плачутся, что их ограбили, назначив цены с надбавкой в треть против цен 1790 г. Другие припрятали свои продукты, закрыли свои лавки и отказываются продавать, словно народ, издавший закон, не в силах заставить исполнять его. Муниципалитеты практикуют самый нелепый вид федерализма, противодействуют вывозу зерна из их пределов и таким образом как бы прикрепляют его к собственникам, которые и без того не имели большой охоты делать заявки и т. д.». Оратор приходит к выводу, что разум бессилен убедить класс, ослепленный эгоизмом, что для этого необходимо прибегнуть к силе: «Франция находится в состоянии революции, будем же действовать по-революционному». Департамент издал постановление, приравнивающее нарушителей закона к подозрительным лицам. Однако это не испугало крестьян и торговцев. Шарль Поре отмечает, что во многих коммунах имели место беспорядки и небольшие бунты. В пламенной прокламации эмиссар Мор 27 ноября (7 фримера) бичует злодеяния новой аристократии и «возмутительный федерализм муниципалитетов». «Плод злонамеренности и страха, подобный тому ядовитому пресмыкающемуся, укус которого останавливает кровь, он (этот федерализм) парализует политический организм государства и представляет картину ужасающего голода».

Паганель, эмиссар в Тулузе, в свое время приветствовал принятие закона, но 5 брюмера (24 октября) он уже говорил так: «Город Тулуза словно осажден неприятельской армией. Таков результат алчности. Подвоз продовольствия прекращается, жители деревень являются в город только для того, чтобы опорожнять наши лавки. Всюду прячут продукты; это особый контр-революционный прием, и если своевременно не разбить его, он поведет в гибельным последствиям. По соглашению с инспекционным комитетом, генеральным прокурором-синдиком и другими департаментскими властями я издал постановление об организации революционной армии в составе 100 пехотинцев, 100 кавалеристов и роты канониров». Постоянно все тот же припев, исполнение закона возможно только при помощи силы.

Из Бордо Изабо и Тальен пишут 29 октября Комитету общественного спасения, что «эгоизм, дух торгашества, злонамеренность всячески стараются уничтожить благоприятные результаты, которые необходимо должны проистекать от благодетельных законов о максимуме; продукты и товары прячут и закапывают». Изабо и Тальен предлагают отправить против спекулянтов революционную армию, чтобы вырвать у них продукты и предметы первой необходимости; народ уже давно страдает от их притеснений и требует своего права». Надо думать, что применение силы не дало особенно положительных результатов, ибо тремя неделями позже, 26 брюмера (16 ноября), те же эмиссары снова пишут в Комитет общественного спасения, что у них «каждый день раздирается сердце при виде народной нужды, многие семьи остаются по нескольку дней без хлеба, питаются картофелем, пригоршнею гороха и каштанами, да и эти случайные ресурсы скоро истощатся».

Авторы этих писем искренно желали провести закон в жизнь. Были и такие эмиссары, которые подчинялись ему, но не упускали случая указывать на его недостатки и смягчать его на практике, толкуя его в благоприятном для торговцев смысле. К числу их принадлежали три эмиссара Конвента в Руане: Лежандр из Парижа, Луше и Делакруа. 3 октября они пишут Комитету общественного спасения, что суда нейтральных стран ничего не будут доставлять больше во Францию, если они будут вынуждены продавать свои товары по твердым ценам. Американцы, — пишут они, — ропщут и протестуют; они повезут свое зерно в неприятельские порты, вместо того чтобы выгрузить его во Франции. «Не является ли целесообразным декретировать, что зерно, ввозимое из-за границы, не подлежит максимуму и может быть закуплено только правительством». Комитет общественного спасения не мог не признать правильность этого предложения. 17 брюмера (7 ноября) он постановляет, что суда нейтральных стран, привозящие во французские порты предметы первой необходимости, могут их продавать по вольной цене специально назначенным для этого агентам правительства и что точно так же они могут покупать для обратного груза французские товары с правом договариваться насчет их цены.

Те же эмиссары Делакруа, Лежандр и Луше издали 5 октября следующее постановление для толкования закона. От максимума освобождались: вино в бутылках, предназначенное не для потребления неимущего класса, ликеры в бутылках, шелковые ткани, кисея и батист, женские ботинки из вышитого шелка.

По всем видимостям эти три депутата первым делом интересовались снабжением городов зерном и охотно закрывали глаза на закон 29 сентября. Но даже в этих ограниченных пределах задача их была не легка. В письме от 1 ноября (11 числа II месяца) они сообщают следующее: коммуна Бельвиль-ан-Ко отказалась отправить хлеб на рынок в Кодебек; тогда муниципалитет этого последнего послал к ней

комиссаров, но они подверглись там большой опасности; дистрикт отдал распоряжение об аресте мэра деревни Бельвиль, но посланный туда вооруженный отряд был окружен толпой, которая взяла в плен начальствующего им жандармского офицера. Жителям Кодебека пришлось вызвать на помощь жителей Больбека. В то же время страдает от продовольственной нужды и Руан. Жителям его раздавали самое большее полфунта хлеба. Делакруа пишет, что он не прибегает к жестоким мерам, так как боится зажечь гражданскую войну между городами и деревнями. Мягкость Делакруа и его товарищей вызвала нападки на него со стороны Купе из Уазы, автора закона о максимуме. 9 брюмера Купе в клубе якобинцев обвиняет их, что они лицемерно поддерживают аристократию торговцев. Он обратил внимание на то, что хлеб, отправляемый по Уазе в Руан, никогда не прибывает по назначению. Куда он девается? Несколькими днями позже, 26 брюмера, Леню, делегат от клуба в Ивето, снова нападает у якобинцев на Лежандра и Делакруа и обвиняет их в систематическом саботаже закона. Эбер и Купе поддержали Леню; клуб потребовал у Комитета общественного спасения отозвать этих эмиссаров, и Комитет удовлетворил это требование. Вместо них в департамент Нижней Сены был отправлен Купе.

Лежандр, Делакруа и Луше нашли себе более или менее робких подражателей. 20 брюмера (10 ноября) эмиссар Лоран пишет из Арраса не без чувства удовлетворения, что против максимума поступает множество жалоб. Арман из Мёзы пишет 19 брюмера из Ангулема, что вот уже два дня 400 человек остаются без хлеба; несколько позже, 3 фримера, он пишет, что в Сентонже введение максимума подняло цену многих продуктов. «До закона о максимуме,— пишет он,— тонна сена никогда не стоила больше 25—30 ливров, закон фиксировал цену ее в 60 ливров; квинтал овса никогда не стоил больше 5—6 ливров; если бы не введена была такса на вино, цена бочки вина не превышала бы 30—36 ливров, а такса подняла ее до 50—52 ливров. Цена водки поднялась в той же пропорции».

Арман из Мезы сообщал далее, что, по требованию народных обществ, он снизил таксы и назначил цену бочки красного вина в 40 ливров, цену квинтала овса в 10 ливров, цену тонны соломы в 20 ливров. Это единственный найденный мною случай вздорожания, вызванного законом о максимуме.

Некоторые эмиссары сознательно и под своей ответственностью отказывали применять максимум Так, например, Робеспьер младший писал Комитету общественного спасения 2 брюмера (23 октября) из Ниццы: «Мы были вынуждены разрешить заготовителям здешней армии снабжать ее по ценам выше максимума; мы писали вам о срочности и необходимости этой меры, после событий в Генуе она стала еще важнее». Прежде армия, оперировавшая в Италии, частью снабжалась из Генуи, но англичане вошли в этот порт и потопили один французский фрегат. С тех пор генуэзцы не решались снабжать французов провиантом. Комитет общественного спасения одобрил поведение эмиссаров при итальянской армии. во всяком случае — дал свое молчаливое согласие.

Критика эмиссара Альбитта.

Самая полная и красноречивая критика закона о максимуме была тогда же сделана Альбиттом, который был отправлен в качестве эмиссара в Лион в конце октября. Тотчас же по прибытии на место назначения он пишет Комитету общественного спасения длинное письмо (26 октября) и сообщает ему свои наблюдения. «Наведенные мною справки и крайне тягостные личные наблюдения, — пишет он,— убедили меня, что вся часть республики от Парижа до Ville Affranchie страдает от искусственного недостатка припасов. Я видел, что население всюду занято поисками хлеба; во многих местах его нет, а тот хлеб, который удается получить, весьма плохого качества. Даже со мной самим случилось три раза, что я не мог получить хлеба ни в гостиницах, ни у почтмейстеров. Причиной этого бедствия являются твердые цены на хлеб, алчность сельских хозяев, злонамеренность аристократов и эгоистов и необходимость больших отправок в армию .. Всюду, где мне пришлось побывать, коллеги, я видел также, к большому моему прискорбию, какое действие оказал общий закон о максимуме на предметы первой необходимости. Если бы этот закон был хорошо задуман, хорошо составлен, хорошо разработан в деталях, он мог бы оказать хорошее действие; но в его нынешнем виде он не может не вести к печальным результатам. Во-первых, он простирается на слишком много предметов; во-вторых, он не признает разницы между товарами одного и того же рода, но различной стоимости; в-третьих, он разоряет мелкого торговца и благоприятствует алчности богатого эгоиста — этот последний запасается всем, тогда как бедняк, не имея денег, ничего не выигрывает на этом законе, кроме нескольких приятных ему лакомств. Этот закон составлен таким образом, что розничный торговец, не имея возможности честного заработка, перестает запасаться товаром и бросает свое дело. Почти повсюду я нашел недостаток в самых необходимых продуктах, рынки были пусты и пустынны, много лавок закрыто. В гостиницах с трудом можно прилично пообедать, и найти яйцо почти так же трудно, как быка. Этот закон мог бы быть хорошим, но одним из зол его является также способ его исполнения и интерпретации. Твердые цены всюду различны. В одном месте максимум выше на промышленное сырье, в другом — на продукт из него. Например, в Дижоне эльбефское сукно стоит гораздо дешевле, чем в Эльбефе шерсть Другой пример: в Гавре муниципалитет установил цену на сахар в 36 су, в Шалоне-на-Соне она установлена в 30 су, а в Турнюсе (Шалонский дистрикт) коммунальные комиссары оценили его в 28 су. В одном месте твердые цены устанавливаются на яблоки и груши, в другом — вплоть до орехов. В одном месте земледелец вынужден продавать по твердым ценам свое зерно, винодел — свое вино; в другом месте торговцы вынуждены продавать таким образом чулки, платья, обувь, материи. Что получается в результате? Земледелец отдает по реквизиции свой хлеб и желает получить одежду, но он уже

не находит сукна, лавки закрыты. Винодел с тревогой продает после трех неурожайных годов свое вино по 12 су, но не может купить себе чулок, — ему отказываются продать их. Растет глухое недовольство, ненависть и нищета распространяются среди граждан, а аристократы одеваются, покупают сахар, полотно, материи и т. д. и радуются; все восхваляют Конвент за закон о максимуме. Вот как, коллеги, плохо подготовленное добро причиняет зло».

Эта справедливая критика тем замечательнее, что Альбитт принадлежал к партии Горы и не был принципиальным врагом твердых цен. напротив, он верил в возможность улучшить закон о максимуме.

Мотивы правительства.

Как поступит Конвент перед лицом этой ситуации? Как поступит Комитет общественного спасения? Я думаю, что, если бы они могли действовать по своему свободному усмотрению, они отменили бы злополучный закон, навязанный им извне. Но обстоятельства, заставившие их принять его, продолжали существовать. Конечно, Бешеные, рассеяные и преследуемые, не существовали больше как партия. Вожди их были арестованы, их организации разбиты. Но программу Бешеных унаследовали эбертисты, а после 4 сентября эти последние были хозяевами Парижа. Они царили в коммуне и ее секциях. В лице Бушотта и Венсана они были хозяевами в военном министерстве. В лице Горы они имели свою партию. Они провели Билло-Варена и Колло д'Эрбуа в Комитет общественного спасения. Конвент и его руководители не считали себя в силах в это время вступить в поединок с эбертизмом. Восстания внутри страны еще не были усмирены. Восставший Тулон все еще держался. Только что были взяты позиции французов под Висенбургом. Необходимо было сплотить все силы левой. Так как нельзя было порвать с эбертизмом, приходилось мириться с максимумом и стараться улучшить его, как советовал Альбитт. В глазах правительства продовольственный вопрос был чисто экономическим вопросом. Но он имел также политическую сторону, и правительство не могло игнорировать ее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ.

Надо отдать справедливость государственным деятелям, на долю которых выпала опасная честь управлять Францией во время трагического кризиса, переживаемого ею с июня 1793 г. Это был кризис национальный: неприятель ворвался в страну через все границы, к роялистскому восстанию присоединился мятеж жирондистов и охватил половину страны; это был также экономический кризис: он был результатом войны и падения курса ассигнатов, которые потеряли более 50% своей ценности; рабочие боролись за повышение заработной платы и против неслыханного вздорожания жизни, горожане находились под непрестанной угрозой голода, крестьяне были угнетены военными и гражданскими реквизициями и в своем отчаянии прятали продукты и т. д. Члены Комитета общественного спасения вынуждены были прибегнуть к террору, т. е. к распространению на всю страну осадного положения, к ускоренному судопроизводству революционных трибуналов и к установлению максимума на все предметы первой необходимости. Однако при этом они ни на минуту не делали себе иллюзий о новых предстоящих им трудностях. С первого момента, еще до того, как проявились первые результаты закона 29 сентября 1793 г. об общем максимуме, они поняли, что проведение его в жизнь возможно только ценой коренных перемен как в самих учреждениях, так в административном персонале.

Эбертисты, господа положения, требовали всюду основательной чистки административного аппарата. Они энергично взялись за это там, где они были сильны. Парижская коммуна сама произвела у себя эту чистку на другой день после большой манифестации 5 сентября, которая заставила Конвент декретировать террор. Чистка постепенно распространена была на все. Она была вынужденным условием начинающейся классовой политики. Но как проводить эту чистку, сохраняя старую децентрализацию? Как проводить ее при независимости одних органов от других? Как проводить чистку, если они попрежнему будут выбираться народом и, таким образом, зависеть от случайностей?

Программа Сен-Жюста.

Террор и максимум требовали диктатуры центра. Комитет общественного спасения понял эту необходимость. За три дня до опубликования в Париже твердых цен, 10 октября, Сен-Жюст, наиболее склонный к философии среди ораторов Комитета общественного спасения, изложил в Конвенте совершенно новый правительственный план, дал набросок временной конституции; она должна была позволить преодолеть те огромные препятствия, которые возникали при проведении в жизнь революционных законов. «Законы революционны, — заявил Сен-Жюст, — но исполнители их не революционны». Это значило ясно видеть сущность проблемы.

Из этого тезиса Сен-Жюст делал следующий непосредственный вывод: «Настала пора возвестить истину, которую отныне не должны забывать правящие Францией: республика будет упрочена только тогда, если воля суверена (т. е воля народа, которому принадлежит верховная власть) поставит на колени монархическое меньшинство и будет властвовать над ним по праву завоевателя. Вам нечего более церемониться с врагами нового строя. свобода должна победить любой ценой». Итак, необходимо обессилить всех открытых или тайных врагов революционных законов. «Вы должны карать не только изменников, но также и индифферентных; вы должны карать всех, кто остается пассивным по отношению к республике и ничего не делает для нее». «По отношению к тем, которыми нельзя управлять с помощью справедливости, необходимо управлять с помощью железа. Необходимо раздавить тиранов».

Эту политику террора Сен-Жюст оправдывал тем, что сваливал ответственность за нее на гражданскую и военную бюрократию. «Вы проявили энергию, но ее не было у администрации. Вы желали экономии, но счетоводы не поддержали ваши усилия. Все грабили государство. Генералы объявили войну своим армиям; владельцы мастерских и владельцы съестных припасов, все пороки монархии, наконец, объединились против народа и против вас».

После пространной критики деятельности министров и их агентов Сен-Жюст доказывал, что закон о максимуме, принятый Конвентом для блага народа, обратился против народа. Он говорил, что новые богачи с помощью наворованных ими при поставках денег запасают продукты, подкупают судей и администрацию. «Вы издали законы против скупщиков; но те, на обязанности которых лежит заставить уважать законы, сами скупают продукты; точно так же консулы Папий и Поппей, оба холостяки, издавали законы против безбрачия». Как помочь этому? Сен-Жюст считал действительным только одно средство, но в настоящий момент не осуществимое. Оно заключалось в том, чтобы изъять из обращения как можно больше ассигнатов, так как падение курса ассигнатов является причиной экономического кризиса и заставляет государство терять

громадные суммы как на поступлениях налогов, так при продаже национальных имуществ и т. д. Сен-Жюст мечтал создать своего рода «огненную палату» (chambre ardente), чрезвычайный трибунал, который заставил бы «нуворишей» поделить их барыши с республикой [1]. Но он понимал, что этого недостаточно. Он рекомендовал экономию, советовал починять дороги и каналы, поощрять производство. Это была программа на долгий срок. А пока что надо было жить! Повидимому, Сен-Жюст не возлагал больших надежд на закон о максимуме. Он ссылался на печальный опыт закона 4 мая 1793 г. о максимуме на зерно: этот закон не только не принес улучшения, но, напротив, увеличил нужду. Чтобы избежать повторения подобной ошибки, Сен-Жюст видел только одно средство: «Обеспечьте себе зависимую от вас администрацию, осуществите разделение властей, слейте их с революционным движением, усильте власть. Увеличьте значение ответственных инстанций и возьмите в свои руки правительственную машину, она в настоящее время часто оказывается грозной для патриотов и снисходительной для изменников. Революционные законы не могут исполняться, если само правительство не построено революционным образом». В заключение Сен-Жюст предлагал декретировать, что правительство Франции остается революционным вплоть до заключения мира и что на этом основании министры, генералы и гражданская администрация должны быть поставлены под надзор Комитета общественного спасения; что этот последний должен отныне сноситься по вопросам о мерах общественного спасения непосредственно с дистриктами, а не через департаментские управления; что немедленно должен быть произведен во всей Франции общий учет зерна, дабы возможно было производить реквизиции вполне надежно; что Париж должен быть снабжен на один год с помощью специально определенной для этой цели зоны реквизиций и т. д. Предложения Сен-Жюста были приняты Конвентом. Этот двойной план политической и экономической централизации вскоре был развит и уточнен на практике.

Политическая и административная централизация.

28 брюмера (18 ноября) 1793 г. Билло-Варен выступил в Конвенте и повторил нападки Сен-Жюста против бездеятельности и злой воли администрации, на обя-

[1] Такая chambre ardente не была учреждена, но 28 числа I месяца, по предложению Портье из Уазы, был издан декрет о создании комиссии для рассмотрения счетов за доставленное правительством продовольствие, начиная от 1789 г. Этот декрет был отменен 2 брюмера по предложению Барера; рассмотрение упомянутых счетов перешло к учрежденной днем раньше Продовольственной комиссии. 27 брюмера эта комиссия в докладе Комитету общественного спасения определяла цифру всех ассигновок на продовольствие 1791, 1792 и 1793 гг. в 98 500 000 ливров.

занности которой лежит проведение законов в жизнь. «Вы испугаетесь, узнав, что исполняются только те декреты, которые выгодны для администрации или могут вызвать недовольство; такие декреты исполняются с ускоренной и маккиавелистской пунктуальностью». Оратор жаловался, что декреты о пособиях неимущим родителям рекрут остаются только на бумаге. «Декреты о спекуляции незаметно сходят на-нет, потому что они бьют богатых купцов, большинство которых в то же время входит также в состав администрации. По той же причине продовольственные законы всегда оказываются недостаточными, а часто даже пагубными; они не исполняются одинаково во всей республике. У нас республика, а между тем частный интерес продолжает быть единственным стимулом гражданской деятельности; правительственная машина работает больше в пользу администрации, нежели народа. Последний, повидимому, стараются разочаровать в свободе, лишая его на каждом шагу благодеяний революции». Билло-Варен видел исход только в чистке административного аппарата, в немедленном и примерном наказании виновных и в усовершенствовании централизации. Он предлагал сократить формальности при опубликовании законов, ограничить их напечатанием закона в особом «Бюллетене законов», обязать все административные органы отчитываться каждые 10 дней в своих действиях, возложить на чиновников денежную и уголовную ответственность, уполномочить Комитет общественного спасения и эмиссаров Конвента сменять и замещать плохих или подозрительных администраторов и т. д. Дебаты по его законопроекту были отложены, но 5 фримера, по инициативе Барера, Конвент декретировал, что отныне эмиссары Конвента должны в точности сообразовать свои действия с решениями Комитета общественного спасения и что генералы и прочие органы исполнительной власти не могут отказываться от исполнения этих решений, ссылаясь на тот или другой отдельный приказ. Это должно было создать полное единство. «Единство — наше основное правило, единство — наша защита против федерализма, в единстве — наше спасение!» Эмиссары Конвента должны были отныне стать просто агентами Комитета общественного спасения, они должны были проводить единую линию. 9 фримера Билло-Варен внес несколько дополнительных статей к своему проекту декрета о революционном правительстве; они были составлены в том же духе. Отныне эмиссарам Конвента возбранялось создавать в главных городах департаментов центральные комиссии; между Комитетом общественного спасения и дистриктами[1] не должно было быть никаких посредников. Эмиссарам возбранялось

[1] 3 фримера, по инициативе эмиссара Мора, администрация департамента Ионны постановила образовать департаментский продовольственный комитет из трех лиц, назначаемых эмиссаром и администрацией по представлениям от округов. Округ Санс отказался выполнить это постановление и опротестовал его перед Конвентом. Барер от имени Комитета общественного спасения приветствовал этот шаг, и 15 фримера декрет Конвента отменил постановление департамента Ионны и повторил запрет для администрации

впредь создавать департаментские революционные армии. Отныне должна была существовать только одна единая революционная армия для всей республики под непосредственным началом Комитета общественного спасения. Образованные раньше революционные армии должны быть распущены. Предложения Билло-Варена были окончательно приняты в виде большого закона от 14 фримера. Этот закон стал временной конституцией Франции в эпоху террора. Во главе всего управления поставлены были оба правительственные комитета: Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности; первому подведомственно было общее управление, второму — лица. Им не только подчинены были все власти, начиная от эмиссаров; при каждой выборной администрации, округе, муниципалитете вводились новые чиновники, *национальные агенты*, назначаемые Конвентом по представлению Комитета общественного спасения. Они имели право производить реквизиции; им специально поручено было доносить на нерадивых и нечестных чиновников. Таким образом завершена была централизация административного аппарата. Все нити управления сводились к Комитету общественного спасения. Последний мог теперь дать единый импульс революционному правительству и обеспечить быстроту исполнения — два существенные условия для успешной деятельности администрации.

Экономическая централизация.

Экономическая централизация развивалась параллельно с административной. 10 октября, по предложению Купе из Уазы, бывшего докладчика по закону об общем максимуме, Конвент направил на рассмотрение Комитета общественного спасения следующий вопрос: не следует ли дать министру внутренних дел помощника, в ведении которого находились бы все продовольственные вопросы? Комитет обсуждал этот вопрос десять дней. Он пришел к заключению, что «эта мера возлагает на одно лицо страшную ответственность, даже для республики», и что вместо учреждения должности нового помощника по продовольственному вопросу целесообразнее учредить специальную комиссию из трех лиц; на эту комиссию «должно быть возложено попечение о снабжении наших армий и о доставке продовольствия в департаменты, в которых ощущается недостаток его»[1]. Эта комиссия должна была положить конец конкуренции при закупках продовольствия органами правительства; до тех пор эти закупки производились агентами трех министров — внутренних дел, военного и морского, и не были согласованы между собой. Проект Комитета был доложен Конвенту Барером и принят

образовывать какие либо центральные комиссии, так как такого рода комиссии могут лишь создать «федерализм в продовольственном вопросе».

[1] Речь Барера 22 октября 1793 года.

Конвентом 22 октября без прений (1 числа II месяца). Вспомним, что Конвент несколько раз отклонял аналогичный проект, предложенный ему два месяца тому назад эбертистом Леонаром Бурдоном [1]; это показывает, как далеко шагнул за это время Конвент по пути к централизации.

Через пять дней, 27 октября, Барер провел в Конвенте список трех членов Продовольственной комиссии. «Комитет общественного спасения, — заявил он, — выбрал их из среды администраторов департаментов, так как продукты находятся в департаментах и там же находятся те, которые должны заботиться об их обращении». Эти три члена были: Рессон, генеральный секретарь Парижского департамента, Гужон, генеральный прокурор-синдик департамента Сены-и-Уазы и Брюне, член администрации департамента Эро.

Рессону было 33 года; до своей административной карьеры он продавал лимонад в Париже. Вместе с Шевардьером он подписал 18 минувшего апреля имевший большое значение адрес, в котором Парижский департамент требовал введения максимума на зерно.

Гужон был автором адреса Конвенту от 19 ноября 1792 г., в котором избиратели департамента Сены-и-Уазы одни из первых требовали введения максимума [2].

Брюне, надо полагать, был рекомендован Комитету общественного спасения Камбоном. Во время апрельского кризиса он выступил с искусным проектом организации набора добровольцев; его проект удостоился поздравлений со стороны Конвента. Брюне, как и сам Камбон, был сторонником революционных мер и максимума.

Выбором этих трех лиц в Продовольственную комиссию Комитет общественного спасения подчеркивал свою твердую решимость добиться исполнения законов согласно их духу. Еще раньше, 22 октября, не заявил ли Барер, что Комитет выберет «трех честных людей, просвещенных патриотов, *а главное — революционеров*, знающих торговлю, департаментскую администрацию и иностранное законодательство о судоходстве и торговле»?

В тот же день, когда Барер провел в Конвенте этот список, он возвестил, что Комитет общественного спасения решил отозвать Роберта Лэнде из департамента Кальвадоса и поручить ему верховный надзор за Продовольственной комиссией, точно так же, как 14 августа Приеру из Кот-д'Ора и Карно поручен был верховный надзор за производством оружия.

Революционная армия.

В ожидании конституирования и работы новой комиссии министр внутренних дел Паре обратился 2 брюмера (22 октября) к местным властям с циркуляром,

[1] 5 августа в якобинском клубе и 6 августа в Конвенте.

[2] О Гужоне см. книгу L. Thénard et R. Guyot, Paris, 1908.

в котором призывал их к энергии. В страстных выражениях он обрушивался на жадных владельцев зерна, замысливших *уморить Францию голодом*. Он призывал народную справедливость поднять свой грозный глас против преступников: «Око суверена, око, от которого ничто не ускользает, открыто и следит за всеми кознями, за всеми темными происками. Пусть не ожидают пощады те, кто злостно оставил своих братьев в когтях голода и отчаяния». В заключение Паре возвещал, что революционная армия отправляется в путь, «чтобы повсюду обеспечить исполнение закона». «Не бойтесь ее прихода, — говорил он, — революционная армия принадлежит всей республике; она состоит исключительно из испытанных патриотов. Это не бурный поток, который одинаково сокрушает в деревнях просторные дома богатеев и хижину бедняка. Путь этой армии освещен справедливостью и должен пугать только изменников, которые прячутся, лицемерную аристократию и честолюбивое сектантство» [1].

Действительно, эту революционную армию, которой министр грозил спекулянтам, уже начали посылать для охраны подвоза хлеба к Парижу. Однако надо признаться, что ее первые выступления были довольно шумного и бурного характера. Четыре эскадрона ее в составе 500 человек были посланы в Бовэ 27, 28 и 29 сентября. Немедленно в деревнях департамента Уазы распространился слух, что кавалеристы этой армии «вешают арендаторов, чтобы заставить их выдать свой хлеб». Слух был ложен, но произвел впечатление. Через несколько дней несколько кавалеристов явилось в клуб якобинцев в Бовэ и потребовало чистки его, под тем предлогом, что среди членов клуба имеются фельяны. Председатель клуба был сменен. На следующий день, 4 октября, один кавалерист, по имени Рамон, протестовал у мэра против того, что на общественных зданиях города все еще имеются монархические эмблемы; он утверждал, что видел на кусках материи слова: «Да здравствует король!». Мэр медлил с удовлетворением этого протеста. Тогда революционная армия донесла на мэра и потребовала отрешения его от должности. Секции собрались, но отказались изменить состав муниципалитета. Сторонники мэра бросали камни в помещение клуба. На другой день крестьяне пришли толпой на защиту муниципалитета от кавалеристов. Два комиссара Парижской коммуны Жирар и Граммон были арестованы. Произошли беспорядки. Вообще революционная армия не ограничилась охраной подвоза продовольствия. Она принимала по собственной инициативе политические меры. Тем не менее Комитет общественного спасения одобрил ее поведение в Бовэ, и Барер, которому поручено было сделать доклад о беспорядках в Бовэ, добился следующего постановления: зачинщики движения секций предаются суду революционного трибунала, и в Уазу посылается эмиссар для чистки тамошних вла-

[1] Циркуляр Паре был напечатан стараниями администрации департамента Дубса, вынесшей это решение в заседании 11 брюмера II года (Archives du Doubs, L 299).

стей [1]. Уже это одно является достаточным доказательством, что к этому времени Комитет общественного спасения решился применять продовольственные законы в духе эбертизма.

Кампания Шоссара.

Это подтверждается также другими признаками. Взгляды правительства следует искать в основанном и субсидируемом им официозе «Антифедералист». В номерах от 13, 14 и 15 октября помещена была под заглавием «Несколько мыслей о продовольственном вопросе» целая программа экономических мер, весьма напоминающая программу Шометта и Эбера. Автором статей был журналист Публикола Шоссар, который неоднократно исполнял официальные поручения. Рассматривая причины недостатка продуктов, он находил их прежде всего в плохой постановке реквизиций. Он подчеркивал, что реквизиции производятся по предписанию различных властей: эмиссаров Конвента, комиссаров городов, администрации; все они скрещиваются и мешают друг другу. Необходимо, — писал Шоссар, — положить конец тем «ограниченным, частичным и медленным средствам», которые применялись до сих пор, ибо опасность «близка, велика, неминуема». Дело вовсе не в недостатке зерна; напротив, амбары полны зерна; урожай выдался обильный. «Препятствия лежат в самих людях». Шоссар разоблачал скрытый федерализм департаментских властей. «Их естественным оплотом были арендаторы с душой собственников, а не республиканцев, затем все эгоисты и злонамеренные, те, кто сеют панику, и те, которые восприимчивы к ней. Замечу в скобках, что боязнь воображаемой опасности хуже, чем реальная опасность, так как в первом случае человек не видит средства против опасности, а во втором видит. В этот лагерь вошли также все группы с ущемленными интересами, раздраженными страстями, неудовлетворенным самолюбием, *нигилисты*, которые, как стадо, следуют за господствующим мнением; затем все виды открытых или тайных контр-революционеров, которым осталась только надежда на продовольственные волнения, — они старались и стараются разжечь эти волнения». Впрочем, Шоссар видел препятствия не только в людях, но и в вещах. Он указывал на отсутствие единства в законах и в их исполнении, на неопытность чиновников, не остающихся долго на своем посту, на многочисленность административных органов и т. д. В результате он приходит к выводу, что для упорядочения продовольственного дела не остается ничего другого, как «объявить все урожаи национализированными». «Все то, что необходимо всем, есть общественная собственность, которая эксплоатируется частными лицами». Во время революции нельзя «оставлять в частных руках торговлю предметами первой необходимости, в особенности, если режим свободы бьет, как и следует, по недозволенным барышам

[1] Заседание Конвента от 17 числа I месяца (8 октября 1793 г.).

и по всем тем порокам, которые вызывает вообще торговля, а тем паче торговля, возникшая и выросшая при режиме деспотизма». Шоссар признавал, что уже «нанесены чувствительные удары во всех областях торговых злоупотреблений», но он подчеркивал, что «необходимо направить эти удары на самый корень». Широкая и всеобщая мера достигает двух результатов, которых никогда не добиться при помощи многих мелких мер, как бы хороши они ни были. Один из этих результатов заключается в воспитании и возвышении народного духа; другой — в том, что такая мера больше проникает в сознание всего народа, ради которого она и принята. Можно прибавить еще, что она распространяется быстрее и действует более надежно и непосредственно. Национализация урожая должна будет нейтрализовать в производящих районах панику, которую сеют аристократы. Им не удастся обрушить на нас обратно систему террора, как они того желают. Они не смогут больше говорить земледельцу: если вы отдадите ваш хлеб Парижу, департамент останется без хлеба. Ибо им ответят: теперь речь идет уже о снабжении не в коммунальном, а в национальном масштабе, распределение хлеба производится соразмерно его поступлению и в зависимости от потребностей, от их размеров и настоятельности в тех или других местностях. Жители неплодородных районов будут встречать с уважением конвои, сопровождающие повозки с хлебом для Парижа; ибо они будут знать, что при одинаковой нужде найдутся и одинаковые ресурсы, что излишек плодородных областей, естественно, должен направляться в бесплодные местности. Таким образом исчезнут взаимное недоверие и опасения». Итак, Шоссар считал национализацию продовольствия неизбежным дополнением к реквизициям и максимуму.

Дюше.

Несколькими днями позже другой официозный журналист, Дюше [1], защищает те же положения в «Moniteur» от 6 брюмера (27 октября 1793 г.). Он считает, что государство имеет право наложения ареста и преимущественной покупки всякой недвижимости и движимости за справедливое возмещение. «Если бы этого не было, государство всегда оставалось в убытке, ему пришлось бы платить бесконечно растущие цены... Но если признано это право, то вся Франция является магазином, зернохранилищем, арсеналом республики; запасы и магазины скупщиков принадлежат ей. Это право необходимо должно быть использовано, в особенности во время войны за свободу, когда неприятель собирается подвергнуть Францию блокаде. Непомерные цены, требуемые спекулянтами, являлись бы своего рода внутренней блокадой по отношению ко всем частным складам внутри страны;

[1] О Дюше см. труд M. Frederick L. Nussbaum, Commercial policy in the French Revolution. A Study of the career of G.-V. A. Ducher Вашингтон, 1923 г.

республика окажется в нужде, несмотря на все богатство земледелия и промышленности ее граждан, или же их денежные средства быстро истощатся. Когда государство берет себе товары по преимущественному праву покупки, оно платит за них; победоносная армия взяла бы их без всякого возмещения, это — право Кобурга. Все французы — солдаты, все подчинены закону о наборе рекрут; почему же на склад этого гражданина-солдата не должно распространяться преимущественное право покупки?»

Эта социалистическая доктрина была экспериментальным социализмом, продиктованным военным положением и революцией. Дюше в сущности лишь повторяет здесь некоторые фразы из речи Барера от 22 октября. «Вся продукция нашей территории, — сказал Барер, — составляет собственность всей нации, всякая недвижимость принадлежит государству; революция и свобода являются первыми кредиторами граждан, и республика должна иметь первенство при своих покупках» [1].

Если официозные органы помещали статьи вроде этих статей Шоссара и Дюше, то можно себе представить, в каком духе писал «Пер Дюшен». Он не переставал неистовствовать против торговцев, арендаторов и скупщиков, которые «плюют на декреты Конвента». Он доказывал, что недостаток хлеба в Париже является плодом заговора, имеющего целью спасти жирондистов, писал, что как только «головы последних очутятся в мешке», «серебро, золото и мука вернутся в изобилии. Вот тот гордиев узел, который мы собираемся разрубить».

Пересмотр максимума.

В то время, как Эбер предавался демагогическим разглагольствованиям, Комитет общественного спасения решительно взялся за дело. Так как закон о максимуме был неприменим в данном виде, его необходимо было усовершенствовать без замедления; необходимо было сломить власти, сопротивляющиеся ему.

6 брюмера (27 октября), через день после того, как Конвент утвердил трех членов Продовольственной комиссии, состоялось объединенное заседание Комитета общественного спасения, комитетов торговли и земледелия. Они постановили поручить Продовольственной комиссии подготовить всеобщий и единый тариф твердых цен для всей республики; это должно было устранить произвол при установлении такс местными властями по их усмотрению и препятствия, вытекающие отсюда при проведении в жизнь закона о максимуме. Упомянутый гариф должен был быть построен на следующих основаниях: 1) промышленные цены 1790 г. с надбавкой в одну треть; 2) «апретурная» цена для тех продуктов, которые требуют обработки; 3) накидка в 5% для оптового торговца; 4) накидка в 10%

[1] По «Journal des Débats».

для розничного торговца; 5) наконец, точно установленная надбавка за транспорт с каждого льё, считая расстояние от места производства. Эти пять пунктов должны были стать нерушимой основой для цен всех товаров во всей республике.

В тот же вечер вопрос обсуждался в клубе якобинцев. Эбер взял слово и высказал сожаление, что «при определении максимума не были предусмотрены те потери, которые неизбежно несут розничные торговцы»; он, следовательно, требовал, чтобы в розничном тарифе была предусмотрена накидка в десять су поверх тарифа оптовиков. Билло-Варен ответил ему, что Конвент никогда не намеревался «эксплоатировать розничных торговцев в пользу промышленников»; он сообщил якобинцам, что комитеты приняли решение о пересмотре максимума.

Продовольственная комиссия.

В то время дело следовало тотчас же за принятыми решениями. 8 брюмера (28 октября) состоялось первое заседание Продовольственной комиссии. Брюне, вызванный в Монпелье, отсутствовал [1]. Но его два товарища, Рессон и Гужон, приступили к работе — «ввиду срочности», как говорится в протоколе [2]. Комиссия временно заседала в министерстве внутренних дел, затем с 5 фримера в доме бывшего герцога де-Пентьевр, а с 18 фримера в отеле одного эмигранта (отель «Тулуза», улица де-ла-Врильер).

Декрет об учреждении Продовольственной комиссии возлагал на нее весьма обширный круг обязанностей: сделки с заграницей от имени министра внутренних дел, учет хлеба, реквизиции для снабжения армий, распределение этих реквизиций между различными департаментами, ввоз сырья, распределение сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров, согласно местным нуждам, по всем департаментам; засев различных злаков, производство предметов первой необходимости, земледельческую мелиорацию, мастерские и мануфактуры, снабжение Парижа, устройство государственных зернохранилищ, рубку леса, сплав его, производство древесного угля, эксплоатацию рудников и т. д. Чтобы осилить столь разнообразные задачи, комиссия имела право прибегать непосредственно или через посредство администрации к реквизициям и даже к простому захвату; «она выдает квитанции или национальные расписки, которые немедленно оплачиваются сборщиками податей в округах... причем цены устанавливаются согласно продовольственным законам». Кроме того, на комиссию была возложена специальная задача приведения в исполнение законов 11 и 29 сентября о максимуме. Она выдавала ассигновки под кон-

[1] Он вернулся в Париж только 27 брюмера.

[2] Archives nationales, F[19] 269—275. Протоколы Продовольственной комиссии опубликованы теперь Пьером Кароном в сборнике материалов, изданном министерством народного просвещения.

тролем Комитета финансов. Для проведения порученных ей мер она имела право вызывать вооруженную силу в департаментах, дистриктах и муниципалитетах, но прибегать к помощи революционной армии она могла только с особого разрешения Комитета общественного спасения. Она сносилась непосредственно с управлениями департаментов и дистриктов. Члены комиссии председательствовали в ней попеременно, каждый в течение двух недель, и этот председательствующий член комиссии участвовал также в совете министров.

На некоторых заседаниях Продовольственной комиссии участвовали, кроме ее постоянных членов, также те или иные лица, занимающие известную должность или имеющие известный опыт. Так, например, на заседании 15 брюмера участвовали Роберт Лэнде и Приер (из Кот-д'Ора), оба — от Комитета общественного спасения; Паш — городской голова Парижа; Ассенфратц и Монж — от военного производства; Готье, товарищ военного министра, и т. д. Протокол от 18 брюмера отмечает присутствие Роберта Лэнде и Приера (из Кот-д'Ора), Паша, Ассенфратца, Монжа, Готье, товарища морского министра, нескольких членов бюро военного снабжения, в том числе одного по имени Жоанно. На это заседание 18 брюмера комиссары военный и морской должны были принести с собой перечисление их центров потребления, указать размер их потребностей и точно определить те округа, которые предполагалось привлечь для удовлетворения этих потребностей. Они должны были нанести на особые карты различные центры снабжения для зерна, фуража, мяса и прочих продуктов. Вечером 1 фримера заседали Р. Лэнде, Камбон, Паш, морской министр д'Альбарад, Фоше — глава миссии, отправляемой в Америку для закупки продуктов и сырых материалов. Обсуждался вопрос о снабжении северной армии и о предстоящих закупках зерна в Соединенных Штатах. 2 фримера заседают те же лица и по тем же вопросам. На вечернем заседании 2 фримера присутствовал также гражданин Жиллен, главный кассир казначейства.

В самом начале, на втором заседании (9 брюмера), комиссия разделила свою работу на три главные группы: 1) изучение положения республики с точки зрения ее потребностей, ресурсов и путей к улучшению последних — тогда это называли вкратце «общим положением», в наше время мы называем это статистикой; 2) урегулирование снабжения армий, департаментов, покупки и реквизиции для использования всех ресурсов республики — короче, распределение; 3) счетоводство по всем группам.

Во главе каждой группы стоял директор. Группу по «общему положению» возглавлял Прони, группу по распределению — Моро, группу по счетоводству — Луве (племянник). На том же втором заседании решено было разослать три циркуляра: один — в департаменты, другой — в муниципалитеты и третий — в народные общества. Циркуляры содержали призыв срочно сообщить о состоянии местных

ресурсов и потребностей. Так как поступле нисответов должно было затянуться, комиссия на следующем заседании 10 брюмера решила просить Исполнительный совет, а затем Комитет общественного спасения присоединить к ней бюро по кадастру, которые до сих пор находились при министерстве налогов. Через три дня Конвент удовлетворил это требование. 27 брюмера Комитет общественного спасения обратился к министрам налогов и внутренних дел с просьбой «искать в архивах их департаментов и во всех прочих архивах, находящихся под их контролем или в их распоряжении, переписей или отчетов о состоянии национального дохода Франции, составленных при министерствах Тюрго и Террэ» и предоставить эту статистику в распоряжение Продовольственной комиссии. Эта статистическая часть, или так называемое «общее положение», была поручена специально Гужону. На вернувшегося 28 брюмера Брюне было возложено распределение, Рессон возглавлял счетоводство. Впрочем, «это разделение труда устанавливалось для порядка и скорости делопроизводства и не исключало никакой части работы от постоянного наблюдения всех трех членов комиссии» (постановление от 28 брюмера).

Впоследствии работа комиссии расширяется, с тенденцией к специализации. 15 брюмера комиссия решила образовать при себе совещательное или техническое бюро для ускорения рассмотрения направляемых ей вопросов и решений по ним. Это бюро состояло вначале из трех членов: граждан Мутта, Легилье и Вильморена. Оно должно было высказываться о проектируемых сделках, о предложениях покупок, о способах ввоза продуктов и сырья, о промышленных предприятиях и мануфактурах. Мутт был прежде директором большого банка в Риме; Вильморен был шефом большого торгового дома, занимающегося хлебной и семенной торговлей, существующего и поныне; Легилье, оптовик из Ломбардского квартала, был прежде председателем Парижского коммерческого суда. 27 фримера Жильбер и Бессон сменили Мутта и Легилье.

Уже 1 фримера первая группа (по так называемому общему положению) была разделена на две секции. К одной перешли вопросы улучшения кадастра и перевозок, к другой — операции по продовольствию и сырью. Первая секция возглавлялась Прони [1], вторая — Ложье.

10 фримера состоялось большое заседание комиссии. Участвовали: Камбон, Лэнде, Монж, Паш, Эмбер, заведующий бюро фондов в министерстве иностранных дел, и Лермина, важный чиновник казначейства. На этом заседании решено было, что на комиссию нецелесообразно возложены две задачи, требующие особых знаний и коммерческого опыта, а именно — ввоз сырых материалов и производство. «Чтобы как следует справиться с этими задачами,— говорится в протоколе,—

[1] Прони оставался в ней недолго. Он скоро был заменен Дерю, который, в свою очередь, 16 фримера назначен был начальником бюро по максимуму.

надо быть негоциантом, а ни один член комиссии не был им [1]; если бы даже они были раньше негоциантами, они не могли бы использовать свои знания, так как должны следовать за ходом революции, который совершенно чужд меркантильным подсчетам, необходимым в наших сделках с заграницей». По этим сообщениям решено было создать при комиссии «торговую агентуру» в составе пяти членов; она должна была рассматривать все предложения и сделки, направляемые к ней комиссией. В частности на обязанности этой агентуры лежали: ввоз сырых материалов и всех других недостающих товаров и вывоз предметов роскоши и излишков; кроме того, надзор за производством предметов первой необходимости.

Когда закон 14 фримера организовал революционное правительство, было создано новое, пятое отделение комиссии, возглавляемое генеральным секретарем Тиссо, шурином Гужона. На это отделение возложены были контроль и исполнение законов и постановлений, касающихся компетенции комиссии. Оно должно было также отчитываться о деятельности своих агентов и в то же время следить за их патриотизмом.

Впоследствии, 21 нивоза, бюро комиссии были еще раз реорганизованы. Были созданы новые отделения, причем в каждом из них вопросы «общего положения» и распределения были объединены и возглавлялись одним и тем же директором. Создано было бюро растительных продуктов, бюро скотоводческих продуктов, бюро сырых материалов, бюро кадастра и транспорта, бюро по счетоводству.

Барер и реформа закона о максимуме.

Одной из главных задач комиссии было приведение в исполнение закона о максимуме. Уже в самом начале существования комиссии 11 брюмера (1 ноября) Барер изложил Конвенту политику, которой намерен был держаться в этом трудном деле Комитет общественного спасения. В то же время он начертал обширную программу действий для Продовольственной комиссии.

Барер указал на то, что сделала революция для земледелия: она освободила его от феодальных повинностей, от десятины, произвольных и тягостных налогов. Он указал также на то, что сделала революция для торговли: она освободила последнюю от застав и цеховых уз. Барер горько жаловался на неблагодарность крестьян и торговцев, которые пытались взять измором нарождающуюся свободу, их благодетельницу. Затем Барер говорил о максимуме, как об единственном средстве против эксцессов преступной спекуляции крупных собственников, против жадности капиталистов-негоциантов и скупости розничных торговцев. «Но грязная любовь к наживе угрожает сокрушить эту великую народную меру.

[1] Рессон торговал лимонадом, но слово «негоциант» применялось исключительно к крупной торговле.

Пользуясь своими богатствами, аристократия расхватала содержимое лавок торговцев. Муниципальной полиции пришлось ограничить эти крупные закупки и контролировать ежедневную продажу; пришлось запретить торговцам продавать одному гражданину больше какого-либо товара, чем другому». Эти паллиативы оказались недостаточными. Необходимо было принять более энергичные и более обширные меры. Это будет делом новой Продовольственной комиссии. «Она должна расширить обращение, ускорить производство, разгрузить скопления товаров и большие магазины, открыть для обращения все каналы и восстановить торговлю во всех ее разветвлениях». Она будет прибегать, по мере надобности, к преимущественному праву покупок, «с помощью которого республика является собственницей в данный момент всего того, что торговля, промышленность и земледелие произвели или принесли на территорию Франции».

А пока Барер указывал на существенные недостатки закона о максимуме: этот закон нуждается в немедленной реформе. Первый, «самый опасный недостаток заключается в мягкости административных органов, в неустойчивости их принципов, даже в злонамеренности некоторых из них, в отсутствии единства при исполнении закона». Иные чиновники имеют родственников среди промышленников и торговцев и пользуются максимумом в интересах той или другой отрасли промышленности. Другие покровительствуют своим друзьям и соседям в ущерб общим интересам. Против этих недостатков есть только одно средство: *таксировать из центра,* издать закон о конфискации части имущества нерадивых и недобросовестных чиновников, это больно ударит по их карману.

Второй недостаток закона 29 сентября Барер усматривал в том, что оптовый торговец и промышленник оказываются в льготном положении в ущерб розничным торговцам: дело в том, что максимум одинаков для тех и других. «Постановив в законе, что цены на продукты устанавливаются у обыкновенного торговца, мы уподобились финансисту, который взимает сборы с провозимых товаров у устья реки, а не у ее истоков и различных притоков. Максимум должен иметь свое начало у самого источника: 1) на складах сырья; 2) в промышленном предприятии; 3) у оптового торговца; 4) у розничного торговца; 5) чтобы быть вполне справедливым, необходимо прибавить к этой градации прибылей постоянную накидку за провоз от промышленного предприятия или склада». Тогда восстановится обращение, и исчезнут препоны его. Барер с умилением останавливался на классе мелких розничников и мелких ремесленников, на «этом классе добрых республиканцев, который покупает и живет изо дня в день». Барер предлагал постановить выдачу возмещений для «тех граждан, торговцев или промышленников, которые докажут, что благодаря закону о максимуме они потеряли все свое состояние или остались только с капиталом менее чем в 10 000 ливров». Все предложения Барера были приняты без прений. Продовольственной комиссии поручено было составить таблицу цен всех товаров по местам их производства

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ.

Организованная борьба с голодом началась только после установления общего максимума и учреждения Продовольственной комиссии.

Все согласны были, что продовольствие и в особенности зерно имелись в достаточном количестве. Однако, несмотря на реквизиции, не удавалось с достаточной быстротой извлекать продовольствие, запрятанное в кладовых; поэтому считали необходимым присоединить к политике принудительных мер политику поощрения производительности сельского хозяйства.

На очереди дня стоял вопрос об «умножении продовольствия», как тогда выражались. Так, например, поэт Планше-Валькур произнес 5 брюмера в секции Тюльери «Речь о том, как обеспечить нам продовольствие на будущее» [1]. Он советовал насадить на горах леса, налечь на скотоводство, запретить убой телят, а главное — возделывать национальные земли вместо того, чтобы продавать их за бесценок. На обширных поместьях, конфискованных у эмигрантов, он предлагал устроить национальные фермы, нечто вроде фаланстеров, с тем чтоб продукция их шла на снабжение городов.

Эти идеи и подобные им — все более или менее удачные и более или менее практичные — так соответствовали заботам всех, что трудно было не попытаться реализовать их хотя бы частично.

Осушка прудов.

Комитет общественного спасения и Конвент всячески старались увеличить возделываемую площадь.

Еще 26 брюмера Комитет общественного спасения постановил предложить депутату Бодену (от Арденн) представить в виде законопроекта его план осушки и распашки прудов в Солони, Брессе и Бренне. Двумя днями позже Комитет земледелия принял проект Бурдона (из Уазы), представленный ему одновременно с конкурирующим проектом Бодена [2].

[1] Bibliothèque nationale, Lb 40—218⁰.

[2] Gerbaux et Schmidt, Le Comité d'Agriculture, t. III, p. 155.

В своем докладе от 30 фримера Бурдон утверждал, что многие пруды обязаны своим происхождением исключительно «покушениям» монахов и священников против природы. «Они напоказ исполняют посты и требуют строгого исполнения их от народа, называемого ими *верующими*. Эти посты внушили им идею превратить в стоячие воды горные долины, запрудить последние плотинами от одного склона до другого. Таким образом вот уже целыми веками самые плодородные долины Франции лишены богатых стад, для которых их предназначила сама природа, не дают также обильных жатв, вознаграждающих труд земледельца. Таково истинное происхождение почти всех прудов в республике». Бурдон не преминул также указать, что чрезмерное количество прудов порождает лихорадку и эпизоотии. Он вычислил, что одна осушка прудов должна дать 400 000 арпанов пахотной земли. На этой илистой и плодородной почве можно было бы собрать урожай в 2 400 000 сетье — достаточный для прокормления одного миллиона человек. Бурдон предвидел возражение, что осушка прудов уменьшит рыбные богатства. На это он отвечал, что «рыба никогда не появляется на столе бедняка, она служит лишь пищей богачей, предметом роскоши».

Обсуждение проекта Бурдона началось 11 фримера и продолжалось весьма недолго. Некоторые члены Конвента высказывались за принятие декрета об осушке прудов только в принципе, т. е. только тех прудов, которые вредны для урожаев и опасны для здоровья. Но Дантон воскликнул: «Мы все в заговоре против карпов и все любим царство овец». Декрет был окончательно принят 14 фримера. Согласно ему, к 15 плювиоза должны были быть осушены все те пруды, из которых обыкновенно выпускали воду, чтобы выловить рыбу. Эти пруды должны были быть засеяны яровыми хлебами или разбиты под огороды. Это должны были сделать владельцы прудов; если они не в состоянии немедленно раздобыть семена для посева, дистрикты обращаются в Продовольственную комиссию, которая обязана доставить эти семена. Не подлежат осушке те пруды, которые необходимы для питания рвов стратегического назначения, металлургических заводов, каналов, писчебумажных и прядильных предприятий, мельниц, наконец, для сплава леса. Эти исключения устанавливаются дистриктами.

Повидимому, применение закона натолкнулось на трудности, ибо 21 плювиоза (9 февраля) 1794 г. Конвент предложил своему Комитету земледелия представить на следующий день доклад по этому вопросу. А между тем прошло уже восемь дней. как истек срок, данный владельцам прудов для спуска воды и засева прудов. Конвент, кроме того, постановил, что отводные каналы должны проводиться лишь в том случае, если нельзя будет отвести воду другим способом. Повидимому, Комитет земледелия не торопился исполнить постановление Конвента, ибо в протоколах его заседаний, опубликованных Шмидтом и Жербо, ничего нет об этом.

Зато Продовольственная комиссия — несомненно, под давлением Комитета общественного спасения — обратилась ко всем народным обществам в республике

с красноречивым призывом проводить в жизнь новый закон [1]. Вильморену поручен был надзор за осушкой прудов [2].

Чтобы установить, в какой мере проведена была эта осушка и какие реальные ресурсы она дала республике, необходимо длительное и кропотливое изучение архивов. Я нашел следующее указание: 28 жерминаля (17 апреля) 1794 г. эмиссар Мишо пишет из Буржа Комитету общественного спасения, что закон об осушке прудов приведен в исполнение в департаменте Шер.

Наряду с осушкой прудов было приступлено в распашке нови в невозделывавшихся до сих пор ландах. Так, например, заместитель прокурора-синдика Парижской коммуны Реаль в вантозе пишет из Руана, что жители этого города распахивают большие пустыри Сен-Жюльен для посадки картофеля [3].

Возделывание брошенных земель.

Еще важнее было взяться за обработку тех земель, которые лежали втуне вследствие недостатка рабочих рук или потому, что владельцы их покинули эти земли.

Иногда инициатива мест опережала законодателя. 18 декабря 1792 г. дистрикт Камбре предписывает коммунам приступить к обработке брошенных земель [4]. Весной 1793 г. Конвент занялся ими. Поводом послужило обсуждение вопроса о поместьях эмигрантов. 25 марта 1793 г. Комитет земледелия представил проект декрета, который был принят Конвентом без прений; докладчиком был Веффруа. Этот декрет обязывал муниципалитеты возделывать и засевать земли эмигрантов, предпочтительно ячменем; работы эти предполагалось вести за плату. Позднейший декрет должен был найти способ оплаты распашек из средств государства; он должен был также установить, на какие цели употребить урожай с тех участков, которые не будут еще проданы ко времени жатвы. Декрет был выполнен; это явствует из того, что в Савойе администрация департамента предписывает 19 плювиоза II года муниципалитетам осмотреть все национализированные земли эмигрантов и проверить, возделаны и засеяны ли они, как полагается. О результате проверки предписывалось составить протокол [5].

В августе 1793 г. было постановлено мобилизовать первый призыв в порядке поголовного ополчения, в возрасте от 18 до 25 лет; 16 сентября был, по докладу Лорана Лекуантра, принят закон, согласно которому муниципалитеты должны составлять списки земель, остающихся невозделанными вследствие призыва их владельцев в армию.

[1] «Moniteur» от 6 нивоза II года (26 декабря 1793 г.).

[2] Заседание 1 фримера. Arch. nat., F[11] 169.

[3] Заседание коммуны 17 вантоза. См. «Moniteur» от 20 вантоза.

[4] G. Lefebvre, Les paysans du Nord pendant la Révolution, p. 698.

[5] Извлечения из протоколов департамента Монблана (опубликованные Г. Перузом), стр. 175.

Этот закон обязывал муниципалитеты назначать для обработки этих участков тех или иных жителей «сообразно с их средствами и возможностями»; «начать необходимо с наименее состоятельных жителей». Если назначенные таким образом лица будут возражать и ссылаться на недостаток рабочих рук, муниципалитеты должны вызывать батраков коммуны и доставлять их им. Эти поденщики оплачиваются по обычной ставке. В случае отказа с их стороны их можно принуждать к работе под угрозой заключения в тюрьму на срок от 3 дней до 3 месяцев; эти кары назначаются муниципальным советом, выступающим в данном случае в роли полицейской инстанции. Если поденщики вступят в стачку, они могут быть преданы уголовному суду и наказаны двумя годами каторжных работ.

Таким способом должны были обрабатываться не только участки граждан-солдат, но также все те участки, владельцы которых не имеют необходимых для пахоты лошадей, волов и земледельческих орудий. Лица, назначенные для обработки этих участков, могут требовать только обычную плату, установленную в минувшем марте. Отказывающиеся повиноваться могут быть присуждены к штрафу в 500 ливров, причем этот штраф идет в пользу владельца невозделанного участка.

Закон предвидел случаи, когда бедняки не в состоянии будут оплачивать мобилизованные в их пользу рабочие руки. В таком случае казна должна была ссужать муниципалитету необходимую сумму. Если отсутствующий владелец участка не вернется ко времени жатвы, муниципалитет сам приступает к сбору урожая, продает его и, отчислив свой аванс, отдает излишек в кассу приемщика налогов. Если в результате обработки получится дефицит, он идет за счет государства.

Ст. 2 декрета 9 октября 1793 г. возлагала на управления департаментов, дистриктов и муниципалитетов «личную ответственность за ущерб, причиненный республике от того, что не будут засеяны поля, которые по местному обычаю должны бы были быть засеяны». «Органы администрации, виновные в неисполнении этой меры или в приостановке ее, предаются суду и караются штрафом в 10 000 ливров по круговой поруке».

Эта система не имела в себе ничего бюрократического. Ее применяют местные власти под надзором эмиссаров Конвента. Главными действующими лицами являются муниципалитеты. Они действуют прямо, без посредников. Бумажная волокита сведена к минимуму, точно так же расходы. Никаких премий за сбор урожая. Издержки по обработке падают на тех, кто снимает урожай. Экономная и скорая администрация — в непосредственной близости к самим заинтересованным.

В какой мере был осуществлен этот декрет? При нынешнем состоянии исторической науки трудно дать ответ на этот вопрос. 22 нивоза (12 января) 1794 г. Кон-

вент предписал национальным агентам во всех дистриктах донести министру внутренних дел, в каком положении находится дело, как исполняется закон о запашке. В том же декрете мы читаем: «Лицо, вспахавшее и засеявшее поле, покинутое по обстоятельствам военного времени, имеет право требовать от землевладельца или арендатора две трети урожая, а также семена на посев; если за месяц до жатвы не объявится хозяин, весь урожай принадлежит упомянутому лицу».

Сельскохозяйственные рабочие.

Благие намерения законодателя часто разбивались о недостаток рабочих рук. «В деревнях никто не остался, — пишет 5 октября 1793 г. из Бург-ан-Брэсс агент министра внутренних дел Паннетье, — поля не засеяны, все рабочие руки призваны в армию. Если не будут приняты меры, то можно опасаться голода». Конвент и Комитет общественного спасения всеми мерами борются с этим катастрофическим недостатком рабочих рук.

Большинство рекрут первого призыва, сосредоточенных в центрах дистриктов, не были ни вооружены, ни обмундированы. Военное обучение производилось, за недостатком ружей, с палками. Несколько месяцев должно было пройти, пока рекруты будут вооружены и обмундированы. 9 октября, по предложению Барера, Конвент принимает декрет, предписывающий отпускать на земледельческие работы «молодых земледельцев, которые, по усмотрению эмиссара, незаменимы для работ по обсеменению полей и обмолоту зерна». Эти отсрочки не должны были превышать трех недель, но на самом деле длились дольше.

Эмиссар Конвента Ру-Фазильяк писал 22 плювиоза из Тюлля Комитету общественного спасения, что недостаток продуктов помешал ему концентрировать рекрут первого призыва в главных пунктах дистриктов; они остались дома.

Согласно закону 9 октября отсрочки на предмет земледельческих работ даются эмиссарами. Постановлением от 6 плювиоза (25 января 1794 г.) Комитет общественного спасения расширил эту меру; он разрешил рекрутам обращаться с просьбой об отсрочке прямо в управление дистрикта, которое направляет эти просьбы к эмиссарам. Кроме того, тем же постановлением эти отсрочки распространены были также на возчиков и профессии, подсобные для земледелия.

Однако, когда накануне весеннего наступления 1794 г. срочно понадобились подкрепления для армий, Комитет общественного спасения пришел в ужас от огромного числа отсрочек. Первый призыв буквально растаял. 26 плювиоза (14 февраля 1794 г.) Комитет пишет Гарнье (из Сента) и предлагает ему немедленно прекратить отпуска рекрут, выданные на предмет земледельческих работ. 15 дней спустя, 13 вантоза, Карно подписал приказ, отменяющий все отсрочки и само постановление от 6 плювиоза, вводившее эти отсрочки.

22 октября 1793 г. Шометт выступил в коммуне с требованием использовать военнопленных для работ общественной важности, например для починки дорог. Эта идея понравилась, и 29 нивоза (18 января 1794 г.) Комитет общественного спасения постановил посылать дезертиров и военнопленных на общественные работы, в первую голову на починку дорог и каналов.

Во время жатвы во II году стали употреблять на работы даже самих солдат. 20 мессидора (8 июля) 1794 г. Комитет общественного спасения уполномочил дистрикты требовать солдат внутренних гарнизонов для ускорения работ по жатве и молотьбе. Домманже описал нам, как функционировали эти реквизиции в дистрикте Крепи-ан-Валуа [1].

Когда был введен революционный календарь, во многих местностях стали издавать запреты воскресного отдыха. Так, например, 21 флореаля II года эмиссар Дартигэйт запретил праздновать воскресенье; ослушникам ставилось на вид, что они будут лишены выдачи зерна и муки в тот день, который они проведут в праздности. В том же постановлении предписывалось каждой коммуне составлять списки бездельничающих и подозрительных граждан. Священники, по вине которых — будь то проповедь их или прямое наущение — люди проводили воскресный день в безделье, могут быть подвергнуты аресту. Антиклерикальная политика принимала форму продовольственной политики.

Война с праздностью была злобой дня. Местные власти требовали издания закона о трудовой повинности. Продовольственное бюро г. Тулузы обратилось 29 флореаля (18 мая) 1794 г. к тому же Дартигэйту с предложением издать следующий приказ: «1) все лица, привычные к полевым работам, обязаны, под страхом наказания, отдавать им все свое время, пока длится жатва; 2) поденщики, требующие оплаты выше максимума, тоже подлежат каре; они должны начинать работу с восходом солнца и кончать ее с заходом солнца; 3) землевладельцам запрещается сманивать рабочих оплатой выше максимума, ослушники объявляются подозрительными и контр-революционерами и т.д.». В этом духе Дартигэйт издал постановление 18 прериаля. Он объявил, что каждый гражданин или гражданка, отказывающиеся работать, будут присуждены к штрафу в 100 ливров и подвергнуты тюремному заключению на три месяца; в случае действия скопом они будут считаться роялистами и заговорщиками. Вопрос о трудовой повинности в эпоху террора представляет весьма благодарный материал для исследования.

Регламентация культур.

Для увеличения припасов предлагались героические меры. Один винодел из Тура, по имени Шинанте, «владелец многих виноградников», обратился к Конвенту с объемистым посланием, которое было зачитано на заседании от 23 октября

[1] «Annales Révolutionnaires», 1917, t. IX, p. 537

1793 г.; он предлагал выкорчевать все молодые лозы, посаженные за последние пять лет, и вместо них посеять хлеб. По его подсчетам культура виноградников за время от 1763 г. почти удвоилась и отняла у хлебопашества более 300 000 семейств. По его же словам это зло еще усугубилось после революции. «В долине реки Шеры от Монришара до Виландри, на протяжении 13 лье насадили, как уверяют, виноградников более 1 500 арпан, к тому же на земле наилучшего качества». Вдобавок Шинанте приписывал недостаток рабочих рук распространению виноградников.

Мне известно, что во всяком случае два эмиссара Конвента, Гарнье (депутат от города Сента) и Мишо, вели войну против виноградников. В месяце вантозе Гарнье распорядился вырвать молодые лозы и вместо них посеять хлеб [1]. Мишо пишет 28 жерминаля (17 апреля) 1794 г. из Буржа Комитету общественного спасения: «Некоторые землевладельцы в дистрикте Буржа, эгоисты, а может быть и злонамеренные, собирались употребить свои поля под виноградники; я считал это недопустимым злоупотреблением при нынешних обстоятельствах, когда с точки зрения общественных интересов крайне важно увеличить количество съестных припасов и добиться возможно большего сбора ближайшего урожая; поэтому я запретил эти насаждения и приказал засеять данные участки хлебом и овощами, заявив, что ослушники будут объявлены подозрительным.» [2].

Другие эмиссары, например Левассер (из деп. Сарты), вели войну против пастбищ. 28 брюмера он пишет из Алансона Комитету общественного спасения, что многие участки, дававшие хороший урожай хлеба до революции, превращены в луга. «В департаменте Орны более четверти всех земель подверглись этой метаморфозе». Мне не известно, перешел ли он от слов к делу, или ограничился одними увещеваниями прекратить это, по его мнению, печальное положение.

В департаменте Эры, — пишет Ф. Эврар [3], — народные общества «стараются уменьшить участки под паром в пользу хлебных культур». 2 брюмера народное общество в Лувье выносит резолюцию о желательности засева полей пшеницей и рожью. Обсудив эту петицию, дистрикт постановил, что при трехпольной системе, по меньшей мере, одна треть должна быть засеяна хлебными злаками, а при двухпольной системе — половина. То же общество добилось постановления, обязующего владельцев садов, парков, скверов превращать их в более производительные насаждения [4].

В Северном департаменте дистрикт Лилля издал 10 октября постановление об обязательном засеве хлебом не только тех участков, для которых это полагается по местному обычаю, но также тех, которые уже были два раза распаханы после жатвы. Дистрикт Азебрука, по инициативе якобинского клуба, предложил коммунам заменить посевы табака овсом, ячменем и картофелем. В департаменте Нижней Сены дистрикт Диеппа запретил засевать рапсом более одной двадцатой части всей площади. Правда, 13 жерминаля Комитет общественного спасения отменил это постановление, но в то же время он предлагал засевать хлебом по меньшей мере столько же арпанов, сколько засевалось прежде [1]. Департамент Па-де-Кале издал 10 сентября 1793 г. крайне обстоятельное постановление, в котором под угрозой строгих кар предлагалось засевать бо́льшую часть возделываемой площади хлебными злаками [2].

[1] Aulard, Actes, t. XI, p. 502.
[2] Ibidem, t. XII, p. 655.
[3] «Bulletin de la Commission d'Histoire économique», 1909, p. 81.
[4] Ibidem.

Официальная пропаганда.

На-ряду с законодательными мерами и регламентацией Продовольственная комиссия занималась пропагандой и распространением агрономических знаний в целях развития и интенсификации сельского хозяйства.

Еще в апреле 1793 г. министр внутренних дел основал ежемесячный «Journal d'Agriculture». В жерминале II года этот официальный журнал прекратил свое существование и был заменен «Feuille du Cultivateur», который прежде издавался обществами сельского хозяйства. Продовольственная комиссия рассылала бесплатно 2 000 экземпляров этого журнала клубам, дистриктам, а также сельским хозяевам с именем [3]. Таким же порядком комиссия издавала и рассылала промышленникам «Journal des Arts et Manufactures».

По предложению аббата Грегуара, докладчика Комитета земледелия, Конвент 11 брюмера решил разослать в клубы и коммуны инструкции об осенних посевах, запоздавших в некоторых местностях вследствие засухи и недостатка рабочих рук. Грегуар советовал не сеять пшеницу слишком густо и поливать ее известковой водой. Он вдавался в весьма тонкие технические детали, восхвалял известные растения, советовал сеять полбу, шестирядный или осенний ячмень, озимый овес, белый овес, репу, картофель, выступал против предрассудка оставлять поле под паром, настаивал на необходимости унавоживания полей и кончал следующим призывом: «Граждане, наши бравые братья-солдаты бьют неприятеля на границе; общественное спасение требует от вас, чтобы вы трудами рук своих увеличили плодородие почвы. Граждане, мы не говорим вам, что ваш интерес требует этого; вы — французы, и поэтому достаточно напомнить вам, что голос отечества приказывает вам это». Инструкция Грегуара о семенах была включена в бюллетень Конвента.

[1] См. Georges Lefebvre. Les paysans du Nord, p. 702
[2] Это постановление опубликовано Л. Жакобом в «Annales historiques de la Révolution française», 1925, p. 266—268.
[3] Постановление Комитета общественного спасения от 2 жерминаля.

Как только организована была Продовольственная комиссия, она тоже немедленно взялась за дело. 14 фримера (4 декабря) 1793 г. она обратилась к дистриктам с циркуляром об удобрении полей и приложила анкету для заполнения [1]. 27 фримера Комитет общественного спасения предписывает Продовольственной комиссии «поручить сделать выдержки из сочинения Артура Юнга о земледелии и распубликовать их по всей республики» [2]. 11 нивоза (31 декабря) 1793 г. комиссия разослала новый циркуляр о культуре картофеля и сообщает, что в ближайшем времени разошлет труд Парментье по тому же предмету. Через несколько дней, 23 нивоза, декрет Конвента поручает административным органам «употребить все зависящие средства, чтобы убедить жителей коммун, в которых не введена еще культура картофеля, засеять, по мере возможности, часть их полей картофелем». Картофель для посадки должна была доставить им Продовольственная комиссия. Месяцем позже, по приказу Комитета общественного спасения, была напечатана инструкция о способах посева этого драгоценного растения. В жерминале появились инструкции о разведении свиней и о щелочных удобрениях, во флореале — инструкции о культуре репы и моркови. 12 флореаля Комитет общественного спасения издает постановление о бесплатной раздаче семян моркови, репы, капусты и свеклы. 13 флореаля появилась еще инструкция о культуре свеклы, 25 флореаля — о культуре капусты, 2 прериаля — о культуре лука. Большинство этих небольших трактатов написано было весьма компетентными авторами: Ружье-Лабержери, Вильмореном, Парментье.

Каковы были результаты этой усиленной пропаганды? На этот вопрос очень трудно дать точный ответ. Культура картофеля была в то время уже очень распространена, а именно в восточной Франции; однако она все еще считалась своего рода добавочной культурой, в большей степени огородной, нежели земледельческой. Это был не хлеб, а овощ. В народе широко распространены были предрассудки против картофеля, и любопытно, что один из самых рассудительных агентов министерства внутренних дел, «наблюдатель» Сире, бессознательно повторяет эти предрассудки в своем докладе от 10 плювиоза [3]. Сире прямо заявляет, что не считает возможным извлечь большую пользу из культуры картофеля. Он ссылается на недостаток картофеля для посадки, так как прошлогодний урожай был неудачен вследствие засухи и так как потреблено было много картофеля за недостатком других овощей. А на тот случай, если можно было бы раздобыть картофель для посадки, Сире пишет: «Разве доказаны все те выгоды,

[1] Большинство этих циркуляров собраны потом в коллекции, значащейся в Национальной библиотеке под Lb[41] 2185.

[2] Это постановление не воспроизведено у Олара.

[3] Циркуляры Сире опубликованы Н. Кароном в «Bulletin del a Commission d'Histoire économique de la Révolution».

которые приписывают этой культуре? Если даже предположить их, то разве они могут равняться с преимуществами гороха, бобов, фасоли, чечевицы и т. д.?» Сире отрицает это. «Из всех овощей этого рода, — говорит он, — картофель содержит меньше всего мучнистых веществ; буассо картофеля может дать самое большее две трети муки (т. е. крахмального отстоя); из этой муки можно печь хлеб только с примесью самой чистой пшеничной муки в пропорции 1 : 2. К тому же процесс получения крахмальной муки весьма длителен и не применим в широком масштабе в деревнях, где приходится высоко ценить рабочие руки. До сих пор не найден способ чисто механического помола картофеля»... Сире считает культуру картофеля, «здорового и приятного овоща», целесообразной только на пустырях и в садах, не годящихся для всякой другой культуры. Впрочем, он приводит еще и следующую оговорку: «Под этим углом зрения культура картофеля не нуждается в поощрении за счет других сухих овощей; она никогда не даст экономной пищи: сетье картофеля дает меньше, чем два буассо фасоли, горошка и т. д. Его питательность недостаточна. И если бы даже удалось получать с арпана 20 сетье картофеля, как возвещали некоторые писатели экс-жирондисты, то это все же было бы меньше, чем то количество зерна, которое можно получить с той же площади ярового посева». Сире приходит к следующему заключению: «Культура картофеля должна считаться только дополнением, которым не следует пренебрегать; она разнообразит наш стол, так как картофель можно приготовлять самым разнообразным и приятным способом». Это любопытное мнение наблюдателя Сире можно считать отражением ходячих взглядов того времени.

Знаменитое постановление Комитета общественного спасения от 1 вантоза, вероятно, имело целью опровергнуть народный предрассудок против картофеля, разбить его на показательном примере. Этим постановлением министру внутренних дел поручалось посадить картофель в Тюльерийском и Люксембургском садах. Вероятно, по тем же соображениям продовольственная комиссия засадила картофелем большие площади и возделывала на государственные средства значительные площади национальных земель, как то: при бывших замках Бельвю, Сен-Клу, Муссо, Ренси, Со, Иль-Адам, Ванв, Рамбулье, Марбеф, Круасси и т. д. Усердствовали в этом отношении также некоторые эмиссары Конвента и местные административные органы. Паганель, эмиссар в департаменте Тарна, назначил премию в 400 ливров; треть этой суммы должна была быть выдана за лучшую работу по огородничеству, а две трети земледельцу, который первый принесет на рынок в мае месяце морковь, брюкву, репу или картофель. Распределение премии поручено было народному обществу в Кастре. Аналогичные премии введены были в центрах других дистриктов того же департамента [1].

[1] Письмо Паганеля от 10 плювиоза (29 января) 1794 г.

Повидимому, эти земледельческие премии были довольно распространены; Альбитт, будучи эмиссаром в Савойе, раздавал премии лучшим земледельцам во время празднования декад [1].

По инициативе дистрикта Мюре эмиссар Дартигэйт 5 вентоза издал следующее постановление по департаментам Жера и Верхней Гаронны: «Все сады при общественных зданиях и в имениях эмигрантов должны быть в надлежащее время года засажены картофелем». Местные власти уполномочивались вырывать с корнем плодовые деревья и другие деревья, не приносящие непосредственной пользы и мешающие по своей природе культуре картофеля. Этот пример не остался изолированным. Коммуна Рошфор-сюр-Мер в прокламации от 7 фримера призывала крестьян засадить картофелем все незасеянные участки и новь. Этот призыв сопровождался следующей угрозой: «Власти обращаются к вам с доверием; они убеждены, что вы поспешите последовать призыву и не заставите их применить по отношению к вам средства принуждения, на что они имеют право по закону; да будет вам известно, что закон категорически предписывает конфисковать в пользу республики земли, остающиеся невозделанными; он таким образом вполне справедливо отнимает у нерадивого или злостного гражданина землю, которую последний не использовал для блага своих братьев» [2].

Итак, не подлежит сомнению, что революционные власти делали большие усилия для увеличения сельскохозяйственной продукции. Но столь же несомненно, что результаты не всегда соответствовали затраченным усилиям. Г. Дестенвилль показал, что в округе Эрви департамента Обы достигнутые успехи были не велики, во всяком случае — в области культуры картофеля [3].

Шометт и вопрос о парках.

Движенье в пользу расширения культур получило свое начало в Парижской коммуне, которая больше всего страдала от продовольственного кризиса. Вдохновителем его был Шометт.

Во время большой манифестации 4 сентября 1793 г., заставившей Конвент принять эбертистскую программу, Шометт провел в коммуне постановление о назначении комиссии, которая «должна осмотреть все сады, находящиеся на национальных землях, проданных или находящихся в продаже, отданных в аренду или подлежащих аренде, и удостовериться, являются ли они полезными или нет. Все садовладельцы приглашаются возделывать свои сады, засадить их овощами и другими продуктами первой необходимости. Те же комиссары должны отправиться

[1] Aulard XI, p. 492.

[2] Archives communales de Rochefort-sur-Mer.

[3] H. Destainville, La pomme de terre, sa vulgarisation par le gouvernement revolutionnaire, sa culture dans le district d'Ervy, Troyes, 1917.

в департамент и предложить там, во имя общественного блага, сдавать в аренду небольшими участками громадные парки национального фонда для насаждения в них полезных растений». В этом постановлении требовалось также обратить под огород Тюльерийский сад, «который до сих пор являл глазам только зрелище бесполезной придворной роскоши». Мы видели, что это требование Шометта было удовлетворено.

Вероятно, по другим пунктам департамент оказал некоторое сопротивление, ибо 11 плювиоза коммуна вынуждена была повторить свое постановление. Однако Шометт был поддержан настоящим выступлением общественного мнения. Гражданин Жо, актер и член коммуны, произнес на общем собрании секции Бон-Нувель «Речь об аристократии мюскаденов, о садах, как предмете роскоши, и о необходимости свести к разумному минимуму число домашних животных во избежание чумы и эпидемии» [1]. Солидное Общество сельского хозяйства и экономии, помещавшееся на улице Анжу, советовало распахать не только увеселительные сады, но вообще все невозделанные земли в Париже и его окрестностях. Секция Горы (Пале-Рояль) обсуждала этот вопрос. Некоторые опасливые граждане заметили, что предварительно необходимо провести соответствующий закон в Конвенте. Но большинство ответило, что на это уйдет много времени, а между тем «нельзя терять время, так как именно теперь пора подготовить землю для посадки овощей, чтобы можно было воспользоваться ими весною» — это было 1 вантоза. Секция решила просто истребовать разрешение от департамента. Мне неизвестно, было ли дано это разрешение, но секции приступили к делу, не дожидаясь его. При этом имели место некоторые печальные эксцессы; ответственность за них валили на аристократию.

Один муниципальный чиновник, по имени Жоржель, обратился 17 вантоза в коммуну с жалобой, что невежественные или злонамеренные граждане все разрушают, все уничтожают, вырывают с корнем дерево, чтобы посадить кочан капусты. «Эти субъекты, — говорил он, — коверкают самые благие начинания и вызывают проклятия по адресу революции благодаря тем способам, каким они выполняют самые спасительные меры». Они явились в сад Жоржеля и пытались заставить последнего засадить весь сад только фасолью и картофелем. «Несомненно, — говорил Жоржель, — совет нисколько не намеревается ограничить культуру садов этими двумя овощами и исключить все прочие овощи и злаки, полезные в хозяйстве». Коммуна, выслушав эту жалобу, решила для предупреждения подобных злоупотреблений выпустить соответственную прокламацию, расклеить ее по городу и раздать ее во всех секциях.

Эта прокламация появилась через четыре дня, 21 вантоза (11 марта). Она составлена была в форме устава и содержала семь пунктов. Содержание ее сводит-

[1] Bibl. nat., Lb[41] 1744. В источниках не указывается день, когда была произнесена эта речь. Вероятно, она была произнесена в вантозе. — Муниципальный чиновник Жо, погибший 10 термидора вместе с Робеспьером, был родом из Реймса.

лось к следующему. Муниципалитеты производят перепись национальных земель и годных для возделывания брошенных земель. Списки их сообщаются во всеобщее сведение. В каждой секции образуется комитет земледелия из трех членов; он определяет участки под будущие коммунальные огороды, размежевывает их, он же заведует ими. На комитете лежит также контроль за частными участками, которые должны быть засеяны их собственниками». Список пустопорожних земель (национальных и прочих) каждой секции, — говорится в ст. 6, — вывешивается ко всеобщему сведению; каждый гражданин может обратиться в гражданский комитет секции и подписаться на площадь такого размера, которую он надеется обработать своими силами; эта площадь должна быть отдана ему за умеренную плату. Подписка закрывается 1 жерминаля». В интересах мелкого люда ст. 7 оговаривает, что заявки на площади более одного арпана удовлетворяются лишь в последний день.

На другой день Бреар поднял этот вопрос в Конвенте. Он внес предложение уполномочить Парижский департамент разбить сады при общественных зданиях под огороды. Против этого выступил Бурдон (из Уазы). «Эти сады,— заявил он,— усажены деревьями, прорезаны каналами; в них находятся предметы громадной ценности; садовые насаждения служат для украшения, ценность садов — в господствующем в них порядке. Засеять сады можно только на расстоянии 20 футов от стен; от превращения садов в огороды получится совсем мало продуктов... Комитет земледелия полагает, что в настоящее время, когда нехватает рабочих рук для полевых работ в деревне, не имеет смысла употреблять их на превращение садов в огороды — это будет стоить много труда, а даст минимальные результаты». Вопрос передан был на рассмотрение Комитету земледелия, который, в свою очередь, направил его в Комитет общественного спасения [1].

Парижский департамент, очевидно из соперничества с коммуной, обжаловал ее постановление относительно парков. Он указывал, что Комитет общественного спасения специально поручил ему возделывание этих участков [2]. Шометт согласился разгрузить коммуну в пользу департамента. Постановление от 21 вантоза было отменено.

Эбертисты, на которых взвалили ответственность за голод, уже находились в тюрьме. Шометту скоро пришлось последовать за ними на эшафот.

Заготовка мяса.

Усиливать производство хлеба, картофеля и овощей было необходимо, но вопрос о мясе тоже требовал всего внимания революционеров.

[1] Schmidt et Gerbaut, Le Comité d'Agriculture, t. III, p. 209

[2] Заседание коммуны от 26 вантоза.

Начиная с июня 1793 г., санкюлоты всюду жалуются, что высокие цены на мясо делают его недоступным малоимущим. 9 июня депутат Тюрио предложил назначить гражданский пост в течение всего августа месяца, «дабы за это время скот мог вырасти и размножиться».

Конвент не был еще подготовлен к таким крутым мерам общественного спасения. Предложение Тюрио было отложено. Эра ограничений началась позже; мы еще будем говорить о ней.

Парижанам, большим любителям мяса, предложение Тюрио было весьма не по вкусу. Наблюдатель Дютар повторил в своей секции предложение Тюрио и писал потом в своем рапорте от 24 июня: «Если бы я не сослался на авторитет Шометта, меня забросали бы каменьями при выходе» [1].

Раз не желали ограничений потребления, необходимо было увеличить производство. В плакате, расклеенном по Парижу в конце мая 1793 г., мясник Бриссе из секции Бонди требует издания следующего закона: «Каждый земледелец обязан кормить двух бычков с плуга, а если бычок околеет, хозяин его должен, сделав заявку в своем муниципалитете, заменить его другим; закон определит, в каком возрасте эти бычки должны быть проданы. Кроме того, должна быть назначена премия для тех частных лиц, которые, не подпадая под действие этого закона, добровольно последуют его предписаниям. В результате цены кожи, сала, говядины упадут, наши деньги вернутся внутрь страны, расцветет торговля и т. д.» [2].

27 брюмера Конвент, по докладу своего Комитета земледелия, принял декрет, запрещающий посылать на убой овец, не достигших четырех лет, и баранов моложе одного года; за нарушение этого декрета назначен был штраф в 25 ливров. Этот декрет обязывал овцеводов держать, по меньшей мере, одного барана на 40 овец. Скотоводам, вырастившим самые лучшие экземпляры баранов, обещаны были премии. Впоследствии Продовольственная комиссия издала ряд инструкций по охране и размножению скота: 17 жерминаля издана была инструкция о разведении свиней, 7 мессидора об овцеводстве, 25 мессидора о крупном рогатом скоте, 30 мессидора о дезинфекции конюшен. 4 фримера пастухам роздана была инструкция, написанная естествоиспытателем Добантоном, преемником Бюффона в Парижском зоологическом саду. Инструкцию 15 вантоза о перипневмонии у рогатого скота написал Шабер, директор ветеринарной школы в Альфоре. Циркуляр 9 вантоза посвящен был вопросу о размножении рогатого скота и т. д. [3].

Некоторые коммуны требовали более действительных мер. 15 прериаля в Конвент явилась депутация от Версальской коммуны; она требовала издания закона, запрещающего убой коров, могущих еще дать потомство, и свиней старше

[1] Schmidt, Tableaux de la Révolution, t. I, p. 17.

[2] Ibid., t. I, p. 354.

[3] Этот циркуляр, не замеченный Жоржем Бурженом, находится в коллекции Национальной библиотеки, Lb[41] 2185.

шести месяцев; депутация требовала также, чтобы новый закон обязал каждую коммуну воспитывать двух бычков и назначил премии успешным скотоводам.

В Тулузе для убоя теленка или свиньи требовалось разрешение городского продовольственного бюро [1].

Депутация от народного общества в Шамбери обратилась 15 фримера к управлению департамента Монблана с требованием объявить «прескрипцию собак, прожорливой расы, поедающей продовольствие бедняка». Неизвестно, было ли издано в Савойе постановление такого рода; но известно, что многие города вели войну против собак и кошек и устраивали гекатомбы из этих животных.

Дороги.

Недостаток продуктов проистекал не только от недостаточного производства их и повысившегося потребления (повышение потребления было результатом набора армий, отмены религиозного поста, роста потребностей); отчасти он объяснялся также плохим состоянием шоссейных и проселочных дорог, которые после революции содержали очень плохо. Один из агентов министра внутренних дел, Дианьер, посланный в Аллье, сообщает в своем рапорте от 28 июня 1793 г., что закон 6 октября 1791 г. не осуществляется и вообще не осуществим; этот закон возлагал ремонт дорог на коммуны совместно с землевладельцами. Вместо того, чтобы взимать с коммун дополнительные сборы для общественных работ, администрация округов предпочитала ничего не делать, чтобы не раздражать избирателей. В Алье проселочные дороги имели лишь ширину одной повозки. «Поэтому, — пишет Дианьер, — повозки едут всегда по одной и той же колее, очень портят эти дороги и в самом скором времени приведут их в совершенно негодное состояние, даже если бы эти дороги были хорошо построены».

Карно, вернувшись из своей миссии при пиренейской армии, заявил в Конвенте 12 января 1793 г.: «Трудно описать, в какое негодное состояние пришли дороги в большинстве тех мест, которые мы проехали, а именно в Дордони... местами экипажи и волы так застревают, что их невозможно вытащить... Дело дошло до того, что сообщение между кантонами оказывается невозможным».

Здесь тоже помочь должна была централизация. 16 фримера (16 декабря) 1793 г. Конвент постановил, что, начиная с 1 нивоза, все общественные работы должны производиться за счет республики, в том числе также поддержание дорог. Отныне шоссейные дороги и мосты перешли в ведение государства. Только проселочные дороги остались на попечении населения, «за исключением тех случаев, когда они оказываются необходимыми для обслуживания государственных интересов». На самый срочный ремонт — он должен был быть закончен к 15 жерми-

[1] Adher, Les subsistances à Toulouse, p. 129.

наля — ассигнован был кредит в 25 миллионов; в случае надобности разрешалось требовать для производства работ солдат. 10 плювиоза (29 января) 1794 г. был принят новый закон, разрешающий реквизировать людей и материал для ускорения работ. Комитет общественного спасения энергично следил за исполнением этих законов. 18 нивоза (7 января) 1794 г. он разрешил директориям департаментов реквизировать рабочих, повозки, лошадей, суда, оснастку, материалы, орудия и вообще все, что потребуется для скорого производства работ. Через несколько дней, 23 нивоза (12 января) 1794 г., Комитет назначил Пьера-Филибера Маре, бывшего администратора Дижонского дистрикта и брата будущего герцога Бассано, комиссаром по ремонту дорог в департаментах Северном, Соммы, Эны и Арденн и предоставил ему весьма обширные полномочия по отношению к местным властям.

Некоторые департаменты, например департамент Монблана, проявили большое усердие в поддержке этих начинаний Комитета общественного спасения. Эмиссары Конвента содействовали этому движению. В Дордони Ру-Фазильяк употреблял на дорожные работы рабочих из благотворительных мастерских. Его преемник Лакануаль объявил для этих работ трехдневную дорожную повинность (corvée). На эти работы должны были явиться все жители — мужчины от 15 до 35-летнего возраста с киркой и ломом, от 35 до 50 лет с лопатой, свыше 50 лет с молотком для дробления щебня, дети и женщины с корзинами для переноски материала. Эта повинность, названная Лакануалем праздником Равенства, продолжалась от 9 до 11 вантоза.

Монестье (из департамент Лозеры) пишет из Ажана в Комитет общественного спасения 30 жерминаля (19 апреля) 1794 г.: «Директория департамента Ло-и-Гаронны просила меня распорядиться о временном освобождении граждан-земледельцев от дорожных работ и замене их людьми без профессии, влачащими свою жизнь в праздности и лени. Я согласился на эту вторую меру. Постановление это в настоящий момент печатается, а исполнение его началось с сегодняшнего дня. Я распространил его также на департамент Ланд, который нуждается в интенсивном поддержании дорог ввиду беспрестанных транспортов для пиренейской армии» [1].

Закупки за границей.

Все эти меры, более или менее удачные, могли поднять продукцию сельского хозяйства только по прошествии некоторого времени. Но необходимо было жить. Комитет общественного спасения и Продовольственная комиссия старались закупить за границей столько провианта, сколько могли. Здесь тоже, как и в общественных работах, считали необходимой централизацию. Раньше отдельные города, приморские и пограничные департаменты часто посылали за границу своих предста-

[1] Aulard, Recueil, t. XII, p. 694.

вителей для производства закупок. Комитет общественного спасения запретил это. Все заграничные закупки он предоставил исключительно Продовольственной комиссии.

Изабо и Тальен, эмиссары Конвента в Бордо, собрали фонд для закупок зерна в Соединенных Штатах и северной Германии. Они известили Комитет письмом от 17 ноября 1793 г. о предстоящем отъезде их агентов; однако 18 ноября Комитет постановил запретить всем инстанциям, включая эмиссаров Конвента, закупки за границей и посылку за границу звонкой монеты «без предварительного одобрения Комитетом их проекта и соображений». Это имело целью устранить вредную конкуренцию между агентами различных инстанций, посланными в одно и то же время и в одну и ту же страну. Необходимо было согласовать закупки и не мешать мерам, предпринимаемым Продовольственной комиссией.

Эмиссары Конвента при итальянской армии продолжали закупать хлеб в Генуе и Тоскане через посредство подрядчика Галлера. Постановление Комитета общественного спасения от 27 плювиоза подчинило Галлера Продовольственной комиссии. Он должен был отчитываться перед агентами комиссии в Марселе и получать от них директивы.

Торговля с Левантом и Берберией находилась прежде в руках Африканской компании, которая заключала договоры с беями Алжира и Туниса и другими мусульманскими властителями. Комитет общественного спасения очень ловко откупил тайком Африканскую компанию, продолжая в то же время держать в Африке ее агентов, подчинив их Продовольственной комиссии, — это последнее желательно было для того, чтобы они попрежнему пользовались своими привилегиями в Берберии (постановление от 20 плювиоза — 8 февраля 1794 г.).

Трудно судить, какое количество зерна, скота, солонины и всякого рода сырьевых материалов было ввезено таким образом из-за границы. Но несомненно, этот ввоз был значителен.

Чтобы облегчить закупки в Швейцарии и Соединенных Штатах, Робеспьер провел в Конвенте знаменитый декрет от 23 брюмера, в котором республика обещала быть «грозной для врагов, благородной по отношению к своим союзникам и справедливой по отношению ко всем народам». Декрет поручал Комитету общественного спасения «искать пути для все большего упрочения уз союза и дружбы между Французской республикой, с одной стороны, и швейцарскими кантонами и Американскими Соединенными Штатами — с другой».

Состояние вексельного курса затрудняло для Франции платежи за границу. Для сокращения потерь на курсе Франция вывозила предметы роскоши, вина, шелк, произведения искусства, книги и расплачивалась за покупки векселями. 6 нивоза Комитет общественного спасения не остановился перед реквизицией иностранных ценностей французских банкиров. Постановление Продовольственной комиссии от 9 нивоза обязывало банкиров заявить сумму имеющихся у них

требований на заграницу, а также товары, которыми они обладают вне пределов Франции; кроме того, они обязаны были даже «указать имена граждан, которые, по их сведениям, имеют фонды и товары за границей». Одна группа банкиров представила 18 плювиоза на пятьдесят миллионов переводных векселей на заграницу. Несмотря на эти меры, Франции приходилось выплачивать за границу большие суммы золотом, в особенности в Соединенные Штаты. В значительной мере средства для этого дал захват церковных ценностей, произведенный после дехристианизации Франции, и плавка монет из церковной утвари [1].

Заключение.

Результаты всей этой кампании по усилению производства пищевых продуктов и по ввозу их из-за границы начали сказываться только в течение лета 1794 г. Большие поступления из-за границы прибыли лишь на несколько недель раньше сбора жатвы, причем урожай на сей раз выпал обильный. Но предварительно пришлось пережить тяжелый период, зиму 1793—1794 г. За этот период, когда был реорганизован общий максимум, главная проблема в борьбе с продовольственным кризисом заключалась не столько в производстве, сколько в распределении.

Приходилось довольствоваться теми продуктами, которые имелись внутри страны. Проблема заключалась в равномерном распределении их между различными областями и в каждой области между социальными классами и индивидуумами. Это была тяжелая задача, тем более, что она осложнялась грозным политическим кризисом и принудительными законами, изданными под давлением этого кризиса.

---

[1] См. в «Annales historiques de la Révolution française», t. II (1925), pp. 576 и сл. мою статью о церковных ценностях II года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РЕКВИЗИЦИИ ЗЕРНА.

По общему мнению того времени, продовольствие и в частности зерно имелось во Франции в достаточном количестве, но вся трудность заключалась в том, чтобы извлечь их из рук владельцев, которые прятали их из недоверия к бумажным деньгам или же также из ненависти к революции.

Для снабжения армий, городов и нуждающихся областей не оставалось другого средства, как произвести учет зерна и скота и доставлять их в центры потребления. Это было трудным делом, поскольку это должно было происходить принудительным путем; это было сложным делом, поскольку речь шла не только о реквизициях, но также о распределении и о нормировании потребления.

Хлеб играл тогда в народном питании еще более важную роль, чем в наше время. Он был основным предметом питания народа. Мы ограничимся в нашем изложении описанием реквизиций зерна.

Внесение арендной платы и налогов натурой.

В распоряжении государства находились многочисленные национальные имущества, главным образом имения эмигрантов. В ожидании продажи этих земель их продолжали сдавать в аренду. Естественно, что от арендаторов требовали вносить арендную плату натурой. По закону 5 сентября 1791 г. арендаторы национальных земель могли уплачивать арендную плату вместо продуктов также деньгами; в отмену этого закона издан был декрет 11 января 1793 г.; согласно этому декрету арендаторы, контракты которых предусматривали уплату арендной платы натурой, должны были вносить ее натурой в военные продовольственные склады. По декрету 5 июля 1793 г. весь хлеб, собираемый с земель эмигрантов, отдается в распоряжение управления департаментов. Когда учреждены были государственные зернохранилища законом 9 августа 1793 г., то предлагалось налогоплательщикам вносить свои налоги хлебом в эти национальные магазины. Декрет 23 августа 1793 г. о поголовном ополчении сделал это строго обязательным. Отныне все без исключения арендаторы национальных имуществ обязаны были

вносить свою арендную плату натурой; это распространялось также на тех арендаторов, в договорах которых не оговорена была уплата аренды натурой. Что касается налогоплательщиков-земледельцев, они тоже обязаны были вносить натурой все свои недоимки и две трети налога за 1793 г. Декрет 16 брюмера повторяет и уточняет это обязательство для арендаторов национальных имуществ; согласно этому декрету зерно, полученное в уплату аренды, поступает в распоряжение Продовольственной комиссии, а не — как прежде — в распоряжение местных властей. Это зерно было изъято из ведения окружной администрации. Отныне заведующие складами назначались и смещались Продовольственной комиссией.

Комиссия делала похвальные усилия, чтобы заполнить государственные зернохранилища за счет поступлений натурой от арендаторов национальных имуществ и от налогоплательщиков-земледельцев. Она разослала на сей предмет ряд циркуляров. Но, повидимому, эти призывы не увенчались большим успехом. В циркуляре от 3 жерминаля (23 мая) 1794 г. комиссия жалуется, что, несмотря на все ее циркуляры, государственные зернохранилища не были повсеместно организованы. Некоторые округа,— пишет она,— вообще не учредили у себя этих зернохранилищ «под предлогом, что не имеют хлеба для сдачи». Однако этот «предлог» был довольно серьезным аргументом. «Другие,— читаем мы далее в этом циркуляре,— назначили помещение для этого учреждения, но не позаботились выбрать заведующего им. Сведения, доставляемые в комиссию, не полны, не точны или ничего не говорят».

Зерно, поступающее от арендаторов и налогоплательщиков, немедленно шло в потребление. Его нехватало для пополнения зернохранилищ. Поэтому 18 нивоза Продовольственная комиссия предписала пополнять их реквизированным зерном.

Государственные зернохранилища в департаменте Дубса.

Даже в таких департаментах, как Дубс, где местные власти, казалось, старались выполнять предписания Парижа, государственные зернохранилища оказывались лишь фикцией, — во всяком случае вначале.

В этом департаменте эмиссар Конвента Бассаль распорядился 5 фримера, чтобы государственные зернохранилища пополнялись не только за счет взносов натурой от арендаторов и налогоплательщиков, но также за счет реквизиций у всех земледельцев; эти последние могли оставлять у себя только продовольствие на четыре месяца и семена для посева. Местные власти старались обойти это постановление. Вот что читаем мы в очерке операций департамента Дубса по продовольственному вопросу[1]: «В связи с предстоящим учреждением кантональных зернохранилищ богатые владельцы хлеба распространяли в деревнях тревожные слухи. Они ссылались на риск, связанный с издержками производства и содержания зернохранилищ; это

[1] Archives du Doubs, L 299.

было только предлогом. Наконец 28 фримера Безансонский дистрикт постановил в порядке меры общественной безопасности учредить зернохранилища в каждой коммуне его района, если только найдется для них помещение. Именно этого и желали владельцы зерна. Они знали, как трудно устроить эти зернохранилища, и рассчитывали, что таким образом зерно нового урожая останется у них. Департамент предвидел эту новую уловку жадности и эгоизма. Постановлением от 29 фримера он распространил меру, принятую Безансонским дистриктом, на пять других округов, но при этом подчеркивал, что «не годится оставлять хлеб в руках земледельцев или собственников и необходимо заранее приучить их не считать этот продукт их исключительной собственностью». Автор очерка, член департаментского управления, пытается взвалить ответственность за ошибку на дистрикты, в частности на Безансонский дистрикт. Он утверждает, что дистрикты оставили хлеб на руках у частных лиц, хотя постановление от 29 фримера категорически запрещало им это. «Они дали частным лицам возможность удовлетворить свою жадность, свою страсть к наживе и эгоизм и таким образом свели на-нет все меры, принятые департаментом». Другими словами, не было регулярных поступлений в государственные зернохранилища. Эти зернохранилища должны были быть устроены в каждой коммуне департамента Дубса, но не были устроены под предлогом недостатка помещений. Однако мы не видим, чтобы департамент принял какие-либо шаги и напомнил дистриктам об их обязанности. Правда, он оправдывается тем, что декрет 14 фримера о революционном правительстве отнял у него всякую власть над дистриктами. Следует заметить, что закон 9 августа предписывал обязательное устройство государственного зернохранилища в каждом дистрикте, а не в кантонах или коммунах. Эмиссары Конвента в департаменте Дубса — Бассаль и Лежен — не добились соблюдения этого закона. Доказательством, что этих зернохранилищ не существовало еще даже в начале 1794 г., может служить следующее: 22 нивоза Безансонский дистрикт повторяет свое прежнее постановление от 28 фримера и предписывает устройство зернохранилищ в каждой коммуне [1]. Фактически не существовало других государственных зернохранилищ кроме военных зерновых складов, которые просто были расширены. В Безансоне Бассаль 3 фримера распорядился превратить в военный зерновой склад оранжерею эмигранта Шиффле, находившуюся поблизости продуктового склада.

Законодательство о реквизициях.

Для полного уяснения того, как практиковались реквизиции хлеба и на какие трудности они наталкивались, необходимо остановиться на некоторых деталях законодательства о реквизициях.

Вначале, по закону 4 мая, вступившему в силу в конце июля 1793 г., реквизиции производились в принципе следующими инстанциями: директориями департаментов или дистриктов и муниципалитетами. Эти последние выступали в таком случае как исполнители приказов высших властей. Реквизиции имели целью лишь снабжение рынков; это соответствовало практике дореволюционного времени. Но мало-по-малу реквизиции перешли в руки эмиссаров Конвента, снабженных неограниченными полномочиями, будь то эмиссары внутри страны или при действующих армиях. Эти эмиссары предписывали реквизиции управлению департамента, а оно поручало исполнение их округам и муниципалитетам. Между реквизициями, исходившими от эмиссаров, и реквизициями, исходившими от администрации и муниципалитетов, была следующая разница: по первым зерно должно было обязательно вноситься в государственные зернохранилища, по вторым требовалось только доставить определенное его количество на рынок. Декрет 15 августа 1793 г. о снабжении Парижа продовольствием в ст. 1 определенно гласит, что народные представители или их заместители имеют право требовать в качестве реквизиций от землевладельцев или арендаторов по 4 квинтала хлеба с «плуга». Местные власти отвечали головой за проведение реквизиций. Декрет гласил далее, что фермеры, отказывающиеся или медлящие доставить реквизированное зерно, будут объявлены врагами общества и арестованы, а зерно их конфисковано.

Декрет 17 августа 1793 г. карает неправильные заявки десятью годами каторжных работ и конфискацией зерна.

Декрет 25 августа 1793 г., вотированный через день после постановления о поголовном ополчении, уполномочивает министра внутренних дел производить реквизиции в хлебных департаментах в пользу нуждающихся департаментов. Но министр внутренних дел Паре в циркуляре от 31 августа объявил, что не намерен воспользоваться этим правом, разве только в исключительных случаях, после полного исчерпания местных ресурсов. «Если, — говорится в циркуляре, — имеется хоть какая-либо возможность снабжения, отпадает необходимость требовать от Исполнительного совета реквизиции; коммуна не может считаться лишенной средств продовольствия, покуда последние имеются в дистрикте, точно так же не может считаться лишенным средств продовольствия и дистрикт, покуда в департаменте не исчерпано все зерно местного происхождения».

С этого момента реквизиции могли производиться тремя инстанциями: выборной администрацией, эмиссарами Конвента, министром внутренних дел.

Декрет 11 сентября, установивший максимум на зерно, расширил полномочия министра внутренних дел, специально возложив на него реквизиции по снабжению Парижа. Министр обязан был лишь согласовать порядок исполнения реквизиций с парижским муниципалитетом. Чтобы внести некоторый порядок в поток реквизиций, эмиссарам при армиях предложено было посылать министру копию их постановлений о реквизиции (ст. 23). Об эмиссарах в департаментах в декрете ничего не сказано. Некоторые из них сомневались поэтому, имеют ли они еще право производить реквизиции. Барер провел декрет 13 брюмера, который под-

[1] Archives du Doubs, L 562.

тверждал за ними это право и, кроме того, предоставлял им право захвата (préhension).

Когда была учреждена Продовольственная комиссия (в начале брюмера), к ней перешли полномочия министра внутренних дел.

Итак, реквизиции могли производиться тремя различными инстанциями: эмиссарами Конвента, Продовольственной комиссией, администрацией и муниципалитетами. Полномочия всех этих трех конкурирующих между собой инстанций не были строго разграничены [1]. Неудобства этой системы не замедлили дать себя знать и вызывали критику. Колло д'Эрбуа, в бытность свою эмиссаром Конвента в Лионе, писал 19 брюмера (9 ноября) 1793 г. Комитету общественного спасения: «Граждане коллеги, я уже сообщал вам об отчаянном положении продовольственного дела в этих местах. Я обратил внимание, что несогласованность реквизиций наших коллег вызывает наибольшую смуту. Вы декретировали (13 брюмера), что для поддержки своих реквизиций эмиссары могут прибегать к захвату. Это не даст тех благих результатов, которых вы ожидаете. Тот, кто находится поблизости, возьмет все, что реквизировано, затребовано другими. Часто это как раз тот, кто меньше нуждается, но, не считаясь с другими, предъявляет самые несоразмерные требования. Как быть, если его коллеги пошлют солдат для поддержки своих требований и своего права захвата, которое ведь принадлежит всем эмиссарам? Не боитесь ли вы, что *реквизиционная склока*, которая уже теперь в полном ходу в некоторых департаментах, превратится в настоящее сражение?.. Вот чем должна прежде всего заняться Продовольственная комиссия: целесообразным распределением того, чем можно располагать. Вы можете внести поправку к декрету, а именно: эмиссары вначале прибегают к захвату только четверти того количества, на которое могут простираться их реквизиции».

Рассуждения Колло д'Эрбуа о реквизиционной склоке, как он выражается, не лишены были оснований. Однако понадобилось, чтобы в том же духе выступили и другие эмиссары, пока Комитет общественного спасения решился принять соответствующие меры.

Так, напр., 27 брюмера (17 ноября) 1793 г. эмиссар Энгран пишет Конвенту из Пуатье: «В этом департаменте все было бы спокойно, если бы продовольственный вопрос не служил предлогом для всякого рода беспорядков и волнений. Три-четыре департамента получили разрешение на реквизиции в соседнем департаменте Виенны; эмиссары, давшие это разрешение, не были осведомлены о положении этого департамента; согласно описи его зернохранилищ, он имеет значительный недостаток продовольствия. Я считаю частичные реквизиции, за исключением тех, которые служат для снабжения наших армий, весьма опасным делом. Полагаю, что, за исключением случаев чрезвычайной необходимости, они должны производиться только на основе точной переписи всех запасов хлеба в республике. Быть может, следовало бы запретить декретом эти частичные реквизиции и постановить, что департаменты, нуждающиеся в хлебе, должны обращаться к особой комиссии, ведающей это дело, или к Временному исполнительному совету». Другими словами, Энгран желал централизовать все реквизиции в руках Продовольственной комиссии.

[1] Полномочия выборных властей были ограничены «их округом», но эмиссары имели неограниченные полномочия и пользовались ими, не согласуя свои действия между собой.

14 фримера Энгран снова приводит эти доводы. В конце концов они были услышаны. По докладу Продовольственной комиссии Комитет общественного спасения издал 7 нивоза (17 декабря) 1793 г. важное постановление: оно отграничивало *зоны снабжения каждой армии и назначало для каждой армии* определенные департаменты и дистрикты. Отныне военные реквизиции были введены в известные рамки. Только в случае полного отсутствия хлеба в своей зоне эмиссары при армиях могли производить реквизиции вне этой зоны, причем обязаны были в 24 часа предупредить об этом Комитет общественного спасения и Продовольственную комиссию. Таким путем надеялись избежать коллизий между реквизициями отдельных эмиссаров.

Чтобы ускорить проведение мер борьбы за прочность положения республики, закон 14 фримера о революционном правительстве изъял администрацию дистрикта из ведения департаментской администрации. Отныне дистрикты сносились непосредственно с центральной властью. Это сопряжено было с неудобствами. Гарнье (депутат от города Сент), будучи эмиссаром в Алансоне, пишет 11 нивоза Комитету общественного спасения, что дистрикты, в которых ощущается недостаток хлеба, лишены возможности обращаться к соседним дистриктам: «Эти различные инстанции не имеют власти одна над другой, не могут распространить своей власти из одной территории на другую. Департаментские управления считают, что не имеют больше права вмешиваться в этот важный вопрос. Закон как будто решительно запрещает это. В результате в департаментах, в которых нет эмиссаров Конвента, один дистрикт осужден на голодную смерть, тогда как соседний дистрикт имеет излишки, и все это потому, что нет высшей инстанции, которая могла бы притти на помощь и потребовать из одного дистрикта продовольствия для другого». Это указание Гарнье не осталось без последствий. Циркуляр Продовольственной комиссии от 18 нивоза восстановил факультативно компетенцию департамента, как промежуточной инстанции по реквизициям. Постановление Комитета общественного спасения от 3 нивоза уполномочило Продовольственную комиссию сноситься как с департаментами, так с дистриктами и обращаться со своими реквизициями как к одним, так и к другим.

Первоначально местные власти могли прибегать к реквизициям только на предмет снабжения рынков их района. Многие коммуны обходили реквизиции следующим образом: они основывали новые рынки, которые нарушали границы установленных районов и таким образом мешали работе администрации. Декрет

18 вандемьера (9 октября) 1793 г. отменил все созданные таким образом новые рынки и оставил только районы старых, дореволюционных рынков. Но районы некоторых рынков простирались на несколько дистриктов, а дистрикты имели право производить реквизиции только в пределах своей территории. Декрет 18 вандемьера положил конец этому: он разрешил дистриктам, в которых находится рынок, производить реквизиции во всем районе этого рынка, даже в той части этого района, которая не подлежала юрисдикции данного дистрикта.

Оставалась еще следующая трудность. В иных случаях недостаточно было реквизировать хлеб для снабжения рынков, необходимы были срочные реквизиции в пользу той или другой отдельной коммуны. Постановление Комитета общественного спасения от 18 нивоза (7 января) 1794 г. разрешило дистриктам «в случае крайней необходимости или ввиду отдаленности рынков» прибегать к прямым реквизициям в пользу нуждающихся коммун; размеры реквизиции не должны были превышать месячного снабжения, кроме того дистрикт должен был сообщить о ней в Продовольственную комиссию [1].

Сами обстоятельства заставили расширить роль Продовольственной комиссии; необходимо было внести порядок и единство в деятельность различных реквизирующих инстанций.

Вначале многие эмиссары ревниво относились к деятельности агентов комиссии [2]. Считаясь с этим, большой декрет 14 фримера обязал агентов Исполнительного совета и Продовольственной комиссии «подробно отчитываться перед эмиссарами Конвента, находящимися в тех же местах» (ст. 14 раздела III). Но мало-по-малу предубеждения сгладились, и некоторые эмиссары сами требовали от Комитета общественного спасения усилить полномочия комиссии. Этим комиссарам важнее был успех дела, нежели их полномочия. Так, напр., 14 плювиоза (2 февраля) 1794 г. Лефио пишет из Орлеана Комитету, что необходимо отдать все дело реквизиций в ведение Продовольственной комиссии. Без этого, — пишет он, — не будет согласованности в действиях, и всегда останется склока, тягостная для населения и опасная для общественного спокойствия. Это объяснение было совершенно правильно. 24 плювиоза (12 февраля) 1794 г. Конвент вотировал декрет, согласно которому право реквизиций и право захвата предоставлялось в принципе исключительно Продовольственной комиссии [3].

[1] Изоре, будучи эмиссаром в Северном департаменте, еще до издания этого постановления, прибегал к прямым реквизициям в пользу коммун. См. L e f e b v r e, Les subsistances dans le district de Bergues, t. I, p. LXI.

[2] Так, напр., Дюбуше писал 6 брюмера из Мо в Комитет общественного спасения, что желательно предоставить продовольственное дело только эмиссарам Конвента и отнять его у Исполнительного совета. Это писалось именно в тот момент, когда в Париже учреждалась Продовольственная комиссия.

[3] Этого декрета нет у Карона в его сборнике о хлебной торговле.

Согласно этому декрету эмиссары Конвента, желая произвести реквизицию, должны *предварительно* сообщать проекты своих распоряжений Комитету общественного спасения. Эти распоряжения могли вступить в силу только после одобрения их Комитетом. Только в особенно срочных случаях эмиссары могли обойтись без этого. Наконец, 27 жерминаля реквизиции были запрещены всем, кроме Продовольственной комиссии и эмиссаров Конвента при действующих армиях, причем требовалось специальное подтверждение со стороны Комитета общественного спасения. Это завершило централизацию реквизиций. Все нити сводились теперь к Продовольственной комиссии.

Мы познакомились с реквизирующими инстанциями и с развитием законодательства о реквизициях. Теперь посмотрим, как функционировала эта система на практике и каковы были различные способы ее применения.

Отмена семейного запаса.

Вначале, при режиме закона 11 сентября 1793 г., разрешалось реквизировать у земледельца только излишек урожая. Крестьянин имел право оставить у себя количество хлеба, достаточное для пропитания его семьи в течение года, кроме того — семена для посева. Однако это количество не было точно зафиксировано, и поэтому закон оставлял простор для произвольных оценок. Декрет 10 октября о революционном правительстве тоже гласит еще, что «количество необходимого (для каждого департамента) должно быть приблизительно вычислено и ему гарантировано»; только излишек подлежит реквизициям. На эту оговорку в законе всегда ссылались, чтобы затруднить реквизиции.

Когда положение стало критическим, Конвент отменил этот семейный запас специальным декретом от 25 брюмера. «Злонамеренные люди пытаются ввести народ в заблуждение и помешать снабжению рынков и циркуляции предназначенного для армий хлеба; под предлогом необходимости сохранить в каждой коммуне и каждом кантоне продовольствие на целый год они стараются, чтобы все продукты остались у частных собственников. А между тем многочисленные армии на наших границах и внутри страны требуют усиленного попечения и не позволяют считаться с будущими потребностями в другой части года... Со временем, благодаря постепенным перемещениям, хлеб вернется во все части республики, больше всего давшие на потребности армий и во временное распоряжение правительства. В каждом департаменте все имеющееся количество хлеба должно быть предоставлено для потребления в ожидании, что поступления, которые всегда должны происходить своевременно, пополнят недостаток и заменят те запасы, которые необходимы для обычного потребления жителей. Всякий поступок, ведущий к уменьшению местных продовольственных ресурсов, должен счи-

таться покушением на безопасность и спасение республики»... Декрет предоставлял безграничный простор реквизициям, и Продовольственная комиссия в своем циркуляре от 4 фримера имела основание выразиться, что он «превращает в общую собственность продовольственные запасы республики». «Отныне, — прибавляла она, — собственники-эгоисты не смогут уже хладнокровно подсчитывать свое будущее потребление, чтобы иметь предлог отказать своим братьям в пропитании в настоящем». На практике местные власти или эмиссары Конвента определяли в особых постановлениях то количество хлеба, которое временно оставляется каждому земледельцу. Так, напр., в округе Шомон постановлением от 11 прериала II года (30 мая 1794 г.) количество зерна и муки, которое каждый житель мог оставить у себя, сокращено было (считая с 4 прериала) до $37^1/_2$ фунтов; излишек предписывалось в течение пяти дней сдать в военный продовольственный склад в Шомоне — таким образом должна была быть произведена реквизиция 10 281 квинтала для снабжения мозельской армии. Вторым постановлением, от 15 прериала, запас, оставляемый для каждого жителя, увеличен был до $51^1/_2$ фунта [1].

Сопротивление реквизициям.

Все учреждения старого режима носили печать партикуляризма, веками население оставалось замкнутым в своей провинции и в своей касте, весь склад его ума создавался под влиянием привилегий и неравенства. Надо иметь в виду все это, чтобы понять всю неслыханную смелость такой меры, как реквизиции, и все трудности проведения ее в жизнь. В наше время законы с социалистическими тенденциями проходят в благоприятной атмосфере, ибо всеобщее голосование, равенство перед законом и фиском постепенно уничтожили или, по крайней мере, уменьшили зло эгоизма и замкнутости. В настоящее время население без особого сопротивления соглашается, ради общественного блага и обороны страны, на такие меры, которые наши предки сочли бы драконовыми. Теперь военные реквизиции уже не встречают сопротивления — или во всяком случае это бывает лишь в редких случаях. Население более или менее добровольно подчиняется правительственному контролю над производством и потреблением предметов первой необходимости. Кругозор человека расширился за рамки семьи и класса, за пределы своей колокольни и провинции; он охватывает всю нацию. Сколь различно было положение в тогдашнее время! Половина Франции мечтала о возвращении законного короля и более или менее тайно молилась за победу неприятеля. Каждый революционный закон наталкивался на глухое и упорное политическое противодействие. Это противодействие еще усиливалось, если могло опереться — как в данном случае — на личный интерес, на право

[1] Ch. Lorain, Les subsistances dans le district de Chaumont, t. I, pp. 681, 686.

собственности, на все тогдашнее индивидуалистическое и партикуляристское воспитание. Понятно, что переписи и реквизиции наталкивались на чрезвычайные трудности.

В департаменте Ионны,— читаем мы у Шарля Поре,— крестьяне нападали на комиссаров Продовольственной комиссии. «В коммуне Леньи назначена была реквизиция в пользу Куланж-сюр-Ионн. Эта реквизиция могла состояться лишь после того, как смещены были все муниципальные чиновники и в Леньи прибыл отряд из 50 национальных гвардейцев» [1]. «В Нойе (в апреле 1794 г.) комиссары, проводящие реквизицию, должны были взять для своей охраны отряд национальных гвардейцев; их встретила криком и гиканьем толпа из 200 женщин, собравшаяся у коммунального дома, а мэр отказался выдать национальным гвардейцам ордера на квартиры. В Тришэ делегаты коммуны Оксерр нашли зерно в бане; в Шатель-Жераре они нашли его в бочках, прикрытых бельем; в Шасиньеле один крестьянин прятал мешок с зерном за мебелью и даже в навозе, тщательно закрыв его ветками; коммуны Анси-ле-Либр, Аржантейль, Виро, Лезинн, Коммиссэ, Кюзи, Пимелль, Торей, Рюньи, Сен-Мартен, Шемильи, Артоннэ, Сеневуа и двадцать других всячески старались избежать реквизиции» [2]. 4 мая 1794 г. «разъяренная толпа напала на народное общество в Куланж-ла-Винез в его помещении и разогнала его; толпа открыла церковь и провела там часть ночи, распевая молитвы и призывая милость божью, причем все время звонила в колокола» [3] (незадолго перед этим часть посевов была уничтожена градом). 21 июня 1794 г. в деревушке Лож два крестьянина, братья Шаперон, вместо того, чтобы повиноваться закону, забаррикадировались в своей усадьбе, убили пять национальных гвардейцев и ранили 17; чтобы справиться с ними, пришлось поджечь их дом.

То же самое происходит в департаменте Верхней Марны [4]. 19 вантоза Шомонский дистрикт приказывает арестовать многих мэров и национальных агентов коммун, запоздавших с реквизициями. Аресты произошли через несколько дней. 7 жерминаля (27 марта) 1794 г. дистрикт отправляет в коммуну Мёр 4 бригады жандармерии и 50 национальных гвардейцев для производства реквизиций. Было арестовано 12 женщин, но впоследствии суд оправдал их. Сопротивление не прекращалось. Месяц спустя, 2 и 4 прериаля (21 и 23 мая) 1794 г., тот же дистрикт снова отдает приказ об аресте большого числа мэров и национальных агентов. Мэры были интернированы в Шомоне и должны были два раза в день являться на перекличку. Их держали в качестве заложников до окончания реквизиций. Наступает месяц мессидор, и снова приходится прибегать к вооруженной силе. Набранные из патриотов отряды национальных гвардейцев сопровождают комиссаров, произ-

[1] Ch. Porée, Les subsistances dans l'Yonne pendant la Révolution, p. LIV.
[2] Ibid., p. LXV.
[3] Ibid., p. LXVIII.
[4] Ch. Lorain, t. I, pp. 508, 510, 523, 559, 563, 565, 650, 673, 680.

водящих реквизиции, а сами эти комиссары выбираются из членов якобинского клуба и революционного комитета.

Не иначе обстояло дело в департаменте Эры. «В дистрикте Анделис,— пишет Эврар [1], — сопротивление усугубляется вооруженными скопищами крестьян и умышленной порчей урожая; здесь эти акты еще многочисленнее, чем вокруг Эврё: у мельников находят снопы, обмолоченные лишь наполовину, колосья срезаны в незрелом виде. Некоторые хозяева предпочитают разорять свои поля, нежели подчиниться приказам революционного правительства». Итак, сопротивление реквизициям носило не только экономический, но также ярко выраженный политический характер. Поэтому для правильного суждения о революционных законах никогда не следует упускать из виду этого политического момента. Эврар подчеркивает, что беспорядки в период максимума были здесь не столь сильны, как весной 1792 г. Скопища народа были реже и быстро разгонялись: «так, напр., в Бургтеруд, в Сен-Жорж-дю-Тейль, где бунтовщики, вооруженные дубинами, караулили всю ночь, выжидая отъезда повозок с провиантом, и угрожали национальному агенту». Повидимому, в департаменте Эры не пришлось прибегать к массовым арестам муниципальных агентов, как это имело место в департаменте Верхней Марны [2].

В Северном департаменте эмиссар Конвента Лоран приказывает 3 плювиоза (11 января) 1794 г. арестовать в непокорных деревнях мэров и национальных агентов. «Арестованы были 23 мэра. Впрочем, — говорит Лефевр [3], — достаточно было того страха, который внушало революционное правительство, чтобы заставить земледельца снабжать рынок. После первоначальных трудностей, вызвавших 16 нивоза сборища в Дюнкирхене, хлеб стал поступать довольно регулярно». Лефевр хорошо объясняет, почему в большинстве случаев оказывались неприменимыми суровые кары, которыми закон угрожал как административным органам, так и земледельцам. Декрет 15 брюмера предписывал подвергать аресту чинов администрации коммун, округов и департаментов, не доставивших в двухнедельный срок сведений об учете зерна. Декрет 14 фримера устанавливал для нерадивых и недобросовестных членов администрации и их агентов различные кары, начиная от лишения политических прав, продолжая конфискацией трети дохода и кончая принудительными работами. 18 жерминаля пришлось издать особый декрет и грозить в нем новыми карами чиновникам, останавливающим реквизиции. В общем, чем более суровые репрессии предписывает закон, тем он менее действителен. Лефевр наглядно показывает это. «Слишком велико,— говорит он,— было число

[1] «Bulletin de la commission d'histoire économique de la Révolution», 1909, p. 67 et suiv.

[2] Эврар приводит лишь арест мэра деревни Гаркур и двух членов генерального совета этой коммуны; арест был произведен по приказу эмиссара Сибло.

[3] Предисловие, p. LXIV.

непокорных земледельцев, чтобы можно было арестовать всех их. Что стало бы тогда с сельским хозяйством? Вот почему пришлось прибегнуть к средству, применявшемуся при старом режиме: в деревнях расквартировывали солдат. Коммунам с большими недоимками грозили, что пошлют им на постой отряды национальной гвардии; муниципалитеты должны были размещать солдат у непокорных хозяев; эти последние должны были кормить своих квартирантов, пока не сдадут предписанное количество зерна. Этот способ имел большие недостатки: он сопряжен был с большими расходами, не различал между виновными и жертвами. Солдаты на постое позволяли себе всякие бесчинства». Надо полагать, что все это имело место и в других департаментах.

На этот счет дают некоторые указания письма эмиссаров Конвента.

Гарнье из Сента пишет 11 нивоза из Алансона: «Реквизиции исполняются здесь с такой медлительностью, что скоро этот путь окажется недействительным для снабжения больших коммун. Муниципалитеты не слушаются приказов от дистрикта; если же они подчиняются им, то отдельные лица совсем отказываются повиноваться, и таким образом, звено за звеном, распадается вся цепь. Применение вооруженной силы является самым последним и самым нежелательным средством. Необходим принудительный закон с карами против злонамеренных граждан и эгоистов, отказывающихся выполнять реквизиции, причем необходимо издать его немедленно». Тот же эмиссар несколькими днями позже, 26 нивоза, жалуется на администрацию департамента Кальвадоса, проявившую злую волю при выполнении его реквизиций. Если бы не патриотизм Фалезского дистрикта, 30 000 жителей департамента Орны умерли бы с голоду. 1 плювиоза Гарнье сообщает, что в Сент-Илер-де-Бриуз произошел бунт при отправке хлеба. «Толпа жителей оказала сопротивление, и пришлось разгрузить провиант в указанном мною месте. Я послал туда 50 кавалеристов и приказал арестовать 45 человек наиболее виновных».

3 плювиоза (22 января) 1794 г. эмиссар Лефио пишет из Орлеана, что коммуны Бельвиль и Лере взяли в плен отряд национальных гвардейцев, посланный для проведения реквизиций. 11 плювиоза (30 января) 1794 г. Гимберто пишет из Тура, что послал гражданина Мога, комиссара Комитета общественного спасения, для предупреждения кровопролития между общинами Шато-Лавальер и Люд; «эти общины уже угрожали пойти с оружием в руках одна против другой и перерезать друг друга; спор между ними возгорелся из-за снабжения их рынков». Впрочем, порядок был скоро восстановлен.

В общем вооруженные сборища народа происходили редко, гораздо реже, чем в мартовский и ноябрьский кризисы 1792 г., когда еще не существовало максимума. Тогда в некоторых местностях вспыхнули настоящие восстания. При режиме террора я не нашел других беспорядков, кроме перечисленных выше. Большей частью противодействие реквизициям принимало форму пассивного

сопротивления. Однако следует признать, что это сопротивление особенно облегчалось нерадивостью, нежеланием и спорами между властями, которые должны были стоять на страже закона.

Роль эмиссаров Конвента.

После учреждения революционного правительства низшие власти, конечно, подверглись чистке со стороны эмиссаров Конвента. Однако сами эмиссары, на которых возложена была эта чистка, не всегда проявляли особенное усердие при исполнении приказов Комитета общественного спасения и постановлений Продовольственной комиссии. Некоторые из них не столь имеют в виду интересы общественного блага, сколько стараются заслужить популярность среди местного населения. Таковы, несомненно, были Бассаль, работавший в департаменте Дубса, и Прост, который вскоре оказался его преемником в Юре и Дубсе. 5 фримера Бассаль издает приказ, что земледельцы могут оставлять у себя провиант только на 4 месяца, а все остальное должны сдать в государственные зернохранилища. Однако он не проявил никакой энергии для приведения в исполнение своего распоряжения, оно осталось только на бумаге. Когда Бассаль вернулся в Конвент, местные власти обращаются к нему с просьбой добиться смягчения или отмены назначенных у них реквизиций; эти реквизиции назначены были для снабжения армий и соседних департаментов Мон-Террибля и Верхнего Рейна [1]. Несколько позже, в прериале, департамент Дубса обращается к тем же Бассалю и Просту с просьбой о зерне [2].

Число эмиссаров, становившихся таким образом на сторону населения, было, несомненно, больше, чем можно было бы предполагать. Так поступал также Робеспьер младший в бытность свою эмиссаром во Франш-Конте в плювиозе II года. Принимая во внимание, что в ряде деревень Люксейльского дистрикта жители вынуждены были питаться овсяным хлебом, он отменил 16 плювиоза реквизицию, назначенную в этом округе в пользу департамента Вогез [3].

Центральная продовольственная комиссия не всегда встречала со стороны эмиссаров поддержку в своей тяжелой работе. Они нередко критиковали ее действия и бросали ей палки в колеса, защищая против нее местные интересы. 9 нивоза (29 декабря) 1793 г. Лоран выступил в Комитете общественного спасения с нападками на Продовольственную комиссию; он заявил, что она надавала обещаний, но ничего не посылает. Эта комиссия, как выражался он, стремится поставить эмиссаров Конвента под свой иезуитский контроль. 7 нивоза с подобными же жалобами выступает Гарнье из Сента, эмиссар в Алансоне, и др.

[1] См. в архивах Дубса, L 623, письма Клода-Игнаса Дормуа, посланного с поручением от департамента в Париж, от 6 и 7 нивоза II года.

[2] Там же, L 619. Письма Проста от 13 и 14 прериаля II года.

[3] См. приказы Робеспьера младшего в «Annales révolutionnaires» за январь 1916 г., стр. 88.

Посредничество Комитета общественного спасения.

Местные власти пользовались антагонизмом между Продовольственной комиссией и эмиссарами Конвента, чтобы не исполнять реквизиций. Возникают беспрестанные конфликты между дистриктами, в которых назначены реквизиции, и дистриктами, для которых они назначены. Вследствие слабости или пособничества эмиссаров Комитет общественного спасения часто вынужден вмешиваться и выступать в роли посредника и судьи.

На департамент Шеры наложены были четыре различные реквизиции: одна — эмиссаром Мором в размере 1 500 квинталов в пользу дистрикта Сен-Фаржо в департаменте Ионны; другая—эмиссаром Ришаром в размере 2 000 квинталов для западной армии; третья — эмиссаром Фуше в пользу дистриктов Серильи и Монлюсон и четвертая — тем же Фуше в пользу дистриктов Шарите и Невер. Департамент апеллировал к Продовольственной комиссии, и Комитет общественного спасения вынес 3 фримера (23 ноября) 1793 г. следующее решение: 1) назначенная Ришаром реквизиция для западной армии должна быть немедленно исполнена; 2) все остальные реквизиции приостанавливаются под условием, что местные власти в департаментах Ионны и Аллье должны в точности установить их продовольственное положение и совместно с властями Ниверского департамента в точности указать те коммуны Шерского департамента, которые обычно поставляли свой хлеб на рынки обоих этих департаментов».

Приведем еще один пример такого посредничества. Фуше и Жавог разрешили округу Серильи (в департаменте Аллье) закупить зерно в соседних департаментах и даже не на рынках; это противоречило закону 11 сентября. Дистрикт Бельвю-ле-Бен (Бурбон-Ланси) немедленно опротестовал это, и Комитет общественного спасения, по докладу Продовольственной комиссии, аннулировал реквизиции, назначенные Жавогом и Фуше (постановление от 4 нивоза, т. е. 24 декабря 1793 г.).

В этом особом случае Комитет общественного спасения удовлетворил требование местных властей. Но гораздо чаще он вынужден был вмешиваться с тем, чтобы приводить их к повиновению. В дистрикте Бернэ Продовольственная комиссия назначила реквизицию 4 000 квинталов хлеба в пользу дистрикта Мортань в департаменте Орны. Управление дистрикта снизило эту цифру до 200 квинталов. 21 нивоза Комитет общественного спасения строго призывает его к порядку и упрекает его, что он ставит на карту интересы республики и жизнь граждан [1]. В некоторых сложных случаях Комитет общественного спасения посылал на места следователей.

[1] См. другие постановления того же характера от 7 жерминаля в сборнике О л а р а.

Так, напр., 29 вантоза он посылает эмиссара Бо в департамент Тарна исследовать причины, по которым дистрикты этого департамента отказываются исполнять наложенные на них реквизиции.

Результаты.

Мы проследили, как законодательство постепенно перешло к системе реквизиций и какие трудности эти последние встречали на практике; эти трудности проистекали от разногласий между реквизирующими инстанциями и от сопротивления населения, возбуждаемого подпольной агитацией противников режима, тогдашними пораженцами. Нам кажется, что из этого анализа можно сделать следующие общие выводы:

1. Вначале система реквизиций функционирует различно в различных местностях. Эмиссары Конвента нередко проводили свою особую продовольственную политику. Лишь постепенно, благодаря энергии Комитета общественного спасения и Продовольственной комиссии, установилось некоторое единство, и централизация воплотила законы в жизнь.

2. Можно было бы думать, что повсеместное проведение системы реквизиций должно было совершенно уничтожить свободу хлебной торговли. В особенности этого можно было ожидать после принятия закона 25 брюмера, отменившего семейный запас и таким образом сделавшего весь хлебный фонд республики общим достоянием, а также после постановления Комитета общественного спасения от 18 нивоза, которое разрешило непосредственные реквизиции одних коммун у других. Некоторые авторы, действительно, поверили этому. Лефевр пишет, что постановление 18 нивоза «уничтожало почти все легальные пути хлебной торговли, так как вводило прямое снабжение больших городов. Никогда, — прибавляет он, — хлебная торговля не была так близка к переходу в государственную монополию»[1]. Я замечаю, однако, что через месяц после издания разбираемого постановления управление Безансонского дистрикта подтверждает сделку, заключенную его комиссарами с одним крупным негоциантом из Сен-Сена в Кот-д'Оре, по имени Фуссар; этот последний обязался поставить в государственные зернохранилища Безансона 1 000 квинталов зерна по ценам максимума с надбавкой в 6 ливров на квинтал за транспорт и комиссионные[2]. Итак, свободная торговля все еще продолжала существовать. Этот любопытный факт показывает также, что сама администрация поощряла эту торговлю и извлекала из нее пользу. Впрочем, надо полагать, что свободная торговля могла держаться только, поскольку она приходила на помощь администрации в ее затруднительном положении.

[1] «Les subsistances dans le district de Bergues», p. LXII.

[2] Archives du Doubs, L 562.

3. Поскольку мне известно, ни один текст в законах не говорит о реквизициях в пользу частных лиц. Впрочем, я нашел в архивах немало административных постановлений, в которых говорится о реквизициях для прокормления рабочих в военных предприятиях, а также для снабжения почтмейстеров и содержателей постоялых дворов. Так, напр., в числе сотни прочих приказов Безансонский дистрикт 14 плювиоза постановляет произвести реквизицию зерна в пользу рабочих кузниц Монклэ. В «Annales révolutionnaires» за октябрь — декабрь 1914 г. я напечатал любопытный приказ Робеспьера младшего от 24 плювиоза; в нем идет речь о снабжении постоялых дворов в департаменте Верхней Соны путем реквизиций.

4. Что касается результатов всей системы, то, конечно, не трудно выхватить несколько изолированных фактов, имевших место в разное время, и по примеру Тэна нарисовать мрачную картину и заявлять, что система регламентации обанкротилась и не только не спасла Францию от голода, а, напротив, лишь увеличила нужду. Я очень высокого мнения об ученых исследованиях моего выдающегося коллеги Марселя Мариона. Однако я полагаю, что его суровая оценка экономической деятельности Конвента не беспристрастна. В своей статье в «Correspondant» он пишет: «Тальен свидетельствует, что жители Бек д'Амбе, бывшей Жиронды, вынуждены были питаться четвертью фунта плохого хлеба в сутки, причем часто не было и этого количества»[1]. Это, конечно, так, но М. Марион должен был бы доказать, что до введения максимума и регламентации, которые он считает источником всех зол, положение в этом департаменте было лучше. Нет, оно нисколько не было лучше. М. Марион должен был бы также заметить, что в цитируемом им письме Тальена[2] последний требует помощи Комитета общественного спасения и поэтому рисует положение слишком мрачными красками, преувеличивает. А главное, — чтобы быть беспристрастным и справедливым, Мариону не следовало забывать следующее: тот же Тальен, в письме от 20 нивоза (9 января 1794 г.), тоже помеченном из Бордо, пишет: «Как вы знаете, продовольственный вопрос причинял нам большие заботы; но теперь у нас начинает ощущаться обилие продовольствия. Все департаменты приходят нам на помощь; в особенности отличились в этом отношении департаменты Ле-и-Гаронны, Виенны и Де-Севр: они поспешили поделиться с нами даже тем, что им самим необходимо»[3].

Марсель Марион цитирует письмо Буассе от 30 плювиоза, где говорится, что в департаментах Лозеры и Авейрон жители вынуждены питаться жолудями[4]. Но эта цитата взята не из самого текста письма; она является резюме, результатом

[1] «Correspondant» от 25 января 1916 г. См. также его очерк в «Revue des Etudes historiques», июль — сентябрь 1917 г.

[2] Письмо от 25 плювиоза. Aulard, t. XI, p. 123—129.

[3] Ibid., t. X, pp. 145—146.

[4] Ibid., t. XI, p. 265.

анализа, правильность которого, возможно, не бесспорна. Наконец, М. Мариону должно быть известно, что в этих южных департаментах еще до того, как зашла речь о введении максимума и реквизиций, был голод и жители питались жолудями и травами.

Точно так же и другое утверждение М. Мариона взято не из самого текста письма Гарнье из Сента [1], а является уже результатом анализа. М. Марион утверждает, что в департаменте Орны в месяце нивозе II года «ряд лиц умерли от голода, а другие питались травой и отрубями». Здесь тоже следовало бы прибавить, что Гарнье из Сента жалуется на неисполнение реквизиций, предписанных им департаменту Кальвадоса, и поэтому сгущает краски, дабы добиться помощи от Комитета общественного спасения.

В упомянутой статье в «Correspondant» М. Марион постоянно называет народ, который вызывает у него столько сожаления, чернью. Это тоже не способно внушить доверие к его обобщениям.

В статье, помещенной в «Revue des Etudes historiques», он пишет: «В департаменте Эндры население питалось хлебом, выпеченным из жолудей, овса и овощей» [2]. А между тем в письме Мишо от 3 плювиоза [3], на которое сылается М. Марион, сказано лишь следующее: «Согласно точным данным, представленным мне агентом Продовольственной комиссии, недостаток продовольствия носит здесь весьма тревожный характер; ибо здесь с трудом найдется несколько коммун, которые в состоянии доставлять продукты другим, нуждающимся в них коммунам; в этих последних нужда дошла уже до такой степени, что в последнее время жители стали примешивать в свой хлеб известное количество овса и овощей». О жолудях, как видим, вовсе не идет речь. Сказано лишь, что в некоторых коммунах, да и то только в последнее время, подмешивают к хлебу овес и овощи. Это вовсе не значит питаться «хлебом, выпеченным из жолудей, овса и овощей».

Не будем продолжать этого спора. Факты, на которые ссылается М. Марион, являются исключением. Они преувеличены либо М. Марионом, либо лицами, которых он цитирует; эти последние были заинтересованы в том, чтобы разжалобить Комитет общественного спасения и получить от него помощь.

Из переписки комиссаров Конвента, а также из других изученных мною источников я вынес совсем другое впечатление, нежели М. Марион. Если в некоторых областях реквизиции зерна производились ценой больших трудностей, то они все же производились и в широкой мере достигали своей цели — снабжения городов и армий. Если местами происходили беспорядки, то они были гораздо менее серьезными и частыми, чем в предыдущий период, когда еще существовала свобода

[1] Aulard, t. IX, p. 703.

[2] «Revue des Etudes historiques», июль — сентябрь 1917, p. 347.

[3] Aulard, t. X, p. 447.

торговли. Их нельзя и сравнить с теми громадными вооруженными скопищами, которые весной и осенью 1792 г. грабили в Босе и Вилуа. Если, несмотря на все, имелись случаи катастрофического недостатка продовольствия, они носили местный и временный характер. Им умели немедленно положить конец.

Противники максимума должны для оправдания своей точки зрения доказать, что Конвент и Комитет общественного спасения могли бы при тогдашних обстоятельствах избежать политики твердых цен и регламентации. Однако они не доказывают этого. Эта политика диктовалась политической необходимостью и соображениями государственной обороны; они навязали ее тогдашним государственным деятелям, которые были столь же ярыми сторонниками экономического либерализма, как, быть может, сам М. Марион. Раз у них не было другого выхода, то можно ли упрекать их в том, что они спасли Францию, отказавшись от своих теоретических идей? Они находились в безвыходном положении. Не следует ли, напротив, воздать им должное за то, что они умели учиться на уроках действительности? Вместе с Лефевром я полагаю, что объективный анализ фактов заставляет притти к следующему выводу: «правительство Робеспьера, — выражаясь его словами, — спасло рабочую Францию от голода».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ.

Борьба с голодом не ограничивалась мерами по усилению сельскохозяйственного производства, как то: обязательное возделывание брошенных земель, осушение прудов, раздача семян. и мерами для обеспечения распределения продуктов в общих интересах, как то: реквизиции и репрессии против укрывателей. Это сопровождалось системой регламентации и ограничения потребления, менее суровой и с. стематичной. Но в общем эта с:стема была аналогична той системе, которую нам пришлось постепенно вводить во время последней войны.

«Хлеб равенства».

В некоторых городах уже в скором времени запрещено было из соображений экономии выпекать дорогие сорта хлеба. Пекари должны были смешивать все сорта муки и печь только один сорт хлеба — так называемый «хлеб равенства».

Конвент распространил эти местные и временные меры на всю Францию. Декрет 25 брюмера предписывал единообразный помол. Мукомолам запрещено было извлекать из всех родов зерна более 15 фунтов отрубей на квинтал. На том же заседании было постановлено, что солдатский хлеб на 25% должен выпекаться из ржи и ячменя.

В Париже перешли к единому помолу еще до издания закона. 11 брюмера революционный комитет секции Обсерватории постановил наложить печати на сита у пекарей, дабы последние не имели возможности просевать выдаваемую им муку и выпекать тайком сдобный хлеб [1].

В больших центрах эмиссары Конвента следили за исполнением закона о помоле. В Бордо Изабо и Тальен «узнали, что в городе выпекается хлеб различных сортов; так как это противоречит духу равенства между всеми гражданами и принимая во внимание, что — в особенности во времена нужды — не следует являть бедняку зрелище богатого эгоиста, уписывающего белый хлеб, тогда как

[1] Archives nationales, дела секции, F⁷ 2514.

бедняк вынужден питаться хлебом более низкого качества», они постановили 23 фримера, что в коммуне должен выпекаться «только один сорт хлеба, на вкус совершенно подобный тому, проба которого была представлена продовольственным комитетом»; пекари, нарушающие это постановление, подлежали суду военной комиссии как плохие граждане. Чтобы подать другим пример, эмиссары объявили, что у них и у всех государственных чиновников будет подаваться к столу только этот гражданский, общеобязательный хлеб.

Колло д'Эрбуа и Фуше ввели в Лионе хлеб равенства в месяце брюмере; 3 фримера Шометт ссылается на их пример. Парижская коммуна последовала этому примеру.

Однако надо полагать, что, несмотря на все рвение эмиссаров и революционных комитетов, продолжалась выпечка запрещенных сортов хлеба. Ибо 23 плювиоза (11 февраля) 1794 г. Комитет общественного спасения, по докладу Продовольственной комиссии, должен был издать строгое постановление, запрещающее мельникам, пекарям, кондитерам и прочим гражданам держать у себя запрещенные сита; согласно этому постановлению муниципальные власти могли производить обыски, чтобы найти эти сита, а ослушники закона объявлялись подозрительными и подлежали аресту вплоть до заключения мира.

Дело не ограничилось запретом дорогих сортов хлеба. Ряд городов запретил у себя также пирожные. Мы видим это в Уазе, Нойоне, Три-Шато, Бовэ [1]. Правда, нередко все ограничивалось изданием запрета, а проведение последнего в жизнь хромало. В Бовэ булочники оказывали упорное сопротивление. В Три-Шато муниципалитет запрещает одному гражданину торговлю сдобным товаром «на том основании, что он лишает граждан коммуны яиц и масла, употребляя их в слишком большом количестве». В Безансоне толковали постановление от 23 плювиоза как полный запрет кондитерского товара. В других местах, напр. в Алансоне, подмешивали в тесто картофельную муку. Алансонский пекарь Готье, ухитрившийся выпечь хлеб из картофеля, удостоился поздравлений со стороны муниципалитета; это было 2-го числа второго месяца. Ему предложили немедленно сообщить секрет этого производства шестидесяти гражданам [2].

Во многих местностях подверглась строгой регламентации торговля крахмалом и пивом; эта регламентация преследовала цель ограничить употребление ржи и ячменя на эти производства. Но, по всем видимостям, эти меры носили только местный характер.

Хлебная карточка.

Несмотря на все это, продовольственные трудности не прекращались. Булочники оказывали предпочтение одним клиентам перед другими: одни клиенты

[1] См. статью Домманже в «Annales révolutionnaires», 1917, t. IX, pp. 107—110.

[2] Mourlot, Documents économiques sur le canton d'Alençon.

получали больше хлеба, чем другие. Необходимо было воспрепятствовать этому. Так возникла идея хлебной карточки. Эта мысль впервые зародилась в Париже, в секции Гро-Кайу в начале августа 1793 г. «Здесь, — говорит «Feuille du s lut public» от 9 августа, — каждый гражданин заявляет комитету свое имя, местожительство и число едоков на его иждивении; все это заносится на выдаваемую ему карточку. По предъявлении этой карточки булочник его округа без затруднения выдает необходимое ему количество хлеба. На карточке имеются приметы данного гражданина». Газета предлагала взять пример с «разумных мер», введенных секцией Гро-Кайу. С введением хлебной карточки,— писала она,— прекратятся хвосты перед булочными, наряды полиции, недовольство публики. Хлебная карточка окончательно усовершенствует распределение; равенство получит плоть и кровь, будет проведено на деле просто и легко. Благодаря хлебной карточке администрация в точности осведомлена о размере потребностей в своем районе, может соответственно с этим распределять муку и иметь постоянный надзор за пекарями. Этим объясняется, что хлебная карточка так быстро распространилась.

Секция Круа-Руж (квартал св. Фомы Аквинского) последовала примеру секции Гро-Кайу, но при этом внесла и свое, новое. «Каждая семья, — говорится в постановлении этой секции, — получает карточку с печатью секции и за подписью капитана округа; представитель семьи тоже дает свою подпись. Каждому капитану [sic!] делается заявка, какое число хлебов каждое хозяйство его роты может потребить за день. На карточке отмечены все дни месяца, а также количество хлебов, подлежащих ежедневно выдаче. Булочник, производящий выдачу, зачеркивает соответственные цифры». В секции Гро-Кайу хлебные карточки выдавались гражданским комитетом секции, наподобие бюро наших мэрий; в секции Круа-Руж гражданский комитет передал это особым, новым чиновникам, получившим название капитанов. Каждый капитан имел надзор за своей пекарней и ее клиентами.

В конце октября в Париже велась сильная агитация среди населения, так как становилось все труднее получить хлеб. В якобинском клубе Гиро предложил распространить хлебные карточки, до сих пор ограничивавшиеся только несколькими секциями, на весь Париж. «Когда будет введена хлебная карточка, — говорил Гиро, — никто не сможет обращаться не к своему булочнику или требовать хлеб вторично. Не будет больше толп у булочных, так как каждому будет обеспечен его хлеб. Злонамеренные лишены будут возможности притеснять матерей семейств, иногородние — возможности увозить хлеб из Парижа. Не будет больше штыков у дверей булочных и караулов у застав — они окажутся ненужными».

Два дня спустя, 8 брюмера (29 октября) 1793 г., коммуна, следуя указанию якобинцев, ввела муниципальную хлебную карточку. Все главы семейств и квартиранты должны были сделать заявку о количестве необходимого им хлеба. Сообразно с этими заявками определялась ежедневная выпечка каждой пекарни.

«Сделавшим заявку, — говорится в постановлении коммуны, — выдается карточка, на которой занесены все дни месяца (карточка выдается только на один месяц) и заявленное ими количество хлеба. Они выбирают себе своего булочника и при каждой выдаче хлеба оставляют у него соответствующий купон. Эти купоны служат оправдательным документом для булочников, удостоверяющим употребление муки, распределенной накануне в здании Рынка. Булочники, нарушившие это постановление, караются штрафом в 50 ливров, а в случае рецидива их объявляют подозрительными и поступают с ними соответствующим образом». На печатание карточек и раздачу их ушло два месяца. Лишь к концу декабря они стали функционировать во всех кварталах Парижа, к великому удовлетворению населения [1]. Булочники были менее довольны.

Многие города последовали примеру столицы и ввели у себя хлебную карточку, не будучи принуждены к этому актом центральной власти.

В Бовэ муниципалитет ввел хлебную карточку 3 плювиоза (22 января) 1794 г. Как сообщает Домманже, она отличалась от парижской карточки в двух отношениях: купоны ее не были обязательно приурочены к известному сроку, неделе или месяцу, кроме того на них указано было имя булочника и число едоков. Клиент должен был представлять булочнику всю карточку и булочник сам отрезывал купоны [2].

В Оксерре хлебная карточка была введена в нивозе II года, т. е. приблизительно в то же время, что и в Париже. Она мало отличалась от карточки в Бовэ. «Каждая семья, — говорит Шарль Поре [3], — получила карточку, на которой было занесено ее местожительство, секция и квартал, откуда она получала хлеб, а также число членов семьи. На этой карточке булочник или комиссар, ведающий распределением, отмечал каждую выдачу хлеба. Хлеб можно было получать только у булочника своего квартала и только за боны, получаемые за деньги у особого комиссара. Эти комиссары выбирались согражданами и не могли отказаться от павшего на них выбора; они имели у себя список жителей их квартала, получали от бюро матрикул сведения о новорожденных и умерших и таким образом были в курсе изменений, происшедших в составе населения их района. Временно прибывшие должны были являться в продовольственную комиссию и получали от нее специальные хлебные боны». Эта продовольственная комиссия отличалась тем, что состояла не из чиновников, а из выборных лиц, из граждан, выбираемых из всех классов общества. Заседания ее происходили по вечерам, дабы дать возможность участвовать в них ее членам-санкюлотам. «Здесь рабочий сидел рядом с юристом.

[1] См. рапорты «наблюдателей» за настроением общества, приведенные у P. Caron, Paris pendant la Terreur.

[2] См. рапорт наблюдателя Латур-ля-Монтаня от 2 нивоза (Archives nationales, F⁷ 3683).

[3] Ch. Porée, Les subsistances dans l'Yonne pendant la Révolution, p. LV.

Гражданский долг обязывал каждого из них, — говорит Ш. Поре, — отдать часть своего времени и труда на общественное дело». Демократия была в то время живым и волнующим делом, а не просто бюрократией, венчающейся ораторскими излияниями.

Город Мамер был разделен на 12 кварталов; каждый квартал имел своего официального булочника, который отпускал хлеб только по бонам муниципалитета [1].

В Безансоне и — надо полагать — также в других городах хлебная карточка не была обязательной для всех жителей, вводилась только для нуждающихся и бедных граждан. Согласно переписи, произведенной в августе 1793 г., Безансон имел тогда 25 328 жителей. Большинство горожан выпекали еще хлеб из муки, полученной ими из своего зерна; у них были поля, которые они сами обрабатывали. Поэтому хлебные карточки были введены не для всех жителей, а только для тех, которые покупали хлеб у булочников. 26-го числа первого месяца (17 октября 1793 г.) муниципалитет регламентировал торговлю хлебом. «Частные лица, уличенные в том, что покупали хлеб у булочников, несмотря на то, что имели свое зерно или муку, подлежали штрафу не ниже 20 ливров, а зерно и мука их конфисковались в пользу донесшего на них».

Через несколько дней, 14 брюмера (3 ноября) 1793 г., муниципалитет издал новое, более точное постановление, вводившее хлебную карточку. «Необходимо воспрепятствовать тому, чтобы богатые граждане, могущие иметь свой хлеб, получали его у булочников. Для этого будет произведена перепись семейств, имеющих право получать хлеб у булочников. Для производства этой переписи генеральный совет коммуны назначает для каждой секции особых комиссаров. Гражданам, за которыми будет признано право получать хлеб у булочников, выдаются особые карточки. На этих карточках обозначается, какое количество хлеба должно отпускаться им. Булочники отпускают хлеб только по предъявлению карточки».

Перепись тянулась слишком долго. Безансонские якобинцы были раздражены этим и наседали на муниципалитет. 13 фримера они жалуются ему на плохое качество хлеба у булочников и предлагают целый ряд мер. Муниципалитет согласен и немедленно превращает их проекты в муниципальный устав; при этом он поручает якобинцам участвовать в проведении этих мер. Этот документ чрезвычайно любопытен, мы приводим его главнейшие пункты:

«Повсюду раздаются жалобы на плохое качество хлеба у булочников. Подозревают даже, что некоторые булочники не употребляют всю полученную ими от муниципалитета муку на общественные нужды... Что касается качества хлеба, то жалобы вполне обоснованы. Необходимо принять крайние меры, чтобы обеспечить гражданам хороший и питательный хлеб, *единственное питание народа при его тяжелом труде*. С другой стороны, если сообщенные нам подозрения имели какое-либо основание, то необходимо обратить серьезное внимание на виновных. Горе индивидууму, кто бы он ни был, который пытается отнимать питание у народа в тот момент, когда последний терпит все бедствия, неизбежные при великой революции!

[1] G. Fleury, La Révolution à Mamers, t. II, p. 23.

«Исходя из этих соображений, мы — мэр и чиновники коммуны — постановили следующее:

«I. Полицейские комиссары должны немедленно представить в муниципалитет составленные ими контрольные списки всех жителей их секции.

«II. На основании этих списков, а также справок, собранных муниципалитетом относительно продовольственного положения каждого жителя, составляется перечень лиц, имеющих право на получение хлеба у булочников.

«III. Гражданам, вошедшим в этот список, выдается хлебная карточка. Булочники обязаны отпускать хлеб только предъявителям такой карточки.

«IV. Эта карточка содержит имя того лица, которому она выдана, количество хлеба, необходимого для пропитания его и его семьи, и имя и адрес булочника, к которому он должен обращаться за хлебом.

«V. Народное общество коммуны назначает из своей среды шестьдесят комиссаров, которые ежедневно отправляются в указанные им хлебопекарни.

«VI. Они контролируют выпечку хлеба и раздачу его гражданам, ведут также точную запись ежедневных выдач хлеба у булочников; это последнее должно облегчить контроль над тем, употребляют ли пекари все зерно, выданное им муниципалитетом.

«VII. Каждое утро полицейские комиссары приносят в ратушу по хлебу от каждого пекаря их секции, чтобы можно было знать и сравнивать качество выпекаемого хлеба.

«VIII. Пекари обязаны сообщать муниципалитету и полицейским комиссарам их округа, в какие мельницы они отдают на помол свое зерно. По требованию этих комиссаров они должны оставлять в этих мельницах пробы их муки; если понадобится, муниципалитет выпекает из этой муки хлеб и сравнивает его с тем хлебом, который продают булочники,— таким образом будет установлено, не подмешали ли они при выпечке своего хлеба примесей, запрещенных законом и полицейскими правилами.

«IX. Пекарь, уличенный в выпечке хлеба плохого качества или с примесями, лишается права продолжать свое ремесло. За его счет нанимают рабочих, которые продолжают печь хлеб в его хлебопекарне. Хлеб, выпеченный этим пекарем, конфискуется, и на дверях его жилища делается надпись: *Этот пекарь злоупотребил доверием общества, он — враг народа*. На такого пекаря возлагаются все те штрафы и наказания, которые установлены в наших прежних поста-

новлениях; в зависимости от серьезности его преступления, он может быть предан суду революционного трибунала. Точно так же будет поступлено с пекарями, уличенными в том, что они не употребили на общественные нужды все выданное им коммуной зерно» [1].

В дополнение к этому постановлению муниципалитет издал 26 фримера другое, предписывающее мельникам взвешивать все поступающее к ним зерно и вести запись количеству зерна, отдаваемого им для помола. Согласно этому постановлению частные лица должны сообщать в муниципалитет, какое количество зерна они намерены отдать для помола на мельницы; мельники могут принимать от них зерно только по предъявлении квитанции от муниципалитета.

Перепись населения все тянулась. Тогда муниципалитет издал 27 нивоза новое постановление, предписывающее комиссарам-счетчикам в три дня закончить свои контрольные списки. Граждане, претендующие на право на хлебную карточку, приглашались записаться в своих секциях. Постановление угрожало штрафом в 100 ливров и конфискацией зерна и муки всем тем гражданам, которые запишутся в списки, имея в то же время у себя дома запасы зерна или муки, точно так же тем, которые дадут ложные сведения о своей семье: преувеличат число членов семьи или возраст своих детей. На дверях их жилища будет сделана надпись: *Виновник народного голода.* Приговор над ним будет напечатан и расклеен на всех площадях и улицах. Доносчику, если таковой окажется, полагается половина штрафа и конфискованного зерна или муки.

Наконец, 3 плювиоза муниципалитет определяет форму и текст хлебной карточки. «Карточки на получение хлеба у булочников... содержат купоны по числу дней месяца... на каждом купоне обозначается: имя и фамилия владельца карточки, адрес его, т. е. секция, улица и номер дома, затем число членов его семьи, число фунтов хлеба, полагающееся к выдаче, и имя булочника, к которому обязан обращаться данный гражданин». Содержателям постоялых дворов и гостиниц выдаются особые карточки. Содержатели ресторанов и кофеен не имеют права на хлебную карточку. 23 плювиоза муниципалитетом выносится решение, что мужчины старше двенадцати лет имеют право на два фунта хлеба в сутки, женщины того же возраста — на полтора фунта, а дети моложе двенадцати лет на один фунт.

В это время предстояла раздача хлебных карточек. Население не только не радовалось этому, но было близко к отчаянию. Три дня под ряд, от 20-го до 23 плювиоза, толпы народа осаждали булочные и поносили коммунальных чиновников. Пущен был слух, что скоро нехватит хлеба. Чтобы прекратить беспорядки, муниципалитет обратился к народу с красноречивой прокламацией, в одно и то же время успокоительной и угрожающей:

[1] По регистру постановлений Безансонского муниципалитета. См. также наши статьи в «Petit Comtois» от 28 марта и 24 апреля 1918 г.

«Народ, против твоей свободы плетут заговор. Будь настороже и слушай твоих должностных лиц... Ты знаешь: с того момента, как мы приняли строгие меры против лиц, которые получают хлеб у булочников, хотя сами имеют зерно или муку, ты не встречал никаких трудностей при получении своего ежедневного пропитания. Еще несколько дней, и хлеб от булочников наверняка будет поступать только в руки тех, которые не имеют никаких других источников пропитания. Он не будет итти в кофейни и кабаки для поощрения роскоши и удовольствий.

«Народ, тебя все еще стараются восстановить против качества выдаваемого хлеба. Мы подмешиваем к чистой пшенице только четверть другого зерна. И что же? Пекари-преступники показали тебе только эту примесь и спрашивали, можно ли печь из нее хороший хлеб... Изменники! Мы нашли ваш след; да увенчаются наши усилия успехом, и вы будете преданы справедливой мести закона».

Надо полагать, что эта велеречивая риторика успокоила население, ибо беспорядки прекратились. В следующие дни были розданы хлебные карточки.

Как мы видим, несмотря на террор и жесткую централизацию, проводимую Комитетом общественного спасения, в общем экономические меры, принимаемые для борьбы с продовольственным кризисом, отличались большим разнообразием. Партикуляризм старой Франции в известной степени остался и в новой Франции. Одинаковая необходимость вызывает сходные, но не тождественные меры. Хлебная карточка была введена во многих городах, но в различное время и не по единому плану.

Несомненно, введение хлебной карточки породило злоупотребления, но в общем эта система, повидимому, оправдала надежды ее инициаторов. Она смягчила кризис для бедных классов. Интересно проследить в деталях, как функционировала эта регламентация. Мы можем дать здесь только общие указания.

В Париже муниципалитет выдавал булочникам муку; в Безансоне булочникам выдавалось зерно, которое они сами отдавали потом на помол. В Париже пекари обязаны были снабжать хлеб своим клеймом, дабы в случае недостатков можно было установить их личную ответственность. То же самое имело место в Рошфоре [1], причем за нарушение этого предписания полагался штраф в 100 ливров. В Безансоне принят был другой способ контроля: пекари должны были каждое утро доставлять в ратушу хлеб своей выпечки. Это должно было,— по словам якобинца Детрэя, — возбудить соревнование между пекарями и дать возможность гражданам ежедневно удостоверяться в существовании контроля чиновников муниципалитета [2]. За выпечку плохого хлеба пекарям угрожало прекращение выдачи коммунального зерна [3]. Иногда эта угроза приводилась в исполнение. Так, напри-

[1] Archives de Rochefort, постановление от 12 вантоза.

[2] Прения 24 фримера II года.

[3] Постановление 18 жерминаля II года.

мер, 4 вантоза II года полицейскому комиссару Бюрдену поручено было конфисковать у пекаря Колара муку и хлеб, которые могли быть получены из коммунального зерна (на этого пекаря принесены были жалобы, что он печет плохой хлеб). 27 мессидора арестован был, по ордеру муниципалитета, на восемь дней булочник Ролан, позволивший себе оскорбительные выражения по адресу члена муниципалитета Кушери.

Купоны хлебных карточек давали место разным злоупотреблениям. Чтобы покончить с этим, Безансонский муниципалитет издал 19 вантоза постановление, что лица, торгующие своими купонами, будут считаться «тайными спекулянтами». Лицам, «карточки которых были выданы на количество хлеба, превышающее их потребности, муниципалитет предписал возвратить полицейскому комиссару их секции или сдать в ратушу купоны, по которым они не получат хлеба». Булочникам, под угрозой причисления их к подозрительным, запрещено было принимать купоны без отпуска соответственного количества хлеба. Наконец, 26 прериаля решено было не возмещать потерянных купонов.

В Париже революционные комитеты секций контролировали булочников в непосредственной близости. Обычным злоупотреблением была продажа хлеба без купонов. В протоколе революционного комитета секции Обсерватории от 30 нивоза мы читаем следующее: «Комитет выслушивает гражданина Сютто, булочника. Он заявляет и признает, что жена его продала восемь четырехфунтовых хлебов трем женщинам, не имевшим карточек. Упомянутому булочнику прочитано было напоминание говорить правду, он подписал его. Сютто заявил, что он всегда запрещал своей жене продавать хлеб не по карточкам, и что жена его поступила так, только уступая просьбам одной гражданки из той же секции, имени которой он не знает». Комитет, «принимая во внимание, что проступок совершен впервые и притом женой Сютто», постановил, что «гражданин Сютто должен впредь иметь более точное наблюдение за продажей его хлеба и должен вернуть цену восьми хлебов гражданкам, которым они были проданы; сами хлебы конфискуются и отдаются в комитет благотворительности для раздачи между бедными секции».

Вначале нормирование потребления вовсе не имело сурового характера. Как мы видели, в Безансоне взрослые жители могли требовать до двух фунтов в сутки. Но мало-по-малу норма была уменьшена. Постановление от 7 флореаля, «по примеру ряда больших коммун», назначает женщинам и детям норму в один фунт хлеба в сутки, а рабочим, «занятым не особенно тяжелым трудом, в полтора фунта». «Только рабочие, занятые особенно тяжелым трудом, попрежнему получают два фунта». В сравнении с теми пайками, которыми нам приходилось довольствоваться во время последней войны, эти нормы являются весьма завидными.

В Бовэ, начиная с 19 жерминаля, выдавалось на каждого едока, будь то мужчина или женщина, полтора фунта хлеба.

В Рошфоре коммуна в начале мессидора уменьшила хлебный паек до трех четвертей фунта в день.

Лефевр правильно замечает, что булочники, поскольку они получали муку от коммуны и обязаны были отчитываться в ее употреблении представлением купонов, были в сущности уже только коммунальными рабочими [1], оплачиваемыми пропорционально выпечке.

Для выводов о том, как функционировала хлебная карточка во всей Франции, необходимо было бы расширить рамки нашего исследования. Собранные нами факты, повидимому, говорят в пользу того, что хлебная карточка дала хорошие результаты, так как волнения и бунты становились все реже. Судя по тогдашним пайкам, городское население не знало также настоящего голода. Время было тяжелое; подчас можно было опасаться, что иссякнет весь запас хлеба; недостаток его ощущался довольно редко. Но косвенным доказательством, что не было полного отсутствия хлеба, может служить то, что система хлебных карточек никогда не распространялась на всю Францию. Она была введена только в городах и местечках; в деревнях она осталась совсем неизвестной.

Гражданский пост и мясная карточка.

Потребление мяса было нормировано позже, чем потребление хлеба. Впрочем, в конце концов пришлось прибегнуть к нему, по крайней мере в больших городах. Вначале проектировали введение «гражданского поста», т. е. закрытие скотобоен на определенный срок; но в результате прибегли к мясной карточке.

Повидимому, в первый раз идея гражданского поста была высказана Верньо на заседании Конвента от 17 апреля 1793 г. Верньо опасался, что в результате беспорядков, вспыхнувших недавно в Западном департаменте, а также закупок для армий, предстоял в ближайшем будущем недостаток крупного рогатого скота. «Не следует ли,— заявил он,— прекратить на известное время потребление телятины? Религия предписывала великий пост во славу божества. Почему политике не прибегнуть к тому же средству для спасения отечества?» Ему аплодировали. Его предложение было направлено в Комитет земледелия, где оно было похоронено.

Тем временем «наблюдатели» от полиции уже стали сообщать министру Гара о все возрастающем недостатке мяса. Один из них, Дютар, пишет 2 мая 1793 г.: «Мясники заявили, что на следующей неделе у них будет мясо только для больных», а 7 мая он пишет: «Что значат две с тни быков для такого города, как Париж? На следующей неделе мясо будет стоить 30 су; многие мелкие мясники уже вынуждены были закрыть свои лавки».

---

[1] G. Lefebvre, «Bulletin de la Commission de l'histoire économique de la Révolution», 1913, p. 430.

После событий 2 июня, свергнувших Жиронду, депутаты Горы повторяют в Конвенте жалобы санкюлотов на дороговизну мяса. 9 июня Бантаболь сообщает Конвенту про заговор спекулянтов, закупающих весь скот, чтобы перепродать его по чрезмерным ценам. Тогда Тюрио выступил с требованием «серьезных мероприятий, которые должны были понизить цены на мясо». Он требовал, чтобы департаментским управлениям дано было право устанавливать цены на скот и ввести гражданский пост на весь август месяц, для того чтобы за это время животные могли вырасти и размножиться». Конвент не принял определенного решения.

Парижане очень ругали мясников, но не могли примириться с мыслью о гражданском посте. По словам наблюдателя Дютара, когда он повторил в своей секции предложение Бантаболя, его чуть не растерзали. Мясо было включено в максимум, но применение таксы наталкивалось на непреодолимые трудности. Максимум распространялся только на мясо, продаваемое на вес. Иногда администрация пыталась расширить закон и применять его также к продаже живого скота. Это было вполне последовательно. Но по инициативе Лорана Лекуантра, докладчика Продовольственной комиссии, в Конвенте 2 брюмера (23 октября) прошел декрет, объявляющий эти таксы незаконными. Повидимому, этот декрет прошел без прений. Возможно, что докладчик сослался на трудность установить цену для живого скота. Результаты не заставили себя ждать. Мясники доказывали, что их нельзя заставлять продавать по твердой цене, раз они сами покупают по меняющимся ценам. Такса на мясо оказалась неприменимой. В некоторых местах стали закрываться скотобойни, и 30 нивоза член Конвента Лано пишет из Тюлля в Комитет общественного спасения: «В этом декрете есть противоречие (он предписывает твердые цены на мясо и допускает продажу скота по вольным ценам), и так как он дурно понимается и толкуется эгоистами, то он, вследствие своего двусмысленного характера, способен только вызвать недостаток скота в скотобойнях и беспорядки на рынках. Он вызывает тысячи жалоб».

Торговцы ухитрялись обходить закон. Так как твердые цены распространялись только на сырое мясо, мясники и колбасники стали продавать вареное мясо и плату за варку взимали по своему усмотрению. Колбасники продавали сало в очень вымоченном и просоленном виде. В течение зимы подвоз скота в Париж составлял лишь четверть необходимого количества. По целым утрам жители простаивали на очередях у мясных лавок. Бедным жителям продавались только плохие куски с надбавкой, — так называемой réjouissance, т. е. с костями и жиром. Это равносильно было принудительному посту для всех тех, которые не имели средств покупать мясо из под полы и платить за него дороже максимума.

В конце концов совет Парижской коммуны внял неоднократным жалобам. 28 нивоза Шометт говорил о злоупотреблениях мясников. Жалобы не прекращались, и управление Парижского департамента тоже взялось за дело: 15 плювиоза оно обратилось к властям с предложением следить на месте за мясоторговцами [1]. Ободренная этим коммуна снова поднимает свой голос. 17 плювиоза в коммуну является депутация от народного общества секции Бон-Консейль со следующей жалобой: «Повара богачей несут к мясникам свои книги, мясники выдают им четыре фунта говядины и записывают восемь». Член коммуны Любен констатирует, что недостаток скота действительно существует. Германия прежде вывозила во Францию 16 000 овец в год, а теперь ничего не вывозит. «К тому же, раздел общинных земель поставил многих граждан в невозможность кормить своих коров и других животных». Одно время прения уклонились в сторону и перешли на тему о законе о максимуме. Эбер с горечью заметил, что торговцы не только не исполняют этот закон, но даже издеваются над ним. Сулес вернулся к теме. Он высказал мнение, что с мясом необходимо поступить так же, как поступлено было с хлебом, необходимо ввести мясную карточку. Шометт горячо поддержал это мнение. «Имеется,— заявил он,— декрет Конвента, что Париж снабжается на военном положении. Следовательно, мы имеем право поступить с мясом так же, как мы поступили с хлебом». Предложение Сулеса было направлено для рассмотрения и доклада в муниципальное продовольственное бюро.

На следующий день эти дебаты повторились в Конвенте. Делакруа выступил с требованием ввести таксу на скот наподобие существующих такс на мясо. «Недостаток мяса — результат конкуренции между мясниками и военными поставщиками. Скототорговцы не стыдятся продавать на рынках их живой скот по 20—22 су, тогда как мясники вынуждены в некоторых коммунах продавать мясо по 12—13 су». В том же заседании Конвент отменил декрет от 2 брюмера, разрешающий продажу скота по вольным ценам. Это равносильно было разрешению местным властям устанавливать таксы на скот.

Этот вотум окрылил сторонников более строгой регламентации. 20 плювиоза комитет надзора Парижского департамента, по предложению одного из своих членов, эбертиста Маршана, выпустил грозную прокламацию по адресу мясников: «Вы становитесь подлыми орудиями в руках контр-революционеров. Вы — бесчувственные люди, которых называют живодерами... Вы, ни перед чем не останавливаясь, попираете законы и нарушаете бесчисленные предостережения властей, старающихся прибегать к карам, только исчерпав все средства убеждения. Когда к вам является бедняк, он, униженный, оскорбленный, получает от вас только кости и объедки, тогда как богатого, издевающегося над страданиями бедняка, вы встречаете с изысканной любезностью, он находит у вас самые лучшие, самые лакомые куски, потому что имеет деньги и платит за эти куски... потому что он удовлетворяет вашу низкую жадность... потому что он покрывает ваше преступление, делаясь его соучастником» [2].

[1] Bibliothèque nationale, Lb[40] 1158, напечатанный плакат.

[2] Bibliothèque nationale, Lb[11] 2737, афиша.

На прениях, предшествовавших принятию этой прокламации, комитет надзора Парижского департамента поставил вопрос о введении мясной карточки. Некоторые секции ввели ее по собственному почину.

2 вантоза комитет Вооруженного гражданина вынес следующее постановление: «Мясо отпускается только больным, в харчевни, в которых столуются санкюлоты и работающие в военном производстве, а также гражданам, предъявляющим боны благотворительного комитета. Санитарные чиновники должны выдавать свидетельства о болезни на предмет получения мяса только тем, кто действительно нуждается в мясе; они приглашаются явиться к нам и оставить здесь свои подписи» [1]. До сих пор карточки выдавались революционным комитетом секции; начиная с 6 вантоза, это было поручено гражданскому комитету.

Через несколько дней комитет секции Прав человека, в свою очередь, постановил, что мясо должно отпускаться только по карточкам и что карточки сохраняются только для больных [2].

Кризис все обостряется. 2 вантоза некоторые мясники закрыли свои лавки за отсутствием товара. На следующий день один полицейский сообщал в своем рапорте: «Рабочие очень жалуются, что в харчевнях не могут уже получать ни мяса, ни супа. Они питаются хлебом и копчеными селедками. Почти во всех харчевнях не было ни единой унции мяса» [3].

Коммуна должна была предпринять какие-либо шаги, но она действовала только под давлением секций и клубов. 17 вантоза она решила вступить в конкуренцию с мясниками, покупать ежедневно 24 быка, 64 теленка и 32 овцы и раздавать это мясо частным лицам по свидетельствам санитарных чиновников. Это было только полумерой.

29 вантоза в Конвент явилась депутация от народного общества секции Монблана и высказала следующие пожелания: мясо в мясных лавках должно быть на учете, «для того чтобы не имели места какие-либо привилегированные выдачи богатым; мясо, оставшееся после отпуска больным, мясники должны продавать только таким образом, который принят при продаже хлеба, так чтобы все граждане могли получать мясо в равной мере и пропорционально своим потребностям». Секция Горы жаловалась в Конвенте на то, что рестораны во дворце Равенства, бывшем Пале-Рояле, подают слишком роскошные обеды; она требовала запретить им давать обеды дороже 2 франков с человека.

Коммуна запретила самоснабжение мясом из деревень, но она еще не решалась сделать мясную карточку обязательной и ввести ее для всех. А между тем к этому рано или поздно необходимо было притти.

7 жерминаля Комитет общественного спасения через посредство военного управления предоставил в распоряжение столицы 75 быков, 150 квинталов телятины и баранины и 200 свиней. Через три недели, 29 жерминаля, коммуна муниципализировала мясное дело и ввела мясную карточку. Государство поставляло скот, агент коммуны Совгрен заведывал убоем и распределял туши между мясниками, сообразно числу жителей их района. Каждый мясник обслуживал известное число хозяйств. В течение двадцати дней он должен был доставлять им по «столько полуфунтов мяса, сколько едоков указано в мясной карточке». На первое время, пока не были изготовлены мясные карточки, их должны были заменять хлебные карточки. Отпуск мяса происходил в присутствии комиссара от секции, который визировал карточки. Мясники получали в свою пользу 10% прибыли от продажи доставляемого им мяса. Кроме того им отдавали бычачьи языки и овечьи потроха в вознаграждение за их издержки по транспорту. Телячья голова считалась за четыре фунта мяса, четыре ноги теленка за один фунт. Рестораторы снабжались только после других граждан, из оставшегося мяса. 7 жерминаля Комитет общественного спасения запретил парижским мясникам покупать мясо «на какомлибо рынке республики»; это преследовало цель воспрепятствовать им конкурировать с коммуной и должно было предотвратить дальнейшие злоупотребления. Те мясники, которые уже раньше купили скот, обязаны были продать его коммуне по максимуму (постановление от 6 флореаля). Разумеется, с введением мясной карточки количество мяса не увеличилось, но то количество, которое имелось, распределялось равномерно между богатыми и бедными потребителями. Мясная карточка давала право на получение по умеренной цене полуфунта мяса, по меньшей мере раз в пять дней [1]. Это было мало, но в то время потребление мяса было гораздо менее распространено, чем теперь.

Мясная карточка функционировала в Париже в продолжение нескольких месяцев. Надо полагать, что и другие города ввели эту систему. Действительно, мы видим, что в Санлисе отпускали полтора фунта мяса, сначала три раза в десять дней, потом только два раза [2].

Другие города, например Шамбери, предпочитали прибегать к гражданскому посту. 26 вантоза Альбитт пишет из этого города в Комитет общественного спасения: «Вчера мы все здесь дали обет исполнять гражданский пост, и народ приветствовал это наше решение. Мы сдержим свое слово, и скоро весь департамент последует нашему примеру».

Возможно, что Комитет общественного спасения склонялся больше в пользу гражданского поста, нежели мясной карточки, ибо в своей большой речи 3 вантоза Барер рекомендовал гражданский пост. «В прежнее время,— сказал он,— граждане в известные дни не ели мяса, это составляло почти шесть месяцев в году.

[1] Archives nationales, F⁷ 2496.

[2] Рапорт Бакона от 4 вантоза у Dauban, Paris en 1794, p. 80.

[3] Dauban, p. 69.

[1] В «Annales révolutionnaires», 1917, p. 693, я воспроизвел образец мясной карточки, бывшей в употреблении в Париже.

[2] Tuetey, Répertoire, t. XI, № 128. Показания Филиппа Пико и Франсуа Брюне от 28 вантоза II года.

так что в сравнении с нынешним потребление мяса было на половину меньше. До войны все деревенские жители питались не мясом, а другими продуктами, а теперь 1 200 000 солдат ежедневно едят мясо... Вандея поставляла быков и овец, а теперь в результате бунта она разорена». Объяснив таким образом причины недостатка мяса, Барер не видел другого исхода, как экономию и ограничение потребления мяса: «Наши отцы, да и мы сами постились во славу того или другого святого; будем же лучше поститься во славу Свободы... Будем экономить, наложим на себя добровольные ограничения, чтобы отстоять наши права... Будем довольствоваться в известные дни постной пищей... Отложим на будущее удовольствия стола, достойные республиканцев, и уничтожим наслаждения, приличествующие только сибаритам. Пусть горожане тратят только самое необходимое. Еще только несколько месяцев, и свободная Франция благословит своих защитников, а вы введете в то же время республиканские нравы, режим умеренности и равенства».

Мясник Лежандр энергично поддержал Барера. «Декретируйте гражданский пост; в противном случае во всей республике будет недостаток мяса... Декретируйте гражданский пост, который я вам предлагаю; в противном случае он наступит помимо вашей воли. Не далеко то время, когда у вас не будет ни мяса, ни свеч. Закалываемые теперь быки не дают достаточно жира, чтобы осветить свою смерть».

Замечательно, что проект Комитета провалился благодаря той же оппозиции, которая уже в июне месяце помешала проекту гражданского поста. Камбон, заядлый враг духовенства, заявил, что, «победив суеверие», надо остерегаться освящать его новым законом. Он прибавил, что необходимо также «считаться с местными различиями». «Например, на севере земля еще спит под снежным покровом, природа спит там, если можно так выразиться, тогда как на юге природа уже улыбается; поэтому предлагаемый закон не может быть проведен теперь на всем протяжении республики, ибо всюду продукция земли не в состоянии пополнить недостаток мяса». Конвент послушался этих весьма слабых аргументов.

Итак, ни гражданский пост, ни мясная карточка не получили обязательной силы. Ограничение потребления мяса, как и ограничение потребления хлеба, осталось делом местных властей; они устанавливали их по своему усмотрению. Даже при режиме террора избегали чрезмерной регламентации, не убивали инициативы мест.

Другие продукты: мыло, масло, сахар, соль и пр.

Регламентация простиралась не только на мясо и хлеб, но и на другие продукты. В городах торговля сахаром перестала быть свободной. Муниципалитеты запрещали вывозить имеющиеся запасы и регламентировали их в интересах общества. В Париже Шометт 11 брюмера поставил в коммуне вопрос о сахаре. «Он жаловался,— пишет «Moniteur»,— что этот драгоценный продукт употребляется

на сласти, на предмет роскоши, вместо того чтобы быть сохраненным, ввиду его редкости, для более настоятельных надобностей. Поэтому он требует, чтобы кондитерам выдавалось только такое же количество сахару, что и всем другим гражданам. Совет принимает постановление в этом смысле. Кроме того Шометт предлагает обратиться к Комитету общественного спасения, чтобы он распространил эту меру на все муниципалитеты в республике». Я не нашел указаний, что Комитет общественного спасения принял в соображение эту идею Шометта. Но имеющиеся протоколы заседаний революционных комитетов свидетельствуют, что некоторые парижские секции ввели карточку на сахар. В протоколе революционного комитета секции Обсерватории от 28 нивоза мы читаем: «Комитет заслушал постановление о распределении тысячи голов сахара, предоставленных в распоряжение Парижской коммуны гражданином Комар, купцом, проживающим в монастыре Сен-Мерри. Во исполнение упомянутого постановления комитет уполномочил гражданина Легуа приобрести у гражданина Комар 200 фунтов сахару по условиям, указанным в этом постановлении. Итак, гражданин Легуа должен продавать и отпускать сахар только предъявителям бонов революционного комитета; эти боны он оставляет у себя и ведет им список по мере их поступления. По продаже всего количества гражданин Легуа обязан отчитаться и представить боны комитета на все количество выданного ему сахару. Он продает выданный сахар по 36 су за фунт; издержки на провоз падают на его счет». Надо полагать, что эти боны на сахар практиковались не только в этой секции.

В Безансоне муниципалитет 21 фримера реквизировал у крупного купца Провансаля его запасы сахара и сахарного песку и распределил их между «торговцами, известными своим патриотизмом, и между розничными продавцами». Несколько позже, 14 нивоза, муниципалитет постановляет, что сахар должен впредь отпускаться только больным «по свидетельствам врача» и при посредстве бонов.

Аналогичные меры приняты были для оливкового масла, мыла, соли и даже для коровьего масла и яиц.

В Безансоне введены были в нивозе месяце «билеты на соль», распределение их поручено было двум чиновникам муниципалитета, Шазерану и Детрэю.

В Берге мыло и свечи распределялись по карточкам, выдаваемым в мэрии пропорционально числу членов семейства. Эта мера была принята по требованию производителей этих товаров.

В Дюнкирхене этот способ нормирования потребления был принят для коровьего масла (12 фримера), мыла (21 плювиоза), мяса (3 жерминаля), ликеров (12 жерминаля), яиц (19 жерминаля). Город был разделен на секторы. Для каждого сектора были назначены особые комиссары, которые составляли списки семейств, устанавливали их потребности и выдавали карточки [1].

[1] G. Lefebvre, цитированный «Bulletin», 1913, p. 437.

В Алансоне боны на мыло распределялись таким же способом, как боны на хлеб, — двумя комиссарами в каждой секции.

В Санлисе муниципалитет распределял между жителями по шести яиц и четверти фунта масла на десять дней [1].

В некоторых деревенских коммунах муниципалитеты раздавали бедным гражданам, не имеющим своей коровы, реквизиционные боны на получение масла у более состоятельных граждан [2].

В департаменте Виенны продажа и покупка оливкового масла нуждалась в разрешении от муниципалитета.

В Пуатье, по инициативе якобинского клуба, муниципалитет постановил 28 вантоза, что «владельцы бильярдных и кофейных не имеют права жечь у себя свечи после захода солнца». Это постановление было распространено также на трактирщиков и владельцев постоялых дворов. Кроме того 14 флореаля им запрещено было отпускать в праздничные и воскресные дни напитки и еду; это разрешалось только для иногородних [3].

Контроль над торговлей.

Практическая необходимость оказалась сильнее теоретических доктрин и мало-по-малу привела к монополизации в руках властей всей торговли предметами первой необходимости.

Таксы повели к реквизициям. Эти последние сначала простирались только на хлеб, но постепенно распространены были также на мясо, на все съестные припасы, на все предметы первой необходимости. Реквизиции сопровождались нормированием потребления, ограничениями питания. Повсюду или почти повсюду введен был административный контроль в виде бонов и карточек. Муниципалитеты и революционные комитеты стали грандиозными учреждениями по снабжению. По выражению Барера, Франция превратилась в одну сплошную осажденную крепость, в которой все объявлено было общим для того, чтобы стразить врага. Впрочем, разумеется, эта система, созданная наспех, в пылу войны, не могла функционировать с полным совершенством. Она наталкивалась на предрассудки и частные интересы. Проводившие ее инстанции часто не имели необходимого опыта, местами не имели также искреннего желания проводить ее; другие, напротив, чрезмерно усердствовали и позволяли себе нежелательные крайности. В результате имели место кризисы; самый грозный из них отмечен был в конце зимы агитацией эбертистов и ее подавлением.

[1] Tuetey. Répertoire, t. XI, № 128.

[2] См. документ, опубликованный Домманже в «Annales révolutionnaires» за октябрь 1918 г.

[3] Pilod, Thèse de droit, pp. 39—40.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПОДАВЛЕНИЕ СПЕКУЛЯЦИИ.

В самое грозное время, летом 1793 г., в разгар восстания федералистов, когда Парижу и большим городам угрожала опасность остаться без хлеба, Колло д'Эрбуа провел в Конвенте важный закон 27 июля 1793 г. Этот закон отдавал в руки властей контроль над всеми предметами первой необходимости и вводил смертную казнь за спекуляцию.

Комиссары по борьбе со спекуляцией.

Согласно ст. 5 этого закона, проведение его в жизнь возлагалось на особых чиновников, комиссаров по борьбе со спекуляцией, назначаемых муниципалитетом и получающих от него свое содержание.

В Париже эти комиссары непосредственно назначались 48 секциями коммуны [1]. До нас дошел список этих 48 комиссаров и их адресов [2].

Интересно проследить, из каких социальных классов выбирались эти комиссары и какие взгляды они представляли.

Однако это требует долгих поисков; мы не имели возможности предпринять их. Ограничимся указанием, что один из них, Фредерик-Пьер Дюкроке, родом из Амьена, был до революции парикмахером. Как сообщает в своем рапорте от 29 сентября 1793 г. наблюдатель Берар, население жаловалось, что в большинстве секций в результате интриг назначены были комиссарами полуграмотные лица неспособные выполнять свои обязанности [3].

Поспешили ли все другие города, по примеру Парижа, назначить этих комиссаров? 18 сентября в Алансоне секции извещают муниципалитет, что они приступают, наконец, к назначению своих комиссаров [4]. Но я не нашел в бумагах

[1] В секции Единства закон был объявлен 9 августа через посредство революционного комитета.

[2] Bibliothèque nationale, Lb[41] 4779.

[3] P. Carlon, Paris pendant la Terreur, I, p. 227.

[4] Mourlot, Documents d'ordre économique sur le district d'Alençon, I, p. 179

Безансонского муниципалитета упоминания о назначении комиссаров по борьбе со спекуляцией.

Возможно, что в деревнях эти комиссары существовали только на бумаге, если они вообще существовали. В сельских коммунах окрестностей Парижа они не были назначены еще в начале ноября [1].

Впрочем, не следует думать, что все эти комиссары выбирались из террористов. 5 фримера II года комитет надзора Парижского департамента отстраняет от должности комиссара в Курбвуа: в результате следствия, которое вел член комитета Женуа, он был заподозрен в приверженности к аристократии [2].

В городах комиссары по борьбе со спекуляцией подчинены были секциям, в деревнях — муниципалитетам.

В Париже они находятся в постоянной связи с революционными комитетами, которые исполняют функции политической полиции, а именно ведают арестами подозрительных. Продовольственные законы постепенно тоже входят в компетенцию этих комитетов.

Комиссары по борьбе со спекуляцией были лишь их исполнительными органами; в некоторых секциях они даже присутствовали на заседаниях революционных комитетов секций и имели совещательный голос [3]. Комитеты оказывают содействие комиссарам, обсуждают их донесения, налагают административные кары или предают преступников суду. Комитеты ведают рыночной полицией, проведением максимума и ограничений потребления, карточками на хлеб, мясо и сахар, а также домашними обысками, учетом и конфискацией продуктов.

В столице революционные комитеты секций были подчинены высшему полицейскому органу, который согласовывал их действия. Это был комитет надзора Парижского департамента; добрая половина его состояла из членов инсуррекционного комитета, руководившего восстаниями 31 мая и 2 июня против Жиронды. Судя по протоколам его заседаний, этот комитет по горло занят проведением продовольственных законов. Он находится в частой переписке с комиссарами по борьбе со спекуляцией и контролирует их работу. Иногда он отрешает их от должности, как мы это видели в Курбвуа.

Закон обязывал тех, у кого имелись съестные припасы, делать декларацию о них в секции их района; ослушникам угрожало объявление их спекулянтами и полагающаяся последним кара, т. е. смертная казнь. Торговцы, кроме того, обязаны

[1] В это время комитет надзора Парижского департамента обратился к коммунам этого департамента с циркуляром, в котором приглашает их срочно назначить своих комиссаров по борьбе со спекуляцией. Tuetey, Répertoire, t. X, № 733.

[2] Tuetey, t. X, № 997.

[3] 20 сентября 1793 г. секция Обсерватории приняла решение по этому вопросу (Archives nationales, F⁷ 2514).

были вывешивать у дверей своей лавки список имеющихся у них товаров, их характера, количества и цен.

Задачей комиссаров по борьбе со спекуляцией являлась проверка этих деклараций и списков. Они имели право производить обыски. Так как закон выражается неопределенно и говорит «о тех, у кого хранятся в запасе» продукты первой необходимости, то обыски могли производиться не только у торговцев, но точно так же и у частных лиц. Эти комиссары могли проникать повсюду днем и ночью, как «подвальные крысы» старого режима; это была грозная власть, которая могла создать себе многочисленных врагов!

Первоначально эти комиссары назначены были для проведения закона 27 июля против спекулянтов, но вскоре полномочия их были расширены: на них возложено было также проведение всех прочих продовольственных законов. Это был нормальный ход развития. В частности на них было возложено проведение закона о максимуме. Он простирался как раз на все те продукты, которые перечислялись уже в законе против спекуляции.

Посмотрим на конкретных примерах, как работали эти комиссары.

Ром депутата Робера.

В это время много шума наделала спекулятивная афера, в которой был замешан депутат Робер, тесно связанный с Дантоном.

Робер был журналистом и вошел в долги для поддержания своей газеты «Mercure national». Кредиторы не давали ему покоя, и, чтобы удовлетворить их, он пустился в торговые спекуляции. Он приобрел 8 пип рома и держал их в своем погребе без заявки, на том основании, что ром не был специально указан среди предметов первой необходимости, перечисляемых законом 27 июля.

Дом Робера находился в секции Марата, которая была одним из оплотов эбертизма. Комиссаром по борьбе со спекуляцией был в этой секции (она включала бывший округ кордельеров) парикмахер Дюкроке, правая рука Эбера. 2 сентября 1793 г. Дюкроке явился к Роберу, чтобы произвести обыск в его погребе [1]. Он констатировал, что бочки содержали ром, и так как в перечне продуктов первой необходимости значилась водка, он составил протокол и опечатал погреб. Робер заявил протест против этого. Он отправился в комиссию Шести, назначенную Конвентом специально для рассмотрения вопросов законодательства о спекуляции, и получил от нее 7 сентября отзыв, что под «водкой» следует

[1] Этот день указывается самим Робером в его письме к Конвенту от 27 сентября («Archives parlementaires», t. 76, стр. 220).

понимать только жженое вино и что ром не входит в число продуктов первой необходимости [1].

Дюхроке оставил без внимания отзыв комиссии и не снял печатей с погреба депутата. Тогда Робер обратился в управление городской полиции, бывшее одной из секций муниципального управления. 16 сентября там решили, что ром не может считаться продуктом первой необходимости, так как он является предметом «вкуса и каприза». Годар и Калье, начальники полиции, отдали приказ снять печати.

Дюхроке повиновался. 22 сентября он, в сопровождении двух членов революционного комитета секции, Лойе и Жене, явился в погреб Робера и снял печати. Однако в тот же день состоялось общее собрание секции; заслушав доклад Дюкроке, оно немедленно опротестовало приказ Годара и Калье, уже приведенный в исполнение, и отправило в коммуну граждан Анрике и Тифен с заявлением, что секция «считает спекуляцией, если гражданин-неторговец держит у себя большое количество какого-либо спиртного напитка».

В соответствии с этим секция распорядилась снова наложить печати на погреб Робера. Анрике и Тифен немедленно сделали это; по их требованию собрание назначило специального сторожа для охраны печатей, Николая Перрена.

Управление городской полиции, узнав про решение секции, в свою очередь, объявило вторичное наложение печатей незаконным, но не решилось вторично распорядиться о снятии печатей. Оно лишь посоветовало Дюкроке, Тифену и Анрике обратиться к Конвенту за разрешением конфликта.

26 сентября это дело снова разбиралось на общем собрании секции. Анрике и Тифен выступили с докладом. Один гражданин — имя его не указывается — заявил, что необходимо, невзирая на все увертки, применить закон, конфисковать незаявленную водку и продать ее в пользу бедных [2]. Он прибавил, что это является еще снисхождением по отношению к Роберу, так как за то, что он не сделал декларации, он может быть предан суду и осужден на смертную казнь (ст. 8 закона о спекуляции).

Николай Перрен, которого приставили охранять печати, сообщил собранию, что он вынужден ютиться во дворе и у ворот, так как дворничиха не позволяет ему зайти в дом, не пускает даже в свое помещение. Он предложил секции немедленно обсудить вопрос о продаже рома и прибавил, что «если бы к Роберу пришли несколько раньше, у него нашли бы большое количество свечей — это во всеуслышание сообщила ему соседка».

[1] См. этот отзыв в «Archives parlementaires», t. 76, p. 218. Он подписан Гарнье, В. Венаром, Жозефом Лебоном и Осленом.

[2] Ст. 12 закона 27 июля гласила, что выручка от конфискованных продуктов делится пополам между государством и неимущими гражданами той коммуны, где произошла конфискация.

Собрание не желало слышать ничего больше. Оно считало Робера уже не частным лицом, а преступным коммерсантом, спекулянтом. Речь шла уже только о том, по какой цене продать ром. Одни предлагали продать его по 3 франка за пинту, другие по 40 су. Вторые победили. Решено было конфисковать ром и продать его на следующий день, 27 сентября, в девять часов утра, в пользу бедных секции. «Чтобы каждый гражданин не мог купить ром более одного раза, на его карточке делается прокол булавкой — это не может повлечь за собой никаких неприятностей для владельца карточки; каждому гражданину и каждой гражданке, по предъявлении их карточки, отпускается не более одной пинты, а цена ее устанавливается секцией в 40 су, принимая во внимание то время, когда сей гражданин Робер, вероятно, купил этот ром». Продажей должен был руководить Дюкроке; в помощь ему собрание под конец заседания выбрало четырех комиссаров.

27 сентября, в девять часов утра, Дюкроке и его помощники явились к Роберу. Они застали дома только гувернантку его детей и кухарку. Робер и его жена не спали дома — так они были напуганы. Продажа началась в полном порядке и спокойствии. Имена покупателей записывались, точно так же получаемые от них суммы. Вдруг к часу пополудни являются два полицейских надзирателя с ордером от полицейского управления и приказывают немедленно прекратить продажу. Полицейское управление действовало по приказу Комитета общественной безопасности, подписанному Гюффруа, тоже приятелем Дантона. Дюкроке подчинился. Он прекратил продажу и снова опечатал погреб [1].

Как и следовало ожидать, Робер не сидел сложа руки. Он сейчас же обратился с жалобой к Конвенту, в которой искажал и драматизировал факты: «Злонамеренные люди грабят в настоящий момент мой дом, и я думаю, что общественному спокойствию в Париже угрожает опасность!» По его словам, от 3 до 4 тысяч человек заняли лестницу его дома и вообще весь дом. Робер распространялся о нарушении закона и бунте против власти. «С моей кухаркой,— писал он,— произошел страшный эпилептический припадок, гувернантка моего ребенка лишилась сознания, а жена моя заболела и выздоровеет, быть может, только тогда, когда вы восстановите мои права». Робер не имел чувства комичного, зато он был мастером возбуждать чувство парламентской солидарности. «Коллеги,— писал он,— речь идет здесь не о моей собственности; я охотно пожертвовал бы ею. Я неоднократно доказывал, что не останавливаюсь перед жертвами для народа. Но я вижу определенное намерение унизить народное представительство, в особенности же обрушиться

[1] См. в «Archives parlementaires», t. 76, стр. 219, протокол комиссаров секции Марата. Вследствие опечатки или ошибки редакции, протокол, который в заглавии датирован (прописью) правильно — 27 сентября, в конце помечен (цифрами) 29 сентября. Эта ложная дата ввела в заблуждение Олара, который бегло прочел тексты. Олар решил, что продажа продолжалась два с половиной дня (A u l a r d, Etudes et leçons, 6-e série).

на тех, которые голосовали за смерть тирана [1] и всегда принадлежали к Горе. За вами очередь отмстить за себя, расстроить эти последние козни — то ли аристократии, то ли группы заговорщиков, которую мы так счастливо разбили вдребезги».

Этот призыв оказал свое действие на Конвент, в котором было столько буржуа-собственников. Один из депутатов — имя его не указывается — предложил обратиться к министру внутренних дел и просить его послать помощь Роберу. Но Тюрио, тоже приятель Дантона, предпочитал, чтобы Конвент не выпускал дела из своих рук. Он предложил поручить Комитету общественной безопасности рассмотреть дело и решить, произошла ли конфискация на законном основании. Это предложение было принято, а Комитет общественной безопасности поспешил налечь на полицейское управление.

Робер торжествовал вторично. Будь он благоразумен, он удовлетворился бы этим, но ему пришла злополучная идея апеллировать к общественному мнению. Он расклеил по стенам плакат к согражданам, в котором нападал на председателя секции Марата, Руссильона, и на комиссара по борьбе со спекуляцией Дюкроке. Руссильон был судьей в революционном трибунале и пользовался уважением якобинцев. Робер выставлял себя жертвой «грязной кучки людей, продавшихся подлой партии, которую Конвент изрыгнул из своего лона», другими словами — жертвой жирондистов. Утверждение весьма смелое, если вспомнить роль Руссильона, Дюкроке и секции Марата во время восстания 31 мая, свергнувшего Жиронду. Наконец, Робер опять выставил себя также жертвой интриги, намеревающейся в его лице унизить Конвент, — это обвинение дантонисты ежедневно бросали в лицо эбертистам.

Афиша Робера снова разожгла склоку. 7 октября депутация от секции Марата явилась в Конвент и протестовала против клеветы, распускаемой Робером. Она требовала от Конвента добиться повиновения закону со стороны одного из его членов. Как мог Робер не знать, что ром есть водка, «ценный продукт для наших кораблей и наших армий»! Петиция секции жаловалась, что Робер пытается очернить секцию, «которая оказала громаднейшие услуги революции во всех критических обстоятельствах и всегда была твердой и непоколебимой опорой Горы, секцию, которая дала прибежище Марату и в которой находится его гробница». «Пусть Робер, слабый индивидуум, считающий себя всей Горой, узнает сегодня, что секция, в которой он так ошибается, преследует в нем не алтарь, а священника». Секция выражала уверенность, что Конвент поступит справедливо и услышит глас народа, который на всех перекрестках повторяет: «Если Робер не подпадет под действие закона, то санкюлотам нечего рассчитывать на последний; если

[1] Робер забыл, что он 23 декабря 1792 г. советовал в клубе якобинцев отложить процесс короля.

Робер избежит наказания, то конец свободе, так как свобода, воистину, только выражает собой справедливость».

Вопрос был поставлен удачно. Речь шла о том, стоят ли законодатели выше закона или нет.

Один из членов Конвента предложил отправить петицию на рассмотрение Комитета общественной безопасности; это означало похоронить петицию. Этому воспротивился Ромм. «Мы не нуждаемся в Комитете, чтобы учиться от него нашему долгу. Я считаю, что Конвенту следует немедленно высказаться принципиально». Ромму рукоплескали.

Другой член Конвента — имя его не указывается, и надо думать, что это тот самый, который уже раз выступил в дискуссии — напомнил Собранию, что комиссия по спекуляции уже высказалась в том смысле, что ром не входит в продукты, которые имел в виду закон о спекуляции. Но,— продолжал он,— секция Марата могла искренно заблуждаться; необходимо издать новый закон. Конвент решил направить петицию в оба комитета: общественной безопасности и по спекуляции, с тем, чтобы они немедленно представили свой доклад.

Робер испугался. Он обратился письменно к двум членам Комитета общественного спасения, Колло д'Эрбуа и Билло-Варену, и просил их поддержки. Из всех членов Комитета они наиболее дружественно относились к эбертизму; это они провели закон 27 июля. Робер напоминал Билло, что тот хотел внести в закон запрет собирать у себя товары всякого рода и что это предложение было отклонено. Он заклинал Билло притти на заседание. Но ни Билло, ни Колло не ответили ему.

Комитет общественной безопасности и Комитет по спекуляции совещались семь часов, но не могли притти к соглашению. На другой день, 8 октября, Осселн, приятель Дантона, выступая докладчиком от обоих комитетов, предложил от их имени Конвенту разрешить разногласия: «Вопрос должны решить вы; но не забывайте, что здесь дело идет о смерти и что было бы жестоко применять эту кару в первый раз за факт не совсем ясный. Если позволено мне выйти из своей роли докладчика и высказать свое личное мнение, я предложил бы вам применять смертную казнь только в случаях рецидива и декретировать, что на первый раз спекуляция карается только конфискацией накопленных предметов».

Завязались оживленные прения. Тибо и Вуллан заявили, что, голосуя в свое время за закон против спекуляции, они не имели в виду включить в него и ром, так как он является предметом роскоши. Но Раффрон и Ромм высказались в противоположном смысле. Раффрон подчеркивал, что Робер не сделал декларации. «Никакой род спекуляции не может быть терпимым». Ромм возмущался, что такой ясный случай считают возможным толковать двусмысленно. «Все знают, что иностранные слова «ром» и «арак» означают не что иное, как водку; неужели с помощью этих слов дозволено обходить закон, спасительный для народа? В таком случае дозволено скупить громадные запасы простой водки, если только к ней будет прибавлено

немного фруктов или вообще как-нибудь улучшат ее. Закон ничего не говорит о хлебной водке. Что же, если кто-нибудь имеет тайный склад такой водки, является ли он спекулянтом или нет? Да, является. А если так, если лицо, имеющее у себя запасы водки низшего качества, является спекулянтом, то почему не считать спекулянтом того, кто имеет у себя запас водки высшего качества? Этот случай мы имеем в лице Робера. Ему был известен закон. Я требую, чтобы *в своем решении вы поступили по всей строгости закона*».

Дело принимало плохой оборот для Робера. К счастью для него, Жозеф Лебон обратил внимание Конвента на то, что «если закон не ясен, он словно не существует». «Так как можно быть караемым только на основании закона, изданного до совершения преступного деяния, я полагаю, что Конвент должен перейти от рассматриваемого случая к порядку дня и передать на рассмотрение Комитета вопрос, должен ли ром считаться в числе предметов первой необходимости». Конвент присоединился к этому мнению. Он постановил передать вопрос в Комитет. Робер был спасен, хотя осужден морально.

Однако на том же заседании Осслен предложил, для удовлетворения общественного мнения, отменить номенклатуру предметов первой необходимости в законе 27 июля и заменить ее следующей статьей: «Спекулянтами считаются те, кто собирает в своих складах продукты, товары и всякие другие предметы торговли, не делая о них декларации и не пуская их в продажу». Эта статья в точности подходила к случаю с Робером. Но так как она не могла иметь обратной силы, она ловко снимала этот вопрос и в то же время успокаивала на будущее парижские секции.

Завязалась новая дискуссия. Некоторые депутаты находили, что статья, предложенная Осслеком, слишком неопределенна; Тюрио подчеркивал, что, если включить в этот закон все предметы торговли, он будет одинаково карать за важные и незначительные вещи. «Напр.,—говорил он,—любители картин собирают богатые коллекции картин без намерения продавать их; это самое невинное дело. Неужели их тоже придется считать спекулянтами и карать смертью? Другие занимаются физикой и вынуждены собирать с этой целью большое количество машин; неужели и их считать спекулянтами и карать смертью? Третьи страстно преданы науке и рождены просвещать род человеческий; они имеют обширные библиотеки. Неужели их, как собирателей книг, считать спекулянтами и карать смертью!» Конечно, Тюрио можно было ответить, что достаточно простой декларации, и любители картин и ученые будут вполне ограждены. Но Собрание питало глубокое и искреннее уважение к искусству и науке. Аргументы Тюрио оказали на него сильное действие. Бантаболь высказал опасение, что отмена номенклатуры может дать простор произволу. Тщетно Раффрон настаивал на принятии текста, предложенного Осслеком. Собрание колебалось и снова отложило вопрос.

Это нисколько не решало дела. Погреб Робера все еще оставался опечатанным. 30 числа I месяца (21 октября 1793 г.) секция Марата снова отправила депутацию в Конвент. Закон,— говорится в ее петиции,— не может дольше оставаться под вопросом; секция приступит к продаже рома Робера. Прений в Конвенте не последовало. Петицию просто направили в Комитет общественной безопасности. А через несколько минут оглашено было письмо Робера, в котором он заявлял, что жертвует свой ром в пользу секции. Выручку от продажи он предлагал употребить на вспомоществования вдовам и сиротам, оставшимся после граждан, павших на фронтах [1]. Письмо Робера тоже было переслано в Комитет общественной безопасности.

Казалось бы, секция Марата могла истолковать молчание Конвента как молчаливое согласие и приступить к продаже. Однако она еще выжидала. 6 и 11 брюмера председатель ее — в то время им был эбертист Моморо — пишет еще раз и просит ускорить доклад Комитета общественной безопасности. Этот доклад не был представлен ни теперь, ни впоследствии.

Однако, так как необходимо было положить конец делу, Робер и секция обратились к Генеральному совету коммуны. Последний выслушал обе стороны на заседании 23 брюмера (13 ноября). Секция заявила, что, приняв к сведению добровольное подчинение Робера, она распорядилась о продаже рома в пользу сирот и вдов волонтеров, павших за отечество; Робер, целиком оправдывая свое поведение, признал, что «совершил ошибку, взводя обвинения на Русильона и Дюкроке» [2]. После этих заявлений сторон Совет перешел к порядку дня.

Через две недели, 7 фримера, коммуна, в ответ на новый запрос секции, вынесла постановление предложить ром морскому министру, с тем чтобы цена его была установлена экспертами. Таким образом закон и здравый смысл победили.

Принудительные продажи и домашние обыски.

Дело с ромом Робера вызвало большой шум, потому что в ней оказался замешанным депутат Конвента. Но кроме него было целое множество других подобных дел. Они порождали серьезные конфликты.

В Париже недостаток припасов давал себя чувствовать больше, чем где-либо; кроме того могучая организация санкюлотов следила здесь за проведением закона 27 июля. Поэтому комиссары по борьбе со спекуляцией проявляли здесь большую строгость и по мере надобности не останавливались перед конфискацией товаров, которые не были специально перечислены в законе, в перечне предметов первой необходимости. Так, напр., в Северной секции один торговец, по имени

[1] Цитируем по «Auditeur national». Это письмо осталось неизвестным Олару.
[2] Цитируем по «Journal de la Montagne».

Кокильон, жалуется 16 сентября на комиссара Делормеля, конфисковавшего у него табак, хотя табак не подпал под действие закона [1]. Кокильон утверждал, что комиссар и в других отношениях поступил не по правилам.

Надо полагать, что случаи принудительных продаж были весьма многочисленны. Когда в начале октября был введен общий максимум, публика поспешила воспользоваться снижением цен и разобрала содержимое магазинов; после этого революционные комитеты и их агенты удваивают свою строгость. Многие торговцы закрыли свои лавки, заявляя, что не имеют больше товаров для продажи.

17 октября коммуна, под давлением клубов и секций, издала приказ о производстве обысков у всех торговцев и об объявлении подозрительными тех торговцев, которые перестанут торговать.

В Безансоне 25 числа I месяца муниципалитет тоже запрещает торговцам прекращать свою торговлю [2].

В известных случаях регламентация была более детальной. Так, напр., 26 плювиоза секция Пик, по докладу своего комиссара по борьбе со спекуляцией, постановила, что торговцы вином не имеют права ограничиваться только продажей на вынос и прекращать распивочную продажу, так как это последнее лишает санкюлотов возможности обедать у виноторговцев, а это является актом притеснения по отношению к сему достойному уважения классу [3].

Так как эти меры не способствовали обнаружению припасов у частных лиц, то стали требовать повальных обысков у всех граждан, безразлично — будет ли это торговец или нет.

5 числа II месяца (26 октября 1793 г.) секция Пантеона высказала пожелание об образовании центральной комиссии в составе 96 лиц из всех 48 секций «с целью подыскивать все возможные средства для снабжения всех парижских секций всеми сельскохозяйственными продуктами и промышленными товарами первой необходимости» [4]. Это пожелание было исполнено. Образован был Центральный революционный продовольственный комитет наподобие того, который существовал в августе месяце и вызвал тогда большую тревогу. 11 брюмера (1 ноября 1793 г.) этот комитет уведомил Комитет общественной безопасности (Комитет Конвента), что намерен произвести на следующий день повальные обыски во всем Париже.

[1] «Archives parlementaires», t. 74, p. 288. См. у Тюетея, Répertoire, t. IX, № 1171, протокол совещания комитета надзора Парижского департамента, в котором приветствуется комиссар по борьбе со спекуляцией в коммуне Вожирар за конфискацию 800—900 повозок угля и 6 тюков соды.

[2] Регистр постановлений муниципалитета.

[3] Archives nationales, F⁷ 4778.

[4] Об этом см. у Олара, Actes du Comité de Salut public, t. VIII, заседания Исполнительного совета и Комитета от 11 брюмера.

Это взволновало стоящих у власти. Они опасались беспорядков, боялись, что вспыхнет мятеж. Еще в тот же день произошло совместное заседание Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности; они постановили запретить возвещенные обыски [1]. В то же время Временный исполнительный совет напоминал первую статью декрета от 25 августа 1793 г., запрещающую «всем особым продовольственным комиссиям города Парижа, за исключением муниципальной администрации, вмешиваться тем или иным способом в операции, касающиеся снабжения Парижа». Повидимому, Центральный комитет подчинился. Но если не производились повальные обыски, то отдельные обыски производились в большом числе. Одна современная гравюра изображает комиссара по борьбе со спекуляцией при исполнении его обязанностей [2]. На картине изображена внутренность буржуазного жилища: в углу комнаты плачет женщина, закрыв лицо руками; на первом плане виден комиссар, на нем через плечо шарф, знак его достоинства, в руках дубинка, он руководит обыском; один из его помощников, взобравшись на табуретку, вытаскивает с видимым удовлетворением из стенного шкафа нечто вроде пакета; другой санкюлот записывает, а третий, небрежно облокотившись и посмеиваясь, созерцает всю сцену. У скольких семейств остался в памяти от революции только визит этих комиссаров!

Административные кары.

Замеченные нарушения карались или в административном порядке, или по суду. Административные кары налагались в Париже революционными комитетами. В протоколах этих последних можно найти много интересного в этом отношении.

Пробежим несколько страниц из протоколов революционного комитета секции Обсерватории. Вот что мы находим под датой 27 числа I месяца. «К нам, комиссару революционного комитета секции Обсерватории, явилась гражданка Маделен Дюран, по мужу Марли, проживающая по улице Сен-Жак, в доме № 280. Она предъявила часть полусетье вина, купленного ею по цене двенадцать су за пинту у гражданки Леклер на улице Фобур-Сен-Жак, № 283, торгующей вином и лимонадом. Она просила нас отведать это вино. Выслушав декларацию, она заявила, что будет говорить только правду, и подписалась. После чего мы, комиссар, отведали это вино и нашли, что оно самого худшего качества и даже не имеет вкуса вина. Тем не менее, желая удостовериться в истине, мы послали члена нашего комитета, гражданина Гулара, купить у упомянутого Леклера полусетье вина за 12 су. Отведав вино, мы нашли его подобным тому, которое нам представила гражданка Марли. А гражданка Леклер признала, что это вино про-

[1] Постановление это подписано Робеспьером, Карно, Билло-Вареном и Бареном. Оно написано рукой Робеспьера.

[2] Она воспроизведена в приложениях к перепечатке «Moniteur» (т. XIX).

дано ею. Тогда мы распорядились составить обо всем этом настоящий протокол и послать экземпляр его прокурору коммуны. Кроме того распорядились наполнить одну бутылку этим вином и запечатать ее в присутствии гражданки Леклер, чтобы эта бутылка служила уликой. Обо всем этом свидетельствует настоящий протокол от вышеуказанного числа» [1].

На другой день комитет постановил не давать дальнейшего хода этому делу. «Комитет, обсудив проступок гражданина Леклера, уличенного в продаже по максимальной цене фальсифицированного вина, постановляет ограничиться только на этот раз строгим выговором упомянутому Леклеру, обязать его возвратить покупательнице цену проданного вина и предложить ему не допускать впредь в своей торговле никаких злоупотреблений».

А вот пример злоупотребления не на качестве, а на весе товара:

«26 брюмера в комитет явилась гражданка Широ, булочница с Лионской улицы, для объяснений по поводу доставленных в комитет трех хлебов, весящих вместо 5 фунтов только $4^1/_2$. Выслушав ее, комитет постановляет, что гражданка булочница должна внести цену трех хлебов в кассу для бедных и что в случае рецидива она будет арестована. На сей раз комитет не арестовал ее, приняв во внимание, что хлеб перепечен и что муж ее заснул во время выпечки».

Борьба с фальсификациями.

После введения общего максимума фальсификации продуктов, в особенности напитков, так участились, что в Париже пришлось учредить особый орган для борьбы с фальсификациями.

Многие секции опечатали погреба виноторговцев. 11 брюмера (1 ноября 1793 г.) секция Единства пригласила химиков исследовать фальсифицированные вина и представила в коммуну протоколы исследования. Коммуна 21 брюмера напра вила дело в полицейское управление. 4 фримера (24 ноября) коммуна издала постановление, что отныне все подозрительные вина отдаются на исследование и анализ *четырем комиссарам-дегустаторам*. Повидимому, впоследствии эти комиссары были непосредственно подчинены комитету надзора Парижского департамента. В самом деле, как видно из протоколов этого комитета, последний 24 плювиоза обращается к главному аптекарю больницы Hôtel-Dieu, Дюбюиссону, и просит его рекомендовать комитету компетентного химика [2]. По указанию Дюбюиссона назначен был фармацевт Картье. Он ежедневно производил множество анализов и писал рапорты о них; за ними следовало составление протоколов и привлечение виновных к суду исправительной полиции [3]. Очень

[1] Archives nationales, F⁷ 2514.

[2] Tuetey, Répertoire, t. XI, № 1001.

[3] Tuetey, t. X, №№ 1613, 1801, 1807, 1819, 1830, 1836.

часто фальсифицированные вина содержали только перебродивший грушевый сок или сидр, лишь подкрашенные той или другой краской.

Кроме этой центральной инстанции секции тоже имели своих комиссаров-дегустаторов. Так, напр., 13 фримера секция Пик, по предложению гражданина Маротта, полицейского комиссара, назначила на должность дегустатора гражданина Рейса. хирурга, проживающего по улице Комартен. Это назначение было подтверждено общим собранием секции [1].

Некоторые секции, напр. секция Единства, желали также учредить должность контролеров всех других пищевых продуктов. В этом смысле секция Единства высказывалась в петиции Конвенту 30 брюмера (20 ноября): «Не печально ли. напр., получать вместо вина грушевый сок, вместо оливкового масла — маковое или репное, вместо перца — золу или толченое дерево, вместо сахара — крахмал?»

Провинция следовала примеру столицы. В Дюнкирхене муниципалитет 1 брюмера учредил должность экспертов для наблюдения за качеством продуктов [2]. 9 прериаля II года Бергский дистрикт предписывает муниципалитетам производить через сведущих людей анализ напитков.

Судебные кары и реформа закона.

За административными карами шли наказания по суду. В принципе преступления спекулятивного характера подлежали уголовному суду, который судил безапелляционно (ст. 13 закона 27 июля 1793 г.). Но так как по ним полагалось единственное наказание — смертная казнь, суды не решались выносить обвинительный приговор. Их мягкость уже с самого начала вызывает горячие протесты со стороны секций и клубов.

В середине сентября трибунал 4-го Парижского округа оправдал одного купца, обвиненного в спекуляции, некоего Банеля, который сделал декларацию только относительно 15 бочек вина, тогда как у него в погребе найдено было их целых 35. Полицейское управление воспользовалось этим оправданием и ходатайствовало на этом основании перед Конвентом о реформе закона 27 июля. Оно требовало передать дела по спекуляции особым присяжным, в состав которых не должен входить ни один купец; формы судопроизводства должны быть те же, что в революционных трибуналах, т. е. приговор выносится абсолютным большинством голосов; прежде чем вступить в исполнение своих обязанностей, присяжные должны подвергнуться баллотировке — чистке в своей секции. Петиция эта была отослана Конвентом в Продовольственную комиссию. Она была не первой и не последней: в Конвент поступил еще ряд других.

[1] Archives nationales, F⁷ 4778.

[2] G. Lefebvre в «Bulletin de l'histoire économique de la Révolution», 1913, p. 431.

Закон 27 июля был принят наспех во время кризиса летом 1793 г., чтобы успокоить волнения, вызванные Бешеными. Его слишком торопливая формулировка давала место произвольным толкованиям.

20 августа комитет надзора Парижского департамента, которому подчинены были комиссары по борьбе со спекуляцией, поручил одному из своих членов, Делеспину, заняться вопросом о реформе закона 27 июля. Спустя три дня Делеспин сообщает Комитету по законодательству о тех трудностях, на которые наталкиваются эти комиссары при применении ст. 10 этого закона; эта статья содержала обязательства декларации товаров и вывешивания цен. Днем раньше в Конвент явилась депутация якобинцев во главе с Ройе, тем самым, который играл столь важную роль в событиях 10 августа, как оратор делегатов первичных собраний. Депутация указывала Конвенту на неудачную формулировку ст. 5 того же закона; Ройе предлагал изменить ее в следующем духе: «Частным лицам запрещается иметь у себя запас продуктов первой необходимости более, нежели на три месяца». Ройе высказал также пожелание, чтобы комиссарам по борьбе со спекуляцией присвоен был особый отличительный значок.

19 сентября докладчик комиссии по спекуляции, Осслен, представил свой первый доклад относительно этих петиций. Осслен признавал, что закон составлен неудачно. «Граждане стонут оттого, что их считают спекулянтами, тогда как они ведут лишь дозволенную торговлю; власти не могут найти в законе пути для применения его на деле; комиссары, которым поручено это, не знают даже, кому они должны отсылать свои протоколы; все жалуются на слишком неопределенную формулировку закона; если применять его буквально, он может привести на плаху самого честного гражданина, а оставаясь, за неимением путей применения его, в бездействии, он предоставляет народ всем ужасам спекуляции». Осслен указывал также, что требование вывешивать у дверей магазинов список товаров и цен является утомительной формальностью и мало дает, так как этот бесконечный перечень никогда не может быть точным, «ввиду того, что продажи не прекращаются, а вывешенные списки не могут предусмотреть происходящих в них изменений». Еще более тягостным Осслен считает другой пункт закона, а именно — о принудительной продаже товаров с предуведомлением за три дня: «Если бы эта статья закона могла быть проведена на деле, то кто рискнул бы держать на складе товары для оживления розничной торговли... и что стало бы со снабжением наших городов и в особенности Парижа, если заставлять продавать в течение трех дней все товары, имеющиеся здесь на складе?» Осслен приходит к заключению, что необходимо освободить розничных торговцев от обязательства декларации количества их товаров; он предлагал ограничиться обязательством декларации качества и цены товаров. Далее, он предлагал следующее: смертную казнь оставить только для случаев рецидива; ложные декларации карать 16 годами каторги; отменить принудительные продажи в розничной торговле; случаи

отказа оптовых торговцев продавать свой товар должны устанавливаться муниципалитетами; розничным торговцам должно быть запрещено прекращать свою торговлю; конфискации подлежат утверждению муниципалитетов. Наконец, Осслен предлагал учредить при уголовных трибуналах особые жюри для разбора всех дел по спекуляции.

Собрание не спешило принять реформу, требуемую Осслеком. Прения по его законопроекту открылись только 2 октября. На этом заседании решено было отменить номенклатуру продуктов первой необходимости и заменить ее следующей статьей, предложенной Камбоном: «Скупка продуктов, товаров и всякого рода предметов торговли без исключения является преступлением, караемым смертной казнью». Эта формулировка была гораздо шире, чем та, которую предложил Осслен; она опрокидывала весь его законопроект. Осслен сам потребовал прервать прения. Однако Конвент принял еще предложение Госсюэна, включающее в закон о максимуме все без исключения съестные припасы.

Конвент вернулся к рассмотрению законопроекта Осслена 8 октября. В этот день Собрание должно было высказаться по вопросу, является ли ром Робера водкой. Как мы уже знаем, Конвент, благодаря выступлению Тюрио, отклонил, как слишком неопределенное и расплывчатое, новое определение спекуляции (accaparement), предложенное Осслеком. Как пряжа Пенелопы, законопроект должен был быть переделан еще раз.

Комиссары по борьбе со спекуляцией выражали нетерпение. Еще в тот день, когда было принято это решение, они писали Конвенту и рекомендовали ему принять формулировку, предлагаемую Осслеком. Они жаловались, что испытывают затруднения в своей работе благодаря неточной формулировке статей закона 27 июля. Министр внутренних дел Паре поддержал их жалобы [1]. Он приводил следующие факты: в некоторых секциях конфискация захваченных товаров решалась безапелляционно и немедленно исполнялась, «несмотря на все возражения заинтересованных сторон», тогда как в других секциях продажа товара откладывалась до решения суда. Муниципалитет и Парижский департамент прибегают ко второму способу: они издали постановления, запрещающие продажу товаров в случае протестов, но некоторые секции не считаются с этим. Министр заявлял себя сторонником отсрочек в тех случаях, когда конфликт доведен до суда; но он настаивал, чтобы Конвент уточнил различие правомочий администрации и судов в вопросах о конфискациях. В законе это различие не было сделано.

16 октября Осслен представил Конвенту новую формулировку закона, восстановляющую номенклатуру предметов первой необходимости. Тюрио прибавил к ней шелковые материи, отделанные и неотделанные, Лекуантр — напильники

[1] Его письмо (от 7 октября) помещено в отчете о заседании 13 октября в «Archives parlementaires».

и другие инструменты. С этими дополнениями новая номенклатура была принята Конвентом. Принята была также статья, в которой дается определение спекулянтов: кроме торговцев, отказывающихся продавать свои товары, спекулянтами являются также все частные лица, сохраняющие у себя запасы сверх необходимого для них. Впрочем, дискуссия была прервана и на этот раз.

Секциям была непонятна такая медлительность. 23 октября в Конвент явились делегаты от 43 секций и вручили ему петицию, составленную секцией Обсерватории. В этой петиции секции снова жаловались, что спекулянты начинают оправляться от своего испуга: «Они видят, что орудие смерти висит в воздухе, а не падает на их головы; они знают, что столь полезное учреждение, как суд присяжных, почти всегда отдает их судьбу в руки их друзей, обогатившихся, как они, за счет бедняков и боящихся установить плохой пример для себя же». Секции снова требовали «введения специального состава присяжных, выбранного вне класса негоциантов, банкиров, спекулянтов и вообще богатых, а также гласности судопроизводства, по примеру процессов против контр-революционеров». Петиция была отправлена на рассмотрение Комитета по законодательству.

Комиссары по борьбе со спекуляцией не устают повторять свои жалобы. 5 брюмера (26 октября) они настаивают, чтобы в законе было точно указано, какое количество продуктов частные лица имеют право держать у себя для своих собственных нужд. Этот вопрос тоже направлен был на рассмотрение комитета.

Якобинец Вивье, директор обвинительного бюро при трибунале 3-го округа, присоединяет свой голос к требованиям комиссаров по борьбе со спекуляцией. В длинном и весьма конкретном мемуаре [1] он доказывает, что Конвент законом от 30 сентября 1793 г. сделал почти невозможной борьбу со спекуляцией судебным порядком, так как поручил ее присяжным, которые выбираются среди граждан, осведомленных в преступлениях этого рода [2]. «В результате,— говорится в мемуаре Вивье,— спекулянты могут быть судимы, согласно закону от 30 сентября, только торговцами продуктами, своими достойными собратьями и подражателями». Вивье настаивал, что спекуляция, как преступление против революции, может быть судима только теми присяжными, которые являются истинными революционерами. Он находил необходимым обязать торговцев немедленно объявлять вместе с количеством имеющихся у них товаров, желают ли они продавать их или нет. Он сообщал также, что некоторые торговцы оставляют часть своих

[1] Он помещен в приложении к отчету о заседании 13 брюмера в «Archives parlementaires».

[2] Закон 30 сентября поручил суждения о преступлениях продовольственного характера специальным жюри, образуемым согласно разделу XII второй части закона от 29 сентября 1791 г. Быть может, это был маневр, долженствующий лишить силы закон о спекуляции?

продуктов на складе у транспортных обществ и таким образом уклоняются от деклараций и проверок.

22 брюмера (12 ноября) Вивье снова тщетно возвращается к этим требованиям. Конвент остался глух к ним. Специальные революционные жюри, состоящие из одних санкюлотов, не были введены ни теперь, ни потом.

19 брюмера докладчик по проектируемому новому закону, Осслен, был арестован по обвинению в покровительстве жене эмигранта, маркизе де-Шарри, ставшей его любовницей. Новый докладчик Удо был назначен только через несколько месяцев и представил свой доклад только в начале вантоза.

Итак, в течение восьми месяцев борьба со спекуляцией должна была вестись на основании закона 27 июля, т. е. негодным оружием. 27 брюмера, по докладу Монно, выступившего от имени Комитета финансов, Конвент внес некоторые детальные изменения в этот закон, но они не касались его недостатков и изъянов. Они указывали лишь, что отныне выручка от конфискаций не делится между бедными, а полностью принадлежит коммунам, а также что комиссары по борьбе со спекуляцией должны оплачиваться за счет конфискованных товаров или же, в случае недостатка их, за счет добавочного налога.

Дело Годона.

Комиссары по борьбе со спекуляцией самым решительным образом выступали за законопроект Осслена. Этот законопроект смягчал закон 27 июля, так как устанавливал вместо единой кары, смертной казни, градацию наказаний. С другой стороны, оппозиция, заставившая отложить этот законопроект, целиком рекрутировалась из партии Дантона. При сопоставлении этих двух обстоятельств невольно является вопрос, не являлось ли отсрочивание реформы закона политическим маневром, не рассчитывали ли дантонисты, опиравшиеся на торговые круги, что недостатки этого закона увеличат непопулярность их противников, эбертистов. Ведь именно эбертисты настаивали на издании революционных продовольственных законов, наследии, перенятом ими от Бешеных. Кроме того в Париже эбертистам поручено было также применение этих законов на практике. Если закон 27 июля оказывался в их руках бесполезным или давал печальные результаты, то дантонистам легко было свалить всю ответственность за неуспех на своих противников.

Характерно, что Билло-Варен и Колло д'Эрбуа, авторы закона 27 июля, отказались притти на помощь Роберу, когда он обратился к ним за поддержкой; характерно, что Билло-Варен в своей большой речи 28 брюмера поддержал жалобы комиссаров по борьбе со спекуляцией. «Декреты против спекуляции,— заявил он,— незаметно сходят на-нет, так как они направлены против алчности богатых торговцев, а бо́льшая часть этих последних в то же время является также чинами админи-

страции». Еще характернее, что дантонисты, воспользовавшись слишком суровым вердиктом, вынесенным против одного торговца, добились приостановки закона в той его части, которая устанавливала наказания за спекуляции, — приостановки как фактической, так и юридической.

Один богатый виноторговец в секции Арсенала, Пьер Годон, не вывесил у дверей своего магазина прейскуранта своих вин, как того требовала ст. 10 закона 27 июля. Однако он сделал декларацию, предусмотренную ст. 4; кроме того он отсутствовал из дома, когда комиссары явились проверить его декларацию. Прейскурант не был вывешен только по небрежности его сына. Был составлен протокол, и Пьер Годон был предан суду революционного трибунала Парижского департамента; последний приговорил его к смертной казни, так как судьи имели в своем распоряжении только этот вид наказания.

Немедленно министр юстиции Гойе представил в Конвент ходатайство зятя Годона и потребовал отсрочить приведение приговора в исполнение. Дантонист Бурдон (из Уазы), страстный противник эбертистов, тоже выступил за отсрочку, так как нельзя карать отца за небрежность сына. «Граждане! — воскликнул он,— спасите невинного, возвратите семье отца». Это требование было принято Конвентом единогласно, причем произошла умилительная сцена. Сам Дантон принял в ней участие. «Спасти невинного,— сказал он,— великая честь, и я лечу лично объявить суду декрет, принятый Конвентом». Некоторые другие депутаты отправились вместе с Дантоном сообщить судьям о помиловании осужденного. Это была эффектная, театральная сцена.

В тот же день Собрание постановило, что «применение смертной казни, требуемой законом о спекуляции, приостанавливается до представления доклада комиссии, которой поручается точно и ясно установить, в каких случаях должны выноситься смертные приговоры». Шесть дней спустя, 8 нивоза, Конвент окончательно аннулировал смертный приговор по делу Годона и, по докладу Удо, распорядился об освобождении Годона.

Хотя вотум Конвента, спасший Годона, был вынесен единогласно, хотя Колло д'Эрбуа участвовал в формулировке текста декрета, приостанавливающего смертную казнь для спекулянтов, не подлежит сомнению, что дантонисты старались извлечь для себя выгоду из этого инцидента. Они заслужили себе благодарность всего торгового класса. Они нанесли удар по больному месту закона о спекуляции; отныне этот закон остался без карательных пунктов. Приблизительно в это же время дантонисты делают попытку спасти контр-революционера, нотариуса Шодо; им удалось добиться для него вначале отсрочки казни, но тем не менее Шодо был казнен. Понятно, почему Робеспьер обвинял дантонистов в стремлении [1] привлечь на сторону их партии «богатых и аристократов».

[1] См. изданные мною заметки Робеспьера против дантонистов в моей книге «Robespierre terroriste», p. 91.

Революционный трибунал.

Наше изложение борьбы со спекуляцией было бы слишком неполно, если бы мы не упомянули, что во многих случаях страшным орудием против провинившихся купцов и поставщиков служил закон о подозрительных лицах.

С 29 сентября 1793 г. все дела по фальсификациям продуктов и по недозволенным прибылям объявлены были подсудными революционному трибуналу. В «Annales historiques de la Révolution française» я дал очерк нескольких таких дел [1]. Революционный трибунал играл в то время роль наших военно-полевых судов.

Не раз случалось, что суду революционного трибунала предавались также купцы, не заключившие сделок с государством, если только в результате дела обнаруживались их контр-революционные намерения. Так, например, 5 нивоза приговорен был к смерти булочник Николай Гомо, 41 года, проживавший в Париже, на улице Сен-Жак; он был осужден «как уличенный в скупке хлеба для собственного потребления, в вышечке и поставке хлеба плохого качества и в произнесении речей, направленных к ниспровержению республики». В этом любопытном документе обвинения экономического характера связаны с политическими обвинениями.

Укажем также на осуждение на смерть скототорговца Жана Мюске, «уличенного в том, что он был виновником и соучастником заговоров и происков для возбуждения в Париже продовольственных беспорядков и для создания голода и гражданской войны; для этой цели он покупал и продавал по чрезмерной цене скот, предназначенный для снабжения этой коммуны, и затягивал подвоз продовольствия в Париж или совсем препятствовал ему».

Сен-Жюст и Леба.

Некоторые эмиссары Конвента не ограничивались тем, что приводили в исполнение закон о максимуме и боролись со спекуляцией с помощью средств, предоставляемых в их распоряжение законом. Они издавали постановления, которые были новыми законами. Так поступали, например, Сен-Жюст и Леба во время своей знаменитой миссии в Эльзасе. 3 нивоза они издают в Саверне следующее постановление: «Уголовному трибуналу департамента Нижнего Рейна приказывается сносить с лица земли дома всех лиц, уличенных в ажиотаже или в продаже по ценам выше максимума. Это постановление незамедлительно опубликовать и расклеить по всей территории департамента Нижнего Рейна».

[1] См. мои статьи: «Un fournisseur, Choiseau», Comment le tribunal révolutionnaire traitait les mercantis», напечатанные в «Annales historiques de la Révolution française» за ноябрь — декабрь 1924 г. См. также список осужденных по этим делам, опубликованный нами в «Annales Révolutionnaires» за июль — сентябрь 1917 г., стр. 548—550.

Меня не удивило бы, если бы оказалось, что Сен-Жюст и Леба имели подражателей. Но, чтобы проследить по всей Франции историю закона против спекуляции, необходимы обширные исследования; я не имею возможности предпринять их. Как я уже говорил в начале этой книги, цель моя заключалась только в том, чтобы поставить вехи для будущих исследований.

Законодательство и партии.

Из изложенного выше явствует, что, при всей недостаточности формулировки закона против спекуляции, в Париже были приложены большие усилия для применения его на деле. Комиссары по борьбе со спекуляцией, комиссары-дегустаторы, подчиненные революционным комитетам, делали большую работу. Повидимому административные кары были более действительны, чем наказания по суду; эти последние сводились на-нет вследствие чрезвычайной суровости закона, признававшего в качестве меры наказания только смертную казнь. Однако, когда после дела Годона эта мера наказания была приостановлена, революционный трибунал потребовал к себе дела, подлежавшие нормальной компетенции уголовных судов.

Из нашего изложения вытекает также, что применение революционных законов затруднялось глухим сопротивлением значительной части Конвента. «Равнина», поддерживаемая дантонистами, в сильной степени парализовала эти законы, нисколько не стараясь улучшить их. Борьба партий продолжалась на экономической почве точно так же, как в других областях. Необходимо иметь это в виду для правильной оценки законодательства эпохи террора. Это законодательство было навязано законодателю против его воли, оно натыкалось на громадное препятствие в мотивах личного эгоизма, оно было выражением борьбы классов в то время, когда эта борьба еще не объявляла себя открыто таковой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ПАДЕНИЕ ЭБЕРТИЗМА.

(Вантоз II года.)

В конце зимы продовольственный кризис в столице усилился. В начале вантоза у дверей магазинов были бесконечные хвосты и драки. Если, благодаря хлебной карточке, хлеба еще с грехом пополам хватало, то не так было с мясом — мясная карточка еще не была введена. Рабочие роптали, что ко времени обеда не могут ничего найти в кухмистерских. Во всех харчевнях, — говорит в своем рапорте от 3 вантоза агент Прево, — не было ни унции мяса. Овощей стало не видно, и цены их чрезвычайно поднялись. «Физиономия Парижа начинает становиться страшной, — докладывает на другой день наблюдатель Латур-ля-Монтань: — на рынках, на улицах повсюду встречаешь громадные бегущие толпы граждан; они толкают друг друга, испускают вопли, проливают слезы и всюду являют зрелище отчаяния. При виде всего этого можно, пожалуй, сказать, что Париж уже находится в когтях голода и его ужасов». Тот же наблюдатель высказывает свое удивление и восхищение по поводу того, что при этих обстоятельствах люди сохраняют уважение перед чужой собственностью. «История, — говорит он, — не знает другого примера, чтобы народ, находясь в таких тяжелых условиях, вел себя с такой умеренностью. При старом режиме уже давно повесили бы старосту, торговцев или полицейского офицера, а теперь при малейшем волнении простой гражданин выступает с речью во имя закона, и все опять спокойны».

Это было относительное спокойствие. Тот же агент в своем рапорте от 15 вантоза вынужден констатировать следующее: «Сегодня у всех лавок толпы народа. В давке было ранено несколько женщин. Вид раненых поднял народ в нескольких кварталах. При распределении продуктов решает сила, и сегодня утром несколько женщин едва не поплатилось жизнью за четвертушку масла». Что касается уважения к чужой собственности, то дело уже не обходится без некоторых эксцессов. 5 вантоза наблюдатель Сире пишет: «Дело доходит до крайностей. Сегодня утром население предместья Сент-Антуан бросилось на Венсенское шоссе и грабило все продукты, доставляемые в город. Одни платили за них, другие уносили их без всякой уплаты. Крестьяне в своем отчаянии поклялись, что ничего

не будут доставлять больше в Париж. Крайне необходимо положить конец этому бандитизму, который непременно должен повести к голоду в столице». Спустя несколько дней, 17 вантоза, наблюдатель Монен рапортует, что у ворот Сен-Жак и на небольшом рынке того же имени женщины, обитательницы этого квартала, остановили в 6 часов утра повозки с продуктами и расхватали их содержимое: масло и яйца. Только часть этих продуктов была оплачена по максимуму, остальное было забрано без всякой уплаты [1].

Дантонисты и эбертисты.

Это обострение продовольственного кризиса пришлось как раз в тот момент, когда распри между монтаньярами дошли до крайнего предела. В конце плювиоза клуб якобинцев стал ареной борьбы между эбертистами и дантонистами. Первые торжествовали по поводу освобождения их главарей Ронсена, Венсана, Мазюэля, за которыми Комитет общественного спасения не признал вины; донесший на них Фабр д'Эглантин, в свою очередь, был посажен в тюрьму, и теперь эбертисты горько жалуются, что его все еще не судят. Еще больше огорчают их невероятные проволочки в судебном следствии по одному финансово-политическому делу, в котором вместе с Фабр д'Эглантином замешаны были Шабо и Базир. В свое время эти последние пытались представить Эбера и его приверженцев как агентов Питта [2]. Эбертисты хотели отомстить за Филиппо, который обвинял посланных в Вандею эбертистских генералов в неспособности и в измене, и за Камилла Демулена, который в своем «Vieux Cordelier» выставлял на позор и посмещ щ их самих и политику их партии. Однако эбертисты не могли добиться исключения из клуба ни Филиппо, ни Камилла Демулена. Робеспьер взял Демулена под свою защиту. Окончательно эбертисты вышли из себя, когда якобинцы отказались принять в клуб одного из самых влиятельных вождей эбертистов, которого последние считали жертвой и мучеником — это был Венсан, правая рука Бушотта в военном министерстве и правая рука Эбера в клубе кордельеров. Провал кандидатуры Венсана в клубе переполнил чашу терпения эбертистов и определил их поведение. Они считали себя жертвой систематических подвохов сторонников Робеспьера, соединившихся для этой цели с дантонистами. Отныне они кричат, что их преследуют; прежде они щадили правительство, а теперь становятся в позу оппозиции.

Продовольственный кризис с фатальной неизбежностью питал борьбу партий, тем более, что каждая из них предлагала различные, если не противоположные, решения продовольственной проблемы.

[1] См. доклады полиции, сохранившиеся в бумагах Фукье-Тэнвиля, W 112, и отчасти опубликованные у Dauban. Paris en 1794.

[2] См. об этом мою работу «Affaire de la Compagnie des Indes».

Большинство дантонистов, стараясь сохранить свою популярность, в то же время оказывали упорное, глухое сопротивление законам о спекуляции, о максимуме, о реквизициях. Они демонстративно брали торговлю под свое покровительство.

Когда Конвент помиловал винотторговца Годона, приговоренного революционным трибуналом на основании закона о спекуляции к смертной казни, Дантон торжествовал, словно ему удалось одержать личную победу. Шабо в своем знаменитом заявлении от 26 брюмера против эбертистов и иностранных агентов и в своих письмах из тюрьмы к Дантону, Мерлен-де-Тионвилю, Робеспьеру всячески старался выставить закон о максимуме как контр-революционный маневр; по его словам, этот закон должен остановить обращение продуктов и вызвать голод, а с ним вместе и контр-революцию, доведя народ до крайнего отчаяния. Он уверял, что авторы этого закона, т. е. эбертисты, навязавшие его Конвенту, были агентами Питта. «Заговорщики, — говорит он и понимает под ними Делонэ, Жюльена де-Тулуз и их вдохновителя, барона де-Батц, — заявили мне, что закон о максимуме был форсирован для того, чтобы вызвать гражданскую войну. Этот злосчастный результат мог бы быть вызван уже одной таксой на заработную плату» [1].

Другой друг Дантона, член Конвента Гюффруа, печатал в своей газете «Le Rougyff» подобные же инсинуации. Он обвинял Шометта и его клику в том, что они сеют в народе мятеж на почве требований хлеба. Гюффруа требовал от Комитета общественного спасения роспуска революционной армии, созданной для проведения максимума и реквизиций [2].

Что касается Камилла Демулена, то в своем «Vieux Cordelier» он возлагал на эбертистов ответственность за те лишения, которым подвергалась Франция. «Я думаю, — писал он, — что свобода не есть нищета, не заключается в том, чтобы ходить с протертыми рукавами, — помнится, я видел Ролана и Гюаде в таком парочитом наряде, — не в том, чтобы носить деревянные башмаки [3]. Я верю, напротив, что одно из главных различий между свободными народами и народами-рабами заключается в том, что там, где есть свобода, нет нищеты, нет рубищ. Я продолжаю верить в то, о чем я писал в трех последних строках моей «Истории бриссотинцев», которую вы так хвалили: только республика может исполнить обещание, которое монархия давала в течение 800 лет и не исполнила: обеспечить каждому курицу в супе. Я далек от мысли, что свобода есть равенство нищеты; напротив, я верю, что только республиканское правительство может привести к богатству народов». Камилл Демулен писал также: «Я верю, что свобода не заклю-

[1] Рукопись Шабо под заглавием «Опровержение доклада Барера» от 3 вантоза (Arch. nat., F⁷ 4637).

[2] См. №№ 54, 55 и др.

[3] По почину Шометта якобинцы советовали носить сабо, чтобы сберечь кожу, необходимую для обуви солдатам.

чается в равенстве в лишениях и что наивысшей хвалой для Конвента было бы, если б он мог сказать о себе: я застал нацию без штанов, а оставляю ее в штанах». Наконец, он издевался над дынями на террасе Тюльерийского сада и грядками лука в Пале-Рояле. Эти тирады смаковали потом аристократы, которые, захлебываясь, читали газету Демулена.

Дантонисты не были аскетами и мечтали о веселой и легкой жизни. Чтобы ускорить возвращение ее, они обещали своим приверженцам мир, амнистию, освобождение подозрительных, отмену максимума, реквизиций и всех революционных мер, которые были приняты по настоянию эбертистов для продолжения войны до победного конца.

Политика правительства.

Лица, стоящие у власти,— для краткости их можно назвать робеспьеристами, но это название не совсем верно, так как Робеспьер не был диктатором,— противились как модерантизму дантонистов, так крайностям эбертистов. Они одни из первых признавались, что закон об общем максимуме был навязан им против их воли. «Первая идея максимума, — писал Сен-Жюст в своих «Institutions républicaines», которые должны были увидеть свет лишь после его смерти, но написаны были в плювиозе, — пришла извне, принесена была бароном де-Батц; это был проект голода. В настоящее время в Европе все хорошо знают, что наши враги рассчитывали на голод для того, чтобы разжечь гнев народа; они рассчитывали на гнев народа, чтобы уничтожить Конвент, рассчитывали на роспуск Конвента, чтобы разорвать на части, расчленить Францию». Сен-Жюст усвоил себе здесь тезис Шабо. Робеспьер и Барер не думали иначе.

Робеспьер младший, в бытность свою эмиссаром Конвента, выступает против разглагольствований членов клуба, которые пугают народ насчет продовольствия и таким образом, под предлогом борьбы с голодом, сами вызывают его [1]. Робеспьер старший подозрительно относился к революционной армии. В октябре 1793 г. он заносит в свою интимную записную книжку: «Дюфресс и революционная армия внушают беспокойство» [2]. Однако лица, стоящие у власти, нисколько не помышляли об отмене или саботировании максимума. каковы бы ни были их собственные взгляды на достоинства этого закона. Напротив! Все их действия показывают, что они по мере сил старались использовать этот закон к лучшему, для победы революции над ее врагами. Они знали, что в городах санкюлоты—правильно или нет—видят спасение в максимуме. Они не могли разубедить их в этом. Законы были приняты. Они приводили их в действие. Комитет общественного спасения подталкивал Продовольственную комиссию, на которую возложена была задача составить таблицу цен всех товаров на местах их производства. Так как первый заведующий бюро максимумов не работал достаточно быстро, его заменили 16 фримера другим — гражданином Дерю, который получил директивы ускорить работу бюро. Ожидания Комитета не были обмануты. Ценой лихорадочной работы в три месяца была составлена грандиозная таблица цен всех продуктов во всех дистриктах республики. Комиссия представила ее в Конвент 3 вантоза, и в тот же день Барер выступил с восторженным докладом, в котором комментировал эту таблицу. Мы еще вернемся к этому докладу. Комитет общественного спасения не только не думал об отмене исключительных экономических законов, навязанных ему силой обстоятельств; напротив, он старался усилить эти законы. Барер воспользовался тем предлогом, что в осажденной крепости Ландау торговцы требовали чрезмерные цены за продукты, и провел 16 нивоза следующий декрет: «В каждом осажденном или подверженном блокаде городе все товары и продукты, необходимые для жизни, точно так же предметы одежды и обмундирования переходят в общественное распоряжение, оплачиваются собственникам за счет республики и распределяются между гражданами поровну, соответственно их потребностям». В своих циркулярах и в своих действиях Комитет общественного спасения следил за строгим соблюдением максимума. Робеспьер младший, в бытность свою эмиссаром в Франш-Конте, поставил исполнение максимума под наблюдение революционных комитетов. Барер в своем большом докладе 3 вантоза страстно обрушился на алчность торговцев, жадность собственников, притязания промышленников. Он возвещал, что посредники, эти паразиты, должны исчезнуть. Угрожал нерадивым властям, не проявляющим должного рвения при исполнении закона.

Несомненно, все эти усилия Комитета общественного спасения имели целью сломить недоверие народа и отнять у эбертистов всякий предлог, всякую возможность очернить намерения Комитета. Несомненно, Робеспьера в частности тревожили симпатии дантонистов к торговой аристократии. Спустя короткое время в заметках, переданных им Сен-Жюсту, он обвиняет их в том, что они старались связать богатых с их партией. Вместе с Барером он уже ведет энергичную борьбу против их пацифистской политики. Если он воспротивился исключению Камилла из списка якобинцев, то не только из памяти к их старой дружбе, но потому, что не желал разбивать единство партии Горы. Он всячески старался предупредить и успокоить распри, которые были на руку только неприятелю. Конечно, Робеспьера затрагивали за живое горячие протесты эбертистов против его примиренческой политики. Как, неужели Эбер забыл, что во фримере Робеспьер отказывался верить обвинениям, взводимым на него, Эбера, Фабр д'Эглантином и Шабо? Сам Эбер признал, что если он не был тогда арестован и замешан в заговор Батца, то только благодаря защите Робеспьера. Защищая теперь Камилла, как прежде Эбера, Робеспьер считал их обоих просто заблуждающимися; он считал, что доказал таким

[1] См. приказ Робеспьера младшего от 24 плювиоза в «Annales révolutionnaires», 1914 г., стр. 717.

[2] О записной книжке Робеспьера см. мою книгу: «Robespierre terroriste».

образом свое беспристрастие и дал залог необходимого единения. Неужели эбертисты не сознавали этой необходимости?

У Эбера не было недостатка ни в таланте, ни в ловкости, но у него нехватало храбрости, а еще более нехватало собственных идей. Несомненно, он ничего более не желал бы, как жить в добром согласии с властью. Но его толкала вперед его партия, его толкали Ронсен и Венсан, которые горели желанием отмстить за свое заключение в тюрьму и считали себя всемогущими — один потому, что командовал революционной армией, другой — потому, что заведывал военными бюро. Кроме того Эберу надо было удовлетворить свою публику. В интересах санкюлотов, читателей «Пер Дюшен», он настоял на введении максимума; последний, однако, вовсе не улучшил экономического положения, — напротив, даже ухудшил его. Поэтому Эбер должен был оправдать свою политику перед массами и предлагать, если возможно, новые меры. С начала плювиоза он со все растущим остервенением нападает в своей газете на торговцев, нарушающих максимум, на бакалейщиков и трактирщиков, фальсифицирующих свои товары, на мясников, имеющих для своих бедных клиентов только «довески», на сапожников, у которых для санкюлотов нет кожи, на крестьян, которые забывают, что̀ сделала для них революция, и из жадности заставляют голодать жителей городов. Сама логика его идеи заставляет Эбера предавать анафеме всех тех, кто имеет что-либо для продажи. «Я не буду,— пишет он в № 345 своей газеты,— щадить зеленщика более, чем самого крупного купца, ибо, чорт возьми, я вижу единый фронт всех продавцов против покупателей, нахожу у мелких лавочников столько же злой воли, сколько у крупных торговцев». Так натравливал он мелкий люд. Это должно было стоить ему головы.

Он давал крайне простое объяснение продовольственному кризису и предлагал еще более простые меры для разрешения его. Он уверял, что торговцы и спекулянты снова обнаглели с тех пор, когда зашла речь об освобождении арестованных и учреждении Комитета милосердия. По его мнению, линия поведения была ясна: необходимо утроить революционную армию, усилить террор. Гильотина была альфой и омегой политики Эбера. Он готов был присовокупить также гражданский пост, с тем чтобы пока что ввести его для арестованных.

Эбертистская угроза.

Рапорты полиции показывают, что грубые подстрекательства Эбера находили отзвук в рабочем населении. 1 вантоза агент Пурвойер пишет: «Народ говорит, что аристократы подобны стае голубей, которые опустошают поле; для них необходимо пугало, и это пугало есть гильотина». Тот же агент замечает 17 вантоза: «Народ находит, что, пока не гильотинируют кого-либо, дело не сдвинется с места». 10 вантоза на общем собрании секции Рынков сапожник Бо, член революционного комитета, заявил, что, если нужда не прекратится, надо отправиться в тюрьмы, перерезать арестованных, изжарить их и съесть. Экзальтированные уже повсюду говорили о новом 2-м сентября[1].

Общественные власти, обязанные наблюдать за порядком, не могли не обратить сугубое внимание на эту ширящуюся агитацию; ответственные за нее зачинщики были им известны.

Эбертисты старались использовать голод, чтобы отделаться от своих политических противников. Этого нельзя отрицать. Через день после того, как Барер представил в Конвент таблицы твердых цен, 4 вантоза, Эбер в клубе кордельеров бьет в набат не только против новых бриссотинцев, но также против тех, кого он называл усыпителями народа. Среди последних нетрудно было угадать Робеспьера и членов правительства. «Заметьте, что нам всегда угрожал недостаток припасов как раз в те моменты, когда та или иная мятежная партия замышляла свои преступные козни... Не забывайте, кордельеры, что перед грозой всегда бывает затишье. Нам рисовали Камилла как дитя, Филиппо как сумасшедшего, Фабра д'Эглантина как честного человека, граждане, остерегайтесь усыпителей и будьте всегда отважным авангардом, верной стражей революции. Нам говорят, что бриссотинцы уничтожены, а между тем остается еще наказать 61 виновника (75 протестовавших против 2 июня спасены Робеспьером)».

Эбер очень ловко связал политический момент с экономическим и перешел в заключение к вопросу о недостатке припасов. «Необходимо увеличить революционную армию и послать ее с гильотиной впереди; я ручаюсь вам, что продукты будут в изобилии». Кордельеры решили обратиться к Конвенту с требованием наказать спекулянтов и увеличить революционную армию.

Речь Эбера возмутила «наблюдателя» Гривеля, который опровергает ее в своем рапорте от 8 вантоза. По словам Гривеля, Эбер в своей речи унижал Конвент, возбуждал ненависть между деревенскими жителями и горожанами, грозил первым революционной армией и гильотиной и этим должен был довести их до отчаяния и, наконец, покушался на право собственности, заявляя, что все должно стать общим.

На следующий день, 5 вантоза, пришли в движение коммуна и ее секции. Инициатива явно исходила от кордельеров. Отправлена была официальная депутация в Конвент; она требовала строгого и неукоснительного наказания спекулянтов, и кроме того, предоставления заказов швейным мастерским, бездействующим вследствие недостатка товаров. Конвент направил петицию секций в Комитет общественного спасения, и через четыре дня Удо представил свой доклад о пересмотре закона против спекуляции. Казалось бы, этот первый результат должен был бы успокоить эбертистов, если бы они преследовали только экономические

[1] См. показания Пьера Бюссэ перед судьей Коффенхалем от 20 вантоза и показания Беррара, Моррена и др. перед судьей Этьеном Массоном от 22 вантоза (Arch. nat., W 76).

цели, тем более, что накануне, 8 вантоза, Сен-Жюст тоже провел в Конвенте декрет, который должен был бы обрадовать их: он провозглашал в принципе, что имущества аристократов передаются в руки нации и только собственность патриотов остается нерушимой [1]. Однако эти уступки не только не успокоили эбертистов, а наоборот, лишь придали им смелости. Агитация их становилась угрожающей и приняла мятежный характер.

Начиная с 11 вантоза, в народных предместьях расклеиваются анонимные воззвания и распространяются летучки, в которых народ призывается распустить Конвент, который ничего не делает для него, и заменить его диктатором, вождем, — этот последний сумеет вернуть изобилие продуктов. Один из этих плакатов начинался следующими словами: «Санкюлот, настало время, труби марш к выступлению, бей в набат, вооружись! Сделай это без замедления, ибо, как ты видишь, тебя доводят до последнего издыхания. Верь мне, лучше умереть, сражаясь за славу своего отечества, чем умереть от голода, на который толкают тебя все народные представители. Не доверяй им; настала пора. Готовится гражданская война. Ты играешь на руку всем тем преступникам, которые управляют так называемой республикой. Все они — заговорщики, все они — парижские лавочники. Я доношу на них...» [2].

Эти призывы к восстанию были делом эбертистов; в этом не приходится сомневаться, если проследить отчеты об их заседаниях в клубе кордельеров в эти же дни.

Заседания в клубе кордельеров.

12 вантоза Ронсен, командующий революционной армией, заявляет, что необходимо восстание, необходимо новое 31 мая. Однако Эбер советует выждать и ограничиться пока требованием наказания 75 протестантов и новых бриссотинцев. Клуб, кроме того, решил требовать от Комитета общественной безопасности освобождения своего члена Маршана; он был арестован по приказу революционного комитета его секции в результате стычки с генеральным прокурором департамента, Люлье [3].

14 вантоза сторонники восстания одержали верх в клубе, благодаря выступлению Каррье, которого Комитет общественного спасения недавно отозвал с его печальной миссии в Вандее [4].

[1] Моморо восхваляет этот декрет в речи, сохранившейся в его бумагах в Национальном архиве и опубликованной мною в «Annales historiques de la Révolution» за сентябрь — октябрь 1926 г.

[2] Прокламация полиции от 12 вантоза объявляет эти плакаты маневром контрреволюции (Archives nationales, W 76).

[3] Об этом заседании см. заявления свидетеля Э.-Жака-Филиппа Жарри, курьера военного департамента (Arch. nat., W 76).

[4] Об этом заседании см. «Moniteur», «Feuille du salut public» и заявления свидетелей в Arch. nat., W 76.

Венсан снова ополчился на мятежную клику Шабо, Бурдона, Филиппо, Люлье и Дюфурни. Он заявил, что она неминуемо уничтожит свободу, если не пустить против нее в дело «весь тот ужас, который гильотина внушает врагам народа».

Каррье заявил, что, вернувшись из Вандеи, он пришел в ужас от тех новых лиц, которых он нашел среди Горы, и их новых речей. Они состряпали свой план,— восклицал он,— в этом нельзя сомневаться; они намерены двинуть революцию назад. «Чудовища! Они хотят сломать эшафоты. Но помните, граждане: против гильотины — те, кто чувствует себя заслуживающими гильотины». Каррье сослался на пункт Декларации прав человека, разрешающий восстание, если народ притесняется. Он закончил, под гром рукоплесканий, следующими словами: «Восстание, святое восстание — вот каков должен быть ваш ответ преступникам».

После Каррье говорил Эбер. В пространной речи он перечислял преступления Снисходительных и их покровителей. Почему не судят 75 жирондистов? Почему не судят Шабо и его соучастников, Фабра д'Эглантина, этих негодяев? Эбер не ограничился общими обвинениями. Он рискнул назвать виновных. «Я скажу вам — почему. Главный заправила — Амар; это он стремится избавить от гильотины 75 виновных жирондистов. Этот Амар,— продолжал Эбер,— дворянин, бывший казначей короля, купивший свое дворянство за 200 000 ливров! Затем Эбер громил депутатов-воров, которые сегодня в сараях, завтра в аппартаментах и колясках. От них он перешел к честолюбцам, «которые выставляют вперед других, а сами прячутся за кулисами; чем больше у них власти, тем они ненасытнее, они желают царствовать... Я назову вам этих людей, запрещающих патриотам говорить в народных собраниях. Два месяца я воздерживался, заставлял себя быть осторожным, но теперь это мне невмоготу больше, тщетно их покушение на мою свободу». Тут весь зал стал ободрять Эбера. Буланже кричал ему: «Пер Дюшен, говори и не бойся: мы все — Перы Дюшены, будем действовать». Моморо и Венсан упрекали Эбера за слабость, проявленную им в последние два месяца в его газете. Эбер оправдывался тем, что ему приходилось претерпевать систематические преследования: в клубе якобинцев ему отказали в слове. Затем он перешел к Камиллу Демулену. «Вспомните, что патриоты прогнали, исключили его... однако весьма кстати нашелся человек, несомненно, заблуждающийся, — я не знаю, как иначе квалифицировать его, — он восстановил Демулена членом клуба против воли народа, который ясно высказал свое мнение об этом изменнике». Это значило прямо указать на Робеспьера [1]. Затем Эбер взялся за министров, за Паре, ко-

[1] Об этом инциденте «Correspondance politique de Paris et des départements» (в номере от 16 вантоза) рассказывает в следующих выражениях: «Существует клика, защищающая Камилла Демулена, который предлагает контр-революционные мероприятия. Он прячется в тени человека, которого я вам в свое время назову. Существует клика, которая хочет изобразить самых подозрительных лиц слабоумными, которые не опасны» (Archives nationales, W 76).

торого Венсан назвал «новым Роланом», за Дефорга, который скорее невежда в делах, нежели министр иностранных дел, за Детурнелля, «ничтожество, пассивное орудие в руках других». Эбер метил еще выше и напал на Карно, который, по его словам, намеревался прогнать Бушотта из военного министерства и назначить на его место своего брата, бывшего члена Законодательного собрания, человека «слабоумного и злонамеренного». В заключение Эбер заявил: так как ясно, что клика стремится уничтожить права народа, то остается только один выход — восстание. «Да, восстание, и кордельеры будут не последними в рядах тех, которые дадут сигнал, долженствующий разбить на-смерть притеснителей».

Как выразился Венсан, у некоторых из присутствующих вытянулись физиономии, но никто не осмелился противоречить ораторам, которые один за другим призывали к восстанию.

Клуб решил продолжать издание газеты Марата и пользоваться ею в частности для разоблачения «депутатов-изменников». На том же заседании постановлено было завесить черным флером Декларацию прав человека; это должно было быть своего рода знаком того режима притеснений, жертвой которого считали себя кордельеры.

На следующий день Моморо, председатель секции Марата, увлек за собой свою секцию. Его друг Дюкроке, комиссар по борьбе со спекуляцией, очень искусно взбудоражил присутствующих опасениями насчет продовольствия. По его инициативе секция приняла следующую резолюцию:« Секция Марата объявляет себя настороже. Она решила завесить находящуюся в зале ее заседаний доску с Декларацией прав человека и открыть ее только тогда, когда станет ясно, что народное питание и свобода обеспечены и что враги народа, притесняющие его со всех сторон, будут наказаны [1]. Немедленно же собрание в полном составе отправилось в коммуну сообщить ей о принятом решении и предложить ей присоединиться к нему. Оратор секции, — надо полагать, это был Дюкроке, — говорил о том, что богатые вызывают недостаток припасов, покупая их из-под полы по ценам выше максимума. Надо,— воскликнул он в заключение,— показать аристократам, что их дерзость не пугает санкюлотов и что их ждет гильотина.

Коммуна.

Если эбертисты надеялись увлечь таким образом за собой коммуну, то они обманулись в своих ожиданиях. Председательствующий Любен дал депутации секции Марата суровую отповедь: «Как! В то время, когда Национальный конвент принимает самые революционные меры, в то время, когда Комитет общественного

[1] Archives nationales, W 78, и «Journal de la Montagne» от 18 вантоза.

спасения шагает по стезе революции и ежедневно разбивает козни сен-джемского и берлинского кабинетов, разоблачает интриганов и обращает против них же их контр-революционные проекты; когда Комитет общественной безопасности приводит в исполнение благотворный декрет о секвестре имущества подозрительных лиц (декрет 8 вантоза), в это время секция Марата, которая всегда отличалась в достопамятные этапы революции, эта секция проявляет страх перед недостатком припасов, на самом деле лишь искусственным, и завешивает Декларацию прав человека!»

В том же духе высказались другие выступавшие после него члены коммуны. Артур, представлявший в коммуне секцию Пик, тоже воздавал хвалу Комитету общественного спасения. «Этот Комитет, — сказал он, — заслуживает доверия патриотов, он работает над тем, чтобы обеспечить самое быстрое и самое действительное снабжение Парижа. Мы должны надеяться, что его заботы не останутся бесплодными». Шометт призывал к спокойствию. «Рассудите, граждане, какое опасное впечатление произведут малейшие волнения в Париже в настоящий момент, когда мы начинаем кампанию и должны направить все наши усилия против внешнего врага». Он тоже восхвалял Комитет общественного спасения и в особенности Сен-Жюста. В заключение он предложил ряд мер для смягчения продовольственного кризиса: возделывание под огороды увеселительных садов, запрещение доставлять и продавать съестные припасы на дому, а не на рынках, поднять посредством обращения к соседним деревням патриотическое рвение; наконец, он предлагал энергично поддержать деятельность Продовольственной комиссии. После всех этих выступлений ясно было, что коммуна отказывается следовать за эбертистами и что последним не удастся то, что они подготовляли в этот день.

Ответ правительства.

Атака эбертистов была неожиданной для Комитета общественного спасения, но она не застала его врасплох. Он реагировал на нее быстро и решительно. В лице Ронсена и Мазюэля эбертисты имели в своих руках руководство революционной армией, отряды которой были распределены в окрестностях Парижа. В лице Венсана они имели в своих руках военные бюро. Как раз в этот момент бастовали рабочие военных мастерских, находящихся на площади Неделимости [1]; необходимо было спешно тушить пожар.

Комитет не был в полном составе. Кутон и Робеспьер были больны и не участвовали в его заседаниях. Билло, Приер де-ла-Марн, Сент-Андре были в командировке. Эро-де-Сешель, как подозрительный, уже несколько недель был устранен от заседаний Комитета. Оставшиеся шесть членов немед-

[1] Об этой забастовке см. Camille Richard, Le Comité de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur, стр. 714.

ленно решили начать судебное преследование против эбертистов. Последние выступили с обвинениями различных членов правительства и призывали народ к восстанию; это являлось контр-революционным преступлением и подсудно было революционному трибуналу. Но, с другой стороны, можно было опасаться, что если репрессии обрушатся только на эбертистов, то выйдут победителями их противники — дантонисты, которые тоже были в оппозиции против политики Комитета. Поэтому последний решил нанести удар одновременно тем и другим. Многие полагают, что Комитет старался использовать дантонистов против эбертистов и уничтожить их таким образом. Но это не верно. Комитет общественного спасения подошел к проблеме прямо, во всем ее объеме, без хитростей и без задних мыслей.

16 вантоза Барер изложил в Конвенте решения, принятые правительством. Барер утверждал, что недостаток продуктов является делом тех самых людей, которые на него жалуются. Эти люди,— говорил Барер,— расклеивают плакаты против Конвента и сами же отправляются на ведущие к Парижу шоссе и расстраивают подвоз провианта; они играют на руку Питту, они у него на жаловань. Затем Барер обратился против Снисходительных, против тех, кто желает открыть тюрьмы, «выгородить богатых аристократов и защищает собственность заведомых врагов революции». «Пусть трепещут заговорщики всех родов!.. Необходимо раздавить честолюбивые и мятежные тенденции агитаторов! Необходимо иметь бдительный надзор за кликой Снисходительных и Миротворцев, а также и мнимых повстанцев». В завершение Барер возвестил, что скоро Амар представит свой доклад о Шабо и его соучастниках, а Сен-Жюст предложит Конвенту *новые меро приятия для упрочения правительства и счастья народа.* А пока что Барер предлагал предписать общественному обвинителю немедленно начать следствие против авторов и распространителей зажигательных афиш, нападающих на народное представительство, а также против лиц, которые сеют недоверие среди торговцев и земледельцев, снабжающих Париж.

Как предвидел Комитет, Снисходительные пытались использовать в своих интересах ситуацию, создавшуюся благодаря эбертистской угрозе. После речи Барера выступил один из них, Тальен; в длинной речи он громил людей в красных колпаках, которые клевещут на Конвент и Гору. Это, — заявил он, — несомненно, тайные роялисты; это они своими происками раскололи Конвент. Тальен закончил следующими призывом, который фактически метил в Комитет общественного спасения: «Надо положить конец личному недоверию; люди, созданные для взаимного уважения, должны узнать друг друга и дарить свое доверие тем, кто его заслуживает». Тальен недавно отозван был из Бордо, где был эмиссаром; он был одной из жертв того недоверия, на которое он теперь жаловался. Эта речь была косвенной просьбой к Комитету пересмотреть его неблагоприятное суждение о действиях Тальена, которое повело к отозванию последнего.

Конвент принял предварительное предложение Барера. Общественному обвинителю поручено было немедленно начать следствие.

Неполное примирение.

В тот же вечер Колло д'Эрбуа отправлялся в клуб якобинцев защищать правительство от нападок эбертистов. Он начал свою речь следующими словами: «Комитет общественного спасения имел в своем распоряжении самые благоприятные предсказания. Мы ожидали побед на фронтах». Это начало должно было подчеркнуть горькое разочарование по поводу эбертистских нападок. Затем Колло оправдывал Комитет. «Одно из двух: или мы должны пользоваться вашим доверием, или мы должны уйти, если вы нас не поддерживаете». Со всех сторон раздаются крики: «Мы все поддержим вас». Потом Колло стал громить «экзальтированных». «Общество кордельеров больше не даст водить себя за нос интриганам, которые играли им до сих пор... Жак Ру тоже пытался свести его с пути истины, оно ответило ему по заслугам... Эти честолюбцы желают восстаний только в своих личных интересах. Что же они сами сделали для общественного дела? Неужели они думают, что достаточно заклеивать стены плохими прокламациями, что это доказывает их патриотизм?» В заключение Колло заявил, что необходимо, как во время Жака Ру, отправить к кордельерам депутацию и «пригласить их учинить суд над интриганами, которые ввели их в заблуждение».

Эти «интриганы», которых Колло не удостоил назвать по имени, присутствовали на заседании. Они не осмелились поднять брошенную им перчатку. Третьего дня они проповедывали восстание. Теперь они пошли на попятный, прибегают к унизительным и плоским увертками.

Моморо заявил, что события в клубе кордельеров были преувеличены. Он утверждал, что кордельеры завесили Декларацию прав человека вовсе не третьего дня, а уже месяц тому назад, после первого ареста Венсана и Ронсена.

Колло ответил ему, что Права человека разрешается завесить только в том случае, если народ отчаялся в возможности добиться торжества их.

Но теперь не был канун 31 мая! Колло жаловался, что у кордельеров говорилось о чистке Конвента. «Это, — заявил он, — прекрасное средство, чтобы остаться назавтра совсем без Конвента». Присяжный Реноден, друг Робеспьера, тоже клеймил проповедников восстания. Каррье, как и Моморо, поддерживал версию, что пресса неверно передала происшествия в клубе кордельеров. Впрочем, более смелый, чем Моморо, он утверждал, что существует целая система модерантизма, существуют мятежники, он видел их у якобинцев. Однако он отрицал всякую мысль о восстании: «О том, чтобы устраивать восстания, вовсе не было речи, за исключением того случая, когда обстоятельства вынудят к этому. Я даю свою голову, что не было сделано никаких предложений против Комитета». Некоторые эбертисты вско-

чили с мест при этих объяснениях Каррье. Эбер, если им верить, говорил только об *условном восстании*. *Но клуб не дал себя обмануть такими увертками. Тальен* настаивал на факте расклейки зажигательных плакатов. Ему шумно аплодировали [1].

Отповедь якобинцев вслед за отповедью коммуны завершила дело. Попытка выступления эбертистов была убита в зародыше.

Инсценировка разворачивалось точно так же, как во время Жака Ру. 17 вантоза делегация от якобинцев во главе с Колло д'Эрбуа отправилась в клуб кордельеров. Колло повторил свою вчерашнюю речь, но еще с бо́льшим пафосом. Во время его речи жена Эбера сказала вполголоса своей соседке: «Это комедия, этот интриган ломает комедию, это театральный жест» [2].

По очереди выступили с покаянием Моморо [3]. Эбер и сам Ронсен. Все они заявили, что Комитет общественного спасения и якобинцы были введены в заблуждение относительно их истинных чувств. Под конец кордельеры разорвали черный креп, которым была завешена Декларация прав человека, и вручили его якобинцам в знак братства. Оба клуба поклялись друг другу в «нерушимом союзе».

Однако под маской примирения осталось недоверие, а также задние мысли. Не все кордельеры одобряли довольно неудачное отступление Эбера и Моморо. 19 вантоза Венсан пытается снова перейти в наступление. Он разглагольствует против кромвелистов, против ловких ораторов и их больших речей — другими словами, против Колло — и снова возмущается по поводу безнаказанности 75 жирондистов. Несомненно, в клубе произошли бурные споры. Клуб не согласился с формулировкой протокола того заседания, на котором выступал Колло, не принят был также проект письма якобинцам. Клуб решил не посылать *адреса* якобинцам, а просто сообщить им *резолюцию*, «очень простую и очень решительную» [4].

Очевидно, значительная часть кордельеров, та, которая следовала за Венсаном, не отказалась от начатой агитации. Доказательством этого может служить то, что секции, в которых преобладали эбертисты, продолжали бомбардировать Конвент грозными петициями по поводу модерантизма и голода. Так, напр., 20 вантоза секция Брута заявила Конвенту, что она остается на страже, пока не будут истреблены все попрятавшиеся роялисты, все федералисты, все умеренные, все Снисходительные. Точно так же секция Финистер и народное общество имени Лазовского того же 20 вантоза устами Буллана требуют издания декрета о «восстановлении» революционной армии и об ускорении суда над спекулянтами.

[1] См. отчет об этом заседании в «Feuille du salut public».

[2] Показание Марии-Жанны-Элизабет Брокар-Жолли, по мужу Метрас-Гарнье (Arch. nat., W 78).

[3] Речь Моморо не напечатана в газетах, но имеется в рукописи — в Arch. nat., W 78, речь Ронсена — W 76.

[4] «Moniteur». Она была сообщена клубу якобинцев только 22 вантоза.

Сам Эбер, несомненно подстрекаемый упреками Венсана, разглагольствует 22 вантоза в клубе кордельеров против Барера. Того же 22 вантоза Моморо горько жалуется, что следователи революционного трибунала допрашивали его и руководителей его секции по поводу зажигательных плакатов, угроз восстания и искусственного недостатка продуктов. Он возмущался, что лучшие патриоты подвергаются судебным допросам, тогда как замаскированные роялисты остаются безнаказанными.

Арест эбертистов.

Комитет общественного спасения имел основания думать, что агитация эбертистов успокоилась только внешним образом и что огонь продолжает тлеть под пеплом. *Но Комитету было также известно, что подавляющее большинство* населения и власти были против эбертистов. Комендант национальной гвардии Анрио с самого начала энергично вмешался в дело. В общем приказе по национальной гвардии от 19 вантоза он приказывал иметь «тщательное наблюдение за гражданами, подстрекающими грабить повозки с провиантом, направляемые по назначению. Надо надеяться, — присовокупил он, — что народное правосудие обрушится на тех, кто стремится к анархии и распадению общества». Коммуна с первого же дня высказалась за правительство, а теперь подчеркивала свое отрицательное отношение к эбертизму. 19 вантоза один из ее членов энергично выступил против комиссаров по борьбе со спекуляцией. Они,— заявил он,— сделали много зла и делают мало хорошего; их придирки и притеснения вызывают ненависть к республике. Он цитировал следующий подвиг Дюкроке, не называя, впрочем, имени последнего: Дюкроке отобрал 36 яиц у одного гражданина, имеющего семью в семь человек, и роздал эти 36 яиц 36 различным лицам [1]. «Разве не издевательство над народной нуждой — предлагать гражданам по одному яйцу и лишать пропитания отца семейства и его детей?» Коммуна решила потребовать от Конвента упразднения должности комиссаров по борьбе со спекуляцией и передачи их функции революционным комитетам секций.

Эти и другие манифестации в этом роде показывали Комитету общественного спасения, что ему легко будет справиться с эбертизмом. На заседании Комитета 22 вантоза присутствовали Билло-Варен, вернувшийся из своей командировки в Порт-Мало, а также Кутон и Робеспьер, едва оправившиеся от болезни. На этом заседании одобрены были выводы из уничтожающего доклада, который Сен-Жюст должен был на другой день представить Конвенту. В докладе речь шла о двух мятежных кликах, играющих на руку неприятелю накануне открывающейся кампании, о людях, устраивающих заговоры против народного представительства, замышляющих учредить диктатуру, регентство и с этой целью возбуждающих

[1] Как показывает следственный материал Фукье-Тэнвиля, речь шла именно о Дюкроке. См. показание Броше, резюмированное у Tuetey, Répertoire, t. XI, № 157.

народные страсти на почве продовольственного кризиса, препятствующих подвозу провианта и т. д. Сен-Жюст предлагал предать их суду революционного трибунала. Конвент принял без голосования предложение Сен-Жюста. Еще в тот же вечер Фукье-Тэнвиль был вызван в Комитет, и в ночь с 23 на 24 вантоза главные вожди эбертистов были арестованы посреди всеобщего равнодушия. В следующие дни большинство секций явились в Конвент с поздравлениями.

Процесс эбертистов был прежде всего политическим процессом. На них возлагали ответственность за голод, но это обвинение скоро стушевалось перед лицом других более тяжких обвинений, а именно перед обвинением в заговоре против Конвента. Только первое обвинение касается нашей темы; мы не будем останавливаться здесь на других обвинениях [1]. Во время производства следствия Фукье-Тэнвиль допросил множество свидетелей; некоторые из них были вызваны даже за 10—20 лье, из окрестностей Парижа. Он пытался установить путем свидетельских показаний, что эбертисты желали уморить Париж голодом. Следственные показания имеются в архивах. Что вытекает из них? Что узнаем мы из них о причинах голода, который, увы, был вполне реален?

Прежде всего следственный материал доказывает, что нападки эбертистов против происков торговцев были небезосновательны. Так, напр., в начале вантоза на рынке города Этамп остались непроданными 4 000 фунтов масла и 10 000 дюжин яиц, они не находили покупателей; причина этого заключалась в коалиции торговцев маслом и торговцев птицей и яйцами. Дистрикт Этамп поручил коммуне Мереville закупить эти продукты и отправить их в Париж.

Следствие выявило также факт покупок из-под полы. Эбертисты непрерывно указывали на эти тайные покупки, заключаемые вне рынков. Ряд свидетелей из Монлери и Лина подтвердили, что крестьяне перестали приносить свои продукты в Париж, так как частные лица являлись к ним в деревни и покупали припасы по ценам выше максимума.

Впрочем, следствие показало также, что недостаточное снабжение Парижа в значительной мере проистекало от того, как некоторые полицейские власти применяли законы и постановления. Эти инстанции прибегали к придиркам и притеснениям. Многие крестьяне жаловались, что им не разрешали брать с собой из Парижа в деревню свечи, мыло, сахар; поэтому у них не было интереса отправляться в Париж.

Но главным образом торговцы указывали на неправильные приемы комиссаров по борьбе со спекуляцией, в частности Дюкроке. Этот последний был допрошен перед арестом и показал, что, по его мнению, достигнуть обилия или, по меньшей мере, необходимого количества продовольствия возможно только следующим путем: не допускать, чтобы съестные припасы направлялись

[1] См. очерк процесса эбертистов в нашей книге: «Robespierre terroriste».

по частному адресу, другими словами — обязать всех владельцев этих припасов доставлять их на рынок, где они должны распределяться между всеми потребителями по ценам максимума. Всякую вольную торговлю он считал тайной и недозволенной. Многие свидетели приводили факты, доказывающие, что Дюкроке и ряд его коллег применяли свои теории на деле.

В секции Марата, к которой принадлежал Дюкроке, отбирали все съестные припасы, с которыми кто-либо появлялся на улице, и затем распределяли их — безразлично, принадлежали ли они торговцам, крестьянам или просто местным жителям. Одним словом, практиковали своего рода коммунизм на пищевые продукты. Это не обходилось без трений. Торговцы и крестьяне защищали свое добро и покидали Париж. Что касается простых обывателей. то они протестовали против захвата их провизии, купленной нередко за большие деньги.

Метод Дюкроке был весьма вольным толкованием закона; он применялся также в других секциях, напр. в секции Рынков. Здесь члены революционного комитета задерживали съестные припасы, посылаемые богатым и эгоистам, и продавали их на площади рынка.

Эту практику можно было считать весьма нежелательной. Иногда она приводила к противоположным результатам: вместо того чтобы уменьшить недостаток припасов, увеличивала его. Однако ясно, что она проистекала из желания прокормить санкюлотов, а вовсе не из желания взять их измором. Нужно было много фантазии и предвзятости, чтобы превратить это в контр-революционные преступления.

Тем не менее в своем обвинительном акте Фукье-Тэнвиль не преминул привести против эбертистов также обвинения экономического характера. Обвинительный акт гласил, что Дюкроке и его соучастники препятствовали подвозу продовольствия: «либо грабили продавцов, либо вырывали продукты из рук покупателей. причем, захватывая без всякого права продукты, они часть их присваивали себе, а другую часть оставляли лежать без пользы, так что она гнила и портилась».

Во время судебного разбирательства эти обвинения почти не упоминались. Против Дюкроке оставлено было в силе только обвинение в распределении яиц с телеги; это обвинение выдвинул против него лавочник Лойе, который входил в состав трибунала в качестве судьи. Этим обвинениям придано было так мало значения, что в мотивировке обвинительного приговора ни единым словом не было упомянуто о мнимых стараниях эбертистов вызвать в Париже голод.

Заключение.

Эбертисты пали не вследствие своей экономической политики. Комитет общественного спасения сам должен был проводить эту политику, хотя видел ее опасности. Ему не пришло бы в голову преследовать инициаторов этой политики

и обвинять их в этих опасностях, если бы эбертисты не имели неосторожности выступить против него и не пытались вызвать восстание, причем предлогом служил недостаток припасов.

Так или иначе, падение эбертизма должно было оказать влияние на новую ориентировку политики правительства в вопросе о регламентации и максимуме.

С падением эбертистов максимум потерял своих вдохновителей и защитников. Правительство сохранило закон о максимуме, но без энтузиазма и даже без искреннего убеждения. Отныне оно применяло этот закон если не в мягкой форме, то в духе терпимости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ТРЕТИЙ МАКСИМУМ.

(Жерминаль — термидор II года.)

С момента вступления в силу третьего максимума в продовольственной политике Комитета общественного спасения преобладает одна основная идея: необходимо оживить торговлю, парализованную таксами и насильственными приемами, необходимо восстановить товарное обращение, не отказываясь, однако, от регламентации, требуемой обстоятельствами.

Эбертисты смотрели на торговцев и на производителей вообще как на спекулянтов. Они терроризировали их. Комитет, напротив, старается ободрить их, оказать им доверие.

На следующий день после ареста эбертистов, 25 вантоза, депутация секции Бон-Нувель — это была секция Эбера — явилась в Конвент и выступила со страстной филиппикой против торговцев. «Вы уничтожили аристократию знати и духовенства; ныне ваши действия должны быть направлены против торговой аристократии и против эгоизма. Торговцы и богачи — вот главные виновники недостатка припасов! Мы живем в период революции, примите же те революционные меры, которые мы вам предлагаем: декретируйте, что вплоть до заключения мира *торговцам запрещаются всякие общественные функции* и что всякий гражданин — не торговец — может покупать только у розничников».

Днем позже Робеспьер горячо нападал с трибуны Конвента на преувеличения, содержащиеся в одной петиции, которую он считал внушенной интригой и коварством. «Эбер говорил недавно, что всякая торговля — деспотизм, что там, где есть торговля, не может в то же время быть свободы; отсюда вытекало, что торговля — преступление и что, следовательно, снабжение Парижа и больших коммун невозможно... Если торговец непременно является плохим гражданином, то ясно, что никто уже не может продавать; таким образом уничтожается тот естественный обмен, который делает возможной жизнь отдельных членов общества, и в результате этого общество должно распасться. Вот какова была цель чащих врагов: разрушая торговлю, они хотели уморить народ голодом и вернуть

его таким образом к рабству. Интриганы хотели, чтобы нельзя было ни продавать, ни покупать и чтобы таким путем в республике воцарился голод». Этот инцидент показателен, он проливает яркий свет на политику, которой намеревался следовать Комитет общественного спасения и которую он действительно пытался проводить на практике.

Таблица максимума.

Когда Комитет общественного спасения поручил Продовольственной комиссии составить общие таблицы цен всех продуктов на местах их производства, он преследовал этим цель оживить торговлю. Эти таблицы, по мысли их инициаторов, должны были положить конец произволу местных властей. Тогдашние деятели полагали, что максимум обеспечит каждому справедливую прибыль, так как в официальные цены обязательно должны были войти возмещения за транспорт и вознаграждение оптового и розничного торговцев.

За три с половиной месяца вся громадная работа по составлению таблиц была закончена. Бюро максимумов энергично провело ее под руководством Гужона. Опрошены были не только местные власти, но также народные общества и сами промышленники. Большинство последних дало запрашиваемые сведения. В тех случаях, когда ответы не поступали, комиссия основывалась на цифрах фактур или на справках, получаемых поблизости центров производства. Таким образом составлен был настоящий словарь всего сельскохозяйственного и промышленного производства Франции. Эти таблицы или словарь были разделены на четыре главных раздела: предметы питания, одежда, металлы и топливо, наконец колониальные и аптекарские товары. Для каждого продукта в различных столбцах указаны были цены 1790 г. на местах производства, затем цены с надбавкой в одну треть. Национальные агенты в дистриктах дополняли эти таблицы прибавкой на транспорт — она устанавливалась пропорционально расстоянию и весу, — прибавкой для оптового торговца в размере 5% от предыдущих цифр и прибавкой для розничного торговца в размере 10% от всей суммы.

Цена перевозки зерна была установлена однообразно в 5 су за квинтал и лье на больших дорогах и в 6 су на проселочных дорогах. Барер находил эту норму слишком высокой для обыкновенных товаров и предложил снизить ее до 4 су и 4 су 6 денье. В результате это предложение было принято, но не без возражений. Цена перевозки зерна была снижена до $4^1/_2$ и 5 су.

Спрашивалось: высчитывать ли надбавку для оптового торговца, исходя только из цены 1790 г. плюс одна треть, или же из этой цены плюс цена транспорта? По инициативе Барера Конвент отдал предпочтение второму толкованию, более благоприятному для торговли (заседание от 30 вантоза).

Представляя 3 вантоза Конвенту таблицы, составленные Продовольственной комиссией, Барер высказал надежду, что они устранят все те недостатки, которые

сбрекли на бессилие закон 29 сентября. Согласно этому закону каждый дистрикт установил свой особый максимум. В результате один дистрикт оказывался изолированным от другого, розничные торговцы не могли ни покупать, ни продавать. Отныне,— подчеркивал Барер,— это будет иначе: максимум будет построен на единообразном основании, это восстановит товарное обращение; от реформы пострадают только паразиты-посредники, они исчезнут, так как в новом законе нет места для них. «Работа, представленная вам Комиссией продовольствия и снабжения, — возвещал Барер, — должна пролить всюду свет и сделать доступным всем гражданам то, что прежде известно было только немногим; она даст толчок промышленности, она сблизит промышленника с купцом и предприимчивым человеком. Потребителю не придется более покупать товары, прошедшие через 5 или 6 жадных рук, словно через впитывающие губки. Секреты торговли станут известны, операции промышленности станут достоянием каждого, свойства всех материалов будут показаны всем, все прибыли будут сведены к умеренному уровню, все интересы будут уравновешены, все пороки, все злоупотребления, все преступления против жизни народа и нужд республики будут разоблачаться и караться. Естествоиспытатели и врачи ценой долгих работ составили таблицы смертности рода человеческого; вы за два месяца составили таблицы жизни для народа. Ни одна нация не обладает подобным трудом».

Мы сейчас увидим, в какой мере оптимизм Барера оправдался на фактах. А пока выясним только направление политики правительства. Она, несомненно, руководилась духом благожелательства по отношению к торговцам и пыталась путем соглашения разрешить те трудности, против которых эбертисты знали только одно средство: принуждение и репрессии.

Отставка Гужона и реформа Продовольственной комиссии.

Когда таблицы максимумов были закончены, Гужон, которому поручена была эта задача, был освобожден от должности члена Продовольственной комиссии и замещен видным чиновником Военно-продовольственной комиссии, Жуанно. Барер засыпал Гужона похвалами, но если вспомнить, что Гужон был фактическим творцом максимума, то странно, что Комитет общественного спасения отказался от его услуг именно в тот момент, когда составленные им таблицы максимума должны были быть применены на деле. Гужон был сначала прикомандирован в секцию земледелия и промышленности, затем назначен временным министром иностранных дел, а потом вошел в Конвент на место казненного Эро-де-Сешеля.

На значение отставки Гужона проливает свет следующее обстоятельство: она сопровождалась коренной реформой в организации Продовольственной комиссии.

22 плювиоза эта комиссия была разделена на две различные секции: одна приняла название секции земледелия и продовольствия, другая — секции торговли, промышленности и внешних сношений. Через полтора месяца, когда вместо упраздненных министерств были учреждены 12 исполнительных комиссий, каждая из вышеупомянутых двух секций стала особой комиссией. Отныне существовали Комиссия земледелия и промышленности, на обязанности которой лежало главным образом поощрять сельскохозяйственное и промышленное производство, и Комиссия торговли и снабжения, на которой лежала забота о народном питании. Само название этой второй комиссии было программой действий. Факты последовали.

Реформа закона против спекуляции.

Реформа закона против спекуляции, висевшая в воздухе в течение нескольких месяцев, осуществилась, наконец, в виде смягчения строгостей его по отношению к торговцам. *Закон 26 июля знал только одну кару — смертную казнь. Ныне эта* последняя удержана была только для лиц, которые из контр-революционных соображений извлекали из обращения предметы первой необходимости или же умышленно уничтожали их, чтобы лишить народ возможности пользоваться ими [1]. Была установлена целая градация наказаний, начиная от штрафа и тюремного заключения и кончая принудительными работами и конфискацией. Обязательство деклараций и вывешивания объявлений о товарах и ценах сохранено было только по отношению к оптовым торговцам [2]. Розничные торговцы были освобождены от него. Еще характернее, что новый закон формально упразднил комиссаров по борьбе со спекуляцией, которые были ужасом для торговцев и главной пружиной в практике такс. Отныне функции их перешли к чиновникам муниципалитетов; эти чиновники должны были исполнять их бесплатно, чередуясь каждую декаду. Можно было ожидать, что эти чередующиеся чиновники не обнаружат особого рвения, тем более, что у них не было опыта в этом деле. Торговцы могли вздохнуть облегченно.

Упразднение революционной армии.

Для успокоения земледельцев правительство упразднило ту революционную армию, которая была учреждена по настоянию эбертистов с целью поддержки реквизиций для столицы. 7 жерминаля Барер представил об этом Конвенту доклад, в котором весьма искусно порицание все время смешивалось с похвалой. Революционная армия,—говорил Барер,—«долгое время помогала подвозу продовольствия в Париж; был один момент, когда она вредила снабжению Парижа, но именно

[1] Доклад Удо от 9 вантоза и прения 9 жерминаля.

[2] Декрет 12 жерминаля.

по тем же мотивам; благодаря своей решительности она усмирила некоторые беспорядки, а благодаря некоторым злоупотреблениям она разожгла фанатизм». Но от экономической роли революционной армии Барер быстро перешел к той политической опасности, которую представляла она в руках таких заговорщиков, как Ронсен, — опасности для свободы. 7 жерминаля были упразднены комиссары по борьбе со спекуляцией, а 9 жерминаля — революционная армия. Это свидетельствовало, что правительство намерено было отныне применять экономическое законодательство, не прибегая к террору.

Разрешения на вывоз

На самом деле правительство приступает к своего рода пересмотру самого этого законодательства. 14 вантоза Барер заявил, что необходимо «исцелить торговлю, а не убивать ее». Эта формула прекрасно характеризует в целом последующие меры.

20 вантоза тот же Барер излагает в Конвенте неудобства, проистекающие от запрета вывозить за границу все продукты, квалифицированные как предметы первой необходимости. «Некоторые из этих продуктов,— говорил он,— имеются в таком изобилии, что, не разрешая их вывоза, мы разоряем земледельцев... Могущественной республике не подобает изолировать себя и отказываться от всех торговых сношений. Национальный конвент должен считать своей задачей счастье всего мира и союз всех народов; объединения народов можно достигнуть посредством торговли, обмена сельскохозяйственными продуктами и промышленными изделиями всех стран между собой. Призовем наших союзников и нейтральные страны разделить с нами излишек нашего производства». По предложению Барера, Конвент постановил, что отныне Продовольственная комиссия, с согласия Комитета общественного спасения, может выдавать разрешения на вывоз.

Этот декрет не остался на бумаге. Ряд постановлений Комитета общественного спасения реорганизовал и оживил экспортную торговлю, которая прежде была почти совсем сведена на-нет. Постановление от 23 вантоза предписывало вывозить за границу кофе, водку, сахар и вино, находившиеся на складах у купцов в приморских городах; другое постановление от того же числа разрешало торговцам в Бордо экспортировать в Соединенные Штаты вино, водку и предметы роскоши на сумму в 4 миллиона, с тем чтобы импортировать из той же страны 100 000 буассо хлеба; постановление от 3 жерминаля разрешает экспортировать в Левант сукна из департамента Оды через посредство марсельского продовольственного агентства; в другом постановлении от того же числа перечисляются продукты и изделия, вывоз которых не нуждается в особом разрешении, и продукты и изделия, вывоз которых может быть разрешен с согласия Продовольственной комиссии; постановление от 7 жерминаля отменяло эмбарго на иностранные суда,

задержанные в Бордо; постановлением от 11 жерминаля учреждалось в Бордо агентство для поощрения и организации экспорта; постановление от 23 жерминаля давало новые льготы экспортерам и т. д.

Все эти постановления были бы невозможны, если бы предварительно не был разбит эбертизм. Комитет общественного спасения не рискнул бы провоцировать восстание парижских предместий. Но теперь он спокойно производит свое отступление в экономической области. Он вводит новую политику, точно так же, как Ленин поступил в России после подавления восстания кронштадтских моряков.

Конечно, Комитет общественного спасения не имел намерения вернуться к режиму неограниченной свободы. Для этого он должен был бы совершенно упразднить прежнее законодательство, между тем он не отказывался от его применения. Но во всяком случае в основу постановлений Комитета положена была теперь та мысль, что государство не в состоянии все делать собственными силами, что оно нуждается в активном и искреннем сотрудничестве купцов-профессионалов, в их опыте и доверии.

За Комиссией торговли и снабжения оставался верховный надзор над всей вывозной и ввозной торговлей. Постановление от 11 прериаля предоставляло даже в распоряжение этой комиссии все ввозимое во Францию или вывозимое из нее морским или сухопутным путем; согласно этому постановлению, комиссия могла отбирать для себя предоставленные ее усмотрению предметы, и лишь остающееся предоставлялось в распоряжение частных купцов.

Так или иначе, торговец перестал считаться врагом. Теперь ищут его сотрудничества в деле снабжения и производства. Комиссии и агентства в значительной своей части состоят теперь из купцов, и многие из этих купцов получают ответственные задания. Правительство непосредственно привлекало их к своей работе [1].

Отмена реквизиционных зон.

Ничто не парализовало так обращение продуктов, как злоупотребление реквизициями. Чтобы положить конец этому, постановление 27 жерминаля сохранило право реквизиций только за Продовольственной комиссией и за эмиссарами при действующих армиях.

Реквизиционные зоны препятствовали свободному обращению товаров. Комитет общественного спасения сохранил эти зоны только для зерна и фуража. Постановление от 6 прериаля категорически исключает из их действия «материи, промышленные изделия, предметы одежды и обмундирования, масла, вина, водку и все продукты, кроме зерна и фуража». Противоречащие этому постановления эмиссаров Конвента были аннулированы.

[1] См. в моей книге «Autour de Danton» главу, посвященную банкиру Перрего.

Премии.

Уже в постановлении от 27 жерминаля была ст. 24 следующего содержания: «Комитет общественного спасения будет выдавать возмещения и вознаграждения для поощрения промышленных предприятий, эксплоатации рудников и осушки болот. Он будет покровительствовать промышленности и доверию между купцами, будет выдавать авансы тем купцам-патриотам, которые будут предлагать припасы по цене максимума. Лицам, привозящим в Париж промышленные товары, он даст гарантийные письма, избавляющие их от всяких помех и задержек в пути; он примет меры для охраны транспортов внутри страны и не потерпит никаких покушений на общественный порядок».

Эта политика авансов, возмещений и премий должна была смягчить суровость законов и стимулировать частную инициативу. Она применялась на деле.

Так, напр., судовщикам Сены и ее притоков, привозящим уголь в Париж, назначена была премия в 15—20 франков с груза (постановление от 27 жерминаля). Постановление от 27 флореаля назначало премию частным лицам, привозящим в Париж древесный уголь; за каждую повозку полагалась премия в 10 су.

Покровительство торговле.

Защита, которую правительство обещало торговцам, не была иллюзорной. Некий Лельевр предложил 20 жерминаля на собрании своей секции (Ломбар) подвергнуть торговцев чистке-баллотировке и позволить торговать только тем, кто прошел через чистку. По приказу Комитета общественного спасения Лельевр был на следующий день арестован [1]. Времена эбертизма прошли.

Достаточно прочитать ежедневные приказы Анрио по парижской национальной гвардии, и мы увидим, что отныне лозунгом было: поднять доверие у всех занимающихся торговлей. В приказе от 23 жерминаля Анрио называет шарлатанами людей, распространяющих легенду, что торговцы не находятся в безопасности в Париже. 29 жерминаля он резко порицает граждан и гражданок, ограбивших накануне на Центральном рынке нескольких торговцев сыром. «Несомненно, это преступление не дело рук санкюлотов. Это — дело изменников и врагов общественного блага». Тем же приказом назначены были для поддержания порядка на Центральном рынке 8 патрулей из 50 гвардейцев и т. д. [2].

После казни Эбера и Шомстта коммуна была реорганизована. Новая коммуна всячески поддерживает политику правительства. 9 флореаля коммуна в энергично мотивированном постановлении возвещает парижанам, что никакой закон, никакой

[1] Tuetey, Répertoire, № 1095.

[2] Tuetey, Répertoire, t. XI, №№ 1110, 1153 etc.

устав не запрещают им получать продукты на дом из других мест. Она объявляет, что искусственный недостаток продуктов вызван запретами и притеснениями, и приглашает все власти и всех граждан содействовать свободному обращению товаров.

Правда, 3 мессидора коммуна снова вынуждена была регламентировать отправку продуктов по частным адресам. Она постановила, что продукты, поступающие на открытые или крытые рынки с указанием частных адресов, должны быть отправляемы по этим адресам, но «если будет констатировано, что декларации сделаны неправильно, эти продукты конфискуются и продаются, выручка от них поступает в коммунальную кассу, а о проступке сообщается национальному агенту». В том же постановлении предписывается арестовывать всех, кто позволит себе «останавливать по дороге торговцев, направляющихся с товаром в Париж, и мешать им доставлять их товары на предназначенные рынки».

Национальный агент Пэйян, друг Робеспьера, старается вызвать частную инициативу торговцев для снабжения столицы. «Вы испытали, граждане, — говорит он в коммуне 9 мессидора, — как гибельна была для свободы коварная система, преследовавшая цель уничтожить торговлю и обрушивавшаяся без различия на всех граждан, занимающихся торговлей. Доносы Эбера имели пагубные последствия для снабжения Парижа; эти доносы, всегда неопределенные, не конкретные, вели к тому, что торговцы закрывали свои лавки, а рынки наши пустели. Эти пагубные результаты должны служить гражданам полезным уроком и напомнить им, что надо уважать все сословия, в особенности те, которые непосредственно занимаются снабжением народа. Злонамеренные хотели сделать торговлю столь презренной, что добрые граждане должны были бы стыдиться заниматься ею, и торговля повсюду прекратилась бы или повсюду оказалась бы в руках одних контр-революционеров. Торговцев каждый день бесчестили в Париже. Им перестали оказывать кредит, и в результате наступил тот недостаток припасов, который мы ощущали в этом городе... Не будем более никогда нападать на отдельные части общества, будем наносить наши удары дурным гражданам всех классов». Это был решительный отказ от классовой политики эбертистов.

Это было время, когда Робеспьер старался примирить всех добрых французов на культе отечества и Высшего существа. Точно так же Пэйян не желал знать других различий между гражданами, кроме деления на хороших и дурных граждан. Хороший гражданин — это тот, кто снабжает своих братьев. Впрочем, Пэйян лишь дословно повторил здесь то, что внушала ему Продовольственная комиссия в своих инструкциях от 23 жерминаля. Она подчеркивала, что «необходимо гарантировать торговле и промышленности всю ту свободу, которая предоставлена им по закону» [1].

[1] Dauban, p. 341.

Несколько парижских торговцев бакалейными товарами ходатайствовали о разрешении отправиться в Прованс и в южные департаменты, чтобы закупить там оливковое масло. На это Комиссия торговли и снабжения ответила им, что им нет надобности ни в каком особом разрешении, так как они находятся под защитой законов. Этот ответ был написан Жуанно. Он присовокупил, что общая реквизиция, наложенная прежде на оливковое масло из южных департаментов, отменена, а на репное масло из северных департаментов остались только частные реквизиции. Жуанно подчеркивал, что владельцы товара не в праве отказываться продавать его. «Статья 9 декрета от 12 жерминаля, изданного в толкование закона 26 июля против спекуляции, гласит, что, если кто отказывается продать какой-либо товар, весь этот товар подлежит конфискации. В случае, если будут ссылаться на реквизицию, не трудно будет проверить, является ли эта последняя законной... Эти наши замечания,— писал Жуанно,— относятся не только к маслам, а ко всем продуктам; никто не имеет права задерживать обращение товаров внутри страны». Парижский муниципалитет нашел это письмо Жуанно столь важным, что постановил расклеить его по городу, причем прибавил от себя следующий комментарий: «Тяжелая вина падет на тех купцов и торговцев, которые не выйдут из своей инерции и не предадутся со всем рвением своим обычным занятиям. Торговля, освобожденная от всех своих пут должна проявить всю свою прежнюю активность и немедленно вернуть в этот большой город былое изобилие» [1].

Смягчение репрессий.

Трудно было в одно и то же время покровительствовать и продавцам и потребителям, не принося в жертву одних другим... А между тем эту проблему поставил себе Комитет общественного спасения. Он надеялся проводить реквизиции и максимум, удовлетворяя параллельно торговцев, хотя закон сокращал их прибыли.

Когда лозунгом правительства стало оживление торговли и поощрение земледельцев, судебные репрессии не могли не быть смягчены. И действительно, по всем видимостям, суды получили директивы быть снисходительными. 8 флореаля Удо, от имени Законодательного комитета, провел через Конвент кассацию приговора исправительного трибунала в Пон-де-Ларше, присудившего трех возчиков к штрафу в 1 000 ливров и к конфискации их повозок, лошадей и упряжи; вина их заключалась в том, что они возили кожу и водку без особых удостоверений. Удо доказывал, что эти удостоверения необходимы только для провоза зерна

[1] Афиша in-folio под заглавием: «Парижский муниципалитет; Отдел народного питания и торговли», 6 прериаля II года. Она подписана: Луве, Шампо и Дюме (Bibl. nat., Lb[40] 3264).

и муки. «Преступники,— говорил он,— те, кто в своих толкованиях вкладывают в закон то, чего в нем нет. Вы принимаете благодетельные меры, чтобы обеспечить народ от искусственного недостатка припасов, который желают вызвать злонамеренные люди; а они обращают эти меры против народа. Они связывают обращение товаров, сеют страх и бсязнь среди купцов, распространяют смуту, беспокойство и отчаяние».

29 мессидора депутат Ру, от имени Комитета земледелия, провел через Конвент кассацию другого подобного приговора. Мировой судья в Канапвиле присудил одного возчика к конфискации его повозки, лошадей и муки за то, что он не имел надлежащего удостоверения. Впрочем, этот судья лишь держался буквы закона от 11 сентября о максимуме на зерно и применил его со всей строгостью. Но Конвент не желал уже этой строгости.

И даже Кутон добился освобождения 12 земледельцев из Пюи-де-Дома, арестованных за противодействие реквизициям (заседание Конвента от 11 флореаля).

Смягчение максимума.

Эбертисты считали террор необходимым для проведения в жизнь исключительных законов, вызванных обстоятельствами.

Правительство отказывается от этого грубого и примитивного средства. Но необходимость заставляет его изменять на деле и самые законы. Уже система премий и возмещений, введенная в жерминале, была косвенным нарушением максимума. Способ, принятый для вычисления максимума в Париже, вел к новому смягчению закона.

Вычисление максимума возложено было на временного национального агента при Парижском департаменте Конседье. Он исчислял стоимость транспорта товаров по весу брутто (включительно с упаковкой) и объяснял это «необходимостью усилить подвоз к Парижу с его значительным населением». Другими словами, он признавал, что таким путем косвенно давал премию купцам. Действительно, цены нового максимума были выше прежнего [1].

Странно было бы, если бы это повышение цен ограничилось одним Парижем. Надо полагать, что и другие города, для облегчения своего снабжения, стали улучшать законодательство в пользу торговли. Так, напр., в переписке бюро максимумов я нахожу следующее [2]: национальный агент в Ден-сюр-Луар исчислял прибыль розничных торговцев (10%) не по способу, принятому в общих таблицах максимума, т. е. не просто на цены товара, а прибавляя к этим ценам

[1] См. «Инструкцию жителям Парижа о применении закона о максимуме временным национальным агентом при Парижском департаменте» (Национальная библиотека, Lb[41] 3777 A, in 4°).

[2] Archives nationales, F[12] 183.

прибыль оптового торговца; бюро максимумов, которое проверяло максимумы, вычисленные в дистриктах, заставило его исправить свою ошибку [1].

10 прериаля эмиссар Крассу сообщает Комитету общественного спасения из департамента Сены-и-Уазы, что таблицы максимумов в соседних дистриктах представляют собой ненормальные различия, проистекающие от того, что некоторые дистрикты слишком высоко определили цены 1790 г.

Разумеется, в эпоху гражданской войны, обесцененных денег и недостатка продуктов применение максимумов было задачей огромной трудности. Тот же Крассу сообщает, что в деревнях, за неимением полиции, невозможно установить случаи нарушений и карать их (письмо от 13 флореаля).

Впрочем, максимум введен был главным образом в интересах городов, а здесь полиция существовала. 23 жерминаля Продовольственная комиссия советует национальному агенту Парижской коммуны послать в окрестности Парижа тайных агентов, чтобы открывать злоупотребления и карать их. Но полиция не могла за всем уследить. 1 мессидора члены коммуны сообщают о многочисленных нарушениях максимума. Национальный агент Пэйян признал правильность этих сообщений, но не видел другого исхода, как предложить самим гражданам указывать полицейским комиссарам их секций нарушителей закона [2]. Это было вполне логично, но вместе с тем несбыточно. Логично в том смысле, что дело потерпевших ущерб граждан — заставить уважать закон, изданный в их интересах. Несбыточно потому, что потребители заинтересованы были в попустительстве злоупотреблениям — последние часто были единственной возможностью получить продукты.

Национальный агент в Пуатье Фраден выразился весьма правильно: «Для подавления злоупотреблений необходимо было бы назначить столько комиссаров, сколько имеется продавцов и покупателей» (9 плювиоза) [3].

8 жерминаля эмиссар Малларме возмущается, что максимум не исполняется в Тионвиле. 28 жерминаля эмиссар Мишо жалуется, что максимум плохо исполняется в Бурже.

Безансонский муниципалитет, более строгий, нежели Парижский, не видя другого средства добиться исполнения максимума, безусловно запретил всякие продажи на дому (19 жерминаля II года). Несколько позже, 3 мессидора, он запрещает перепродажи на рынках.

Жорж Лефевр вполне прав: там, где муниципалитеты находились в руках якобинцев, они делали значительные усилия для проведения на деле максимума [4]. Народные общества много сделали в этом отношении. Они доносят на случаи зло-

[1] Письмо бюро от 13 термидора II года.

[2] Dauban, p. 341.

[3] F. Pilod, L'application du maximum dans la Vienne, p. 25.

[4] «Bulletin d'histoire économique», 1913, стр. 427 и сл.

употреблений и приводят в движение аппарат репрессий [1]. Так, напр., 2 мессидора клуб якобинцев в Бурбуре назначает 13 комиссаров для надзора за спекулянтами в деревнях.

Но в этой местности, на Севере, клубы были многочисленны и активны, и власти, как в Париже, стараются смягчить строгости максимума. В дистрикте Берга новый максимум, введенный в жерминале II года, «устанавливал цены, в общем на много превышающие цены первого максимума... цены мяса были назначены вместо 11 су в 14 су и 15 су 6 денье и до 17 су, цены сала вместо 12 су 6 денье — в 19 су 3 денье и в 1 ливр 3 денье [2].

Некоторые эмиссары, как, напр., Бо, не оставались бездеятельными при виде злоупотреблений. Бо распорядился арестовать «двух злодеев,— как он выразился, — продавших за 200 ливров два квинтала хлеба», и предал их суду уголовного трибунала (письмо Бо от 2 прериаля из Гайяк).

Но знаменательно, что после казни эбертистов вопрос о максимуме, так сказать, сходит со сцены в переписке эмиссаров Конвента с Комитетом общественного спасения. На первый план в их работе становятся вопросы снабжения и производства. Максимум стал второстепенным делом.

В некоторых случаях сам Комитет общественного спасения вынужден был нарушать максимум в целях стимулирования производства, в особенности производства на оборону. 2 флореаля он исключил из максимума дорогие материи, чтобы стимулировать производство их для экспорта. 23 прериаля он разрешил Оружейной комиссии платить за пушки, фабрикуемые в Эндрэ, 35 ливров за квинтал, т. е. выше максимума. 10 мессидора он постановляет, что скобяной товар может продаваться в Сент-Этьене по вольным ценам, не считаясь с максимумом. Тогда же он освобождает на два месяца изготовителей оружия в Сент-Этьене от действия закона о максимуме. Однако эти нарушения не имели большого значения, так как ограничивались рынком военных товаров, который оставался под контролем Комитета.

Контроль за производством и торговлей.

Силой обстоятельств и против своей воли Комитет общественного спасения все более и более вовлекался на путь контроля за всем производством страны. Он не только реквизировал пищевые припасы, как то: хлеб, овес, фураж, а стал фактически единственным экспортером и импортером в стране. Действительно, по постановлению от 11 прериаля, в распоряжение Комиссии торговли были предоставлены все продукты, сырье и промышленные изделия, ввозимые из-за границы сухопутным или морским путем. Если грузы принадлежали французским коммерсантам,

[1] Lefevre, La société populaire de Bourbourg, статья в «Revue du Nord», 1918.

[2] Сообщено Г. Лефевром в «Bulletin d'histoire économique», 1913, стр. 425.

Комиссия реквизировала те товары, в которых имела надобность, и оставляла владельцам их только излишек. Если импортируемые грузы принадлежали иностранцам. Комиссия имела право приоритета при покупке их. На практике частные торговцы могли делать закупки за границей только после предварительного соглашения с государством,—в лице Комиссии торговли в Париже и особых агентств в портах. Точно так же частные торговцы могли экспортировать товары за границу большей частью только с разрешения Комиссии.

Главная задача Комиссии все более сводилась к распределению. В ее распоряжении находились уже все злаки. 22 жерминаля Комитет общественного спасения предоставил в ее распоряжение восьмую часть всего числа свиней во Франции. 30 жерминаля на нее возложена была задача снабжения Парижа как военного пункта; муниципалитет был освобожден от этой обязанности. Реквизированные Комиссией свиньи помещались в монастыре Longchamp и в Венсенском замке. Снабжение столицы дровами, углем, мылом, маслом, сахаром тоже происходило административным путем. Постепенно эта система распространилась во всех больших городах; муниципалитеты их устроили у себя настоящие продовольственные ведомства. Обыкновенно эти последние жили за счет того, что им уступала Центральная комиссия.

Будучи хозяином продуктов, можно продавать их по любой желаемой цене. Максимум легко было применять по отношению ко всем реквизируемым сельскохозяйственным и промышленным продуктам; это были предметы действительно первой необходимости, безусловно необходимые для городского населения и для армий. Максимум мог быть нарушен только в торговле из-под полы, а эта торговля обычно не касалась предметов массового потребления.

Этим объясняется, что в задачах правительства проблема максимума уступила место другим, более существенным проблемам, как то: проблемам производства, реквизиции и распределения.

Сопротивление реквизициям.

Из всех реквизиций труднее всего было проводить реквизиции хлеба. С того момента, как закон предоставил в распоряжение государства весь наличный запас хлеба и отменил семейный резерв, у земледельца можно было отбирать весь его хлеб, за исключением необходимого. Его принуждали также к бесконечной гужевой повинности. Сыновья его уже раньше были взяты в армию. Понятно, что он проявлял свое недовольство и пытался оказать сопротивление.

Бо, будучи эмиссаром в департаменте Ло, пишет 11 жерминаля в Комитет общественного спасения, что в одном кантоне этого департамента вспыхнул мятеж на почве реквизиций и что на него, Бо, было произведено при этом покушение.

14 жерминаля Комитет общественного спасения вынужден был сместить администрацию дистрикта Тоннер за нерадивое исполнение реквизиций. Он предписывает эмиссару Мору предать наиболее виновных суду революционного трибунала.

29 флореаля Ромм доносит Комитету общественного спасения о саботаже местных властей в департаменте Виенны.

1 прериаля Комитет общественного спасения приказывает произвести аресты в дистрикте Монфор-ле-Брютюс, оказавшем сопротивление реквизициям хлеба.

Однако этими несколькими фактами почти ограничивается все, что мы находим относительно трудностей исполнения законов в переписке между Комитетом общественного спасения и эмиссарами Конвента. Это очень мало, и получается впечатление, что в общем положение значительно улучшилось. Население оказывало повиновение. Иногда оно даже оказывало особенное рвение. Так, напр., Ромм в письме от 30 флореаля поздравляет жителей дистрикта Перигё, которые поспешили снабдить хлебом соседние дистрикты, лишая себя необходимого. Патриоты из По добровольно послали в Париж все окорока и солонину, которые у них были (заседание Конвента от 18 прериаля). Пэйян, комментируя этот благородный жест после мэра Леско-Флерио, с торжеством заявил, что федерализм в продовольственной области окончательно умер.

Результаты.

Пэйян смотрел на вещи через розовые очки чиновничьего оптимизма. Население скорее подчинялось реквизициям и максимуму, нежели соглашалось с ними. Эгоизм сохранял свои права. Но так или иначе закон исполнялся, царил порядок. Революционное правительство не требовало большего. Оно никогда не считало исключительные законы, к которым оно вынуждено было обстоятельствами, панацеей от всех зол.

Если смычка давалась трудно, если в некоторых местностях население иногда страдало от недостатка припасов, то это было исключением и всегда продолжалось лишь несколько дней. В общем положение было лучше, чем в предшествовавший период. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть письма эмиссаров Конвента за время от 1 жерминаля до 9 термидора. Из них самым пессимистическим документом является письмо Изабо Комитету от 24 флореаля, написанное им после поездки в дистрикт Бург (Жиронда): «Я всюду видел только скелеты, истощенные голодом, людей с распухшим животом — результат того, что они питались исключительно похлебкой из трав. Однако после нашего приезда сюда культура мучнистых овощей получила такой толчок, что в скором времени деревенское население найдет в них большую поддержку». Этот документ является совершенно изолированным; следует заметить, что Изабо требовал в этом письме помощи от Комитета общественного спасения и поэтому заинтересован был в том, чтобы представить положение в мрачных красках.

В соседнем департаменте эмиссар Бо не рисовал положение такими красками. Он пишет 2 прериаля из Гайяк: «Нужда не так велика, как ее представляют; в действительности от нее страдают только рабочие, богатый земледелец не нуждается ни в чем; еще несколько дней, и народ перестанет страдать, и в деревнях все пойдет хорошо».

Несомненно, факты нужды были, но они были результатом войны и блокады. Быть может, без регламентации они были бы еще тяжелее.

Впрочем, больше всего страдали не жители деревень. Напротив! Изоре очень правильно характеризует положение в своем письме от 3 флореаля: «Житель деревни чувствует свое благополучие и пользуется им. В дореволюционное время он вынужден был продавать свои продукты в городе, чтобы уплатить повинности помещику и налоги. Теперь это полностью изменилось. Он живет, как зажиточный ремесленник, и несет на рынок только свои излишки».

Крестьянин ругал реквизиции, которые лишали его возможности распоряжаться своими продуктами, ругал максимум, который сокращал его доход, ругал гужевую повинность, которая отнимала у него время и телеги, но в общем он повиновался, так как прикидывал в уме, какую громадную пользу он извлек от перемены режима; он не желал вставлять новому строю палки в колеса, не желал содействовать победе неприятеля и возвращению своих притеснителей.

Комитет общественного спасения мог быть доволен достигнутыми результатами. Теперь, когда мятежные партии были раздавлены, когда внешняя опасность сходила на-нет благодаря победам французского оружия, он мог бы взять на себя инициативу и отказаться от регламентации, если бы считал эти законы вредными. В свое время он провел эти законы, подчиняясь обстоятельствам. Но теперь он занят только тем, чтобы проводить их на деле и совершенствовать их. Он и не думает о другом.

Прежде учет зерна и реквизиции носили несколько случайный характер, производились в зависимости от потребностей момента. Они были более или менее урегулированы в деталях, хотя сохраняли видимость исключительных мер.

Перед сбором жатвы 1794 г. правительство решило перейти к более открытому и систематическому образу действий. От его имени депутат Эскасерио, член Комитета общественного спасения и Комитета земледелия, провел 8 мессидора в Конвенте декрет, предписывающий учет и общую реквизицию всех хлебов и всего фуража нового урожая. Согласно этому декрету крестьяне обязаны были делать декларации о своем зерне; с этой целью в каждой коммуне должны были иметься особые книги. В декларации должно было быть указано все количество собранного хлеба, без вычета на семена и на потребление собственной семьи; перед закрытием приема деклараций они должны были быть публично прочтены на общем

собрании граждан коммуны. Обман карался конфискацией зерна по приговору мирового судьи кантона. Этот декрет был принят Конвентом единогласно. Только Мерлен из Дуэ заметил, что новые правила трудно совместить с прежним законом от 11 сентября 1793 г. Действительно, этот закон не предвидел всеобщей реквизиции; он имел в виду, прежде всего, снабжение рынков и не упразднял свободы хлебной торговли. Новый декрет шел значительно дальше этого закона, так как отдавал в распоряжение правительства весь урожай и даже еще до снятия его. Конвент просто-напросто направил возражения Мерлена на рассмотрение правительства.

Декрет 8 мессидора был важным шагом на пути к коммунизму в области народного питания.

К каким результатам привело бы это законодательство, если бы не наступила катастрофа 9 термидора? Теперь еще не время браться за разрешение этого вопроса, но мы уже теперь можем утверждать, что нет никаких оснований думать, будто правительство после падения Робеспьера стремилось уничтожить это законодательство.

Единственным больным местом и главной заботой его было применение такс заработной платы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ТАКСЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ.

Чтобы получить более или менее правильное представление о движении заработной платы при режиме террора и о способах применения такс заработной платы (закон устанавливал эти таксы в полтора раза выше уровня 1790 г.), мы должны иметь в виду следующее: во-первых, различные периоды, затем различные категории заработной платы, разницу между городом и деревней и, наконец, разницу между самими революционными властями. Научная разработка этой темы еще только едва началась, и поэтому мы ограничимся в данной главе только обрисовкой главных контуров.

Периоды.

Первый период продолжается до введения общего максимума законом 29 сентября 1793 г. В этот период заработная плата была свободна от регламентации. Чтобы судить о том, как широко простиралось действие нового закона, надо знать, какого уровня достигли различные категории заработной платы.

Второй период заполнен борьбой между эбертистами и дантонистами. Он завершается в жерминале, когда вместе с таксами на съестные припасы и предметы первой необходимости были установлены также таксы заработной платы. Задача исследователя — установить, как влиял один максимум на другой, в какой мере и в каких местностях власти благоприятствовали рабочим и торговцам.

Третий период кончается 9-м термидора. В этот период центральная власть пытается играть роль посредника и восстановить равновесие между производителями и потребителями, между продавцами и покупателями. Здесь задача исследователя установить, в какой мере Комитет общественного спасения достиг ожидаемых результатов, в какой мере оправдались его надежды.

Эта программа весьма обширна и может быть исчерпывающим образом выполнена только с помощью отдельных монографий. Они еще не написаны.

Известно, что заработная плата лишь медленно следует за повышением цен на съестные припасы [1]. После поражения французского оружия в начале 1793 г. ассигнаты стали быстро падать. Рабочие не были организованы и не имели права стачек; они почти повсюду обращаются тогда к властям с тем, чтобы они воздействовали на хозяев и добились от них повышения заработной платы. Но эти власти большей частью находились под влиянием жирондистов, которые исповедывали догмат свободы спроса и предложения; они довольно равнодушно отнеслись к пожеланиям рабочих, и последние не преминули последовать наущениям Бешеных, советовавших им требовать таксы на продукты и прибегать в ожидании этого к прямому действию. Разумеется, Бешеные ничего не говорили о таксе заработной платы.

Повышение заработной платы после падения жирондистов.

После падения жирондистов рабочие стали смелее; этот результат был неминуем. Начиная с июня 1793 г., они перестали выступать в роли просителей. Они говорят уже другим языком с хозяевами и добиваются для себя известных выгод. Поголовное ополчение, которое проводится в сентябре 1793 г., сократило число рабочих рук, а между тем именно тогда производство на оборону нуждалось во все большем количестве рабочих. Происходит общее повышение заработной платы; оно идет вслед за вздорожанием стоимости жизни и догоняет его. «Наблюдатели», посланные в департаменты министром внутренних дел, в один голос констатируют это. Один из них, Дианьер, «наблюдавший» в департаменте Алье, пишет министру 24 июля 1793 г., что рантье находятся в худшем положении, чем рабочие. Лица, которые получают свою ренту во все более обесценивающихся бумагах, лишены теперь возможности прожить. «Другое дело — рабочие; им нужно только, чтобы были продукты и была работа. Огромные наборы рекрут для внешней и внутренней войны вызвали большой недостаток рабочих рук; а он, в свою очередь, повел к повышению заработной платы; она поднялась гораздо выше, нежели цена хлеба. В начале революции рабочий день оплачивался в деревнях в 14—15 су в обыкновенное время и в 24—30 су во время жатвы; в настоящее время он оплачивается в 35—40 су, и думают, что во время ближайшей жатвы поденная плата дойдет до 3 ливров. Почти в той же пропорции поднялась заработная плата городских рабочих».

Другой «наблюдатель», Кейльхава, пишет в начале сентября 1793 г. министру Паре, преемнику Гара: «Ремесленник, взбудораженный тем, что овощи, потребляемые им, вздорожали втрое, ставит себе целью еще больше накрыть плута, продающего их, он чрезмерно поднимает цену своих рабочих рук. Эта зараза распространяется из одного места в другое; желание отомстить ростовщику ведет к тому, что становишься им сам, и в результате ассигнат в 5 ливров не стоит уже 20 су, а ассигнат в 100 ливров часто продается за 20—22 ливра, в особенности когда рабочие отказываются снимать жатву, если им не платить серебром. Такса на хлеб необходимо должна повести к таксам на все прочие предметы; без этого земледелец будет раздавлен и не будет в состоянии продолжать свой труд. Патриот преисполняется скорбью, видя, какую цену республика должна платить за малейшие работы. Женщина, разгружающая барку с сеном, получает за день 3—4 ассигната по 5 ливров; при виде этого злонамеренные говорят, что легкость, с которой расточают эти бумажные деньги, показывает, что агенты республики ни во что не ставят эти деньги» [1].

Впрочем, не следует думать, что повышение заработной платы было одинаково для всех категорий рабочих. Повидимому, оно было сильнее у рабочих физического труда, чем у других. Экономист Сент-Обен — он был хозяином пансиона в Сан — замечает, что женщины находились в гораздо худшем положении, нежели мужчины. «В особенности страдают,— говорит он,— от этой революции в ценах на продукты женщины-работницы; их труд не применим ни к земледелию, ни там, где требуется физическая сила, он применяется только в производстве предметов роскоши и в менее всего необходимых мануфактурах. В результате модистки и белошвейки, вышивальщицы и т. д. зарабатывают теперь только четверть того, что им необхо-

[1] Экономист Сент-Обен заметил это еще в то время. «Богатый, привыкший платить известную номинальную сумму за рабочий день или за умственный труд (le talent), не увеличивал внезапно и пропорционально заработную плату. Объясняется это тем, что он имеет возможность ждать, тогда как рабочий и работник умственного труда этой возможности не имеют, ибо они живут на свою заработную плату. «Нувориши» торгуются с каменщиком или с чернорабочим, словно они заработали свои богатства в поте лица своего. Такого рода богачи повышают заработную плату рабочих только тогда, когда их заставляют сделать это. Если они так поступают, то разве можно ожидать иного от собственников, которые с незапамятных времен привыкли оплачивать своих рабочих по определенному уровню? Можно ли ожидать, что они вдруг перейдут эту границу и увеличат заработную плату в два, три, десять и двадцать раз, пропорционально вздорожанию съестных припасов и обесценению денег? Обыкновенно состоятельный человек, привыкший пользоваться наемными рабочими и считающий, что они, так сказать, обязаны ему средствами к жизни, лишь тогда повышает заработную плату, когда его заставляют сделать это. Он с радостью повысит цену продаваемых им продуктов, он не может помешать вздорожанию покупаемых им продуктов, но заработную плату он повысит в той же мере, лишь будучи принужден к этому. С другой стороны, рабочий, привыкший получать известную плату за день, сам не подумает поднять свою заработную плату при общем вздорожании продуктов; цена их должна подняться уж слишком высоко, только тогда он осмеливается требовать надбавки... Я не знаю случая, когда заработная плата повышалась постепенно, и если кое-где она достигла или даже превысила уровень, то это имело место лишь через год или еще больше после вздорожания продуктов» (Saint-Aubin, Tableau comparatif des prix des principales denrées et marchandises ainsi que de l'industrie et de la main-d'oeuvre, год III, стр. 2).

[1] P. Caron, Rapports des agents du ministre de l'intérieur, t. I, pp. 134, 270.

димо для жизни, и даже прачки, которые зарабатывают больше всех своих подруг по несчастью, оплачиваются не в соответствии с вздорожанием продуктов, а хуже» [1]. Сент-Обен констатирует это в III году, но его слова имеют общую силу, и поэтому понятно, что приверженцы Жака Ру рекрутировались главным образом среди женщин и что женщины пошли грабить в Париже мыло в июне 1793 г.

Тот же Сент-Обен в речи, произнесенной в Сане 28 октября 1792 г., констатирует, что хуже всего положение рабочих в тех мануфактурах, производство которых пострадало вследствие войны. «На хлопчатобумажных мануфактурах,— говорит он,— большей частью работают только женщины, дети и инвалиды... но большое количество товара, выработанного для удовлетворения кратковременного [2] повышения спроса, вызвало вздорожание сырья в гораздо большей степени, чем рабочих рук. Произошло то, что всегда происходит в таких случаях: хотя цены промышленных изделий и сельскохозяйственных продуктов поднялись на половину, рабочий получает немногим больше, чем прежде, когда эти товары были дешевы; а так как потребление одежды, пищи, топлива и т. д. количественно всегда одно и то же, рабочий оказывается обедневшим в той же мере, как поднялись цены этих предметов, а заработная плата не последовала за ними в той же пропорции» [3].

Конечно, производство военной экипировки должно было улучшить положение работниц; это производство было форсировано во второй половине 1793 г. Однако ошибочно думать, что для всех без различия категорий рабочих заработная плата поднялась соответственно вздорожанию жизни.

С этими оговорками можно, однако, принять, что в общем рабочий класс в сентябре 1793 г., накануне введения общего максимума, добился повышения заработной платы.

Жорж Лефевр, тщательно изучивший положение в северной Франции, полагает, что летом 1793 г. заработная плата была здесь в два и даже в три раза выше, чем в 1790 г. Он приводит следующие цифры: «в августе 1793 г. рабочий день оплачивался в Эстер в 30 су, в Сен-Жанс-Капель в 20 су звонкой монетой; во Флетре заработная плата, по меньшей мере, удвоилась сравнительно с 1790 г., в Ондгеме она увеличилась с 15—20 су за день в 1790 г. до 40, 50 и 60; в Метеране в 1790 г. рабочий получал в день 10 су и харчи, а во время жатвы 17—18 су; в 1793 г. заработная плата уже перестала быть постоянной и доходила до 3 ливров. В Марк-ан-Барель давали в октябре за обмолот хлеба 50 су в день и не находили рабочих. А между

[1] «Tableau comparatif», p. 23.

[2] Сент-Обен намекает здесь на искусственный подъем производства в 1791 и 1792 гг., вызванный падением ассигнатов. Иностранцы делали тогда громадные заказы. Война положила конец этому подъему; она вызвала заодно недостаток заказов и сырья.

[3] Речь Сент-Обена напечатана в очерке P o r é e, Subsistances dans l'Yonne, p. CIX.

тем плата, устанавливаемая муниципалитетом, редко доходила до 40 су» [1]. Отсюда Лефевр заключает, что, когда введен был общий максимум, установивший заработную плату в полуторном размере 1790 г., это значительно снизило заработную плату. Зато максимум на продукты еще в большей степени снизил стоимость жизни. Но ясно, что, поскольку не соблюдался максимум на продукты, рабочие и должны были оказаться жертвой закона, введенного по их же желанию.

Не следует думать, что революционные власти проявили всюду больше усердия при применении такс на хлеб, нежели при применении такс заработной платы. Думать так было бы большой ошибкой. Даже в самый разгар террора самые якобинские на вид муниципалитеты были в руках собственников. Лефевр подчеркивает, что на Севере городские муниципалитеты гораздо энергичнее взялись за составление таблиц заработной платы, чем деревенские. Это объясняется тем, что состав городских муниципалитетов обыкновенно был более буржуазным, нежели состав деревенских муниципалитетов. Эти последние не применяли закон одинаково: в смежных коммунах можно констатировать большие различия в таксе заработной платы. Якобинец Вермерш, мэр в Сен-Пьербрук, фиксировал в своей коммуне заработную плату на весьма низком уровне. Надо полагать, что он не был исключением, и весьма любопытно знать, как этот самый Вермерш и ему подобные применяли закон о таксах на съестные припасы.

Напротив, в Париже, поскольку здесь в революционных комитетах секций царили эбертисты, таксы на продукты, повидимому, применялись строже, чем такса заработной платы. Здесь комиссары по борьбе со спекуляцией проявляли горячее и часто чрезмерное усердие по части домашних обысков. Но не видно, чтобы они активно выступали против нарушений таксы рабочими, которые составляли их клиентуру. Рапорты «наблюдателей настроения общества» весьма красноречивы на этот счет.

13 и 14 нивоза Гривель и Сире отмечают, что такса заработной платы часто нарушается. «Возчики, кучера, рабочие, сдельные рабочие... все требуют оплаты выше той, которая установлена законом; если вы соглашаетесь платить только по таксе, они причиняют вам множество неприятностей, делают всяческие придирки; многие наниматели, из боязни споров или ввиду спешности их дела, уступают претензиям этих рабочих и платят им столько, сколько они требуют; благодаря этому рабочие становятся еще более неподатливыми, и другие наниматели оказываются в некотором роде вынужденными поступать по примеру первых. Вплоть до пильщиков и возчиков дров, вплоть до молодцов с дровяных складов, которые требуют с повозки 15 су, вплоть до трубочистов — все они требуют вдвое больше того, что им полагается. Они заставляют частных лиц платить за доставку повозки дров 8 ливров, тогда как прежде это стоило 1 ливр 4 су».

[1] G. L e f e v r e, Les paysans du Nord pendant la Révolution, p. 653, note.

28 нивоза Гривель и Сире возвращаются к этой теме. Они пишут, что рабочие и вообще лица на жалованьи «не терпят в такой степени от недостатка работы и заработка, как это утверждалось, что они не только не потеряли при нынешнем положении вещей, а, напротив, много выиграли и по сию пору еще выигрывают. Доступные им предметы первой необходимости, как, например, хлеб, мало поднялись в цене, тогда как заработная плата увеличилась в три и четыре раза. Иной рабочий, иной носильщик, зарабатывавшие прежде 4—5 ливров за день, зарабатывают теперь по 20—24 ливра и иногда даже больше. На рынках, и в особенности на рынке птицы, лучшие и дорогие вещи покупают теперь жены рабочих и носильщиков. Так называемый буржуа не может соперничать с ними и часто возвращается домой с пустыми руками или же довольствуется дичью и птицей низшего качества. Это можно видеть каждый день. Нет сомнения, этот класс наемных рабочих вовсе не является страдальцем, и было бы большим благом, если бы от их слишком уж большого благополучия не тощали другие... У нас много нападали на земледельцев и торговцев и утверждали, что они хотят диктовать свои условия потребителям; их продукты и товары подвели под максимум и, надо сказать, при этом меньше считались с продавцами, нежели с покупателями». Не надо было бы долго нажимать на Гривеля и Сире, чтобы услышать от них, что революционные комитеты и комиссары по борьбе со спекуляцией систематически покровительствовали классу рабочих. 3 плювиоза они пишут: «Возчики, молотильщики и поденные рабочие требуют втрое больше того, что им полагается по закону; они ссылаются на вздорожание продуктов, но продукты не поднялись в цене в три раза. Если земледелец предлагает им свои харчи, они отказываются. Факт тот, что этот класс граждан полагается на редкость рабочих рук и требует чрезмерных цен; последние дают им возможность напиваться вином, жить припеваючи и проводить половину своей жизни в праздности. То же можно сказать о чернорабочих, о посыльных, о всех поденных рабочих в Париже. Они не стыдятся требовать 100 су за пустячную работу, за которую год тому назад 10 су были весьма щедрой платой. И что же? Они публично хвастают, что зарабатывают за один день столько, что могут отдыхать и пьянствовать в продолжение всей декады. Нередко можно видеть, как рабочий покупает за 12 ливров, даже за 15, курицу, которой цена меньше 2 ливров. Когда деньги так легко зарабатываются, ими не дорожат и тратят их легко».

Конечно, Гривель и Сире — государственные чиновники на скромном жалованьи. В их критике сквозит зависть. Однако они приводят конкретные факты, которые легко было проверить.

Можно считать несомненным, что по всей Франции рабочие сделали могучее усилие, чтобы поднять свой уровень жизни. Там, где они наталкивались на сопротивление властей или хозяев, — а это встречалось часто, — они осмеливались прибегать к отказу от работы, к стачке, более или менее единодушной.

На рудниках в Литри никак не удалось заставить рабочих праздновать десятый день декады и работать в воскресные дни. Этот случай не был единственным. На севере Франции такса заработной платы встречала упорное сопротивление. В дистрикте Жуаньи местные власти никак не могли разбить единения древосеков и других рабочих. Пришлось вмешаться Комитету общественного спасения. 28 плювиоза он постановил опросить рабочих; если кто из них откажется продолжать свою профессию или будет требовать плату выше максимума, он должен быть объявлен подозрительным. Мне не известно, достаточно ли было угрозы гильотиной, чтобы заставить рабочих вернуться к работе; но я не нашел также случаев предания рабочих суду революционного трибунала только за отказ от работы. Непокорные рабочие имели прекрасную отговорку: они заявляли, что подчинятся максимуму заработной платы, лишь только будет проведен на деле максимум на продукты. А мы видели, что этот последний часто нарушался. Если случайно он соблюдался, то было очень трудно снабжать мастерские продовольствием; припасы исчезали с рынка, если за них платили только узаконенную цену. Эмиссары Конвента часто пишут, что приходится закрывать военные мастерские, так как рабочие вынуждены тратить свое время на охоту за хлебом в крестьянских закромах. Так, например, эмиссар Ферри пишет из Буржа 5 жерминаля: «Бо́льшую часть своего времени я трачу на то, чтобы не дать рабочим умереть с голоду».

Комитет общественного спасения и вопрос о заработной плате.

Когда в жерминале были разгромлены мятежные партии, Комитет общественного спасения старается поддержать равновесие между противоположными интересами рабочих и хозяев, торговцев и потребителей. Не подлежит сомнению, что Комитет был очень высокого мнения о достоинстве рабочих. 28 жерминаля в клубе якобинцев один из членов клуба сослался, как на доказательство своего патриотизма, на то, что он отправил на фронт 15 своих рабочих. Немедленно выступил Колло д'Эрбуа с горячей репликой: «Кто говорит, что он внушил 15 рабочим этот акт патриотизма, тот подобен генералу, заявляющему, что победу одержал только он один. Никто не имеет права говорить так и ссылаться на то, что он отправил граждан в армию. Это была манера аристократов. Сам не служит отечеству и заявляет, что служит ему через посредство других... Не следует забывать рвение и патриотизм рабочих, отправляющихся на фронты защищать свою страну. Пора забыть, что у нас были начальники. Республика является одной сплошной мастерской, где нет ни одного начальника. Мы все ее рабочие. Мы работаем на благо отечества. Никто из нас не может сказать, что он распоряжается сердцем и добродетелью других. Слава тем, которые пошли на войну за отечество и жертвуют своей жизнью. Не будем отнимать у них этого столь заслуженного удовле-

творения. Мне кажется, если бы я был рабочим. мне было бы очень тяжело слышать, что мой бывший хозяин заявляет: «Это я послал его». Революцию сделали рабочие, санкюлоты, это они поддержали ее и увенчали успехом; они же доведут ее до конца». Это была очень красивая тирада, но рабочие не посещали клуба якобинцев, а если бы посещали. то сомнительно, удовлетворились ли бы они красивыми речами.

В Париже рабочие напрягли свои силы, чтобы сохранить за собой и даже улучшить ту норму заработной платы, которой они пользовались в период эбертизма.

Комитет общественного спасения и новая коммуна вынуждены были противиться их требованиям.

2 флореаля в Ратушу явились рабочие табачного производства и потребовали увеличения своей заработной платы. Национальный агент Пэйян спросил их оратора, позаботились ли они. прежде чем собрались обсуждать свою петицию. получить разрешение муниципалитета на это собрание. Оратор депутации сначала ответил утвердительно, но затем, прижатый к стене дальнейшими вопросами, запутался и замолчал. Тогда Пэйян приказал отвести его в полицию. Это было предостережением для рабочих, что они не имеют права собираться без разрешения начальства для обсуждения своих профессиональных интересов. Ограничительные законы Учредительного собрания оставались в силе.

Настаивая на применении максимума на продукты. коммуна имеет при этом в виду, что соблюдаются таксы заработной платы. 13 флореаля муниципалитет отказывает подмастерьям-пекарям в их требованиях, как чрезмерных: они требовали помимо высокой платы еще дополнительного мясного пайка. Муниципалитет напомнил им, что их освободили от военной службы и запретили им оставлять под тем или другим предлогом работу в своей мастерской. не предупредив, по крайней мере, за месяц о своем уходе. Ослушникам грозило объявление их подозрительными.

9 флореаля муниципалитет подавил попытку коалиции портовых рабочих; эта коалиция имела целью добиться увеличения заработной платы и устранения конкуренции рабочих других профессий. Постановление муниципалитета уподобляет это начинание воскрешению цехов и видит в нем покушение на свободу труда. Портовым инспекторам приказано было арестовать зачинщиков.

Надо полагать, что постановления Коммуны не легко было провести в жизнь. Об этом свидетельствует то, что она вынуждена была обратиться 16 флореаля ко всему рабочему населению со строгой прокламацией. «Злонамеренные лица, — говорилось в этой прокламации, — распространили среди рабочих, работающих в производствах предметов первой необходимости, дух мятежа и неповиновения, который законы революции карают смертью. Почти одновременно табачники, пекари, сортировщики, плавщики леса и штабельщики — все они потребовали от своих работодателей повышения заработной платы сверх нормы, установленной

законом; они образуют нелегальные сборища, угрожают прекратить работу и даже бросить ее вовсе, — дойти до такой степени злонамеренности!.. В частности портовые рабочие совершенно отказывались работать в портах. Мы объявляем всем рабочим, что в качестве органов закона будем столь же непреклонны, как он, и немедленно будем предавать компетентному суду всех рабочих, которые вопреки закону покинут свою работу; она должна быть им тем дороже, что она необходима для существования общества». Однако после этих угроз прокламация подвергла пересмотру тариф заработной платы в духе благоприятном для рабочих. «Мы строги, но справедливы; мы поспешили рассмотреть требования рабочих» [1].

Угрозы этой прокламации были подкреплены приказом Анрио по национальной гвардии. «Вчера мои собратья по оружию, портовые рабочие, не показали примера лишений. к которым мы, бедные демократы-санкюлоты, привыкли с колыбели; они требуют слишком высокой заработной платы, которая может лишь вызвать дороговизну продуктов и лишить наших бедных матерей семейств самых необходимых для жизни предметов. Будем жить честно, будем одеваться скромно и опрятно. будем трезвы, не оставим наших добродетелей и нашей честности — это наши единственные богатства» [2].

Повидимому, эта волна рабочего движения распространилась по всей стране. В департаменте Ионны виноделы в Бюсси в конце жерминаля отказываются работать по таксе [3]. Другие требуют надбавки к таксе и называют эту надбавку la brutille (валежник, мелочь).

Случаи отказа от работы были часты и носили тревожный характер. Об этом свидетельствует следующий декрет, проведенный Барером в Конвенте 15 флореаля. В декрете объявляются мобилизованными все лица, занятые в производстве, транспорте и продаже продуктов и предметов первой необходимости; тем, которые вступят в преступную коалицию против народного питания, грозят преданием суду революционного трибунала.

14 прериаля Комитет общественного спасения издал специальное постановление относительно водников. Оно угрожало виновным в отказе от работы и в требовании заработной платы выше максимума, что на первый раз они будут преданы суду исправительной полиции, а в случае рецидива подпадут под закон о подозрительных. Комитет был в особенности раздражен поведением водников, потому что 27 жерминаля он разрешил им премии в надбавку к максимуму; он преследовал этими премиями цель ускорить снабжение военных мастерских.

Угрозы не устрашили рабочих. Почти повсюду приходилось или увеличить ставки заработной платы, или останавливать работу. Так, например, 9 мессидора

[1] Цитируем по «Journal de la Montagne».
[2] Dauban, Paris en 1794, p. 354.
[3] Ch. Porée, Inventaire des archives révolutionnaires de l'Yonne, p. 362.

правление Парижского департамента пишет в Комиссию земледелия и промышленности, что рабочие департамента отказываются работать по установленной таксе в 48 су [1], требуют 3 ливров 15 су и, кроме того, желают, чтобы рабочий день продолжался от 6 часов утра до 6 часов вечера; это равносильно сокращению рабочего дня на 2 часа и увеличению оплаты его до 4 ливров 7 су 6 денье. Строительные рабочие, получавшие в 1790 г. только 45 су в день, требуют теперь 8—10 ливров; главный инженер предложил прекратить работы.

Рабочие в военных производствах.

Многочисленные рабочие военных производств были еще более недовольны, нежели рабочие у частных работодателей. Рабочие военных производств не имели в своем распоряжении того средства, которое имели рабочие у частных работодателей. Они не могли отказываться каждый в отдельности от работы и таким образом заставлять работодателя считаться с их требованиями. Они считались мобилизованными и, как таковые, подвержены были полувоенному режиму. Они были зарегистрированы, распределены по отдельным мастерским и находились под надзором государственных чиновников; им на каждом шагу угрожали разные штрафы и кары, они могли добиться увеличения своей заработной платы только скопом, а между тем коалиции запрещались законом как своего рода бунт. Однако слишком сильно было для этих рабочих искушение добиться уравнения их официальной заработной платы с той платой, которую получали вольные рабочие. Многочисленные свидетельства в один голос говорят нам, что в Париже простые чернорабочие — носильщики, кучера, водоносы — получали за день от 20 до 24 ливров, тогда как в оружейных мануфактурах рабочие-специалисты первого разряда с трудом зарабатывали 16 ливров, специалисты второго разряда — 8 ливров 5 су, а неквалифицированные рабочие — 3 ливра [2]. Не удивительно поэтому, что рабочие военных производств жили в атмосфере непрекращающейся агитации. Комитет общественного спасения обходился с ними бережно, так как чрезвычайно нуждался в них; кроме того он боялся оттолкнуть их, чтобы они не стали легкой добычей его противников. Комитет улучшил их заработную плату, разрешил им выбрать из своей среды уполномоченных для переговоров с агентами Комитета. Однако ему не удалось удовлетворить их, так как слишком велико было расстояние между их требованиями и предписаниями закона.

Камилл Ришар подчеркивает, что всякий политический кризис сопровождался усилением агитации в оружейных мастерских: либо сами рабочие старались использовать эти кризисы в своих классовых интересах, либо же их подстрекали противники Комитета общественного спасения. Против этого не помогали премии, назначенные Комитетом этим рабочим в размере до 10% законной ставки; последняя была выработана паритетной комиссией из 60 членов, назначенной в октябре 1793 г. и заседавшей в здании епископства под председательством Ассенфратца. Рабочие бунтовали в конце фримера, когда дантонисты сделали бурную попытку захватить в свои руки власть; в начале вантоза агитация среди рабочих снова разгорелась, она совпала с выступлением эбертистов. С удвоенной силой она возобновляется в момент празднования Высшего существа, когда реакционные элементы в Конвенте пытались свергнуть Робеспьера; она продолжалась почти непрерывно вплоть до 9 термидора.

Комитет общественного спасения вынужден был запретить рабочим переходить без предупреждения из одной мастерской в другую; он обязал их также являться на перекличку, налагал штрафы на отсутствующих и предписал арестовывать зачинщиков (постановления от 21 фримера и 19 прериаля). 25 мессидора Комитет запретил частным лицам брать на работу рабочих, мобилизованных в государственные мастерские; нарушающим это постановление грозило попасть в список подозрительных. 22 прериаля Конвент, по инициативе Барера, предписывает общественному обвинителю при революционном трибунале преследовать в качестве контр-революционеров лиц, «которые прибегают к преступным махинациям на фабриках ассигнатов, оружия, пороха и селитры».

Кроме улучшения заработной платы бунтовщики выставляли также другие требования. Они протестовали против строгой регламентации в государственных мастерских, против постановления 3 флореаля, согласно которому был изменен состав паритетной комиссии и рабочие оказались в меньшинстве сравнительно с представителями администрации (этой комиссии поручено было выработать ставки поденной и сдельной заработной платы).

Как показал Камилл Ришар, агитация не ограничивалась рабочими парижских военных мастерских, а распространилась на другие мастерские во всей Франции. Это является достаточным доказательством, что рабочий класс начал сознавать свою силу и не колебался отделять свои интересы от интересов правительства, даже террористического, если оно не соглашалось на все его требования.

Сельскохозяйственные рабочие.

Как ни серьезно стоял вопрос о промышленных рабочих, он причинял Комитету общественного спасения меньше забот, нежели вопрос о сельскохозяйственных рабочих. Это вполне понятно, так как Франция того времени была преимущественно земледельческой страной. Недостаток съестных припасов часто вел к приостановке работ. Он требовал быстрых и энергичных мер. Местные власти прибе-

[1] Archives nationales, F[10] 451.

[2] Официальный рапорт за мессидор II года, помещенный у Камилла Ришара в его «Les fabrications de guerre sous la Terreur», p. 720

гали к ним, не дожидаясь приглашения со стороны центральной власти. Террор, несмотря на всю свою остроту, не сломил еще всякой инициативы.

С момента, когда начал созревать новый урожай, дистрикты были очень заняты изысканием средств для скорейшего сбора его. 29 флореаля Шомонский дистрикт обращается ко всем коммунам своего района с циркуляром, в котором приглашает их следить за исполнением закона о таксах заработной платы. «До нашего сведения дошло, граждане, что иные сельские хозяева уже поспешили сговориться с рабочими, с целью обеспечить уборку урожая на своих полях и обмолот его; для этого они обещали рабочим очень высокую плату. Некоторые богатые землевладельцы подняли заработную плату до таких размеров, что если она останется на этом уровне, то другим, менее состоятельным фермерам и землевладельцам трудно будет собрать свою жатву. В результате после всех бедствий этого года на почве недостатка хлеба нам придется пережить еще новые страхи и тревогу за уборку урожая, который обещает быть обильным». Циркуляр приглашал муниципалитеты применять закон во всей строгости и в случае надобности, если рабочие не удовлетворятся узаконенной заработной платой, мобилизовать их для уборки урожая. «Назовите нам этих низких людей, предпочитающих дать сгнить на корню сену и хлебам, нежели довольствоваться установленным в законе размером заработной платы; мы поступим с ними как с подозрительными, как с врагами республики [1], наиболее виновные будут посажены в тюрьму». Администрация дистрикта напоминает, что оба максимума — на продукты и на заработную плату — связаны друг с другом, и нарушение одного неизбежно влечет за собой нарушение другого. «Мы не вынуждены были бы принимать столь строгие меры против большого числа земледельцев, если бы в прошлом году высокая заработная плата жнецов не отняла у фермеров и крестьян значительную часть их прибылей. Вынужденные угрозами рабочих платить им сверх таксы, они не видели для себя другого выхода и продавали свой хлеб по ценам выше максимума; поэтому они были заинтересованы в том, чтобы не исполнять реквизиций, скрывать свой хлеб и делать недостаток припасов более значительным, чем он был на самом деле» [2].

Суассонский дистрикт не ограничился увещаниями. 5 прериаля он издал подробный регламент о мобилизации сельскохозяйственных рабочих:

1) Все граждане дистрикта, за исключением немощных стариков и общественных чиновников, могут быть мобилизованы на уборку ближайшего урожая.

2) Эти мобилизации производятся генеральными советами коммун, если речь идет о сборе жатвы в их районе и о гражданах, живущих в том же районе. Если же необходимо брать рабочих из одной коммуны для работ в другой, то мобилизации производятся администрацией дистрикта.

[1] Декреты 8 и 13 вантоза предписывали конфискацию имущества лиц, признанных «врагами республики».

[2] Ch. Lorain, Les subsistances dans le district de Chaumont, t. I, p. 560.

3) Мобилизации производятся поименно и объявляются делопроизводителем муниципалитета по месту жительства мобилизованного.

4) Они простираются в первую очередь на рабочих, батраков и на всех тех лиц, которые обычно работают при сборе урожая или вообще занимаются земледелием.

Если этих лиц окажется недостаточно, то мобилизации простираются также на праздных граждан и на мужскую прислугу у богачей, поскольку эти лица будут признаны годными к такой работе по своей силе, росту и комплекции.

Дополнительно могут подвергнуться мобилизации все прочие граждане.

5) Граждане, мобилизованные в силу этого постановления, обязаны исполнять работы по указанию своих нанимателей. Последние обязаны оплачивать их по таксам, установленным в исполнение закона от 6 вантоза. В случае отказа работать мобилизованные граждане караются по закону от 16 минувшего сентября.

6) Они караются тремя днями тюрьмы, а в случае рецидива заключением в тюрьму на три месяца. Это наказание налагается муниципальной полицией.

7) Вступающие в коалицию с целью отказа от работы считаются врагами общественного дела, подлежат аресту и предаются суду для понесения наказания как контр-революционеры.

8) Если для работ по уборке урожая этого года и для прочих полевых работ заключены соглашения по ценам выше фиксированных в законе о максимуме, они изменяются в том смысле, что оплата производится по настоящей норме.

9) Те земледельцы, жнецы, рабочие и пр., которые, начиная со дня опубликования настоящего постановления, заключат соглашения, нарушающие максимум, подлежат наказанию, согласно ст. ст. 10 и 11 закона от 12 жерминаля, а именно — на первый раз штрафу в десятикратном размере условленной суммы или предмета, причем этот штраф идет полностью в пользу доносчика, а в случае рецидива — заключению в тюрьму на два года, помимо штрафа [1].

Однако Комитет общественного спасения не желал предоставить только местным властям урегулирование мобилизаций и условий оплаты жнецов. 11 прериаля, через 6 дней после издания вышеупомянутого постановления Суассонского дистрикта, Комитет общественного спасения обнародовал обширное постановление, в котором подводилась единая база для всех имеющих быть принятыми в дальнейшем мер. Это постановление объявляло мобилизованными для предстоящей жатвы и для всех предварительных работ всех поденных рабочих, всех занимающихся обычно земледельческими работами и всех тех, кто вынужден был ко времени жатвы прекратить работу по своей профессии. Те рабочие, которые обычно уходили на работу в другую коммуну, теперь обязаны отправляться туда. Муниципалитетам предписывается составить списки рабочих, привычных к полевым работам, и объявлять не поименную, а всеобщую мобилизацию вышеперечисленных категорий. Лица,

[1] Archives nationales F^{10} 451.

отказывающиеся повиноваться, предаются суду как подозрительные. Что касается граждан, не входящих в перечисленные категории, то муниципалитеты не мобилизуют, а приглашают их на работы, если сочтут это необходимым. Наконец, в этом постановлении говорится также о рабочих, вступающих в коалицию и скопом отказывающихся от работ, на которые их мобилизовали, или требующих повышения заработной платы; эти рабочие должны быть преданы суду революционного трибунала.

Чтобы не оставить места для сомнений, Комитет общественного спасения дополнил это постановление рядом других (от 13 и 29 прериаля и 7 и 20 мессидора), все более детальных. Первое из них распространяло предписания предыдущего постановления на все виды работ. Оно запрещало предпринимателям общественных работ платить заработную плату выше установленной в законе. Постановление 7 мессидора касалось заработной платы в частных предприятиях; она не должна была превышать уровня 1790 г. более чем в $1^1/_2$ раза. Постановление от 29 прериаля запрещало увеличивать плату натурой и предписывало платить ее в точности по норме 1790 г. Постановление от 20 мессидора уравнивало оплату жнецов и молотильщиков. «чтобы разница в оплате не служила причиной или предлогом откладывания обмолота хлеба, необходимого для пополнения военно-продовольственных складов».

Мы достаточно осведомлены о том, как применялись эти постановления. Эти сведения дает нам переписка между Комиссией земледелия и промышленности и дистриктами [1].

Так, например, Комиссия предложила Суассонскому дистрикту отменить одно его постановление, как слишком суровое и дающее простор для произвола. Речь шла об объявлении администрацией дистрикта обязательной мобилизации всех без различия граждан на предмет уборки урожая. Однако в общем Комиссия старалась поднять энергию других дистриктов и побудить их к строгости.

Когда департамент Ламанша поднял выше максимума оплату рабочих по ремонту дорог, Комиссия высказывает ему порицание: «Если возможно было бы нарушить таксу заработной платы, то максимум на продукты должен был бы скоро стать иллюзорным, и мы снова стали бы жертвой спекулянтов. их алчности и злой воли. Вам небезызвестно, граждане, что рабочие, работающие по ремонту дорог, не имеют права отказываться от работы и что декрет 15 флореаля дает вам право объявить их мобилизованными. Что касается нас, то декрет 15 фримера (о революционном правительстве) лишает нас возможности толковать закон, а следовательно, также одобрить ваше постановление» (письмо от 15 мессидора).

Закон предоставлял муниципалитетам право устанавливать размер заработной платы. Это приводило к весьма нездоровым последствиям: сельскохозяйственные ра-

[1] Она сохраняется в Национальном архиве; см. F^{10} 450, 451 и 452.

бочие покидали коммуны, в которых был установлен слишком низкий максимум. Во избежание этого многие дистрикты предписывают коммунам своего района один единый максимум. Назовем следующие дистрикты: Берг, Мон-сюр-Луар (бывший Шатоденский), Брютюс-Вилье (бывший Монтивилье), Отен, Азебрук, Мулен, Уссель, Ножан-ле-Репюбликен, Леспарр, Валь-Либр (бывший Донжон в Аллье) и т. д. 9 мессидора дистрикт Валь-Либр заявляет, что он делал попытки «наложить узду на алчность некоторых рабочих и обеспечить коммуны от опасности остаться без рабочих, которой могла подвергнуть их разница в ценах». Некоторые из этих дистриктов, например Валь-Либр, прежде чем издать постановление об единообразном максимуме, запрашивали мнение заинтересованных коммун, но большинство обходилось без этого. Обыкновенно Комиссия земледелия и промышленности ставила им на вид, что они превысили предписания закона, но она не требовала отмены их постановлений, вошедших в силу.

Подражая примеру Суассонского дистрикта, дистрикт Бриуд мобилизовал для уборки урожая «всех лиц обоего пола, способных перенести тяжесть этой работы и не занятых, без возможности замены, на государственной службе». Комиссия земледелия и промышленности поставила администрации этого дистрикта на вид, что эта мобилизация законна только по отношению к лицам, привычным к полевым работам, а что касается прочих лиц, то по отношению к ним допустимо лишь братское приглашение. Однако это указание пришло слишком поздно, когда почти во всей долине Бриуд урожай был уже собран.

По всем видимостям оплата сельскохозяйственных рабочих в общем была фиксирована выше законной нормы, несмотря на категорические предписания Комитета общественного спасения. В Брютюс-Вилье косарь получал 3 ливра в день на хозяйских харчах и кроме того 6 су, если он приносил свою косу; жнец получал 40 су с харчами и надбавку в 2 су за свой серп. В Берге платили 50 су, в Валансьене 3 ливра, в Азебруке 30 су, в Лилле 22 су 6 денье, причем во всех этих случаях полагались также харчи от хозяина [1]. Нельзя объяснить эти столь значительные расхождения.

Во многих дистриктах — надо полагать, там, где был фиксирован высокий максимум — мобилизация жнецов не вызывала беспорядков,—например, в следующих дикстриктах: Салон, Мулен, Кюссе, Систерон, Гап, Треву, Перигё, Юзес, Карисмон и др.

В Салоне постановление от 11 прериаля было выполнено «с энтузиазмом». «Мобилизованные рабочие не требовали ни одного обола свыше таксы» (письмо администрации дистрикта от 19 мессидора). Дистрикт Перигё сообщает 12 мессидора, что в его районе не было ни одного протеста против таксы. Дистрикт Систерон пишет, что в его районе «не было случаев неповиновения мобилизациям, не было

[1] Согласно G. Lefebvre, Les paysans du Nord, p. 654.

также коалиции для отказа от работы с целью добиться повышения оплаты» и т. д. Однако столкновений на почве мобилизаций не было главным образом в тех дистриктах, в которых сохранился старый обычай оплаты жнецов натурой из части урожая. Администрация дистрикта Треву пишет 15 мессидора: «При оплате упомянутых рабочих не было никаких столкновений; здесь придерживаются еще старого обычая оплачивать их натурой». 17 термидора это констатирует также Монлюэль и прибавляет, что жнецы получают из девяти снопов один в свою пользу. Это проливает свет на причины волнения и сопротивления в других дистриктах. Работник добивался возможности жить на свою заработную плату. Там, где платили хлебом, не возникало никаких споров. Работники соглашались на таксу заработной платы, но под условием, что будет выполнен также максимум на продукты. Можно быть уверенным, что волнения имели место главным образом там, где власти либо установили заработную плату на слишком низком уровне, либо не сумели настоять на соблюдении максимума на продукты.

В значительном числе дистриктов имели место коалиции сельскохозяйственных рабочих на почве неприятия максимума заработной платы; так, например, в дистриктах: Лаон, Берг, Камбре, Санлис, Сансерр, Маренн, Динь и др.

В Лаонском дистрикте 3 термидора отказались работать рабочие в коммунах Гро-Дизи и Клермон. Национальный агент, прибыв туда, обратился за помощью к жандармерии, которая заставила непокорных приступить к работе. Тот же национальный агент передал прокурору уголовного трибунала жалобы некоторых коммун, в которых мобилизации натолкнулись на сопротивление и остались безуспешными. «Прокурор ответил мне,— пишет этот агент 19 термидора,— что трибунал нашел такого рода дела подсудными не ему, а обычному суду». Дело перешло в гражданский суд, но он не торопился вынести приговор. Национальный комиссар при этом суде ответил национальному агенту, что, по его мнению, кары, установленные в ст. 3 постановления от 11 прериаля, должны налагаться самими муниципалитетами и что коалиции подсудны революционному трибуналу. Комиссия земледелия и промышленности сделала выговор национальному агенту и администрации Лаонского дистрикта за недостаточно энергичное применение репрессий. «В вашем районе,— писала она,— произошло форменное преступление против революционного закона 11 прериаля; оно осталось безнаказанным. Для того чтобы исполнено было требование закона и достигнута была цель законодателя, необходимо было немедленно применить кары, установленные в законе. Только быстрота и энергия в исполнении могут придать революционным законам тот характер общественной пользы, который отличает их от других законов. Вместо этого вы колеблетесь и раздумываете, прокурор отсылает дело в окружный суд, а комиссар при этом суде, в свою очередь, отказывается от преследования нарушителей закона. Это не есть поддержка мероприятий правительства. С теми, кто не повинуется мобилизациям, следует поступать как с подозрительными. Уголовный суд департамента Эны и гражданский суд Лаонского дистрикта поступили неправильно, не возбудив дело по поступившему к ним заявлению, ибо закон давал им право возбудить это дело и неисполнение декрета являлось опасностью для общества. Они заслуживают особенно серьезного порицания». (Письмо от 13 фруктидора.)

В дистрикте Санлис сопротивление рабочих было серьезнее, чем в Лаонском дистрикте. В последнем все дело ограничилось стачкой, продолжавшейся только один день. Здесь же в коммуне Барбери вспыхнул мятеж, и пришлось арестовать зачинщиков. Комиссия земледелия и промышленности, запрошенная по этому поводу, ответила, что зачинщики должны быть преданы суду на основании закона 17 сентября о подозрительных.

В департаменте Дубса рабочие тоже оказали сильное сопротивление. Они требовали за обмолот меры зерна столько же, сколько стоит эта мера зерна, «так что,— писали эмиссары Фуше и Бессон,— у земледельца после уплаты за молотьбу ничего не оставалось» (4 фримера III года).

В Сансерре рабочие отказывались наниматься по таксе (письмо дистрикта от 9 мессидора). В Маренне национальный агент запрашивает Комитет общественного спасения, не лучше ли судить за неповиновение мобилизациям уголовным порядком, нежели передавать эти дела в революционный трибунал как контр-революционные преступления. Комитет ответил, что лучше предавать их суду революционного трибунала, так как приговоры последнего становятся известными по всей республике и могут послужить примером.

Дистрикт Динь пишет 19 мессидора: «Фиксирование заработной платы пришлось не по вкусу рабочим; видно было, что они повиновались не столько из стремления к общественному благу, сколько из боязни кар».

В Северном департаменте велась значительная агитация. «В Сен-Пьербрук,— читаем мы у Лефевра,— жнецы заявили, что не станут работать по таксе, так как такса на продукты не соблюдается. То же самое было в Эскершене и Оби. В Оби имели место случаи отказа от работы.

В дистрикте Арнэй-сюр-Арру департамента Кот-д'Ор виноделы отказались подчиняться мобилизациям. В Блиньи виноделы 11 мессидора объединились и «потребовали на время жатвы от 80 до 100 франков надбавки наличными сверх максимума». Ввиду бездействия муниципалитетов, — треть их не опубликовала тарифов заработной платы, — дистрикт назначил единый максимум для всех коммун, а именно: 36 су для мужчин и 28 для женщин. Едва была опубликована эта такса, как рабочие уже стали высказывать свое недовольство. Они требовали 5 ливров в день или 7 ливров с юрнала или, наконец, 40—50 экю на человека за все время жатвы (письмо национального агента от 24 мессидора). Из боязни погубить свой хлеб на корню сельские хозяева соглашались на требования жнецов. «Те, кто предпочитали соблюдать закон, остались без ра-

бочих». Национальный агент пытался прибегнуть к мерам строгости. Он предал двух нарушителей закона суду революционного трибунала в надежде, что этот пример заставит других одуматься. В письме от 6 термидора он вынужден признаться, что это имело обратный результат: те рабочие, которые еще работали на полях, ушли, и сбор урожая пострадал от стачки.

В тех дистриктах, где уборка урожая производилась обыкновенно пришлыми рабочими, очень трудно было найти необходимое число рабочих рук. В Сен-Максимене (Вар), в Нарбонне, в Безье жатва обыкновенно снималась рабочими, приходящими с гор; на сей раз они остались дома. Национальный агент в Нарбонском дистрикте пишет 16 мессидора: «Пришлых рабочих явилось очень мало... не знаю, чему приписать это; прежде они ежегодно являлись в большом количестве... я слыхал, что они предпочитают остаться дома, нежели работать по таксе». Национальный агент присовокупляет, что иные рабочие, оставившие свои серпы у своих прошлогодних хозяев, предпочли покинуть свои орудия, нежели явиться работать по таксе.

Во многих случаях пришлось, как, например, в Нарбонне, посылать солдат жать хлеб, иначе он остался бы на корню. 20 мессидора Комитет общественного спасения разрешил посылать солдат не только на жатву, но и на молотьбу. Другое постановление Комитета, от 27 мессидора, организовало в западной армии роты добровольцев-земледельцев, оплачиваемых по той же таксе, что и обыкновенные рабочие. Наконец, постановление Комитета от 4 термидора разрешало употреблять военнопленных на работы по снятию урожая.

Чтобы закончить сбор урожая в Босе и Бри, затребованы были рабочие из Парижа. Дистрикт Мо затребовал 1 800 человек, Понтуаз — 200, Дурдан — 200, Креспи — 1 200, Этамп — 100, Гонесс — 1 000. Парижским добровольцам уплачивались подъемные в размере 9 су за лье. Имеющийся в архивах список заключает 2 360 имен добровольцев, получивших вознаграждение в общем в 12 375 ливров 4 су. Некоторые добровольцы жаловались на плохой прием со стороны крестьян. Зато некоторые из нанимателей хвалили услуги, оказанные им парижанами. Во многих случаях орудия, принесенные из Парижа добровольцами, оказались непригодными, и пришлось снабдить рабочих на местах другими. В Гонесс и Мо добровольцы явились слишком поздно.

Недостаток рабочих рук был столь ощутителен, что 21 мессидора Конвент должен был вотировать декрет, разрешающий временно освобождать крестьян и батраков, арестованных в качестве подозрительных, а именно: жителей коммун с населением ниже 1 200 душ. Могли ли власти при таких обстоятельствах применять к непокорным рабочим кары, предусмотренные в прежних законах?

Итак, по всем видимостям, сельскохозяйственные рабочие оказывали такое же сопротивление таксам заработной платы, как и трудящиеся городов.

Причины сопротивления.

Однако не будем спешить с выводом, что среди них сделало решительные успехи классовое сознание. Если бы мог применяться на практике максимум на продукты, рабочие, несомненно, подчинились бы предписаниям закона. Они в один голос оправдывали свое сопротивление тем, что максимум на продукты не соблюдается на практике, и, по всем видимостям, эта мотивировка была с их стороны вполне искренней. Они желали иметь возможность жить на труды рук своих. У них, должно быть, не было еще вполне ясного сознания, что их классовые интересы обязательно противоположны интересам их нанимателей. Но надо признать, что законодательство способствовало развитию в них этого классового сознания.

Эти факты уясняют нам причины внезапного падения Робеспьера и его правительства. 9 термидора парижские рабочие в большинстве своем оставались равнодушны к политической борьбе, разыгрывавшейся на их глазах. Коммуна как раз за несколько дней перед этим обнародовала новый тариф заработной платы, который вызвал недовольство парижских рабочих. В самый день 9 термидора они устроили манифестацию против максимума заработной платы. Вечером коммуна расклеила по городу прокламацию, в которой сваливала на Барера ответственность за новый тариф, но это не помогло, — рабочие умывали руки и, когда вели на казнь Робеспьера и его друзей, кричали: «Проклятый максимум, к чорту его!»

Исключительная забота о своих особых интересах, недостаток политического воспитания заслонили от них общественные интересы. Они не понимали, что все связано с системой революционного правительства, что таксы заработной платы были неразрывно связаны с максимумом на продукты, что одно падало вместе с другим. Это уяснилось ими лишь впоследствии, после упразднения общего максимума, когда дороговизна сделала огромный скачок вперед и они очутились в когтях нужды. Тогда они пожалели и о Робеспьере и о проклятом максимуме. Они восстали тогда и требовали восстановления максимума, но были разбиты в жерминале и прериале III года.

Они утратили поддержку политической власти, а экономически они были слишком слабы, чтобы добиться восстановления максимума своими собственными силами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы подошли к концу нашего затянувшегося исследования. В другой работе мы дадим продолжение его: от термидора до упразднения бумажных денег. А теперь позволим себе сделать вкратце общие выводы.

Дороговизна была не столько результатом самой войны, сколько результатом инфляции. Уже накануне объявления войны, в апреле 1792 г., курс ассигнатов упал на 25—30% внутри Франции и на 50—60% за границей. Большие восстания в Вандее, где погиб Симоно, в Нейоне, на Севере, в Морване, в департаментах Ло и Гар имели место зимой 1791—1792 г.

Продовольственный кризис вызван был не недостатком припасов. Франция была в то время преимущественно земледельческой страной и производила достаточно хлеба для своего собственного потребления. Английская блокада началась только в феврале 1793 г. и никогда не могла быть проведена полностью. В самый разгар террора Франция получала хлеб из Америки, из Берберии, из ганзейских городов, из Генуи и Ливорно. Война влияла на продовольственный кризис и на цены лишь косвенным образом, усиливая естественные результаты инфляции.

Главным виновником кризиса была инфляция, т. е. неограниченный выпуск бумажных денег без достаточного обеспечения. Чтобы прекратить кризис и дороговизну, надо было бы изъять из обращения обесцененные бумажные деньги. Марат, Сен-Жюст, Шабо проповедывали это разрешение проблемы. Но в этом направлении делались только запоздалые и недостаточные попытки, так как все разгоравшаяся война поглощала все более и более громадные суммы денег. Аннулирование королевских ассигнатов, сокращение вечного долга старого режима путем введения «Большой книги государственного долга», унифицировавшей этот долг, сокращение срочных долговых обязательств в результате декретов Камбона о пожизненных рентах, принудительный заем 1793 г., предварительная продажа бумаг государственного кредита по распродаже национальных имуществ — все эти средства (большей частью автором их был Камбон) были лишь паллиативами и скоро уносились потоком событий.

Политика стояла на первом плане, финансовая проблема отступала перед ней на задний план. Революционерам приходилось бороться не только с монархической

Европой, но с целой половиной Франции, которая желала победы неприятеля, так как революция нарушила ее интересы. К войне с внешним врагом присоединялась гражданская война, то открытая, то скрытая. Положение, и без того трудное, чрезвычайно осложнялось искусным и упорным сопротивлением — сначала знати, потом фельянов, федералистов и еще позднее «Снисходительных».

Национальные собрания не решались требовать больших налогов. Они боялись вызвать этим недовольство состоятельных покупателей национальных имуществ,— этого единственного обеспечения бумажных денег, боялись отбросить «избирателей» вправо, заставив их жалеть о монархии. В результате налог давал лишь незначительные средства. К тому же взимание его поручено было выборной администрации, и он часто поступал с невероятным запозданием. Революция жила на ассигнаты, т. е. на суррогат денег.

Жертвами инфляции стали городские потребители, рантье, лица с постоянным доходом, ремесленники, уже пострадавшие от войны, многочисленный деревенский пролетариат, все те, кто не мог возместить себя за потерю на курсе ассигнатов соответствующим повышением цены своих товаров, все те, которым нечего было продавать, которые покупали больше, чем продавали. Эти жертвы инфляции не соглашались принимать на себя издержки революции, хотя в большинстве случаев они проявили себя ее горячими сторонниками. Они вспоминали, что при старом режиме монархия в аналогичных случаях обыкновенно выступала в пользу народных классов. С наглядно выраженным единодушием они восстали против экономического либерализма сначала фельянов, потом жирондистов, против жестокой доктрины laissez faire, laissez passer. Они требовали восстановления уничтоженной старой регламентации, деклараций, учета, обязательства продавать товар на рынке, реквизиций и, наконец, такс. Для выражения и защиты своих требований они в нужный момент нашли темных, но энергичных зачинщиков, которые выступили их вождями и представителями. Эти Бешеные противопоставили праву собственности право на жизнь. В своем большинстве бывшие священники, они восстанавливают теперь христианское понятие справедливой цены, ратуют против скупщиков и ростовщиков. Они заявляют, что продукты, необходимые для поддержания жизни, принадлежат по самому назначению своему всем живущим. Некоторые из них сочинили проекты преобразования общества на почве более справедливого распределения припасов. Хотя жирондисты обвиняли их в том, что они добиваются «аграрного закона», лишь очень немногие из них поднялись до ясного и цельного представления о коммунистическом обществе. Большинство довольствовалось чисто эмпирическими рецептами, вроде: полной отмены металлических денег, закрытия биржи, террора против собственников, которые все квалифицировались как спекулянты и монополисты. Почти непрерывная жакерия вносила смуту в деревню. Городские рабочие в свою очередь зашевелились, стремясь подогнать свою заработную плату к возросшей стоимости жизни.

Пока якобинцы оставались объединенными, правительство противилось народному движению. Восстания, происшедшие весной 1792 г., были энергично подавлены. Но раскол на Гору и Жиронду открыл дорогу сначала сторонникам регламентации, затем — реквизиции и, наконец, системе твердых цен.

После 10 августа, в период кризиса, вызванного первым нашествием неприятеля, Исполнительный совет, в котором господствовал Дантон и который подстегивала мятежная коммуна, установил первую систему регламентации. После битвы при Вальми она исчезает под ударами жирондистов, которые на выборах в Конвент одержали победу благодаря страху перед аграрным законом.

Однако жирондисты оказались неспособными разрешить проблему дороговизны. Они не понимали, что инфляция делает невозможной экономическую свободу. Ролан, человек формул, не понимал действительности. Земледельцы отказывались отдавать свой хлеб за бумажки, которые все более обесценивались. Искусственный недостаток припасов все более усиливался. Снова поднялась волна бунтов. Осенью 1792 г. в них участвуют тысячи людей. Бунтовщики насильственно вводят таксы. Когда монтаньяры вступили в решительный бой с жирондистами, они вынуждены были делать уступки Бешеным, выбросить из своей программы балласт, чтобы получить поддержку народа. К программе регламентации, принятой ими после 10 августа, они присоединили программу реквизиций и вскоре также и такс. Под угрожающим давлением санкюлотов они провели в Конвенте закон 4 мая 1793 г. о максимуме на хлеб. Закон этот оказался бессильным.

Оказавшись, в свою очередь, у власти, монтаньяры тщетно пытались отменить этот гибельный закон, который принес только голод городскому населению; они тщетно пытались избежать общего максимума, который был логическим и неизбежным следствием максимума на хлеб; их диверсии: стремление разницу между ценами на хлеб и уровнем заработной платы возложить на богатых, уничтожить спекуляцию с помощью закона 27 июля 1793 г., который отдавал всю торговлю под постоянный контроль муниципалитетов, создать государственные зернохранилища, ввести принудительный курс ассигнатов и т. д., — все эти диверсии потерпели неудачу, столкнувшись со всей мощью объединенных интересов. И без того серьезная нужда обострилась до крайности поражениями на внешнем и внутреннем фронтах летом 1793 года. Эбертистский день 5 сентября установил общий максимум.

Впоследствии Бешеных посадили в тюрьму и отправили на эшафот, но программа их, тем не менее, исполнялась, ибо так хотел темный инстинкт народа, а монтаньяры не могли править, вызывая сопротивление масс, пока им необходимо было справляться с восставшими роялистами и федералистами.

При старом режиме политика регламентации и такс могла давать положительные результаты, так как она была лишь местной и временной, применялась при наличии здоровых денег и гражданского мира, к тому же, в стране, морально объединенной, где политическая оппозиция не существовала или не имела возможности себя проявить. Она применялась судебными инстанциями, состоявшими из крупных землевладельцев, и не имела в себе ничего такого, что могло бы испугать собственников. Она носила характер политики временной помощи, не возбуждала никакого гнева, не угрожала серьезно ничьим интересам. Она исходила свыше.

В 1793 и 1794 гг. та же политика имела совершенно другой характер. Она была восстанием массы бедняков против богатых, она проводилась силою из народных низов. Она могла проводиться только принудительным порядком, во-первых, потому, что это было время инфляции, которая восстанавливала против такс всех собственников; во-вторых, потому, что половина страны восстала против правительства; в-третьих, потому, что гражданская и внешняя войны изменили характер и данные проблемы. Эта политика уже не носила характера благотворительности, а представляла собою меры репрессии одной стороны, акт мести и экспроприации.

Общий максимум повлек за собой организацию террора. Не случайно террор был поставлен в порядок дня именно 5 сентября, в тот день, когда эбертистская коммуна вырвала у Конвента закон о максимуме. Чтобы проводить законы, нарушавшие все частные интересы, необходимо было усилить диктатуру центральной власти, систематизировать ее, охватить всю Францию армией полиции и солдатских постоев, уничтожить все свободы, контролировать через Центральную продовольственную комиссию все сельскохозяйственное и промышленное производство страны, без конца прибегать к реквизициям, захватить в свои руки транспорт и торговлю, передать в распоряжение государства торговый флот и банки, создать повсюду новую бюрократию, чтобы пустить в ход громадный аппарат снабжения, ввести нормирование потребления при помощи карточной системы, прибегнуть к системе домашних обысков, заполнить тюрьмы подозрительными, заставить гильотину работать перманентно. Политический террор сливался с экономическим, шел с ним нога в ногу.

Подобный режим находился в глубоком и бурном противоречии с идеями, тенденциями и устремлениями общества, страстно преданного только что завоеванной свободе. Он не мог быть водворен сразу, не вызывая сильного сопротивления. «Снисходительные», эти раскаявшиеся монтаньяры, сменили жирондистов в роли защитников собственников. Зимой 1793—1794 г. по всей Франции велась упорная борьба между «Снисходительными» и эбертистами, преемниками Бешеных по опеке над бедными классами. Комитет общественного спасения чуть не был снесен этой волной. Он мог удержать в своих руках руководство и осуществлять свою посредническую роль, только освободившись от мятежных партий с помощью большого революционно-политического процесса.

Комитет общественного спасения победил потому, что олицетворял национальные интересы. После казни эбертистов Комитет стремился смягчить террористиче-

ские меры по отношению к торговле, в то же время сохраняя в главном интервенционистское законодательство и совершенствуя его. Он надеялся, что ему удастся держать в равновесии противоположные интересы рабочих и хозяев, продавцов и потребителей. Но инфляция продолжала свои опустошения, и рабочие не намерены были терять те преимущества, которые они завоевали в эбертистский период.

Общий максимум оказался крайне трудно применимым даже в смягченном и пересмотренном виде. Комитету общественного спасения лишь в очень несовершенной степени удалось достигнуть того равновесия, к которому он стремился. Несмотря на продолжавшийся террор, рабочие и собственники проявляли одинаковое сопротивление, молчаливое, но решительное.

Поняв несколько поздно, что спасение революции заключается только в смелой классовой политике, Сен-Жюст, Робеспьер и Кутон, представлявшие самый демократический элемент в правительстве, провели 8 и 13 вантоза в Конвенте декреты, которые обещали бедным санкюлотам богатую добычу в виде имущества подозрительных, признанных врагами революции. Таким образом должен был образоваться новый класс за счет экспроприированных роялистов. Этот класс обязан был бы всем революции и обеспечил бы ее будущее. Но эти два декрета натолкнулись на глухое сопротивление, на умышленное бездействие Комитета общественной безопасности и большинства членов Комитета общественного спасения [1]. Прежде чем эти декреты начали нормально применяться на практике, «триумвират» был свергнут событиями 9 термидора. Эти события были результатом ненормальной коалиции самых противоположных элементов, соединенных общим страхом перед террором и социальной революцией и смутными надеждами на лучшее будущее.

Однако день 9 термидора, в котором рабочие играли роль обманутых, ничего не разрешил. Он лишь усилил кризис, придав ему новое направление. Инфляция не только осталась, но сделала громадный скачок вперед. По требованию собственников, которые держали в своих руках деятелей термидора, вскоре был отменен максимум, который в чрезвычайной мере способствовал замедлению обесценения ассигнатов. Отныне ничто не препятствовало безличной и невидимой диктатуре владельцев реальных ценностей. В этом смысле можно сказать, что издержки революции наряду с духовенством и эмигрантами нес и народ. Буржуазия, которая едва не была экспроприирована во II году, в конце концов упрочила свою мощь с помощью инфляции. Благодаря инфляции она почти за бесценок приобрела земли духовенства и эмигрантов. С помощью инфляции она победила своих внешних и внутренних врагов. Инфляция дала ей возможность дешево оборудовать свои военные заводы. С помощью инфляции французская буржуазия на целое столетие приручила беднейшие классы народа.

[1] Я рассматриваю эти декреты в последних главах III тома моей «Révolution française», которая находится теперь в печати. Отсылаю читателя к этой книге.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Арпан — старинная французская мера поверхности, весьма различная в разных частях страны; ее размеры колебались от 34 до 51 ара (3 400—5 100 кв. метр.).

Ассигнаты — бумажные деньги Великой французской революции, впервые выпущенные в декабре 1789 года на сумму 400 млн. ливров. Ассигнаты были обеспечены земельным фондом Национальных имуществ (см.), служили платежным средством при их распродаже и приносили 5% годовых; к 1795 г. эмиссия ассигнатов дошла до 40 миллиардов, и они были совершенно обесценены.

Бальи — должность во Франции старого режима; бальи стоял во главе бальяжа (см.) и имел административную, судебную, финансовую и военную компетенцию. Должность бальи сложилась постепенно в результате многовековой борьбы королевской власти с феодалами, и поэтому, хотя бальи были в этой борьбе представителями центральной власти короля, сами они унаследовали от феодального суда и администрации некоторые черты. В XVII и XVIII веках бальи потеряли свое значение, так как их обязанности постепенно распределились между целым рядом должностных лиц, которых бальи объединяли лишь номинально.

Бальяж — старинное административно-судебно-финансовое подразделение Франции, создавшееся постепенно и даже часто не имевшее твердых границ. Всех бальяжей к концу XVIII в. было около 400. В 1789 г. бальяжи служили избирательными округами.

Бенефиций — так назывались во Франции старого режима церковные и монастырские земли. Сидевшие на этих землях крестьяне платили все феодальные повинности в церковную казну. В эпоху происхождения феодализма бенефицием называлось земельное пожалование короля или крупного землевладельца вместе с правом администрации и суда над населением жалуемой земли, под условием службы со стороны жалуемого и покровительства со стороны жалователя. Таким образом бенефиций играл важную роль в происхождении феодального строя. Бенефиций играл также большую роль и в образовании крупного землевладения феодальной церкви.

Бишэ — старинная мера объема, различная в разных частях Франции, колебавшаяся от $^1/_5$—$^2/_5$ гектолитра.

Британик (42—56 по Р. Х.) — сводный брат римского императора Нерона (см.), отравленный этим последним.

Брут (около 80—42 до Р. Х.) — римский государственный деятель и философ, сторонник республиканских традиций, один из убийц Цезаря (см.).

Буассо — старинная мера сыпучих тел во Франции, весьма различная в разных частях страны, колебавшаяся от 13 до 106 литров.

Департаменты. — Декретом 15 января 1790 г. Учредительное собрание упразднило старинные территориальные подразделения Франции и ввело единообразное административное подразделение на 83 (впоследствии 89) департаментов; департаменты делились на дистрикты, кантоны и муниципалитеты, причем все власти в этих подразделениях были выборными.

Десятина — церковная, одна из главных статей дохода феодальной церкви, состоявшая в принудительном отчислении части урожая или приплода скота прихожан. Десятина часто сдавалась на откуп или покупалась светскими феодалами. В дореволюционной Франции общая сумма десятинных поборов доходила до 120 млн. ливров. Десятина была уничтожена Учредительным собранием.

Дистрикт — см. Департамент.

Интенданты — так назывались во Франции XVII—XVIII вв. главные агенты королевской власти на местах. При помощи интендантов эта власть боролась с остатками феодального сепаратизма. Как представители власти короля, они вмешивались решительно во все стороны жизни провинций, постепенно лишая значения старинные феодальные учреждения. Интенданты часто вербовались из представителей буржуазии.

Интердикт — запрещение совершать богослужения и все религиозные обряды, налагавшееся папами и высшими сановниками католической церкви на отдельных лиц и даже на целые страны.

Квинтал — мера веса, равная во Франции XVIII в. приблизительно 48,9 *кг*.

Ливр — серебряная монета во Франции XVIII в., приблизительно равная золотому франку.

Луидор — золотая монета во Франции XVII—XVIII вв., равная 20 ливрам.

Муниципалитеты — городские самоуправления во Франции старого режима, в которых вся власть фактически принадлежала кучке наиболее богатых горожан. Во время революции муниципалитетами стали называться и городские и высшие сельские органы самоуправления.

Мучная война — так называются волнения, возникшие в мае 1775 г. в Париже и его окрестностях и в Дижоне, в связи с эдиктом Тюрго об отмене правительственного нормирования хлебной торговли. Отмена правительственной опеки, в связи с неурожаем 1774 г., вызвала сильное вздорожание хлеба; начались волнения, принявшие в районе Парижа форму организованного мятежа.

Мюи — старинная французская мера объема, весьма различная в разных местах, в среднем равная 3 тыс. литров.

Мюскадены — так называлась враждебная революции золотая молодежь эпохи первой республики.

Наказы. — Депутаты, которые были избраны весной 1789 г. в Генеральные штаты (старинное сословное представительство), превратившиеся 20 июня того же года в Учредительное собрание, получили *наказы* от избирательных собраний. Эти многочисленные «тетради жалоб» (cahiers de doléances) содержат богатый материал для изучения дореволюционной Франции. Но на этих наказах лежит печать идеологии их редакторов, по большей части представителей интеллигенции и буржуазии.

Народные общества (sociétés populaires) — так назывались во время Великой французской революции политические клубы и организации, ставившие себе целью способствовать развитию революции; эти общества в большом количестве появились как в Париже, так и в провинции. Особо революционную роль народные общества играли в провинции, где во многих местах власть фактически была в их руках; особенно это надо сказать про годы наибольшего размаха революции.

Национальные имущества — государственный земельный фонд, образовавшийся из конфискованных во время Великой французской революции земельных владений церкви, эмигрировавшей аристократии и всех вообще врагов революции. Размеры этого фонда были громадны, он оценивался в сумму 5—10 миллиардов франков. Революция распродавала этот фонд, причем некоторая его часть попала в руки крестьянства; это способствовало развитию мелкой крестьянской собственности в буржуазной Франции XIX в.

Нерон — римский император (на престоле 54—58 по Р. Х.). Потомство сохранило главным образом память об его жестокости и деспотизме, чему сильно способствовали предания христианской церкви.

Огненные палаты — чрезвычайные судебные комиссии во Франции XVI—XVIII вв., назначавшиеся по мере надобности для разбирательства дел исключительной важности. Одним из главных заданий огненных палат были судебные преследования казнокрадов и отравителей.

Парижские секции. — Декретом 21 мая 1790 г. Учредительное собрание разделило Париж на 48 секций, причем каждая из них представляла собой самоуправляющуюся единицу. Высшим органом в каждой секции было общее собрание всех правоспособных граждан. Высшим органом самоуправления Парижа была Коммуна Парижа, состоявшая из 147 выборных членов.

Парламенты — верховные судебные органы во Франции старого режима, происхождение которых было современно начальным периодам развития французского королевства. Парламенты имели большое общеполитическое значение, их компетенция простиралась почти на все стороны государственной жизни; они неоднократно делали попытки борьбы с королевским абсолютизмом, защищая феодальные привилегии высших сословий. К эпохе Великой французской революции значение парламентов сильно пало.

Первичные собрания — так назывались в конституции 1791 г. избирательные собрания всех «активных» (имевших избирательные права) граждан, избиравшие по одному выборщику на 100 первичных избирателей. Первичные собрания выступали как политические единицы в дальнейшем развитии революции и помимо выборных кампаний.

Пипа — старинная мера объема для жидкостей во Франции, весьма различная в разных местах. В Париже пипа равнялась приблизительно 4 000 литров ($1^1/_2$ мюи).

Питт, Вильям, младший (1759—1806) — английский премьер-министр (1783—1804), принадлежал к партии вигов и сначала относился сочувственно к событиям Великой французской революции. Радикальная политика Конвента сделала Питта заклятым врагом Франции и революции.

Плуг — старинная и очень неопределенная мера поверхности: пространство земли, которое можно обработать в один день одним плугом; плуг был приблизительно равен 30 арпанам.

Подвальные крысы — так называли сборщиков косвенных налогов, особенно винного акциза, во Франции старого режима; эти сборщики имели право доступа во все погреба в любое время.

Проконсул — верховное административное лицо в римских провинциях, особенно в эпоху республики, имевшее почти неограниченные полномочия и назна-

чавшееся Сенатом из отслуживших свой срок консулов Римской республики, а позже и из других высших магистратов.

Разьер — старинная мера сыпучих тел, употреблявшаяся в северной Франции, величина которой колебалась от 61 до 190 литров.

Санкюлоты—буквально,—люди, не носившие коротких штанов (кюлот), обычного костюма дворянства. Так назывались горячие сторонники революции из народной массы в противоположность аристократам.

Сеньерия — территория, население которой было обязано сеньеру различными феодальными повинностями. Во Франции XVIII в. сеньерией назывался также мелкий судебный округ.

Сибарис — древне-греческий город в южной Италии, жители которого были известны роскошью своей частной жизни.

Сетье — старинная мера объема, равная $^1/_{12}$ мюи. (См. мюи.)

Синие — так называли контр-революционеры Вандеи сторонников революции и республиканских солдат.

Спарта — знаменитый город и государство древней Греции, суровый образ жизни и военные качества граждан которого вошли в поговорку.

Тюрго (1727 — 1781) — крупный ученый и государственный деятель, в течение двадцати месяцев фактически первый министр Людовика XVI. Примыкал к школе физиократов (см.). энергично пытался вести экономическую политику в духе отмены правительственной регламентации промышленности и торговли и борьбы с феодальными пережитками в области хозяйственных отношений. Но на своем посту не удержался и пал в результате ненависти к нему придворных и дворянских кругов.

Тацит — (около 55 — около 140 по Р. Х.) — римский историк.

Федераты — так назывались члены «федераций» — бесчисленных обществ защиты революции и родины, самопроизвольно возникших и покрывших всю Францию, начиная с лета 1789 г. В этом движении сильно сказалось стремление к национальному единению, столь враждебное старому режиму с его феодальными провинциями и сословными перегородками

Физиократы — французская школа экономистов второй половины XVIII в. основателем которой был Кенэ, врач Людовика XV. Физиократы считали, что почва, природа (фюзис—по-греч.), является единственным самостоятельным производителем новых стоимостей и поэтому интенсивное земледелие есть основа государственного богатства. Физиократы были убеждены, что жизнь человеческого общества подчиняется естественным законам, подобным законам природы; поэтому они были врагами всякой регламентации. Сельское хозяйство они мыслили организованным в крупном масштабе. Маркс считал, что «физиократическая система была первой систематической концепцией капиталистического производства».

Цезарь Юлий (около 100 — 44 до Р. Х.) — знаменитый римский полководец, писатель и государственный деятель; как диктатор и только формально непровозглашенный монарх Цезарь пал жертвой республиканского заговора, одним из участников которого был Ю. Брут.

Эшевены — выборная коллегия, возглавлявшая городские самоуправления во Франции старого режима. Происхождение эшевенов, как и соответствующих им коллегий в других государствах Западной Европы, связано с самим зарождением и первоначальным развитием европейских городов. Во Франции XVIII в. эшевены представляли собой оторванную от городской массы коллегию представителей привилегированной буржуазии.

Юнг. А. (1741—1820) — английский писатель и путешественник, главным образом интересовавшийся вопросами сельского хозяйства, горячий поборник его интенсификации. Он много путешествовал по Франции, и его описания французской деревни являются драгоценным источником для изучения положения французского крестьянства до революции.

Юрнал — старинная французская мера поверхности, чрезвычайно различная в разных частях страны — количество земли, которое можно было обработать в один день одному человеку. В Париже юрнал равнялся 3 200 кв. метрам, в Каптье — 11 400 кв. метр.